В 1-ом стр. 137; статья 16 "Техника! Современные задачи и ее основные курсы" — стр 172-191 (в 1-ом лишь стр 139-191)
Стр. 22, 324, 378, 380.

Сборникъ статей.

Антонова.
А. Баха.
Е. Брешковской
Ю. Гарденина.
Г. Гершуни.
М. Гоца.
И. Каляева.
Н. Максимова.
П. Новобранцева.
Б. Савинкова.
Тарасова.

1352.

Выпускъ I-й

1908 Г.

Пров 38

752
38

Типографія А. П. Поплавскаго. Москва, Лялинъ пер. с д.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ начала 1902 г. по октябрь мѣсяцъ 1905 г. заграницей регулярно выходила газета «Революціонная Россія» въ качествѣ органа сформировавшейся тогда объединенной «Партіи соціалистовъ-революціонеровъ».

За этотъ періодъ подпольнаго существованія систематическки формировались и провѣрялись на фактахъ текущей дѣйствительности идейныя основы программы и тактики партій, впослѣдствіи санкціонированныя партійными съѣздами.

Настоящій сборникъ имѣетъ цѣлью подвести частичные итоги производившейся за данный періодъ интенсивной идейной и литературно-руководящей работы.

Соображенія экономіи заставили насъ опустить многое, что въ интересахъ полноты безусловно требовало бы внесенія въ данный сборникъ.

Мы опустили въ особенности статьи, уже до сихъ поръ такъ или иначе воспроизведенныя въ легальной русской литературѣ. Таковы статьи Ю. Гарденина: «Къ вопросу о теоретическомъ обоснованіи соціализма», «Къ теоріи классовой борьбы» (3 статьи), «Нѣкоторыя особенности нашей программы», Н. К. Михайловскій (4 статьи), «Программа-максимумъ и программа-минимумъ», «Соціализація земли», «Марксъ и Энгельсъ объ общинѣ», «Крестьянскій вопросъ прежде и теперь», «Одинъ изъ сторонниковъ выкупа».

Изъ остальныхъ статей мы выбирали однѣ и опускали другія, руководясь слѣд. основными соображеніями: 1) возможно полно, но и возможно равномѣрно представить разные отдѣлы и 2) по возможности, ознакомить читателей со всѣми, сотрудничавшими въ газетѣ, авторами.

Мы даемъ подъ статьями подписи ихъ авторовъ. Статьи, представляющія плодъ коллективнаго творчества редакторовъ, или подвергнувшіяся коренной редакціонной переработкѣ, мы отмѣчали просто подписью «Ред». Тѣ изъ этихъ статей, которыя вскорѣ послѣ своего появленія на страницахъ газеты были переизданы съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями въ сборникѣ «По вопросамъ программы и тактики» (въ 1903 году), мы перепечатываемъ по тексту этого сборника, въ виду его несомнѣнныхъ преимуществъ (устраненія мелочей, не имѣющихъ длительнаго значенія, сведенія нѣсколькихъ статей въ одну, во избѣжаніе повтореній, и т. п.).

С.-Петербургъ. 3 февраля 1908 г. *Ред.*

Карлъ Марксъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, 14-го марта 1883 г., умеръ человѣкъ, исторія умственнаго развитія котораго переплетена тысячью нитей съ исторіей развитія научнаго соціализма; умеръ человѣкъ, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто либо, для превращенія соціализма въ науку... «Какой свѣтильникъ разума погасъ! какое сердце биться перестало!»

Да, величавая мысль этого человѣка и его смѣлое, мощное сердце взаимно дополняли другъ друга и своей гармоніей создавали изъ Карла Маркса ту могучую, цѣлостную индивидуальность, которая сказывалась и въ каждомъ изъ его поступковъ, и въ каждомъ изъ его писаній. Энергическая, революціонная натура Маркса сообщала его уму ту неукротимость, ту послѣдовательность, тотъ порывъ, безъ котораго не можетъ быть революціонера въ области мысли... Огромный умъ Маркса былъ не мертвымъ логическимъ аппаратомъ, способнымъ сдѣлаться послушной игрушкой тѣхъ или другихъ внѣшнихъ вліяній, преходящихъ впечатлѣній жизни или какихъ бы то ни было постороннихъ видовъ и разсчетовъ. Этотъ умъ—самъ былъ живая, одухотворенная революціонная сила, прокладывавшая себѣ прямыя и широкія дороги тамъ, гдѣ до него было такъ много извилистыхъ и обманчивыхъ тропинокъ, на которыхъ было такъ легко потерять вѣрное направленіе къ цѣли...

Есть два рода умовъ. Одни поражаютъ всесторонностью, широтой своего размаха, смѣлостью, иногда переходящей въ рискованность—сближеній и гипотезъ; это—умы, для которыхъ творчество, обобщеніе, синтезъ, охватъ всей полноты жизни — есть родная стихія; умы, предпочитающіе смѣлой кистью рисовать контуры, силуэты, не останавливаясь на деталяхъ; умы, раскрывающіе широкіе горизонты, но скользящіе мимо точнаго обслѣдованія ближайшихъ предметовъ наблюденія.... Есть другіе умы, умы прежде всего аналитическіе: методичность, неумолимая послѣдовательность, точность и строгость — вотъ ихъ черты; имъ чужды скачки и паренія высоко надъ предметомъ; ихъ каждый шагъ обусловленъ предыдущимъ и строго отграниченъ отъ него; эти умы острымъ ножомъ анализа неумолимо и систематично расчленяютъ каждое явленіе на его составные элемен-

ты и нанизываютъ выводъ за выводомъ въ единую, непрерывную логическую цѣпь; эти умы могутъ замкнуться въ нѣсколько узкую сферу, но въ данной сферѣ они проработываютъ все съ удивительной глубиной и тщательностью...

Умы перваго рода приковываютъ къ себѣ вниманіе прежде всего широтой обобщенія и всесторонностью творческаго синтеза; умы второго рода—строгостью дедукціи и глубиной анализа. Умы перваго рода дѣйствуютъ страшно возбуждающе на другихъ, даютъ толчекъ ихъ собственной мысли, но за то оставляютъ часто слишкомъ мало прочнаго вліянія. Умы второго рода, напротивъ, обогащаютъ другихъ цѣлымъ рядомъ новыхъ, точно установленныхъ истинъ, властно ведутъ за собой, иногда даже совершенно порабощаютъ болѣе слабые умы, не оставляя никакого мѣста для ихъ самодѣятельности...

Марксъ обладалъ прежде всего именно такимъ дедуктивнымъ и аналитическимъ геніемъ. Даже враги, писатели буржуазнаго лагеря, съ невольнымъ уваженіемъ сознавались, что при чтеніи Маркса имъ приходится чувствовать себя какъ бы совершенно охваченными желѣзными тисками его неумолимой логики... И та основная, великая работа, въ которую Марксъ вложилъ громадную часть своихъ силъ—критика и реформа классической экономіи—какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала особенностямъ его генія.

Онъ самъ отмѣчалъ, что при сложности общественныхъ явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ одновременно разнообразные переплетающіеся факторы, соціальная наука заключаетъ огромную трудность: «анализъ экономическихъ формъ не можетъ пользоваться тѣми вспомогательными средствами, которыми расчленяетъ сложное химія: ни микроскопомъ, ни реактивами. Абстракція есть та единственная сила, которая можетъ служить здѣсь оружіемъ» *). И этимъ то оружіемъ Марксъ и воспользовался самымъ блестящимъ образомъ. Онъ взялъ за исходный пунктъ «фикцію» простого товарнаго производства, общества равныхъ производителей товаровъ, мысленно освободивъ его отъ всякихъ посторонніхъ, политическихъ, феодально-крѣпостническихъ и т. п. вліяній; общество, въ которомъ «дѣйствія людей въ процессѣ производства чисто атомистическія». Онъ въ самихъ людяхъ долженъ былъ отвлечься отъ того, что дѣлаетъ ихъ чѣмъ то инымъ, кромѣ ихъ роли, какъ производителей товара и представителей этого товара на рынкѣ... «Лица относятся здѣсь другъ къ другу лишь настолько, насколько ставятъ извѣстныя вещи другъ къ другу, какъ товары.... Одинъ человѣкъ существуетъ при этомъ для другого, только какъ представитель товара...» Люди для такого изслѣдованія «суть только олицетворенія экономическихъ отношеній, представителями которыхъ они являются одинъ отно-

*) См. предисловіе его къ первому изд. I т. «Капитала» (цитируемъ по французскому изд.).

сительно другого». Эта абстракція и была для Маркса той изолированной отъ посторонних пертурбаціонныхъ вліяній средой, въ которой должны быть послѣдовательно испытаны характерныя дѣйствія различныхъ экономическихъ реагентовъ, каждаго порознь, и всѣхъ вмѣстѣ въ опредѣленной, строгой послѣдовательности, приблизительно въ порядкѣ ихъ историческаго происхожденія... Въ результатѣ такого строгаго, методическаго изслѣдованія и должны были получиться законы и тенденціи «внутренней, такъ сказать, идеально-средней организаціи капиталистическаго способа производства». И въ трехъ томахъ «Капитала» Марксъ почти исчерпалъ эти тенденціи; почти, потому что эта колоссальная задача не была доведена имъ до конца, и II-Ш томы его труда представляютъ собой только сухой, логическій скелетъ того, что Марксъ хотѣлъ облечь въ плоть и кровь реальной, фактически изученной жизни...

Эта абстрактная экономическая теорія вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ методомъ, которымъ она выработана, и есть главное историческое духовное наслѣдство, оставленное намъ Марксомъ. Значеніе этого наслѣдства настолько громадно, что его трудно переоцѣнить... Выковано то оружіе, которымъ соціализмъ проникаетъ въ сокровенныя глубины современнаго народохозяйственнаго механизма, озаряя ихъ яркимъ свѣточемъ знанія. Это первое и главное. Установленъ цѣлый рядъ общихъ законовъ и тенденцій, дѣйствующихъ повсюду, куда проникаетъ товарное, денежное и капиталистическое производство и постольку, поскольку оно проникаетъ. Это второе, не менѣе важное и цѣнное. Конечно, это еще далеко не все, что необходимо соціалисту для научнаго обоснованія его программы. Общая экономическая теорія, какъ мы видѣли, отвлекалась въ людяхъ отъ всего «человѣческаго», принимая ихъ за чистые кристаллы «хозяйственныхъ категорій». Общая экономическая теорія и въ аренѣ дѣятельности людей отвлекалась отъ конкретнаго различія мѣстныхъ исторически-данныхъ условій... Климатъ, почва, географическое положеніе, раса, переживанія докапиталистическихъ формъ; сила общественнаго инстинкта и переживаній доисторическаго, зоологическаго типа въ человѣкѣ; роль интеллекта и различныхъ формъ «внѣ-экономической силы», посредствомъ которой возможно «сознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе общества на самопроизвольныя формы его процесса производства»; все это—элементы реальной жизни, которые должны быть изучены порознь и въ совокупности, абстрактно и въ конкретныхъ комбинаціяхъ, представляемыхъ дѣйствительностью. Общая экономическая теорія отвлекалась отъ этихъ факторовъ не потому, чтобы ихъ значеніе было ничтожно, и не для того, чтобы совершенно ихъ игнорировать. Она отвлекалась отъ нихъ, напротивъ, для того, чтобы дать возможность отличить ихъ модифицирующее, видоизмѣняющее вліяніе отъ общихъ тенденцій опредѣленныхъ хозяйственныхъ явленій, какъ таковыхъ, въ ихъ внутренней сущности...

Въ приложеніяхъ своего метода къ фактамъ дѣйствительности Марксу, конечно, приходилось и ошибаться. Наканунѣ 20-лѣтней годовщины смерти Маркса, такой хранитель ортодоксальнаго марксизма, какъ Каутскій, счелъ себя вынужденнымъ, однако, заявить, что «изъ выводовъ, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ на основаніи своего научнаго метода, нѣкоторые рухнули; и по отношенію къ еще большему числу была бы доказана ихъ отсталость, если бы безнадежный натискъ на научный методъ марксизма, къ сожалѣнію, не привелъ къ тому, что изъза отпора этимъ безплоднымъ нападкамъ не попала въ непріятное положеніе истинно плодотворная и прогрессивная критика духовнаго наслѣдства Маркса и Энгельса». Но эти ошибки ни мало не колеблятъ научнаго значенія метода Маркса. Онѣ проистекали отчасти изъ отсутствія въ его время болѣе точной и полной хозяйственной статистики, безъ которой приходилось ввѣряться глазомѣру; отчасти же онѣ имѣли своимъ источникомъ ту могучую революціонную страсть, которая всегда склонна преувеличивать темпъ историческаго развитія и близость развязки.... И въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что величіе личности Маркса сказывалось въ нѣкоторыхъ его промахахъ не менѣе, чѣмъ въ его сужденіяхъ, оправданныхъ жизнью...

Мы уже видѣли, что колоссально-трудная задача выработки научнаго метода изслѣдованія буржуазнаго хозяйственнаго строя и установленія общихъ его законовъ и тенденцій поглотила всѣ силы Маркса. Ars longa, vita brevis.... «Свѣтильникъ разума» Маркса погасъ вмѣстѣ съ его жизнью наканунѣ окончанія этого труда. А передъ умственнымъ взоромъ Маркса рисовались за планомъ этого труда другіе грандіозные планы... Но имъ не суждено было осуществиться. Правда, оцѣнивая текущія событія и отрываясь для этого отъ основного теоретическаго труда, Марксъ успѣлъ дать нѣсколько классическихъ образчиковъ опредѣленія, такъ сказать, взаимнаго удѣльнаго вѣса различныхъ сторонъ, и элементовъ соціальной жизни—для опредѣленныхъ странъ, въ опредѣленные періоды. Правда, основной теоретическій трудъ Маркса заключаетъ въ себѣ не мало отдѣльныхъ экскурсій изъ области экономіи въ область общей соціологіи... Правда, Марксъ пытался сформулировать нѣсколько общихъ положеній соціалистической науки, имѣющихъ цѣлью охватить всю совокупность сторонъ и элементовъ многосложной соціальной жизни. Правда, наконецъ, что ему не разъ приходилось въ самыхъ общихъ чертахъ высказывать и свои общефилософскія воззрѣнія. Но здѣсь онъ не далъ намъ труда, равнаго по своему значенію произведенной имъ работѣ въ сферѣ экономіи. Мало того. Тотъ фактъ, что центръ тяжести его работъ лежалъ въ сферѣ экономіи, что произведенный въ этой области колоссальный трудъ давалъ такъ много для объясненія экономической стороны исторіи, столь важной для уясненія и другихъ ея сторонъ—имѣлъ результатомъ то, что соціологическія

воззрѣнія Маркса были изложены имъ въ формулировкахъ, часто односторонних, давшихъ множество поводовъ къ недоразумѣніямъ. Недаромъ даже впослѣдствіи alter ego Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, при всей «ортодоксальности» своего «экономическаго матеріализма», вынужденъ былъ сдѣлать такое, напр., признаніе: «Въ томъ, что наше младшее поколѣніе порою въ большей степени, чѣмъ слѣдуетъ, переносило центръ тяжести на экономику, я и Марксъ виноваты отчасти сами. Въ противовѣсъ нашимъ противникамъ, намъ приходилось особенно подчеркивать главный отрицаемый ими принципъ, и потому мы не всегда имѣли достаточно времени, мѣста и поводовъ отдать должное остальнымъ моментамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи».

Но въ исторіи системъ и направленій случайные пробѣлы учителя рѣже исправляются и пополняются, чѣмъ возводятся въ принципъ ревностными учениками. Такъ случилось и съ исторіософіей Карла Маркса. Имѣя это въ виду, Энгельсъ говорилъ: «Къ тому же, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, случается, что люди воображаютъ, будто совершенно постигли новую теорію и могутъ безъ дальнѣйшихъ околичностей примѣнять ее къ дѣлу, въ то время, какъ на самомъ то дѣлѣ едва усвоили ея основныя положенія, да и то не совсѣмъ вѣрно. И я не могу освободить отъ этого упрека нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ «марксистовъ», ибо въ этомъ отношеніи ими допускались удивительныя вещи...»

Эти слова Энгельса напоминаютъ намъ о знаменитыхъ словахъ Маркса: «что касается до меня, то я не марксистъ». К. Марксъ не всегда былъ счастливъ въ своихъ ученикахъ. Мы уже говорили выше объ особенностяхъ марксовскаго ума, сообщавшихъ ему нѣкоторую прямо подавляющую, порабощающую силу. Законченность и методичность этой желѣзной логики, которая не вела, не звала, а т а щ и л а за собой, отчасти и привела къ тому, что, выражаясь остроумнымъ жаргономъ Глѣба Успенскаго, «великій К а р л ъ породилъ такъ много к а р л и к о в ъ»...

Дѣло Маркса не закончено... Развитіе научнаго соціализма ждетъ новыхъ работниковъ особенно въ тѣхъ областяхъ, которыхъ творческая сила марксовскаго ума едва коснулась или коснулась лишь односторонне. Это—верхніе этажи соціальной науки, это—философія обществознанія, это—научная революціонная этика, это, наконецъ, область тѣхъ общефилософскихъ и теоретико-познавательныхъ предпосылокъ, которыя обезпечили бы революціонному міросозерцанію тотъ цѣлостный, жизненный и глубоко реальный характеръ, который одинъ представляетъ достаточныя гарантіи противъ всякихъ догматическихъ и метафизическихъ грѣхопаденій какъ по ту, такъ и по сю сторону опыта. Въ этой сферѣ и будетъ главнымъ образомъ происходить прогрессъ научно-соціалистическаго міросозерцанія, которому былъ данъ такой могучій толчекъ общественно-экономическими изысканіями Карла Маркса. Здѣсь—широкое поприще для творческой, созидатель-

ной работы, которое еще ждетъ такихъ же революціонеровъ мысли, какимъ былъ великій покойникъ, духъ котораго живетъ въ соціалистическихъ партіяхъ цивилизованнаго міра.

* * *

Но Карлъ Марксъ былъ не только революціонеръ въ области мысли, онъ былъ и революціонеръ на аренѣ непосредственной, жизненной борьбы. Его научный анализъ буржуазнаго хозяйственнаго строя безпощадно разоблачилъ въ самыхъ основахъ этого строя - источникъ разрушительныхъ, темныхъ, античеловѣчныхъ вліяній, дѣлающихъ изъ капитала хищное чудовище, «изо всѣхъ поръ котораго сочится кровь и грязь».... Этотъ научный анализъ и далъ прочную основу той непримиримой, революціонной борьбѣ, которая не можетъ остановиться на полдорогѣ, которая должна разрушить буржуазное общество въ самыхъ его основаніяхъ... Этотъ анализъ установилъ принципіальныя основы того будущаго, соціалистическаго общества, которое одновременно является для насъ и общественно-этическимъ идеаломъ «царства свободы и развитія человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью», и научнымъ предвидѣніемъ. Во имя этого идеала, во имя революціонной борьбы за него раздался кличъ «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», и униженный согбенный работникъ высоко поднялъ свою голову, озаренную свѣтлою, бодрящею мыслью о томъ, что дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса...

Революціонеръ до мозга костей, Карлъ Марксъ былъ чуждъ шаблоновъ доктринерства и былъ чутокъ къ истинно-революціонному дѣлу, въ какія бы конкретныя формы ни облекалось оно въ зависимости отъ условій мѣста и времени. И отношеніе Маркса къ русскимъ революціонерамъ, къ борцамъ Народной Воли, является лучшимъ доказательствомъ этого.

«Россія представляетъ собою передовой отрядъ революціоннаго движенія въ Европѣ»—писали Марксъ и Энгельсъ въ разгарѣ борьбы Народной Воли, въ январѣ 1882 года. И съ величайшимъ вниманіемъ присматривался Марксъ къ программѣ и тактикѣ этого «передового отряда». Въ послѣднемъ № «Былого» воспроизведенъ, напримѣръ, экземпляръ «программы рабочихъ членовъ Партіи Народной Воли», находившійся въ рукахъ Маркса и испещренный его отмѣтками... Марксъ вычеркиваетъ два мѣста, въ которыхъ ему видятся отголоски анархизма. Съ другой стороны, онъ особенно подчеркиваетъ цѣлый рядъ мѣстъ, характерныхъ для народовольческой программы и тактики среди рабочихъ.

«Сила рабочаго народа—въ союзѣ всѣхъ работниковъ». «Для того, чтобы добиться чего бы то ни было, рабочіе должны соста-

влять силу, способную напирать на правительство и, при надобности, готовую поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ». Тайныя рабочія организаціи «устраиваютъ, гдѣ нужно, стачки противъ фабрикантовъ и готовятся къ борьбѣ съ полицейскими и правительственными властями, всегда стоящими за фабриканта». Въ своей стихійной борьбѣ «народъ всегда можетъ разсчитывать на вѣрнаго союзника—соціально-революціонную партію. Кромѣ нея у народа нѣтъ вѣрныхъ союзниковъ». Что касается до тѣхъ не-трудовыхъ общественныхъ элементовъ, которые «испытали на своей шкурѣ произволъ полицейскій и чиновничій и охотно помогли бы народу съ нимъ покончить», то «рабочій народъ не долженъ отвергать этихъ людей: выгодно добиваться расширенія свободы рука объ руку съ ними. Нужно лишь, чтобъ рабочіе не забывали, что ихъ дѣло на этомъ не останавливается, что вскорѣ придется разстаться съ этимъ временнымъ другомъ». И «при этомъ тотъ общественный и государственный порядокъ, котораго желаемъ мы, соціалисты-работники, долженъ служить людямъ путеводною звѣздою, чтобы они не сбились и не попали въ новыя цѣпи, въ новую кабалу». «Изъ теперешняго гибельнаго порядка одинъ выходъ—насильственный переворотъ», и этотъ переворотъ—«необходимъ и возможенъ». Эти и многія другія подобныя мѣста особенно отмѣчены Марксомъ, и нѣтъ нужды пояснять смыслъ этихъ отмѣтокъ...

Такимъ же образомъ отмѣчены и еще два существенные пункта народовольческой рабочей программы. Это, во первыхъ, пунктъ, въ которомъ народовольцы констатировали, что главная численная сила русской рабочей арміи—въ крестьянствѣ, что поэтому наши городскіе рабочіе «отдѣльно отъ крестьянства всегда будутъ подавлены», «если же они будутъ постоянно ставить себя рядомъ съ крестьянствомъ, склонять его къ себѣ и доказывать, что вести дѣло слѣдуетъ заодно общими усиліями, тогда весь рабочій народъ станетъ несокрушимой силой». Марксъ не могъ не отмѣтить этого мѣста, ибо въ это время онъ констатировалъ уже, что «эксплуатація крестьянъ только по своей ф о р м ѣ отличается отъ эксплуатаціи рабочихъ»; что «эксплуататоръ у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же—капиталъ»; что «только паденіе капитала можетъ повести къ подъему крестьянства, только антикапиталистическое, пролетарское правительство можетъ сломить гнетъ его экономической нужды и общественной деградаціи»; что, наконецъ, «демократически-соціальная, красная республика—это диктатура естественнаго союзника крестьянъ».

Другой, отмѣченный въ той же программѣ Марксомъ пунктъ, гласитъ, что «партія выдѣляетъ изъ себя боевой органъ, который нападаетъ на правительство, разстраиваетъ его, приводитъ въ замѣшательство, и этимъ облегчаетъ всѣмъ недовольнымъ—народу, рабочимъ и всѣмъ доброжелательнымъ имъ людямъ—подняться и произвести повсемѣстный переворотъ». Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Марксъ ту непосредственную боевую тактику на-

родовольцевъ, благодаря которой одно время русскій царь былъ —по выраженію Маркса—«содержащимся въ Гатчинѣ военноплѣннымъ русской революціи». Онъ даже доходилъ въ этомъ отношеніи иногда до крайности, отодвигая передъ задачами непосредственной борьбы—на второй планъ задачи чисто-соціалистической пропаганды...

Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ интересное письмо Германа Лопатина о его разговорахъ съ Марксомъ и Энгельсомъ *). Оказалось, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, какъ и самъ Лопатинъ—были убѣждены, что самая насущная и очередная задача революціонной партіи въ Россіи «въ данную минуту не въ пропагандѣ новаго соціалистическаго идеала и даже не въ стремленіи осуществить этотъ далеко еще не выработанный идеалъ съ помощью составленнаго изъ нашихъ товарищей временнаго правительства, а въ направленіи всѣхъ силъ къ тому, чтобы: 1) или принудить государя созвать земскій соборъ, 2) или же путемъ устрашенія государя и т. п. вызвать такіе глубокіе безпорядки, которые привели бы иначе къ созыву этого собора или чего либо подобнаго». Въ объясненіе этого взгляда Маркса-Энгельса надо припомнить, что для нихъ европейскій пролетаріатъ въ ту эпоху казался гораздо болѣе подготовленнымъ къ рѣшительной, окончательной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ, чѣмъ то оказалось... И, глядя съ надеждою на ближайшее же будущее, Марксъ и Энгельсъ съ опасеніемъ устремляли свой взоръ на русскій абсолютизмъ и на его готовность, всегда, какъ во времена венгерской кампаніи, силой оружія поддержать расшатанный «порядокъ» въ Европѣ... И вотъ почему гибель царизма по своимъ международнымъ послѣдствіямъ представлялась имъ фактомъ неизмѣримо важнымъ, способнымъ расчистить свободную дорогу побѣдоносному шествію международнаго революціоннаго пролетаріата,—и «вызвать во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства». Вотъ почему они называли Россію «Франціей нынѣшняго вѣка», страной, которой «законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная иниціатива новаго соціальнаго переустройства».

Марксъ и Энгельсъ были убѣждены, что такъ какъ «не существуетъ страны, въ которой, несмотря на всю первобытную дикость ея гражданскаго общества, капиталистическій паразитизмъ былъ бы такъ развитъ, какъ въ Россіи, гдѣ вся страна, вся масса населенія запутана въ его сѣтяхъ» **), то направить въ ней разъ начавшійся переворотъ «въ спокойное русло конституціи» есть «иллюзія», ибо революцію, какъ бы она ни началась, «неизбѣжно продолжатъ и скоро выведутъ изъ ея перваго конституціоннаго фазиса крестьяне» ***). И вотъ почему—свидѣтельство-

*) Точность передачи Лопатинымъ мыслей Энгельса и Маркса не подлежитъ сомнѣнію, ибо опубликованіе этихъ разговоровъ произошло въ 1839 г. съ разрѣшенія Энгельса.

**) «Фр. Энгельсъ о Россіи», пер. Засуличъ, стр. 8.

***) Тамъ же, стр. 19.

валъ Лопатинъ—«онъ вѣритъ, какъ и я, что подобный соборъ неизбѣжно приведетъ къ радикальному, не только политическому, но и соціальному переустройству. Онъ вѣритъ въ громадное значеніе избирательнаго періода, въ смыслѣ несравненно болѣе успѣшной пропаганды, чѣмъ всѣ книжки и сообщенія на ухо. Онъ считаетъ невозможной чисто-либеральную конституцію, безъ глубокихъ экономическихъ перестроекъ, и потому не боится этой опасности. Онъ вѣритъ, что въ фактическихъ условіяхъ народной жизни накопилось достаточно матеріала для перестройки общества на новыхъ началахъ. Конечно, онъ не вѣритъ въ моментальное осуществленіе коммунизма или чего-либо подобнаго, но лишь того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. Онъ вѣритъ, что народъ съумѣетъ найти себѣ краснорѣчивыхъ выразителей своихъ нуждъ и стремленій и т. дал. Онъ вѣритъ, что, разъ начавшись, это переустройство, или революція, не можетъ быть остановлена никакими силами. Важно поэтому, только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народъ и общество изъ состоянія косности и неподвижности, произвести такой безпорядокъ, который принудилъ бы правительство и народъ заняться внутреннимъ переустройствомъ, который всколыхнулъ бы спокойное народное море и вызвалъ бы всенародное вниманіе и всенародный энтузіазмъ къ дѣлу полнаго общественнаго переустройства. А результаты явятся сами собою, и именно тѣ, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи».

Съ точки зрѣнія Энгельса и Маркса, революціонное движеніе европейскаго пролетаріата, конечно, не только само получило бы огромный толчекъ отъ побѣды русской революціи надъ абсолютизмомъ, но и обратно—само оказало бы не менѣе могущественное вліяніе на судьбы разъ начавшейся при такихъ условіяхъ, русской революціи. И, въ частности, они заканчивали свое предисловіе къ русскому изданію «Коммунистическаго манифеста» знаменитыми словами, выражавшими ихъ твердое убѣжденіе, что «если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ дополнятъ одна другую, то современное русское (общинное) землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія...»

Мы уже говорили, что революціонный темпераментъ Маркса заставлялъ его преувеличивать темпъ соціально-историческаго развитія.... Перспективы, которыя казались ему столь близкими, отодвинулись силою вещей въ болѣе отдаленное будущее, и плодовъ ихъ «дано вкусить лишь дальнему потомку».... Пусть же «дальніе потомки» великаго мыслителя-революціонера въ 20-ю годовщину его смерти вспомнятъ, его лучшіе революціонные и соціалистическіе завѣты. Пусть вдохновятся они его образомъ для такой же непримиримой, рѣшительной, смѣлой, энергичной борьбы, какую Марксъ проповѣдывалъ словомъ и дѣломъ.

Пусть, въ частности, русскіе революціонеры вспомнятъ, какъ относился К. Марксъ къ вопросамъ русской революціонной тактики. Это будетъ для нихъ лишнимъ стимуломъ отрѣшиться отъ догмъ и шаблоновъ, перейти, къ практическому революціонизму отъ революціонизма словеснаго, къ энергической непосредственной революціонной борьбѣ отъ пустой революціонной фразеологіи!

Мартъ 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

Къ вопросу объ эволюціи германской соціальдемократіи.

Въ партійной литературѣ германской соціальдемократіи наступило въ послѣднее время значительное оживленіе. Ребромъ поставленъ вопросъ о путяхъ и средствахъ соціальной революціи — огромный вопросъ, сразу привлекшій къ себѣ общее вниманіе и оттѣснившій на второй планъ болѣе мелкіе вопросы повседневной партійной тактики. Сами эти «вопросы дня» получили сразу болѣе широкое и всестороннее освѣщеніе, когда въ центрѣ ихъ, на первомъ планѣ сталъ вопросъ о конкретныхъ формахъ, въ которыхъ возможна побѣда рабочаго класса надъ силами современнаго режима.

Мы постараемся систематически знакомить нашихъ читателей съ возгорѣвшимися въ нѣмецкой соціальдемократической литературѣ дебатами по этимъ насущнымъ, назрѣвшимъ вопросамъ. Но для того, чтобы отдать себѣ полный отчетъ, почему выдвину-

лись эти вопросы въ настоящій моментъ, какое мѣсто занимаютъ они въ общемъ ходѣ соціальдемократическаго движенія въ Германіи, и что подготовило тѣ разнообразные и часто противоположные отвѣты на нихъ со стороны различныхъ фракцій нѣмецкой соціальдемократіи — для всего этого необходимо бросить хотя бы бѣглый ретроспективный взглядъ на предъидущую исторію партіи, и, въ особенности, на эволюцію, которой подверглось въ ея воззрѣніяхъ самое понятіе революціи вообще и соціальной революціи — въ частности.

*

* *

Въ первый, юный періодъ развитія соціальдемократической партіи подъ словомъ «революція» разумѣлось насильственное завладѣніе государственной властью со стороны угнетеннаго класса съ цѣлью осуществленія коренныхъ общественныхъ реформъ. Насиліе входило существеннымъ элементомъ въ понятіе революціи; оно, по удачному образному выраженію Маркса, является «повивальной бабкой» всякаго стараго общества, беременнаго новымъ. Тѣмъ болѣе этотъ элементъ необходимъ при совершеніи соціальнаго переворота, сопровождаемаго «диктатурой пролетаріата» и «экспропріаціей экспропріаторовъ». Въ извѣстномъ заключительномъ аккордѣ Коммунистическаго Манифеста мы читаемъ слѣдующія смѣлыя и гордыя слова авторовъ его: «Коммунисты считаютъ ниже своего достоинства скрывать свои взгляды и намѣренія. Они открыто заявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты только путемъ насильственнаго ниспроверженія всего существующаго общественнаго строя. Пусть же господствующіе классы дрожатъ передъ грозой коммунистической революціи. Пролетаріямъ же нечего терять въ ней, кромѣ собственныхъ цѣпей», и т. д.

Такое опредѣленіе революціи вполнѣ гармонировало съ идеями Маркса о борьбѣ классовъ, съ его взглядомъ на природу государственной власти и съ его излюбленнѣйшей идеей о предстоящей диктатурѣ пролетаріата, какъ неизбѣжной переходной ступени къ безклассовому соціалистическому обществу. Въ подобномъ же духѣ высказывался и Либкнехтъ, который въ своей брошюрѣ: «О политическомъ положеніи соціальдемократіи» (изд. 1869 г.), между прочимъ, заявлялъ, что «соціализмъ не есть болѣе вопросъ теоріи, а просто вопросъ силы, мощи (eine Machtfrage), который, подобно всякому другому вопросу мощи, можетъ быть разрѣшенъ не въ парламентѣ, а только на улицѣ, на полѣ сраженія»... Въ основѣ такихъ взглядовъ лежала совершенно справедливая мысль, что послѣдней инстанціей въ борьбѣ классовъ является всегда сила, простая, грубая, физическая сила, къ которой фатально аппелируютъ объ стороны въ рѣшительную истерическую минуту. Въ такую минуту

всякаго рода дипломатическіе переговоры, частныя уступки (или «реформы»), палліативныя средства отбрасываются въ сторону, какъ уже выѣденное исторіей яйцо, и на очередь выступаетъ роковой вопросъ жизни или смерти одного изъ двухъ классовыхъ противниковъ. Основная, принципіальная разница между революціонерами, съ одной стороны, и реформистами — съ другой, сводится, поэтому, главнымъ образомъ, вотъ къ чему. Реформисты признаютъ возможность мирнаго постепеннаго прогресса, чисто-эволюціоннаго врастанія стараго общества въ новое, соціалистическое. Съ этой точки зрѣнія, чисто-боевая подготовленность рабочихъ массъ вовсе не является необходимымъ фундаментомъ побѣды. Достаточно, будто бы, простого мирнаго «революціонизированія головъ». Задача соціалистической партіи, съ этой точки зрѣнія, въ томъ, чтобы выработать искусство отъисканія путей о б х о д а чисто боевыхъ конфликтовъ. Разъ принципіально возможность избѣжать киданія на вѣсы меча Бреннапризнана — все сводится уже къ выработкѣ соотвѣтственныхъ стратегическихъ или дипломатическихъ талантовъ. Съ точки зрѣнія революціонеровъ, напротивъ, чисто-боевая подготовленность, организованность и вооруженность—вотъ что рѣшаетъ дѣло; если при иныхъ исключительныхъ условіяхъ и возможна мирная уступка со стороны господствующихъ классовъ, то лишь подъ угрозой уже подготовленной насильственной революціи. Понятно, что въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія находится и различное отношеніе революціонеровъ и реформистовъ къ повседневной тактикѣ, различные и даже взаимно-противоположные методы политическаго «воспитанія» народныхъ массъ, находящихся подъ ихъ вліяніемъ.

«Реформизмъ» постепенно такъ развивался и упрочивался среди нѣмецкой соціальдемократіи, такъ незамѣтно вытѣснилъ и замѣнилъ революціонныя воззрѣнія эпохи «Коммунистическаго манифеста» и Парижской коммуны, что скоро наступилъ идейный кризисъ. Одни логически продолжали эту эволюцію и съ послѣдовательностью, достойною лучшей цѣли, сдѣлали всѣ естественные, крайніе выводы изъ реформизма, вплоть до ультра-оптимистической, прямо-таки маниловской пропаганды нѣкоторыхъ новоявленныхъ «ревизіонистовъ», разслабляющихъ и уничтожающихъ всякую революціонную энергію рабочаго класса своими убаюкивающими, миролюбивыми рѣчами о возможности преодолѣть всякую реакцію однимъ «спокойствіемъ и твердостью», завоеваніемъ общественнаго мнѣнія, безъ всякаго «революціоннаго авантюризма». Другіе, наиболѣе радикальные представители современнаго соціаль-демократизма, видимо, готовы спохватиться; они начинаютъ замѣчать, что господствовавшія ранѣе въ ихъ средѣ тактическіе воззрѣнія и пріемы нуждаются въ какихъ-то поправкахъ и дополненіяхъ, что въ нихъ, словомъ, далеко не все обстоитъ благополучно. Этотъ процессъ, однако, только что начинается. Дѣло въ томъ, что «радикальные» маркси-

сты ранѣе выступали въ вопросахъ теоріи, по преимуществу, какъ «ортодоксы», и это мѣшаетъ имъ свободнѣе отнестись къ вопросу объ необходимыхъ измѣненіяхъ въ смыслѣ революціонизированія тактики. Съ другой стороны, постепеновцы и оппортунисты, ранѣе выступавшіе въ роли теоретическихъ «ревизіонистовъ, только теперь начинаютъ перемѣнять фронтъ и обвинять бывшихъ «ортодоксовъ» въ покушеніяхъ на господствующую, «испытанную и оправданную опытомъ» соціальдемократическую тактику. Для «ортодоксовъ», однако, нѣтъ другого выхода. Старыя позиціи соціальдемократіи во многихъ отношеніяхъ оказываются устарѣвшими, и бороться противъ «ревизіонизма справа» можно только путемъ «ревизіонизма слѣва».

Правда, Каутскій однажды попробовалъ выйти изъ противорѣчиваго положенія, въ которое ставила его позиція защитника догмы, при необходимости, однако, ее реформировать, только въ революціонномъ, а не въ оппортунистическомъ духѣ. Онъ заявилъ, что многіе выводы Маркса оказались невѣрными, не устояли, и что, вѣроятно, такой же участи подверглись бы и еще многія положенія марксизма, если бы не ревизіонисты-бернштейніанцы, которые своимъ оппортунизмомъ скомпрометировали дѣло само-критики марксизма. Трудно сказать, насколько это заявленіе Каутскаго является полемическимъ маневромъ для прикрытія вынужденнаго отступленія съ нѣкоторыхъ «ортодоксальныхъ» позицій, и насколько—выраженіемъ его искренняго внутренняго тяготѣнія къ революціонной трансформаціи марксизма. Вѣрно лишь, что заявленіе его можетъ со временемъ послужить исходнымъ пунктомъ и для такой трансформаціи.

Но—по крайней мѣрѣ пока—дѣла «ревизіонизма слѣва» обстоятъ въ германской соціальдемократіи далеко не важно. Иные изъ горячо возстающихъ противъ «ревизіонистовъ» и «бернштейніанцевъ», въ сущности, являются врагами этого теченія просто изъ идейнаго консерватизма, на практикѣ же являются тѣми же оппортунистами, злоупотребляющими лишь звонкой революціонной фразеологіей. Исторія идейнаго развитія нѣмецкаго марксизма непроверженно свидѣтельствуетъ о томъ, что вовсе не Бернштейнъ, или, по крайней мѣрѣ, далеко не онъ одинъ является истиннымъ отцомъ современнаго «бернштейніанства»; что еще задолго до современнаго «ревизіонизма» подверглись «ревизіи» революціонныя традиціи эпохи «Коммунистическаго Манифеста» и «Парижской Коммуны» въ духѣ легализма, филистерскаго оппортунизма и миролюбиваго непротивленскаго реформизма; что даже многіе радикальнѣйшіе вожди нѣмецкой соціальдемократіи являлись «попустителями», а отчасти даже и пособниками этой тенденціи. Болѣе того, мы думаемъ, что даже и теперь, не смотря на всѣ революціонныя потуги многихъ, такъ наз. ортодоксальныхъ или радикальныхъ марксистовъ, они въ сущности всѣмъ своимъ тактическимъ, такъ сказать, поведеніемъ еще весьма мало отличаются отъ ихъ «правыхъ» товарищей-оппортунистовъ pur

sang. И Вольфгангъ Гейне не безъ ловкости воспользовался этой слабостью противниковъ, пустивши по ихъ адресу ядовитую выходку, «среди насъ нѣтъ направленія, стремящагося къ революціи, а есть лишь подогрѣтая мода на революціонно-кривляющуюся фразеологію, да и та есть не болѣе, какъ пѣна быстро проходящей волны, взбитой инородческими литераторами» (кивокъ на Парвуса и Розу Люксембургъ).

Уже въ 1872 году былъ нанесенъ первый ощутительный ударъ старому, вполнѣ ясному и точному, понятію «революція» и при томъ — замѣчательно! — никѣмъ инымъ, какъ самимъ же Либкнехтомъ. Очутившись въ этомъ году, вмѣстѣ съ Бебелемъ, на скамьѣ подсудимыхъ за «государственную измѣну» и стремленіе къ насильственному перевороту, Либкнехтъ защищался, между прочимъ, тѣмъ, что «Интернаціоналъ революціоненъ отнюдь не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. онъ вовсе не имѣетъ въ виду противозаконнаго подготовленія насильственнаго переворота. Самъ Марксъ—говорилъ Либкнехтъ—развивалъ ту мысль (?), что революція есть—неустанно пульсирующая жизнь общества (!). Мы хотимъ быть революціонерами лишь въ томъ смыслѣ, что соціальный вопросъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшенъ не палліативными средствами, не кухнями, для бѣдныхъ и потребительными обществами, а только радикальными мѣрами. Совершится ли это мирно или насильственно, зависитъ не отъ насъ, а отъ нашихъ противниковъ»... Въ этихъ словахъ Либкнехта замѣчается уже явный поворотъ къ расплывчатости, къ затушеванію революціоннаго момента. Конечно, совершится ли переворотъ насильственно или мирно, зависитъ отъ поведенія нашихъ противниковъ, въ томъ смыслѣ, что, согласись они безъ сопротивленія разстаться со своими буржуазными привиллегіями, революція сдѣлалась бы излишней. Но развѣ можно принудить ихъ къ этому чѣмъ нибудь, кромѣ именно «противозаконнаго подготовленія насильственнаго переворота»? Въ рукахъ буржуазіи—весь боевой механизмъ современнаго государства; что же, кромѣ подготовленія и организаціи рабочаго класса въ цѣляхъ «насильственнаго переворота», можетъ удержать ихъ отъ насильственнаго подавленія законныхъ домогательствъ рабочихъ? Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, вѣрно положеніе: «si vis pacem, para bellum». Соціализмъ, не отрицая самого себя, не можетъ отрицать, что его основная задача—подготовить рабочій классъ на случай надобности, для революціи «въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова». А между тѣмъ, и Бебель съ своей стороны всецѣло присоединился къ выше-приведеннымъ словамъ Либкнехта о революціи, какъ неустанно пульсирующей жизни, какъ о нѣкоторой суммѣ радикальныхъ мѣръ, независимо отъ вопроса о «насильственномъ переворотѣ»,—заявивъ, что «въ другомъ смыслѣ слово революція ими никогда и не употреблялось». Въ своей гораздо болѣе поздней рѣчи въ рейхстагѣ, въ 1881 году, тотъ же Бебель, ссылаясь на извѣстнаго буржуазнаго правовѣда

Блюнтчли, заявилъ, что «подъ революціей надо разумѣть конечное измѣненіе государственнаго устройства на новыхъ началахъ». Мы—замѣтилъ при этомъ Бебель—«всегда заявляли, что хотѣли бы итти по пути реформы и что мы сдѣлаемъ попытку достигнуть нашихъ цѣлей путемъ постепеннаго органическаго развитія и законодательства»... Такія рѣчи, въ имперіи съ представителемъ достаточно зарекомендовавшей себя династіи Гогенцоллерновъ во главѣ, производятъ странное впечатлѣніе. Какъ? Неужели дѣйствительно соціальдемократія могла хоть на минуту повѣрить, что чисто-конституціоннымъ путемъ, «путемъ постепеннаго органическаго развитія и законодательства» монархія, опирающаяся на юнкерство, аграріевъ, капиталистовъ и грубую прусскую солдатчину, можетъ «превратиться въ свою собственную противоположность»—въ соціалистическую республику? Неужели на эту «возможность» можно положить хотя бы одинъ шансъ изъ ста? Или это — дипломатія, имѣющая въ виду обмануть, усыпить противника? Сомнительные разсчеты! И ради нихъ во всеуслышаніе говорятся вещи, которыя, вѣдь, могутъ ввести въ заблужденіе, вмѣсто противниковъ,—собственныхъ сторонниковъ.... Врядъ-ли такая тактика можетъ считаться правильной. А вѣдь, между тѣмъ, эта, столь типичная для многихъ революціонеровъ, вѣра въ возможность мирнаго разрѣшенія соціальныхъ конфликтовъ предполагаетъ и принятіе соотвѣтственной тактики. Очевидно, что тотъ, кто допускаетъ въ конституціонной монархіи Гогенцолерновъ возможность мирнаго прогресса, долженъ и предпочесть такой путь, т. е. стремиться къ нему, притупляя по возможности всѣ возникающія на этомъ пути тренія и конфликты. Если это еще не «бернштейніанство», то во всякомъ случаѣ большой шагъ къ нему, нуждающійся лишь въ послѣдовательномъ логическомъ развитіи. Изъ среды партіи возникли было протесты, такъ называемое «Bewegung der Jungen», которые прямо таки обвиняли выдающихся членовъ партіи, Либкнехта, Бебеля и др., въ «умерщвленіи революціоннаго духа» и въ преступномъ укрѣпленіи въ умахъ массы обманной иллюзіи, будто съ помощью мирной парламентской дѣятельности возможенъ переходъ къ соціалистическому обществу. «Jungen» не справились со своей задачей. Не выдвинувъ сколько-нибудь глубокихъ умовъ, они колебались между анархизмомъ и утрированнымъ марксизмомъ; одно время они провозгласили, напримѣръ, что задачей соціальдемократіи должно быть самое рѣшительное содѣйствіе пролетаризаціи массъ; слабые въ идейной борьбѣ, они возмѣщали эту теоретическую и принципіальную слабость силою личныхъ нападокъ на наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей партіи. Протестанты, какъ извѣстно, были исключены изъ партіи. Идейное подготовленіе оппортунистскихъ тенденцій шло по прежнему, хотя, по видимости, представитель праваго крыла соціальдемократіи, Фольмаръ, оставался въ меньшинствѣ, а торжествовалъ представитель «лѣваго крыла»—Бе-

бель. Но въ томъ-то и дѣло, что эта поверхностная борьба не столько воплощала борьбу между революціоннымъ и реформистскимъ принципами въ ихъ чистомъ видѣ, сколько заслоняла фактическій ходъ развитія обѣихъ борющихся группъ въ направленіи къ практическому бернштейніанству. Подъ революціей—говорили одни—мы разумѣемъ не что иное, какъ «революціонизированіе головъ», борьбу съ невѣжествомъ массы.—Сущность революціонизма—заявляли другіе—не въ средствахъ, а въ цѣли. «Сила отъ вѣка была реакціоннымъ факторомъ», «путь насилія ведетъ къ анархіи»—провозгласилъ Либкнехтъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ, тѣмъ самымъ сильнѣйшимъ образомъ компрометируя въ глазахъ своихъ сторонниковъ услуги той самой «повивальной бабки», которая, по Марксу, всегда должна облегчать родовыя муки общества. Въ этой новой формулѣ Либкнехта звучитъ уже,—быть можетъ, помимо его воли и сознанія—старый евангелическій мотивъ непротивленія злу насиліемъ, развитый впослѣдствіи въ цѣлую симфонію толстовской проповѣдью. Принять эту формулу было тѣмъ легче, что Энгельсъ, въ своемъ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи», увѣрилъ своихъ товарищей, что баррикадная борьба и уличныя сраженія народа съ войсками невозможны—настолько могучи теперь техническія средства истребленія, имѣющіяся въ рукахъ правительственныхъ армій, и настолько трудно вооружиться и укрѣпиться на улицахъ народу. Эта отходная баррикадамъ и уличнымъ сраженіямъ народа съ войсками дополнялась гимномъ мирной тактикѣ, при которой-де враги соціальдемократіи вынуждены восклицать: «законность насъ убиваетъ!»,—а соціальдемократы только нагуливаютъ силы и наживаютъ красныя щеки («rothe Backen bekommen»). Кстати, характерная вещь: теперь уже извѣстно, что Энгельсъ вычеркнулъ изъ этого предисловія нѣкоторыя, менѣе мирнаго свойства мѣста, по настоянію своихъ нѣмецкихъ товарищей, находившихъ въ тактическихъ видахъ тогда несвоевременнымъ брать слишкомъ революціонныя ноты—иначе говоря, изъ соображеній чистѣйшаго политическаго оппортунизма. А пессимизмъ по отношенію къ революціоннымъ средствамъ борьбы, съ легкой руки Энгельса, утрировавшаго этотъ пессимизмъ въ угоду дипломатическимъ соображеніямъ своихъ нѣмецкихъ товарищей, превратился въ догматъ. И—какая характерная картина! Какъ справедливо признался Гейне, «мода на революціонныя слова» введена въ современную нѣмецкую соціальдемократическую литературу «инородческими» литераторами. Ребромъ поставленъ былъ въ той же литературѣ вопросъ о конкретныхъ формахъ и средствахъ революціи опять таки «инородцемъ», польскимъ соціалистомъ (изъ Р. Р. S.) Люсней. Въ отвѣтныхъ статьяхъ ему Каутскій, желая отвѣтить на вопросъ, какой странѣ должна принадлежать иниціатива революціоннаго взрыва—обращаетъ свой взоръ опять таки къ «инородцамъ», на Востокъ... Съ его точки зрѣнія, иниціатива революціи менѣе

Библиотека Академии

всего можетъ выпасть на долю Германіи—т. е. какъ разъ той страны, гдѣ всего сильнѣе ростъ соціальдемократической арміи! Но не странно ли это: считать безнадежной уличную борьбу народа съ силами правительства въ своей странѣ,—и, въ то же время, признавать ее вполнѣ возможной, предсказывать возстанію полный успѣхъ въ такой гораздо болѣе отсталой странѣ, какъ Россія! Или царскіе штыки не такъ колючи, или царскія пули не такъ способны пронизывать сердца вѣрноподданныхъ? Какъ объяснить себѣ это противорѣчіе?

Но догматики издревле привыкли не замѣчать своихъ противорѣчій. «Насильственный переворотъ — заявилъ Бебель въ Эрфуртѣ—повелъ бы лишь къ тому, что насъ, какъ воробьевъ, разстрѣляли бы самымъ плачевнымъ образомъ». Соціальдемократія должна, по мнѣнію Бебеля, разъ на всегда отказаться «отъ буржуазныхъ (sic!) пріемовъ революціи» и пойти «по своимъ собственнымъ, совершенно инымъ путямъ» къ достиженію своей цѣли. Какіе такіе эти особые, новые пути, Бебелемъ въ Эрфуртѣ объяснено, однако, не было. Еще одинъ фактъ. Какъ извѣстно, Марксъ въ послѣдніе годы своей жизни упорно настаивалъ изъ далекаго туманнаго Альбіона на внесеніи въ программу партіи стараго революціоннаго тезиса о «диктатурѣ пролетаріата», но его одинокія усилія были тщетны: его желанію было рѣшительно отказано (см. protokoll des Erfurt Parteit. стр. 172). Въ то же время, съ самымъ понятіемъ диктатуры пролетаріата произошло нѣчто подобное тому, что и съ понятіемъ революціи. Антибернштейніанецъ Iohann Stern, напримѣръ, такъ и писалъ въ с.-д. «Schwäbivsche Tagwacht», что напрасно-де Бернштейнъ разумѣетъ подъ «диктатурой» нѣчто внезапное и насильственное; «диктатуру пролетаріата — пишетъ онъ—надо понимать въ эволюціонистическомъ смыслѣ, она уже давно началась и принесла уже нѣкоторые плоды. Даже экспропріація экспропріаторовъ совершается уже передъ нашими глазами, дѣлаетъ все большіе успѣхи и не прекратится до тѣхъ поръ, пока все капиталистическое общество не уступитъ своего мѣста соціалистическому»... Какъ видите, самъ Бернштейнъ не могъ бы лучше и рѣзче выразить одну изъ коренныхъ идей современнаго соціалистическаго «реформизма», все глубже проникающаго въ организмъ марксистской соціальдемократіи. Во время и послѣ Эрфуртскаго партейтага Бебель неоднократно заявлялъ, что рабочая партія понимаетъ слово revoluzionär всегда лишь въ мирномъ смыслѣ развитія», что «буржуазное общество само ревностно стремится къ своему паденію, и намъ остается лишь поджидать того момента, когда выпавшая изъ его рукъ власть перейдетъ къ намъ» и т. д., и т. д.

Кстати сказать, въ этой послѣдней фразѣ содержится и вся разгадка анти-революціонныхъ выходокъ представителей тогдашняго марксизма. Несмотря на приведенные нами чисто-бернштейніанскіе и оппортунистическіе мотивы, они не были берн-

штейніанцами, и вѣрили въ соціальную революцію. Но ихъ ожиданія этой революціи покоились не столько на вѣрѣ въ боевыя силы рабочаго класса, сколько на фантастической вѣрѣ въ грядущее діалектическое самоотрицаніе капитализма. Крайніе пессимисты въ вопросѣ о шансахъ уличной борьбы народа съ войсками, они были такими же крайними оптимистами въ вопросѣ о стихійномъ подготовленіи самимъ капитализмомъ своей собственной кончины. Стихійное, чисто-хозяйственное крушеніе капиталистической системы, экономическое положеніе, при которомъ капитализму болѣе будетъ невозможно существовать—вотъ что будетъ мечомъ Бренна, перевѣшивающимъ чашу вѣсовъ въ сторону рабочаго класса, а вовсе не баррикады и т. п. средства «революціонной алхиміи».

Но разъ «революціонизмъ» соціальдемократіи держался на этой подпоркѣ—вѣрѣ въ неизбѣжное, фатальное чисто-хозяйственное «крушеніе» капиталистическаго строя, какъ результатъ развитія его объективно-экономическихъ противорѣчій,—то достаточно было рухнуть этой подпоркѣ, чтобы рухнулъ и революціонизмъ, ибо послѣ этого ему не на чемъ держаться,—если, конечно, не будетъ найдено для него новой точки опоры, новаго основанія.

Факты новѣйшей хозяйственной эволюціи убѣдили, однако, что чисто-стихійный Zusammenbruch есть нѣчто крайне проблематичное, сомнительное и, по меньшей мѣрѣ, необычайно отдаленное. Тѣ представители марксизма, которые въ предшествующій періодъ успѣли впитать въ себя полное невѣріе въ революціонные методы боевой рабочей арміи, не имѣли иного выхода, кромѣ наклонной плоскости легализма и реформизма. По этой наклонной плоскости они естественно докатились до какого-то нео-толстовства подъ соціаль-демократическимъ соусомъ. Давидъ и Эдмундъ Фишеръ прямо заявляютъ, что если бы теперь у германской соціальдемократіи было отнято всеобщее избирательное право, то имъ оставалось бы только прибѣгнуть къ «спокойствію и выдержкѣ» и переждать грозу мирно, безъ насильственнаго отпора, ибо де надолго въ просвѣщенной странѣ нельзя править противъ воли рабочей соціальдемократической массы: рано или поздно пришлось бы снова пойти передъ ней на уступки. Съ другой стороны, часть ортодоксовъ должна была обратиться къ идеѣ о всеобщей стачкѣ, уличныхъ демонстраціяхъ и т. п. средствахъ болѣе активныхъ дѣйствій. И хотя до сихъ поръ все это дѣлалось крайне робко и не смѣло, изъ лагеря бернштейніанцевъ уже посыпались упреки, что бывшіе ортодоксы теперь эволюціонируютъ въ сторону анархизма, бланкизма, революціонной алхиміи и т. п. Наконецъ, иные марксисты пытаются, хотя и со всевозможными смягченіями, спасти во всей чистотѣ старую точку зрѣнія, — всеспасающаго стихійнаго, механическаго хозяйственнаго крушенія современнаго капитализма.

Такова борьба теченій въ современномъ марксизмѣ, таковъ

идейный кризисъ, подвергающій опасности революціонное содержаніе соціальдемократическаго движенія. Выходъ изъ него только одинъ — избавиться отъ чрезмѣрнаго фаталистическаго оптимизма въ оцѣнкѣ «діалектическаго самоотрицанія капитализма», и, въ то же время, избавиться отъ дряблаго пессимизма въ оцѣнкѣ революціонныхъ пріемовъ борьбы организованнаго въ боевую армію рабочаго класса. Больше вѣры въ живыя революціонныя способности—какъ разрушительныя, такъ и творческія—сознательной, инициативной организованной силы рабочаго народа —и меньше упованій на то, что капитализмъ, подобно пеликану, растерзаетъ собственную грудь, чтобы приготовить пищу «грядущему по немъ» соціализму! Больше вѣры въ «телеологическіе» процессы сознательнаго вмѣшателства людей въ «естественный ходъ событій»—и меньше надеждъ на независимую отъ воли и сознанія людей механику «генетическихъ» процессовъ! Да здравствуетъ революціонный соціализмъ, и долой догматическій фатализмъ! Такова, по нашему мнѣнію, мораль, вытекающая изъ современнаго «кризиса марксизма».

Май 1904 г. *Ред.*

Къ вопросу о силѣ и насиліи въ революціонной борьбѣ.

Когда-то столь ясный вопросъ о роли силы и насилія въ революціонной борьбѣ получилъ въ послѣднее время,—благодаря сентиментальному прекраснодушію толстовцевъ съ одной стороны и туманной діалектикѣ эпигоновъ марксизма съ другой,—такой туманный и крайне спутанный обликъ, что новое переобсужденіе его отнюдь не можетъ быть названо дѣломъ праздным и безполезнымъ. При этомъ мы не имѣемъ въ виду здѣсь одной только чисто-этической стороны вопроса, на которую осо-

бенно налегаютъ толстовцы; насъ въ данный моментъ интересуетъ болѣе техническая, такъ сказать, сторона вопроса обсужденіе роли силы съ точки зрѣнія возможности и цѣлесообразности ея примѣненія въ борьбѣ рабочаго класса. Объ «этичности» даннаго средства революціонной борьбы мы скажемъ здѣсь лишь нѣсколько словъ. Говорить о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ, — какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, толстовцы, — не вполнѣ точно и нарушаетъ, прежде всего, строгія подраздѣленія этической же терминологіи. Необходимо, именно, отличать силу и насиліе. Физическая сила, задерживающая руку насильника, не есть еще сама насиліе, а наоборотъ—борьба съ нимъ, борьба съ насиліемъ силой. Быть можетъ, на первый взглядъ, строгое соблюденіе этого различенія покажется не важнымъ. Конечно, оно, само по себѣ, не такъ важно. Но оно становится важнымъ, когда это различеніе игнорируется преднамѣренно, съ цѣлію поставить на одну доску въ нравственномъ смыслѣ и дѣйствія насильника, и дѣйствія, обуздывающія его. Вотъ почему мы и считаемъ нелишнимъ замѣтить, что укоризненно говорить о «насиліи надъ насиліемъ», о противленіи насилію насиліемъ, было бы странно и сбивчиво. Защищая себя и своихъ близкихъ отъ нападенія—скажемъ—башибузуковъ (отечественныхъ или чужеземныхъ, все едино), защищая даже съ мечомъ въ рукахъ, я совершаю актъ, не имѣющій ничего общаго съ насиліемъ, наоборотъ—направленный какъ разъ противъ него. Сила—защищаетъ личность и ея права, насиліе—нападаетъ на нихъ; сила сплошь и рядомъ является однимъ изъ орудій борьбы со зломъ, насиліе же всегда служитъ злу и поддерживаетъ его.

Итакъ, столь часто повторяемая фраза о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ, въ сущности говоря, не имѣетъ смысла и, сбивая съ толку намѣренно неточной терминологіей, бросаетъ лишь неблагопріятную тѣнь на другое, болѣе правильно формулированное требованіе, а именно: противопоставляй насилію силу. Толстовцы, отрицающіе этотъ элементарный принципъ всякой здоровой нравственности, договариваются—оставаясь послѣдовательными — до чудовищнѣйшихъ, въ этическомъ смыслѣ, выводовъ...

Быть можетъ, кому нибудь покажется, что не стоитъ теперь и трудиться надъ опроверженіемъ толстовскаго отношенія къ силѣ, какъ средству борьбы,—настолько мало популярно теперь это воззрѣніе. Но слѣдуетъ вспомнить, что толстовцы нападаютъ на «насиліе» не только съ этической точки зрѣнія. Нѣтъ, они еще разсуждаютъ и о томъ, что сила на сторонѣ нашихъ враговъ, на нашей же сторонѣ—правда; вотъ почему нашимъ врагамъ выгоднѣе, чтобы борьба велась оружіемъ силы, а намъ выгоднѣе, чтобы борьба не велась оружіемъ силы. И съ этой стороны у толстовцевъ оказываются точки соприкосновенія съ такими элементами, отъ которыхъ это, казалось бы, трудно было ожидать...

Въ самое послѣднее время вопросъ о роли физическаго элемента силы въ революціонной борьбѣ поднятъ былъ въ германской марксистской литературѣ и оживленно дискутировался на страницахъ какъ ортодоксальнаго журнала Die Neue Zeit, такъ и ревизіонистскаго Socialistische Monatshefte, даже и въ нѣсколькихъ №№ Vorwärts'a, придерживающагося, какъ извѣстно, во всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ позиціи золотой середины. И что же оказалось? Германскіе оппортунисты съ Давидомъ во главѣ совершенно и категорически отреклись отъ силы, какъ средства революціонной борьбы, находя, что вполнѣ достаточны «спокойствіе и настойчивость», «миролюбіе и сдержанность». Если говорятъ, по этому поводу, что германскіе оппортунисты совершили крутой поворотъ отъ ученія Карла Маркса къ ученію Льва Толстого, то съ этимъ можно согласиться лишь съ одной весьма важной оговоркой, а именно: господа Давиды, Эдмунды Фишеры, Кольбы, Гере и К° не только возвратились «назадъ къ Толстому» и его морали, но даже перевалили за него. Толстой, какъ ни какъ, требуетъ отъ каждаго изъ насъ «сейчаснаго», непримиримаго бойкота (правда, не коллективнаго, организованнаго, а чисто-индивидуальнаго, аморфнаго) по отношенію къ современному государству; не противляйся,—говоритъ онъ,—но и не служи ему; отказывайся отъ уплаты податей, отъ исполненія воинской повинности и т. д. Ничего подобнаго не найдете вы у названныхъ нами выше германскихъ соціальдемократовъ: ихъ филистерская умѣренность и аккуратность, ихъ органическій страхъ передъ всякаго рода «конфликтами», ихъ утрированная постепеновщина не позволяютъ имъ итти «такъ далеко». Они готовы «воздавать кесарево кесарю». Тѣмъ болѣе, что еще согласно даже самому «ортодоксальному марксизму» всякая власть если и не «отъ бога», то во всякомъ случаѣ есть почтенный и цѣлесообразный продуктъ естественно-необходимаго процесса, а слѣдовательно, для своего времени она вполнѣ правомѣрна—такъ что о чистой толстовщинѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Нашъ Левъ Толстой, какъ онъ ни наивенъ въ вопросахъ революціонной тактики, все же болѣе смѣлъ и радикаленъ, болѣе «революціоненъ», чѣмъ современные рыцари умѣренности и аккуратности, декаденты когда то столь революціоннаго марксизма. Значитъ ли отсюда, что нашъ Толстой великъ, не только какъ моральный проповѣдникъ, но и какъ общественный и революціонный дѣятель? Отнюдь нѣтъ,—это значитъ лишь, что господа Давиды, Гере и т. д. дошли до крайняго революціоннаго «умаленія»...

«А что,—спрашиваетъ Давидъ въ концѣ своей новѣйшей статьи о «Завоеваніи политической власти»,—что, если на такомъ мирномъ пути нашей культурной, реформаціонной работы мы столкнемся съ респрессивными насильственными мѣрами правящихъ классовъ, которые захотѣли бы отнять у насъ даже наши элементарнѣйшія политическія права? Что должны мы тогда дѣлать?» И отвѣчаетъ: «ну что же, тогда мы противопоста-

вимъ беззаконію законность, насилію—миролюбіе (Friedsamkeit). Таковъ единственный путь преодолѣть, въ концѣ концовъ, насиліе, таково единственное средство борьбы противъ штыковъ. Наша работа будетъ состоять тогда въ томъ, чтобы вся тяжесть моральнаго осужденія пала на голову тѣхъ, которые пытаются насильственными средствами затормозить дальнѣйшій ходъ соціальдемократическаго культурнаго движенія».

— Но гдѣ же гарантія торжества этого движенія,—восклицаете вы тутъ,—гдѣ спасеніе отъ современныхъ правительствующихъ варваровъ, способныхъ и готовыхъ ради собственнаго спасенія поставить на карту самое существованіе общества, его культуру и его будущее?

«Гарантія,—отвѣчаетъ вамъ на это Эдуардъ Давидъ,—заключается въ самой справедливости и цѣлесообразности нашихъ требованій, которыя не могутъ исчезнуть съ порядка дня, не будучи предварительно исполненными. Мы не нуждаемся въ другихъ средствахъ, тѣмъ болѣе, что эти другія средства обратились бы противъ насъ самихъ»... («Soc. Mon.» 1904, Ш, 206).

Какъ бы васъ ни коробили, даже возмущали эти рѣчи германскихъ оппортунистовъ, въ одномъ вы не можете имъ отказать, а именно—въ ясности и опредѣленности выраженій, въ строгой послѣдовательности и логичности, съ которыми они сами безстрашно приводятъ себя къ абсурду. Напротивъ, ясность и опредѣленность суть качества, которыя все рѣже замѣчаются теперь въ писаніяхъ ихъ противниковъ—«ортодоксовъ». Даже эта чисто-мистическая вѣра въ торжество своего дѣла на томъ одномъ только основаніи, что-де оно «цѣлесообразно», оно выдвинуто исторіей, какъ жизненная необходимость, — развѣ она не вытекаетъ изъ одной изъ основныхъ догмъ «матеріалистическаго пониманія исторіи», утверждающаго «естественную необходимость» (Naturnotwendigkeit) соціальнаго прогресса? Опираясь на эту «естественную необходимость» Давидъ и заявляетъ, что порожденное силою вещей соціальдемократическое движеніе съ его требованіями «не могутъ исчезнуть съ порядка дня, не будучи предварительно исполненными». Плохое утѣшеніе! Ну, а если, не сойдя съ порядка дня, эти требованія останутся еще до второго пришествія стоять въ этомъ порядкѣ дня,—но именно только стоять, безъ движенія? Прошли безвозвратно тѣ времена, когда только отъ звуковъ трубъ рушились стѣны Іерихона; теперь можно ходить кругомъ да около этихъ стѣнъ ad infinitum, и они не шевельнутся, если не будетъ примѣнено болѣе вѣскихъ аргументовъ, чѣмъ трубные звуки. Но твердые въ вѣрѣ въ естественный ходъ вещей, объ этомъ они сравнительно очень мало задумываются. Ихъ революціонный духъ подавленъ какимъ-то стихійнымъ фатализмомъ. Правда, въ самое послѣднее время ортодоксальные марксисты начинаютъ какъ будто отрѣшаться отъ прежняго своего чисто-мистическаго оптимизма. Не безъ чувства нѣкотораго изумленія прочли мы недавно у Каутскаго, что въ современной клас-

совой борьбѣ торжество рабочаго класса отнюдь еще не достовѣрно. «Возможно — говоритъ онъ, — что рабочее движеніе потерпитъ въ Европѣ пораженіе; это повлекло бы за собою массовую эмиграцію и опустѣніе старыхъ капиталистическихъ странъ». «Такую возможность—говоритъ онъ далѣе,—надо имѣть въ виду. Если мы говоримъ о необходимости побѣды пролетаріата и торжества соціализма, то этимъ самымъ мы еще не думаемъ, будто бы такая побѣда неизбѣжна, или что она явится съ фаталистической достовѣрностью сама собою, даже и въ томъ случаѣ, если бы революціонный классъ спокойно сложилъ свои руки. Необходимость должна быть разумѣема въ смыслѣ единственной возможности дальнѣйшаго поступательнаго развитія (?). Тамъ же, гдѣ пролетаріату не удастся преодолѣть своихъ противниковъ, тамъ общество не въ состояніи прогрессировать, тамъ оно должно закоченѣть и разложиться». (Die Neue Zeit, 1904, № 21).

Итакъ, даже съ точки зрѣнія сегодняшняго марксизма, сообразность съ запросами времени какого нибудь идеала или его соціально-политическая цѣлесообразность не есть еще гарантія его осуществленія. Сознательное, энергичное вмѣшательство, личная воля, организованно и планомѣрно пускающая въ ходъ живую силу—есть безусловно необходимый элементъ, котораго не замѣнятъ никакіе стихійные процессы. Необходимо, такимъ образомъ, подумать о болѣе разнообразныхъ, если не болѣе вѣрныхъ, средствахъ революціонной борьбы, и прежде всего о возможности и цѣлесообразности с и л ы въ этой борьбѣ. Если соціальдемократы-оппортунисты открещиваются отъ силы, какъ средства революціонной борьбы, называя его «реакціоннымъ факторомъ», то соціальдемократы «радикалы» старательно избѣгали до сихъ поръ говорить, вообще, на эту тему, и если въ послѣдніе дни они о ней заговорили, то не по своей иниціативѣ, а по настоянію другихъ. И съ непривычки ли, или по какой либо причинѣ, заговорили крайне сбивчиво и туманно.

Когда на Дрезденскомъ партейтагѣ, Августъ Бебель, Каутскій и др. стали подчеркивать свою революціонность и указывать на обостреніе конфликтовъ и неизбѣжность рѣшительной борьбы, Парвусъ разразился по ихъ адресу иронической статьей, озаглавленной: «Aussprechen was ist», гдѣ онъ смѣло бросилъ «радикаламъ» въ лицо тяжкій, но заключающій въ себѣ не мало горькой правды упрекъ, что какъ только ребромъ ставится самый жгучій, проклятый вопросъ,—такъ вмѣсто отвѣта тотчасъ начинается какая то «игра въ прятки». «Тамъ требуютъ—писалъ Парвусъ—самую непримиримую, ничѣмъ не утишимую агитацію, тамъ толкаютъ насъ на встрѣчу самому острому конфликту, но стоитъ вамъ лишь спросить: что же дѣлать, если правительство прибѣгнетъ къ насилію? то получите въ отвѣтъ: надъ этимъ незачѣмъ намъ ломать головы, тссъ! потише! какъ бы насъ не подслушали наши враги!.... Что же это такое, какъ не радикализмъ, пугающійся самого себя, радикализмъ, который не рѣ-

шается сказать то, что онъ думаетъ, не смѣетъ додумать до конца то, что онъ дѣлаетъ... Мы обманываемъ такимъ путемъ ни кого другого, какъ самихъ себя. Мы должны перестать «играть комедію» (Komödiespielen—выраженіе Бебеля по адресу оппортунистовъ), но мы должны продолжать играть въ прятки?! Это означаетъ поистинѣ ничто иное, какъ вести партію съ завязанными глазами къ краю пропасти, если только не объяснить массамъ заранѣе то, что ихъ въ рѣшительную минуту ожидаетъ... Такое старательное обхожденіе рѣшающаго пункта нашей политической борьбы,—заключаетъ Парвусъ,—принесло уже много вреда, породило много путаницы. Въ этомъ, между прочимъ, заключается одна изъ причинъ оппортунистическихъ заблужденій».

Замѣтьте, что такъ говоритъ и пишетъ человѣкъ, не чуждый германской соціальдемократіи, живущій и работающій въ ея рядахъ, самъ марксистъ-радикалъ, и если ужъ онъ такъ рѣзко аттестуетъ своихъ же непосредственныхъ товарищей, то вѣроятно дѣлаетъ онъ это не изъ простой придирчивости, вражды или каприза. Въ прошлой статьѣ мы видѣли, какую тяжелую операцію радикальнѣйшіе марксисты Германіи совершили надъ словомъ «революція»; подобную же игру они играютъ теперь со словомъ с и л а, поскольку говорятъ о ней, какъ средствѣ революціонной борьбы. Въ статьѣ Каутскаго «Allerhand Revolutionäres», вызванной къ свѣту не только статьей Парвуса, но и подобными же запросами со стороны польскаго соціалиста Люсни (см. Die Neue Zeit, 1904, № 18), мы находимъ, къ сожалѣнію, то же обычное стремленіе по возможности увильнуть отъ опредѣленныхъ, недвусмысленныхъ отвѣтовъ, ту же обычную неясность и туманность выраженій. Вѣритъ ли Каутскій въ возможность мирнаго (скажемъ—парламентскаго) разрѣшенія современнаго соціальнаго конфликта, и если нѣтъ, то какая форма предстоящей революціи кажется ему наиболѣе вѣроятной? Вотъ вопросъ, поставленный ему польскимъ соціалистомъ Люсней, доказывавшимъ ему, между прочимъ, всю невозможность безкровной, невооруженной революціи. Каутскій отвѣтилъ на него пространной и многорѣчивой статьей, растянувшейся на цѣлыхъ пять номеровъ его журнала, наврядъ ли удовлетворившей Люсню. Весь отвѣтъ Каутскаго скроенъ по формулѣ — «бабушка на двое гадала», или еще лучше—«съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой—нельзя не сознаться». Съ одной стороны, онъ неоднократно утверждаетъ, что «мы не можемъ предусмотрѣть формы предстоящей борьбы за политическую власть», что будущее чревато въ этомъ отношеніи всякими сюрпризами, съ другой стороны—онъ уже теперь заранѣе сводитъ всѣ эти формы къ безкровной и безоружной революціи—путемъ массовой политической стачки: пролетаріатъ-де имѣетъ свой особый методъ революціи—борьбу со скрещенными на груди руками! Правда,—замѣчаетъ онъ далѣе,—съ одной стороны, несомнѣнно, «правъ теперь, какъ и раньше, Карлъ Марксъ, сказавшій, что сила есть повивальная бабка всякаго но-

ваго общества», но съ другой стороны «соціальдемократически думающія массы никогда не прибѣгнутъ къ вооруженному возстанію». Правда, «пролетаріатъ долженъ располагать нужными насильственными средствами, разъ ему предстоитъ лишать власти господствующіе классы, но пусканіе въ ходъ такихъ средствъ нельзя рекомендовать безусловно, ибо одно уже сознаніе существованія этихъ средствъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ достаточнымъ, чтобы побудить господствующій классъ къ мирному соглашенію»... Очевидно, Каутскій полагаетъ, что господствующіе классы такъ глупы, что способны допустить безпрепятственно такую степень укрѣпленія позиціи революціонныхъ слоевъ народа, при которой имъ не остается ничего болѣе, какъ покорно и миролюбиво сдаться. Къ несчастью, исторія учитъ, что маниловскими иллюзіями увлекались нерѣдко иные искренніе, но робкіе или наивные революціонеры, но никогда господствующіе классы, всегда бдительно и охъ какъ умѣло стоящіе на стражѣ своихъ интересовъ. «Служители монархіи—практики, а не краснобаи»,—сказалъ какъ то рабочимъ Ф. Лассаль,—«но такихъ же служителей я прежде всего пожелалъ бы и вамъ». Да и о какихъ-такихъ «насильственныхъ средствахъ» говоритъ Каутскій въ своей статьѣ—средствахъ, одна уже наличность которыхъ должна-де побудить господствующіе классы къ сдачѣ и «примиренію». Вѣдь, мы знаемъ уже отъ самаго Каутскаго, что соціальдемократически думающія массы никогда и ни за что не прибѣгнутъ къ вооруженному возстанію, что «отъ вооруженной инсуррекціи мы ничего не ждемъ и ни въ какомъ случаѣ не дадимъ себя провоцировать на это»,—какихъ же, спрашивается, «насильственныхъ средствъ» бояться тогда правительству, уже напередъ застрахованному, такъ сказать, отъ всякихъ массовыхъ возстаній и буйствъ?

«Если насильственный режимъ—читаемъ мы на стр. 686 статьи Каутскаго—долженъ въ концѣ концовъ вызвать все таки насильственное сопротивленіе пролетаріата, то тогда послѣдній могъ бы пустить въ ходъ только одно (курсивъ Каутскаго) насильственное средство, которое онъ уже сегодня такъ часто примѣняетъ въ своихъ экономическихъ конфликтахъ въ качествѣ послѣдней карты, а именно—стачку»...

Итакъ, насильственныхъ мѣръ Каутскій «не отвергаетъ», ибо, какъ ни какъ, Марксъ высказывался на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно, но подъ такими мѣрами онъ разумѣетъ только одну стачку. Стачка—насильственное средство! мирная, безоружная стачка, воздержаніе отъ работы, «недѣланіе», да при томъ еще съ принципіальнымъ и безусловнымъ отрицаніемъ всякаго «вооруженія»,—насильственное средство! Не происходитъ-ли здѣсь со словомъ сила, «насильственное средство», та же оппортунистская фальсификація, какую иные изъ тѣхъ же ортодоксальныхъ соціальдемократовъ продѣлали еще раньше со словомъ «революція»? Вѣдь, если воздержаніе отъ работы есть уже крайнее ре-

волюціонно-насильственное средство, то противъ такого насилія ничего не сумѣетъ по существу возразить и самый рьяный апостолъ непротивленія—Левъ Толстой. Да и способно ли такое средство, какъ стачка, будь она даже «массовая политическая стачка», такъ напугать правительство, что оно даже до примѣненія ея сложитъ оружіе и сдастся пролетаріату? Каутскій допускаетъ возможность полной безрезультатности и этого средства борьбы, но что же — говоритъ онъ — «и тогда мы не должны отчаяваться»: «пролетаріатъ представляетъ будущее и жизненнѣйшіе интересы націи, и никакое правительство не въ состояніи насильственно сокрушить его безъ того, чтобы не парализовать всей жизни общества» и т. д. Что это плохое утѣшеніе, знаетъ опять-таки Каутскій самъ, допускающій—какъ мы это уже видѣли раньше—возможность полнаго разгрома революціоннаго движенія въ Европѣ и, какъ слѣдствія—культурной и политической ея деградаціи. Что же въ заключеніе остается? Ничего,, кромѣ все того же вѣчнаго, единственно-опредѣленнаго отрицанія возможности и пользы вооруженной инсуррекціи, все того же денервированія и деморализаціи народныхъ массъ въ духѣ дряблаго непротивленія. Какую цѣну, послѣ всего этого, могутъ имѣть благія фразы Каутскаго въ той же статьѣ на счетъ того, что де не слѣдуетъ надѣяться на миролюбивый исходъ борьбы, даже еслибы онъ и не былъ невозможенъ; что слѣдуетъ всегда готовиться къ худшему, а не къ лучшему; что si vis pacem, para bellum, т. е. хочешь мира, готовься къ войнѣ; что чѣмъ большимъ количествомъ и разносторонностью революціонныхъ средствъ борьбы будетъ располагать пролетаріатъ, тѣмъ вѣроятнѣе его побѣда.... Сводя эти средства къ одной лишь новоявленной панацеѣ, «пролетарской формѣ революціи», къ массовой стачкѣ, Каутскій превращаетъ революціонные термины въ лишенную живого содержанія, пустую революціонную фразеологію. Но если такая революціонная фраза вытѣснитъ революціонное дѣло, то что этимъ можно подготовить, кромѣ пораженія пролетаріата?

«Мы не должны—говоритъ Каутскій еще въ одномъ мѣстѣ —возлагать черезчуръ большія надежды на мирное развитіе. Очевидно, что если разбойникъ идетъ по моимъ стопамъ, то опасность его нападенія на меня и необходимость пустить въ ходъ оружіе и застрѣлить его будутъ во всякомъ случаѣ менѣе вѣроятны, если онъ видитъ въ моей рукѣ револьверъ, чѣмъ тогда, когда онъ считаетъ меня безоружнымъ»... Этотъ силлогизмъ Каутскаго, какъ согласится всякій, вполнѣ логиченъ и превосходенъ; къ несчастью лишь онъ заканчиваетъ его фразой, показывающей, что подъ «револьверомъ» Каутскій разумѣетъ опять таки ничто иное, какъ стачку, и при томъ одну лишь стачку, единую и нераздѣльную...

Это ли не возрожденіе стачкизма въ новой, небывалой еще и прямо таки чудовищно-утопической формѣ?!

Ортодоксальный, радикальный марксизмъ, подстрекаемый не-

терпѣливыми элементами, сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы породить въ виду надвигающагося политическаго кризиса, въ области революціонной тактики нѣчто опредѣленное и положительное,—но обнаружилъ лишь такія колебанія и неопредѣленность, которыя показываютъ, насколько отлетѣлъ отъ многихъ, слишкомъ многихъ его представителей революціонный духъ, и насколько въ ихъ устахъ старые революціонные термины становятся лишь мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ...

На вопросъ Люсни, почему Каутскій полагаетъ, что «соціальдемократически мыслящія массы не прибѣгнутъ къ вооруженному возстанію» и что, вообще, послѣднее было бы безнадежнымъ и даже роковымъ для революціоннаго движенія, тотъ отвѣтилъ, все въ той же своей статьѣ, что послѣ извѣстнаго предисловія Энгельса къ книгѣ «Классовая борьба во Франціи» ему незачѣмъ вдаваться въ изложеніе основаній такого своего мнѣнія. Энгельсъ-де доказалъ, что противъ современнаго милитаризма можно бороться всѣмъ, чѣмъ хотите, только лишь не вооруженнымъ возстаніемъ пролетаріата. Такъ что,—заключаетъ Каутскій, въ отвѣтѣ Люснѣ «я не могъ бы ничего другого сдѣлать, какъ лишь списать Энгельса»...

И дѣйствительно, что ужъ тамъ! Разъ самъ Энгельсъ изрекъ, дѣлать тутъ нечего,—остается лишь безпрекословно принять и, въ случаѣ нужды, просто «списывать». Но дѣло то въ томъ, что, какъ оказывается, самъ Энгельсъ рѣшалъ этотъ вопросъ не совсѣмъ такъ, какъ писалъ въ предисловіи къ «Klassenkämpfe», что, по существу, противъ вооруженнаго возстанія массъ онъ ничего не имѣлъ и отнюдь не считалъ его безнадежнымъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ хочетъ увѣрить насъ другой, не менѣе ортодоксальный марксистъ, а именно Георгъ Плехановъ. Въ своемъ предисловіи къ русскому переводу «Коммунистическаго Манифеста» (изд. 1900 г.) онъ вводитъ насъ въ закулисную сторону писаній Энгельса, сообщая, что послѣдній думалъ собственно совсѣмъ иначе, чѣмъ писалъ: думалъ онъ, что лишь теперь, сегодня вооруженное возстаніе народа безнадежно, а писалъ какъ-то такъ, что выходило, будто онъ считаетъ разъ на всегда такое возстаніе если и не утопіей, то самымъ вреднымъ дѣломъ. Своей печатной мысли — говоритъ Плехановъ (стр. 77)—Энгельсъ «придалъ въ предисловіи умышленно-неясное выраженіе. И это сдѣлано по настоянію друзей, которые на основаніи практическихъ соображеній считали неудобнымъ ясное ея выраженіе (!). Энгельсъ уступилъ совѣту своихъ друзей-практиковъ и этимъ подалъ поводъ къ неправильному теоретическому истолкованію его взгляда»...

Итакъ, читатель, понимайте теперь, какъ знаете. Читаете вы даже самого Энгельса, не всегда вѣрьте искренности его слова, —закулисныя дипломатическія пружины заставили, быть можетъ, его сказать совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Но разъясненія Плеханова насъ еще не успокаиваютъ. Вѣдь о дипломати-

ческомъ перерожденіи предисловія Энгельса зналъ и Карлъ Каутскій, зналъ даже пораньше Плеханова; послѣдній едва ли не у Каутскаго же и заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этомъ событіи. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, Каутскій хочетъ въ отвѣтъ Люснѣ только переписывать намѣренно двусмысленныя рѣчи, рѣчи, которыя, какъ оказывается, нуждаются не въ переписываніи, а въ поправкахъ? Темна вода во облацѣхъ марксистской революціонной стратегіи! А тутъ еще и самъ Плехановъ, начавъ за здравіе революціонной вѣры Энгельса, сводитъ чуть ли не за упокой: именно, не можетъ не сознаться, «что къ концу своей жизни Энгельсъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на роль открытыхъ возстаній въ освободительной борьбѣ пролетаріата». «Между тѣмъ—говоритъ Плехановъ—какъ въ эту эпоху опубликованія Манифеста онъ и Марксъ считали открытое возстаніе неизбѣжнымъ условіемъ побѣды рабочаго класса, Энгельсъ къ концу своей жизни призналъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ легальный путь тоже можетъ привести къ побѣдѣ, а на возстаніе сталъ смотрѣть какъ на такой способъ дѣйствій, который при современной техникѣ военнаго дѣла сулитъ соціалистамъ не побѣду, а жестокое пораженіе, и не перестанетъ сулить его имъ до тѣхъ поръ, пока сама армія не проникнется соціалистическимъ духомъ»...

Послѣдней оговорки, однако, нѣтъ въ соотвѣтствующей статьѣ Энгельса. Она формулирована Плехановымъ, и формулирована изъ рукъ вонъ плохо. Даже болѣе того, въ этой формулировкѣ оговорка не имѣетъ, въ сущности, никакого смысла: разъ «сама армія» проникнется соціалистическимъ духомъ, въ вооруженной инсуррекціи народа нѣтъ и никакой надобности. Если бы намъ говорили о дезорганизаціи арміи, какъ орудія подчиненія рабочаго люда его хозяевамъ и господамъ—это было бы другое дѣло. Но откладывать революцію до тѣхъ поръ, когда «сама армія проникнется соціалистическимъ духомъ»—не значитъ ли это фактически почти отказаться отъ революціи или отложить ее до второго пришествія? Подумайте лишь, легко ли у насъ, въ Россіи, добиться «проникновенія арміи соціалистическимъ духомъ» при самодержавномъ режимѣ! «Кнутъ, вѣдь, истреплется—скажемъ народу: лѣтъ черезъ сто ты получишь свободу!»

Правда, послѣ долгихъ исканій Плеханову удалось таки выскрести изъ одной статьи Энгельса фразу такого содержанія: «Какъ часто буржуа уговаривали насъ отказаться отъ употребленія насильственныхъ средствъ и не выходить изъ предѣловъ законности... къ сожалѣнію, мы не можемъ доставить буржуа это удовольствіе». Очень хорошо. Только вотъ важно условиться, что понимать подъ «насильственными средствами»—не окажется ли опять, что подъ этимъ страшнымъ словомъ подразумѣвается что нибудь вродѣ политической стачки или мирной демонстраціи?

Плехановъ могъ бы воспользоваться для своей цѣли еще другимъ заявленіемъ Энгельса, которое мы находимъ въ его извѣстномъ письмѣ къ П. Лафаргу отъ 3 апрѣля 1895 года. Въ этомъ письмѣ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее откровенное признаніе:

«Х. сыгралъ со мною недурную штуку. Изъ моего введенія къ статьямъ Маркса о Франціи 1848-1850 гг. онъ заимствовалъ все то, что могло послужить ему для защиты во что бы то ни стало мирной и противонасильственной тактики, которую ему съ нѣкотораго времени угодно проповѣдывать, особенно въ настоящій моментъ, когда въ Берлинѣ готовятся исключительные законы. Между тѣмъ, я проповѣдую эту тактику только для Германіи настоящаго времени, да и то съ существенными оговорками. Во Франціи, Бельгіи, Италіи, Австріи этой тактикѣ нельзя слѣдовать въ ея цѣломъ, а въ Германіи она можетъ стать непримѣнимой завтра»...

Но, отвергая для иныхъ странъ и временъ тактику мирную и противонасильственную во что бы то ни стало, что именно разумѣлъ Энгельсъ подъ противоположной тактикой? Вотъ вопросъ. Вѣдь, Каутскому 1904-го года было, конечно, извѣстно это письмо Энгельса 1895 года, и все же онъ настаиваетъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ противъ Люсни на томъ, что Энгельсъ въ послѣдніе годы своей жизни отрицалъ всякую возможность и цѣлесообразность вооруженной инсуррекціи «соціальдемократически думающихъ массъ». Словомъ, и здѣсь мы опять отброшены въ область чего то неяснаго и туманнаго...

Впрочемъ, такъ или иначе думалъ Энгельсъ о возможности и цѣлесообразности вооруженнаго возстанія народа,—это еще не такъ важно. «Спящій въ гробѣ мирно спи» лишь бы «жизнью пользовался живущій». Но «живущіе» современные даже радикальнѣйшіе изъ марксистовъ, дѣйствительно, считаютъ такое возстаніе и невозможнымъ и нецѣлесообразнымъ, основывая свой взглядъ на извѣстныхъ словахъ Энгельса. И здѣсь они поютъ въ полный унисонъ съ оппортунистами, которые носятся съ этимъ изреченіемъ Энгельса, какъ съ писанной торбой. Да помилуйте,—кричатъ они всякій разъ, лишь только зайдетъ рѣчь о революціи,—ужъ сколько разъ твердили міру, что «надо свихнуться раньше», чѣмъ выступить въ единоборство съ современнымъ чудовищнымъ милитаризмомъ; это ужъ давно доказано и не допускаетъ никакихъ перерѣшеній»... Между тѣмъ, если что либо и доказано, такъ это то, что Энгельсъ былъ не правъ и что съ 48 года дѣйствительно многое измѣнилось, но далеко не все въ пользу войска. Здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Интересующихся даннымъ вопросомъ мы отсылаемъ къ статьѣ «Войско и революція», гдѣ выясненъ нашъ взглядъ на шансы дезорганизаціи правительственнаго механизма вообще и подрыва его силы въ войскѣ—въ частности *). Съ своей стороны замѣтимъ, что даже Каутскій въ своей статьѣ противъ Люсни

допускаетъ полную возможность успѣшной революціонной кровавой борьбы между двумя фракціями войска—сочувствующими и несочувствующими революціи (на подобіе Парижской Коммуны). Но замѣчательно,—даже и въ этомъ случаѣ онъ отводитъ пролетаріату, рабчей массѣ, всюду пассивную, непротивленскую роль «борьбы» со скрещенными на груди руками! Какое странное, какое обидное, какое глубоко-неправильное представленіе о массовой народной психологіи!... «Впрочемъ,—спѣшитъ присовокупить этотъ «радикальнѣйшій» марксистъ Германіи,—впрочемъ, мы отнюдь не намѣрены заняться пропагандой въ арміи и подстреканіемъ ея къ нарушенію субординаціи: объ этомъ не думаетъ сегодня ни одинъ человѣкъ во всей нѣмецкой соціальдемократіи».

Какіе паиньки!...

Нѣтъ, стряхнемъ съ себя этотъ мертвящій маразмъ ортодоксальной умѣренности и аккуратности, эту деморализующую мораль благоразумія и пассивности! Такой путь способенъ привести лишь къ самымъ позорнымъ компромиссамъ, къ измельчанію движенія, къ направленію его вѣчно обходными путями, вѣчно по линіи наименьшаго сопротивленія. Но развѣ такая тактика подготовитъ рабочій классъ противостать въ рѣшительный моментъ напору максимальнаго давленія его враговъ? Удастся ли германской и всякой другой соціальдемократіи мирными, безкровными путями достигнуть своего идеала, мы навѣрняка, конечно, предсказывать не можемъ, какъ бы лично мы ни склонны были думать, что это невозможно. Но одно мы можемъ сказать здѣсь съ полной достовѣрностью, а именно: если господствующіе классы и уступятъ безъ бою свои позиціи революціонному пролетаріату, то лишь въ томъ одномъ случаѣ, когда они будутъ видѣть въ немъ готовность прибѣгнуть ко всѣмъ, даже самымъ рѣшительнымъ средствамъ, способнымъ привести его, наконецъ, къ освобожденію. И наоборотъ, стоитъ лишь убѣдить народъ въ безплодности и нецѣлесообразности вооруженнаго сопротивленія, даже въ моменты самой горькой политической и нравственной обиды, стоитъ пріучить народъ къ полному невѣрію въ активный, дѣйствительный протестъ противъ правительства, чтобы тѣмъ самымъ кастрировать его революціонную энергію, разоружить его, такъ сказать, нравственно и физически и отдать его такимъ обезсиленнымъ и безоружнымъ на полный произволъ противнику.

Vis pacem, para bellum!

Іюнь 1904 г. *Подолянинъ.*

---

*) См. первый выпускъ сборника «По вопросамъ программы и тактики».

Марксизмъ и всеобщая стачка.

Всякій, кто внимательно слѣдитъ въ послѣдніе годы за развитіемъ современной соціально-революціонной мысли какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи, не можетъ не признать, что—такъ называемый ортодоксальный и якобы «единственно-революціонный» марксизмъ переживаетъ теперь послѣдніе, или, по крайней мѣрѣ предпослѣдніе, поистинѣ трагическіе дни своего существованія. Въ чистомъ видѣ его почти уже не существуетъ, процессъ его перерожденія быстрыми шагами идетъ впередъ, давая начало новымъ формамъ, различнымъ и даже несовмѣстимымъ, порождая тотъ хаосъ враждующихъ теченій, который заставляетъ говорить о кризисѣ въ современномъ соціализмѣ. Въ инстинктивномъ стремленіи спасти во что бы то ни стало свои обветшавшія догмы, свои крайне узкіе методы, какъ въ области теоріи, такъ и въ области практики, ортодоксально-марксистская литература фатально обрекла себя на духовное, такъ сказать, безплодіе, -на невольный грѣхъ двуязычія и на вольные грѣхи чисто-адвокатскихъ хитросплетеній и неискренней дипломатіи. На новые и все болѣе жгучіе запросы жизни эта литература даетъ отвѣты все менѣе ясные и прямые, уклончиво избирая обходные пути, заикаясь, теряясь въ лабиринтѣ оговорокъ, распространительныхъ толкованій и туманной фразеологіи. Въ предшествовавшихъ номерахъ «Р. Р.» мы привели множество тому примѣровъ, какъ изъ нашей отечественной, такъ и изъ германской марксистской литературы и «практики». Въ настоящее время посмотримъ, какъ послѣдніе и самые видные «могикане» правовѣрнаго марксизма рѣшаютъ одинъ изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ ближайшей революціонной борьбы съ буржуазнымъ обществомъ, а именно вопросъ о всеобщей стачкѣ. Вопросъ не новый, но и не старый, такъ какъ окончательнаго и вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія онъ и до сихъ поръ не нашелъ и, какъ извѣстно, будетъ служить предметомъ коллективнаго обсужденія на ближайшемъ Амстердамскомъ конгрессѣ. Международное соціалистическое бюро возложило на голландскихъ соціальдемократовъ щекотливую задачу представить Амстердамскому конгрессу докладъ и проэктъ резолюціи по этому вопросу, что и послужило одной изъ наиболѣе горячо дискутируемыхъ темъ на послѣднемъ, апрѣльскомъ конгрессѣ этой партіи въ Дордрехтѣ. Въ нѣдрахъ партіи обнаружился по этому поводу глубокій расколъ. Цѣлый рядъ выдающихся голландскихъ соціальдемокра-

товъ съ Vliegen'омъ во главѣ высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всеобщей стачки, какъ средства политической или революціонной борьбы; другіе, большинство, склонялись въ пользу всеобщей стачки,—но почему? Это чрезвычайно интересный фактъ: главнымъ образомъ, въ виду господствовавбудто бы, у пролетаріата какихъ-нибудь другихъ достаточно внушительныхъ средствъ борьбы,—какъ оборонительной борьбы противъ правительственныхъ насилій и репрессій, такъ и наступательной борьбы для завоеванія политической власти. Центральный органъ голландской соціальдемократіи «Nieuwe Tijd» такъ и писалъ: «Возможность рѣшительнаго столкновенія съ буржуазнымъ обществомъ и современнымъ государствомъ становится все вѣроятнѣе, и потому насущнымъ является вопросъ, какими средствами располагаетъ современный пролетаріатъ для своей защиты и нападенія? Вооруженное возстаніе? Но о немъ нельзя и думать до тѣхъ поръ, пока войско представляетъ собою безвольное орудіе въ рукахъ правительства. Отказъ въ уплатѣ податей? Но пролетаріатъ несетъ слишкомъ мало прямыхъ налоговъ, чтобы такимъ путемъ можно было чего-нибудь достигнуть. Отказъ отъ военной службы? Но это ведетъ не къ чему иному, какъ къ тюрьмѣ, а въ тревожное время даже къ смертной казни. Итакъ, —заканчиваетъ газета свои поиски,—единственное насильственное средство, какое только остается намъ, есть политическая стачка»... Такой силлогизмъ легъ въ основу составленнаго редакціей названнаго органа проекта доклада международному конгрессу о всеобщей стачкѣ. Силлогизмъ этотъ, разумѣется, имѣетъ силу лишь при согласіи безпрекословно признать справедливость цѣлаго ряда извѣстныхъ предпосылокъ весьма различной и порой крайне сомнительной цѣнности. Такъ, напр., вѣрно, что пролетаріатъ почти не платитъ прямыхъ налоговъ; но выводить отсюда, что отказомъ отъ платежа податей ничего нельзя сдѣлать, можно лишь въ томъ случаѣ, если заранѣе ограничить ряды борющейся соціалистической партіи кадрами чисто-пролетарскими и скинуть со счетовъ трудовое крестьянство; а здѣсь то и лежитъ одинъ изъ первородныхъ грѣховъ ортодоксальнаго марксизма. Отказъ отъ военной службы сопряженъ со строгими наказаніями; опять несомнѣнная истина, но въ виду этой истины устранить отказъ отъ военной службы изъ числа средствъ борьбы можно лишь въ такомъ случаѣ, если заранѣе признать необходимымъ приспособленіе къ легализаціи всей соціалистической работы и забыть о старой истинѣ, что «даромъ ничто не дается—судьба жертвъ искупительныхъ проситъ», и что «есть времена, есть цѣлые вѣка, въ которые нѣтъ ничего нужнѣе, желаннѣе—терноваго вѣнка». Нечего думать—говорятъ намъ далѣе—о вооруженномъ возстаніи, пока войско является безвольнымъ оружіемъ въ рукахъ правительства—но кто же запрещаетъ думать о работѣ въ войскѣ, о конспиративныхъ организаціяхъ нѣкоторыхъ элементовъ того же войска? Боязнь «заго-

ворщическихъ методовъ»? Боевой механизмъ правительственной репрессіи, говорятъ намъ, слишкомъ силенъ,—но что мѣшаетъ думать о его дезорганизаціи? Боязнь «впаденія въ старый, отжившій революціонизмъ»? Но отрѣшиться отъ этой словобоязни—первое условіе успѣха практической партіи, для которой вопросъ о методахъ борьбы не есть вопросъ абстрактныхъ принциповъ и апріорныхъ предпочтеній, а просто вопросъ времени и мѣста, вопросъ данныхъ конкретныхъ условій и соотношенія силъ.

Вотъ почему для насъ непріемлемъ силлогизмъ, легшій въ основу проекта голландскаго доклада. Но этотъ проектъ былъ отвергнутъ по другимъ мотивамъ, и, между прочимъ, за свою якобы крайнюю радикальность, выразившуюся особенно въ признаніи необходимости «насильственнаго средства». Оправдываясь, докладчики старались доказать, что терминъ «насиліе» слѣдуетъ понимать распространительно, и что при такомъ пониманіи ничего страшнаго въ этомъ словѣ нѣтъ: всякое средство, которое обнаруживаетъ силу даннаго класса и оказываетъ на другой классъ извѣстное давленіе, извѣстное воздѣйствіе принудительнаго характера, называется насильственнымъ. «Слово насильственное средство,—читаемъ мы въ Neue Zeit (№ 31),—послужило причиной нѣкотораго возбужденія. Но говорилъ же, вѣдь, Трельстра, въ своемъ рефератѣ о ввозныхъ и вывозныхъ пошлинахъ, о трестахъ, какъ о насильственныхъ средствахъ. Незачѣмъ думать сейчасъ же при этомъ о вилахъ или бомбахъ. Это слово означаетъ просто Machtmittel, т. е. тѣ средства, посредствомъ которыхъ одинъ классъ принуждаетъ другой»... Такъ комментируетъ всю эту марксистскую путаницу Henriette Roland-Holst, одинъ изъ докладчиковъ по данному вопросу на Дордрехтскомъ конгрессѣ, и тутъ же отъ себя присовокупляетъ: «въ концѣ концовъ рабочій классъ не располагаетъ никакимъ насильственнымъ средствомъ, кромѣ стачки»... *) Проектъ резолюціи, принятый на конгрессѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ и обреченный, такимъ образомъ, фигурировать на Амстердамскомъ конгрессѣ, отрицаетъ возможность такъ называемой «абсолютной» всеобщей стачки въ смыслѣ всеобщей (а не частичной) пріостановки работъ во всѣхъ видахъ и отрасляхъ промышленности; признаетъ возможнымъ успѣшное давленіе такой частичной—лишь въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отрасляхъ—пріостановки работъ на правящіе классы въ критическіе, революціонные моменты и обусловливаетъ этотъ успѣхъ предварительной самоорганизаціей рабочаго класса.

Спрашивается: къ чему заранѣе такое ограниченіе размѣровъ всеобщей стачки? «Абсолюта», конечно, не существуетъ ни въ какихъ областяхъ мысли и жизни. Когда говорится о «всеобщемъ возстаніи», то вѣдь тоже не имѣется въ виду «абсолютно-

*) См. обо всей этой, нѣсколько сложноватой исторіи съ выработкой резолюціи о всеобщей стачкѣ для А. конгресса въ Neue Zeit, №№ 30, 31 и 37 (1904).

всеобщее» возстаніе, возстаніе, которое охватитъ безусловно всѣ самые глухіе и заброшенные уголки страны. Если угодно, всеобщая стачка, какъ и всеобщее возстаніе суть политическія «предѣльныя понятія»: къ нимъ возмжно и желательно безконечное, т. е. неопредѣленно большое приближеніе. Это во первыхъ. А во вторыхъ, есть такія отрасли промышленности (какъ перевозочная, каменоугольная, металлургическая и т. п.), остановка работъ въ которыхъ парализуетъ всю промышленную жизнь страны, пріостанавливаетъ массу зависящихъ отъ нихъ отраслей промышленности, подобно тому, какъ параличъ извѣстныхъ центровъ нарушаетъ нормальное функціонированіе всей нервной системы. И потому проведеніе всеобщей стачки вовсе не предполагаетъ, что заранѣе долженъ состояться колоссальный сговоръ чуть ли не всѣхъ отраслей производства; благодаря органической связи между различными отраслями, забастовка въ однихъ принудитъ къ пріостановкѣ работъ въ другихъ; массовая психическая зараза довершитъ остальное.

* * *

Но и массовая политическая стачка, какъ средство борьбы, въ комментаріяхъ къ резолюціи объявлено крайне опаснымъ, а примѣненіе его оговорено цѣлымъ рядомъ строжайшихъ условій. Главное изъ этихъ условій—широкая организація рабочаго класса и чисто-матеріальная подготовленность къ тому, чтобы вынести неизбѣжныя лишенія въ теченіе стачки. Но если бы принять это условіе, то въ Россіи, напр., слѣдовало бы совершенно отказаться отъ всеобщей стачки до низверженія самодержавія, ибо профессіональныя рабочія организаціи, съ наполненными стачечными кассами, у насъ немыслимы. А, между тѣмъ, вопреки всякимъ догматикамъ, всеобщія стачки у насъ были и настолько оправдали себя, что заднимъ числомъ онѣ были санкціонированы даже былыми ихъ противниками. Вспомнимъ, напр., что наканунѣ всеобщихъ стачекъ «Искра» писала: «всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массоваго движенія, растрачиваетъ большую ея часть крайне непроизводительно» (№ 40). Но стоило прокатиться лавинѣ всеобщихъ стачекъ по югу Россіи—и фронтъ мѣняется. Движеніе самихъ рабочихъ снова перерастаетъ своихъ ортодоксально-марксистскихъ руководителей, — дѣлаетъ, несмотря на нихъ, отчасти вопреки имъ, таща ихъ за собою «въ хвостѣ движенія», крупный шагъ впередъ — и вотъ заднимъ числомъ, приложеніемъ комитетскаго штемпеля узаконивается «средство борьбы, заранѣе обреченное на неудачу», и ведущее къ непроизводительной растратѣ силъ, и даже оказывается, что чуть ли не россійскимъ ортодоксальнымъ марксистамъ мы и обязаны всѣмъ этимъ стачечнымъ движеніемъ...

Такъ же точно «заднимъ числомъ» одобрена всеобщая стачка и западно-европейскими марксистами. Привыкшіе къ мысли о чисто-механическомъ «самоотрицаніи», о грядущемъ чисто-хозяйственномъ банкротствѣ и крушеніи капиталистическаго хозяйства, они стараются представить себѣ революцію пролетаріата въ возможно болѣе легальныхъ формахъ. Въ случаѣ самой крайней обиды и невыносимаго угнетенія — говорятъ они теперь рабочимъ массамъ — у васъ нѣтъ иного средства, кромѣ стачки; о другихъ средствахъ, о вооруженномъ возстаніи вы и не думайте, да и до массовой политической стачки вы еще не доросли, даже и по отношенію къ ней надо еще многое взвѣсить да пораздумать. Вооруженное возстаніе, баррикадная борьба, изъятіе изъ обращенія, хотя бы въ такихъ странахъ, какъ Россія, наиболѣе опасныхъ и кровожадныхъ чэмпіоновъ современнаго режима, все это-де уже старые, отжившіе, «буржуазные» методы революціи; у насъ есть-де свои собственные «пролетарскіе» методы завоеванія государственной власти и отраженія всякаго рода реакціонныхъ coups d'état, даже не методы, а м е т о д ъ, одинъ единственный всеспасающій, вновь открытый методъ революціи,—стачка со скрещенными на груди руками и притомъ съ обязательнымъ, безусловнымъ воздержаніемъ отъ всякихъ аггрессивныхъ вспышекъ и «увлеченій»; «die zielbewusste Passivität», какъ говоритъ Каутскій—ц ѣ л е с о з н а т е л ь н а я п а с с и в н о с т ь,—вотъ послѣднее слово ортодоксально-марксистской революціонности, вотъ наивысшая мудрость ихъ революціонной стратегіи,—взятая на прокатъ у французскихъ аллеманистовъ и революціонныхъ синдикалистовъ, но подправленная и отполированная подъ цвѣтъ или, лучше сказать, подъ безцвѣтность ортодоксальной «умѣренности и аккуратности». Стараясь возможно рѣзче отграничить свою концепцію всеобщей стачки отъ концепціи анархистской, современные марксисты не довольствуются подчеркиваніемъ того, что признаніе всеобщей стачки не вытѣсняетъ у нихъ идеи о необходимости парламентской акціи. Они стараются даже слово «всеобщія» замѣнить новымъ терминомъ—«массовыя» или «политическія» стачки. Они возможно рѣзче подчеркиваютъ основную идею, проникающую всю ихъ аргументацію въ пользу всеобщей стачки: осуществленіе революціоннаго переворота путемъ совершенно новымъ, исключительно, специфически-пролетарскимъ,—п р і о с т а н о в л е н і е м ъ р а б о т ъ, п а с с и в н ы м ъ с о п р о т и в л е н і е м ъ. Они присоединяютъ сюда еще одно непремѣнное, с т р о г о о г о в а р и в а е м о е воздержаніе отъ всякаго нападенія оружіемъ, въ чемъ Каутскій и другіе усматриваютъ столь нежелательную для нихъ «инсуррекцію», вооруженное возстаніе, а «слѣдовательно» и пораженіе пролетаріата. Органическая, конституціональная и хроническая, такъ сказать, однобокость «ортодоксальнаго» марксизма сказалась и тутъ, въ этой неспособности начертить синтетическую, разностороннюю с и с т е м у средствъ революціонной борьбы съ могущественнымъ противникомъ, въ этомъ уто-

пическомъ увлеченіи лишь какой-либо одной стороной дѣла и въ возведеніи одной какой либо мѣры въ едино-спасательную панацею, исключающую возможныя другія, быть можетъ, столь же полезныя средства и методы. Слабость аллеманистской, анархистской, революціонно-синдикалистской концепціи всеобщей стачки заключалась въ томъ, что она не вдвигалась въ систему средствъ борьбы, какъ одно изъ ея звеньевъ, а возводилась во всеисчерпывающее средство борьбы, въ волшебную разрывъ-траву, отпирающую всѣ замки и запоры. Ортодоксальный марксизмъ лишь на словахъ возсталъ противъ этой слабости, на дѣлѣ же усугубилъ ее, вытравивъ изъ всеобщей стачки «чуждые» ей элементы вооруженной борьбы. Ибо, хотя Каутскій и говоритъ, что задача всеобщей стачки — не замѣнить, а дополнить другія средства борьбы, но подъ другими средствами, кромѣ парламентской дѣятельности, не подразумѣвается ничего опредѣленнаго, а лишь на всякій случай оставляется лазейка: «могутъ развиться еще другія средства и методы борьбы, о которыхъ мы теперь даже и не мечтаемъ.» Пока-же проповѣдуется «цѣлесознательная пассивность» и осуждаются противуположные ей «буржуазные способы революціи.» «Vorwaerts» посвящаетъ памяти погибшихъ борцовъ 1848 года передовыя статьи подъ заглавіемъ «Ein Irrthum» (заблужденіе), т. е. заблужденіе де въ томъ, будто вооруженными инсуррекціями да баррикадной борьбой можно революціонизировать общество и т. д., и т. д.—словомъ, получается какая-то удивительная помѣсь толстовщины съ чисто-мѣщанской, нѣмецко-филистерской умѣренностью и аккуратностью. Люсня не даромъ упрекнулъ Каутскаго въ «половинчатости» и «робости мысли» за ту главу его новѣйшей брошюры, гдѣ онъ говоритъ о «формахъ и оружіяхъ соціальной революціи». Но и въ отвѣтныхъ статьяхъ Каутскаго, написанныхъ по поводу возраженія Люсни, мы находимъ все тотъ же видимый упадокъ революціонной мысли и революціонной вѣры у самаго выдающагося теоретика марксизма (см. «Allerhand Revolutionaeres», Neue Zeit №№ 21-23). Увѣряя и себя и другихъ на протяженіи долгихъ страницъ, что современному пролетаріату большинства европейскихъ странъ нѣтъ другого пути къ завоеванію политической власти, кромѣ «цѣлесознательной пассивности» и мирной массовой стачки, Каутскій въ то же время оговариваетъ примѣненіе этого средства къ дѣлу столь густой паутиной всякаго рода скептическихъ н о и е с л и, что у читающихъ его и вѣрящихъ ему рабочихъ можетъ пропасть всякая охота прибѣгнуть когда нибудь къ такому сомнительному ultima ratio. Въ главѣ о «предварительныхъ условіяхъ политической стачки» мы находимъ въ числѣ такихъ оговорокъ, напр., то соображеніе, что-де пролетаріатъ т о л ь к о т о г д а можетъ надѣяться на успѣхъ свой стачки, если онъ имѣетъ дѣло хотя и съ грубымъ, но внутренно слабымъ и безголовымъ (kopflosen) правительствомъ, которое не пользуется болѣе довѣріемъ даже у и м у щ и х ъ к л а с с о в ъ, у б ю р о к р а т і и и а р м і и (!). Что же касается сильна-

го, дальнозоркаго правительства, импонирующаго всѣмъ (?) слоямъ народа, то побѣдить его путемъ политической стачки едва ли возможно... Методъ побѣдить такое правительство вообще не изобрѣтенъ»... Правда, Каутскій тутъ же присовокупляетъ, что особенно жаловаться тутъ нечего, ибо сама ужъ тенденція современнаго общественнаго развитія такова, что отчуждаетъ отъ правительства всѣ классы, дѣлаетъ ихъ недовольными имъ. Но всякій видитъ, что это не болѣе какъ фраза, и что относительная солидарность господствующихъ классовъ можетъ послужить нерѣдко примѣромъ и поученіемъ для современныхъ соціалистическихъ партій, разъѣдаемыхъ братоубійственной враждой, и притомъ, не всегда изъ за серьезныхъ разногласій. Да и самъ Каутскій, въ своей послѣдней брошюрѣ (стр. 48 нѣм. изд.) о соціальной революціи отмѣчаетъ ту особенность этой послѣдней, что въ ней пролетаріатъ, именно п р о л е т а р і а т ъ, а не правительство, будетъ имѣть противъ себя «всю націю». Но вѣдь если это вѣрно, то выжидать у моря погоды, надѣяться на наступленіе такого момента, когда не только господствующіе классы, но даже и «бюрократія», т. е. само же правительство, измѣнитъ правительству,—означало бы для революціоннаго пролетаріата отказаться, вообще, отъ своихъ конечныхъ цѣлей.

Далѣе. Въ статьѣ Каутскаго мы находимъ еще цѣлый рядъ условій, которымъ должна удовлетворять всеобщая стачка, чтобы не быть безрезультатной затратой силъ. Достаточно пересмотрѣть цѣлый перечень этихъ условій, чтобы понять, насколько нелѣпо, съ этой точки зрѣнія, разсчитывать на всеобщую стачку намъ, русскимъ соціалистамъ. Вотъ эти условія: 1) пролетаріатъ долженъ составлять большинство населенія, быть умственно развитымъ и въ значительной своей части прочно организованнымъ и дисциплинированнымъ; 2) онъ долженъ быть способнымъ выдвигать въ революціонный моментъ изъ своей среды все новыхъ вождей, если старые будутъ вырываемы изъ строя; 3) ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ позволить себя провоцировать, а наоборотъ, оставаться спокойнымъ и сдержаннымъ, во что бы то ни стало; 4) индустрія должна быть очень развитой, а рабочій классъ—пройти «долгую школу политической и профессіональной борьбы»; 5) всеобщая стачка должна быть неожиданной для правительства и продолжаться возможно болѣе короткое время, ибо,—поясняетъ Каутскій,—не побѣдитъ она въ первые же дни, тогда съѣстные припасы и другіе насущные предметы потребленія у рабочихъ придутъ быстро къ концу, и имъ придется или сдаться,—или—что еще хуже—нарушить существующій правовой порядокъ, овладѣть насильственно средствами къ жизни»; но «послѣднимъ шагомъ почва революціи со скрещенными руками была бы оставлена и началась бы инсуррекція». Послѣдняя же, какъ извѣстно, марксистской стратегіей строжайше воспрещается. 6) На массовую политическую стачку не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство защиты или завоеванія какихъ либо частныхъ политическихъ

правъ, «будь то даже избирательное право или право союзовъ или что либо подобное»; къ ней можно прибѣгать лишь «въ революціонные моменты, когда дѣло идетъ о завоеваніи всей государственной власти». Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что, напр., германская соціальдемократія не прибѣгла бы къ массовой стачкѣ даже въ томъ случаѣ, если бы Вильгельму вздумалось отнять у германскаго народа современную избирательную систему. Какъ видите, разстояніе между Каутскимъ и Давидомъ фактически не столь ужъ большого размѣра... Наконецъ, седьмое условіе успѣшности и примѣнимости массовой стачки есть—осторожность и благоразуміе, благоразуміе и осторожность,—это, очевидно, въ pendant къ знаменитымъ словамъ Маркса, что въ революціонныя эпохи нужно, «какъ сказалъ Дантонъ, величайшій изъ извѣстныхъ до настоящаго времени мастеровъ революціи—de l'audace, de l'audace, encore de l'audace! (смѣлость, смѣлость, и еще разъ смѣлость!)» «Каждый изъ борющихся рискуетъ при этомъ, если и не прямо жизнью, то все же своимъ экономическимъ положеніемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ при обыкновенной стачкѣ... Пораженіе въ политической массовой стачкѣ, если только послѣдняя будетъ доведена до своего крайняго момента, означаетъ пораженіе цѣлаго рабочаго класса, истребленіе всѣхъ его экономическихъ и политическихъ организацій, полное боевое истощеніе пролетаріата на долгіе годы»...

Такъ пишетъ первый теоретикъ наиболѣе радикальнаго крыла марксизма, такъ подготовляетъ онъ рабочія массы къ предстоящей соціальной революціи! Намъ думается, что ничто не въ состояніи такъ «истощить боевую силу пролетаріата», какъ именно подобныя рѣчи его вождей, разъ только онѣ будутъ приняты имъ на вѣру и станутъ его практическимъ евангеліемъ. А, вѣдь, сколько развелось теперь въ нѣдрахъ той же марксистской соціальной демократіи теоретическихъ и практическихъ вождей, для которыхъ даже такія рѣчи «верхъ безумія», и которые внѣ себя отъ цитированныхъ выше статей Каутскаго: послѣдній-де стремится сбить партію съ покойной, годами протоптанной эволюціонной дорожки на опасный и безплодный путь революціи (!), внося тѣмъ самымъ смуту въ умы рабочихъ массъ и т. д., совершаетъ словомъ, по Давиду, такъ называемый «Ruckschlag in den Revolutionarismus»... Другой оппортунистъ, Эдмундъ Фишеръ, правда, относится болѣе хладнокровно къ «революціоннымъ» потугамъ своихъ ортодоксальныхъ товарищей,—но почему? Потому что—какъ онъ увѣренно заявляетъ, «ни одному человѣку въ нашей партіи и въ голову не придетъ брать въ серьезъ эти фразы». Въ этомъ съ Фишеромъ согласенъ и его близкій другъ, Вильгельмъ Кольбъ, который совершенно резонно ссылается на отклоненіе радикальнымъ большинствомъ послѣдняго, Дрезденскаго, партейтага предложенія Фридберга включить вопросъ о всеобщей стачкѣ въ число предметовъ обсужденія ближайшаго съѣзда. (Смотри относящіяся сюда статьи въ послѣднихъ номерахъ Soc.

Monatsh). Подобное же мнѣніе высказываетъ и В. Гейне, замѣчая, что статьи и рѣчи Каутскаго, Бебеля и другихъ лишь запоздалое эхо былого — давно, давно былого—революціонизма, одна только «фразеологія», навѣянная «чужеземными литераторами».

* * *

Настоящая постановка вопроса о всеобщей стачкѣ формулирована не въ первый разъ въ марксистской литературѣ. Еще десять лѣтъ тому назадъ ту же идею впервые развилъ въ журналѣ «Neue Zeit» (B. I, S, 689) не кто иной, какъ Эд. Бернштейнъ въ статьѣ, озаглавленной: «Der Streik als politisches Kampfesmittel» (1893—94 г.) Но онъ едва лишь намѣтилъ основныя черты данной темы.

«Генеральная стачка» въ томъ смыслѣ, что въ одинъ прекрасный день всѣ рабочіе отложатъ въ сторону плуги и т. д., чтобы посредствомъ этого приготовить быстрый конецъ существующему порядку—такая всеобщая стачка есть поэтическій сонъ, чистѣйшая утопія. Всеобщая стачка, какъ средство повести рабочихъ на баррикады, есть просто безуміе, ибо ни одинъ человѣкъ, способный разсчитывать, не вѣритъ, чтобы при современномъ техническомъ развитіи господствующаго во всѣхъ странахъ милитаризма на сторонѣ народа могли быть сколько нибудь заслуживающіе вниманія шансы успѣха при открытой борьбѣ съ войскомъ. Во всѣхъ странахъ бываютъ моменты, когда господствовавшіе до того времени классы или силы сами себя не понимаютъ, когда въ народѣ, благодаря промышленному кризису или разстройству государственнаго хозяйства, царитъ глубокое недовольство, а сверху господствуетъ безтолковость, разъединенность и полусклонность къ уступкамъ. Въ такихъ положеніяхъ политическая стачка можетъ подѣйствовать въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда дѣйствовала баррикадная борьба».

Сообразно этому и Каутскій—хотя въ еще болѣе неопредѣленной формѣ—предложилъ на одной секціи Цюрихскаго международнаго соціалистическаго конгресса резолюцію, согласно которой «массовая стачка, при извѣстныхъ условіяхъ, могла бы быть въ высшей степени дѣйствительнымъ средствомъ не только въ экономическихъ, но и въ политическихъ конфликтахъ; но средство это можетъ быть примѣнено съ успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если есть на лицо сильная профессіональная и политическая организація рабочаго класса». Конгрессъ, однако, не нашелъ времени для вотированія этой резолюціи. Еще болѣе неопредѣленная оговорка въ смыслѣ такого же «допущенія» была сдѣлана Каутскимъ ранѣе, въ 1891 г., когда, при обсужденіи Эрфуртской программы, онъ признавалъ, что «при извѣстныхъ условіяхъ, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, когда рабочія массы сильнѣйшимъ образомъ возбуждены грандіозными событіями, массовыя забастовки могутъ привести къ крупнымъ политическимъ результатамъ». Эта неопредѣленная формулировка, именно по своей неопредѣленности, допускала болѣе широкія толкованія,

чѣмъ современная, столь съузившая рамки примѣнимости всеобщей стачки и потому являющаяся, въ нашихъ глазахъ, шагомъ не впередъ, а назадъ.

Эти осторожныя допущенія продуктивности, въ особо благопріятныхъ случаяхъ, не «всеобщей», но все таки «массовой» стачки, были, однако, лишь первыми симптомами нѣкотораго поворота въ пользу всеобщей стачки отъ прежняго огульнаго ея отрицанія — ибо, какъ мы увидимъ ниже, ранѣе она всецѣло и крайне рѣшительно отрицалась. Болѣе рѣшительно выступилъ въ защиту всеобщей стачки Парвусъ въ 1896 году. Онъ, по крайней мѣрѣ, не отрицалъ пользованія всеобщей стачкой для отстаиванія или завоеванія частичныхъ политическихъ правъ. Но, конечно, и онъ находилъ, что въ случаѣ, напримѣръ, реакціоннаго государственнаго переворота народъ въ своихъ отношеніяхъ къ вооруженной силѣ долженъ усвоить слѣдующій лозунгъ: «Никакой баррикадной борьбы! Никакого сопротивленія насиліемъ! Не давать себя провоцировать! Спокойно выжидать того момента, когда процессъ моральнаго разложенія, которое неминуемо должно наступить, вызоветъ замѣшательство среди виновниковъ преступнаго предпріятія и вынудитъ ихъ къ отступленію».

Но въ свое время статья Парвуса не произвела еще особеннаго впечатлѣнія на руководящіе слои германской соціальдемократіи. «Generalstreik ist Generalunsinn» т. е., примѣрно «универсальная стачка есть универсальное безуміе»—эти слова Ауэра были общепризнанной формулой въ самыхъ вліятельныхъ и руководящихъ кругахъ этой партіи. Да и что въ этомъ удивительнаго, когда еще самъ «учитель», самъ Фридрихъ Энгельсъ, при томъ еще при жизни Карла Маркса и, стало быть, въ согласіи съ нимъ, задалъ тонъ соціальдемократіи въ этомъ вопросѣ?

Теперь, когда всеобщая стачка, съ точки зрѣнія единственно-научной теоріи экономическаго матеріализма, возведена въ рангъ истинно-пролетарскаго, и даже единственнаго истинно-пролетарскаго средства борьбы,—теперь почти всѣми ортодоксальными марксистами поспѣшно и основательно забыто, что еще въ 1873 году, въ журналѣ Volksstaat, въ статьѣ, изданной потомъ отдѣльной брошюрой, «Die Bakunisten an der Arbeit», Фр. Энгельсъ съ точки зрѣнія той же единственной истинно-научной теоріи совершенно отрицалъ это средство борьбы и писалъ о всеобщей стачкѣ слѣдующія убійственно-ироническія строки:

«Въ бакунистской программѣ всеобщая стачка является тѣмъ рычагомъ, который долженъ быть пущенъ въ ходъ, чтобы придвинуть соціальную революцію. Въ одно прекрасное утро всѣ рабочіе всѣхъ отраслей производства данной страны,—а не то такъ и цѣлаго міра — бросаютъ работу и, самое большее въ какихъ нибудь четыре недѣли, такимъ путемъ заставляютъ имущіе классы либо сдаться, либо напасть на рабочихъ и тѣмъ самымъ дать имъ право прибѣгнуть къ самозащитѣ, а при семъ удобномъ случаѣ и выбросить за бортъ все старое общество...

«Проектъ этотъ далеко не новый. Французскіе, вслѣдъ за ними и бельгій-

скіе соціалисты, еще со временъ 1848 г. усиленно гарцевали на этомъ парадномъ конѣ, который, однако, по своему происхожденію принадлежитъ къ англійской расѣ. Во время быстраго и сильнаго развитія чартистскаго движенія, наступившаго послѣ кризиса 1837 года, между англійскими рабочими проповѣдывался уже въ 1839 году такъ называемый «священный мѣсяцъ»—остановка работы въ общенаціональномъ масштабѣ; и эта проповѣдь нашла такой откликъ, что въ іюлѣ 1842 года фабричные рабочіе сѣверной Англіи пытались выполнить это предпріятіе.

«Точно также и на Женевскомъ конгрессѣ членовъ «альянса» (тайное революціонное сообщество въ нѣдрахъ Интернаціонала, основанное Бакунинымъ), 1-го сентября 1873 года, всеобщая стачка играла великую роль; но тутъ уже со всѣхъ сторонъ было признано, что для нея необходимы, во первыхъ—всесторонняя организованность рабочаго класса, а во вторыхъ—наполненныя деньгами кассы. Но въ этомъ то и заключается вся загвоздка. Съ одной стороны, существующія правительства—особенно если мы придадимъ имъ духу воздержаніемъ отъ участія въ политической жизни—не допустятъ, чтобы дѣло роста рабочихъ организацій и кассъ дошло до такой высокой степени развитія; съ другой же стороны, политическія событія и выходки господствующихъ классовъ поставятъ на очередь освобожденіе рабочихъ значительно раньше того, когда пролетаріатъ дойдетъ до созданія такой идеальной организаціи и такого колоссальнаго фонда. А если бы онъ ихъ и имѣлъ, такъ тѣмъ паче онъ не будетъ нуждаться для достиженія своихъ цѣлей въ такомъ окольномъ пути, какъ всеобщая стачка.»

Какъ это все просто... или, лучше сказать, упрощенно! И до какой степени вся эта аргументація бьетъ мимо своей цѣли!

Энгельсъ противъ всеобщей стачки, и насмѣхается надъ этой, якобы «бакунистской» или «анархической» идеей. И, однако, желая уколоть «бакунистовъ» указаніемъ, что все это далеко не ново, онъ самъ же на фактахъ показываетъ, что идея всеобщей стачки явилась на свѣтъ внѣ и помимо всякихъ анархистскихъ теорій, да и вообще была порождена не какой нибудь книжкой, кабинетной теоріей, а самой жизнью, практикой рабочей борьбы; что впервые ее испробовали англійскіе рабочіе во времена чартизма, а затѣмъ, съ 1848 года, она ожила въ рядахъ французскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ. Далѣе Энгельсъ раздѣлывается со всеобщей стачкой простымъ силлогизмомъ, который сводится, примѣрно, вотъ къ чему: либо нѣтъ достаточно сильной и всесторонней организаціи рабочихъ — тогда всеобщая стачка не будетъ имѣть успѣха и ею мы ничего не добьемся, а только будемъ понапрасну тратить силы; либо есть на лицо такая организованная сила—тогда всеобщая стачка излишня, и рабочій классъ «прямо» сдѣлаетъ революцію. Какъ видите, это все тотъ же знаменитый «симплицистскій» методъ доказательства, которымъ современные марксисты раздѣлывались съ терроромъ (либо силъ для революціи мало—тогда и терроромъ ничего не достигнешь, либо ихъ достаточно,—тогда терроръ лишенъ, можно сдѣлать «прямо» революцію, и которымъ, если бы понадобилось, они могли бы столь же легко и просто раздѣлаться также и съ демонстраціями (либо—безрезультатны, либо—излишни). Этотъ зна-

менитый силлогизмъ основанъ на удивительномъ пониманіи революціи: предполагается, что рабочій классъ до извѣстнаго момента консервируется, маринуется на чисто «умственной» подготовкѣ, воздерживается отъ всякихъ мѣръ отпора и нападенія, отъ всякихъ способовъ непосредственнаго употребленія силы противъ своихъ враговъ, а затѣмъ, въ какой то мистическій «моментъ», онъ вдругъ оказывается способнымъ выступить на улицахъ и «прямо» сдѣлать революцію. Эта теорія похожа на то, какъ если бы кто нибудь ради «накопленія силъ» переставъ бы затрачивать мускульную энергію на какую бы то ни было работу и думалъ, что именно такимъ образомъ онъ разовьетъ крѣпость мышцъ и увеличитъ запасъ силы въ нихъ. Жалкая ошибка, за которую можно поплатиться безнадежной дряблостью и разслабленіемъ всей мускульной системы, утратой способности производить сколько нибудь трудную работу. Забываютъ, что возстаніе, революція въ смыслѣ окончательнаго штурма и взятія вражескихъ позицій можетъ быть лишь заключительнымъ аккордомъ, послѣднимъ звеномъ въ длительномъ процессѣ борьбы; что ему должна предшествовать цѣлая система оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій, въ которой могутъ найти свое мѣсто и всеобщія стачки, и частныя инсуррекціи, и демонстраціи, и, гдѣ это нужно, террористическіе акты; что совершенно нелѣпо, поэтому, противополагать р е в о л ю ц і ю, какъ рѣшительный, послѣдній штурмъ, всѣмъ предварительнымъ военнымъ дѣйствіямъ и отвергать эти послѣднія, ибо они еще не штурмъ, и «стало быть» (?!?) либо излишни, если штурмъ ужъ возможенъ, либо преждевременны и вредны, если штурмъ еще невозможенъ.

Наконецъ, какъ неосторожна иронія Энгельса о соціалистахъ, «гарцующихъ на парадномъ конѣ» идеи о всеобщей стачкѣ! Энгельсъ не зналъ, что его иронія попадетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ его собственныхъ послѣдователей, нынѣ не желающихъ гарцовать ни на какомъ иномъ «парадномъ конѣ». А между тѣмъ, такъ и случилось—и неудивительно, что такъ случилось.

Настали времена критическія, воздухъ насыщенъ элементами конфликта и революціонныхъ катаклизмовъ, возникла жгучая потребность вооружиться, подготовиться къ рѣшительной борьбѣ. Къ руководящимъ умамъ марксизма предъявленъ былъ суровый и настойчивый вопросъ о путяхъ и средствахъ предстоящей революціи. Уклоняться, избѣгать обходными путями отвѣта стало болѣе невозможнымъ, приходилось спасать честь и реноме своего ортодоксальнаго радикализма, и вотъ... даже осмѣянная учителемъ всеобщая стачка, съ достодолжными поправками, оказалась меньшимъ изъ золъ, между которыми пришлось выбирать. Полемика учителя противъ всеобщей стачки была забыта,—за то вспомнили о Парвусѣ, о «мирной» пассивной стачкѣ, которая—о диво!—и революцію совершаетъ, и кровь не проливаетъ, даже—чего ужъ лучше!—«правоваго порядка не нарушаетъ»,—прямо таки очаровательное средство, не требующее ни

особаго героизма, ни слишкомъ большой отвѣтственности, ни убійствъ, ни риска жизнью, ни другихъ «чисто-буржуазныхъ» методовъ борьбы. И вотъ, мы видимъ, какъ къ все болѣе поднимающей вверхъ голову проповѣди непротивленія, компромисса, миролюбія,—проповѣди, разносимой повсюду такъ называемыми оппортунистами, присоединяется въ послѣднее время новая пропаганда «цѣлесознательной пассивности», «благоразумія», выжиданія у моря погоды и принципіальнаго, безусловнаго отрицанія той великой «критики оружія», которая до сихъ поръ всегда являлась необходимымъ и благотворнымъ дополненіемъ и увѣнчаніемъ «оружія критики».

«Буржуазные методы революціи!»

Грубая, варварская сила господствующихъ классовъ, безпрепятственно собирающая и стягивающая всѣ свои орудія насилія и истребленія; изумительно тонкая и умѣлая стратегическая подготовленность ея къ борьбѣ съ «внутреннимъ врагомъ»; всегдашняя готовность ея безъ всякаго колебанія, даже въ менѣе рѣшительныя для нея минуты, растоптать, потопить въ крови цѣлыя массы безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей (приводить ли къ тому примѣры изъ современной же намъ жизни?); вѣроломство, страшная жажда мести за кое-какія нанесенныя ей частныя обиды и пораженія, небывалыя до сихъ поръ оружія массовой борьбы и истребленія,—и противъ всего этого раздается теперь маниловская пропаганда, пассивнаго сопротивленія, противъ всего этого подготовляются и выстраиваются лучшіе рабочіе батальоны съ открытыми грудями, безоружными, увѣренными въ «ненужности» активнаго сопротивленія, въ «безплодности» борьбы *всѣми средствами*,—выстраиваются обезсиленными, беззащитными! Забыты безсмертныя слова Маркса, что «крайне безполезны чисто легальныя средства сопротивленія по отношенію къ врагу, который презираетъ такую совѣстливость». Вмѣсто «*буржуазныхъ*» методовъ революціи, нуждающихся лишь въ расширеніи, въ усовершенствованіи, намъ предлагаютъ *маниловскіе*, мирные, «законные», утопическіе методы, поражающіе своей однобокостью и наивностью. И кто предлагаетъ? Не какіе либо толстовцы, оппортунисты, салютисты арміи спасенія и тому подобные «игрушечнаго дѣла людишки», нѣтъ,—подобныя вещи предлагаютъ люди, которымъ извѣстна суровая правда жизни и которые мнятъ себя—не въ примѣръ инымъ прочимъ—обладателями самыхъ правильныхъ методовъ познанія общественной статики и динамики! Вчерашнее убѣжденіе, что всеобщая стачка есть «Unsinn», недавнее еще упрямо-догматическое и близорукое отрицаніе *одного изъ* превосходныхъ, при надлежащей постановкѣ, средствъ революціонной борьбы,—превратились сегодня—не по закону ли діалектики?—въ свою совершенную противоположность: всеобщая стачка изъ «безсмыслицы» стала панацеей, специфически—марксистской, «пролетарской» идеей революціонной борьбы,—идеей, исключающей всякое ап-

пелированіе къ «грубой»—fi donc!—силѣ, къ вооруженному возстанію, къ баррикадной борьбѣ, не говоря уже о террористическихъ актахъ противъ деспотизма. «Пролетарская точка зрѣнія», вѣдь, все стерпитъ; опираясь на нее и во имя ея можно, вѣдь, говорить сегодня одно, завтра совсѣмъ другое, съ одинаковымъ апломбомъ и нетерпимой самоувѣренностью, выдавая «сны своего сердца» за непогрѣшимую истину и этимъ импонируя наивнымъ и довѣрчивымъ людямъ, — ибо, въ самомъ дѣлѣ, кто разоблачитъ ничтожество этихъ притязаній на непогрѣшимость? Кто раскроетъ противорѣчивость, зигзаги и непослѣдовательность этого мнимо-стройнаго и яко-бы научнаго доктринерства? Кто, если не считать суда исторіи. А часъ его уже близокъ...

Іюль 1904 г. *Ред.*

Насущные вопросы современной революціонной стратегіи.

Die Kampfesweisè von 1848 ist heúte in jeder Beziehung veraltet.

Fr. Engels.

Баррикады устарѣли... баррикадная борьба народа съ войсками теперь немыслима... На широкихъ и прямыхъ улицахъ современныхъ городовъ каждая баррикада можетъ быть издали снесена однимъ пушечнымъ выстрѣломъ... Народу теперь гораздо труднѣе вооружиться, а правительство сильнѣе, чѣмъ когда либо: чудеса военной техники дѣлаютъ стальное чудовище милитаризма непобѣдимымъ въ открытой борьбѣ... Звать народъ къ уличному возстанію, вести его противъ войскъ—чистѣйшее безуміе и революціонный авантюризмъ...

Эти и подобные разговоры теперь постоянно на устахъ у современныхъ марксистовъ, опирающихся при этихъ разговорахъ

вѣчно на одинъ и тотъ же авторитетъ—Энгельса. Считая его аргументацію непоколебимой, они естественно переходятъ къ идеѣ о «революціи со скрещенными на груди руками», къ преувеличенію шансовъ мирной и «невооруженной революціи», къ переоцѣнкѣ законности и парламентаризма, къ той переоцѣнкѣ, которую, въ ея крайнихъ формахъ, Марксъ уже чрезвычайно давно окрестилъ «парламентскимъ кретинизмомъ»—или, наконецъ, къ убѣжденію въ томъ, что революція разыграется «сама собою», «стихійно», такъ что думать о техникѣ непосредственно-революціонной борьбы, осуждать стратегически средства, орудія и пріемы возможныхъ революціонныхъ битвъ особенно не приходится. На этой почвѣ развивается своеобразная психологія: революція, въ смыслѣ рѣшительнаго столкновенія, когда въ ходъ пускаются всѣ рессурсы и силы, вплоть до физической, вооруженной мощи—эта революція кажется многимъ современнымъ соціалистамъ «прыжкомъ въ неизвѣстное»—въ совершенно темное, загадочное неизвѣстное, гдѣ они будутъ «безъ кормила и весла». Польскій соціалистъ Люсня охарактеризовалъ это своеобразное настроеніе, какъ «страхъ передъ революціей и стремленіе не думать и не говорить объ ней», откуда и вытекаетъ, съ другой стороны, стремленіе «увѣрить себя и другихъ въ томъ, что революція можетъ и должна быть безоружной (unbewaffnet)». Поддаваться и впредь этому настроенію значило бы, по мнѣнію другого автора, Парвуса, «играть въ прятки» и «вести партію съ завязанными глазами къ краю пропасти».

Именно «съ завязанными глазами» предпочитаютъ итти къ революціонному финалу и русскіе соціальдемократы. Ужъ сколько разъ жизнь ставила передъ ними ребромъ вопросъ о формахъ и методахъ непосредственнаго революціоннаго нападенія на современный режимъ или хотя бы отпора, защиты, отъ его прямыхъ насильственныхъ нападеній, отъ его полицейскаго и военнаго террора,—и ни разу не смогли они на эти «проклятые вопросы дать отвѣты намъ прямые». Самое придирчивое и ожесточенное критиканство по отношенію къ предлагаемымъ нами, соціалистами-революціонерами, методамъ борьбы,—и полная, абсолютная собственная неспособность къ положительному творчеству въ этой области; вотъ «роковой итогъ» всѣхъ ихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Былъ, правда, еще недавно моментъ, когда, казалось, готовился произойти крутой переломъ. Это было во время знаменитыхъ всеобщихъ стачекъ на югѣ и юго-западѣ Россіи.

«Теперь сама жизнь заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи»—писала «Искра» въ № 53, т. е. вскорѣ послѣ этихъ неожиданныхъ, но поучительныхъ событій. Золотыя слова... но увы, они остаются только словами и мало отражаются на дѣлѣ. Прошелъ моментъ, остыла кровь, и думы «о путяхъ и средствахъ» улетучились. Wo sind sie hin?... Очевидно исчезли навсегда, чтобы болѣе не смущать вновь успо-

коившихся in pace и предавшихся болѣе «современнымъ» дѣламъ стратеговъ «центральнаго органа россійской соціальдемократической партіи». И даже самоновѣйшій кризисъ русской жизни, чреватый самыми глубокими революціонными вспышками и потрясеніями,—кризисъ, вызванный войной съ Японіей,—не способенъ, повидимому, пробудить стратеговъ русской соціальдемократіи отъ ихъ равнодушія къ этому вопросу. Они не тѣмъ заняты. У нихъ слишкомъ много накопилось счетовъ другъ съ другомъ. у большинства съ меньшинствомъ, у Гусева съ Дейчемъ, у Ленина съ Мартовымъ, у Лядова съ Плехановымъ и т. д., и т. д. Имъ некогда, и пролетаріатъ, во имя котораго они сводятъ всѣ свои счеты, напрасно будетъ ихъ вопрошать на счетъ «путей и способовъ революціи». Что наша русская революція не за горами, что открытое массовое движеніе м о ж е т ъ разразиться гораздо скорѣе, чѣмъ это многіе думаютъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ событій и безмѣрнаго горя, разливающихся теперь по всему лицу земли русской съ быстротою огромнаго потока, — объ этомъ з н а ю т ъ публицисты нашего соціальдемократическаго органа, объ этомъ они пишутъ изрядныя статьи почти въ каждомъ номерѣ своей газеты. Но о «путяхъ и способахъ» приближающагося народнаго революціоннаго взрыва нельзя найти у нихъ ни одной строки, ни одного словечка,—полнѣйшій мютизмъ,—словно въ ротъ воды набрали, или словно признали, что уже «свершили въ предѣлѣ земномъ все земное», согласившись, что «сама жизнь заставляетъ думать» и т. д. Признаніе это вырвалось у нихъ, правда, въ № 53, а теперь,—напримѣръ въ № 63, въ статьѣ «Грядущій кризисъ»,—у нихъ вырываются признанія, звучащія уже нѣсколько иначе. Не додумавшись, очевидно, до какого либо положительнаго результата, революціонные стратеги «Искры», рѣшили по примѣру иныхъ изъ ихъ нѣмецкихъ товарищей, тоже «играть въ прятки» и повести русскій пролетаріатъ, съ зажмуренными глазами на завоеваніе неприступныхъ высотъ русскаго абсолютизма. А именно, въ № 63 мы читаемъ уже, что «въ какую форму выльется стихійный взрывъ—почти (!) не зависитъ отъ насъ... Все, что мы—по состоянію нашихъ силъ—можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить рабочему классу невозможность разсчитывать въ эпоху кризиса на стачку, какъ на орудіе завоеванія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ одной стороны, и указать на опасность изолированныхъ, малолюдныхъ, не руководимыхъ ясно познанной цѣлью насильственныхъ взрывовъ, съ другой». И только. Форма революціоннаго взрыва будетъ-де почти стихійной, «и съ этой стихійной формой намъ придется считаться, к а к ъ с ъ д а н н о ю»... Что же, такимъ образомъ, предлагается здѣсь, какъ не полное отрицаніе всякой цѣлесообразной, заранѣе выработанной и популяризованной революціонной стратегіи, какъ не возведеніе стихійности въ революціонной борьбѣ въ верховный руководящій принципъ, его же не прейдеши?

Что стихійный элементъ въ революціяхъ играетъ громадную роль—это несомнѣнно; но кому и какую именно службу онъ сослужитъ—вотъ вопросъ, благопріятное разрѣшеніе котораго для революціи можетъ быть достигнуто не ссылкой на стихійность, а организованнымъ использованіемъ всѣхъ стихійныхъ элементовъ движенія, которые могутъ быть предвидѣны. Возьмемъ примѣръ изъ живой современности. Вслѣдствіе войны съ Японіей въ настоящее время возникъ цѣлый рядъ патологическихъ измѣненій въ народной жизни, грозящихъ серьезными вспышками. Въ деревняхъ стоитъ стонъ и плачъ. Усиленный, удвоенный рекрутскій наборъ, призывъ запасныхъ и резервистовъ наноситъ тяжкіе удары крестьянству. Начинаются случаи вспышекъ, открытаго неповиновенія. Проводы забранныхъ въ солдаты вызываютъ скопленія возбужденной толпы въ городахъ; непопулярность войны и неудачи въ ней подливаютъ масла въ огонь. Съ другой стороны, сокращеніе торговли и производства, обостреніе кризиса и застоя въ дѣлахъ по случаю войны ведетъ за собою безработицу, скопленія впроголодь живущаго или прямо голодающаго рабочаго люда, которому положеніе его дѣлается несноснымъ, нестерпимымъ. Но кризисъ и безработица не разъ въ исторіи западно-европейскихъ государствъ приводили къ выступленію на улицахъ толпищъ безработныхъ, съ рѣшительнымъ требованіемъ—«жить, работая, или умереть, сражаясь!» Вотъ—два стихійныхъ элемента, представляющихъ угрозу современному режиму Россіи. Но что же? Развѣ ссылка на нихъ устраняетъ вопросъ о «путяхъ и средствахъ революціи?» Напротивъ—наличность ихъ только обостряетъ постановку даннаго вопроса. Манифестаціи безработныхъ, естественное стремленіе ихъ заставить прекратить работы повсюду; отказъ поставлять рекрутовъ и попытки массового освобожденія забранныхъ—вотъ что можетъ послужить хорошимъ поводомъ, средствомъ для мобилизаціи недовольныхъ, протестующихъ, готовыхъ къ борьбѣ, часто просто доведенныхъ до отчаянія элементовъ. Мы можемъ дать сигналъ къ этой мобилизаціи, и можемъ помѣститься въ «хатѣ съ краю»; можемъ дѣйствовать и можемъ выжидать, отводя себѣ старое, традиціонное, славное мѣсто—опять «въ хвостѣ движенія». Но если эта послѣдняя перспектива намъ не улыбается, если мы готовы дѣйствовать, то какъ можемъ мы дать сигналъ къ мобилизаціи недовольныхъ силъ, хотя бы путемъ манифестаціи безработныхъ и сопротивленій властямъ при наборѣ рекрутовъ и призывѣ запасныхъ, если для насъ не рѣшенъ вопросъ—а что же дальше? Какова будетъ позиція, какова будетъ тактика нашихъ соціально-революціонныхъ элементовъ, въ рядахъ волнующейся, стихійно-возбужденной толпы? Будемъ ли мы просто «плыть по теченію», будемъ ли мы уповать на то, что насъ выручитъ мгновенное наитіе въ разгарѣ любого критическаго событія—или мы, какъ партія, попытаемся сдѣлать движеніе планомѣрнымъ, т. е,. сдѣлать заранѣе учетъ своимъ рессурсамъ, разсчитавъ заранѣе

возможное соотношеніе сознательныхъ, полусознательныхъ и безсознательныхъ элементовъ движенія, распредѣлимъ свои силы опредѣленнымъ образомъ, дадимъ имъ строго конкретное, боевое назначеніе,—и смѣло ринемся, какъ иниціативная революціонная сила, въ потокъ событій?

Вотъ вопросъ, котораго не разрѣшишь общими фразами о томъ, что наша роль заключается вообще во «внесеніи сознанія» и «организованности» въ стихійное движеніе. Здѣсь уже идетъ рѣчь не только о «сознательности вообще»; здѣсь рѣчь идетъ о спеціальномъ видѣ боевой организованности, революціонно-стратегической подготовленности и сознательности. То общее «политическое воспитаніе» авангарда рабочаго класса, на которое такъ напираетъ «Искра», считая его особенно важнымъ въ «тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляютъ насъ отъ открытаго проявленія пролетарскаго протеста», не можетъ и не должно исчерпывать собою всей нашей задачи «наканунѣ революціи». Необходимо, неотложно необходимо становится здѣсь спеціальное стратегическое воспитаніе этого авангарда, т. е. подготовленіе его къ умѣлому и находчивому боевому руководительству народными массами въ моментъ ихъ революціоннаго возстанія. Въ такіе критическіе моменты, подъ непосредственной угрозой массовыхъ арестовъ и разстрѣловъ, немножко неумѣстно отлагать до каждаго конкретнаго случая задачу обдумывать и рѣшать великій вопросъ: что дѣлать? въ такіе моменты поздно уже тѣмъ или инымъ представителямъ народнаго авангарда бѣгать въ комитеты за все новымъ рѣшеніемъ и перерѣшеніемъ этого вопроса. Революція это часъ дѣйствія, а не размышленія, это моментъ быстрыхъ—да, возможно быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ могучему противнику,—ударовъ по всей линіи, мѣткихъ, смѣлыхъ, неожиданныхъ. Въ революціи побѣждаетъ масса, но масса, имѣющая многочисленные, сознательные, опытные, подготовленные передовые боевые кадры. Научить, вразумить активнѣйшіе элементы массы, какіе методы, пріемы и средства революціи устарѣли и какіе должны заступить ихъ мѣсто; вывести ихъ изъ современнаго безнадежнаго состоянія стратегической, такъ сказать, невинности и наивности, которая однихъ можетъ привести къ дѣтской самодѣятельности и революціонному легкомыслію, другихъ—къ столь же необоснованному старчески-дряблому пессимизму; наконецъ, внушить имъ всю рѣшающую, грандіозно-трагическую важность приближающейся революціонной схватки съ современнымъ милитаристическимъ чудовищемъ,—значитъ наполовину уже обезпечить благопріятный исходъ ея для народа.

Было, бы, конечно, очень плохо, если бы рабочій народъ въ эпоху взрыва слѣпо и безъ всякихъ разсужденій ухватился за какіе-нибудь устарѣлые методы борьбы, только потому, что они освящены исторической традиціей. Мы знаемъ, что въ зависимости отъ вооруженія, состава, количества и качества войскъ

мѣняются и способы наступленія, употребленіе сомкнутаго и разсыпного строя, темпъ и характеръ нападенія и защиты, укрѣпленія позицій и штурма. Революція есть та же война—только гражданская война—и съ этой точки зрѣнія она есть не только общесоціологическая, но и спеціально-техническая задача.

И если, опираясь на Энгельса, критикуютъ, какъ устарѣлые, революціонные методы 48-го года и, на первомъ планѣ, баррикадную борьбу,—то противъ этого ничего нельзя имѣть, если только эта критика не ограничивается отрицательной работой, а чревата чѣмъ нибудь положительнымъ. Развѣ «методы 48 года» суть единственно мыслимые методы революціонной борьбы? Развѣ постройка баррикадъ—единственно возможная, универсальная форма народнаго возстанія? И мы вовсе не предлагаемъ слѣпо, некритически копировать нашихъ революціонныхъ предшественниковъ. Но значитъ ли это, что всѣ пріемы революціонной борьбы стараго времени не годятся? Значитъ ли это, что, въ иной комбинаціи, соотвѣтственно видоизмѣненные и дополненные, они не могутъ съиграть роли въ тѣхъ революціонныхъ битвахъ, которыя принесетъ намъ грядущее? Значитъ ли это, что слѣдуетъ отвергнуть ихъ цѣликомъ и огульно, какъ непріемлемые для пролетаріата, «буржуазные методы революціи»?

Конечно, нисколько не значитъ. Но въ томъ то и дѣло, что въ области политики никогда не бываетъ недостатка въ охотникахъ выплеснуть вмѣстѣ съ водой изъ ванны и ребенка. Считать, что уличное возстаніе и, какъ его средство, баррикада есть тотъ мечъ, которымъ можно, по методу Александра Македонскаго, «очень просто» разрубить Гордіевъ узелъ,—конечно, нелѣпо. Но откуда этотъ скачекъ, это умозаключеніе, что баррикадное, уличное возстаніе есть вообще анахронизмъ?

Быть можетъ, такая борьба теперь просто недостаточна; быть можетъ, она нуждается теперь лишь въ кое-какихъ усовершенствованіяхъ и дополненіяхъ, соотвѣтственно новымъ, болѣе усовершенствованнымъ орудіямъ противника; быть можетъ, баррикада, эта единственная ultima ratio прежнихъ революціонеровъ, способна занять въ предстоящей рѣшительной борьбѣ хотя и скромное, но все же свое вполнѣ опредѣленное мѣсто среди цѣлаго ряда другихъ, новыхъ и старыхъ, средствъ и пріемовъ революціи? Чтобы рѣшить эти вопросы, посмотримъ, со словъ тѣхъ же марксистовъ, чѣмъ была, какую собственно роль играла баррикада въ прежнихъ революціяхъ?

Какъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи», такъ и Парвусъ въ своей статьѣ о «Политической массовой стачкѣ» (въ ж. Die Neue Zeit, XIV №№ 36 и слѣд.), такъ и Каутскій въ своихъ недавнихъ статьяхъ объ «Allerhand Revolutionâres» въ томъ же журналѣ единогласно утверждаютъ, что не баррикадой an und für sich прежніе революціонеры побѣждали враждебныя имъ силы войска, а ея, такъ наз., моральнымъ, точнѣе—дезорганизующимъ вліяніемъ. Ни

въ какой еще революціи, даже самой побѣдоносной, инсургенты не превосходили своей чисто-матерьяльной силой организованнаго и многочисленнаго противника. Въ численномъ, организаціонномъ, военно-стратегическомъ отношеніи правительство—всякое, какъ старое, такъ и современное — всегда несравненно могущественнѣе революціонеровъ, и послѣдніе никогда не выходили бы побѣдителями въ неравной борьбѣ, если бы имъ не удалось вносить въ ряды своихъ противниковъ сильнаго дезорганизующаго элемента. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для этого служила въ прежнія времена баррикада. Энгельсъ пишетъ объ этомъ такъ:

«Даже въ классическую эпоху уличныхъ сраженій—баррикада дѣйствовала болѣе морально, чѣмъ матеріально... Но не будемъ предаваться относительно этого никакой иллюзіи: настоящая побѣда возстанія надъ войскомъ въ уличной борьбѣ, побѣда какъ бы въ битвѣ между двумя арміями, принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Но на это столь же рѣдко разсчитывали и сами инсургенты. Ихъ задача сводилась лишь къ тому, чтобы путемъ моральныхъ воздѣйствій внести въ войско духъ перѣшительности. Удастся имъ это, войска откажутся дѣйствовать или начальники ихъ потеряютъ голову, и возстаніе побѣждаетъ».

Но спрашивается: въ чемъ именно заключается моральное дѣйствіе баррикады въ революціонной борьбѣ? «Она задерживала марширующія войска—говоритъ Парвусъ—и тѣмъ самымъ приводила ихъ въ замѣшательство, давала имъ время придти въ себя, одуматься». Послѣдній психологическій моментъ играетъ, по его мнѣнію, значительную дезорганизующую роль въ такихъ случаяхъ. Въ уже упомянутой выше статьѣ его мы читаемъ:

«Говорятъ, что разъ только мы склонили на свою сторону головы солдатъ, то тѣмъ самымъ мы пріобрѣли и штыки. Этимъ формально правильнымъ силлогизмомъ должно пользоваться на практикѣ съ крайней осторожностью. Уже одно завоеваніе «головъ» является довольно сомнительнымъ дѣломъ (ist eine recht eigene Sache). Мы не должны закрывать глазъ на то, что степень сознанія, которая можетъ быть пріобщена народу, въ условіяхъ капиталистическаго общества, крайне ограничена. Хотя соціальдемократическая программа, какъ тому учитъ насъ опытъ, необычайно быстро проникаетъ въ пролетарскія массы, но уже это одно доказываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ настроеніемъ, чѣмъ съ убѣжденіемъ...»

Отсюда Парвусъ заключаетъ, что такое оппозиціонное настроеніе, проникшее и въ ряды солдатъ, легко подавляется цѣлой системой мѣръ военной муштровки, дисциплины и организаціи; но за то сравнительно столь же легко оно вновь возраждается при столкновеніи съ вліяніями, противоположными и враждебными казарменнымъ внушеніямъ. Пробудить въ солдатахъ, выведенныхъ противъ инсургентовъ, такое оппозиціонное настроеніе, пробудить ихъ отъ гипноза военной дисциплины, за-

ронить въ нихъ духъ рефлексіи, сомнѣнія, жалости и т. д.—такова была, главнымъ образомъ, задача старо-революціонной баррикады. Не побѣдить, а дезорганизовать врага—было ея важнѣйшей миссіей. Въ чисто стратегическомъ отношеніи,—говоритъ Парвусъ,—она и прежде не играла никакой роли, скорѣе наоборотъ: «Кажется парадоксальнымъ, а все же тактическая польза баррикады значительно слабѣе для народа, чѣмъ для командировъ войскъ. Первому она даетъ лишь очень слабое прикрытіе, для послѣднихъ она является весьма подходящимъ (willkommen) пунктомъ нападенія...»

Что же отсюда слѣдуетъ? Если вся или главная сила баррикады не въ ея матеріальномъ или военно-стратегическомъ значеніи для защищающихся, а въ ея моральномъ, дезорганизующемъ воздѣйствіи на нападающихъ, то спрашивается: почему бы ей и теперь не сыграть подобную же роль въ столкновеніи съ войсками, особенно если принять во вниманіе, что оппозиціоннаго настроенія въ рядахъ этихъ послѣднихъ можно, думается намъ, ожидать теперь съ еще большимъ основаніемъ, чѣмъ какихъ либо сто или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ?

Но противъ этого у Парвуса и Каутскаго имѣются довольно вѣскія соображенія. Вѣдь, при теперешнихъ прямыхъ и широкихъ улицахъ большихъ городовъ,—говорятъ они,—да при современныхъ военно-техническихъ усовершенствованіяхъ «каждая баррикада могла бы быть сметена на самомъ далекомъ разстояніи (aus der Weitesten Ferne)». «Ужъ если даже въ сороковыхъ годахъ —говоритъ Парвусъ—тактическій перевѣсъ во время уличной борьбы былъ на сторонѣ войска, то было бы слѣпымъ безумiемъ при крайне утонченной оружейной техникѣ нашего времени захотѣть рискнуть насильственнымъ сопротивленіемъ противъ войска». Парвусу вторитъ Каутскій: «Сегодня поразить правительство вооруженнымъ сопротивленіемъ—говоритъ онъ—стало невозможнымъ даже по отношенію къ самому слабому, безголовому режиму, въ виду современнаго вооруженія. Сегодня не только оружіе войска значительно страшнѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но и народъ значительно безоружнѣе. Въ наше время нельзя уже самому лить пули къ ружьямъ; даже если-бы удалось захватить ружья въ какомъ либо арсеналѣ, они безполезны безъ особыхъ къ нимъ патроновъ... Нельзя потому ожидать,—заключаетъ отсюда Каутскій,—что вооруженное возстаніе народа могло бы произвесть еще то громадное нравственное вліяніе, которое необходимо для того, чтобы правительство потеряло голову»...

Итакъ, уличное вооруженное возстаніе еще не такъ страшно для правительства, чтобы заставить его потерять голову: оно чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы расправиться съ нимъ. Ну, а если движеніе выйдетъ за передѣлы большихъ городовъ, если одновременно съ уличными манифестаціями въ крупныхъ центрахъ будутъ происходить движенія въ деревняхъ? Не заставитъ ли это правительство страшно раздробить свои силы,

не ослабить ли это его? И развѣ долгія маршировки изъ деревни въ деревню для усмиренія не представляютъ достаточно психологическихъ моментовъ для раздумья, рефлексіи, пробужденія сомнѣній, колебаній, словомъ, выражаясь на языкѣ военныхъ, «деморализаціи» войска? Развѣ навстрѣчу этому не можетъ пойти прямая пропаганда среди солдатъ, приспособленная къ ихъ психологіи, образу жизни, непосредственнымъ страданіямъ? Да, наконецъ, развѣ нѣтъ непосредственныхъ орудій и методовъ внесенія дезорганизаціи въ правительственный механизмъ? Порча телеграфовъ, телефоновъ, путей подвоза войскъ, уничтоженіе пороховыхъ складовъ, нападеніе вооруженныхъ группъ, боевыхъ дружинъ на отдѣльныхъ, наиболѣе видныхъ «полководцевъ» правительственной репрессіи и на цѣлыя правительственныя учрежденія—развѣ все это не средства произвести необходимое замѣшательство? Говорятъ, что современная военная техника дала огромныя орудія въ руки милитаризма. Но развѣ эта техника не можетъ быть обращена на службу революціи? Македонскіе революціонеры взрывами поѣздовъ умѣли парализовать передвиженіе войскъ; армянскіе революціонеры взяли Оттоманскій Банкъ и бомбами осыпали нападающихъ, создавъ себѣ цѣлую импровизированную крѣпость. Террористическія средства борьбы могутъ быть примѣнены не только къ единичнымъ покушеніямъ, но и къ дѣйствіямъ вооруженныхъ группъ, самымъ непосредственнымъ образомъ связаннымъ съ движеніями массъ. Порою можетъ оказаться достаточнымъ снять хорошимъ выстрѣломъ начальника отряда, чтобы наступило моментальное замѣшательство, которымъ толпа можетъ пользоваться, смѣшавшись съ солдатами, разъединяя ихъ, избѣгая при этомъ, однако, ихъ провоцировать. Когда критикуютъ вооруженное возстаніе, то обычно стремятся упростить картину до нелѣпости: выходитъ какое то заранѣе назначенное рандеву между народомъ и войсками; лицомъ къ лицу становятся, съ одной стороны, солдаты, конница, пѣхота и артиллерія, съ другой, толпа кое-какъ вооружившагося народа; затѣмъ дается сигналъ, происходитъ битва—и, конечно, войско побѣждаетъ. Но развѣ въ войнѣ всегда дѣло рѣшается одними открытыми сраженіями, наступленіемъ сомкнутымъ строемъ? При извѣстныхъ условіяхъ, гораздо выгоднѣе утомить противника партизанской войной, ночными вылазками, нападеніями въ обходъ и съ тылу, неожиданными диверсіями; и революціонеры, передъ которыми, какъ въ Россіи, стоитъ неизбѣжная перспектива насильственнаго переворота, конечно, должны быть крайне осторожны и разсчетливы съ непосредственными аттаками большой толпой своихъ противниковъ; для такихъ аттакъ, во всякомъ случаѣ, должна быть заранѣе подготовлена почва цѣлымъ рядомъ предварительныхъ цѣлесообразныхъ организованныхъ актовъ, каждый изъ которыхъ можетъ быть выполненъ сравнительно небольшимъ, но заранѣе спѣвшимся отрядомъ участниковъ. Итакъ, организація боевыхъ дружинъ, имѣющихъ цѣлью подготовить и

облегчить задачи массового движенія, особенно въ стихійно благопріятные для него моменты; организація этихъ дружинъ, ставящихъ себѣ цѣлью внести замѣшательство и дезорганизацію въ отправленія боевого механизма современнаго государства; координированіе дѣятельности этихъ дружинъ прочнымъ центральнымъ органомъ—вотъ что, несомнѣнно, можетъ содѣйствовать силѣ впечатлѣнія, производимаго непосредственными волненіями массъ на воротилъ «предержащей власти».

Что касается спеціально войска, то самъ же Каутскій признаетъ — въ своемъ спорѣ съ Люсней — полную возможность и солдатскихъ бунтовъ, и кровавой вооруженной борьбы между двумя фракціями войска. Да и странно было бы не допустить этого. Развѣ при всѣхъ революціяхъ не имѣло мѣсто братанье народа съ частью солдатъ? Развѣ теперь пропаганда идетъ не шире, чѣмъ раньше? Развѣ болѣе короткій срокъ военной службы не облегчилъ дѣло пропаганды среди солдатъ, не сдѣлалъ менѣе могучимъ гипнозъ «дисциплины»? Развѣ всеобщая воинская повинность не подорвала кастоваго духа прежнихъ войскъ? При такихъ условіяхъ революціонное возстаніе народа способно произвести «моральное» и дезорганизующее вліяніе на войско не менѣе, чѣмъ пятьдесятъ и сто лѣтъ тому назадъ. А разъ только мы предположимъ это, то, спрашивается, почему же такъ безнадежно смотрѣть на вооруженную инсуррекцію народа? Откуда этотъ пессимизмъ? Почему исключена возможность, что войска частью окажутся бездѣятельными и пассивными, частью будутъ дѣйствовать крайне вяло, а то прямо примкнутъ нѣкоторою своею частью къ возставшему народу, помогутъ ему добыть не только достаточно ружей, но и «особыхъ къ нимъ патроновъ»? *) Почему исключена возможность, что въ особыхъ подходящихъ къ тому пунктахъ города, гдѣ какъ-ни-какъ, все же не безъ узкихъ и извилистыхъ переулковъ, баррикада могла бы сыграть свою защитительную и дезорганизирующую роль; почему представлять себѣ такъ называемую баррикадную борьбу исключительно въ традиціонной, стереотипной формѣ; почему, напр., изъ подходящихъ частныхъ или общественныхъ, даже правительственныхъ зданій

*) Насколько мнимы многія препятствія, непреодолимость которыхъ такъ легко признается Каутскимъ,—можно видѣть хотя бы на этомъ частномъ пунктѣ его аргументаціи. Вотъ что читаемъ мы въ № 175 «Русск. Вѣд.»: 7-го іюня кавказскимъ военно-окружнымъ судомъ въ Александрополѣ разбиралось дѣло о кражѣ патроновъ изъ александропольскаго оружейнаго склада. 25 декабря 1903 г. въ складѣ были похищены боевые патроны: 1) Бердана 437 ящиковъ съ 503.389 патрон. 2) Пибоди 30 ящиковъ съ 30.000 патр., 3) револьверныхъ Смита и Вессона 46 ящиковъ съ 66.240 патр., и кромѣ того 30.115 гильзъ съ вставленными капсюлями для холостыхъ бердановскихъ патроновъ»... Похищенное не разыскано и главные виновники—также. По всей видимости, похищенное пошло на дѣло армянскаго революціоннаго движенія. Осуждено судомъ нѣсколько рядовыхъ армянъ, при посредничествѣ которыхъ произошло похищеніе.

не могутъ быть также устроены своеобраныя «баррикады», своего рода forts Chabrol, которые не такъ то легко «смести на далекомъ разстояніи». Вѣдь, сами же Каутскій и Парвусъ увѣряютъ насъ, что въ такихъ случаяхъ важно, главное, выиграть время, дать солдатамъ, пригнаннымъ изъ казармъ непосредственно на улицы, одуматься, придти въ себя; что въ чисто военно-техническомъ отношеніи баррикада никогда не имѣла никакой роли, что «взять» ее никогда, собственно, не представляло затрудненія, но что не въ этомъ заключалась сущность дѣла. А потому впадать въ крайность и отрицать даже и за «баррикадой» всякое значеніе въ предстоящей революціонной борьбѣ нѣтъ никакого основанія; но еще менѣе есть основаніе изъ устарѣлости баррикадной борьбы, какъ исключительнаго метода революціи, заключать о полной невозможности, безполезности, «даже безуміи» вооруженнаго возстанія вообще, о необходимости «во что бы то ни стало» невооруженной революціи, революціи «со скрещенными на груди руками». Какъ будто кромѣ баррикады предстоящая революція не можетъ располагать еще другими средствами защиты и нападенія!

У самого Каутскаго вырывается подъ часъ полупризнаніе невозможности «мирной» революціи въ наше время, но такое полупризнаніе дѣлается такъ en passant, мелькомъ, какъ не важное, или же облекается въ туманную «дипломатическую» форму, допускающую самыя противоположныя толкованія. Такъ, въ своей извѣстной брошюрѣ о соціальной революціи, въ главѣ посвященной «формамъ и орудіямъ» этой революціи, Каутскій пишетъ: «Приближающаяся революція будетъ походить менѣе на внезапное возмущеніе противъ правительства и болѣе на продолжительную гражданскую войну, менѣе приближаться къ типу французской революціи и болѣе къ типу реформаціонныхъ войнъ (Reformationskämpfe)». Читая это признаніе, проникаешься уже изумленіемъ, какъ тотъ же Каутскій въ самоновѣйшихъ своихъ статьяхъ о революціи можетъ рисовать намъ картину предстоящей революціи въ самыхъ «мирныхъ» краскахъ, въ формѣ простой массовой стачки при строгомъ соблюденіи «цѣлесознательной пассивности». Вѣдь, прочтя вышеприведенныя строки, невольно вспоминаешь болѣе близкую къ намъ революціонную картину Парижской Коммуны 71-го года, этотъ по-истинѣ «новый типъ»,—если хотите «пролетарскій методъ»,—революціи; невольно представляешь себѣ эту наступающую революцію въ видѣ Парижской Коммуны en gros, т. е. повсемѣстной разлившейся яркимъ заревомъ по всѣмъ городамъ и весямъ, вооруженной съ головы до ногъ... Вѣдь говоритъ же Каутскій о «продолжительной гражданской войнѣ». Но мало ли что говоритъ Каутскій,—надо послушать еще, какъ онъ свои же слова тотчасъ же оговариваетъ: съ этими словами (т. е. «продолжительной гражданской войной») «не слѣдуетъ—пишетъ онъ—соединять понятія о настоящихъ войнахъ и бойняхъ (Gemetzeln)»; такая война возможна-

де «и безъ вооруженныхъ инсуррекцій, безъ баррикадныхъ битвъ, —по крайней мѣрѣ, не имъ будетъ принадлежать рѣшающая роль» (см. брошюру о соціальной революціи стр. 48.)

Итакъ, понимай, какъ знаешь: то тебѣ говорятъ, что предстоящая революція будетъ продолжительной войной на подобіе той, какъ имѣла мѣсто въ періодъ реформаціи (крестьянскія войны, Іоаннъ Лейденскій и т. д.), то тутъ же въ слѣдующей строкѣ оговариваются—но безъ вооруженныхъ инсуррекцій и баррикадныхъ битвъ, мирно, благородно; то послѣднія допускаются безъ «рѣшающаго» лишь значенія; то единственной формой пролетарской революціи провозглашается мирная—во что бы то ни стало!— массовая политическая стачка... Подумаешь, сколько языковъ-то выросло во рту у современныхъ ортодоксальныхъ марксистовъ! сколько рѣшеній — взаимно исключающихъ—даютъ они на вопросъ первостепенной важности, требующій непремѣннаго опредѣленнаго рѣшенія!

*
* *

Но какъ ни спутанны, туманны и противорѣчивы слова и разсужденія современныхъ марксистовъ, симпатіи, тенденціи и надежды ихъ много опредѣленнѣе и яснѣе: онѣ всецѣло принадлежатъ «цѣлесознательной пассивности», массовой миролюбивой стачкѣ, безкровной революціи. Что массовая стачка можетъ сыграть чрезвычайно важную роль въ смыслѣ подготовленія революціоннаго возстанія, для насъ несомнѣнно. Но мы считаемъ всеобщую стачку лишь п р о л о г о м ъ революціи, а не ея з а м ѣ н о й. Не такъ смотрятъ на дѣло современные марксисты. Имъ все хотѣлось бы з а м ѣ н и т ь революціонно-массовой стачкой.

«Что не можетъ уже болѣе удаться баррикадной борьбѣ,— читаемъ мы у Каутскаго въ его статьѣ «Allerhand Revolutionaeres», стр. 694,—то должна осуществить политическая стачка, а именно дезорганизовать правительство и принудить его къ отступленію. Она обратится въ испытаніе силы (Kraftprobe) между государственной и пролетарской организаціей. Однимъ ударомъ все производство пріостанавливается, массы рабочихъ выступаютъ на улицы, мелкая и крупная буржуазія исполняется безумнаго ужаса, ужаса за свою жизнь, ужаса за свою собственность; вся вооруженная сила принуждается къ постоянной изнуряющей дѣятельности, ибо всякій собственникъ въ странѣ требуетъ отъ нея защиты, и масса праздныхъ рабочихъ повсюду и нигдѣ, избѣгая всякаго столкновенія съ вооруженной силой, повсюду собирается, гдѣ нѣтъ этой послѣдней (!). Всякій слѣдующій день такой стачки усиливаетъ антагонизмы, раздвигаетъ рамки стачки въ тѣ мѣста сельскихъ округовъ, гдѣ встрѣчается индустрія или крупное землевладѣніе, умножаетъ число угрожаемыхъ пунктовъ, напрягаетъ усилія войскъ, обостряетъ страданія и разжигаетъ

страсти стачечниковъ (NB. Здѣсь Каутскій понимаетъ, очевидно, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а не крестьянъ, ибо о нихъ напр., у него ни слова. Люсня относитъ ихъ къ противникамъ революціи), усиливаетъ страхъ собственниковъ, переполохъ правительства, которое въ одномъ мѣстѣ прибѣгаетъ къ жесточайшимъ и безсмысленнѣйшимъ насиліямъ (NB!), въ другомъ—къ трусливой уступчивости, безпрестанно со всѣхъ сторонъ осаждаемое просьбами положить конецъ всему этому тѣмъ или инымъ способомъ и не располагающее никакой возможностью подавить пассивное сопротивленіе, къ которому нигдѣ нельзя придраться (!) и которое все же парализуетъ его (правительство) на всѣхъ углахъ и перекресткахъ... Удастся стачечникамъ сохранить свое единство и свою цѣлесознательную пассивность (ihre zielbewuste Passivitaet), до тѣхъ поръ, пока они дезорганизовали правительственную власть въ какомъ либо пунктѣ, тѣмъ ли, что имъ удастся переманить къ себѣ факторы (Faktoren), въ которыхъ правительство нуждается (?), или тѣмъ, что само правительство своими ordre, contreordre, desordre порождаетъ слабость и растерянность въ средѣ своихъ агентовъ,—тогда пролетаріатъ на пути къ побѣдѣ; имущіе классы теряютъ увѣренность, что правительство въ состояніи ихъ защитить, среди нихъ растетъ опасеніе, какъ бы дальнѣйшее продолженіе сопротивленія не принесло имъ бѣды, они осаждаютъ правительственную власть совѣтами, просьбами уступить, они оставляютъ ее на произволъ судьбы... И наоборотъ, если правительство настолько сильно, что въ состояніи противостоять стачкѣ до тѣхъ поръ, пока сила рабочихъ истощится, пока имъ останется лишь альтернатива—или вновь вползать въ ярмо или искать въ отчаянномъ насильственномъ дѣяніи того успѣха, котораго они не могли завоевать революціей скрещенныхъ рукъ,—тогда торжество правительства вѣроятно»...

Хорошо расписываетъ Каутскій! Не все только въ его «расписаніи» гармонируетъ другъ съ другомъ. Онъ самъ же въ другимъ мѣстахъ говоритъ, что всеобщая стачка не можетъ длиться очень долго; а здѣсь онъ ждетъ отъ нея такихъ результатовъ, для порожденія которыхъ нуженъ очень большой промежутокъ времени. Онъ самъ говоритъ о необходимости мирнаго, строго легальнаго поведенія стачечниковъ; и самъ же вводитъ въ свой разсчетъ паническій страхъ за свою жизнь и собственность, который невѣдомо съ чего долженъ охватить имущихъ съ самаго начала стачки. Онъ ухитряется одновременно ввести въ свой разсчетъ и «пассивное сопротивленіе, къ которому никакъ нельзя придраться» и «разжиганіе страстей стачечниковъ», при которомъ «всякій собственникъ въ странѣ требуетъ защиты». И въ концѣ концовъ всѣ надежды возложены на «авось»; авось правительство растеряется, наглупитъ, оттолкнетъ отъ себя всѣхъ своихъ защитниковъ—и тогда дѣло въ шляпѣ. Эдмундъ Фишеръ совершенно справедливо замѣтилъ по этому поводу въ «Soc Mon.», что размалевывать подобные планы революціи хорошо лишь, си-

дя у себя дома за печкой. Въ дѣйствительности же, какъ на это не менѣе справедливо указалъ В. Гейне въ томъ же журналѣ, «въ Германіи всякая всеобщая стачка, хотя бы самая мирная въ началѣ, спустя нѣсколько часовъ, привела бы къ нападенію вооруженной силы на безоружныя массы». По его мнѣнію, всякая массовая политическая стачка была бы прелюдіей къ насильственной революціи; кто не хочетъ послѣдней, не долженъ хотѣть и первой. Поэтому то всѣ германскіе соціальдемократы-оппортунисты, за исключеніемъ Эд. Бернштейна, противъ всеобщей стачки; они боятся стачки, ибо превосходно знаютъ, къ чему бы она повела. Даже самъ Каутскій допускаетъ возможность «жесточайшихъ и безсмысленнѣйшихъ насилій» со стороны правительства въ отвѣтъ на мирную, легальную стачку. Такія насилія и провокаціи будутъ, конечно, на каждомъ шагу: на карту будетъ вѣдь поставлено «быть или не быть» всего стараго режима. Но и изъ среды самихъ рабочихъ классовъ можно ожидать штрейкбрехеровъ; неорганизованные рабочіе, безработные, люмпенпролетаріатъ—будутъ вербуемы правительствомъ въ явный ущербъ конечному успѣху стачки. Можно ли надѣяться, что и тутъ стачечники сохранятъ спокойствіе и не прибѣгнутъ къ насилію надъ измѣнниками общему дѣлу? Да можно ли и желать этого? Кромѣ того, уже и теперь правительство въ Италіи, Австріи и Голландіи милитаризируетъ цѣлыя категоріи рабочихъ (особенно желѣзнодорожныхъ) въ видахъ предохраненія себя отъ опасной перспективы всеобщей стачки. Стакнувшіеся рабочіе, состоящіе въ резервѣ, принуждаются уже въ качествѣ солдатъ исполнять тѣ самыя работы, которыя они оставили, какъ рабочіе. Что тогда? Не повиноваться? Но, вѣдь, это значитъ совершить крупнѣйшее дисциплинарное преступленіе, особенно если правительство объявитъ военное положеніе; это—такое же дезертирство, такой же актъ возстанія, какъ и отказъ всякаго вообще солдата отъ повиновенія своему начальству. Мы не считаемъ такого отказа невозможнымъ; но тутъ, кто поставитъ голову на карту, когда рѣчь пойдетъ о рѣшительномъ ударѣ, поколеблется, когда вопросъ пойдетъ о проблематическомъ значеніи его неявки, въ качествѣ солдата, на предписанныя ему работы. Вотъ почему случаи отказа здѣсь бываютъ лишь единичными и изолированными. Итакъ, цѣлый рядъ работъ станетъ исполняться солдатами, подкрѣпленными, къ тому же, добровольческой буржуазной молодежью. Вообще, къ массовой политической стачкѣ современныя правительства сумѣютъ превосходно подготовиться, съ такой стачкой сумѣютъ они и сравнительно легко справиться, разъ они будутъ уже заранѣе гарантированы въ благонравномъ поведеніи стачечниковъ, въ ихъ «цѣлесознательной пассивности» во что бы то ни стало. Вѣдь, что ни сдѣлай тогда правительство, все стерпится, —и насилія, и издѣвательства, и провокаціи, и истребленіе вождей движенія; вѣдь настанетъ благодатная пора массового «пролетарскаго» непротивленія злу насиліемъ! Возможна ли, осуществи-

ма ли вся эта новѣйшая пролетарская толстовщина? Возможна, полагаетъ Парвусъ. Въ «хладнокровіи» и выдержкѣ народа онъ не сомнѣвается. «Общественный классъ, — говоритъ онъ,—который уже заранѣе организованъ, способенъ выдержать въ своемъ пассивномъ сопротивленіи». Но и матерьяльно рабочій классъ, по его мнѣнію, способенъ провести всеобщую стачку до успѣшнаго конца, не прибѣгая къ какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣропріятіямъ; стачечныя кассы, симпатіи среднихъ бюргерскихъ слоевъ съ ихъ обильными пособіями, кредитъ лавочниковъ, потребительныя общества... Но спрашивается: а если всего этого все таки не хватитъ, если возникнетъ голодъ, объявятся болѣзни? А если лавочники, добровольно или подъ давленіемъ правительства, закроютъ кредитъ? А если средніе бюргерскіе слои не станутъ жертвовать на стачку, служащую цѣлямъ революціи пролетаріата? Вѣдь это по меньшей мѣрѣ возможно! А если потребительнымъ обществамъ кто нибудь помѣшаетъ исправлять ихъ вспомогательную роль?? Что тогда?... Послушаемъ, напримѣръ, что по этому поводу пишетъ голландскій соціальдемократъ Vliegen, ставшій изъ приверженца всеобщей стачки (онъ же былъ и членомъ стачечнаго комитета въ послѣдней голландской массовой стачкѣ) ея самымъ рѣшительнымъ противникомъ:

«Какую цѣль преслѣдуетъ всеобщая стачка? чѣмъ она можетъ произвести давленіе на господствующіе классы? На это отвѣчаютъ: прекращеніемъ производства. Но спрашивается: кто первый будетъ страдать отъ этого? у кого перваго не хватитъ пищи? кто первый станетъ мерзнуть? Пролетарій... Мы видѣли это здѣсь, въ Амстердамѣ, въ апрѣлѣ этого года. Портовые рабочіе забастовали, товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было пріостановлено. Булочники не работали. И каковъ былъ результатъ? То, что имущіе закупили во всемъ городѣ съѣстные припасы, и женамъ рабочихъ пришлось выносить страшное повышеніе цѣнъ... Словомъ, всеобщая стачка дѣлаетъ жизнь невозможной, но смерть стучится прежде всего въ двери пролетарія. Чтобы спасти самого себя, пролетаріатъ долженъ опять приступить къ работѣ.

«Наши утопическіе адепты всеобщей стачки—продолжаетъ Vliegen — любятъ возражать на это указаніями на наши кооперативныя товарищества. Но что можетъ помѣшать правительству конфисковать пролетарскіе магазины и заключающіеся въ нихъ припасы употребить на «общую пользу, хотя бы ужъ затѣмъ, чтобы такой мѣрой переманить къ себѣ люмпенпролетаріатъ?...*)

Такъ говоритъ человѣкъ практикъ, знающій суровую реальную дѣйствительность, какъ свои пять пальцевъ, и потому не спо-

*) См. его интересную статью объ этомъ предметѣ въ жур. «Die Neue Zeit», 1903, № 6.

собный увлекаться утопическими иллюзіями многихъ ортодоксально-марксистскихъ литераторовъ, бросающихся изъ одной односторонности въ другую. Имъ мало признать всеобщую стачку лишь одним*ъ* изъ средств*ъ* революціонной борьбы съ правительствомъ, крайне, конечно, важнымъ, дающимъ, съ одной стороны, возможность мобилизировать въ самый краткій моментъ и въ сравнительно безопасной формѣ громадныя массы народа, чтобы двинуть ихъ на аттаку враждебнаго имъ режима, съ другой—парализующимъ врага посредствомъ экономическаго бездѣйствія рабочихъ, ихъ отказа отъ исполненія болѣе или менѣе важныхъ для него производительныхъ функцій. Но въ качествѣ единственнаго и исключительнаго средства революціонной борьбы, да притомъ непремѣнно «мирнаго», законнаго, недопускающаго никакихъ иныхъ, дѣйствительныхъ средствъ, хотя бы это было удаленіе силою штрейкбрехеровъ или даже защита своихъ потребительныхъ магазиновъ, массовая политическая стачка есть розовая мечта все болѣе тяготѣющаго къ маниловщинѣ маркситскаго революціонизма. Чрезмѣрныя, крайне оптимистическія надежды Каутскаго, Парвуса и другихъ на такую стачку уже и теперь разбиваются въ прахъ суровыми уроками окружающей насъ дѣйствительности. Въ Бельгіи мирная массовая стачка принесла частичный политическій успѣхъ лишь въ первый разъ, когда командующіе классы не успѣли еще приспособиться къ этому новому средству пролетарской опозиціи. Во второй разъ, два года тому назадъ, всеобщая стачка потерпѣла самое постыдное фіаско и притомъ именно потому, что поставила на очередь перспективу вооруженнаго столкновенія, передъ которою бельгійскіе соціалисты растерянно отступили. Полнымъ пораженіемъ закончились и новѣйшія стачки въ Голландіи и Венгріи. Шведская политическая стачка для завоеванія всеобщаго избирательнаго права закончилась, сравнительно, удачно, но—замѣчательно: весь центральный комитетъ шведской соціальдемократіи, съ Брантингомъ во главѣ, доводятъ теперь до всеобщаго свѣдѣнія (см. Die NeueZeit, № отъ 11 іюня 1904 г. стр. 346), что въ случаѣ возможнаго въ будущемъ повторенія подобной же стачки, шансы на побѣду будутъ уже значительно меньшіе,—буржуазія не ожидала-де этой стачки, да и разсчитана была эта послѣдняя всего на нѣсколько дней, была, въ сущности, одной лишь мирной демонстраціей и т. п.

Замѣтьте, что въ приведенныхъ примѣрахъ шла рѣчь о завоеваніи всеобщей стачкой тѣхъ или иныхъ частичныхъ политическихъ правъ или экономическихъ выгодъ, а не о захватѣ рабочимъ классомъ всей государственной власти, не о соціальной революціи. Понятно, что противодѣйствіе господствующихъ классовъ всеобщей стачкѣ въ послѣднемъ случаѣ было бы несравненно болѣе рѣшительно, а шансы торжества рабочихъ сократились бы прямо до нуля.

Въ частности, у насъ, въ Россіи, надо по-истинѣ свихнуться прежде, чѣмъ мечтать о такомъ чисто-аркадскомъ методѣ круп-

наго государственнаго переворота. Послѣдній можетъ быть у насъ осуществленъ лишь цѣлой системой мѣръ и средствъ чисто-революціоннаго характера, всеобщимъ вооруженныхъ возстаніемъ, какъ городского, такъ и сельскаго пролетаріата въ тѣсномъ цѣлесознательномъ союзѣ съ трудовымъ крестьянствомъ. Пролетарскій методъ революціи, методъ парижской коммуны и всеобщей стачки въ гармоническомъ соединеніи съ крестьянскимъ методомъ революціи всеобщаго и непосредственнаго «чернаго передѣла» и съ испытаннымъ террористическимъ методомъ «Народной Воли», направляющимъ свои удары непосредственно въ наиболѣе отвѣтственные и руководящіе центры враждебнаго лагеря,— такова въ общемъ та система мѣръ, которой можно надѣяться нанести рѣшительный и вѣрный ударъ россійскому самодержавно-буржуазному царству, таковъ въ своей сложности методъ, выдвигаемый нами, русскими соціалистами-революціонерами.

Всеобщая забастовка городского пролетаріата, превращеніе части городскихъ фабрикъ и заводовъ въ революціонные бастіоны, завладѣніе общественными и правительственными зданіями, провіантскими магазинами и складами, баррикадная борьба въ соотвѣтственныхъ тому мѣстахъ; воззванія, плакаты, собранія; женское и дѣтское населеніе, все, неспособное принять активное, боевое участіе въ борьбѣ, наполняетъ городскія площади и улицы, внося въ сердца солдатъ жалость и смущеніе; уничтоженіе телефонныхъ и телеграфныхъ сношеній между правительственными зданіями и агентами, перерѣзываніемъ проволокъ и истребленіемъ аппаратовъ; цѣлый рядъ внезапныхъ террористическихъ ударовъ, исполняемыхъ спеціально къ этому подготовленными боевыми группами; перенесеніе возстанія въ пригороды, села и деревни, поднятіе многочисленнаго крестьянства во имя земли и воли; привлеченіе на свою сторону хотя бы небольшихъ отдѣльныхъ солдатскихъ взводовъ и баталіоновъ, и при всемъ томъ—быстрота и натискъ, смѣлость и рѣшительность. «Возстаніе есть искусство,—писалъ въ 1852 г. Карлъ Марксъ,—все одно какъ война или другія искусства и подчиняется оно извѣстнымъ правиламъ, пренебреженіе которыми ведетъ къ гибели партіи, провинившейся въ таковомъ... Во-первыхъ, никогда не слѣдуетъ играть возстаніемъ, если нѣтъ рѣшимости противостоять всѣмъ послѣдствіямъ такой игры. Возстаніе есть вычисленіе съ неопредѣленными величинами, которыя измѣняются каждый день. Боевыя силы, противъ которыхъ придется бороться, имѣютъ преимущества организаціи, дисциплины и традиціоннаго авторитета всецѣло на своей сторонѣ; и если нельзя будетъ выдвинуть противъ этого достаточно крупныхъ силъ, то возстаніе будетъ разбито и уничтожено. Во-вторыхъ, разъ возстаніе начато, надо дѣйствовать съ величайшей рѣшимостью и перейти къ наступательной тактикѣ (ergreife die offensive). Пассивно-оборонительная тактика есть смерть всякаго вооруженнаго возстанія; въ этомъ случаѣ оно

будетъ проиграно еще раньше, чѣмъ удастся помѣряться съ врагомъ. Застигнуть врасплохъ противниковъ, пока ихъ силы раздроблены, разсѣяны, подготовлять изо дня въ день новые успѣхи, хотя бы и незначительные; поддерживать тотъ моральный перевѣсъ, который даетъ первая удача; привлекать на свою сторону тѣ колеблющіеся элементы, которые всегда слѣдуютъ лишь наиболѣе могущественному толчку и заботятся о своей безопасности; принудить врага отступать, пока онъ еще не успѣлъ собрать противъ васъ всѣ свои силы; словомъ, употребляя выраженіе Дантона, величайшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ знатоковъ революціонной тактики,—смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость!» (Revolution und Kontrerevolution in Deutschland)...

Августъ 1904 г. *Подолянинъ.*

Международный соціалистическій конгрессъ въ Амстердамѣ.

Въ воскресеніе утромъ 14-го августа въ громадномъ и роскошномъ залѣ Концертнаго Дома (Concertgebauw) г. Амстердама, состоялось открытіе международнаго соціалистическаго конгресса. Почти весь генеральный штабъ современнаго международнаго соціализма былъ здѣсь на лицо. Германія была представлена Бебелемъ, Каутскимъ, Кларой Цеткинъ, Молькенбуромъ, Штадтагеномъ и нѣсколькими десятками другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, представителей политическихъ и синдикальныхъ рабочихъ организацій (былъ и Бернштейнъ, который, однако, старался стушеваться). За французскимъ столомъ сидѣли между прочимъ, Гэдъ, Вайянъ, Делори, Дюбрей, Жоресъ, Бріянъ, Чипріяни, Ренодель, Аллеманъ; за австрійскимъ—Адлеръ, Эленбогенъ, Пернерсторферъ, Бретшнейдеръ; за швейцарскимъ—Сигтъ, Рапэнъ,

Райманнъ, Снель, Моръ. Далѣе выдѣлялись Брантингъ изъ Швеціи, Кнудсенъ изъ Даніи, Дашинскій изъ Галиціи. Голландія была представлена Ванъ-Колемъ, Трельстрой, Флигеномъ, Анріетой Гольстъ; Бельгія—Вандервельдомъ, Анзееле, Фюрнемономъ; Англія—Гайдменомъ, Бельфортомъ Баксомъ, Макдональдомъ и Бернсомъ. Новинкой для конгресса были двѣ делегаціи: одна, японская, состоявшая изъ одного представителя, Катаямы, и другая—русской партіи соціалистовъ-революціонеровъ, впервые выступившей на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ качествѣ особой, вполнѣ опредѣлившейся и организованной фракціи русскаго соціалистическаго движенія, образовавшей особую секцію, отдѣльно отъ соціальдемократическихъ группъ. *).

Какое разнообразіе лицъ, тенденцій, настроеній, какое богатство революціонныхъ темпераментовъ, но и какое единство въ общей конечной и завѣтной цѣли, какая солидарность въ любви и ненависти! Это единство проявилось уже при самомъ вступленіи въ занятія конгресса—прорвалось наружу громкимъ, протестующимъ хоромъ противъ русско-японской войны на Дальнемъ Востокѣ. Въ ту самую минуту, когда, быть можетъ, двѣ враждебныя арміи занимались истребленіемъ другъ друга гдѣ-либо далеко на поляхъ Манджуріи, представители двухъ націй, делегаты двухъ рабочихъ классовъ—Японіи и Россіи—взаимно протянули другъ другу руки въ знакъ мира и солидарности. Съ точки зрѣнія буржуазно-націоналистической морали—актъ «государственной измѣны» на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ принялъ характеръ великой, небывалой демонстраціи новой, соціалистической морали, новаго общественно-политическаго идеала. И никакія гаагскія конференціи, никакія общества мира не въ состояніи были показать всему міру такую, чарующую по своей нравственной красотѣ, лучезарную картину грядущаго меж-

---

*) Русскіе соціалисты-революціонеры на предъидущемъ Парижскомъ конгрессѣ 1900 г. были представлены тремя делегатами заграничнаго Союза Русскихъ Соціалистовъ-Революціонеровъ, имѣвшими мандаты отъ русскаго Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ (группа, выпустившая «Наши Задачи», и делегатомъ отъ Группы Старыхъ Народовольцевъ. Отдѣльной секціи они не составляли.

Секція П. С. Р. на Амстердамскомъ конгрессѣ состояла первоначально изъ 12 делегатовъ: Е. К. Брешковская, Ф. В. Волховскій, Ю. Гарденинъ, В. С. Гоцъ, Н. Григоровичъ, А. Гроссъ, Е. Е. Лазаревъ, О. С. Миноръ, И. А. Рубановичъ, К. М. Терешковичъ, Е. Устиновъ и Л. Э. Шишко. Они имѣли 29 мандатовъ отъ комитетовъ и группъ нашей партіи и 1 мандатъ отъ Агр. Соц. Лиги. Затѣмъ къ секціи присоединился представитель латышскаго соц. дем. союза тов. Ролау. Секція избрала отъ себя въ составъ президентскаго бюро конгресса Е. К. Брешковскую, и въ подготовительныя комиссіи 1) по вопросамъ парламентской тактики —И. А. Рубановича, 2) соціальной политики—Н. Григоровича, 3) колоніальной политики—Ф. Волховскаго, 4) вопросъ о всеобщей стачкѣ—Е. Устинова и 5) вопросъ о трестахъ—Е. Лазарева.

дународнаго братства. Въ эту знаменательную минуту революціоннаго энтузіазма всего конгресса стало яснѣе, чѣмъ когда-либо, какая глубокая пропасть лежитъ между двумя борющимися мірами—старымъ, буржуазнымъ, и новымъ, соціалистическимъ. Никакихъ мостовъ между ними быть не можетъ, никакихъ соглашеній и компромиссовъ: пропасть съ каждымъ днемъ становится все глубже и непроходимѣе...

Таковъ, повторяемъ, былъ первый демонстративный актъ Амстердамскаго конгресса, первое величавое проявленіе объединенной в о л и международнаго соціализма. Эта воля нашла и свое формальное выраженіе въ слѣдующей, предложенной французскими соціалистами-революціонерами и единогласно принятой конгрессомъ, резолюціи:

«Принимая во вниманіе, что соглашеніе и солидарная работа рабочихъ и соціалистовъ всѣхъ странъ является наиболѣе существенной гарантіей всеобщаго мира,—въ тотъ самый моментъ, когда царизму угрожаютъ одновременно война и революція, конгрессъ посылаетъ свой братскій привѣтъ русскимъ и японскимъ пролетаріямъ, падающимъ жертвами преступленій какъ капиталистовъ, такъ и правительства. Конгрессъ приглашаетъ соціалистовъ и рабочихъ всѣхъ странъ всѣми силами противиться всякому расширенію войны».

То же тяготѣніе въ сторону революціонной непримиримости сказалось и въ занятіяхъ его по вопросу объ интернаціональномъ регулированіи соціалистической тактики, т. е. по вопросу о министеріализмѣ и союзахъ съ буржуазными партіями. Комиссіонная работа по этому поводу была своего рода «гвоздемъ» всего конгресса,—она привлекла къ себѣ наиболѣе крупные умы международнаго соціализма и наиболѣе выдающихся ораторовъ. Исходной точкой комиссіонныхъ преній по этому вопросу была Дрезденская резолюція, осуждающая, какъ извѣстно, всякія оппортунистическія тенденціи въ современномъ соціализмѣ и отвергающая всякіе союзы съ буржуазіей. Всѣ неимовѣрныя, можно даже сказать, титаническія усилія Жореса оправдать свою позицію и спасти оппортунистическую тактику безжалостно разбивались о дружное настроеніе всего конгресса.*) Съ изумительнымъ талантомъ

*) Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что конгрессъ отнюдь не хотѣлъ сдѣлать шагъ къ сектанству и нетерпимости, не хотѣлъ ни отлучать отъ церкви, ни исключать Жореса и его партію. Съ точки зрѣнія конгресса, направленіе Жореса можетъ имѣть свой голосъ въ французскомъ и международномъ соціализмѣ, но при условіи соблюденія соціалистической дисциплины, т. е. свободно защищая свои взгляды, но подчиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ разъ принятымъ рѣшеніямъ международнымъ или національныхъ—каждыхъ въ предѣлахъ ихъ компетенціи—конгрессовъ. Вотъ почему была единогласно принята резолюція, предложенная Бебелемъ, Каутскимъ, Адлеромъ, Ферри и Вандервельдомъ, приглашающая къ объединенію «на почвѣ установленныхъ международными конгрессами принциповъ» всѣ нынѣ враждующія соціалистическія фракціи, предлагая для облегченія этого объединенія посредничество какъ интернаціональнаго соціалистическаго бюро, такъ и соціалистическихъ партій тѣхъ странъ, гдѣ единство уже существуетъ.

и съ бурной страстью защищалъ онъ, одинъ противъ всѣхъ, каждый шагъ своей политики, перечислялъ ея выгоды и всѣ положительные результаты; указывалъ на вѣроятные ея шансы въ ближайшемъ будущемъ; отъ защиты переходилъ къ нападенію, необычайно искусно использовалъ всѣ оппортунистическія прегрѣшенія нѣмецкой соціальдемократіи—но увы! использовалъ ихъ лишь для того, чтобы прикрыть ими еще большія оппортунистическія прегрѣшенія своей партіи; съ большимъ искусствомъ выдвинулъ въ видѣ резерва, то общее для оппортунистовъ положеніе, что де международный соціалистическій конгрессъ не компетентенъ императивно рѣшать тактическіе вопросы каждой отдѣльной страны, а потому не вправѣ осуждать или отвергать тотъ или иной практическій шагъ данной національной организаціи, и долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ начертаніи интернаціональныхъ нормъ соціалистической политики. Жоресъ, далѣе, предпринялъ довольно искусную диверсію въ сторону Россіи, выставивъ перспективу вмѣшательства международнаго соціалистическаго конгресса въ рѣшеніе такого чисто-національнаго спора, какой ведется теперь «между россійскимъ террористическимъ направленіемъ и его соціальдемократическимъ противникомъ Плехановымъ». На представителя партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ данной комиссіи, тов. Рубановича, выпала, такимъ образомъ, задача отпарировать этотъ аргументъ Жореса, что онъ и сдѣлалъ, заявивъ, что наша партія всегда готова принять на какомъ угодно интернаціональномъ конгрессѣ споръ о согласованности или несогласованности своей тактики съ общими соціалистическими принципами; мы убѣждены, что такой споръ неминуемо кончится въ нашу пользу, и порукой въ этомъ служитъ то всеобщее сочувствіе, которымъ, со временъ Народной Воли, была окружена террористическая борьба среди передовыхъ и, въ особенности, соціалистическихъ круговъ всей Западной Европы. Тов. Рубановичъ напомнилъ отзывы Маркса и Энгельса о террорѣ, напомнилъ и слова Либкнехта, что онъ въ русскихъ условіяхъ сталъ бы самъ употреблять тѣ средства борьбы, которыми пользуются столь пугающіе европейскихъ буржуа русскіе «нигилисты».

Делегація партіи соціалистовъ-революціонеровъ занимала крайнюю лѣвую позицію во всемъ этомъ спорѣ. Обсудивъ предварительно въ своей средѣ данный вопросъ, она—почти единогласно—пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Принятая на Парижскомъ конгрессѣ резолюція Каутскаго совершенно справедливо высказывается противъ «министеріализма» и противъ постоянныхъ союзовъ съ существующими партіями. Но, выгнавъ оппортунистическую тактику въ дверь, она впускаетъ ее въ окно: установивъ правило, она тотчасъ дѣлаетъ «исключеніе», допуская въ какихъ то, недостаточно опредѣленныхъ, случаяхъ возможность введенія—подъ контролемъ партіи—соціалиста въ буржуазное министерство. Вопросъ долженъ быть поставленъ ребромъ. Если соціа-

листическая партія входитъ въ составъ правительственнаго большинства, если она вводитъ своего члена въ составъ правительства, то тѣмъ самымъ она лишается свободы дѣйствій: она должна совмѣстно съ другими группами большинства выработать одну общую линію поведенія, одну общую политику; она должна отстаивать эту политику и брать на себя прямую, непосредственную, оффиціальную отвѣтственность за нее. Но вѣдь въ опредѣленіи этой линіи поведенія соціалистическая партія можетъ имѣть лишь частичное вліяніе; эта общая линія поведенія будетъ равнодѣйствующей между тенденціями всѣхъ группъ большинства, и, слѣдовательно, пройдетъ посединѣ между лѣвыми и правыми его элементами. Въ своемъ существѣ политика будетъ буржуазная, правда, прогрессивно-буржуазная, но все таки буржуазная; участіе соціалистовъ придастъ лишь болѣе послѣдовательности и силы либерально-прогрессивнымъ тенденціямъ буржуазіи. Очень возможно, даже несомнѣнно, что всѣ прогрессивныя реформы этого прогрессивно-буржуазнаго правительства выгодны для соціализма, могутъ быть использованы имъ. Но использованы онѣ могутъ быть лишь при одномъ условіи: если соціалистическая партія не будетъ свертывать своего знамени, будетъ дѣйствовать не со связанными, а съ развязанными руками, будетъ безпощадно разоблачать всю недостаточность, все безсиліе палліативовъ буржуазно-прогрессивныхъ партій. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что соціалистическая партія, разъ она входитъ въ составъ постояннаго, правильно-организованнаго правительственнаго большинства (bloc), разъ она совмѣстно съ другими группами этого большинства участвуетъ въ выработкѣ общей, совмѣстной политики, проводимой соотвѣтствующимъ министерствомъ—нѣтъ сомнѣнія, говоримъ мы, что въ такомъ случаѣ соціалистическая партія не можетъ нарушать гармоніи дѣйствій «блока», тѣмъ болѣе, что эта гармонія всегда непрочна, дается съ большимъ трудомъ и требуетъ крайне бережнаго отношенія къ себѣ. Вотъ почему мы убѣждены, что хотя соціалистическая партія должна брать всѣ уступки со стороны буржуазныхъ партій, должна толкать ихъ къ такимъ уступкамъ, можетъ поддерживать, отъ случая къ случаю, передовые элементы буржуазіи въ ихъ борьбѣ съ реакціонными,—но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи: не связывая себѣ рукъ, не входя въ составъ организованнаго правительственнаго цѣлаго, не принимая на себя отвѣтственности за политику такого правительства, на которое соціалистическая партія можетъ оказывать лишь частичное вліяніе. Если въ правительственномъ «блокѣ»—а тѣмъ болѣе въ министерствѣ—соціалистическій элементъ является меньшинствомъ, то общая политика его не можетъ не носить ясно выраженнаго буржуазнаго характера, и освящать его соціалистической санкціей означало бы для соціализма отказъ отъ своей собственной духовной и революціонной сущности.

Итакъ, вопросъ долженъ стоять ребромъ: есть ли буржуаз-

ный парламентъ арена сотрудничества или арена борьбы? Идетъ ли въ него соціалистическая партія для того, чтобы совмѣстно съ буржуазными партіями, сообща вырабатывать буржуазно-прогрессивное законодательство, или же для того, чтобы передъ лицомъ всей страны противопоставить свой идеалъ, свою концепцію, свои принципы буржуазнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, соціализмъ всегда готовъ своимъ давленіемъ вынудить у буржуазныхъ классовъ тѣ или иныя уступки; нѣтъ сомнѣнія, парламентъ и парламентская соціалистическая фракція есть также механизмъ для передачи этого давленія; но для насъ несомнѣнно и то, что сила этого давленія прямо пропорціональна независимости ея. Вотъ почему для насъ вопросъ стоитъ ребромъ: революціонный соціализмъ или правительственный реформизмъ? И вотъ почему насъ не совсѣмъ удовлетворяла Парижская резолюція Каутскаго, про которую одинъ изъ делегатовъ остроумно заявилъ: «Kautsky-Resolution ist Kautschuk-Resolution» — «резолюція Каутскаго — резолюція каучуковая». Вотъ почему мы внесли свою собственную резолюцію, которая объявляла совершенно недопустимымъ соціалистическое санкціонированіе буржуазной по существу политики, путемъ ли участія соціалистовъ въ отвѣтственномъ и солидарномъ буржуазномъ министерствѣ, путемъ ли вхожденія соціалистической парламентской фракціи, какъ меньшинства, въ составъ организованнаго правительственнаго «блока». И только убѣдившись, что наша резолюція не имѣетъ шансовъ быть принятой, мы присоединились къ дрезденской резолюціи, какъ представляющей сравнительно болѣе всего гарантій противъ оппортунистскихъ теченій въ современномъ соціализмѣ. Сдѣлать это было необходимо, ибо болѣе мягкая и расплывчатая резолюція Вандервельда-Адлера едва не была принята, и дрезденская резолюція была вотирована незначительнымъ большинствомъ, при множествѣ воздержаній. Если бы мы воздержались или голосовали противъ изъ-за мелкихъ, частичныхъ несовершенствъ этой резолюціи, мы только съиграли бы на руку оппортунистамъ.

Здѣсь не мѣсто входить во всѣ перипетіи жаркихъ дебатовъ по этому вопросу. Замѣтимъ лишь, что далеко не всегда могли мы быть довольными аргументаціей Гэда, Бебеля и Каутскаго, отстаивавшихъ Дрезденскую резолюцію. Такъ, они стали на весьма шаткую и рискованную почву, проводя параллель между французской буржуазной республикой и прусско-германской «соціальной монархіей», и оттѣняя въ нѣкоторыхъ пунктахъ преимущества послѣдней передъ первой. Такъ, далѣе, на весьма рискованную почву сталъ Каутскій, защищая свою резолюцію отъ обвиненія въ «каучуковомъ» характерѣ. Допуская, какъ исключеніе, вхожденіе соціалистовъ въ буржуазное министерство—говорилъ онъ—я имѣлъ въ виду лишь такіе крайніе, критическіе моменты національной жизни, когда, напримѣръ, всей странѣ угрожаетъ опасность, когда передъ ней стоитъ вопросъ—быть или не

быть — при нашествіи внѣшняго врага.—Но неужели, совершенно справедливо возразилъ Жоресъ, буржуазное «отечество» дороже рабочему классу, чѣмъ внутреннія реформы? Неужели министеріализмъ такъ легко сдѣлать ортодоксальнымъ—простой прибавкой нѣкоторой дозы націонализма? Каутскій выступалъ въ этомъ пунктѣ болѣе министеріалистомъ, чѣмъ Жоресъ, и на эту почву мы не могли за нимъ послѣдовать.

На конгрессѣ была замѣтна тенденція, рѣзко выразившаяся въ рѣчи Анзееле, отрицать въ вопросахъ парламентской тактики компетентность соціалистовъ тѣхъ странъ, гдѣ или еще не завоевана политическая свобода, или соціалистическая партія еще не является вліятельнымъ факторомъ парламентской жизни. Странное пониманіе интернаціональной соціалистической солидарности! Охотно входя въ составъ буржуазно-прогрессивнаго «блока» данной страны, соціаль-реформисты, видимо, вообще съ недовѣріемъ относятся къ международному соціалистическому «блоку». Но неужели они не понимаютъ, насколько едина армія революціоннаго соціализма, насколько дѣйствія каждаго ея отряда отзываются на дѣйствіяхъ другихъ отрядовъ? Когда Мильеранъ участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ русскаго царя свободной, республиканской Франціей—развѣ это не укрѣпляло престижа и позицій царизма? Когда итальянскимъ соціалистамъ, лишившимъ царя «права въѣзда въ Италію», и создавшимъ для него въ Европѣ впервые ограниченную «черту осѣдлости», Жоресъ совѣтовалъ бросить свою непримиримую тактику и видѣть въ царѣ не царя и деспота, а абстрактнаго представителя «Россіи», какъ націи—развѣ это былъ не ударъ нашей заграничной протувоцаристской агитаціи? Развѣ это не спутывало всѣхъ понятій, выставляя поработителя русскаго народа—его воплощеніемъ и олицетвореніемъ? Когда при Мильеранѣ разстрѣливали рабочихъ-стачечниковъ—развѣ это не отозвалось на Россіи, развѣ это не было козыремъ въ рукахъ нашихъ Зубатовцевъ ?

Да, мы еще не завоевали политической свободы, да, мы еще не представляемъ вліятельнаго фактора въ законодательствѣ. Болѣе того, намъ еще предстоитъ сдѣлать немало неимовѣрныхъ усилій, принести не мало жертвъ, дорогихъ жертвъ жизнью и кровью, чтобы подняться на высшую культурно-историческую ступень. Но именно поэтому намъ особенно дорого, намъ особенно важно, чтобы наша трудная задача не затруднялась еще болѣе оппортунистическою тактикою нашихъ западно-европейскихъ братьевъ; чтобы еще не завоеванная, но уже дорого стоющая, свобода и возможность вліянія на законодательство не компрометтировалась заранѣе соціалистической санкціей грѣхопаденій буржуазно-парламентскаго правительства, а тѣмъ болѣе прямымъ соучастіемъ соціалистовъ въ этихъ грѣхопаденіяхъ. Всякое изъ нихъ есть лишь вода на колеса Зубатовскихъ мельницъ, распространяющихъ среди рабочихъ политическій индифферентизмъ, недовѣріе къ политической свободѣ, къ политическимъ партіямъ, къ соціалистической интел-

лигенціи: это, далѣе, вода на колеса того догматическаго анархизма, который, механически перенося на русскія условія ожесточенную критику еще не завоеваннаго парламентскаго строя, теряетъ изъ виду всякую историческую перспективу, оставляетъ въ тѣни преимущества этого строя сравнительно съ самодержавнымъ и превращается, благодаря этому, въ безпочвенную, оторванную отъ жизни и мертвую доктрину, которая принесла бы много вреда рабочему движенію, если бы имѣла хоть какіе нибудь шансы распространиться и укрѣпиться.

Нѣтъ, говоримъ мы: мы болѣе, чѣмъ когда-либо, заинтересованы въ томъ, чтобы парламентскій режимъ и соціалистическій оппортунизмъ, вліяніе соціалистовъ на законодательство и отреченіе отъ революціонной сущности соціализма не сдѣлались синонимами. Интернаціональная соціалистическая солидарность для насъ не пустое слово, и мы всегда первые будемъ стоять за то, чтобы противъ уклоненій отъ основъ революціонной, по своему существу, соціалистической тактики, были выдвинуты твердыя интернаціональныя нормы, обезпечивающія единое, цѣлостное и гармоническое развитіе всемірнаго революціоннаго соціализма!

* * *

Слѣдующимъ по важности и злободневности, вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію конгресса, была всеобщая стачка. Конгрессу предстояло высказаться, признаетъ-ли онъ всеобщую стачку или, точнѣе, массовую политическую стачку однимъ изъ методовъ революціонной борьбы рабочаго класса. Обсужденію конгресса подлежали двѣ концепціи массовой стачки—съ одной стороны французская, нашедшая свое болѣе или менѣе точное выраженіе въ резолюціяхъ Рабочей Соціально-Революціонной Партіи Франціи (аллеманисты) и Соціалистической Партіи Франціи (Unité Socialiste Revolutionaire, т. е. бланкисты и гэдисты), съ другой стороны, нѣмецко-голландская концепція, сложившаяся лишь недавно и выраженная въ соотвѣтственной голландской резолюціи. Французская концепція шире, реалистичнѣе, ибо не исключаетъ вооруженнаго возстанія рабочихъ массъ; наоборотъ, эта концепція считаетъ такое возстаніе весьма вѣроятнымъ продолженіемъ другихъ возможныхъ средствъ соціальной революціи, какъ напр., и дополненіемъ всеобщей стачки. Что-же касается нѣмецко-голландской концепціи, то она, подъ вліяніемъ новѣйшихъ статей Каутскаго, смотритъ на мирную всеобщую стачку, какъ на е д и н с т в е н н о е средство, имѣющееся въ распоряженіи пролетаріата, какъ для защиты отъ реакціонныхъ coups d'etat господствующихъ классовъ, такъ и для нападенія на нихъ съ цѣлью завоеванія политической власти. Въ обоснованіи голландской резолюціи всякая возможность и цѣлесообразность вооруженнаго возстанія догматически отрицается. Это обстоятельство, главнымъ образомъ,

и побудило нашу делегацію голосовать за обѣ французскія резолюціи.*) Голландская резолюція по тексту нѣсколько лучше, чѣмъ по обосновкѣ въ докладѣ. Послѣ нѣсколькихъ «съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой нельзя не сознаться» она говоритъ, что стачка, распространяющаяся на значительное число отраслей производства... явится наилучшимъ средствомъ осуществить соціальныя измѣненія огромной важности». Нѣмецкіе делегаты и русскіе соціальдемократы голосовали за голландскую резолюцію. Большинство нѣмецкой делегаціи, повидимому, лишь съ большой неохотой вотировало за всеобщую стачку, ибо, несмотря на статьи Каутскаго объ этомъ вопросѣ, старое мнѣніе—«Generalstreik ist Generalunsinn»—все еще господствуетъ въ соціальдемократической средѣ Германіи. Нѣмецкая делегація дружно аплодировала Флигену, говорившему противъ всеобщей стачки вообще. Но, очевидно, даже въ атмосферѣ нѣмецкой ортодоксіи чувствуется въ послѣднее время какой-то, хотя еще и не крутой, но все таки замѣтный поворотъ: характерно, что германскіе делегаты, volens nolens, все-же голосовали—въ первый разъ въ своей жизни!—за всеобщую стачку. Да и то сказать, голландская резолюція отличается одновременно и такимъ оптимизмомъ и такимъ утрированнымъ благоразуміемъ, что, собственно, ни къ чему опредѣленному и не обязываетъ. При голосованіи этой резолюціи мы, вмѣстѣ съ большинствомъ сторонниковъ французской резолюціи, воздержались, отмѣчая этимъ ея расплывчивость и неясность. Мы предпочли этотъ способъ вотированію *противъ* резолюціи потому, что, во первыхъ, для ортодоксальныхъ марксистовъ эта резолюція все таки шагъ впередъ, а, во вторыхъ, въ резолюціи высказано много вѣрныхъ, хотя и азбучныхъ, вещей: невозможность дальше замалчивать всеобщую стачку, необходимость предварительной организаціи рабочаго класса, несогласіе съ анархистской — исключительной — концепціей всеобщей стачки, какъ универсальнаго средства, дѣлающаго излишней политическую организацію рабочаго класса и т. п. Мы надѣемся, что дальнѣйшіе конгрессы сдѣлаютъ новые шаги въ смыслѣ болѣе смѣлой и правильной оцѣнки значенія всеобщей стачки.

Не лишены были интереса работы и другихъ комиссій—соціальной политики и рабочаго страхованія, колоніальной политики. Вопросы, разбиравшіеся въ комиссіи о колоніальной политикѣ, имѣли для насъ особенную важность, такъ какъ они были

*) За Аллемановскую резолюцію мы голосовали послѣ того, какъ въ комиссіи онъ согласился замѣнить слова «всеобщая стачка есть *самое дѣйствительное средство* осуществленія требованій рабочихъ» словами «одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ».

Резолюція бланкистовъ указывала на возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, перехода всеобщей стачки въ революціонный взрывъ, при чемъ соціалистическія партіи должны выполнить свой долгъ во всей его полнотѣ.

первоначально поставлены въ тѣсную связь съ такими общими положеніями марксизма, которыя для насъ были совершенно неприемлемы.

Съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ, что, послѣ преній, перешедшихъ одно время въ рѣзкое столкновеніе между Гайндманомъ и Бернштейномъ, Ванъ-Коль долженъ былъ взять назадъ свою резолюцію ультра-марксистскаго характера. Ванъ-Коль пытался сначала поставить вопросъ такимъ образомъ: 1) нужны-ли колоніи или не нужны? 2) должны-ли всѣ страны проходить по послѣдовательнымъ этапамъ развитія капитализма и концентраціи производства? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на оба эти вопроса,—а Ванъ-Коль не сомнѣвался, что отвѣтъ будетъ утвердительнымъ, — пришлось-бы заключить, какъ и говорилось въ его резолюціи, что въ наши задачи входитъ облегчать и толкать впередъ развитіе капитализма въ колоніяхъ, хотябы при этомъ и пришлось жертвовать, напримѣръ, остатками общинныхъ формъ собственности. Характерно, что докладъ, Ванъ-Коля, доказавшій, что гипотеза Маркса о возможности минованія для отдѣльныхъ странъ или отраслей, производства капиталистической стадіи развитія опровергнута жизнью,—этотъ докладъ былъ помѣщенъ въ органѣ ревизіонистовъ, Soz. Monatshefte, и встрѣтилъ въ комиссіи поддержку Бернштейна. Французскіе соціалисты-революціонеры (гл. обр. бланкисты) справедливо находили, что резолюція Ванъ Коля ставитъ соціалистамъ задачи, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣющія. Гайндманъ и другіе ораторы, въ томъ числѣ тов. Волховскій, находили, что въ основу резолюціи ни въ какомъ случаѣ нельзя положить столь спорныя, абстрактныя и отчасти неясныя положенія, какъ положенія доклада Ванъ-Коля, въ которомъ и самая постановка вопроса—напримѣръ, нужны-ли (кому?) колоніи—отличается двусмысленностью.

Послѣ того какъ Ванъ-Коль взялъ обратно свою резолюцію, приняты были двѣ другія: частная, относительно Индіи, составленная Гайндманомъ, и общая, предложенная де-Брикеромъ. Въ обѣихъ рѣшительно осуждалась современная колоніальная политика буржуазно-капиталистическаго пошиба, со всѣми ея послѣдствіями—мѣрами «предварительнаго накопленія», имперіализмомъ, милитаризмомъ и т. д. Задачей соціалистическихъ партій было признано воздѣйствіе на законодательство съ цѣлью прогрессивнаго расширенія автономіи колоній и проведенія въ нихъ мѣропріятій, поднимающихъ населеніе на высшую культурную ступень (образованіе, сооруженія и работы общеполезнаго характера, предохраненіе природныхъ благъ отъ хищническаго хозяйства и т. п.).

Въ основу резолюціи о рабочемъ страхованіи легли двѣ идеи: право каждаго на существованіе (das Recht auf die Existenz) и введеніе прогрессивно-подоходнаго налога для основанія фонда рабочихъ страховыхъ премій. Безъ преній принята была резолюція,

ставящая на видъ необходимость повсемѣстнаго празднованія 1-го мая. Вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи, возбудившій серьезныя разногласія, былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса.

Безъ дебатовъ была принята также резолюція Дрезденскаго партейтага, обязывающая соціалистическія партіи требовать избирательнаго права для женщинъ.

Подводя итоги работамъ Амстердамскаго конгресса, слѣдуетъ признать, что цѣлый рядъ сложныхъ и насущныхъ проблемъ современнаго рабочаго движенія нашелъ въ немъ самое серьезное, самое внимательное и разностороннее разсмотрѣніе. Къ сожалѣнію, значительная часть этихъ работъ прошла незамѣченной для публики. Краткость срока, отведеннаго для конгресса, вмѣстѣ съ многочисленностью и сложностью подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ привели къ тому, что центръ тяжести работъ былъ перенесенъ въ подготовительныя комиссіи, и на публичныя собранія конгресса, въ его цѣломъ, выносился, въ тѣхъ случаяхъ, когда достигалось соглашеніе, лишь окончательный итогъ, результатъ комиссіонныхъ преній, тогда какъ самый процессъ выработки его оставался для публики скрытымъ. Отъ этого, разумѣется, для лицъ, не присутствовавшихъ на засѣданіяхъ комиссій, многое терялось. Нужно, напр., было лично присутствовать въ засѣданіяхъ комиссіи по соціальной политикѣ и рабочему законодательству, гдѣ особенно блистали своимъ поистинѣ колоссальнымъ и всестороннимъ знаніемъ нуждъ, условій жизни, способовъ защиты интересовъ рабочаго класса Молькенбуръ и Вурмъ, а изъ французовъ—молодая, недавно выдвинувшаяся сила, Поль Луи; безъ этого, рѣшеніе конгресса могло показаться простой формальностью. Нужно было присутствовать въ комиссіонныхъ работахъ и для того, чтобы отмѣтить тенденцію, которая несомнѣнно проявилась на послѣднемъ конгрессѣ, хотя могла ускользнуть отъ вниманія публики, посѣщавшей только общія собранія: это пробивающееся убѣжденіе, что самая рѣзкость и обостренность спора между министеріалистами и антиминистеріалистами есть симптомъ другой слабости современнаго движенія: увлеченія внѣшней парламентской тактикой, съ ея преходящими, поверхностными комбинаціями, въ ущербъ и за счетъ органической работы въ странѣ, въ глубь идущей пропаганды, прочной, боевой какъ экономической, такъ и политической организаціи рабочаго класса. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что плоды этихъ работъ конгресса скажутся неотвратимо въ ближайшее-же время.

* * *

Что касается насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, то мы не только можемъ быть довольны многими результатами работъ конгресса, поскольку онѣ выразились въ принятыхъ принципіальныхъ резолюціяхъ. Мы имѣемъ еще и спеціальный поводъ заре-

гистрировать этотъ конгрессъ, какъ новый успѣхъ нашего движенія, нашей партіи. На этомъ конгрессѣ мы впервые заняли въ семьѣ соціалистическихъ партій мѣсто, соотвѣтствующее значенію нашей дѣятельности, нашей программы и тактики; впервые, образовавъ особую секцію соціалистическаго интернаціонала, мы получили, черезъ своего представителя въ бюро, право голоса въ рѣшеніи всѣхъ его текущихъ дѣлъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ новый успѣхъ, новый шагъ впередъ въ быстромъ развитіи нашей партіи былъ сдѣланъ не безъ борьбы. Въ статьѣ «Къ Амстердамскому конгрессу» («Искра», № 71) русская соціальдемократія торжественно обѣщала выяснять «для нашихъ западноевропейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго соціализма представлены въ Россіи только соціальдемократами». «Наша партія—заявляла Искра—на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ... безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ «фракціямъ» и будетъ отстаивать для россійской соціальдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата интересовъ россійскаго сознательнаго рабочаго движенія».

Во исполненіе этого рѣшенія, русскіе соціальдемократы изготовили для конгресса свой отчетъ, напечатанный на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ отчетѣ не разъ приводятся «факты» и «примѣры» затемнѣнія, нами классового сознанія рабочихъ; дѣлается тотъ выводъ, что мы есть «фракція буржуазной демократіи», при томъ еще «не имѣющая никакихъ твердыхъ политическихъ принциповъ» и вносящая «элементы явной дезорганизаціи въ дѣло развитія классового самосознанія и самостоятельной политической организаціи рабочаго класса». Далѣе слѣдуетъ донесеніе по начальству, что мы въ своемъ органѣ не перестаемъ «нападать на теоретическіе принципы и политическую практику не только русской, но и интернаціональной соціальной демократіи», почему и заявляется протестъ противъ того, чтобы мы «были приняты въ семью соціалистическихъ партій», ибо это «усилитъ нашъ престижъ» и «несомнѣнно повредитъ развитію классоваго сознанія и самостоятельной организаціи русскаго пролетаріата».

Для большей убѣдительности, на нѣмецкій языкъ была переведена и резолюція противъ насъ II-го съѣзда Р. С. Д. Р. П., гдѣ, какъ извѣстно, сказано, что мы вредимъ не только дѣлу рабочаго класса, но и дѣлу обще-демократической борьбы противъ абсолютизма; что мы стремимся держать рабочихъ въ состояніи безформенной массы, которая можетъ быть простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи, и т. д., и т. д.

Наконецъ, прибывъ на конгрессъ, мы получили (дорого яичко къ христову дню) свѣжій № Vorwärts'a со статьей противъ насъ, подписанной именемъ Г. Плеханова. Тамъ, разумѣется, насъ обличаютъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и переименовываютъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ въ «соціалистовъ-реакціонеровъ».

Всѣ эти маневры только увѣнчивали собою предъидущій походъ, который вели противъ насъ русскіе соціальдемократы на страницахъ нѣмецкой соціальдемократической прессы. Эти страницы были, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, широко открыты для г. Плеханова и его друзей и совершенно закрыты для насъ. Если въ первое время нашего выступленія на политическую арену Vorwärts и далъ о насъ нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ, которымъ вторили и многіе другіе провинціальные органы, то затѣмъ все вдругъ рѣзко перемѣнилось. Систематически на столбцахъ «Neue Zeit», «Vorwârs'a», «Leipziger Volkszeitung» и др. стали появляться фактическія сообщенія, замѣтки и статьи, словно только что сорвавшіяся со страницъ «Искры», тогда какъ наши попытки отвѣчать на худшія вылазки, направленныя противъ насъ, оставались втунѣ. Вѣжливо, «съ соціальдемократическимъ привѣтомъ» извѣщали насъ, что, къ сожалѣнію, по тѣмъ или инымъ причинамъ (не всегда было легко понять, по какимъ) редакція не считаетъ удобнымъ помѣстить нашъ отвѣтъ.

Теперь случайно изъ одной рѣчи Бебеля въ рейхстагѣ мы узнаемъ, почему вдругъ такъ рѣзко измѣнилось отношеніе къ намъ нѣмецкой соціальдемократической прессы. Касаясь надвигавшагося Кенигсбергскаго процесса, въ которомъ противъ россійскихъ соціальдемократовъ было выдвинуто обвиненіе въ подстрекательствѣ къ политическимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, и доказывая, что Плехановъ — ярый противникъ террора, Бебель подкрѣпилъ свою аргументацію слѣдующимъ интереснымъ фактическимъ сообщеніемъ. Оказывается, что однажды, когда Бебель гостилъ въ Цюрихѣ, къ нему спеціально пріѣхалъ Г. Плехановъ и нарисовалъ ему примѣрно слѣдующую картину. Русская соціальдемократія переживаетъ крайне трудный періодъ: она находится въ періодѣ сложенія, организаціи; она работаетъ въ крайне тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, правительство ведетъ противъ нея свирѣпую борьбу; въ довершеніе всего, такую же отчаянную борьбу, такой же отчаянный походъ противъ нея, съ другой стороны, ведутъ русскіе террористы, эти политическіе революціонеры мелко-буржуазнаго пошиба, ничего общаго съ рабочимъ классомъ не имѣющіе. И вотъ, въ такомъ то плачевномъ положеніи, «Vorwârts», не зная обстоятельствъ дѣла, неосторожностью своею вредитъ русскому рабочему дѣлу, помѣщая сочувственные отзывы и сообщенія о злѣйшихъ врагахъ соціальдемократіи въ Россіи!—Бебель, которому, очевидно, и въ мысли не пришло, что самая фактическая сторона сообщенія «лидера русской соціальдемократіи» можетъ нуждаться въ существенныхъ поправкахъ, отвѣтилъ кратко и просто, что онъ «приметъ мѣры», и что «отнынѣ этого болѣе не будетъ»... Такова оказалась разгадка рѣзкаго поворота въ поведеніи нѣмецкой соціальдемократической прессы...

Разумѣется, россійскіе соціальдемократы широко воспользовавались создавшимся для нихъ монополнымъ положеніемъ. Да, они воспользовались, и не только своевременно перенесли на страницы

органа Каутскаго всѣ когда либо измышленныя досужими искровски ми кумушками сплетни о С. В. Балмашевѣ и Боевой Организаціи, но и успѣли еще не такъ давно превосходно «ознакомить» нѣмецкихъ соціальдемократовъ съ дѣломъ Гершуни... съ видомъ наивной довѣрчивости, точно излагая дѣло по такимъ «аутентичнымъ» источникамъ, какъ сборникъ прокурорско-предательскихъ клеветъ, носящій названіе «обвинительнаго акта по дѣлу такъ называемой Боевой Организаціи». Русскій читатель легко себѣ представить, въ какомъ видѣ предстали передъ нѣмецкими товарищами русскіе террористы! И каково получилось положеніе Vorwärts'а благодаря напечатанію этой позорной статьи! Центральный органъ нѣмецкой соціальдемократіи во время суда надъ самоотверженнымъ героемъ революціи явился послушнымъ эхомъ его клеветниковъ!

Мы понимаемъ, конечно, что нѣмецкіе соціальдемократы, въ громадномъ большинствѣ своемъ плохо знакомые съ русскими условіями, часто не могутъ самостоятельно, критически отнестись къ получаемымъ ими фактическимъ сообщеніямъ. Неудивительно, поэтому, что слушая только одну сторону, они вынуждены рабски повторять все, что ни заблагоразсудятъ имъ сообщить тенденціозные «информаторы». И вотъ почему они могутъ спуститься даже до напечатанія такихъ статей, какъ о процессѣ Гершуни: «не вѣдаютъ бо, что творятъ».

За то превосходно это «вѣдаютъ» ихъ корреспонденты изъ «Искры». Они поступаютъ сознательно, и цѣль ихъ ясна. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы помѣшать нашей партіи быть допущенной «въ семью соціалистическихъ партій», какъ теперь нѣсколько необдуманно и преждевременно—заявила во всеуслышаніе редакція «центральнаго органа Р. С.-Д. Р. П.» И она наивно вѣрила, будто отъ ея маневровъ, ея агитаціи зависитъ допущеніе или недопущеніе насъ на международный соціалистическій конгрессъ! И она воображала, будто историческое значеніе нашей борьбы, нашей тактики, существованія нашей партіи вообще—можетъ быть аннулировано десяткомъ хлесткихъ статей, сила вліянія которыхъ гарантируется недопущеніемъ возраженій, зажиманіемъ рта противнику!

Жалкая, нелѣпая иллюзія! Она разбилась болѣе быстро и бесильно, чѣмъ этого можно было ожидать. И первымъ же плачевнымъ сюрпризомъ для нашихъ иллюзіонистовъ было то, что даже Vorwärts, помѣстивъ статью Плеханова противъ нашей партіи, не могъ не сопроводить ея нѣсколькими весьма существенными оговорками.

Vorwarts констатируетъ, конечно, прежде всего, что современная соціальдемократія отвергаетъ террористическіе акты, какъ средство политической борьбы; но, начавши такимъ образомъ какъ будто за упокой, онъ кончаетъ за здравіе:

«Однако, актъ такого рода, какъ тотъ, который былъ направленъ противъ Плеве, кажется намъ событіемъ, съ необходимостью (курсивъ подлин-

ника) вытекающимъ изъ ужасныхъ условій существованія современной Россіи. И намъ представляется, что вовсе не утрата вѣры въ пролетарское рабочее движеніе вызываетъ въ настоящее время покушенія, но опытъ, показавшій, что, если рабочее движеніе не станетъ пользоваться также этимъ средствомъ, то у него не будетъ возможности дѣйствительно развиваться при господствѣ царскаго абсолютизма. Намъ кажется, что наряду съ отчаяннымъ озлобленіемъ противъ позорныхъ дѣяній царскихъ опричниковъ, людьми, рѣшающимися на террористическіе акты, руководитъ также и ожиданіе, что такимъ образомъ— и только такимъ образомъ—наконецъ будетъ проложена дорога для настоящаго рабочаго движенія.

Не надо забывать и того, что при современномъ положеніи вещей въ Россіи такіе акты, хотя и не обезпечиваютъ сами по себѣ на продолжительное время дѣло освобожденія, но для каждаго даннаго момента облегчаютъ тяжесть ужаснаго проклятія, подавляюще дѣйствующаго на умы, внушаютъ новую надежду утратившимъ ее, пробуждаютъ въ обезчещенныхъ то чувство собственнаго достоинства, которое во что бы то ни стало они должны себѣ вернуть.

Отвергая терроризмъ, соціальдемократія не имѣетъ никакого основанія предавать проклятію тѣхъ, кто признаетъ его для Россіи. Ясно и рѣзко отграничивая себя отъ терроризма, соціальдемократія однако не можетъ отказать въ чувствѣ почтительнаго изумленія тѣмъ, кто отдаетъ свою жизнь съ такимъ героическимъ самопожертвованіемъ».

Эти оговорки, столь неожиданныя со стороны умѣреннаго и аккуратнаго Vorwârts'a, были первымъ предостереженіемъ. Русскіе соціальдемократы вняли ему. И, несмотря на угрожающіе возгласы «Искры»—«Иду на вы!», несмотря на протестъ противъ нашего пріема «въ семью соціалистическихъ партій», опубликованный въ представленномъ конгрессу докладѣ о дѣятельности Р. С. Д. Р. П.,—несмотря на все это, соціальдемократическая делегація не рѣшилась и заикнуться передъ конгрессомъ или предъ его бюро о неутвержденіи полномочій нашей делегаціи. Она опротестовала лишь валидированный нами мандатъ присоединившагося къ нашей делегаціи представителя латышскаго соц.-дем. союза, тов. Ролау; мы защищали его, и, несмотря на поступившій протестъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ мандатъ тов. Ролау былъ утвержденъ.

Всѣ предразсудки и предубѣжденія противъ нашей партіи, еще существующіе въ нѣкоторой части западно-европейскихъ соціалистовъ (преимущественно среди ортодоксальныхъ догматиковъ марксизма) могли, такимъ образомъ, проявиться и показать свою силу лишь въ вопросѣ о предоставленіи намъ права имѣть своего делегата въ интернаціональномъ соціалистическомъ бюро. Здѣсь могли русскіе соціальдемократы вознаградить себя, хотя бы до извѣстной степени, за отступленіе отъ борьбы въ вопросѣ о пріемѣ насъ «въ семью соціалистическихъ партій». Положеніе затруднялось для насъ тѣмъ, что на вакантное второе мѣсто въ бюро *) заявилъ свои притязанія еще и Бундъ. И все таки пода-

*) Каждая нація имѣетъ въ бюро двухъ представителей. Россію представля-

вляющимъ большинствомъ голосовъ, болѣе чѣмъ двумя третями (15 противъ 7) были торжественно утверждены наши права на активное участіе черезъ особаго представителя во всѣхъ текущихъ дѣлахъ современнаго Интернаціонала.

И это рѣшеніе бюро, и все поведеніе соціальдемократической делегаціи на конгрессѣ создаетъ совершенно странное, противорѣчивое, ненормальное положеніе въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими соціальдемократами и соціалистами-революціонерами. И кардинальный пунктъ всей этой путаницы—резолюція противъ насъ, принятая на второмъ съѣздѣ русскихъ соціальдемократовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь возникаетъ дилемма; одно изъ двухъ: или соціальдемократы стоятъ на точкѣ зрѣнія резолюціи II-го съѣзда—тогда они оказались на конгрессѣ либо измѣнниками дѣлу рабочаго класса, либо трусами. Какъ! «Въ семью соціалистическихъ партій» являются люди, стремящіеся держать рабочій классъ въ состояніи безформенной массы, способной быть оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, т. е. лишь пушечнымъ мясомъ,—и русскіе соціальдемократы молчатъ! Какъ! Въ дѣлахъ рабочаго интернаціонала принимаетъ участіе мелко-буржуазная партія, ничего общаго съ соціализмомъ не имѣющая; неудовлетворяющая своему назначенію даже, какъ демократическая, политически-освободительная сила; называющая себя революціонной, но на дѣлѣ являющаяся реакціонной,—и настоящіе выразители интересовъ сознательнаго рабочаго движенія допускаютъ такую профанацію международнаго рабочаго движенія? Развѣ это—не измѣна народному дѣлу? Развѣ это—не принесеніе въ жертву интересовъ дѣла оппортунистическому страху оказаться въ меньшинствѣ, потерпѣть пораженіе?

Или же, наоборотъ—соціальдемократы дѣйствовали на конгрессѣ правильно; но тогда значитъ, что они сами не принимаютъ въ серьезъ своей собственной резолюціи. Однако, принимать несерьезныя резолюціи въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ могутъ только люди несерьезные.

Русскіе соціальдемократы могутъ выбирать любой изъ этихъ двухъ выходовъ. И тотъ, и другой ихъ не мало не украшаетъ. И только скорѣйшая отмѣна нелѣпой резолюціи II съѣзда можетъ вывести ихъ изъ этого противорѣчиваго, жалкаго и нелѣпаго положенія.

Но отмѣна этой резолюціи можетъ быть лишь полной ликвидаціей всей той, убійственной для интересовъ революціи, полосы въ исторіи, нашихъ междуфракціонныхъ отношеній, которая была создана усиліями «Искры».

Августъ 1904 г. *Ред.*

ли делегаты отъ двухъ враждующихъ направленій въ русской соц. демократіи: Г. Плехановъ и Б. Кричевскій. Съ побѣдой направленія «Искры» надъ «рабочедѣльцами» Б. Кричевскій долженъ былъ «выйти въ отставку».

Первое мая.

Первое мая—праздникъ весны, тепла, свѣта, рожденія новой, молодой жизни! Этотъ день какъ будто самой природой предназначенъ символизировать зарожденіе новаго историческаго міра въ нѣдрахъ стараго, отживающаго.

Медленно, шагъ за шагомъ, каждый разъ послѣ упорной борьбы, сдаетъ дряхлѣющій режимъ одну за другой свои испытаннѣйшія позиціи. Медленно, но неотразимо и неуклонно надвигается на него новый общественный строй. И эта борьба одновременно кипитъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Каждая, хотя бы частичная побѣда арміи труда надъ арміей капитала въ одномъ мѣстѣ, въ одной странѣ, отзывается и на другихъ странахъ, вселяя бодрость въ одномъ лагерѣ, сѣя уныніе и предсмертную тоску въ другомъ. Это—о д н а великая борьба; ея арена—весь земной шаръ; ея участники—все человѣчество.

Старый міръ имѣетъ свои историческія традиціи, свои воспоминанія, свои высокоторжественные, праздничные дни, когда громкій перезвонъ колоколовъ собираетъ вмѣстѣ людей этого стараго міра, настраивая ихъ на возвышенный ладъ, сосредоточивая ихъ мысли на томъ самомъ важномъ и дорогомъ, что должно красить ихъ жизнь...

Что же это за праздники стараго міра? Что составляетъ ихъ духовное содержаніе?

Если сбросить со счетовъ всѣ эти, насквозь пропитанные мертвеннымъ казеннымъ духомъ «царскіе дни», если сбросить, далѣе, со счетовъ праздники въ честь кровавыхъ побѣдъ однихъ государствъ надъ другими, полные глубоко античеловѣчнаго духа,—то у стараго порядка останутся лишь воспоминанія о томъ канувшемъ въ вѣчность времени, когда этотъ старый порядокъ еще не былъ старымъ, еще не пережилъ самого себя,—когда онъ только что пробивался на свѣтъ божій сквозь тѣснины другого, еще болѣе древняго и стараго порядка. Все относительно въ нашемъ мірѣ. И нашъ нынѣшній, отживающій режимъ когда-то казался явленіемъ новымъ, свѣтлымъ, прогрессивнымъ. Да онъ и былъ прогрессивнымъ по сравненію съ тѣми формами жизни, которымъ онъ пришелъ на смѣну. Онъ могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ своихъ предтечъ, пророковъ, подвижниковъ и великомучениковъ.

И воспоминанія объ этомъ невозвратномъ прошломъ—един-

ственные свѣтлые проблески въ сумеркахъ современнаго сѣренькаго существованія стараго міра. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что самые праздники стараго міра — живое осужденіе ему. Онъ—весь въ прошломъ. Роли перемѣнились. Оффиціальные представители христіанскаго міра, наслѣдники нѣкогда гонимыхъ первыхъ исповѣдниковъ христіанства, теперь сами превратились въ гонителей, въ фарисеевъ и проконсуловъ, ничѣмъ не хуже тѣхъ, отъ которыхъ страдали ихъ предки. На этотъ разъ уже противъ нихъ выступаютъ представители новой правды, готовые жертвовать жизнью за ея торжество, безстрашно идущіе подъ казацкія нагайки, подъ удары шашекъ, подъ выстрѣлы солдатъ, на каторги и висѣлицы.... Исчезли Іоанны воины и митрополиты Филиппы, не трепетавшіе земныхъ владыкъ при заступничествѣ за угнетенныхъ—ихъ мѣсто заняли лицемѣрные святоши или невѣжественные пустосвяты, кадящіе земному богу еще усерднѣе, чѣмъ небесному царю; исчезли Стефаны Пермскіе и другіе провозвѣстники евангельскаго слова—на смѣну имъ пришли миссіонеры другого пошиба, наставляющіе на путь истинный еретиковъ при благосклонномъ участіи полицейскихъ и жандармовъ или удивляющіе міръ безстыдствомъ въ дѣлѣ грабежа беззащитныхъ китайцевъ. Исчезли благородные рыцари, дававшіе обѣтъ служенія добру, защиты вдовъ и сиротъ—донъ-Кихотъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ ихъ генеалогическаго дерева. Ихъ наслѣдники—нѣмецкіе юнкера, занимающіеся хлѣбнымъ ростовщичествомъ, французскіе маркизы, украшающіе своими титулами дочекъ разбогатѣвшихъ денежныхъ мѣшковъ, русскіе промотавшіеся дворянчики, лѣзущіе назойливо и безстыдно въ даровые нахлѣбники государства. Исчезли трибуны «третьяго сословія», когда то смѣло поднимавшіе свой голосъ противъ «привилегированныхъ» отъ имени «націи», ихъ наслѣдники—удитанные и вылощенные буржуа Запада Европы и грубые «буржуи», Колупаевы и Разуваевы Востока.

Какой же свѣтлый умъ, какая же непотраченная совѣсть можетъ отдаться ихъ дѣлу, можетъ расцвѣтить яркими красками ихъ хищныя вожделѣнія и аппетиты?

Нѣтъ! Прошло то время, когда эти общественные элементы могли находить своихъ безкорыстныхъ и убѣжденныхъ идеологовъ. Теперь они могутъ имѣть лишь наемныхъ адвокатовъ, у которыхъ длинныя и цѣпкія руки, гибкій становой хребетъ, языкъ безъ костей, «а на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга»...

Кромѣ воспоминаній прошлаго, нѣтъ ничего свѣтлаго и высокаго въ ихъ жизни. Мало того, есть даже такія страны, которыя бѣдны и этими воспоминаніями, въ которыхъ творческая роль буржуазнаго режима отцвѣтаетъ, не успѣвши разцвѣсть... За примѣромъ намъ ходить недалеко... Удивительно ли, что и взоры лучшихъ людей страны естественно обращаются къ новой силѣ, неумолимо враждебной всему этому существующему порядку ве-

щей—къ представителямъ труда? Рабочій классъ въ широкомъ смыслѣ этого слова все болѣе и болѣе становится не только самой крупной соціально-политической силой новѣйшей исторіи, но—еще раньше—самой крупной интеллектуальной и моральной силой. Вокругъ него группируется все лучшее, все честное, отзывчивое —словомъ, все наиболѣе интеллигентное изъ среды различныхъ классовъ, положеній, состояній. И вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочій классъ дѣлается опорой всего высокаго, всего истинно-гуманнаго и благороднаго въ общественной жизни. Движенія, болѣе широкаго, болѣе общечеловѣческаго еще не видала исторія.

* * *

И праздникъ 1-го мая да отразитъ на себѣ этотъ широкій, общечеловѣческій характеръ новаго движенія! 1-ое мая—всемірный праздникъ не той или другой узкой категоріи рабочаго люда, нѣтъ, это праздникъ рабочаго класса во всемъ его цѣломъ! Это—всемірный праздникъ труда и его живого представителя—трудящагося народа!

«Мы—говорилъ покойный ветеранъ международнаго соціализма, Вильгельмъ Либкнехтъ—называемъ себя рабочей партіей потому, что рабочій, трудящійся народъ имѣетъ ближайшій интересъ, а благодаря своей численности—только онъ имѣетъ силу водворить соціалистическій порядокъ. И—обратите на это вниманіе!— мы подъ рабочимъ народомъ понимаемъ не только индустріальныхъ рабочихъ, а и всякаго, кто не живетъ отъ чужого труда. Слѣдовательно, кромѣ городскихъ и сельскихъ наемныхъ рабочихъ сюда входятъ также и мелкіе крестьяне, и ремесленники, страдающіе точно такъ же, какъ и собственно наемные рабочіе, подъ игомъ капитала,—страдающіе во многихъ случаяхъ даже еще больше»...

Да и какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь царство соціализма есть царство труда въ истинномъ смыслѣ этого слова—царство организованнаго всеобщаго труда на всеобщую пользу. И всѣ тѣ общественные слои, источникомъ и основой существованія которыхъ въ современномъ обществѣ является трудъ—и ровно постольку, поскольку этимъ источникомъ является трудъ—естественно и необходимо должны быть участниками, опорою соціалистическаго движенія. Соціализмъ только стремится поднять основу ихъ современной личной жизни до степени основы, фундамента всего общественнаго зданія будущаго.

Труженики фабричнаго станка и ремесленной мастерской, плуга и сохи, пера и чернилъ, кустарной свѣтелки и подземной шахты—это вашъ день, вашъ общій праздникъ! Всѣ вы, въ потѣ лица добывающіе свой хлѣбъ, создающіе своими мускулами и мозгомъ, потомъ и кровью ту совокупность матеріальныхъ и духовныхъ, вѣсомыхъ и невѣсомыхъ благъ, которыя называются

культурой и которыми наслаждаются нынѣ только праздные тунеядцы,—сходитесь, сомкнитесь въ одну тѣсную семью въ день этого всемірнаго праздника труда, всемірнаго праздника рабочаго класса!

Пусть ни одинъ изъ васъ не подпадетъ подъ власть печальнаго недоразумѣнія и не скажетъ: «это—праздникъ фабричнаго рабочаго, я не фабричный рабочій—мнѣ на немъ нечего дѣлать!» Пусть ни въ чьемъ умѣ не останется ни тѣни недоразумѣнія относительно широкаго смысла этого великаго праздника. Внѣ его—только паразитическіе, чужеядные элементы современнаго общества, эксплоататоры, угнетатели рабочаго люда, да еще всѣ ихъ прихвостни. Не становитесь же въ ихъ ряды, ибо кто не съ нами —тотъ противъ насъ!

Не будемъ и мы, соціалисты, никогда подавать ни малѣйшаго повода къ такимъ недоразумѣніямъ и перетолкованіямъ, суживая смыслъ понятія о рабочемъ классѣ, представителемъ котораго является соціалистическая партія, до понятія, о фабрично-заводскомъ пролетаріатѣ. Тотъ же Либкнехтъ превосходно выразилъ эту мысль, говоря: «Идею рабочаго класса не слѣдуетъ понимать слишкомъ узко. Подъ рабочимъ классомъ мы понимаемъ всѣхъ тѣхъ, кто живетъ исключительно или главнымъ образомъ отъ плодовъ собственнаго труда и кто не обогащается на счетъ чужого труда... Сведенный къ пролетаріату наемнаго труда, соціализмъ не способенъ побѣдить; но его побѣда обезпечена, если онъ понятъ совокупностью трудящагося народа и цвѣтомъ націи—умственнымъ и моральнымъ ея цвѣтомъ».

Едва ли есть какая нибудь другая страна, на примѣрѣ которой очевиднѣе становится справедливость этого послѣдняго положенія, чѣмъ на примѣрѣ нашей многострадальной родины...

Смыкайтесь же, товарищи, въ день 1-го мая въ одну стройную армію труда, во имя требованій, равно имѣющихъ въ виду интересъ всѣхъ слоевъ трудящагося рабочаго народа! И пусть впереди высоко развѣвается наше красное знамя, достаточно широкое для того, чтобы осѣнить собою всѣхъ угнетенныхъ трудящихся и обремененныхъ, чтобы сплотить вокругъ себя всѣхъ сильныхъ и смѣлыхъ духомъ, всѣхъ отзывчивыхъ и воспріимчивыхъ къ величайшей идеи нашего времени — идеи революціоннаго соціализма!

Май 1902 г. *Ю. Гарденинъ.*

Прежде и теперь.

Немного болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ первый номеръ нашей газеты. За это время настроеніе тѣхъ широкихъ слоевъ населенія, которые по праву приковываютъ къ себѣ главное вниманіе сторонниковъ революціоннаго соціализма—успѣло измѣниться до неузнаваемости. Въ самомъ дѣлѣ, какую картину представляла собою русская жизнь года полтора тому назадъ? Центральное мѣсто въ ней занималъ, несомнѣнно, разгулъ необузданной реакціи среди подавленнаго общества. Эта реакція могла развиваться по всѣмъ направленіямъ до своихъ крайнихъ предѣловъ, не встрѣчая нигдѣ никакого отпора. И внутри страны, и внѣ ея никогда еще самодержавный колоссъ не пользовался такимъ престижемъ. Подавленное настроеніе русскаго общества отражалось и на революціонерахъ. Среди нихъ сильнѣйшимъ образомъ давалъ себя чувствовать недостатокъ подъема духа, недостатокъ боевого настроенія. Лучшіе представители революціонной молодежи не разъ спрашивали себя съ тоской—почему современное движеніе не обнаруживаетъ тѣхъ яркихъ красокъ, того одушевленія, которыя такъ привлекали насъ въ дѣятеляхъ 70-хъ годовъ или борцахъ «Народной Воли»? Вѣдь не вырождается же русская революція, вѣдь не уменьшаются, а увеличиваются съ теченіемъ времени шансы нашей борьбы! Вѣдь не перевелись-же тѣ живые общественные элементы, которые не перестаютъ «сѣять разумное, доброе, вѣчное...»

Несомнѣнно, что числомъ своимъ эти живые, работающіе «сѣятели» возрастали, а не уменьшались. Но, распространяясь вширь, революціонное движеніе не распространялось въ такой же степени и вглубь, и начало обнаруживать вскрѣ явственные признаки мелководья. Самые живые общественные элементы проявляли себя исключительно въ незамѣтной муравьиной работѣ. По собственному горькому признанію, многіе, чуть ли не всѣ, «изъ вдохновенныхъ пророковъ государства будущаго волею судебъ превращались въ скромныхъ культуртрегеровъ соціализма...» *) Конечно, и эта муравьиная работа приносила свою пользу. Мы отнюдь не думаемъ отрицать за такой работой положительное историческое значеніе. Но при всей своей полезности эта работа была лишена всякаго широкаго и смѣлаго размаха, а потому

*) См., напр., «Рабочее Дѣло» № 10, корресп. изъ Тулы (стр. 106—107).

фатально была связана съ отсутствіемъ того мощнаго подъема духа, о которомъ тосковали сердца лучшихъ людей, обращавшихъ свои взоры къ болѣе яркому революціонному прошлому. И все чаще и чаще приходилось вспоминать слова, звучавшія суровымъ и безжалостнымъ приговоромъ надъ нашимъ поколѣніемъ: «нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ».

Конечно, революціонеръ, осужденный «волею судебъ» на почти культурную работу, не пріобрѣталъ отъ этого психологіи культуртрегера. Внутренно онъ оставался революціонеромъ -и съ полнымъ правомъ могъ сказать про себя: «я поклоненную голову, сердце гнѣвное ношу»;—но самый тотъ фактъ, что онъ не могъ, не смѣлъ выпрямиться и выступать съ высоко и гордо поднятою головою, неизбѣжно обезсиливалъ порывы «гнѣвнаго сердца». Чувство сдавленное, спрятанное гдѣ то глубоко въ складкахъ души, поневолѣ атрофируется отъ неупотребленія—таковъ законъ психологіи. И вотъ почему движенію постоянно недоставало необходимаго элемента личной рѣшимости, могучаго революціоннаго энтузіазма, заразительной силы самоотверженнаго примѣра, способнаго зажигать сердца и вдохнуть энергію въ груди бойцовъ. И на этой почвѣ чаще, чѣмъ слѣдовало, возникала «въ минуту жизни трудную» готовность пойти на сдѣлку. Все рѣже и рѣже встрѣчался тотъ прекрасный типъ революціонера, который презиралъ безполезныя увертки, бросалъ вызовъ своимъ судьямъ и палачамъ, приглашая ихъ играть свою комедію «попроще, поскорѣй»,—

> Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
> Безъ защитительныхъ рѣчей..

Крупнымъ шагомъ впередъ, несомнѣнно, былъ переходъ отъ кружковой пропаганды на ухо къ массовой агитаціи. Но и онъ не вывелъ нашего движенія изъ того состоянія, о которомъ мы говорили. Движеніе сдѣлалось шире по объему, но едва ли не еще бѣднѣе, уже по содержанію. Ради приспособленія къ болѣе широкимъ массамъ революціонеръ заговорилъ болѣе умѣреннымъ, порою даже прямо двусмысленнымъ языкомъ. Движеніе стало замыкаться въ узкихъ рамкахъ профессіональныхъ интересовъ. Всѣмъ намъ памятно то время, когда даже въ день 1-го мая, въ этотъ день торжественнаго смотра международной арміи труда, въ прокламаціяхъ къ рабочимъ, даже такія невинныя умѣренно-либеральныя требованія, какъ требованіе суда присяжныхъ и гласности судопроизводства, рѣшались выставлять исключительно лишь для дѣлъ о стачкахъ... Предполагалось, что къ рабочему нужно обращаться не какъ къ человѣку и гражданину, которому ничто человѣческое не чуждо, который отзывчивъ ко всякой неправдѣ и несправедливости,—а какъ къ человѣку, для котораго нѣтъ ничего внѣ стѣнъ его завода, какъ къ человѣку, отъ котораго дымомъ фабричной трубы заслоненъ весь огромный и разнообразный

міръ божій... То было сѣрое, тусклое время, съ мелкой работой, съ двухвершковымъ размахомъ и мысли, и дѣятельности...

А между тѣмъ жизнь брала свое. Темныя силы своимъ нестерпимымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ русской землею, подготовили глухое недовольство, которое все росло и росло. Удары реакціи падали не на камень, а на живыхъ людей. Изъ наболѣвшей груди всякаго живого человѣка—студента, рабочаго, профессіональнаго революціонера—рвался крикъ боли и ненависти. Потребность отпора говорила все сильнѣй. Терпѣнію даже и «всевыносящаго русскаго племени» есть предѣлы, за которыми наступаютъ или акты возмущенія, или моральная смерть. Всего силнѣе это чувствовали, конечно, наиболѣе передовые и отзывчивые элементы. Жажда открытаго, смѣлаго протеста безсознательно накипала въ ихъ груди; но, не находя формъ, въ которыя она могла бы вылиться, переходила въ чувство томительнаго безсилія, прострації... «Внѣ борьбы нѣтъ жизни—бороться нѣтъ силъ—такъ лучше не жить», пишетъ передъ самоубійствомъ «неутомимый борецъ за рабочее дѣло» А. Л. Сафоновъ, одинъ изъ новообращенныхъ соціальдемократовъ, «воспитанный на лучшихъ традиціяхъ народовольчества». Онъ «слишкомъ (?) тѣсно объединялъ въ своемъ сознаніи теорію и практику». Работа и безъ того мелкая, муравьиная, а тутъ «какъ волка, васъ со всѣхъ сторонъ травятъ ищейки». Провалы слѣдуютъ за провалами, люди кажутся обреченными на работу Данаидъ, боязнь провалить дѣло «треплетъ, мочалитъ ваши нервы, заставляетъ удваивать, утраивать осторожность—и это, можетъ быть, тогда, когда нужно работать во всю, когда работы и безъ того много, а собственныя силы и безъ того слабы, ничтожны». *).

А вѣдь такихъ, «слишкомъ тѣсно объединяющихъ теорію и практику», было много. Революціонеры по цѣлямъ, они хотѣли быть революціонерами и по средствамъ борьбы. «Противорѣчіе между громадностью дѣла и слабостью собственныхъ силъ», погубившее, по словамъ некролога, А. Л. Сафонова, можетъ быть устранено лишь энергіей, организованностью дѣйствія и силою примѣняемыхъ средствъ. Для этого должна быть на лицо достаточно крѣпко организованная партія съ достаточно рѣшительной революціонной программой. А если такой партіи нѣтъ, и до тѣхъ поръ, пока ея нѣтъ—нѣтъ и приложенія самымъ отзывчивымъ, самымъ страстнымъ революціоннымъ силамъ,—нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такого приложенія, которое доставляло бы достаточное удовлетвореніе ихъ революціонной совѣсти. Объ одномъ изъ самыхъ видныхъ пропагандистовъ Иваново-Вознесенскаго района, А. Ѳ. Орѣховѣ, намъ пишутъ въ его некрологѣ:

«Послѣднее время А. Ѳ. былъ особенно мраченъ: онъ часто говорилъ, что работать при современныхъ полицейскихъ условіяхъ крайне трудно, а ждать, пока они измѣнятся, слишкомъ

*) Некрологъ А. Л. Сафонова, «Рабочее Дѣло», № 8, стр. 78—79.

долго... Воробьиными шагами А. Ѳ. не могъ удовлетвориться; для него, энергичнаго, обладавшаго здоровьемъ и физическими силами, требовалось широкое поле дѣятельности». **) О другой подобной же натурѣ—кончившемъ самоубійствомъ Н. В. Ефимовѣ—сообщаютъ: «Медленное въ его глазахъ развитіе движенія не удовлетворяло его протестующей души, другой формы революціонной работы онъ не нашелъ». ***)

О чемъ свидѣтельствуютъ эти факты? Да о томъ, что въ программѣ революціоннаго движенія того времени не доставало такихъ формъ борьбы, въ которыя могъ бы вылиться извѣстный родъ революціонной энергіи. Насильственно втискиваемый обстоятельствами въ неподходящую форму, онъ «отцвѣталъ, не успѣвши расцвѣсть». Формами борьбы, которыя безраздѣльно господствовали въ то время, не могли удовлетвориться многія натуры —и натуры далеко не изъ худшихъ и не изъ слабѣйшихъ... Но поскольку умъ ихъ не могъ выбиться изъ господствовавшаго тогда круга идей—постольку выхода они не могли найти и не находили. И вотъ, фактическая неудовлетворенность данными способами борьбы неизбѣжно—хотя и глубоко ошибочно—превращалась въ общую неудовлетворенность борьбой, неудовлетворенность самимъ собою и всей жизнью. Люди теряли душевное равновѣсіе, изнывали въ несознанномъ тяготѣніи къ чему то другому, не поддающемуся опредѣленной формулировкѣ: каждый ихъ шагъ, всякую ихъ работу отравляла одна и та же гнетущая мысль—«все это—не то, не то и не то!»

Здѣсь, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, рабочее движеніе впервые выставляло неформулированное требованіе —вывести его изъ узенькихъ пѣшеходныхъ дорожекъ, на болѣе широкую, на столбовую дорогу смѣлой борьбы. Порою сами рабочіе крикомъ, рвущимся прямо изъ души, предъявляли этотъ запросъ. И—чрезвычайно характерный фактъ—«въ самый разгаръ, такъ называемаго, «экономизма» въ самомъ крайнемъ органѣ этого направленія, «Рабочей Мысли», можно было прочесть чрезвычайно интересное письмо въ редакцію за подписью «рабочій-практикъ», —письмо, которое явилось первой ласточкой, которая, конечно, весны не дѣлаетъ, но предвѣщаетъ ея наступленіе. «Огня больше! Жизни больше, а не пустой схоластики!» вопіялъ рабочій, обращаясь къ редакціи, обнаруживавшей слишкомъ большое тяготѣніе къ тактикѣ въ духѣ умѣренности и аккуратности. «Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его шеѣ, ухъ, какъ знаетъ! Нужно только, чтобы съ перваго слова сердце его забилось сильнѣй и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ наси-

**) «Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ». Изд. «С. Р. Соц. Дем.» Стр. 32.

***) «Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ», стр. 30.

лій...» «Дайте проще и яснѣе сказать своему брату горячее слово, чтобы онъ разогнулъ мозолистую руку и смирилъ разгулявшагося паразита-хозяина. Дайте создать настроеніе, при которомъ бы глаза рабочаго сверкали огнемъ негодованія въ любой моментъ появленія царя и другихъ мерзавцевъ, а не туманились робкой покорностью человѣка, привыкшаго видѣть во всякой сволочи своего покровителя!» «Не бойтесь, ставьте цѣль—и вы увидите, что рабочій—не просто рабочій, которому нуженъ кусокъ хлѣба, а еще и честный человѣкъ, у котораго есть долгъ гражданина и самоотверженность интеллигента!» *).

Мы всегда вѣрили въ это. Еще въ 1897 г. кіевская группа соціалистовъ-революціонеровъ призывала мѣстныхъ рабочихъ примкнуть къ открытому протесту студентовъ противъ дикихъ безобразій царящаго въ Россіи произвола. Поводомъ къ демонстраціи послужила тогда трагическая смерть благородной дѣвушки — Маріи Вѣтровой, — замученной въ тюремныхъ стѣнахъ своими палачами. Но этотъ нашъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не потому, чтобы сами рабочіе остались глухи къ идеѣ политической демонстраціи — нѣтъ, она была вначалѣ принята сочувственно,—а потому, что мѣстная соціальдемократическая организація пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы отклонить рабочихъ отъ участія въ волненіяхъ. Выступая съ контръ-прокламаціей противъ насъ, эта организація разсуждала со своей точки зрѣнія весьма благоразумно, что массы не подготовлены, что политическую борьбу они понять не могутъ, что надо звать ихъ на борьбу экономическую и т. п. Но при всемъ видимомъ благоразуміи эти рѣчи грѣшили въ двухъ пунктахъ. Нельзя, во первыхъ, забывать, что понятіе о «подготовленности» массы есть понятіе чрезмѣрно растяжимое, и даже во время самыхъ удачныхъ западно-европейскихъ революцій производившія ихъ массы далеко не вполнѣ были «подготовлены», а у насъ рѣчь шла еще далеко не о революціи, а лишь о политическихъ демонстраціяхъ. Во вторыхъ, нельзя забывать, что сама непосредственная борьба, въ формѣ ли уличныхъ демонстрацій или въ какой либо другой формѣ, есть тоже факторъ революціонной подготовки, и едва ли не самый лучшій факторъ. Именно нагрянувшій моментъ столкновенія, живого примѣра борьбы сплошь и рядомъ совершаетъ чудеса: будитъ спящихъ, взбаламучиваетъ равнодушныхъ, властно приковываетъ вниманіе поглощенныхъ повседневными мелочами и заботами о хлѣбѣ насущномъ, вселяетъ отвагу и бѣшеную храбрость въ самыхъ тихихъ и осторожныхъ. Вотъ маленькая иллюстрація этому изъ недавнихъ событій. «Если бы я самъ не былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго тамъ (во время столкновенія обуховскихъ рабочихъ съ войсками), а разсказывалъ бы мнѣ кто нибудь, хотя бы изъ близкихъ товарищей, я бы ни за что не повѣрилъ»—пишетъ кор-

*) «Рабочая Мысль» № 8, «Письмо въ редакцію».

респондентъ-рабочій. — «Просто диву даешься: откуда все это только взялось! Гдѣ крылась такая сила, солидарность, самоотверженность! Люди, которыхъ считали такъ себѣ, ни рыбой, ни мясомъ,—они вдругъ становились чуть ли не во главѣ движенія, воодушевляли толпу, ставили въ тупикъ начальство...» *).

Вотъ почему соціалисты-революціонеры уже нѣсколько лѣтъ назадъ рѣшились не выжидать стихійнаго «естественнаго хода событій», итти не позади, не въ хвостѣ, а впереди его и сознательно вывести движеніе на ту самую широкую дорогу политическихъ демонстрацій и открытыхъ протестовъ, на которую оно теперь выбралось ощупью, стихійно. Впрочемъ, теперь это вопросъ, уже разрѣшенный самой жизнью. Кажется, теперь нѣтъ уже ни одной революціонной организаціи, которая бы, по крайней мѣрѣ заднимъ числомъ, не дала своей санкціи демонстраціонному движенію. Оно началось, и подходящее боевое настроеніе создано.

*
* *

За нѣсколько мѣсяцевъ до волненій прошлаго года, еще въ 1900 г., выпуская первый номеръ нашей газеты, мы во всеуслышаніе повторили, что наступило время для болѣе смѣлой и рѣшительной борьбы, что подъ оболочкой всеобщей подавленности накопилось много сдержаннаго негодованія, скрытаго недовольства, потенціальной революціонной энергіи. Нужна смѣлая иниціатива, чтобы перевести эту потенціальную энергію въ кинетическую. «Одно ясно», писали мы: «явись серьезная революціонная организація, начнись хотя бы отдѣльные случаи самоотверженнаго сопротивленія—и настроеніе рѣзко измѣнится». *).

Намъ не хотѣли вѣрить, думали, что мы увлекаемся. Но жизнь показала, что мы были глубоко правы. Большинство революціонеровъ не рѣшалось вызвать рабочихъ на улицу—рабочіе выходили сами. Большинство революціонеровъ и не мечтало о переходѣ въ фазу массовыхъ демонстрацій—и демонстраціи выходили сами собой. Большинство революціонеровъ не рѣшалось звать рабочихъ на помощь «чужому» для нихъ дѣлу—борьбѣ студентовъ съ правительствомъ за свободу университетской науки; но эта борьба сама проявила достаточно притягательной силы, чтобы рука объ руку со студентами пошли рабочіе. Не оказалось достаточно сильной и организованной партіи, которая бы могла и рѣшилась дать сигналъ къ борьбѣ—такимъ сигналомъ послужилъ самоотверженный подвигъ отдѣльнаго героически настроеннаго лица — Петра Карповича. И этого, какъ мы и предсказывали, оказалось совершенно достаточно, чтобы настроеніе рѣзко измѣнилось. Созда-

*) «Рабочее Дѣло», № 10, «Майскіе дни на Обуховскомъ заводѣ», стр.93—94.
*) «Револ. Россія», № 1, 1900 г. стр. 6.

лась та атмосфера всеобщей возбужденности и подъема духа, которая окружаетъ насъ и до послѣдняго времени. Эту перемѣну настроенія отмѣчаютъ всѣ и повсюду. «Обычная жизнь Шлиссельбургскаго тракта нарушена: вездѣ царитъ возбужденіе, и еще нельзя предугадать, въ какія формы оно выльется», констатировалъ еще 2-ой номеръ «Летучаго Листка Союза соціалистовъ-революціонеровъ». «Сознаніемъ овладѣваетъ гнѣвъ и ненависть къ угнетателямъ, и руки рабочаго, доселѣ послушно работавшія, начинаютъ подниматься съ угрозой»,—пишетъ «Саратовская Объединенная группа соціалистовъ-революціонеровъ и соціаль-демократовъ». «Рабочій народъ ясно доказалъ правительству, что онъ не хочетъ больше терпѣть и страдать...» «Поклянемся же, товарищи, отвѣчать на всякое насиліе тоже силою, на беззаконіе и надругательство—наказаніемъ виновныхъ», читаемъ мы въ рабочей прокламаціи одесской группы соціалистовъ-революціонеровъ. Такія же вѣсти идутъ и изъ другихъ мѣстъ и изъ другихъ источниковъ. Въ прокламаціи Екатеринославскаго Комитета Росс. Соц.-Дем. Партіи о послѣдней демонстраціи говорится: «Мысль о демонстраціи подали студенты, они рѣшили выразить свое негодованіе по поводу избіенія студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2-го декабря и противъ М. Н. П. Рабочіе съ восторгомъ встрѣтили это предложеніе: наконецъ то имъ удастся открыто выразить свое негодованіе противъ царя и его опричниковъ, дать исходъ накопившейся злобѣ и возмущенію». Еще ярче, еще рельефнѣе это боевое настроеніе отражается, въ нѣкоторыхъ письмахъ самихъ рабочихъ. «Сейчасъ рабочій народъ легко можетъ загорѣться—пишетъ одинъ—уже все тлѣетъ снизу, нужна только искра и будетъ пожаръ... Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облиты, многіе даже на лицѣ перемѣнились... Теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее: теперь намъ ужъ не кассы нужны, не кружки и даже не книжки—теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать». («Заря», № 2—3). «Теперь стачки свой вкусъ потеряли»—пишетъ другой («Искра», № 14)—время то трудное, прямо страшное; кругомъ все бродитъ, всѣ ходятъ озвѣрѣлые...» «Хоть многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ—пишетъ работница послѣ одного изъ сильныхъ полицейскихъ «кровопусканій»,—а все таки мы твердо стоять будемъ... Теперь такое время, что на бросаньи работы никто стоять не будетъ; теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется... Ужъ больно горько умирать, какъ собакамъ, въ углѣ, чтобы никто не видѣлъ даже,—это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ; вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко!»

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти письма исходятъ отъ рабочихъ, наиболѣе революціонно настроенныхъ, и не просто отражающихъ общее настроеніе, но отражающихъ его въ сгущенномъ, концентрированномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что соотвѣтственно съ этимъ къ картинѣ общаго настроенія необходимо сдѣлать то, что у

астрономовъ называется «личной поправкой». Но и послѣ нея остается несомнѣннымъ фактъ боевого, возбужденнаго настроенія широкихъ круговъ рабочихъ, настроенія, которое у передовыхъ, наиболѣе отзывчивыхъ натуръ переходитъ въ жажду подвига и актовъ революціоннаго мужества. «Молча терпѣть и страдать» они не могутъ, молча подставлять свои спины и шеи нагайкамъ—также. Если и прежде они не могли удовлетвориться «воробьиными шагами», умирали отъ неудовлетворенной жажды «красной жизни», то теперь они хотятъ уже «красной смерти». Ихъ настроеніе поднимается до степени того героическаго настроенія, которое во время эпилога «Народной Воли» поэтъ выразилъ сильными стихами:

Нѣтъ теперь «униженнаго брата»,
Жалкихъ словъ не нужно расточать;
Мы теперь отчаяньемъ богаты,
Жить нельзя—такъ будемъ умирать....

*
* *

Не дадимъ однако словамъ обмануть себя. Если въ рѣчахъ работницы звучатъ ноты отчаянія—подобнаго «героизму отчаянія», провозглашенному поэтомъ конца народовольческой эпохи,—то это вовсе не то отчаяніе, которое заставляетъ потерять вкусъ къ жизни и самовольно оборвать ея нить—а тѣмъ болѣе не то отчаяніе, которое заставляетъ «сложить на пустой груди безполезныя руки». Нѣтъ, это отчаяніе лишь въ возможности потихоньку-помаленьку, умѣреннымъ и аккуратнымъ манеромъ оттягать у враговъ по грошику весь «таланъ-долю». Такое «отчаяніе»—неизбѣжный спутникъ всѣхъ революціонныхъ моментовъ. Къ «жизни» въ обычномъ, обывательскомъ смыслѣ этого слова, вкусъ, дѣйствительно, теряется. Развивается потребность въ жизни-борьбѣ, при которой въ минуты переживается больше, чѣмъ раньше — въ дни, въ недѣли, въ годы... Здѣсь за внѣшнею формою — за словами о «красной смерти»—чувствуется именно высшее выраженіе жизни, жизненнаго принципа. Чѣмъ интенсивнѣе жизнь, тѣмъ меньше значенія въ глазахъ человѣка имѣетъ естественное животное стремленіе продолжать эту жизнь подольше, тѣмъ легче ему жертвовать цѣлыми годами и даже десятилѣтіями... Сокращеніе личной жизни для него съ избыткомъ искупается ея напряженностью. Жизнь вольная, бьющая живымъ ключемъ, жизнь, вливающаяся въ душу могучей волной, заставляющая трепетать всѣми нервами, всѣми фибрами своего существа—вотъ родная стихія для страстной, боевой, революціонной натуры. Что для нея счетъ годами и десятилѣтіями! «Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ, и дальше гибель безъ возврата; но для него—такъ былъ онъ чуденъ и великъ—и смерть—недорогая плата!» вотъ психологія страстнаго революціонера, революціонера не только по мыслямъ, но и

по чувствамъ, не только по убѣжденіямъ, но и по натурѣ. Лучше не жить, если жить — значитъ прозябать; безъ борьбы—сама жизнь не въ жизнь; борьба начата—нужно итти до конца, не останавливаясь ни передъ какими средствами...

Да, борьба начата, и соотвѣтственное революціонное настроеніе явилось. Слѣпъ будетъ тотъ, кто не пойдетъ ему навстрѣчу, кто вернется опять къ старому, займется «угашеніемъ духа» или исключительной проповѣдью малыхъ революціонныхъ дѣлъ. Не вернуть тѣхъ временъ, когда Сафоновымъ, Орѣховымъ и Ефимовымъ не находилось достаточно мѣста въ революціонной работѣ, не находилось дѣла съ достаточно широкимъ и смѣлымъ революціоннымъ размахомъ. На насъ, представителяхъ революціоннаго соціализма, лежитъ обязанность стихійно вспыхнувшей борьбѣ дать боевую организацію и боевыя средства. И мы должны быть готовы ко всякому исходу. По мѣрѣ того, какъ непосредственныя уличныя столкновенія массъ съ силами правительства становятся все ожесточеннѣе, по мѣрѣ того, какъ избіенія беззащитныхъ демонстрантовъ нагайками, шашками и ружейными прикладами повторяются все въ болѣе варварскихъ и возмутительныхъ формахъ—растетъ и накипаетъ у массъ психологическая потребность въ отпорѣ, въ отвѣтѣ «на насилія—также силой, на беззаконіе и надругательство—наказаніемъ виновныхъ». Эта потребность д о л ж н а быть удовлетворена, ибо отсутствіе этого удовлетворенія можетъ, пожалуй, повести къ тому, что у людей опять безсильно опустятся руки, что разочарованіе и моральная пришибленность смѣнятъ недавній подъемъ чувствъ и силъ, что опять сгустится надъ нами тотъ свинцовый туманъ апатіи, изъ котораго мы съ такимъ трудомъ могли выбраться лишь недавно.

И въ тотъ критическій моментъ, когда на карту будетъ поставленъ вопросъ о спасеніи революціоннаго духа, о нанесеніи правительству отвѣтныхъ ударовъ—исторія не должна застигнуть насъ врасплохъ. Мы должны быть готовы ко всему. Мы должны быть вооружены для борьбы. Мы должны быть подготовлены. Такъ или иначе—путемъ ли массоваго, открытаго натиска или путемъ обходныхъ, партизанскихъ ударовъ,—«но мы должны съумѣть дать врагу жестокій отпоръ, когда того потребуютъ обстоятельства—быть можетъ, обстоятельства завтрашняго дня. Мы должны обладать не только организаціями, приспособленными для цѣлей пропаганды или агитаціи, но и боевыми дружинами. Иначе мы окажемся въ положеніи тѣхъ евангельскихъ дѣвъ, у которыхъ не оказалось масла въ свѣтильникахъ въ тотъ самый моментъ, когда пришелъ столь давно жданный женихъ. Объ этомъ должны подумать всѣ соціалисты, всѣ революціонеры безъ различія фракцій—пока еще думать не поздно. Можетъ опять, «яко тать въ нощи» нагрянуть моментъ, когда не поздно будетъ только одно—д ѣ й с т в о в а т ь.

Февраль 1902 г. *Ю. Гарденинъ.*

Рабочее движеніе и наши тактическія задачи.

Въ рабочемъ движеніи за послѣднее время даетъ себя чувствовать нѣкоторая заминка. Не доходитъ въ такой степени, какъ прежде, извѣстій о массовыхъ стачкахъ, распространяющихся все шире и шире, захватывающихъ все новые и новые фабрично-заводскіе районы, о тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ забастовщиковъ, множествѣ агитаціонныхъ листковъ, формулирующихъ требованія рабочихъ, о суматохѣ среди хозяевъ и фабричныхъ инспекторовъ, о сношеніяхъ мѣстныхъ властей съ центральной властью относительно размѣра возможныхъ уступокъ. И эта заминка, это затишье успѣло уже породить среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тревожныя, пессимистическія мысли. Какъ это чаще всего бываетъ, самое сильное и наиболѣе угнетающее впечатлѣніе испытываютъ тѣ, кто раньше особенно восторгался гигантскимъ ростомъ рабочаго движенія и широтой его охвата. Стачка одно время сдѣлалась въ ихъ глазахъ какъ бы символомъ рабочаго движенія и, незамѣтно для нихъ самихъ, заняла совершенно непропорціональное мѣсто въ ихъ міросозерцаніи и въ ихъ программѣ дѣятельности. Недаромъ въ соціально-революціонной литературѣ второй половины 90-хъ гг. было отмѣчено, что соціальдемократизмъ на русской почвѣ грозилъ окончательно выродиться въ чистый стачкизмъ.

Ростъ стачечнаго движенія въ глазахъ многихъ соціальдемократовъ того времени, дѣйствительно, являлся точнымъ показателемъ степени развитія классового сознанія русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата. Они не замѣчали, что, какъ разъ наоборотъ, внезапный и быстрый ростъ стачечнаго движенія свидѣтельствуетъ обычно лишь о первомъ пробужденіи рабочихъ, о дѣтски-незрѣлой фазѣ рабочаго движенія; они не замѣчали, что первое увлеченіе стачками во всѣхъ странахъ на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія быстро смѣнялось болѣе осмотрительнымъ, осторожнымъ и трезвымъ отношеніемъ къ значенію и къ силѣ этого орудія борьбы. Возьмемъ, напримѣръ, классическую страну соціальдемократизма—Германію. Въ 1890 году, на партейтагѣ нѣмецкой соціальдемократіи въ Галле, въ порядкѣ дня стоялъ какъ разъ вопросъ о стачкѣ и бойкотѣ, какъ оружіяхъ

борьбы. Докладчики Клосъ и Грилленбергеръ, резолюція которыхъ была принята единогласно, рекомендовали очень сдержанное отношеніе къ стачкѣ, ибо «стачка есть обоюдоострое оружіе, которое легко можетъ наносить раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Такое отношеніе къ стачкамъ нѣмецкая соціальдемократія разсматривала, какъ необходимый результатъ болѣе зрѣлаго состоянія всего движенія, въ противоположность первому незрѣлому увлеченію стачками. «Многія стачки послѣднихъ лѣтъ — говорилъ докладчикъ—были возбуждены рабочими, которые являлись еще совершенно неорганизованными или организованными чрезвычайно недавно, или еще только собирались организоваться. До нѣкоторой степени это стачечное движеніе можетъ быть уподоблено внезапному пробужденію отъ сна, когда пробудившійся не въ состояніи сразу сообразить и оріентироваться въ дѣйствительныхъ условіяхъ. Рабочій чувствуетъ смутное недовольство, неудовлетворенность, не знаетъ хорошенько, какое средство можетъ оказаться дѣйствительнымъ для устраненія этой неудовлетворенности, и вѣритъ, что путемъ стачки онъ разомъ можетъ улучшить свое положеніе». Въ это время достаточно рабочимъ услышать живое слово какого нибудь агитатора, прочитать наскоро сфабрикованный кружкомъ молодежи листокъ, чтобы началось броженіе. Рабочіе, такъ долго относившіеся индифферентно къ окружающему, сразу и рѣзко переходятъ къ вспышкѣ и не находятъ ничего лучшаго, какъ тотчасъ же забастовать.

И ростъ стачечнаго движенія въ Россіи въ 90-хъ гг. былъ именно признакомъ этого смутнаго, первоначальнаго броженія. Русскій рабочій классъ просыпался, потягивался, разминался, ощущая, какъ «переливается силушка по жилушкамъ», и наслаждался этимъ новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніемъ. Къ тому же, съ этимъ моментомъ въ развитіи рабочаго движенія по времени совпала преходящая лихорадка промышленнаго подъема. Какъ разъ въ это время возводилось «на песцѣ» грандіозное зданіе, которое должно было вслѣдъ затѣмъ рухнуть съ шумомъ и трескомъ въ ту пропасть промышленнаго кризиса, изъ которой мы никакъ не можемъ выкарабкаться вплоть до самаго послѣдняго времени. При недостаткѣ въ Россіи технически обученныхъ, профессіонально-подготовленныхъ рабочихъ, спросъ на ихъ трудъ быстро росъ, условія борьбы за повышеніе заработной платы и улучшеніе другихъ условій найма являлись исключительно-благопріятными. На этой почвѣ быстро выросло и среди рабочихъ, и среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тяготѣніе къ узкому, исключительному профессіонально-пролетарскому движенію, къ пересадкѣ на русскую почву трэдсъ-юніонизма на англійскій манеръ. Одинокіе голоса, предостерегавшіе отъ этой узости и исключительности, оставались долгое время гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Даже хуже: когда единичные представители соціально-революціоннаго направленія говорили противъ

«стачкизма», противъ сведенія всего движенія къ борьбѣ изъ-за прибавки пятачка на рубль, въ этой критикѣ стремились видѣть лишь злокозненное намѣреніе какъ нибудь дискредитировать рабочее движеніе, лишь проявленіе неуваженія къ нему и невѣрія въ силу рабочаго класса.

Прошло нѣкоторое время—и все перемѣнилось... Тѣ рѣчи, въ которыхъ раньше усматривалось «оскорбленіе величества рабочаго движенія», пріобрѣли право гражданства даже въ соціальдемократической литературѣ и теперь едва ли уже не пользуются общимъ признаніемъ... Этотъ поворотъ заставила сдѣлать сама жизнь. Разными путями она привела самихъ рабочихъ къ неудовлетворенности тактикой голаго стачкизма. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Западный край, среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ, стачка изъ новаго, поражающаго явленія, стала явленіемъ слишкомъ обычнымъ; съ ней свыклись, какъ съ самымъ простымъ и понятнымъ аксессуаромъ повседневной жизни; рядовой ремесленникъ-рабочій оцѣнилъ выгоды во время начатой и хорошо подготовленной стачки; даже «независимые-зубатовцы» вводятъ стачку въ свою программу. Для передовыхъ рабочихъ, стремящихся къ максимуму революціоннаго воздѣйствія на окружающую среду, стачки перестали служить столь же широкой, какъ прежде, ареной приложенія исключительно ихъ силъ; все чаще и чаще передъ ихъ сознаніемъ вставалъ тревожный вопросъ— «что же дальше?»

Съ другой стороны, въ собственно-фабричныхъ районахъ самыя внѣшнія условія перемѣнились въ неблагопріятную для стачекъ сторону. Промышленный кризисъ вызвалъ задержку въ ростѣ производства, и мѣстами, въ иныхъ вѣтвяхъ индустріи, привелъ даже къ сокращенію его размѣровъ, къ сокращенію спроса на рабочія руки. Одновременныя голодовки въ деревнѣ, между тѣмъ, выбросили сразу на рабочій рынокъ громадное число жаждущихъ работы хотя бы и за безцѣнокъ. Занятымъ рабочимъ приходилось сильнѣе прежняго дорожить своимъ мѣстомъ и держаться за него; меньше стало шансовъ на удачу стачекъ и на уступчивость хозяевъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ эпохи промышленнаго расцвѣта являются эпохами численнаго роста наступательныхъ рабочихъ забастовокъ; и, наоборотъ, эпохи кризиса суть преимущественно эпохи стачекъ оборонительныхъ, острыхъ фабричныхъ волненій, вызванныхъ невозможностью побудить хозяевъ къ уступкамъ, эпохи locout'овъ, —искусственно вызванныхъ самими хозяевами недоразумѣній съ рабочими и пріостановокъ работы, какъ предлоговъ достигнуть повышенія цѣнъ на свои продукты. Естественно, такія эпохи настраиваютъ рабочихъ къ болѣе скептическому отношенію, къ меньшей вѣрѣ во всемогущество стачки.

Соединенное давленіе двухъ этихъ факторовъ нанесло «стачкизму», или, согласно другой терминологіи, «экономизму»,—смертельный ударъ. «Экономизмъ» сразу исчезъ, словно испарился,

улетучился или провалился сквозь землю. Всѣ его чураются, всѣ отъ него открещиваются—его пѣсенка надолго спѣта.

Изъ сказаннаго, однако, не нужно заключать, будто эпоху усиленнаго стачечнаго движенія мы считаемъ безплодной. Ничуть не бывало. Напротивъ, огромное агитаціонное значеніе періода стачекъ для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ взволновалъ и затронулъ—хотя мѣстами и слишкомъ поверхностно—широкія массы рабочихъ и послужилъ исходнымъ пунктомъ для ихъ дальнѣйшаго политическаго развитія, какъ ни мало иногда работали для этого руководители движенія. Но одно дѣло—вліяніе стачечнаго движенія, другое—вліяніе узости и односторонности «стачкизма», которое сказалось очень скоро далеко не въ пользу революціоннаго дѣла.

* * *

Не находя болѣе исхода въ стачечной борьбѣ, обостренное надвинувшейся безработицей, получивъ неожиданно новый и сильный импульсъ со стороны, отъ бурнаго взрыва студенческаго движенія и первыхъ ударовъ партизанскаго террора—недовольство рабочихъ массъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ русскихъ городовъ нашло совершенно самостоятельно новую форму проявленія. Вспыхнули первые уличные безпорядки и демонстраціи, неорганизованныя, неподготовленныя, чисто-импульсивныя. Тѣмъ заразительнѣе, однако, было ихъ дѣйствіе на массу. Одна демонстрація порождала другую—«волна на волнѣ набѣгала, волна погоняла волну».

Большинство революціонныхъ организацій, еще такъ недавно всю свою миссію видѣвшихъ въ руководствѣ стачечнымъ движеніемъ, были застигнуты врасплохъ, «отчасти—зачѣмъ это скрывать?—и вслѣдствіе извѣстной косности, свойственной всякой организаціи, приноровившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности». *) Отсюда и та растерянность, и та разноголосица, которая царила по вопросу объ отношеніи къ демонстраціямъ среди извѣстной части русскихъ революціонеровъ. Одна изъ соціалъ-демократическихъ группъ такъ описываетъ это состояніе. «Тысячныя толпы народа, точно выросшія изъ нѣдръ земли, съ восторгомъ встрѣчали насъ—«студентовъ», какъ вождей своихъ, предлагали намъ силу и руки. «Господа студенты, ведите насъ; прикажите только намъ, и мы сейчасъ сомнемъ эту сволочь!» кричала намъ московская улица, съ ненавистью выстроившись противъ защитниковъ престола и отечества. «Господа студенты, прикажите—мы разнесемъ арсеналъ»—писали въ манежъ запертымъ тамъ интеллигентамъ петербургскіе рабочіе. А мы?—мы позорно молчали и прятались за спины другъ друга, не находя въ себѣ ни силъ, ни способно-

*) Б. Кричевскій, «Историческій поворотъ» (изд. «Рабочаго Дѣла»).

стей къ роли вождей... Поддержка народныхъ массъ только ошеломила насъ, но не двинула впередъ, не вложила новаго меча въ наши ножны... Мы совершенно не сумѣли откликнуться на эту товарищескую поддержку и воспользоваться боевымъ настроеніемъ массъ...» *).

Такъ было вначалѣ. Затѣмъ жизнь взяла свое. Послѣдовалъ рѣзкій и крутой поворотъ. Вкусъ къ стачкамъ утратился. «Теперь время такое, что на бросаньи работъ никто стоять не станетъ—писала одна работница: теперь всѣмъ хочется большаго, всѣмъ на улицу хочется...»

И былое увлеченіе стачками готово уже было смѣниться новымъ увлеченіемъ, столь же крайнимъ и исключительнымъ. Любопытно, что именно среди того крыла русской соціальдемократіи, которое раньше такъ переоцѣнивало значеніе стачкизма и экономической борьбы, наибольшей интенсивности достигла и переоцѣнка демонстрацій. Люди, для которыхъ чрезвычайный ростъ стачечнаго движенія служилъ точнымъ мѣриломъ вообще роста самосознанія рабочаго, въ пріостановкѣ стачечнаго движенія и переходѣ его въ движеніе демонстраціонное увидѣли прямо начало революціи.—Рабочій классъ созрѣлъ и выходитъ на улицу, чтобы штурмовать крѣпость самодержавія: надо стать во главѣ массъ и вести ихъ на этотъ штурмъ, иначе мы—банкроты! Такъ разсуждали представители этого теченія и въ порывѣ увлеченія редижировали новый приказъ о арміи пролетаріата—«стройтесь въ штурмовыя колонны!» **).

Но моментъ рѣшительнаго массоваго штурма крѣпости самодержавія оказался гораздо дальше, чѣмъ думали. И всѣ тѣ, кто готовъ былъ видѣть въ рядѣ демонстрацій непосредственный прологъ революціи, только готовилъ себѣ горькое разочарованіе. Чрезмѣрный, неосновательный оптимизмъ и такой же неосновательный пессимизмъ—родные братья, изъ которыхъ одинъ необходимо ведетъ за собой слѣдомъ другого. И эти вѣчные переходы, эти вѣчные скачки и метанья изъ стороны въ сторону, къ сожалѣнію, слишкомъ давно и слишкомъ долго характеризуютъ собой наше движеніе, являясь признаками несомнѣнной политической незрѣлости...

Выступивъ рѣшительно за демонстраціи еще въ то время, когда онѣ не пользовались популярностью, мы, однако, всегда отказывались видѣть въ нихъ какую то панацею. Наше отношеніе къ демонстраціямъ оставалось такимъ же, какъ и отношеніе наше къ стачкамъ. При опредѣленныхъ условіяхъ мы признавали и за тѣми, и за другими громадную роль—хотя болѣе агитаціонную, чѣмъ непосредственно-практическую. Но мы отнюдь не по-

*) «Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ», изданіе Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

**) См. ту же, очень краснорѣчиво написанную прокламацію «Историческій поворотъ».

лагали, чтобы или стачки, или демонстраціи, превращенныя въ какую то самодовлѣющую систему, являлись всеразрѣшающимъ, универсальнымъ средствомъ. И стачка, и демонстрація были въ нашихъ глазахъ подходящимъ оружіемъ борьбы; но ни та, ни другая не казалась намъ какой то разрывъ-травой, отпирающей всѣ замки и всѣ запоры.

Признаніемъ стачекъ, и далѣе — переходомъ къ демонстраціямъ—съ нашей точки зрѣнія, вопросы не разрѣшались, а лишь ставились. Стачечное движеніе только выясняло невозможность обойти политическую борьбу, необходимость поставить на очередь вопросъ о выступленіи не только противъ хозяевъ, но и противъ правительства; демонстраціи только выясняли необходимость поставить на очередь дальнѣйшій вопросъ—объ отпорѣ правительственнымъ репрессіямъ, о непосредственной борьбѣ, борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и о различныхъ возможныхъ формахъ этой борьбы.

Пока невозможна массовая вооруженная демонстрація, пока мы не можемъ вывести на улицу рабочіе батальоны, съ категорическими требованіями и угрозой поддержать эти требованія силой оружія,—до тѣхъ поръ неумолимый законъ борьбы будетъ накладывать на насъ роковую необходимость партизанской самозащиты и партизанскихъ нападеній. Нашъ взглядъ на пользованіе террористическими средствами борьбы извѣстенъ. Намъ остается сказать здѣсь нѣсколько словъ о вооруженной самозащитѣ во время самыхъ демонстрацій.

Мы различаемъ вооруженную демонстрацію отъ вооруженной индивидуальной самозащиты при демонстраціяхъ. Въ первомъ случаѣ вооруженная масса демонстрируетъ свою готовность силой оружія отстаивать и поддерживать свои требованія. Въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ наступательно. Иными словами, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ прямыя угрозы насильственной революціей, возстаніемъ. Во второмъ случаѣ мы просто имѣемъ дѣло съ актомъ индивидуальной предусмотрительности со стороны значительной части, можетъ быть, даже большинства участниковъ демонстраціи, запасающихся оружіемъ, чтобы не давать себя звѣрски избить любому полицейскому, которому отсутствіе сопротивленія только придаетъ наглости. Въ этомъ случаѣ тактика имѣетъ оборонительный характеръ. Нелѣпо и недопустимо, чтобы участника демонстраціи до полусмерти избивали нагайками, кулаками, шашками, топтали ногами, волочили по землѣ, а онъ могъ бы защищаться только зонтикомъ или снятой съ ноги калошей. Такое неравенство шансовъ можетъ обратить усмиреніе демонстрацій въ простой веселый спортъ для любителей кулачныхъ боевъ изъ числа полицейскихъ. Рабочіе уже въ настоящее время протестуютъ противъ того, чтобы ихъ вели только подставлять свои бока и спины подъ нагайки. Уменьшеніе числа участниковъ во время послѣднихъ демонстрацій вполнѣ понятно. Демонстраціи потому и выходятъ не такъ импозантны, толпа пото-

му и проявляетъ такъ мало смѣлости, рѣшительности и стойкости, что именно самые энергичные и рѣшительные элементы громко выражаютъ свое согласіе идти на демонстраціи лишь въ томъ случаѣ, если имъ данъ будетъ лозунгъ—идти не съ пустыми руками. И если мы теперь безусловно не можемъ взять на себя громадной отвѣтственности, связанной съ призывомъ къ наступательной вооруженной демонстраціи, которая теперь, при неравенствѣ силъ, кончилась бы ужасной бойней—то мы можемъ для настоящаго времени опредѣленно высказаться только лишь за необходимость индивидуальной вооруженной самообороны при демонстраціяхъ, въ случаяхъ наиболѣе звѣрскихъ и варварскихъ избіеній, когда безъ такого сопротивленія демонстраціи могутъ перестать быть факторомъ возбуждающимъ, революціонизирующимъ, и зрѣлище избіенія разбѣгающейся, охваченной паническимъ ужасомъ толпы, которая и не пробовала сопротивляться, можетъ даже подѣйствовать на многихъ д е м о р а л и з у ю щ и м ъ образомъ.

Когда вопросъ о такой самозащитѣ поставленъ, не могутъ уклониться отъ участія въ его разрѣшеніи и мѣстныя революціонныя организаціи, которыя могутъ и должны формировать для этого боевыя дружины и группы. При этомъ мы должны помнить общее правило. Какъ къ террору нельзя «призывать» кого то другихъ, а нужно его организовать—такъ и вооруженная самозащита, вооруженный отпоръ во время демонстрацій долженъ быть не столько проповѣдуемъ, сколько п о д г о т о в л я е м ъ партійными организаціями. Это, конечно, дѣло трудное и отвѣтственное, и, быть можетъ, иногда придется даже отказываться отъ устройства демонстраціи за невозможностью придать ей дѣйствительно революціонный характеръ. Здѣсь все зависитъ отъ конкретныхъ условій времени и мѣста.

Все это каждый разъ необходимо взвѣсить, если демонстрація организуется революціонными группами. Другое дѣло, если демонстрація вспыхиваетъ помимо революціонной иниціативы, стихійно, если она вызывается какимъ нибудь изъ ряду вонъ выходящимъ случаемъ, сильно взволновавшимъ рабочую массу. Революціонеры должны помнить, что во всѣ трудныя минуты жизни рабочей массы они должны быть въ ея переднихъ рядахъ. Здѣсь уже не можетъ быть мѣста запоздалымъ соображеніямъ благоразумія. Пусть иной разъ разсчетливѣй было бы еще потерпѣть, повременить; но если у рабочей массы терпѣніе лопнуло, если она бросается даже въ безнадежную, отчаянную борьбу, какъ это было съ обуховскими рабочими—революціонеры не исполнятъ своего долга, если не будутъ въ самомъ огнѣ. Здѣсь благоразумное воздержаніе равносильно преступленію. Оно было бы разрывомъ глубокой, кровной связи между передовыми бойцами рабочаго дѣла—революціонными соціалистами—и рядовыми великой формирующейся арміи труда. А ничто не можетъ быть гибельнѣе для

дѣла, ничто не можетъ быть чревато худшими опасностями, чѣмъ подобный разрывъ, или даже надрывъ этой кровной связи...

Неумѣстно слишкомъ сдержанное отношеніе къ вопросу о демонстраціи еще и тогда, когда рѣчь идетъ о сочувственной демонстраціи, когда демонстрація въ данномъ мѣстѣ является лишь сочувственнымъ откликомъ на какой либо другой революціонный актъ. Предположимъ такой случай: произошли демонстраціи въ Петербургѣ, Москвѣ, еще двухъ-трехъ крупныхъ центрахъ. Быть можетъ, въ Кіевѣ или Харьковѣ при другихъ условіяхъ лучше было бы избрать для демонстраціи иное время: она выиграла бы въ импозантности. Но тутъ-то и необходимо помнить, что мы ведемъ не узко-мѣстную, а общенаціональную политику, мы имѣемъ дѣло съ общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ демонстраціонный потокъ, взятый въ цѣломъ; мы должны глядѣть на дѣло шире, не суживать своего кругозора границами даннаго прихода. Мы должны помнить, что даже не особенно удачная демонстрація въ данномъ мѣстѣ имѣетъ громадное значеніе для поддержки общаго движенія.

Сказанное выше имѣетъ не меньшее значеніе и для случаевъ поддержки другихъ революціонныхъ актовъ. Сочувственныя демонстраціи во время вспышки крестьянскаго возстанія въ нѣсколькихъ уѣздахъ, сочувственныя демонстраціи послѣ крупнаго террористическаго акта имѣютъ огромное значеніе, далеко не измѣряемое обычною, повседневною мѣркой—числомъ участниковъ, организованностью, стойкостью и т. д. Въ этихъ случаяхъ для отдѣльныхъ мѣстъ часто можетъ возникнуть задача—организовать какую бы то ни было демонстрацію, организовать ее во что бы то ни стало.

Таковы оговорки, которыя безусловно необходимо имѣть въ виду при соблюденіи общаго правила—относиться къ устройству демонстрацій не легкомысленно, а сдержанно, осторожно, каждый разъ взвѣшивая всѣ шансы успѣха или неуспѣха, всѣ возможныя послѣдствія открытаго выступленія на улицу и отпора звѣрскимъ насиліямъ.

И, считаясь съ тѣмъ, что царское правительство всегда пытается выставить революціонеровъ подстрекателями, подводящими толпу подъ пули и розги и прячущимися за чужими спинами—мы должны помнить, что въ случаѣ кроваваго исхода того или другого вызваннаго нами массоваго движенія мы должны быть непремѣнно въ первыхъ рядахъ, мы должны показывать примѣръ героическаго самопожертвованія.

* * *

Итакъ, въ то самое время, когда одни начинаютъ значительно разочаровываться въ демонстраціяхъ, а другіе—свысока, съ пренебреженіемъ относиться къ «мелочной» стачечной борьбѣ, какъ

«низшей формѣ» рабочаго движенія—мы, далекіе и отъ того, и отъ другого, можемъ только еще разъ настаивать на правильности нашей прежней точки зрѣнія.

Намъ не приходится разочаровываться въ демонстраціяхъ, ибо мы и раньше ихъ не переоцѣнивали, ибо мы и при ихъ возникновеніи не смотрѣли на нихъ, какъ на начало непосредственнаго, рѣшительнаго штурма бастіоновъ самодержавія. Мы считали ихъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ, мы считали ихъ комбинированіе со всѣми прочими видами напора на правительство чрезвычайно желательнымъ и необходимымъ. Опытъ послѣдняго времени могъ только подтвердить эту желательность и необходимость.

Намъ не приходится вдаваться въ крайности, принижая значеніе стачечной борьбы, ибо противъ односторонняго и узкаго стачкизма мы были всегда, положительной же роли стачекъ не отрицали никогда. Еще въ программѣ «подготовительной работы партіи Народной Воли» говорилось, что «въ рабочей средѣ должна усиленно вестись пропаганда: 1) соціалистическихъ идей (чѣмъ шире, тѣмъ лучше), 2) политическаго переворота. Рядомъ съ пропагандой должна идти организація рабочихъ массъ, имѣющая цѣлью сплотить ихъ, развить въ нихъ сознаніе единства и солидарности интересовъ. Организація рабочихъ можетъ быть ведена на всякой почвѣ, начиная съ артелей, товариществъ, кружковъ саморазвитія, стачекъ и кончая чисто-революціонными сообществами».

Въ значеніи стачекъ намъ не приходится разочаровываться, ибо мы никогда не были ими особенно «очарованы». Это для насъ—одно изъ орудій агитаціи и организаціи рабочихъ въ ряду другихъ орудій, подходящее при однихъ условіяхъ мѣста и времени и неподходящее при другихъ. Оно не можетъ односторонне концентрировать на себѣ всѣхъ нашихъ мыслей; но оно нисколько не виновато и въ томъ, что иные революціонеры, нѣкогда слишкомъ имъ увлеченные, теперь, по закону реакціи, готовы перегибать черезчуръ палку въ противоположную сторону.

Соціально-революціонная партія не можетъ отказаться отъ руководства экономической борьбой пролетаріата только ради того, чтобы рѣзче подчеркнуть свою противоположность «экономистамъ» или «стачкистамъ». Борьба за насущныя и повседневныя матеріальныя нужды—слишкомъ важное явленіе въ жизни рабочаго класса, чтобы ее можно было безнаказанно недооцѣнивать. Не отдѣльные моменты вспышекъ прочнѣе всего воспитываютъ и закаляютъ для борьбы, а повседневная жизнь, практика постояннаго, непрерывнаго отстаиванія, шагъ за шагомъ, своихъ хотя бы мелкихъ, частичныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Изъ этихъ «мелочей» слагается вся жизнь рабочаго. «Мелочами» они являются для постороннихъ, у самого рабочаго они затрогиваютъ самыя чувствительныя струны сердца, самые кровные интересы. Эта экономическая борьба, эти стачки, эти артели и товарищества суть необходимые спутники рабочаго движенія во всѣ времена, а не

просто низшая форма этого движенія, въ извѣстный моментъ переживающая себя и уступающая мѣсто другой, высшей формѣ. И если соціально-революціонная партія не хочетъ отчужденія отъ массового движенія вообще, она не можетъ разсматривать и руководство экономической борьбой, какъ чужое для себя дѣло. А руководство это потому то и необходимо, что и стачка, и артель, и товарищества могутъ быть «обоюдоострымъ оружіемъ, наносящимъ раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Легализаторскія стремленія Зубатова и зубатовцевъ—лучшее тому доказательство, и революціонеры не могутъ и не должны своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ «низшимъ, элементарнымъ формамъ рабочаго движенія» отдавать ихъ тѣмъ самымъ на произволъ судьбы и зубатовцевъ.

Этого мало. Не покидая ни демонстрацій, ни руководства экономической борьбой пролетаріата, мы за этими способами агитированія рабочихъ массъ не должны забывать и о идущей вглубь пропагандѣ. Нашимъ лозунгомъ должно быть развитіе рабочаго движенія не только вширь, но и вглубь.

Соціальдемократическая работа среди рабочихъ началась съ кружковой пропаганды,—и, надо сознаться, нерѣдко весьма доктринерской пропаганды. Первые піонеры этого дѣла настойчиво противополагали себя народовольцамъ, у которыхъ, будто бы, не революція была для рабочихъ, а рабочіе для революціи. Въ противоположность мнимому стремленію народовольцевъ «только разжечь» рабочихъ, они видѣли свое отличіе въ томъ, что воспитываютъ въ рабочихъ прочное и глубокое классовое самосознаніе. На дѣлѣ же они черезчуръ увлекались одностороннимъ культивированіемъ въ кружкахъ отдѣльныхъ соціальдемократически мыслящихъ единицъ, и скоро увидали, что вслѣдствіе этого получаются совершенно нежелательные результаты. Наиболѣе способные и даровитые рабочіе отрываются отъ массы, изъ нихъ искусственно, съ громадными затратами времени и силъ, фабрикуются точныя копіи интеллигентовъ-пропагандистовъ, люди, выходящіе изъ рядовъ массы, становящіеся ей чужими. И по соціальдемократическимъ рядамъ проносится новый лозунгъ: агитація, агитація и агитація! Наши первые, шаги были ошибочны—необходимо какъ можно скорѣе рѣзко измѣнить тактику! Нужно не отнимать у рабочей среды ея даровитѣйшихъ представителей, фабрикуя изъ нихъ типичнѣйшихъ интеллигентовъ по своему образу и подобію, нужно поднимать уровень всей массы, всю ее приводить въ движеніе черезъ посредство передовыхъ рабочихъ!

И тактика была измѣнена. Но и здѣсь большинство интеллигентовъ-пропагандистовъ не удержалось отъ того, чтобы не впасть въ противоположную крайность. Во многихъ мѣстахъ пропаганда была заброшена, началось усиленное приспособленіе къ данному уровню развитія рабочихъ. Все сводилось къ распространенію среди возможно болѣе широкихъ массъ двухъ-трехъ элементарныхъ идеекъ о пролетарской солидарности, о противоположно-

сти интересовъ рабочихъ и хозяевъ, о необходимости борьбы съ хозяевами. Расширеніе движенія во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ его глубинѣ—таковъ былъ общій кличъ. Среди многихъ рабочихъ стало зрѣть серьезное недовольство тѣмъ, что ихъ высшіе умственные запросы остаются неудовлетворенными, что съ этой стороны имъ слишкомъ мало и даже ничего не даютъ. На этотъ разъ такихъ жаждавшихъ «глубокаго и прочнаго классового самосознанія» стали уже встрѣчать упреками, обвиненіями въ умственномъ аристократизмѣ и т. п. А между тѣмъ они были въ значительной степени правы. Было нехорошо, когда рабочая интеллигенція выдѣлялась въ оторванную отъ массы умственную аристократію, но не лучше стало и тогда, когда почти прекратилась самая выработка «рабочей интеллигенціи» въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова, когда революціонное воздѣйствіе стало охватывать болѣе широкія массы, но затрогивать ихъ слишкомъ неглубоко, поверхностно, а потому и непрочно.

Словомъ, общій недостатокъ въ постановкѣ рабочаго дѣла до сихъ поръ—недостатокъ, отъ котораго и необходимо намъ, наконецъ, отдѣлаться—заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто широкаго и всесторонняго синтеза пропаганды и агитаціи, руководства экономической борьбой и политическими демонстраціями, подготовительной дѣятельности и непосредственной борьбы—мы имѣли рядъ скачковъ, рядъ рѣзкихъ переломовъ, метаній изъ одной стороны въ другую, отъ одного односторонняго увлеченія къ другому, столь же узкому, исключительному и одностороннему.

Эти метанья изъ стороны въ сторону превосходно изображены въ одномъ письмѣ рабочаго, приведенномъ въ № 14 «Искры». «Раньше, чѣмъ больше зналъ рабочій, тѣмъ лучше; съ каждымъ носились, какъ съ писанной торбой; ему и журналы, и книги—читай, голубчикъ! а сейчасъ, какъ рабочій больше понимаетъ, такъ и за рабочаго не дочитаютъ; имъ, видите-ли, «массового» нужно: все они отъ массы, оторваться бояться... Сперва только и свѣта, что въ кружкахъ; рабочіе мариновались на «культурѣ» и «стоимости»; потомъ кружки ничего стоить не стали, а весь смыслъ дѣла въ агитаціи. Кружка больше не допросишься... Тутъ время стачкамъ прошло, нѣтъ стачекъ—нѣтъ и жизни; теперь стачки свой вкусъ потеряли, нужны демонстраціи, только про нихъ и есть разговоръ...»

* * *

Намъ могутъ возразить, что каждое изъ этихъ увлеченій въ свое время имѣло большой смыслъ, что самая его односторонность и исключительность была полезна, ибо благодаря этому всѣ силы концентрировались на самой важной и существенной задачѣ даннаго момента, а не раздроблялись, не разбрасывались въ разныя стороны. Таково обычное возраженіе, возраженіе странное и основанное на недоразумѣніи.

Вѣдь если проводить послѣдовательно этотъ способъ разсужденія до конца, то пришлось бы дойти до абсурда. Въ настоящее время—это признаютъ теперь едва-ли уже не всѣ—необходимо обратить серьезное вниманіе на работу въ крестьянствѣ. Но неужели, чтобы достигнуть въ этомъ направленіи необходимыхъ результатовъ, слѣдуетъ превознести крестьянство выше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго? Неужели для этого необходимо воскресить всѣ иллюзіи 70-хъ гг. и принизить передъ крестьянствомъ елико возможно и революціонную интеллигенцію, и рабочихъ, и т. д.? Или другой примѣръ. Одна изъ насущныхъ задачъ времени—отпоръ на правительственныя репрессаліи террористическими средствами; но неужели для введенія ихъ въ программу и практику революціоннаго движенія необходимо предварительно всѣ другія формы революціонной работы и борьбы предать закланію на алтарѣ бога-Террора?

Мы думаемъ, что напротивъ. Мы убѣждены, что всякая крайность, односторонность и исключительность въ проведеніи хотя бы здравой идеи способны лишь многихъ отпугнуть, вызвать массу лишнихъ недоразумѣній, разногласій и расколовъ,—и только затруднить принятіе здороваго зерна, лежащаго въ основѣ даннаго увлеченія.

Вы боялись разбросаться, раздробить силы, принять слишкомъ широкую и разностороннюю программу дѣятельности; и вотъ изъ-за этой боязни вы раскололи цѣлостную программу на обрывки, между этими обрывками фактически раздробили, раскололи силы, да еще вызвали междоусобную борьбу во имя одного обрывка противъ другого. Вы боялись разбросаться — и ради этой боязни вы застывали въ узенькихъ рамкахъ, пока жизнь своимъ властнымъ потокомъ не врывалась къ вамъ, не разбивала вашихъ узенькихъ рамокъ и не заставала васъ врасплохъ. Вы боялись разбросаться, и ради этой боязни вы обрекли себя на метанья и скачки изъ стороны въ сторону, лишили ваше движеніе правильнаго, послѣдовательнаго роста и превратились въ трость, колеблемую вѣтромъ...

Какого еще горькаго урока нужно для того, чтобы осудить безповоротно и навсегда сектантскую боязнь широкаго и смѣлаго революціоннаго синтеза?

Но жизнь сильнѣе доктринерскихъ предразсудковъ, и каждый новый ея шагъ приближаетъ насъ къ торжеству широкой и разносторонней соціально-революціонной программы, такой программы, которая дастъ мѣсто всѣмъ видамъ революціонной энергіи, всѣмъ силамъ, склонностямъ и способностямъ, гармонически объединивъ въ одномъ многостороннемъ и рѣшительномъ напорѣ на правительство всѣ формы и методы борьбы, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ!

Іюль, 1902 г. *Ю. Гарденинъ.*

Рабочее движеніе и жандармская политика.

Всѣ мы хорошо помнимъ время начала 90-хъ годовъ, когда заявленіе двухъ-трехъ рабочихъ: «Насъ хозяинъ обижаетъ, пусть прибавитъ 10 коп., не то не будемъ работать»,—переводилось нашимъ мудрымъ правительствомъ на свой языкъ, и это заявленіе звучало уже: «Мы требуемъ ниспроверженія самодержавія и водворенія соціалистическаго строя». За участіе въ стачкѣ рабочіе, какъ за чисто государственное преступленіе, преслѣдовались въ порядкѣ 318 ст., ссылались въ Восточную Сибирь и проч. Стачкѣ на почвѣ чисто экономическихъ требованій придавалось значеніе политической борьбы. Правительство своими грубыми, неуклюжими мѣрами отодвигало отъ барьера работодателя, само становилось на его мѣсто, и рабочій съ удивленіемъ сталкивался съ незнакомымъ ему раньше противникомъ, котораго ему и въ голову не приходило вызывать на бой. Это обстоятельство породило мнѣніе, что путемъ стачекъ и чисто экономической борьбы можетъ быть достигнутъ политическій и соціальный переворотъ.

Развитію въ рабочихъ классового самосознанія и ненависти къ правительству стачки несомнѣнно оказали большое содѣйствіе. Рабочее движеніе росло, и въ концѣ 90-хъ годовъ заставило правительство уже призадуматься и считаться съ нимъ.

Проводникомъ и главнымъ представителемъ новой политики заигрыванія съ рабочими является начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія С. В. Зубатовъ. Достаточно бѣглымъ взглядомъ обозрѣть его служебную карьеру, чтобы безъ колебанія рѣшить, чего можно ожидать отъ такого отравленнаго и грязнаго источника. Въ началѣ 80-хъ годовъ Зубатовъ терся въ революціонныхъ кружкахъ и самъ былъ радикаломъ; въ 84 или 85 году онъ сталъ предателемъ; но его предательство не было открыто товарищами, и еще два-три года онъ продолжалъ быть «своимъ человѣкомъ» въ нѣкоторыхъ кружкахъ, принималъ участіе въ ихъ дѣлахъ, являлся самъ «дѣятелемъ», въ то же самое время получая за ремесло Іуды-предателя свои серебренники,—«цѣну крови»... Наконецъ, разоблаченный, онъ становится оффиціальнымъ сыщикомъ и вскорѣ дѣлается правою рукою бывшаго начальника московской охраны, Бердяева. Но чувства признатель-

ности чужды Зубатову, и онъ пользуется первымъ случаемъ, чтобы подставить ножку своему патрону и благодѣтелю, спихнуть его съ тепленькаго мѣстечка и самому занять его мѣсто. Интересенъ и способъ, которымъ дѣйствуетъ Зубатовъ. Какъ раньше онъ являлся агентомъ подстрекателемъ въ революціонныхъ дѣлахъ, одновременно дѣйствуя и предавая дѣло, такъ и въ отношеніяхъ къ Бердяеву онъ пустилъ въ ходъ ту же провокаторскую замашку. Онъ убѣдилъ грубаго солдафона Бердяева сфабриковать мнимое покушеніе на царя, чтобы отличиться его своевременнымъ раскрытіемъ; а затѣмъ самъ же донесъ на своего покровителя. Секретнымъ разслѣдованіемъ доносъ Зубатова подтвердился, Бердяевъ, слетѣлъ съ мѣста, а Зубатовъ въ награду за вѣрность сдѣлался начальникомъ охраны. Сенька пришелся по шапкѣ и шапка по Сенькѣ.

Какъ бывшій радикалъ, Зубатовъ тѣмъ отличается отъ массы невѣжественныхъ агентовъ сыска, что онъ знаетъ сильныя и слабыя стороны революціонной дѣятельности. Какъ человѣкъ, для котораго въ жизни нѣтъ ничего святого, кромѣ своей карьеры, онъ готовъ пользоваться всевозможными средствами. Его цѣль— выдвинуться. Самая охрана основъ самодержавія для него дѣло второстепенное. Онъ не побоится играть съ огнемъ, лишь бы достигнуть минутнаго успѣха. Онъ готовъ взбаламутить рабочихъ, чтобы на минуту одурачить ихъ; пускай послѣ, увидѣвъ наглый обманъ, они заволнуются еще сильнѣе; все это его мало заботитъ. Только бы завтра былъ успѣхъ, а послѣ хоть трава не расти! Это игрокъ, и рискъ его не пугаетъ. Занявши важный постъ и выказавъ на немъ свои сыщническія способности, Зубатовъ сразу начинаетъ двойную игру.

Рабочимъ онъ говоритъ: вы желаете улучшить ваше положеніе, и желаніе ваше вполнѣ законно. Правительство противъ этого ничего не имѣетъ. Оно даже помогло бы вамъ, если бы вы сами ему не помѣшали. Но вы связываете ваше дѣло съ политикой. За вашей спиной становятся революціонеры. Они васъ натравливаютъ на правительство. Вы для нихъ—пушечное мясо. Они смущаютъ васъ, прикидываются вашими друзьями, а на самомъ дѣлѣ хотятъ пользоваться вами для своихъ собственныхъ, вамъ совершенно чуждыхъ, цѣлей. Отшатнитесь отъ революціонеровъ, и я самъ буду вашимъ помощникомъ и заступникомъ. Я выхлопочу вамъ законное право устраивать кассы взаимопомощи, союзы, клубы, я буду вашимъ посредникомъ и заступникомъ въ вашихъ спорахъ съ хозяевами.

Правительству онъ говоритъ: въ настоящее время рабочіе очень нетребовательны. Большинство будетъ довольно самыми ничтожными уступками. Нужно только своевременно устранять случаи особеннаго своеволія нанимателей. Кореннымъ образомъ не будетъ затронуто въ нынѣшнихъ порядкахъ ничего. Рабочіе, получая время отъ времени безъ борьбы удовлетвореніе въ мелкихъ случаяхъ, естественно будутъ чувствовать благодарность

къ правительству. А между тѣмъ правительству и теперь рано или поздно приходится дѣлать такія же уступки рабочимъ. Разница только въ томъ, что теперь эти уступки оттягиваются до самой послѣдней степени, до тѣхъ поръ, пока сами рабочіе своей борьбой не принуждаютъ къ этому, тѣмъ болѣе, что основательность ихъ требованій сплошь и рядомъ неоспорима. Но добиваясь такимъ образомъ уступокъ, рабочіе пріобрѣтаютъ вѣру въ свои силы, научаются бороться, пріобрѣтаютъ политическое воспитаніе изъ уроковъ самой жизни, а это—самое опасное. На этой почвѣ происходитъ сближеніе рабочихъ съ революціонерами, усиленіе непримиримаго врага существующаго порядка. Нужно поэтому подчинить охранѣ всѣ вѣдомства, имѣющія надзоръ за фабричными дѣлами. Охрана постарается умиротворить рядомъ мелкихъ своевременныхъ уступокъ рабочую массу, лишить ее поддержки сознательныхъ интеллигентовъ и рабочихъ революціонеровъ и благодаря этому съ большимъ успѣхомъ проводить «насильственное изъятіе революціонера изъ благопріятной для его пропаганды среды» (См. извѣстный секретный докладъ московскаго оберъ-полиціймейстера).

Среди жалкой ограниченности и сплошного умственнаго убожества представителей высшей государственной охраны, знающихъ только простой и грубый рецептъ—«тащи и не пущай»,—такой хитроумный планъ не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія. Въ этомъ планѣ во всякомъ случаѣ сквозило такое знаніе условій, благопріятствующихъ и неблагопріятствующихъ революціонной освободительной работѣ, какимъ не обладали превосходительные, тайные и даже дѣйствительные тайные совѣтники петербургскихъ департаментовъ. Зубатовъ произведенъ чуть не въ геніи. Его государственному уму удивляются, его авторитетъ признанъ. Зубатову даютъ большія секретныя полномочія, онъ распространяетъ свою дѣятельность на полъ-Россіи и царствуетъ въ охранномъ мірѣ. Онъ окружаетъ себя способными учениками, посвященными во всѣ тайны новой политики. Ему нужно хорошенько изучить рабочую среду, держать на виду наиболѣе способныхъ и энергичныхъ рабочихъ. И вотъ при помощи или попавшихъ на его удочку простаковъ или вступившихъ съ нимъ въ сдѣлку сознательныхъ негодяевъ онъ учреждаетъ какія нибудь официальныя рабочія организаціи. Съ одной стороны, рабочимъ онѣ ничего не даютъ; дѣятельность ихъ на виду, цѣли ихъ и уставы таковы, что всякая опасность для власти какъ будто устранена; а между тѣмъ при помощи такихъ организацій можно отвлечь иныхъ рабочихъ отъ настоящей дѣятельности, занять ихъ какими нибудь пустяками и успѣшно наблюдать за вожаками массы. Зубатовъ вѣрно разсчиталъ, что простаки, увѣровавшіе въ серьезность его дружбы и спасительность покровительствуемыхъ имъ организацій, будутъ пуще огня бояться всякой «политики», которая-де можетъ все испортить: онъ разсчиталъ, что такимъ образомъ онъ внесетъ въ ряды рабочихъ разладъ, ссоры, вражду;

что, пользуясь этой враждой, можно будетъ съ успѣхомъ насаждать шпіонство, предательство, провокаторство.....

Понятны движущіе мотивы жандармской рабочей политики, понятна и мораль, изъ нея вытекающая.

Стачечное движеніе и агитація на почвѣ этого движенія вызвали большой переполохъ въ правительствѣ. За короткое время было испробовано нѣсколько системъ или, вѣрнѣе, за всѣ эти 6—7 лѣтъ не было никакой системы, а были метанья изъ стороны въ сторону. То правительство сурово подавляло стачки, запрещая хозяевамъ дѣлать уступки рабочимъ даже тогда, когда находили это для себя выгоднымъ. То оно старалось занять нейтральное положеніе. То разражалось угрозами, то само поспѣшно, на скорую руку, издавало законы въ защиту труда, являвшіеся явной уступкой рабочимъ требованіямъ. Правительство точно чувствовало, что передъ нимъ стихійное движеніе, враждебное ему по самому существу своему; что какъ къ нему не относись, съ мягкой уступчивостью или суровой враждебностью,—все будетъ хуже. Если уступать—рабочіе возомнятъ себя силой и будутъ становиться все требовательнѣе и требовательнѣе; если подавлять ихъ движеніе, то къ ихъ недовольству экономическимъ положеніемъ скоро присоединится ненависть къ политическому строю. И правительство колебалось то въ ту, то въ другую сторону, въ зависимости отъ того, какое соображеніе дѣйствовало на него сильнѣе, по обстоятельствамъ минуты. Колебанія эти совершались въ предѣлахъ одного и того же вѣдомства. Еще большія противорѣчія замѣчаются въ дѣятельности разныхъ вѣдомствъ. Министерство финансовъ естественно склонялось чаще къ первой точкѣ зрѣнія, настаивая на необходимости вкоренять въ рабочей средѣ «уваженіе къ закону», между прочимъ запрещающему и всякія дѣйствія скопомъ. Департаментъ полиціи чаще отстаивалъ вторую точку зрѣнія.

Наше правительство не обнаруживаетъ, конечно, по существу, ни малѣйшаго желанія проникнуться народолюбіемъ. Оно не прочь пококетничать съ рабочими тамъ, гдѣ они заявили себя силой и гдѣ дѣйствуютъ энергичныя нелегальныя организаціи. Тамъ оно прикидывается защитникомъ рабочихъ противъ эксплоатаціи хозяевъ, поощряетъ различныя экономическія организаціи среди нихъ, даже готово, въ лицѣ своихъ агентовъ-жандармовъ взять на себя «руководство» рабочимъ движеніемъ. Но тамъ, гдѣ рабочій еще слабъ или только начинаетъ свою борьбу съ хозяевами, тамъ правительство держится своей старой политики подавленія всякой жизни, тамъ оно является въ своемъ настоящемъ видѣ буржуазно-дворянскаго правительства. Таковымъ же оно является и во всѣхъ мѣрахъ широкаго общественнаго движенія. Правительство только заигрываетъ съ тѣми слоями рабочаго народа, которые начинаютъ просыпаться, къ сознательной жизни и вести борьбу за свои интересы; но по отношенію ко всему рабочему народу оно держится прежней политики. И заигры-

ваніе правительства имѣетъ единственную цѣль подорвать авторитетъ нелегальныхъ рабочихъ организацій, отвлечь отъ нихъ рабочую массу.

Врядъ ли есть основанія опасаться серьезнаго ущерба для революціоннаго дѣла отъ такой тактики жандармовъ. Всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія согласно говорятъ одно и то же: только немногіе сознательные рабочіе поддались на удочку Зубатова и увѣровали въ легальное рабочее движеніе. Остальная масса сознательныхъ рабочихъ относится вполнѣ отрицательно къ заигрываніямъ жандармеріи. Столь же скромны успѣхи Зубатовскихъ теорій и среди юной интеллигенціи. Что касается рабочей массы, то тамъ, гдѣ она привыкла вѣрить своей нелегальной организаціи, ни жандармамъ, ни «независимымъ» зубатовцамъ не удалось подорвать этого довѣрія. Тамъ же, гдѣ нелегальныхъ организацій еще не было или онѣ не укрѣпились, тамъ зубатовская тактика давала на первыхъ порахъ лучшіе результаты, но и то очень непрочные, до первыхъ столкновеній съ хозяевами, обнаруживавшихъ безсиліе жандармеріи по отношенію маломальски богатымъ и крупнымъ предпринимателямъ.

Зубатовская тактика выросла на почвѣ стачечнаго стихійнаго движенія и имѣетъ цѣлью, пользуясь его односторонностью, парализовать усилія, направленныя къ революціонизированію массъ. Она, такимъ образомъ, исключительно приспособлена къ годамъ промышленнаго расцвѣта, *) когда борьба за чисто экономическія улучшенія имѣетъ подъ собой почву и разливается по странѣ широкимъ потокомъ. Періодъ кризиса, въ который мы вступили уже года два, обостряя недовольство рабочихъ и въ то же время заводя ихъ движеніе въ безнадежный тупикъ, ставитъ рабочихъ лицомъ къ лицу съ самыми основами существующаго порядка и настойчиво требуетъ расширенія и углубленія движенія. На періоды кризисовъ приходятся всѣ европейскія революціи, всѣ крупныя политическія движенія массъ. Русскіе рабочіе вступили уже въ этотъ фазисъ своего движенія, когда оно требуетъ болѣе смѣлаго размаха, болѣе сильныхъ средствъ. И тутъ уже Зубатовъ безсиленъ. Соціалистическую партію могутъ обокрасть ея политическіе противники лишь тогда, когда она, вопреки собственной программѣ, замыкается въ сферу чисто экономической борьбы. У нея можно украсть рабочіе союзы, кооперація, общества взаимопомощи и т. п. Но никто не можетъ у нея украсть ея соціалистическихъ принциповъ, ея глубокаго анализа современныхъ отношеній, ея неотразимой критики буржуазнаго общества, ея смѣлой борьбы за политическое

*) То же самое намъ слѣдовало бы сказать и о дѣятельности соціальдемократовъ экономическаго направленія, если бъ намъ не было непріятно даже столь механически сопоставлять товарищей по революціонному дѣлу, хотя и рѣзко расходящихся съ нами въ способѣ его постановки, съ «Зубатовцами».

освобожденіе личности отъ путъ капиталистическаго строя. И въ этихъ принципахъ, въ этой критикѣ, въ этой борьбѣ ея сила.

Только укрѣпившись на этихъ устояхъ, соціалистическая партія можетъ безбоязненно броситься въ широкій потокъ экономической борьбы, не опасаясь, что онъ выброситъ ее на песчаныя отмели буржуазнаго опошленія. Всѣ организаціи рабочихъ, преслѣдующія частичныя цѣли, легко подвергаются приручению со стороны существующаго порядка и даже становятся его оплотомъ противъ революціонныхъ попытокъ, если заблаговременно внести въ рабочія массы духъ солидарности со всѣмъ трудящимся и угнетеннымъ населеніемъ страны, сознаніе духовнаго родства съ революціонной интеллигенціей и полной непримиримости съ существующимъ порядкомъ.

Только оставаясь подъ контролемъ сильной партіи, ни на минуту не упускающей изъ виду общихъ задачъ соціалистическаго движенія, эти организаціи становятся могучимъ орудіемъ освобожденія рабочаго народа на Западѣ. Но для такихъ экономическихъ организацій въ царской Россіи еще не расчищена почва. Потому то на ней и могутъ вырастать такія сорныя растенія, какъ «Зубатовщина». Расчистить эту почву, вырвать съ корнемъ всѣ сорныя травы, уничтожить царизмъ,—такова главная задача, на которой должны быть сосредоточены теперь всѣ усилія.

Февраль—Мартъ 1902 г. *Г. Гершуни.*

Осложненія въ Зубатовской политикѣ.

Наши реакціонные Кифы Мокіевичи уже не одинъ десятокъ лѣтъ пытаются доказать, что Россія представляетъ собою страну совершенно особую, для которой не писаны никакіе законы «гни-

лого Запада», т. е., попросту сказать, міровой культурной эволюціи; и что, напр., наше самодержавіе отнюдь не есть всѣмъ извѣстный и пережитый болѣе передовыми народами фазисъ политическаго развитія—или, вѣрнѣе, недоразвитости,—а вѣчное и незыблемое начало всей нашей общественной жизни, словомъ, что-то въ родѣ закона всеобщаго тяготѣнія.

Съ своей стороны, знатокъ государственнаго права, проф. Ковалевскій, въ своихъ недавнихъ лекціяхъ, о «русскихъ политическихъ учрежденіяхъ», читанныхъ имъ въ Чикагскомъ университетѣ и вышедшихъ отдѣльной книжкой, съ нескрываемой ироніей говоритъ о «воинственномъ настроеніи нашей бюрократіи по отношенію къ такъ называемымъ «европейскимъ идеямъ» и ея готовности поддержать старинные русскіе принципы, которые, какъ увидитъ самъ читатель, являются не столько русскими, сколько татарскими, византійскими, старо-французскими и старо-шведскими» (M. Kovalevsky, Russian Political Institutions; Чикаго, 1902, стр. IX предисловія).

Нѣтъ въ сущности ничего вѣрнѣе этого ироническаго замѣчанія. Уже самая теорія о самобытности и незыблемости русскаго государственнаго строя взята нашими «патріотическими» философами и публицистами на прокатъ у западноевропейцевъ, главнымъ образомъ у нѣмцевъ, которые не только поставляли намъ болѣе или менѣе фальсифицированныхъ Романовыхъ, но и ученія объ особыхъ историческихъ судьбахъ русской націи. Только у нѣмцевъ все это было умнѣе, носило болѣе философскій характеръ, отличалось хотя и педантической, но все же громоздкой эрудиціей. А у нашихъ «патріотовъ своего отечества», тускло свѣтившихъ отраженнымъ и столько разъ преломившимся свѣтомъ германскихъ изслѣдователей «народнаго духа» и «исторической миссіи»... какого нибудь герцогства саксенъ-гильдбургхаузенскаго или княжества изенбургъ-бирштейнскаго,—у этихъ, говоримъ, патріотовъ соотвѣтствующія теоріи о величіи русскаго самодержавія поражали своею наивностью, невѣжествомъ и ребячествомъ политическаго мышленія.

Нечего уже говорить о томъ, что если такова была теоретическая подкладка нашего оффиціальнаго и оффиціознаго патріотизма, то практическое выраженіе его, т. е. строй Императорской Россіи, былъ и того грубѣе и нелѣпѣе. Подобно тому почтовому рожку знаменитаго враля Мюнхаузена, который лишь много позже, оттаявши, произносилъ раньше сказанныя въ него слова, и русскій политическій режимъ является ни болѣе ни менѣе, какъ запоздалымъ эхомъ, неудачнымъ и педантическимъ обезьяничаньемъ старыхъ, давно отжившихъ формъ запада. Можно даже указать на одно любопытное обстоятельство: если въ чемъ и выражалась у насъ извѣстная самостоятельность при обработкѣ западноевропейской темы, то исключительно въ области тѣхъ явленій, на которыхъ лежала печать либеральнаго и демократическаго направленія; все же, что якобы измышлялось нашимъ охрани-

тельнымъ лагеремъ, вся эта мнимая отсебятина была ничѣмъ инымъ, какъ ученическимъ и притомъ безталанно-аляповатымъ копированіемъ западноевропейскихъ уже вышедшихъ изъ моды образцовъ.

Спеціалисты могутъ, напр., находить еще кой какія самостоятельныя варіаціи на основной заимствованный мотивъ въ нашихъ такъ называемыхъ «великихъ реформахъ», хотя бы въ судебной. Но уже всѣ наши бюрократическія реакціонныя мѣропріятія, лучше сказать, весь нашъ политическій режимъ представляетъ собою неуклюжій и непродуманный сколокъ съ стараго чужого оригинала. Въ нашемъ царѣ каррикатурно воскресаетъ византійскій императоръ; въ нашей служило-помѣстной системѣ изслѣдователи видятъ прямое вліяніе татарско-магометанскаго и к т а а, или надѣленія воиновъ землею; Швеція, Франція, Германія, и послѣдовательно, и вмѣстѣ снабжали Россію абсолютистской бюрократіей; наше дѣйствующее законодательство о печати съ собачьей вѣрностью и лишь въ усугубляющей формѣ воспроизводитъ соотвѣтствующіе законы второй французской имперіи; въ нашемъ земскомъ начальникѣ отрыгнулись остатки средне-вѣковаго смѣшенія судебной и административной властей, какъ мы это видимъ въ англійскихъ Justices of the peace, и т. д. Всюду мы встрѣчаемся съ каррикатурной и страшно запоздалой поддѣлкой подъ западноевропейскіе образцы; и въ этомъ смыслѣ русскій политическій строй является громаднымъ археологическимъ музеемъ, или вѣрнѣе лавкой старьевщика, заключающей въ себѣ всякую ветхую дрянь и рухлядь, передъ которой однако грубая сила заставляетъ преклоняться и молиться великій русскій народъ.

* * *

Удивительно ли поэтому, что и въ болѣе частныхъ случаяхъ и по требованіямъ момента наша бюрократія всегда вдохновляется западноевропейскими оригиналами и по обыкновенію неловко и грубо кошируетъ ихъ? Удивительно-ли, что и наша рабочая политика самодержавія—все тотъ же

> Съ живой картины списокъ блѣдный,
> Или разыгранный Фрейшицъ
> Устами робкихъ ученицъ?

Недавно, напр., нашумѣла у насъ новая тактика борьбы съ растущимъ рабочимъ движеніемъ, тактика, извѣстная по имени ея духовнаго отца и вдохновителя, подъ названіемъ «зубатовской рабочей политики». Читатели революціонеры, конечно, черезчуръ знакомы съ пріемами этой политики, чтобы надо было особенно распространяться о ней; смыслъ ея заключается въ томъ, чтобы, вселяя въ рабочемъ классѣ вѣру въ самодержавіе, какъ естественнаго, стоящаго внѣ классовъ защитника «разумныхъ» про-

фессіональныхъ требованій пролетаріата, отвлечь послѣдній отъ политической борьбы и вооружить его противъ революціонеровъ, толкающихъ его именно на эту борьбу. Зубатовъ, считаемый въ кой-какихъ правительственныхъ кругахъ чуть не геніемъ, получилъ отъ властей до нѣкоторой степени carte blanche на проведеніе своей политики; или вѣрнѣе, при ужасномъ хаосѣ, царящемъ теперь въ нашемъ центральномъ управленіи, часть нашихъ высшихъ администраторовъ съ одобреніемъ и симпатіями слѣдила за попыткой шпіонскаго соціолога перехитрить историческій процессъ русской общественной жизни, неумолимо ведущій къ разгрому самодержавія, и спрыснуть живой водой разлагающійся трупъ.

Зубатовъ старался заводить въ рабочихъ центрахъ организаціи «независимыхъ»пролетаріевъ, т. е. такихъ близорукихъ рабовъ труда и каторжной жизни, которые изъ-за обѣщанія великихъ и богатыхъ милостей со стороны клевретовъ царя соглашались плестись въ хвостѣ шпіонской арміи защитниковъ самодержавія. Пусть читатель припомнитъ «рабочую агитацію», поднятую полковникомъ Васильевымъ въ Минскѣ.

Зубатовъ старался прикрыть свою третьеотдѣленскую соціологію изиднымъ покрываломъ чистой науки и успѣлъ временно одурачить нѣсколькихъ профессоровъ, которые съ гордостью ученыхъ канареекъ вскакивали на полицейскую жердочку и, не подозрѣвая всей мизерности своей роли, напѣвали передъ рабочей аудиторіей на публичныхъ бесѣдахъ аріи, внушавшіяся имъ новымъ зміемъ искусителемъ. Эта игра въ заправскую «строгую, а не демагогическую науку» продолжалась, впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока глаза не открылись даже у нашихъ наивныхъ катедеръ канареекъ, и «строгая наука» не обратилась въ бѣгство, подальше отъ вдохновляющей зубатовской шарманки.

Наконецъ, Зубатовъ вздумалъ повести широкую игру, иареной ея избралъ Первопрестольную. Въ одномъ изъ номеровъ «Революціонной Россіи» мы разсказали, какъ Зубатову удалось перетянуть на сторону своей политики Сергѣя, и какъ они вдвоемъ вздумали заняться правительственной агитаціей среди рабочихъ; какъ они организовали манифестацію 19-го февраля, и какъ Сергѣй радушно принималъ въ своемъ дворцѣ рабочую депутацію; и какъ вдохновленныя Зубатовымъ «Московскія Вѣдомости» распространялись о необходимости союза между самодержавіемъ и пролетаріатомъ на почвѣ «законныхъ потребностей» рабочихъ. Мы хотѣли бы прибавить къ этой картинѣ шпіонской демагогіи еще нѣсколько штриховъ, на основаніи крайне любопытныхъ документовъ, которые намъ пришлось имѣть въ рукахъ. Эти документы—горестныя письма, адресованныя двумя крупными московскими фабрикантами-французами къ французскому же журналисту въ Парижъ въ первый моментъ испуга, охватившаго иностранныхъ капиталистовъ въ Москвѣ при необычайномъ зрѣлищѣ полицейскаго «покровительства труду». Пикантность этихъ писемъ заключается

особенно въ томъ, что ихъ почтенные авторы не подозрѣвали всей роли, какую игралъ въ ихъ судьбѣ сыщикъ Зубатовъ, и приписывали злоключенія, испытанныя ими, лицамъ свыше и вообще цѣлой правительственной системѣ.

«Вы спрашиваете меня, дорогой N. N., —пишетъ первый фабрикантъ, — какъ идутъ мои дѣла, и пострадалъ-ли я отъ кризиса? Нисколько. Мало того. Моя вѣтвь промышленности не только не потерпѣла, но обнаруживаетъ сильную склонность къ расширенію, и будь у меня возможность работать, какъ я желалъ бы, я бы могъ бросить на рынокъ вдвое больше товаровъ. Спросъ невѣроятный, и мнѣ лишь не хватаетъ надежныхъ рабочихъ... Да, не смѣйтесь этому: единственная черная точка на свѣтломъ фонѣ моей отрасли производства, это утрированно филантропическая политика русскаго самодержавія и государственный соціализмъ министра финансовъ г. Витте. Вы не можете себѣ представить, до какой степени этотъ чертовскій человѣкъ (ce diable d'homme) — казалось бы, такой умный и практичный—помѣшанъ на покровительствѣ труду и своимъ милѣйшимъ русскимъ рабочимъ. У меня вышла съ ними въ послѣднее время очень непріятная исторія: правда, и юридическая и моральная, на моей сторонѣ; и что же? я рѣшительно ничего не могу сдѣлать. Они хотятъ вести противъ меня процессъ и, какъ мнѣ сказали свѣдущіе люди, навѣрно выиграютъ: за ихъ спиной стоитъ самъ г. Витте и подталкиваетъ ихъ жаловаться на меня. Это невыносимо; у насъ во Франціи, я ручаюсь, и соціалистъ—Мильеранъ этого ни за что не сдѣлаетъ. Но въ этой странѣ все возможно: и кнутъ по спинамъ ходитъ, а послѣ кнута начнутъ обнимать грязнаго рабочаго и утѣшать всевозможными привилегіями,—разумѣется, на нашъ, фабрикантовъ, счетъ».

Второй сѣтуетъ такъ: «дѣла мои собственно очень хороши, но съ рабочими справиться нельзя. Неуживчивы стали, безобразно нахальны и заражаются соціализмомъ все болѣе и болѣе. По моему глубокому убѣжденію, въ этомъ послѣднемъ виноваты даже не столько агитаторы,—ихъ сравнительно еще мало,—а сами правительственные чиновники, именно фабричные инспектора, говорятъ, подстрекаемые министромъ финансовъ. На каждомъ шагу протоколъ; пристаютъ, почему у меня условія заработной платы и жизни вообще гораздо хуже у русскихъ, чѣмъ у моихъ французовъ; но вѣдь тѣ артисты своего дѣла, а русскіе—большіе и притомъ злые ребята. Фабричные инспектора въ послѣднее время пронюхиваютъ все, что дѣлается на фабрикѣ по части нарушеній,—этихъ мизерныхъ необходимостей ремесла (ces miserables petites necessités du métier),—отъ агентовъ тайной политической полиціи, а этимъ разсказываютъ все канальи рабочіе. Мнѣ кажется, что между ними есть даже настоящіе агенты, которые не за тѣмъ посылаются на фабрику, чтобы ловить подстрекателей, какъ слѣдовало бы, а подсиживать фабриканта; и не знаю, чѣмъ все это кончится; а какая непочатая страна, какое спитъ богатство по-

всюду, и какъ можно было бы здѣсь хорошо и быстро наживать крупный капиталъ честному человѣку»...

Чего не знали почтенные французскіе капиталисты, которымъ надоѣдала «филантропическая политика самодержавія», такъ это того, что въ этой политикѣ не только что царь, но даже и «чертовскій человѣкъ» не повиненъ, а весь сыръ боръ загорѣлся изъ за Зубатова. Успѣвъ убѣдить Сергѣя въ геніальности своихъ замысловъ, Зубатовъ повелъ рабочую агитацію въ широкихъ размѣрахъ, и изъ дѣла Гужона читатель могъ уже узнать, что рабочихъ поддерживалъ нашъ соціалъ-шпіонъ. Съ другой стороны, московскіе фабричные инспектора, дѣйствительно, одно время нѣсколько меньше стали смотрѣть сквозь пальцы на всевозможныя фабричныя нарушенія, услышавъ, что въ предѣлахъ Сергѣева генералъ-губернаторства власти «любятъ рабочаго человѣка» и въ столкновеніяхъ труда съ капиталомъ стараются по возможности поддерживать «разумныя требованія» пролетаріата.

Но увы! за кульминаціонной точкой зубатовской политики кривая соціаль-шпіонства пошла по нисходящей вѣтви параболы, и скоро чувствительная нахлобучка положила предѣлы любленію «рабочаго человѣка». Покойный Сипягинъ незадолго до своей смерти призналъ вредность тактики Сергѣя и Зубатова и секретнымъ циркуляромъ укротилъ реформаціонный пылъ «Московскихъ Вѣдомостей». Оклеветанный французскими капиталистами, какъ соціалистъ, Витте, и на этотъ разъ совершенно незаслуженно, вызвалъ къ себѣ гнѣвъ иностранцевъ. Вся его дѣятельность —это борьба за интересы нашей капиталистической промышленности, поскольку ее можно превратить въ новую дойную корову для вѣчно ищущей денегъ казны. Эти хлопоты Витте уже неоднократно приводили его и въ комитетѣ министровъ, и въ государственномъ совѣтѣ къ столкновеніямъ съ защитниками землевладѣльческихъ или чисто-полицейскихъ интересовъ. Еще въ 1898 г. (въ вопросѣ объ установленіи расцѣнокъ заработной платы) Витте пришлось сражаться съ первыми попытками Горемыкина успокоить рабочее движеніе «правительственной заботливостью». Горемыкинъ исходилъ «изъ тѣсно понятой роли администраціи, обязанной по закону принимать всѣ мѣры къ предупрежденію безпорядковъ и стачекъ на фабрикахъ». Но Витте, очевидно, находилъ, что у полиціи есть достаточно средствъ для «предупрежденья безпорядковъ и рѣшительно высказался противъ всякихъ самомалѣйшихъ поползновеній на карманъ капиталистовъ. «Представители общей администраціи,—заявилъ Витте,—не имѣютъ критерія для сужденія о справедливомъ (!) размѣрѣ вознагражденія за трудъ; они были вынуждены руководствоваться, главнымъ, образомъ, соображеніями объ охраненіи порядка и спокойствія. При этихъ условіяхъ, очевидно, владѣльцы предпріятій лишились бы увѣренности въ устойчивости своихъ хозяйственныхъ разсчетовъ, чѣмъ, разумѣется, былъ бы нанесенъ тяжелый, трудно поправимый ударъ нашей промышленности». Такое грозъ-

ное предостереженіе не могло не оказать желаннаго Витте впечатлѣнія. Комитетъ министровъ постановилъ, что «установленіе заработной платы зависитъ только отъ свободнаго соглашенія, и надзоръ правительственной власти долженъ здѣсь имѣть задачей именно огражденіе этой свободы отъ постороннихъ посягательствъ» *).

Мы остановились на этомъ эпизодѣ не только для того, чтобы возстановить честь оклеветаннаго французами министра, но и потому, что уже тогда ясна стала «невозможность широкаго примѣненія ко всей промышленной Россіи зубатовскаго «соціализма».

До перваго удобнаго случая, Витте приходилось сквозь пальцы смотрѣть, какъ нарушается «свобода договора» въ одномъ центрѣ промышленности, въ царствѣ мужелюбиваго Сергѣя. Впрочемъ, онъ не сильно скорбѣлъ душою, пока дѣло шло о лекціяхъ шпіонскаго университета и прочихъ «надстройкахъ». Но какъ только зубатовская игра стала затрагивать столь нужный ему самому карманъ московскихъ капиталистовъ, какъ только явившаяся къ нему депутація биржевого комитета объяснила ему, что охрана самодержавія нарушаетъ (въ дѣлѣ Гужона) священныя права собственности, Витте устремился въ бой. Онъ объяснилъ подробно депутаціи трудность своего положенія. Онъ-де не можетъ ни открыто выступить противъ всесильнаго въ своемъ царствѣ Сергѣя, ни «дружески» увѣщевать его. Остается одно: пусть депутація подастъ на него, Витте, жалобу государю. Тогда—въ своихъ объясненіяхъ — онъ съумѣетъ уже направить дѣло, какъ слѣдуетъ.

Такъ,—по словамъ нашего корреспондента,—и было устроено. Витте ловкимъ ходомъ поборолъ третьеотдѣленскую демагогію и успокоилъ судорожныя сжиманія сердца и кошелька уже всѣхъ мсковскихъ и вообще россійскихъ фабрикантовъ. А преемникъ Сипягина, Плеве, обѣщаясь въ два мѣсяца извести всякую революцію въ Россіи, говорятъ, крайне рѣзко отнесся къ политикѣ Зубатова и безусловно воспретилъ всякое потаканье рабочимъ. Въ «Моск. Вѣд.», такъ рьяно взявшихся за пропаганду шпіонскаго соціализма, все рѣже стали появляться статьи по рабочему вопросу. Вдохновитель всего дѣла, Зубатовъ, стоитъ въ недоумѣніи: продолжать ли игру съ огнемъ или заняться болѣе свойственнымъ ему дѣломъ? Онъ еще не утратилъ окончательно вѣры, еще не можетъ оторваться отъ одураченныхъ имъ рабочихъ механическаго производства. Послѣ долгаго перерыва лекціи въ зубатовскомъ университетѣ возобновились. Но-увы—лекторами являются ужъ не катедеръ канарейки, стремившіяся сочетать службу и Богу и черту, а извѣстные реакціонные попы à la Фудель, которые близко знакомы съ катехизисомъ третьяго отдѣленія. Такъ

*) Цитируемъ по доставленной намъ «Выпискѣ изъ журнала комитета министровъ 12 мая 1898 г.» Цѣликомъ этотъ секретный документъ будетъ опубликованъ въ ближайшемъ № «Вѣстника Русской Революціи».

что будетъ спокойнѣе и для властей и для капиталистовъ. На Фуделѣ трогательно примирятся и Витте и Зубатовъ. А рабочимъ, даже очень неразвитымъ, яснѣе станетъ куда имъ итти, гдѣ ихъ друзья и враги...

Ну, не говорили ли мы, что всегда и во всемъ русскій политическій режимъ лишь копируетъ западноевропейскія отжившія формы и неумѣло подражаетъ старѣющимъ пріемамъ? Ибо въ сущности то, что Зубатовъ поставилъ во главу угла своей тактики, является карикатурнымъ воспроизведеніемъ въ свое время болѣе широко задуманныхъ на Западѣ плановъ затормозить революціонное рабочее движеніе и направить его свѣжія волны подъ мельницу отживающаго строя. Тотъ, кто знакомъ съ политикой «соціальнаго императорства», Наполеона III, который смотрѣлъ первое время сквозь пальцы на Интернаціоналъ и поощрялъ сближеніе французскихъ рабочихъ съ англійскими на почвѣ профессіональныхъ интересовъ; тотъ, кто не забылъ «соціальнаго королевства», которымъ въ началѣ 80-хъ годовъ козырялъ Лотаръ Бухеръ, стараясь поддержать юнкерскую политику Бисмарка, обѣщавшаго пряникъ добрымъ рабочимъ и кнутъ злымъ исчадіямъ соціальдемократіи,—тотъ безъ труда узнаетъ въ зубатовскомъ соціаль-шпіонствѣ слабую пародію на старую игру съ народомъ. И для него нисколько не покажется удивительнымъ плачевный финалъ третьеотдѣленскаго соціализма. Все, что такъ или иначе пробуждаетъ сознаніе въ рабочемъ, заставляетъ его думать, хотя бы надъ нелѣпо поставленными вопросами, двигаться, хотя бы и въ ложномъ направленіи, несетъ въ самомъ себѣ возмездіе для вдохновителей такой политики. И невольно сравниваешь нашихъ соціаль-шпіоновъ съ восточнымъ магомъ въ легендѣ, который съумѣлъ вызвать заклинаніями грознаго духа, но не знаетъ, какими словами прогнать его, и раздавленъ имъ, какъ жалкій червь. Такова мораль зубатовской «политики»!

Августъ 1902 г. *Тарасовъ.*

Маккіавели охраннаго отдѣленія.

(Конецъ зубатовщины).

Старый порядокъ въ Россіи доживаетъ свои послѣдніе годы. Это ясно для всякаго, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть. Ясно, — потому что на сѣверѣ и на югѣ, въ Польшѣ и на Уралѣ льются потоки рабочей крови, потому что глухо волнуется крестьянство, потому что жизнь выдвигаетъ стихійно Леккертовъ и Карповичей, когда организаціи не выдвигаютъ планомѣрно Балмашевыхъ; потому что всѣ громадныя силы государственнаго механизма направлены вотъ уже нѣсколько лѣтъ на одну цѣль и на одно дѣло,—на дѣло борьбы со все растущей, все болѣе грозной, все быстрѣе надвигающейся, безпощадной волной народнаго гнѣва.

Высшее правительство, — эта жалкая кучка тѣхъ, кто иногда опускается до звѣриной хитрости и никогда не возвышается до ума, — давно почувствовало ропотъ надвигающейся бури. Знаменія времени были слишкомъ грозны. Замолчать ихъ было трудно, забыть—невозможно. Петербургскія стачки 1896—1897 гг., Рижское возстаніе и всеобщая забастовка въ Варшавѣ въ 1899 г., Максвелевскій процессъ и безпорядки въ Маріуполѣ, воочію показали всѣмъ, не исключая даже тѣхъ, кто упорно закрывалъ глаза на народное недовольство, что пресловутые три кита, на которыхъ стоитъ русскій оффиціальный міръ, — православіе, самодержавіе и народность, — зашевелились и готовы уплыть, уплыть, оставивъ царскую душегубку на произволъ вѣтра и волнъ.

Мало того. Массовое рабочее движеніе, вначалѣ робкое, едва замѣтное, прятавшееся по темнымъ угламъ фабричной казармы, а теперь безбрежное, почти побѣдоносное, научило хитрыхъ Плеве и тупыхъ Сипягиныхъ, недоучившихся великихъ князей и прошедшихъ высшую школу сыска Зубатовыхъ, что арміей мелкихъ филеровъ и генеральнымъ штабомъ агентовъ-провокаторовъ не остановить грозы всколыхнувшагося народнаго моря. Оказалось, что выдержавшій экзаменъ при Департаментѣ Полиціи жандармскій адъютантъ можетъ, конечно, отыскать сотню прокламацій и посадить десятокъ людей въ тюрьму, но не въ силахъ ручаться за безопасность своихъ, украшенныхъ лентами и крестами, патроновъ.

Урокъ не прошелъ даромъ. Искусившееся и уже растерянное правительство призвало на помощь доморощенныхъ Макіавели. На первый взглядъ все осталось по старому. Грубыя и простыя казацкія нагайки не перестали свистать и дѣлать свое позорное дѣло; посполитое рушенье добровольныхъ и состоящихъ на дѣйствительной службѣ рыцарей Охраннаго Отдѣленія не было, конечно, распущено; тюрьмы не оставались пустыми и въ Вилюйскахъ и Туруханскахъ непомѣрно росло количество пришлаго населенія. Даже болѣе: казачьихъ сотенъ, этой garde civique самодержавія, оказалось не достаточно, — пѣхотѣ роздали боевые патроны и стали спѣшно заготовлять кровати для раненыхъ и гробы для убитыхъ. Словомъ, по прежнему правительственный оркестръ варьировалъ въ бравурныхъ тонахъ старыя пѣсни, знакомыя еще нашимъ отцамъ, по прежнему храбрый россъ веселился, побѣждая, за отсутствіемъ внѣшнихъ враговъ, враговъ внутреннихъ и по прежнему Господь хранилъ «сильнаго и державнаго» монарха, не спасая его, однако, отъ презрѣнія и смѣха петербургской улицы.

Но въ нестройномъ хорѣ полицейской вакханаліи, слышались уже и новыя ноты, сперва несмѣлыя, затѣмъ все болѣе громкія и рѣшительныя, ноты, рожденныя совершенно довѣрительными бесѣдами на Гороховой и Фонтанкѣ. Ихъ сочинилъ и положилъ на музыку Зубатовъ, Зволянскій выслушалъ и, скрѣпя сердце, одобрилъ, великій князь Сергѣй пришелъ въ восхищеніе, а разные Слѣповы и Шаевичи, вся эта мелкая сошка Охранныхъ Отдѣленій, разнесла, какъ разносятъ шарманщики, звуки ихъ по всей Россіи. Лейтмотивомъ для новой аріи послужилъ церковный текстъ: «Ложь есть конь во спасеніе».

Въ сущности идея была не нова. Въ основѣ ея лежала купля-продажа. Продавались съ публичнаго торга, за ненадобностью, мелкія и неимѣющія цѣны уступки, покупалось сочувствіе наиболѣе неразвитыхъ и наиболѣе многочисленныхъ слоевъ только что проснувшагося рабочаго народа. Новое царское «распивочно и на вынось» сдабривалось ласковыми словами, нѣжными улыбками, обѣщаньями и quasi научнымъ бормотаньемъ на общественныя и политическія темы. Зубатовъ на своихъ конспиративныхъ квартирахъ, en famille, доказывалъ недоросшимъ до сознанія собственнаго достоинства юношамъ изъ революціонеровъ, что идея монархіи отнюдь не противорѣчитъ идеѣ четвертаго сословія, и что въ независимой и сильной власти залогъ экономическаго освобожденія трудящихся массъ. Шаевичъ и Слѣповъ выбрасывали рубли забастовавшимъ рабочимъ и публично читали и критиковали передовыя статьи «Искры», а полковникъ Васильевъ шелъ еще дальше: онъ открыто признавалъ справедливость требованій пролетаріата, возмущался эксплуататорскими наклонностями буржуазіи и шепотомъ, при закрытыхъ дверяхъ, призывалъ къ черному террору.

Правительство испугалось рабочаго движенія. Если его нель-

зя побѣдить, нужно имъ овладѣть. Нужно показать всѣмъ этимъ людямъ—вчера робкимъ и сегодня уже рѣшительнымъ, трудящимся съ утра до ночи и уже полусвободнымъ, что есть власть, громадная и справедливая, которая всегда готова придти къ нимъ на помощь, защитить ихъ, невѣжественныхъ и неумѣлыхъ, отъ всякаго беззаконія и всякаго насилія. Самодержавіе внѣ партіи и выше всякой вражды и всякихъ счетовъ. Царю одинаково дороги всѣ его вѣрноподданные безъ различія сословій и состояній, будь то Савва Морозовъ и будь то послѣдній изъ его чернорабочихъ. Утирать слезы вдовъ и сиротъ—провиденціальное назначеніе чиновъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ,—лучшихъ слугъ демократическаго царя и вѣрнѣйшихъ защитниковъ рабочаго народа. Кто не вѣритъ этому, тотъ опасный врагъ, врагъ закона, порядка и трудящихся классовъ. Рабочіе убѣдятся въ этомъ на дѣлѣ. Ихъ друзья не тѣ, кто, рискуя многимъ, — всегда свободой, иногда — жизнью, открыто идутъ противъ правительства, нѣтъ: только довѣрившись власти можно добиться облегченія своей тяжелой жизни, можно разсчитывать на уступки, можно выбиться изъ тьмы къ свѣту. Царское спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ, бойни въ Лодзи и въ Гутѣ—Банковой, Обуховская трагедія, раненые, убитые и замученные по тюрьмамъ— только недоразумѣнія, печальный плодъ тайной агитаціи людей преступныхъ и заслуживающихъ строгаго наказанія. Не надо помнить мрачнаго прошедшаго, нужно съ довѣріемъ и надеждой глядѣть въ будущее. Такова теорія. Таковы рѣчи агентовъ Зубатова.

Практика еще шире, еще оригинальнѣе. Воспользоваться оружіемъ революціонеровъ, пропагандѣ противопоставить пропаганду, тайныя организаціи соціалистовъ убить явными союзами защитниковъ самодержавія; провозгласить свободу стачекъ, разрѣшенныхъ полиціей, свободу слова,—прошедшаго сквозь цензуру Охраны, свободу союзовъ,—подъ предсѣдательствомъ сыщика, свободу ученія,—подъ руководствомъ городового; обмануть народъ и, развративъ его обѣщаніями и подачками, поселить въ немъ недовѣріе и раздоры.

Игра опасная, — можно много выиграть и проиграть все. Нельзя безнаказанно зажигать огонь въ пороховыхъ складахъ и нельзя подавать камень, увѣряя, что это хлѣбъ. Болѣе робкіе поняли это: Сипягинъ былъ противъ, опасаясь неизбѣжнаго взрыва. Каррикатурный Макіавели настоялъ и, конечно, ошибся.

Жизнь не укладывается въ рамки полицейскихъ мѣропріятій. Въ охранномъ отдѣленіи можно купить все, нужно думать, даже и самаго Зубатова. Но вѣдь не на всякій товаръ, находится покупатель: залежалыми московскими ситцами можно обмануть, да и то не на долго, только полудикихъ персовъ, да покоренныхъ христолюбивымъ воинствомъ и отравленныхъ опіумомъ китайцевъ.

И однако, на первыхъ порахъ все внушило опасеніе. Казалось, что новый sui generis комитетъ общественной безопасности можетъ праздновать свою первую побѣду. Very dangerous! (очень

опасно) сказалъ бы Герценъ, какъ говорили, всѣ тѣ, кому было дорого дѣло народнаго освобожденія и кто разгадалъ нехитрую механику Брутовъ и Кассіевъ Охраннаго Отдѣленія.

Да, very dangerous!... Измученные и полу-голодные рабочіе стали съ жадностью прислушиваться къ еще неслыханнымъ, сулившимъ имъ золотыя горы, рѣчамъ пророковъ въ синихъ мундирахъ или съ удостовѣреніемъ отъ полиціи въ карманѣ. Въ Москвѣ, тогда резиденціи Зубатова, въ концѣ 1900 г. образовался первый, пошедшій навстрѣчу правительственному заигрыванью, кружокъ механическихъ рабочихъ. Это былъ пробный камень, на которомъ впослѣдствіи выросло цѣлое зданіе. Вскорѣ Москва покрылась цѣлою сѣтью крѣпкой и тонкой паутины. Появилось общество взаимопомощи механиковъ съ уставомъ, утвержденнымъ оберполиціймейстеромъ и съ правленіемъ, члены котораго назначались въ участкѣ. Было положено начало районнымъ собраніямъ, контролируемымъ по особой инструкціи и состоявшимъ сплошь изъ агентовъ Зубатова, наконецъ, въ одной изъ аудиторій Историческаго музея открылъ свои дѣйствія т. н. Зубатовскій парламентъ. Агитація охраннаго отдѣленія пошла успѣшно и быстро. Выкинувъ съ самаго начала брейдъ-вымпелъ науки и прикрываясь нѣсколькими именами изъ «большой» интеллигенціи, Зубатовъ тщательно слѣдилъ за всѣми революціонными и опозиціонными теченіями среди рабочихъ. Аѳанасьевы и Красивскіе не забывали своей деликатной миссіи: на «совѣщаніяхъ» они прислушивались къ рѣчамъ ораторовъ и присматривались къ настроенію слушателей. Незамѣтно и постепенно производился отборъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ смѣлость открыто выступать противъ вождей охраннаго соціализма или просто-напросто не сочувствовать имъ. Рабочіе не замѣчали этого. Привлекаемые заманчивыми темами лекцій, касавшихся всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ ихъ положеніемъ, они толпами шли въ аудиторію Историческаго Музея и дѣло «собесѣдованій» т. е. дѣло замаскированнаго сыска и откровенной агитаціи въ пользу самодержавія расширялось все больше и больше. Казалось, Зубатову удалось увлечь и организовать рабочую массу Москвы. Но это только казалось. Пресловутый «парламентъ» былъ уже наканунѣ паденья. Вскорѣ случилось обстоятельство, нарушившее цѣлость и гармонію всего, такъ детально продуманнаго плана. Лекторы, не погнушавшіеся принять участіе во всей этой позорной комедіи, поняли, наконецъ, всю двусмысленность своего положенія. Брезгливость не позволила имъ продолжать ее и, послѣ собранія, созваннаго въ декабрѣ 1901 г. П. Г. Виноградовымъ и В. Ю. Скалономъ, «большая интеллигенція» отказалась отъ чтенія начатыхъ курсовъ. Гг. Дена и Мануилова смѣнили гг. Фудель и предсѣдатель Московскаго цензурнаго комитета Назаревскій. Измѣнилось и содержаніе лекцій—на первый планъ были выдвинуты вопросы религіи и церкви. Разумѣется «парламентъ» опустѣлъ. Рабочіе и, въ особенности, механи-

ки не могли удовлетвориться «Ученіемъ о промыслѣ Божіемъ» и древней исторіей въ изложеніи цензора.

Неудача не остановила Зубатова. Изъ стѣнъ музея онъ перенесъ центръ своей дѣятельности въ кабаки и трактиры. Районныя собранья, гдѣ хозяевами и распорядителями были Слѣповы, стали мѣстомъ самой дѣятельной и открытой агитаціи. Съ одобренья начальства здѣсь обсуждались рѣчи, принимались резолюціи, обсуждались студенческіе безпорядки, проводилось различіе между «большой» т. е. лояльной и «малой» — революціонной интеллигенціей, доказывалось, что политическая свобода нужна только имущимъ классамъ и припоминалась «эпоха великихъ реформъ» Александра II-го. Словомъ, дѣлалась широкая попытка заманить въ свою лавочку всѣхъ тѣхъ, кто еще не научился оцѣнивать по достоинству краснорѣчіе жандармовъ. Трудъ не пропалъ даромъ. Зубатовская агитація увѣнчалась минутнымъ успѣхомъ. На тѣхъ самыхъ улицахъ, гдѣ годъ назадъ толпа ломала рѣшетки и опрокидывала трамваи, чуть ли не готовясь къ барикадамъ, появились тысячи рабочихъ, смиренно и на глазахъ у Зубатова, праздновавшихъ 19 февраля. Это празднованіе было высшей точкой расцвѣта зубатовскихъ организацій и незомнѣнной побѣдой охраны во всемъ этомъ рискованномъ предпріятіи. Великій князь Сергѣй имѣлъ всѣ основанія радоваться и благосклонно принимать унизившуюся до дворца депутацію рабочихъ.

И однако, именно съ 19-го февраля начинается постепенное и неудержимое паденіе съ такимъ трудомъ воздвигнутаго Зубатовымъ зданія. Въ этомъ не были виноваты революціонныя организаціи Москвы: онѣ были слишкомъ слабы, чтобы серьезно затруднить агитацію охраннаго отдѣленія. Еще меньше это зависѣло отъ тѣхъ непрекращающихся споровъ между петербургскими оффиціальными сферами и покровителями Зубатова, въ которыхъ часто видятъ причину крушенія зубатовской политики. Нѣтъ, причина лежала глубже. Даже темная и традиціонно консервативная московская рабочая масса стала мало-помалу понимать истинный смыслъ правительственныхъ заигрываній. Безцеремонные аресты тѣхъ, кто недовѣрчиво относился къ лицемѣрнымъ рѣчамъ Слѣповыхъ и Красивскихъ, раскрыли глаза многимъ и многимъ. Родилось глухое недовольство и пока еще открытое разочарованіе. Оно росло по мѣрѣ того, какъ жизнь срывала одну за другою маски съ едва прикрытыхъ фиговыми листками соціаль-шпіоновъ. Стачка у Гужона и конфликтъ Зубатова съ московскимъ биржевымъ комитетомъ довершили дѣло. Даже слѣпые увидѣли, что если охранное Отдѣленіе можетъ, точно исполняя начальственныя предписанія, заселять ссыльными Сибирь, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы борьба съ Гужонами была ему по плечу и чтобы Савва Морозовъ и послѣдній ткачъ на его фабрикѣ были царю одинаково близки и дороги. Съ этого момента никакіе преосвященные Парфеніи, Джунковскіе и Тихомировы не были уже въ силахъ остановить растущее недовѣріе

рабочихъ. Изъ 10 тысячъ механиковъ Москвы въ Обществѣ взаимопомощи за 5 съ половиною мѣсяцевъ (съ 1 марта по 14 сентября 1902 г.) записалось всего 197 человѣкъ... Это было уже настоящее пораженіе. Дѣла не поправили даже ткачи и кондитеры, представившіе въ августѣ для утвержденія свои уставы. Игра кончилась не въ пользу Зубатова. Онъ мало проигралъ: порохъ не вспыхнулъ и недовольство не вылилось въ открытый протестъ, но онъ и мало выигралъ—19-ое февраля не повторилось больше. Правда, при посѣщеніи царемъ Москвы въ Кремль явилась рабочая депутація, но кого думала она обмануть? Слѣповъ, Красивскій и Афанасьевъ были уже оффиціальными агентами Охраны... И все-таки Зубатову было чѣмъ гордиться: онъ внесъ дезорганизацію въ ряды сознательныхъ рабочихъ и развратилъ пассивную массу,— Москва осталась неподвижно спокойною во время революціонной волны 1902 г.

Въ Петербургѣ дѣло пошло еще хуже. Петербургъ ближе къ Европѣ,—охранное славянофильство здѣсь не у мѣста. Рабочій Шлиссельбургскаго тракта слишкомъ революціоненъ по темпераменту, онъ слишкомъ хорошо помнитъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, чтобы соблазниться дешевыми уступками и благонамѣренными рѣчами вчерашнихъ Кшешицюльскихъ. Напрасно рептиліи прессы, Грингмуты и Комаровы, витіевато распространялись объ «уваженіи и благоговѣніи передъ Верховной Властью» и о «возможности очень серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды», — докладъ зубатовскаго клеврета Соколова, состоявшійся въ Русскомъ Собраніи 10 декабря 1902 г., прошелъ небезслѣдно развѣ только для одного г. Сигмы. Впрочемъ и въ Петербургѣ нашлись свои зубатовцы. Въ ноябрѣ 1902 г. 11 человѣкъ рабочихъ обратились къ и. д. СПБ. Градоначальника Фришу за благосклонною помощью и разумнымъ совѣтомъ. Убѣдившись въ ихъ благонадежности, Фришъ представилъ просителей Лопухину, Лопухинъ — ф. Плеве. Послѣдній благословилъ и, по образу и подобію Московскаго общества механическихъ рабочихъ, возникло такое же и въ Петербургѣ. Оно отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть. Уже на третьемъ его засѣданіи, происходившемъ въ трактирѣ «Выборгъ», съ очевидною ясностью обнаружилось настроеніе петербургскихъ механиковъ. Зубатовъ — имя нарицательное; подъ такимъ флагомъ нельзя безнаказанно проводить даже дешевую контрабанду. «Долой Соколова, долой зубатовцевъ!», — вотъ лозунгъ, объединившій рабочихъ въ Петербургѣ. Жалкая попытка окончилась смѣхомъ, но не до смѣха было Зубатову — у него на рукахъ было сложное и большое дѣло: въ Минскѣ «работала» «Еврейская Независимая Рабочая Партія».

Отзвуки зубатовской политики въ Кіевѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ замерли такъ же быстро, какъ и родились. Зубатовъ не успѣлъ, да и не пытался повсемѣстно развить широкую агитацію. Главныя свои силы онъ сосредоточилъ въ Москвѣ и въ литовскихъ губерніяхъ: успѣхъ

«Бунда», очевидно не давалъ ему спать. На западѣ его ждалъ успѣхъ, далеко оставившій за собою минутныя московскія побѣды. Въ Минскѣ, послѣ комическаго выхода полковника Васильева, стала пріобрѣтать вліяніе уже названная «независимая» партія. Это были тѣ же зубатовцы, съ тою только разницей, что въ числѣ ихъ руководителей были не только оффиціальные и полуоффиціальные агенты Охраннаго Отдѣленія, но и наивные и лишенные революціонной брезгливости люди, искренно повѣрившіе въ дѣйствительность пути, «не ведущаго массы въ тюрьму и ссылку». Пока дѣйствовали «независимцы», Зубатовъ могъ не горевать о московскихъ неудачахъ и петербургскихъ пораженіяхъ: дѣло самодержавнаго соціализма и усовершенствованнаго сыска еще не было проиграно, еще оставалась надежда на болѣе или менѣе крупную побѣду. Еврейскій пролетаріатъ слишкомъ сознателенъ и, конечно, не Зубатову повести его за собою. Врядъ ли послѣ московскаго опыта онъ и разсчитывалъ на это. Задачи съузились. Широкій размахъ первоначальнаго плана уступилъ мѣсто частностямъ и деталямъ повседневной борьбы. Идея фальсифицированнаго соціализма сверху не привилась къ рабочей массѣ. Оставалось довольствоваться ближайшими результатами и частными успѣхами. На первый планъ выдвинулась мелочная борьба съ «Бундомъ». Систематической агитаціей можно было ослабить его силы, привлечь на свою сторону наименѣе развитыхъ рабочихъ и, посѣявъ вражду, остановить на время все растущее освободительное движеніе. Эти цѣли были достигнуты только отчасти: еврейская масса привыкла прислушиваться къ мнѣнію «Бунда», но и то, что было достигнуто, принесло серьезный вредъ дѣлу пролетаріата.

Особенно это сказалось, когда «независимцы» перенесли свою дѣятельность на югъ.

Въ № 29 «Рев. Россіи» мы подробно остановились на роли «Независимой Партіи» во время одесской стачки. Трудно учесть весь тотъ минусъ, который внесли «независимцы» въ такъ внезапно разыгравшееся южное движеніе. Но, несомнѣнно, ихъ участіе въ немъ дало и плюсъ, плюсъ этотъ — въ крушеніи, полномъ и окончательномъ, Зубатовской политики. Начавшись съ робкихъ заигрываній Шаевича съ рабочими завода Рестеля, волненіе охватило всю Одессу, перебросилось на другіе города, разгорѣлось пожаромъ почти по всему югу Россіи. Порохъ вспыхнулъ, раздался первый, еще только предупреждающій, ударъ того взрыва, котораго такъ боялся Сипягинъ, высказываясь противъ зубатовской авантюры. То, что сошло съ рукъ въ Москвѣ, не осталось безнаказаннымъ въ Одессѣ. Вмѣсто оперетки — получилась трагедія, вмѣсто желаннаго единенія рабочихъ съ жандармами — залпы пѣхоты по безоружнымъ рабочимъ, вмѣсто скромнаго требованія возвратить уволеннаго Драгомирецкаго—grève generale и «долой самодержавіе!». Шаевичъ не разсчиталъ игры. Его банкротство повело за собою банкротство «независимцевъ», съ «неза-

висимцами» же рушился послѣдній и самый надежный оплотъ Зубатова. Этого слѣдовало ожидать давно: — еще въ февралѣ «Независимая Партія» отказалась отъ дѣятельности въ Вильнѣ, гдѣ «еврейская рабочая масса слишкомъ консервативна, тупа и неразвита». Теперь консервативными оказались всѣ евреи безъ исключенія, даже и тѣ, которые бастовали въ Кіевѣ, Одессѣ и Елисаветградѣ. — Въ № 140 «Послѣднихъ Извѣстій» Бунда напечатана прокламація «независимцевъ», гдѣ они сообщаютъ о прекращеніи своей дѣятельности. Документъ этотъ заслуживаетъ вниманія — это свидѣтельство о бѣдности, выданное самому себѣ комитетомъ «Независимой Партіи». «По отношенію ко всякому движенію, носящему классовой (курсивъ подлин.) характеръ», пишутъ члены упомянутаго комитета, «и отнюдь не отождествляющему интересы рабочихъ съ предпринимателями, — никакихъ мѣропріятій, кромѣ враждебныхъ, со стороны правительства въ ближайшіе годы ожидать нельзя». А потому и «за отсутствіемъ возможности вести движеніе легально», а также и за «невозможностью движенія конспиративнаго», комитетъ слагаетъ съ себя свои обязанности. Итакъ, г-жа М. Вильбушевичъ, Шаевичъ и К-о покончили жизнь самоубійствомъ... Что-жъ? Быть можетъ для нихъ это лучшій выходъ, — странно было бы, если бы агенты Зубатова и добровольцы Охраны признали единственнымъ своимъ спасеніемъ тайную организацію непослушныхъ ихъ призывамъ рабочихъ массъ.

Подведемъ итоги. Почти три года продолжалась агитаціонная работа Маккіавели въ мундирѣ Отдѣльнаго Корпуса жандармовъ. Почти три года стоялъ сплошной туманъ мелкихъ интригъ и крупныхъ предательствъ, интригъ, вносившихъ въ рабочую среду ядъ недовѣрія къ революціоннымъ комитетамъ, и предательствъ, въ корнѣ подрѣзавшихъ трудное дѣло тайныхъ организацій. Паукъ неустанно ткалъ свою паутину, — многіе, черезчуръ многіе попались въ его незамѣтныя сѣти и своимъ трудомъ и энергіей послужили позорному дѣлу собственнаго порабощенія. Но построенное на грубомъ обманѣ зданіе насилія и лжи не могло не рухнуть. Его паденье было только вопросомъ времени. Теперь кругомъ насъ — жалкіе обломки Зубатовскаго Парламента. Дважды наша мрачная, полная крови и слезъ, современная жизнь отвѣтила на игривыя улыбки сиренъ съ аксельбантами. Московскіе рабочіе долго прислушивались къ нестройнымъ голосамъ веселаго жандармскаго хора и, разслышавъ, наконецъ, какіе мотивы изъ «Жизни за царя» разыгрываетъ первая скрипка, молча отшатнулась отъ него, оставивъ музыкантовъ въ недоумѣніи и грусти. Въ Одессѣ было иначе. Рабочіе юга приняли пѣсни Шаевича за чистую и звонкую монету. Они встали, какъ одинъ человѣкъ и своей громадной, еще не сознанной ими самими, силой испугали тѣхъ, кто, сами того не ожидая, вызвали ихъ на улицу — всѣхъ этихъ маленькихъ и большихъ Зубатовыхъ. Зубатовщина отошла въ синюю даль исторіи. Врядъ ли ф. Плеве раскнетъ

продолжать опасную игру и врядъ ли рабочіе снова пойдутъ въ лавочку правительственнаго обмана. Жизнь учитъ тѣхъ, кто хочетъ учиться. Прошлое рождаетъ настоящее и настоящее—отецъ будущаго. Времена измѣнились, и мы вправѣ примѣнить къ переживаемому нами моменту то, что повторялъ издатель «Колокола» еще въ 1859 г.: «...Вмѣсто предисловій, программъ и эпиграфовъ, мы вошли въ текстъ... Есть время камни собирати и есть время камни метати. А вѣдь для того, кто хочетъ воевать пращей, это не два дѣла, а два момента одного и того же дѣла.»

Мы слишкомъ долго только собирали и собирали камни. Эту односторонность нашей тактики и вліяніе ея на рабочихъ попробовали было использовать Зубатовы. Но они взялись за свое дѣло слишкомъ поздно. Времена уже не тѣ. Опыты ихъ постигло крушеніе. Зубатовщины нѣтъ, — «независимцы» похоронили ее. Время покажетъ, сумѣемъ ли мы «камни метати.»

Сентябрь 1903 г. *Б. Савинковъ.*

Всеобщая стачка.

«Да здравствуетъ всеобщая стачка!» Такимъ боевымъ лозунгомъ заканчивали наши товарищи въ Одессѣ прокламацію «ко всѣмъ рабочимъ» въ самый разгаръ послѣднихъ событій.

Всеобщая стачка — есть явленіе послѣдняго времени. Она — новость не только для насъ, но и заграницей. За то въ это послѣднее десятилѣтіе жизнь выдвинула всеобщую стачку едва ли не повсюду въ качествѣ одного изъ самыхъ сильныхъ средствъ напора рабочаго класса на существующій порядокъ, какъ ради тѣхъ или иныхъ непосредственныхъ экономическихъ завоеваній, такъ и ради обще-политическихъ.

Встрѣченная первоначально многими вождями рабочаго дви-

женія съ недовѣріемъ, всеобщая стачка, однако, успѣла завоевать себѣ право гражданства въ жизни, а въ послѣдніе годы— добиться даже почти всеобщаго признанія.

И это неудивительно. Въ отдѣльныхъ частичныхъ столкновеніяхъ той или иной рабочей группы съ предпринимателемъ рабочіе изолированы. Но если они изолированы, то вовсе не изолированъ патронъ. Вся современная государственная организація, весь механизмъ управленія страной по крайней мѣрѣ одной своей стороной представляетъ собою ничто иное, какъ организованную силу класса капиталистовъ. Въ современномъ классовомъ государствѣ хозяинъ, капиталистъ, никогда не можетъ остаться изолированнымъ. Классовая организація капиталистовъ есть необходимая, неразрывная составная часть современнаго режима. Она есть нѣчто оффиціально включенное въ составъ правопорядка страны. Организація рабочихъ, напротивъ, въ наилучшихъ случаяхъ есть нѣчто только лишь т е р п и м о е, создающееся путемъ пробужденія революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ, пробивающееся съ большимъ трудомъ сквозь явныя и скрытыя преграды и препоны. Частичная стачка свидѣтельствуетъ о первомъ пробужденіи въ рабочей средѣ чувства групповой, пока еще мѣстной и профессіональной, солидарности. Частичная стачка есть попытка разрозненной рабочей группы бороться съ фабрикантомъ, къ услугамъ котораго— всѣ рессурсы, которыми обладаетъ современное государство. Неудивительно, что частичныя стачки такъ часто кончаются неудачами и рабочіе нерѣдко безплодно истощаютъ въ нихъ свои силы.

Мы сказали «безплодно истощаютъ силы». Но «безплодно» здѣсь надо понимать съ большой оглядкой. Если стачка и не даетъ рабочимъ прямого, практическаго выигрыша, если она остается для нихъ безъ осязательныхъ матеріальныхъ результатовъ, то эта ея п р а к т и ч е с к а я безплодность не означаетъ еще полной безплодности во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ. Стачка есть школа борьбы, школа солидарности, школа организаціи, и уроки ея не проходятъ даромъ. Неудачи здѣсь учатъ рабочихъ не менѣе, чѣмъ удачи. Рабочій классъ пріучается здѣсь взвѣшивать свои силы, знать свои сильныя и свои слабыя стороны, изучаетъ слабыя и сильныя стороны противника, изучаетъ условія, благопріятствующія успѣху своей борьбы.

Въ этой суровой и тяжелой школѣ борьбы, гдѣ каждый урокъ достается не дешево, рабочій классъ растетъ, зрѣетъ и крѣпнетъ. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ.» Отдѣльныя столкновенія рабочихъ группъ съ отдѣльными предпринимателями самими участниками борьбы все чаще и чаще разсматриваются, лишь какъ отдѣльные эпизоды общей борьбы. Сознаніе мѣстной, групповой, узко-профессіональной солидарности все болѣе и болѣе обобщается въ сознаніе обще-классовой солидарности. Все учащаются «стачки по симпатіи», «стачки солидарности». При такихъ стачкахъ цѣлыя группы рабочихъ бастуютъ не для того, чтобы

непосредственно для себя получить тѣ или иныя выгоды, а для того, чтобы помочь получить такія выгоды другимъ товарищамъ.

Съ одной стороны, стачки по симпатіи представляютъ собою естественное средство восполнить то неравенство шансовъ, которое мы видимъ при частичной стачкѣ, гдѣ изолированная группа рабочихъ имѣетъ противъ себя весь государственный механизмъ, болѣе или менѣе приспособленный къ интересамъ капиталистовъ. Кромѣ того, растетъ и самостоятельная, чисто-экономическая организація предпринимателей. Нормировки, союзы, тресты предпринимателей дѣлаютъ возможной и цѣлесообразной лишь забастовку въ огромныхъ размѣрахъ,—рабочіе одной-двухъ фабрикъ передъ союзомъ многихъ предпринимателей данной отрасли производства безсильны. Съ другой стороны, стачки по симпатіи являются естественнымъ выраженіемъ хозяйственной эволюціи. Съ усложненіемъ формъ экономической жизни, крѣпнетъ и ростетъ взаимо-зависимость между различными отраслями производства. Стачка французскихъ углекоповъ осенью 1902 г. не могла бы оказать такого давленія на правительство и хозяевъ, если бы въ то же время сосѣдніе бельгійскіе углекопы не отказались отъ сверхъурочныхъ работъ и не грозили забастовкой, а портовые рабочіе Калэ, Дюнкирхена и др. приморскихъ городовъ не отказались выгружать привознаго изъ-за границы угля. Всеобщая стачка есть ничто иное, какъ логическое развитіе стачекъ солидарности, какъ «увѣнчаніе зданія», какъ идеальная ихъ форма, степень приближенія къ которой на практикѣ, конечно, можетъ быть очень различной. Всеобщая стачка въ смыслѣ силы давленія на хозяевъ и на правительство несравненно выше стачки частичной.

Ровно на столько же всеобщая стачка выше частичной и въ смыслѣ агитаціоннаго средства. Это есть средство объединенія въ борьбѣ всего пролетаріата, безъ различія цеховъ, профессій, состояній. Въ ней лицемъ къ лицу стоятъ уже не отдѣльный фабрикантъ съ отдѣльной группой рабочихъ, и даже не воротилы цѣлой опредѣленной отрасли производства съ совокупностью рабочихъ извѣстной профессіи; здѣсь противъ *класса* предпринимателей стоитъ *классъ* рабочихъ, какъ цѣлое. Всеобщая стачка есть одно изъ самыхъ непосредственныхъ и яркихъ выраженій *классового* характера движенія, въ противоположность первоначальному—мѣстному, групповому, профессіональному.

Неудивительно поэтому, что всеобщая стачка не можетъ удержаться на чисто-экономической почвѣ, что она неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ, все равно, хотятъ этого или не хотятъ ея участники. Изъ за деревьевъ можно не видѣть лѣса; въ отдѣльной, частичной стачкѣ мѣстныя условія ея возникновенія, случайности ея хода, индивидуальныя особенности борющихся могутъ заслонять обще-національную основу угнетенія и борьбы рабочихъ. Во всеобщей стачкѣ всѣ эти частности тонутъ, пропадаютъ, и національная организація эксплуатаціи и гнета сталкивается съ національной организаціей эксплуатируемыхъ и угне-

таемыхъ. Но очевидно, что тамъ, гдѣ сквозь конкретно-различныя формы эксплуатаціи пробивается и встаетъ во весь ростъ общій фактъ эксплуатаціи,—гдѣ вопросъ ставится объ общемъ положеніи цѣлаго рабочаго класса,—неминуемо должна зайти рѣчь и о общихъ мѣрахъ улучшенія этого положенія. Частное, мѣстное зло можетъ требовать и лѣкарствъ частичнаго, узкомѣстнаго характера. Обще-національное зло требуетъ и общенаціональныхъ, т. е. политическихъ, мѣропріятій или перестроекъ. Гдѣ борятся уже не лица, не группы, а непосредственно классъ съ классомъ, тамъ неизбѣжно долженъ выступить на сцену обще-національный, политическій моментъ.

Въ этомъ и заключается весь смыслъ извѣстнаго изрѣченія Карла Маркса: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».—Рѣдкое изрѣченіе такъ часто повторяется, и рѣдкое изрѣченіе такъ часто перетолковывается на всѣ лады, какъ именно это. Всѣ мы хорошо помнимъ, какъ во времена самаго узкаго «экономизма» или «стачкизма» люди беззаботно твердили, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и успокаивали этими словами свою политическую совѣсть. Разсматривая сначала всякую стачку, какъ проявленіе классовой борьбы рабочихъ, и строя уравненіе: «классовая борьба равняется политической борьбѣ»,—они логически выводили отсюда, что всякая стачка, какъ таковая, есть политическое событіе, актъ политической борьбы. Путемъ такой своеобразной «діалектики» наши крайніе экономисты, оставаясь на чисто-экономической почвѣ, дѣлались въ своихъ глазахъ уже «политиками», политическими борцами и революціонерами. Они не понимали, что изреченіе Маркса о классовой борьбѣ имѣетъ діаметрально противоположный смыслъ, что они этотъ вполнѣ опредѣленный смыслъ его извращаютъ и насилуютъ. Для Маркса наличность политическаго элемента въ борьбѣ была необходимымъ и очевиднымъ признакомъ того, что борьба вышла изъ ея примитивныхъ формъ борьбы групповой, мѣстной и цѣховой, нашла и разглядѣла свою обще-классовую основу и утвердилась на ней. Если же этого еще не случилось, если обще-національный, политическій элементъ въ движеніи еще отсутствуетъ, то это значитъ, что движеніе еще не сдѣлалось классовымъ въ истинномъ значеніи этого слова, что оно еще только эмбріонъ, только зародышъ, только недоразвившаяся форма классового движенія. И пресловутый «стачкизмъ», экономизмъ» съ этой точки зрѣнія могъ разсматриваться только какъ политическій недоносокъ.

* * *

Въ Западн. Европѣ всеобщая стачка является серьезнымъ оружіемъ борьбы въ рукахъ организованнаго рабочаго класса. Пользуясь широкимъ поприщемъ политической свободы, чтобы организоваться и вести свою борьбу спокойно, обдуманно и увѣ-

ренно, рабочіе имѣютъ возможность выбирать моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій, итти на нихъ со всей возможной осмотрительностью. У нихъ много всякихъ путей для защиты своихъ интересовъ, имъ есть между чѣмъ выбирать. И въ нихъ естественно развивается очень осторожное отношеніе ко всеобщей стачкѣ, какъ къ средству очень сильному. Всеобщая стачка способна на время парализовать функціонированіе всей экономической организаціи страны. Но ясно, что экономическая организація страны, эта основа ея питанія, а слѣдовательно и существованія, не можетъ быть парализована надолго. Питаніе страны прекратить нельзя. Конечно, кромѣ ежедневнаго производства, страна имѣетъ еще и запасы. Но вѣдь эти запасы находятся преимущественно въ рукахъ богатыхъ, привилегированныхъ классовъ. Всего меньше такихъ запасовъ находится въ рукахъ рабочаго класса. Онъ прежде всего самъ же страдаетъ отъ пріостановки хозяйственныхъ функцій. Быстро можетъ наступить моментъ, когда дальнѣйшее продолженіе всеобщей стачки для него будетъ невыносимымъ. Уже по одному этому въ мирной, законной «всеобщей стачкѣ» трудно видѣть универсальное средство борьбы съ буржуазнымъ классомъ. Правда, въ странахъ, гдѣ рабочій классъ можетъ свободно организоваться не только политически, но и экономически, гдѣ онъ обладаетъ богатыми синдикатами, потребительными и производительными обществами, наступленіе критическаго момента для стачечниковъ можетъ быть надолго отсрочено. Представители бельгійской рабочей партіи говорятъ, что во времена крупныхъ стачекъ ихъ кооперативныя соціалистическія булочныя «бомбардируютъ буржуазное общество 25-сантимными хлѣбами»,—ибо снабженіе ими забастовщиковъ даетъ послѣднимъ возможность держаться неопредѣленно долгое время. Нѣкоторые соціалисты, обладающіе достаточно богатой фантазіей, рисуютъ даже соблазнительныя картины того будущаго, когда рабочій классъ въ своихъ синдикатахъ и кооперативахъ укрѣпится, какъ въ окопахъ, объявитъ въ одинъ прекрасный день старому міру всеобщую стачку и уйдетъ, подобно пролетаріямъ древняго Рима, на Авентинскую гору своихъ экономическихъ организацій; тамъ онъ сумѣетъ жить своей особой хозяйственной жизнью, оставивъ буржуазію съ ея набитыми золотомъ мѣшками во власти голода и сломивши такимъ образомъ ея сопротивленіе. Однако, эта золотая мечта при современномъ состояніи организованности рабочаго класса является чистѣйшей утопіей. Но даже и не будь она таковой, ея практическое значеніе для современной Россіи равнялось бы нулю. Наши рабочіе, какъ общее правило, не могутъ имѣть своихъ экономическихъ организацій,—кромѣ зубатовскихъ. И если поэтому наши рабочіе при всякой обыкновенной стачкѣ вынуждены терпѣть громадныя лишенія, то во время всеобщей стачки, сколько-нибудь долговременной, мы получимъ въ концентрированномъ видѣ не только проявленія рабочей солидарности, революціоннаго энтузіазма, напора на существующій порядокъ; въ не менѣе концентрирован-

номъ видѣ мы получимъ и лишенія, нужды, голоданіе рабочихъ семей... Лишенные возможности подготовиться къ стачкѣ созданіемъ боевыхъ профессіональныхъ кассъ, во время самой стачки рабочіе наталкиваются на правительственную репрессію во всѣхъ ея видахъ, въ самыхъ жестокихъ, грубыхъ и звѣрскихъ формахъ. Если русское правительство въ мирное время готово надѣвать на себя маску благожелательности къ рабочимъ, то стоитъ послѣднимъ увѣровать въ эту благожелательность и серьезно приняться за отстаиваніе своихъ интересовъ,—чтобы правительство, какъ это и случилось въ Одессѣ, сбросило эту маску и предстало передъ рабочими во всей своей страшной и безобразной наготѣ...

Вотъ почему, всеобщая стачка въ ея безусловно мирной, легальной формѣ—стачка «à bras croisés», «со скрещенными на груди руками»—въ Россіи еще менѣе возможна, чѣмъ гдѣ бы то ни было. При политическихъ условіяхъ Россіи всеобщая стачка можетъ быть только прелюдіемъ къ политической революціонной демонстраціи. Значеніе демонстраціи, впрочемъ, она до сихъ поръ имѣетъ даже и въ большинствѣ странъ Зап. Европы. И по ассоціаціи идей всеобщая стачка естественно вызываетъ въ нашемъ умѣ представленіе о первомайской демонстраціи, которая тоже вѣдь есть ничто иное, какъ однодневная всеобщая забастовка рабочаго класса во всемъ мірѣ.

И, какъ введеніе къ революціонной демонстраціи, а въ подходящій моментъ и революціонному возстанію противъ правительства, всеобщая стачка, несомнѣнно, имѣетъ свои чрезвычайно удобныя и сильныя стороны. Она выводитъ изъ 4-хъ стѣнъ промышленнаго заведенія, собираетъ на улицахъ и площадяхъ, мобилизуетъ огромную армію рабочихъ—и при томъ мобилизуетъ первоначально въ такой формѣ, что не вызываетъ неизбѣжно немедленной и непосредственной аттаки вооруженныхъ силъ правительства. А между тѣмъ для революціоннаго возстанія успѣть мобилизовать силы значитъ чрезвычайно много. Правительство именно въ этомъ отношеніи и обладаетъ огромными преимуществами надъ революціонерами. У правительства всѣ силы на счету, оно можетъ по произволу собирать и распускать, перемѣщать, раздѣлять и концентрировать въ одномъ мѣстѣ, смотря по надобности. Между тѣмъ, для революціонеровъ, дѣйствующихъ тайно, вынужденныхъ скрываться, конспирировать, ограничивать дѣйствующій составъ центральной организаціи необходимымъ минимумомъ, ничто не является до такой степени труднымъ, какъ собрать вмѣстѣ всѣ силы и заставить ихъ дѣйствовать дружно и единовременно.

Но всеобщая стачка не только можетъ способствовать мобилизаціи революціонныхъ силъ, она въ то же время можетъ препятствовать мобилизаціи силъ правительства. Въ настоящее время въ его рукахъ телеграфы, телефоны, пути сообщенія; на этомъ основывается быстрота и правильность функціонированія правительственнаго механизма, какъ орудія репрессіи. Къ этому приспособлена, отъ этого зависитъ способность правительства подавлять народ-

ное революціонное движеніе. Всеобщая забастовка рабочихъ по транспорту, по телефонамъ, телеграфамъ и т. п. способна сильно парализовать правительственную силу.

Всѣ данныя, напр., указываютъ намъ на то, что будь въ Одессѣ во время всеобщей стачки толпа свободна отъ тормозящаго вліянія пропаганды «независимцевъ», будь она способна въ большинствѣ своемъ слѣдовать за революціонерами—она могла бы въ извѣстный моментъ обезоружить часть войска, завладѣть оружейными складами, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ города. Это показываетъ, что какъ ни велика вооруженная сила правительства, дѣло уличнаго возстанія въ Россіи вовсе не можетъ считаться безнадежнымъ.

И, въ силу указаннаго значенія всеобщей стачки, и какъ средства экономической борьбы, и какъ введенія въ массовое политическое движеніе, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ «Искры», будто «всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массоваго движенія, растрачиваетъ большую ея часть крайне непроизводительно» (№ 40, «Искра»).

Но поскольку мы разсматриваемъ всеобщую стачку, какъ средство политической, революціонной борьбы, мы не можемъ, не должны ограничивать своего кругозора рамками фабричнаго станка, заводской трубы, рамками города вообще. Намъ уже не разъ приходилось говорить о тѣхъ формахъ, въ которыхъ къ массовому движенію города можетъ примкнуть и массовое движеніе деревни. «Манифестъ Крестьянскаго Союза» нашей партіи уже въ первой половинѣ прошлаго года намѣчалъ цѣлый рядъ такихъ формъ: массовые коллективные приговоры крестьянскихъ обществъ, съ опредѣленными требованіями,и, какъ подкрѣпленіе ихъ—массовой отказъ отъ уплаты податей и воинской повинности до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены («Рев. Россія, № 8, стр. 6, 14). Галиційская всеобщая стачка, всеобщія стачки сельско-хозяйственныхъ батраковъ въ Венгріи, рабочихъ и крестьянъ-арендаторовъ въ Италіи доказали способность деревни къ такимъ массовымъ движеніямъ. Объявленіе всеобщей стачки, всеобщаго бойкотированія крестьянствомъ какъ помѣщиковъ, такъ и властей, отказъ по отношенію къ нимъ отъ исполненія всякаго рода обязательствъ и повинностей можетъ быть превосходнымъ дополненіемъ всеобщей стачки въ городахъ. Насколько осуществима практическая организація такого единовременнаго массового напора рабочихъ людей города на существующій порядокъ—это, конечно, другой вопросъ. Мы отнюдь не закрываемъ глазъ на неимовѣрныя трудности и препятствія, стоящія при этомъ поперекъ дороги нашимъ усиліямъ. Но какъ всеобщая стачка въ городахъ есть идеалъ, извѣстная степень приближенія къ которому вполнѣ достаточна для практическихъ цѣлей, такъ и въ деревняхъ. «Въ рѣшительный моментъ даже и небольшое, но дружное движеніе, хотя

части крестьянъ, при сочувственномъ нейтралитетѣ остальныхъ, будетъ имѣть огромное и моральное, и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска устанутъ служить самовластью противъ народа...» («Рев. Р. », № 8, стр. 14).

* * *

Но, говоря о всеобщей стачкѣ, мы никогда не должны терять изъ виду необходимой исторической перспективы. Никогда не должны мы забывать того огромнаго различія въ условіяхъ русской и западноевропейской жизни, которыя обусловливаютъ и огромныя различія въ тактикѣ.

Всеобщая стачка въ Европѣ имѣетъ подъ собою необычайно твердую и надежную основу въ синдикальной организаціи рабочихъ. Рабочіе данной мѣстности группируются въ союзы по фабрикамъ; эти групповые союзы объединяются уже между собою по профессіямъ; профессіональные союзы даннаго района объединяются въ федеральные союзы; федеральные союзы, наконецъ, въ свою очередь объединяются во «Всеобщую Конфедерацію Труда». Эта, органически снизу вверхъ выросшая, форма объединенія силъ рабочаго класса, дѣлаетъ возможнымъ обдуманное, планомѣрное примѣненіе всеобщей стачки въ тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для практическихъ цѣлей размѣрахъ послѣ предварительнаго обсужденія вопроса въ спеціально для того избранное время. И, тѣмъ не менѣе, даже тамъ, гдѣ такая организація выросла, окрѣпла и развилась, проведеніе всеобщей забастовки связано съ огромными трудностями. Что же сказать про Россію, съ ея невыносимыми политическими условіями, такъ затрудняющими крѣпкую организацію даже инціативнаго революціоннаго меньшинства? Понятно, что въ современной Россіи всеобщія стачки выростаютъ, какъ общее правило, стихійно, а слѣдовательно, болѣе или менѣе неожиданно и для самихъ революціонеровъ. Не вызывать, не декретировать всеобщую стачку, а лишь приспособляться къ естественно выросшей, использовать самопроизвольно зародившуюся и широко разлившуюся стачку приходится у насъ революціонерамъ. И понятно, что стихійное, болѣе или менѣе неожиданное для всѣхъ зарожденіе такого движенія суживаетъ границы его цѣлесообразнаго использованія въ интересахъ общей освободительной борьбы. Тѣ жестокія преслѣдованія, которымъ постоянно подвергаются наши революціонныя организаціи, поневолѣ ставятъ ихъ иногда въ положеніе тѣхъ евангельскихъ дѣвъ, у которыхъ не хватило масла въ свѣтильникахъ какъ разъ въ то время, когда пришелъ давно жданный женихъ.

Уже по одному этому было бы въ высшей степени неосновательно видѣть во всеобщей стачкѣ универсальное, всеразрѣшающее

средство проведенія революціи и построить на этомъ всѣ разсчеты и всю тактику. Къ сожалѣнію, русскіе люди слишкомъ склонны преувеличивать, быстро переходить отъ одного увлеченія къ другому, бросаться изъ стороны въ сторону, каждый разъ горячо вѣруя, что найдено, наконецъ, искомое всеспасающее, всеразрѣшающее и всепобѣждающее средство для революціоннаго ниспроверженія существующаго режима. Эти поиски чудодѣйственной «разрывъ—травы» давно пора бы прекратить. Но они не прекращаются. Мы ни мало не удивимся, если лавина всеобщихъ стачекъ, прокатившаяся по югу Россіи, найдетъ своихъ энтузіастовъ, которые на алтарѣ, воздвигнутомъ божеству всеобщей стачки, готовы будутъ принести въ жертву всѣ иные методы борьбы. Нѣкоторые, пока еще, правда, слабые признаки такого увлеченія уже и начинаютъ проявляться. Намъ хотѣлось бы, чтобы оно прекратилось въ самомъ зародышѣ. Можно видѣть всѣ сильныя стороны всеобщей стачки, какъ средства борьбы, не испытывая, однако, отъ нихъ головокруженія и не теряя изъ виду реальной перспективы условій русской жизни *).

Сторонники широкой синтетической программы, мы, соціалисты-революціонеры, разсматриваемъ всеобщую стачку, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ давленія на существующій порядокъ, возможный и цѣлесообразный при наличности опредѣленныхъ условій мѣста и времени, — совершенно также, какъ и всѣ другія формы и средства борьбы. И потому мы можемъ включить пользованіе всеобщей стачкой въ общую программу нашихъ тактическихъ пріемовъ борьбы, но не в м ѣ с т о другихъ пріемовъ, а в м ѣ с т ѣ съ ними.

Августъ, 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

---

*) Примѣромъ такихъ увлеченій можетъ служить старый сборн. «Пролетарская борьба».

Полицейскій законъ.

Въ изданіи редакціи «Освобожденія» появился второй выпускъ «матеріаловъ по рабочему вопросу», содержащій цѣлый рядъ крайне интересныхъ секретныхъ документовъ, въ которыхъ отражается весь ходъ выработки закона о старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Нашъ петербургскій корреспондентъ, сообщавшій кое-что о закулисной сторонѣ возникновенія этого закона, *) уже характеризовалъ его словами самихъ иниціаторовъ, по заявленію которыхъ онъ составленъ «въ интересахъ предупрежденія и пресѣченія волненій среди фабрично-заводскихъ рабочихъ». Изъ опубликованныхъ теперь «Освобожденіемъ» документовъ этотъ полицейскій характеръ закона выясняется съ яркостью, не оставляющей желать ничего лучшаго. Надъ мудрецами Государственнаго совѣта, обсуждавшими законъ, все время витали духъ Зубатова — но не Зубатова-авантюриста, не Зубатова, легкомысленно играющаго съ огнемъ, а Зубатова, умудреннаго опытомъ, проникнувшагося осторожностью и благоразумно оставившаго всякія осложненія сыска заигрываніемъ со стачечнымъ движеніемъ. И этотъ Зубатовъ, Зубатовъ въ изданіи исправленномъ и дополненномъ, переживаетъ паденіе Зубатова реальнаго, который сумѣлъ самъ себя перехитрить и сдѣлаться жертвой своей собственной неосторожности и самонадѣянности.

«Разсматриваемый проектъ преслѣдуетъ исключительно цѣли порядка»—гласитъ заявленіе шести членовъ совѣта, въ томъ числѣ и самого иниціатора закона—С. Ю. Витте. «Это нужно, прежде всего, въ интересахъ наиболѣе правильнаго руководства рабочими массами»—говорилъ въ засѣданіи совѣта «самъ» В. К. фонъ-Плеве. И онъ очень откровенно изложилъ свою государственную теорію. «Искусство управленія состоитъ именно въ томъ,—глубокомысленно вѣщалъ этотъ новый соціаль-философъ—чтобы между лицемъ, стоящимъ у власти, и управляемыми находились во главѣ отдѣльныхъ группъ органы, при посредствѣ которыхъ лицо это могло бы передавать свои распоряженія и получать нужныя свѣдѣнія и заявленія управляемыхъ». Фабричные старосты и должны быть такими «агентами» власти, сообщающими этой послѣдней всѣ нужныя «свѣдѣнія», облегчающими ей многотрудную задачу «дисциплинированія» массы и передающими снизу вверхъ и сверху внизъ необходимыя «заявленія» и «распоряженія».

---

*) «Изъ бюрократическихъ сферъ», «Рев. Россія», № 27, 1-го іюля 1903 г.

Всякаго рода «агентовъ», правда, у полицей-министра и безъ того было не мало. Бѣда въ томъ, что агенты эти не пользовались никакимъ авторитетомъ въ глазахъ рабочихъ. А не пользовались они авторитетомъ потому, что они были для рабочихъ чужіе, насланные со стороны,—и притомъ съ такой стороны, съ которой на рабочихъ издавна сыпались только обиды. Нужно было создать такихъ агентовъ, которые по внѣшности были бы представителями рабочихъ, а по существу—сознательными или безсознательными прислужниками хозяевъ и полиціи.

Изданный нынѣ законъ о старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ къ этой цѣли всецѣло и приноровленъ. И, должно сознаться, приноровленъ недурно.

«Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна снаровка» — разсуждаетъ начальство. Долгое время оно пыталось подавлять, разгонять, уничтожать всякія рабочія сходки и сборища. Теперь оно убѣдилось, что этого все равно не достигнешь. «Недопущеніе собраній совершенно не достигаетъ цѣли»—докладывало въ особой запискѣ министерство финансовъ: «рабочіе, подъ давленіемъ своихъ насущныхъ общихъ нуждъ, въ дѣйствительности собираются тайно, иногда въ очень большомъ числѣ; на эти собранія имѣютъ доступъ посторонніе фабрикѣ люди, съ цѣлью пропаганды; рабочіе же, наиболѣе сдержанные и благоразумные, опасаются посѣщать эти собранія, которыя получаютъ, такимъ образомъ, одностороннее и весьма нежелательное направленіе».

Теперь и предполагается, ради борьбы съ этимъ «нежелательнымъ направленіемъ», узаконить сходки для обсужденія фабричныхъ дѣлъ, а именно: новоиспеченному фабричному старостѣ будетъ предоставлено «собирать рабочихъ избравшаго его разряда въ мѣстѣ и во время, по указаніямъ управленія предпріятіемъ, при чемъ староста наблюдаетъ за сохраненіемъ должнаго порядка». Нѣтъ сомнѣнія, что «мѣсто и время» собраній будутъ надлежащимъ образомъ приспособлены для цѣлей сыска и надзора. Но еще болѣе будетъ приспособлено къ той же цѣли распредѣленіе рабочихъ на «разряды».

Министръ финансовъ очень откровенно разсказывалъ объ этой сыскной цѣли въ засѣданіи государственнаго совѣта. «При нынѣшнемъ состояніи рабочихъ массъ» — говорилъ онъ — «и органы фабричнаго надзора лишены возможности знать настроеніе рабочихъ той или другой фабрики. Въ этихъ цѣляхъ извѣстное расчлененіе рабочей массы можетъ оказать существенныя услуги интересамъ общественнаго порядка». «Съ этою цѣлью»—заявили Витте, Плеве, Кривскій, Горемыкинъ и др.—«рабочіе распредѣляются на разряды, которымъ только и разрѣшаются совмѣстныя сужденія о своихъ дѣлахъ. Собранія же всѣхъ рабочихъ даннаго заведенія съ изданіемъ новаго закона будутъ воспрещены». «Самые разряды будутъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ совпадать съ отдѣлами различныхъ работъ на фабрикѣ, заводѣ или промыслѣ, производимомъ особыми категоріями рабочихъ, такъ какъ однородность

работъ должна вызывать и общность нуждъ. Однако, при значительности числа рабочихъ, входящихъ въ подобныя категоріи, послѣднія должны подлежать раздробленію на болѣе мелкіе разряды для предупрежденія многочисленныхъ сходокъ, на которыхъ поддерживать порядокъ всегда затруднительно».

Въ единеніи наша сила — эта истина хорошо извѣстна нашимъ рабочимъ. «Расчленимъ, разъединимъ рабочихъ: въ ихъ раздробленіи — наша сила» — эту истину хорошо поняли начальство и власти.

Въ свободныхъ государствахъ Западной Европы рабочіе поэтому, уже давно организуются въ прочные союзы, стремясь заставить хозяевъ имѣть дѣло не съ отдѣльными, разрозненными рабочими, а съ цѣлыми корпораціями ихъ. Проходятъ тѣ времена, когда рабочіе разсматривались лишь какъ «отдѣльные посѣтители фабрики». Проходятъ тѣ времена, когда капиталистъ являлся абсолютнымъ и неограниченнымъ монархомъ на своей фабрикѣ. Мѣстами уже возникаютъ новыя формы «фабричнаго конституціонализма». Устанавливается «правовой порядокъ» на фабрикѣ; система фабричнаго законодательства ограничиваетъ власть патрона; организаціи рабочихъ съ ихъ признанными представителями становятся на стражѣ своихъ «конституціонныхъ гарантій». Въ будущемъ рабочимъ рисуется уже идеалъ промышленной республики, въ которой болѣе не будетъ мѣста никакимъ монархамъ— ни неограниченнымъ, ни ограниченнымъ,—а будутъ только выборные, всецѣло зависимые отъ бывшихъ «подданныхъ» уполномоченные. Нельзя разсчитывать, конечно, на то, чтобы капиталисты добромъ согласились на такое постепенное, систематическое и послѣдовательное урѣзываніе ихъ правъ. «Собакѣ, вовсе не легче, когда у нея станутъ обрубать хвостъ постепенно, по частямъ, вмѣсто того, чтобы обрубить его цѣликомъ и сразу»—говоритъ нѣмецкая поговорка.

Конечно, въ извѣстный моментъ хозяева попытаются силой остановить ходъ исторіи, и эту силу можетъ сломить только сила. Но, какъ бы то ни было, а фабричные самодержцы будутъ такъ же стерты съ лица земли, какъ и самодержцы политическіе.

У насъ фабричное единодержавіе капиталиста еще въ полной силѣ. Рабочее законодательство наше—одно изъ самыхъ отсталыхъ. Кромѣ того, оно и существуетъ въ значительной мѣрѣ только на бумагѣ. Да и неудивительно,—потому что у насъ нѣтъ такихъ широкихъ и свободныхъ организацій самихъ рабочихъ, которыя однѣ могутъ дѣйствительно всегда стоять на стражѣ своихъ интересовъ и настаивать на строгомъ и неослабномъ примѣненіи выгодныхъ для нихъ законовъ. И русскіе фабриканты привыкли смотрѣть на себя, какъ на полныхъ господъ своихъ рабочихъ, какъ на господъ, не знающихъ надъ собой никакой другой власти, кромѣ развѣ полицейской власти деспота всея Россіи. Неудивительно, что даже проектъ о введеніи фабричныхъ старостъ вызвалъ со стороны части фабрикантовъ рѣшительныя,

принципіальныя возраженія. «Фабрикантъ—заявляли они—нанимаетъ рабочаго, но не союзъ рабочихъ, какъ въ англійскихъ альянсахъ, и не артель, а потому онъ не обязанъ признавать представителей рабочихъ... Если рабочіе будутъ организованы въ независимыя артели, и фабрикантъ наймет артель, то тогда, естественно, онъ будетъ вѣдаться со старостами; теперь же въ этомъ нѣтъ надобности: каждый рабочій, недовольный условіями, можетъ оставить работу... Нѣтъ вопросовъ, которые надо фабриканту обсуждать со старостами, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы такому обсужденію подлежали вопросы о продолжительности рабочаго времени и о заработной платѣ».

Вотъ настоящій голосъ фабричнаго монарха. «Я не признаю, чтобы мои подданные могли черезъ своихъ представителей-депутатовъ ограничивать мою самодержавную власть. Это—безсмысленныя мечтанія. Моя воля—законъ. Фабрика—это я. Кому мое управленіе не нравится, можетъ убираться вонъ. Ни въ какіе договоры съ моими подданными, какъ коллективнымъ цѣлымъ, я не вступаю».

Заграничные фабриканты уже перестали говорить такимъ языкомъ. Придетъ пора, когда вынуждены будутъ забыть о немъ и русскіе фабриканты. Но пока, разумѣется, они всполошились понапрасну. Русское правительство и въ мысляхъ не имѣетъ подрывать новымъ закономъ ихъ самодержавную власть. Напротивъ, имѣется въ виду лишь укрѣпить ее.

Благодаря чему заграничные рабочіе заставляютъ предпринимателя уважать ихъ коллективную волю? Благодаря тому, что они объединяются не въ мелкія группы, которыя все равно оставались бы въ большой зависимости отъ хозяина предпріятія, а въ обширные союзы. Объединяются не рабочіе данной только фабрики, даннаго промышленнаго заведенія. Объединяются, съ одной стороны, рабочіе всевозможныхъ заведеній цѣлой мѣстности, а съ другой—рабочіе опредѣленной отрасли производства, рабочіе опредѣленной профессіи въ цѣлой странѣ. Только благодаря такой широкой связи, рабочіе возмѣщаютъ свою сравнительную слабость по отношенію къ владѣльцу денежнаго мѣшка и орудій производства. Только благодаря этому рабочіе союзы могутъ, напримѣръ, содержать на свои средства цѣлую администрацію, имѣть на своей службѣ совершенно независимыхъ отъ хозяина, своихъ собственныхъ представителей, какъ нельзя болѣе пригодныхъ для своей роли: умѣлыхъ организаторовъ во время подготовленія къ борьбѣ, энергичныхъ агитаторовъ во время самой стачки, твердыхъ и настойчивыхъ дипломатовъ во время переговоровъ съ хозяиномъ о перемиріи.

Русскій же законъ о фабричныхъ старостахъ, напротивъ, приспособленъ къ тому, чтобы лишить рабочихъ такихъ руководителей и представителей. О чемъ горюютъ власти? О томъ, что во время стачекъ «наиболѣе безпокойная часть рабочихъ выдвигаетъ своихъ «депутатовъ» или «выборныхъ» и тѣмъ получаетъ

возможность еще сильнѣе давить на благоразумную или пассивную—обыкновенно большую часть. Вотъ что не нравится начальству. Ему хотѣлось бы, чтобы выборные рабочихъ тянули ихъ не впередъ, а назадъ; чтобы они расхолаживали рабочихъ, заражали ихъ колебаніями, нерѣшительностью... Но для этого нужно, чтобы въ рабочіе выборные попадали либо ловкіе прихвостни начальства, либо такіе рабочіе, которыхъ можно охарактеризовать поговоркой: ни рыба, ни мясо, ни Богу свѣчка, ни черту кочерга. Теперь такіе рабочіе—а ихъ то начальство и называетъ «болѣе серьезными и спокойными»—обычно «даже по вызову правительственной власти уклоняются отъ выраженія своего мнѣнія; опасеніе быть принятыми за зачинщиковъ или подстрекателей побуждаетъ ихъ не выдѣляться изъ толпы...»

Сдѣлать такихъ людей, въ роли фабричныхъ старостъ, сознательными или безсознательными агентами полиціи и хозяевъ, вольными или невольными орудіями въ ихъ рукахъ—такова цѣль новаго закона. Для этого, во первыхъ, по закону старостой не можетъ быть человѣкъ моложе 25 лѣтъ. Молодые рабочіе—обычно самые рѣшительные, горячіе. Рабочіе постарше, рабочіе семейные обычно уже чаще вспоминаютъ о своей личной пользѣ и соотвѣтственно меньше—объ общей рабочей пользѣ. Впрочемъ, если хозяину покажется мало такого ограниченія, законъ представляетъ ему право и еще болѣе возвысить предѣльный возрастъ для старостъ. Никакихъ ограниченій хозяину здѣсь нѣтъ—онъ можетъ разрѣшить выбирать хотя бы только сорокалѣтнихъ или пятидесятилѣтнихъ, вообще въ томъ возрастѣ, когда уже «укатаютъ сивку крутыя горки». Хозяинъ, кромѣ того, имѣетъ право поставить для кандидатовъ въ старосты еще одно ограниченіе: чтобы выбирали лишь такихъ, кто прослужилъ на фабрикѣ не меньше извѣстнаго числа лѣтъ. Какого числа? Это опять зависитъ отъ фабриканта. Всякому понятно, что рабочіе, которые не позволяютъ наступать себѣ на ноги, подолгу на одной фабрикѣ не уживаются. Вотъ у фабриканта и новое легкое средство расчистить дорогу на мѣста старостъ только для своихъ подлипалъ и прихвостней. Этого мало. Рабочимъ разрѣшается выбирать не старостъ, а только кандидатовъ въ старосты; сколько кандидатовъ придется выбрать на одно мѣсто—это опять зависитъ отъ хозяина; отъ хозяина же зависитъ изъ намѣченныхъ рабочими кандидатовъ облюбовать кого нибудь и назначить старостой. Какое число голосовъ достаточно, чтобы кандидатъ считался намѣченнымъ? Это опять зависитъ отъ хозяина.

Есть и еще одинъ важный пунктъ въ законѣ. Рабочій-середнякъ зависитъ отъ хозяина; онъ долженъ скрываться отъ него, не высказывать передъ нимъ, какого онъ духа. Ему важно голосовать тайно. Законъ же, напротивъ, предоставляетъ хозяину избирать такой способъ подачи голосовъ, какой ему нравится. Если мы при этомъ вспомнимъ, что хозяинъ указываетъ и мѣсто для собранія, и время, когда ему быть, что тому же хозяину дается

право такъ растасовать рабочихъ по «разрядамъ», какъ ему нужно,—то мы поймемъ, что здѣсь все приспособлено для выслѣживанія рабочихъ, для соглядатайства за ихъ поведеніемъ и настроеніемъ. Рабочимъ остается или давать себя выслѣживать, или, чтобы обмануть хозяина, голосовать за угодныхъ ему людей, т.-е. вредить своему собственному дѣлу.

На рабочаго, разъ выбраннаго старостой, у хозяина остается множество средствъ оказывать всяческое давленіе. Отъ хозяина зависитъ порядокъ увольненія его отъ работы на время выполненія имъ своихъ обязанностей; староста не обезпеченъ просто отъ увольненія съ завода; отъ хозяина зависитъ вообще опредѣленіе способа замѣщенія старосты по разнымъ—въ законѣ точно не опредѣленнымъ—поводамъ. На случай, если бы при всемъ этомъ былъ выбранъ «неудобный» староста, неподатливый ни на обольщенія, ни на притѣсненія, ни на застращиванія,—законъ опять даетъ недругамъ рабочаго класса въ руки хорошее оружіе; п. 8 закона гласитъ: «старосты», неудовлетворяющіе своему назначенію, могутъ быть устраняемы отъ исполненія своихъ обязанностей распоряженіемъ губернатора и до истеченія срока, на который они были избраны». Наконецъ, если гдѣ нибудь вообще можетъ фабриканту или начальству показаться, что выйдетъ съ рабочими изъ-за старостъ слишкомъ много хлопотъ, и что овчинка не стоитъ выдѣлки—такъ дорого можетъ эта выдѣлка въѣхать—тамъ у властей и у хозяевъ есть въ запасѣ новое, самое простое средство: вовсе не вводить старостъ. Законъ предоставляетъ на ихъ усмотрѣніе рѣшить этотъ вопросъ: вводить или не вводить.

«Зависимость осуществленія предполагаемой мѣры отъ почина фабрикантовъ и контроль фабричной инспекціи и общихъ органовъ власти—заявляли въ госуд. совѣтѣ Плеве, Витте и др.—служатъ достаточной гарантіей, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ на должности старостъ будутъ избираемы дѣйствительно достойнѣйшіе изъ рабочихъ». «Конечно, избраніе старостъ должно быть произведено съ особымъ вниманіемъ, дабы въ числѣ ихъ не оказались нежелательные элементы. Но, при соблюденіи должной осторожности, вполнѣ возможно ожидать, что эти лица, при возникновеніи замѣшательства и даже безпорядковъ среди рабочихъ, окажутъ заводоуправленію существенныя услуги». Иначе говоря, мѣста фабричныхъ старостъ будутъ средствомъ систематическаго развращенія избранныхъ на нихъ рабочихъ. Не даромъ на нихъ возлагается и полицейская функція—«слѣдить за порядкомъ» среди собираемыхъ ими рабочихъ. Разъ сборища и сходки рабочихъ неизбѣжны—разсуждали представители московскихъ фабрикантовъ—«лучше сдѣлать ихъ открытыми и прямо поставить подъ руководство старостъ: только этимъ путемъ и возможно ограждать рабочихъ отъ воздѣйствія вредныхъ ученій». Иными словами: нужно создать политическихъ соглядатаевъ и надсмотрщиковъ, наполовину избираемыхъ самими же рабочими... Недурно придумано!

Но—говорили иные боязливые фабриканты: не раздразнимъ ли мы только всѣмъ этимъ рабочихъ? «Предположеніе, что на организованныхъ рабочихъ легче будетъ для полиціи и вообще для властей воздѣйствовать въ желательномъ направленіи въ моменты безпорядковъ, быть можетъ, и вѣрное предположеніе, но ожидаемая польза не покроетъ вреда». Бѣда вотъ въ чемъ: «старосты, воспріимчивые къ воздѣйствію полиціи, немедленно утратятъ довѣріе рабочихъ»; смѣна же неудобныхъ старостъ и т. п. столкновенія будутъ плодить «множество недоразумѣній, обостряющихъ отношенія между фабрикантами и рабочими». Но на эти опасенія сторонники закона резонно отвѣчали, что вовсе не всегда будетъ надобность въ такой смѣнѣ: даже если бы нѣкоторые изъ избранныхъ лицъ и оказывали нежелательное вліяніе на рабочихъ, то и такая явная ихъ дѣятельность, по послѣдствіямъ своимъ, представляла бы все же опасность меньшую, по сравненію съ дѣйствующимъ исподволь вліяніемъ представителей скрытыхъ рабочихъ организацій. Иначе говоря: пусть староста попробуетъ сдѣлаться центромъ ядра недовольныхъ элементовъ: онъ только облегчитъ полицейскую слѣжку за ихъ дѣятельностью. Итакъ, пожалуйте, господа—приглашаютъ насъ авторы новаго закона—попробуйте сами полѣзть въ гостепріимно разинутую полицейскую пасть!

* * *

Можно было бы поставить вопросъ: неужели, однако, всѣ эти сыскныхъ дѣлъ мастера считаютъ рабочихъ такими наивными людьми? Откуда они взяли, что рабочіе такъ-таки и полѣзутъ въ разставленную для нихъ ловушку, а не отшвырнутъ ее отъ себя презрительнымъ пинкомъ ноги? Развѣ рабочіе не имѣютъ достаточно горькаго опыта? Развѣ не привыкли они къ тому, что во время стачки ихъ депутатовъ хватаютъ и ссылаютъ въ первую голову? Развѣ не приходится имъ постоянно прятать этихъ депутатовъ въ средину толпы, заставляя власти переговариваться съ ними издали, не видя даже ихъ лицъ? Кто же согласится участвовать въ комедіи выборовъ, подстроенныхъ заранѣе въ интересахъ хозяевъ, да еще въ интересахъ болѣе удобнаго соглядатайства за рабочими? Кто, кромѣ отбросовъ рабочаго класса, уживется долго на новой полу-полицейской должности? Кто согласится дать хозяевамъ удобный предлогъ съ видомъ правдоподобія увѣрять всѣхъ: «посмотрите, большинство рабочихъ—тихіе и послушные люди, выбирающіе въ старосты людей, чтущихъ начальство; ясно слѣдовательно, что всякіе безпорядки вызываются только кучкой смутьяновъ, умѣющихъ путемъ давленія, и если не прямого, то косвеннаго насилія увлечь за собою массу...»

Увы! разсчетъ начальства былъ не совсѣмъ невѣрный. Оно надѣялось, что наши рабочіе, неимѣющіе никакихъ правъ и

страстно жаждущіе ихъ, жадно, какъ изголодавшіеся, набросятся на приманку и не замѣтятъ предательски запрятанной удочки. Оно надѣялось, съ другой стороны, что въ житейскомъ морѣ найдется достаточно неосторожныхъ рыбъ, которыя попадутся, потому что понадѣются перехитрить ловцовъ и сорвать приманку, избѣжавъ крючка. И оба эти разсчета, къ сожалѣнію, отчасти оправдались. Но только отчасти. Что касается нашихъ товарищей, соціалистовъ-революціонеровъ, то они рѣшили предлагать повсемѣстно товарищамъ-рабочимъ бойкотировать новый законъ. Всякая попытка введенія старостъ, съ ихъ точки зрѣнія, должна быть использована, какъ поводъ для агитаціи. Всюду должно разъяснять сыскной, полицейскій характеръ новаго закона. Всюду должно разоблачать мерзостные разсчеты его созидателей. Всюду, гдѣ рабочимъ предложатъ избирать старостъ на основаніи новаго закона, должно стараться, чтобы они отвѣтили правительству моральной пощечиной. Они должны отвѣтить: мы понимаемъ ваши хитросплетенія, мы презираемъ и отвергаемъ ваши отравленные дары, мы отказываемся идти на удочку. Давайте намъ дѣйствительную свободу организоваться и стать на стражу своихъ интересовъ, признайте за нами дѣйствительное право голоса въ вопросѣ о фабричныхъ распорядкахъ; давайте намъ эти права повсемѣстно, а не по произволу и не по милости отдѣльныхъ хозяевъ. Платите намъ настоящей монетой—фальшивой мы не принимаемъ! И вашихъ фабричныхъ старостъ мы выбирать отказываемся!

И это—единственный достойный отвѣтъ, который можетъ дать русскій рабочій классъ на коварные подходы правительства съ его новымъ полицейскимъ закономъ.

Но не всѣ думаютъ такимъ образомъ. «Искра», напримѣръ, полагаетъ, что сознательнымъ рабочимъ не слѣдуетъ «совершенно отстраняться отъ всякаго участія въ выборахъ фабричныхъ старостъ». Почему же? Оказывается, вотъ почему: «отстраняться отъ активнаго участія въ современной политической дѣятельности, какъ бы гнусна она ни была, — тактика анархистовъ, а не соціальдемократовъ...»

Хотите вы, читатель, быть анархистомъ? бросать въ парламентъ бомбы? взрывать фэшіонебельные рестораны? Нѣтъ? Ну, такъ вы должны совѣтовать выбирать фабричныхъ старостъ, которыхъ—по мнѣнію той же «Искры»—правильнѣе было бы назвать фабричными дворниками.

Но забудемъ на минуту о страшныхъ словахъ, о жупелѣ «анархизма», о связи между выборами фабричныхъ дворниковъ и убійствами австрійскихъ императрицъ, отказомъ выбирать депутатовъ въ республиканскій парламентъ, проповѣдью революціонной всеобщей стачки и т. п. Почему «Искра» не хочетъ, чтобы рабочіе бойкотировали новый законъ? Потому, что не слѣдуетъ «отказываться отъ активнаго участія въ современной политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была». Сказано, конечно,

недурно. Но неужели нанести правительству моральную пощечину, проваливъ гнусный полицейскій законъ всеобщимъ его бойкотомъ, не значитъ активно участвовать «въ современной политической дѣйствительности»? Или только «пассивно идти въ ловушку» и значитъ «активно участвовать»?

Но—говоритъ «Искра»—«зубатовскія собранія еще гораздо больше, гораздо прямѣе развращали рабочихъ, чѣмъ будутъ развращать ихъ угодничающіе передъ властью старосты,—и, однако, мы посылали на нихъ сознательныхъ рабочихъ...» Примѣръ этотъ, дѣйствительно, превосходный. Не говоримъ уже о томъ, что на «зубатовскихъ собраніяхъ» дѣйствительно были люди, которые не боялись двусмысленнаго положенія, говоря, что не слѣдуетъ «отказываться отъ активнаго участія въ политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была». Но вѣдь это были гг. Озеровы и К°. И они парадировали рука объ руку съ зубатовцами, утѣшая себя мыслью, что «съ ними — еще не значитъ за нихъ». Революціонеры выставляли къ позорному столбу этихъ оппортунистовъ худшаго калибра, этихъ героевъ политической двусмысленности. Революціонеры—какъ соц.-рев., такъ и соц.-дем.,—старались отвлечь отъ участія въ этой комедіи всѣхъ порядочныхъ людей и такимъ образомъ провалить зубатовскія собранія. И этого имъ удалось достигнуть; на собраніяхъ—происходящихъ, кстати сказать, еще и теперь—остались только гг. Назаревскіе, Фудели и т. п. Итакъ, не говоря уже о такихъ герояхъ политической двусмысленности, развѣ тѣ изъ сознательныхъ рабочихъ, которые наивно увлекались когда-то «зубатовскимъ рабочимъ парламентомъ», думая воспользоваться имъ въ цѣляхъ пропаганды, не успѣли уже жестоко поплатиться за это, и развѣ сознательные рабочіе не сторонятся теперь отъ этихъ собраній, не отказываются принимать какое бы то ни было участіе въ выборѣ ихъ организаторовъ и распорядителей? И вотъ теперь, послѣ всего этого, намъ предлагаютъ идти на встрѣчу новой комедіи? избирать честныхъ товарищей-рабочихъ *) въ кандидаты на двусмысленныя мѣста «фабричныхъ дворниковъ» примириться съ ихъ введеніемъ, даже не попытавшись совершенно провалить новый полицейскій законъ? Чего ради? Для какихъ такихъ выгодъ?

А вотъ для какихъ. «На примѣрѣ россійскихъ, полицейски обставленныхъ выборовъ, участвуя въ этихъ выборахъ, сознательные рабочіе будутъ готовить болѣе и болѣе широкія массы къ веденію выборной агитаціи, къ веденію собраній, къ отстаиванію своихъ требованій и передъ собраніемъ, и передъ старостами» etc.

*) «Искра», впрочемъ, въ примѣчаніи оговаривается, что «организованныхъ рабочихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выбирать въ старосты». «Кандидатовъ надо выставлять подходящихъ людей изъ неорганизованной массы». Но это значитъ поправиться изъ кулька въ рогожку. Кто же и будетъ менѣе всего устойчивымъ передъ вліяніемъ попытокъ полицейскаго развращенія, если не представители «неорганизованной массы»?

etc. Иначе говоря: устроимъ—подъ гласнымъ надзоромъ полиціи—репетицію нашего будущаго участія въ парламентской жизни!... У насъ нѣтъ ни политической свободы, ни парламентовъ—займемся же пока игрой въ нихъ. Бываютъ же педагогическія игры, приспособленныя къ цѣлямъ нагляднаго обученія. Все таки «практика»!

Но у нашихъ своеобразныхъ «парламентаріевъ безъ парламента» есть въ запасѣ еще одинъ, гораздо болѣе сильный аргументъ. —Русскіе рабочіе сейчасъ живутъ «въ тюрьмѣ, безъ свѣта, воздуха и простора, необходимыхъ ему для борьбы за свое полное освобожденіе. Въ этой тюрьмѣ правительство прорѣзываетъ теперь крошечное отверстіе вмѣсто окна, устраивая притомъ это отверстіе такъ, чтобы оно принесло больше пользы жандармамъ и шпіонамъ, которые стерегутъ заключеннаго, чѣмъ самому заключенному... Но русскій рабочій классъ при помощи этого отверстія вдохнетъ въ себя новыя силы,—онъ сравняетъ съ землей всѣ стѣны проклятой всероссійской тюрьмы и завоюетъ себѣ свободное классовое представительство въ буржуазномъ демократическомъ государствѣ».

Метафора «Искры» не дурна. Дѣйствительно во всякой тюремной камерѣ, въ дверяхъ, можно найти спеціальное «отверстіе» для шпіонскаго глаза. И это отверстіе бываетъ снабжено задвижкой, открывающейся извнѣ камеры. Подошелъ жандармъ, когда нужно, отодвинулъ задвижку и посмотрѣлъ, а когда нужно—опять задвинулъ. Мы видѣли, что и разбираемый полицейскій законъ устроенъ тоже не безъ «задвижки». Ново лишь одно: еще нигдѣ и никогда не было слыхано, чтобы черезъ такія спеціальныя «отверстія» въ тюремной двери заключенные вдыхали свѣжій воздухъ и почерпали новыя силы къ борьбѣ. Здѣсь метафора предательски измѣняетъ «Искрѣ». А въ нашей памяти она воскрешаетъ одинъ родственный ей образъ. Намъ вспоминается либерально-мыслящій герой одного изъ щедринскихъ очерковъ, который тоже «до самой послѣдней минуты думалъ, что существуетъ какое-то отверстіе, въ которое можно заглянуть и изъ котораго отъ времени до времени можетъ пахнуть воздухомъ». «Да, онъ не трупъ, онъ дышетъ, и легкія его требуютъ прилива свѣжаго воздуха. Въ тайникахъ своей души онъ простиралъ свои виды довольно далеко и не прочь былъ потребовать даже *всего*. Но такъ какъ онъ зналъ, что *остального* ему не дадутъ, то вынужденъ былъ удовлетворяться щелочкой»... «Щелка, такъ щелка—провозглашалъ онъ рѣзко—но за то она моя! Ни линіи, ни полъ-линіи, ни четверть-линіи!... И жилъ въ надеждѣ, что щелка окажется неприкосновенною,—а, можетъ быть, ее со временемъ и расковырять можно будетъ»...

Мы, конечно, совершенно согласны съ «Искрой», что очень нехорошо рабочему «въ тюрьмѣ, безъ свѣта, воздуха и простора, необходимыхъ ему для борьбы». Хорошо вздохнуть полною грудью, набрать въ легкія больше свѣжаго воздуха. Но изъ отверстій,

продѣланныхъ полицейскими соціаль-политиками, идетъ не свѣжій, а зараженный воздухъ. Наоборотъ, когда рабочая масса совершаетъ истинно-революціонный актъ, когда ее вздымаетъ волна революціоннаго энтузіазма, какъ напримѣръ во время послѣднихъ всеобщихъ стачекъ—тогда то она и подымаетъ выше голову, тогда она и дышетъ полною грудью, набираясь новыхъ силъ. Всеобщій бойкотъ новаго полицейскаго закона, предлагаемый нами, и есть разновидность массовой политической стачки. Здѣсь, а не въ шпіонскихъ «отверстіяхъ» надо искать способовъ укрѣпляться силами для новой борьбы. Но «Искра» думаетъ иначе. Впрочемъ, вѣдь для нея, какъ помнятъ наши читатели, «всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массоваго движенія, растрачиваетъ большую часть ея крайне не производительно» (№ 40, стр. I.). Иное дѣло—участіе въ «выборной агитаціи» съ разрѣшенія и подъ надзоромъ полицейскихъ соціаль-политиковъ: тутъ, должно быть, энергія непроизводительно не растрачивается, этотъ методъ борьбы, должно быть, въ большинствѣ случаевъ обреченъ на удачу... Думать иначе—значитъ придерживаться тактики анархистовъ, а не тактики соціальдемократовъ...

Да неужели «Искра» не чувствуетъ, не видитъ, не замѣчаетъ, что такимъ образомъ она дѣлаетъ анархизму лучшую рекламу, какой только могутъ желать самые ярые его сторонники?

Ни массовая политическая стачка, ни такой же бойкотъ, не заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, ровно ничего спеціально-анархическаго. Это просто—одно изъ рѣшительныхъ, революціонныхъ средствъ борьбы, къ нему могутъ прибѣгать въ своихъ цѣляхъ самыя разнообразныя партіи, вплоть до реакціонныхъ. И неудивительно. Вопросъ о средствахъ борьбы есть вопросъ обстоятельствъ, вопросъ практическихъ условій времени и мѣста, а не абстрактныхъ принциповъ. Эпохи острыхъ политическихъ кризисовъ требуютъ и острыхъ, революціонныхъ средствъ политической борьбы. Въ эпоху «экономизма» исканіе «щелокъ» и «отверстій»—чтобы, скорчившись въ три погибели, черезъ нихъ пролѣзть (или въ нихъ увязнуть)—было едва ли не господствующимъ «методомъ революціонной тактики». Но «Искра» запоздала. Времена уже не тѣ. И какой бы революціонной фразеологіей ни прикрывались нынѣ частичныя попытки воскрешенія «экономизма», ихъ ждетъ—мы въ этомъ глубоко увѣрены—неминуемое и полное фіаско.

Октябрь 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

Отъ крестьянскаго союза

партіи соціалистовъ-революціонеровъ

КО ВСѢМЪ РАБОТНИКАМЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

40 лѣтъ тому назадъ революціонная организація «Земля и Воля» (1862—1863) впервые подняла въ Россіи красное знамя соціальной революціи, выступили первые ея борцы, пали первыя жертвы... Немного рукъ держали это великое знамя, но были то самоотверженныя и неутомимыя руки. И двинулось оно черезъ длинный рядъ пораженій къ побѣдѣ. Страдальчески провлачилось оно въ темныхъ тогда массахъ крестьянства, облилось оно кровью въ геройскомъ единоборствѣ съ самодержавіемъ и, наконецъ, дотянулось до мощныхъ рукъ рабочаго народа. И вотъ настало для Россіи послѣ долгаго безвременья, свѣтлое, яркое время: соприкосновеніе съ передовыми рядами рабочаго народа составляетъ для революціоннаго авангарда то же, что для богатыря въ сказкѣ прикосновеніе къ матери сырой землѣ: силы революціоннаго соціализма въ Россіи удесятеряются.

Прошло для насъ безвозвратно то страшное время, когда послѣ крупныхъ битвъ, послѣ тяжкихъ кровопусканій у насъ расходъ силъ далеко превышалъ ихъ приходъ, и цѣлыми годами партія, обезсиленная, почти не двигалась, тяжело, съ мучительными усиліями собирая свѣжихъ борцовъ. Теперь, когда открылись мощные родники рабочихъ массъ, когда изъ нихъ притекаютъ подъ знамя соціальной революціи уже не отдѣльныя слабыя капли, а бьютъ мощныя и быстрыя струи,—теперь никакой полицейскій терроръ намъ не страшенъ, теперь мы можемъ только усиливаться и крѣпнуть съ каждымъ годомъ. Но чѣмъ больше наша сила, тѣмъ тяжелѣе лежащая на насъ отвѣтственность за цѣлесообразное ея расходованіе.

Вотъ почему это новое положеніе требуетъ тщательнаго пересмотра всѣхъ старыхъ программъ, безпощадной критики всѣхъ обветшалыхъ догматовъ, безотлагательнаго и рѣшительнаго приспособленія нашихъ дѣйствій къ ускорившемуся и усложнившемуся движенію самой жизни.

Мы, основатели «Крестьянскаго Союза Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ», въ результатѣ такого критическаго пересмотра программъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, пришли къ тому заключенію, что условія эти позволяютъ, а стало быть и

15/X 10. × Нелегальная брошюра! 40. Гайдебур. Что желаетъ и крестьянство. СПб. 1906. Книгоизд-во „Друг народа" (Двинск.), 8 стр. Объявлена въ числе 31 отд. Н. 10 г.

требуютъ, расширенія нашего воздѣйствія на всѣ трудовыя массы, а въ томъ числѣ и на крестьянство *), и введенія въ программу борьбы всѣхъ средствъ отъ мирной пропаганды до вооруженныхъ террористическихъ нападеній на самодержавіе включительно. Въ истекшіе 40 лѣтъ мы, русскіе соціалисты-революціонеры, дѣйствуя въ холодной, мало отзывчивой общественной средѣ, принуждены были со своими слабыми силами бросаться то въ одну, то въ другую сторону, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать систематически и планомѣрно во всѣхъ направленіяхъ. Хотя въ программахъ народниковъ и народовольцевъ и были перечислены чуть не всѣ общественные слои и группы, какъ подлежащіе революціонному воздѣйствію, но въ дѣйствительности у первыхъ всѣ силы ушли на крестьянство (и частью на городскихъ рабочихъ), а у вторыхъ—на террористическую борьбу (и тоже только сравнительно въ слабой степени на пролетаріатъ). Соціаль-демократическое же движеніе 90-хъ г. уже и въ программѣ своей рѣшительно замкнулось въ той узкой сферѣ городского пролетаріата, которая и догмой этой партіи, и еще болѣе—условіями самой дѣйствительности отмежевывалась тогда, какъ единственная доступная для всѣхъ тѣхъ, кто отказывался отъ продолженія террористической борьбы съ самодержавіемъ (поэтому и «соціалисты-революціонеры» 90-хъ годовъ болѣе теоріей, чѣмъ практикой отличались отъ соціаль-демократовъ). Вотъ эти-то вынужденные слабостью силъ скачки отъ одной среды и системы къ другой и должны замѣниться теперь, когда силы наши такъ мощно возрасли и будутъ расти все быстрѣе, одновременнымъ разностороннимъ движеніемъ. Вмѣсто безпорядочной смѣны антитезъ: или агитаціи въ крестьянствѣ, или террористической борьбы съ самодержавіемъ, или пропаганды въ городскомъ пролетаріатѣ—можетъ и долженъ осуществиться широкій и непобѣдимый синтезъ и террора противъ самодержавія, и пропаганды, и агитаціи, и въ пролетаріатѣ, и въ крестьянствѣ, а также и въ арміи, и въ передовыхъ слояхъ образованнаго общества.

Никто, вѣроятно, не станетъ спорить противъ цѣлесообразности такой системы. Какъ окончательный исходъ войны рѣшается всею совокупностью дѣйствій пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, а каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ дать лишь отдѣльную и временную побѣду, такъ и въ той борьбѣ, которую мы ведемъ съ самодержавіемъ, безпрерывно должны дѣйствовать и упорное предварительное пропагандистское обстрѣливаніе, и

*) Разъ на всегда оговоримся, что вездѣ, гдѣ мы говоримъ о крестьянствѣ, мы разумѣемъ не крестьянское сословіе, не юридическую категорію, обнимающую цѣлый рядъ весьма различныхъ слоевъ, съ весьма различными интересами—а крестьянство, какъ категорію экономическую; слѣдовательно, кромѣ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, мы выдвигаемъ особый классъ рабочихъ людей, не разлученныхъ съ средствами производства, и потому формально отличающихся отъ чистыхъ пролетаріевъ.

внезапные террористическіе вылазки и набѣги, и, наконецъ, систематическая и широкая агитація съ планомѣрными движеніями массъ. Что одной пропагандой нельзя ограничиваться—это не требуетъ доказательствъ, но и безъ основательной пропаганды, если даже намъ и удалось-бы взволновать массы, волненіе это осталось-бы поверхностнымъ, неопредѣленнымъ, скоропреходящимъ и всегда могло-бы повернуться въ неожиданную и въ нежелательную для насъ сторону. Одинъ терроръ, не поддержанный сочувственнымъ движеніемъ массъ, какъ показалъ опытъ Народной Воли, только дразнитъ иллюзіей побѣды, но не способенъ прочно завоевать ее; но терроръ въ связи съ работой въ массахъ даетъ огромные результаты, внося неудержимую панику въ дѣйствія властей и мощно, безгранично поднимая энтузіазмъ и энергію массъ.

Огромное расширеніе нашихъ силъ за послѣдніе два года придало совсѣмъ новый масштабъ пропагандѣ и агитаціи. Рабочія массы, а также кое гдѣ и крестьянство, жадно поглощаютъ десятки тысячъ революціонныхъ брошюръ, газетъ, прокламацій; число издательскихъ группъ и типографій удвоилось или утроилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое изъ нихъ все увеличиваетъ число издаваемыхъ экземпляровъ. Вмѣстѣ съ этимъ явился новый типъ агитатора—рѣшительнаго и смѣлаго. Сотни людей уже доказали, что они не боятся полиціи и солдатъ, многіе изъ нихъ готовы на вооруженную борьбу, ихъ не удовлетворяютъ уже полу-легальныя формы пропаганды 90-хъ г. г., они жаждутъ рискованной, самоотверженной революціонной работы. Не станемъ-же замыкать этотъ святой огонь въ тотъ узкій кругъ, гдѣ и безъ того уже сравнительно свѣтло и тепло, разольемъ его въ самыя глубокія, самыя темныя и холодныя толщи рабочаго народа. Въ такія времена, какъ наше, цѣлесообразна одна смѣлость!

И такъ, приглашая русскую соціально-революціонную партію выйти изъ узкаго круга пропаганды среди интеллигенціи и пролетаріата на огромное поприще революціонизированья трудовыхъ крестьянскихъ массъ, тѣмъ самымъ мы не открываемъ ничего новаго, мы только формулируемъ и вносимъ въ программу то, что уже само явилось въ жизни; мы только возводимъ въ принципъ и въ систему то, что уже дѣлаютъ многіе товарищи, пока лишь эмпирически, безъ твердой системы и организаціи. Послѣднія четыре десятилѣтія 19 вѣка дали намъ на опытѣ какъ бы отдѣльныя слагаемыя полной соціально-революціонной программы: теперь, съ двадцатымъ вѣкомъ, мы подводимъ черту подъ этими слагаемыми и суммируемъ ихъ въ единое неразрывное и непобѣдимое цѣлое!

* * *

На нашъ взглядъ всего меньше пока начинаній и всего меньше системы и организаціи въ этихъ начинаніяхъ было въ ре-

волюціонной работѣ среди крестьянства. На заполненіе этого-то крупнѣйшаго пробѣла мы и рѣшили обратить наши усилія, твердо помня, что только то дѣло идетъ хорошо, которымъ занимаются не между прочимъ, не за отсутствіемъ другого дѣла, на которомъ спеціализируются. Мы непоколебимо убѣждены, что прошло то время, когда революціонная работа въ крестьянствѣ или вовсе запрещалась ортодоксіей, или разрѣшалась лишь тѣмъ, кто не могъ дѣлать ничего другого. Мы хотимъ не объѣдки, не остатки отъ стола городской интеллигенціи и пролетаріата нести крестьянству, мы хотимъ звать его на серьезный отвѣтственный постъ въ революціонной борьбѣ. Въ немъ, благодаря огромному количественному преобладанію, огромная сила; значитъ, и мы должны направить на него не меньшія усилія.

Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе вопреки крестьянству? Весь догматъ русскихъ соц.-демократовъ конца 80-хъ и первой половины 90-хъ г. г. о томъ, что нѣтъ революціонной силы, кромѣ городского пролетаріата, былъ всецѣло основанъ на вѣрѣ въ отдаленность открытой политической борьбы и неизбѣжность за эти подготовительныя нѣсколько десятилѣтій пролетаризаціи, если не всего, то значительнѣйшей части крестьянства. Мы не упрекаемъ товарищей, такъ думавшихъ, мы хорошо помнимъ и понимаемъ, что трудно было иначе думать въ то, какъ бы остановившееся, время, но мы констатируемъ только, что моментъ великой революціонной борьбы приблизился скорѣе, чѣмъ ожидали, что имъ наполнятся и переполнятся ближайшіе годы, и что, значитъ, исходъ ея въ рукахъ не только рабочаго, вываренаго въ фабричномъ котлѣ, а и крестьянина, голодающаго въ убогой деревнѣ. Достаточно ли разжигать революціонный пожаръ среди сотенъ тысячъ, пусть даже милліоновъ пролетаріевъ, если десятки милліоновъ крестьянства надвинутся холодной ледяной массой и потушатъ его въ самомъ началѣ?

Для этого не надо даже крестьянству открывать и враждебныхъ дѣйствій противъ поднявшихся на царя городскихъ людей, довольно, если оно останется совершенно нейтральнымъ и неподвижнымъ: этого довольно, чтобы войска, составленныя изъ сыновей этихъ крестьянъ, «исполнили свой долгъ» и «кровью бунтовщиковъ» залили всякую вспышку. Правда, можно допустить, что само самодержавіе не пойдетъ на эту крайность, что оно уступитъ, когда увидитъ готовность городскихъ рабочихъ возстать за свободу, или, что оно трусливо уползетъ отъ неуловимыхъ и непобѣдимыхъ ударовъ террора,—на все это можно надѣяться,—но можно-ли на такой надеждѣ строить весь свой планъ дѣйствій? Можно ли мечтать о томъ, чтобы безоружныя уличныя толпы закидали своими шапками солдатскіе штыки и загородили своими тѣлами путь казачьимъ аттакамъ? Что-же касается демонстрацій вооруженныхъ, то, конечно, о нихъ легко писать и говорить, какъ о дѣлѣ неопредѣленно-далекаго будущаго, но всѣ эти разговоры

до сихъ поръ имѣли лишь теоретическій, а не практическій характеръ; и неудивительно, ибо всякій отступалъ передъ громадной отвѣтственностью—подать лишь поводъ къ кровавой бойнѣ; безъ шансовъ на успѣхъ. Мы привѣтствуемъ революцію, выходящую изъ фабричныхъ воротъ, но мы поведемъ ее къ союзу съ революціей, ростущей и крѣпнущей въ деревнѣ. Только тогда, набравшись силъ отъ «матери сырой земли», она выйдетъ всесокрушающимъ богатыремъ.

Что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ? Все. Крестьянство даетъ самодержавію огромнѣйшую долю его матеріальной силы: деньги и солдатъ; именно на крестьянской темнотѣ, какъ на незыблемомъ доселѣ фундаментѣ, и держится царская власть. Поэтому, опять таки нѣтъ даже безусловной необходимости всему крестьянству напасть вооруженной силой, чтобы разрушить самодержавіе. Въ критическій моментъ можетъ оказаться достаточно, напр., просто массового отказа отъ платежа податей и доставленія рекрутовъ,—чтобы подкосились главныя подпорки самодержавія и оно рухнуло отъ перваго сильнаго толчка. Поэтому ничего оно такъ не боится, какъ крестьянскаго движенія, и очевидно, что если-бы, въ помощь террористическимъ ударамъ и движенію въ городахъ, хотя слегка дрогнули крестьянскія массы, хотя бы въ нѣсколькихъ губерніяхъ, то это сразу вырвало бы у самодержавія послѣднюю надежду на спасеніе, лишило бы его послѣдней энергіи сопротивленія. Цитадель самовластья сравнительно въ безопасности, пока слабыя, невооруженныя толпы ломятся въ закрытыя стальной щетиной ворота; она можетъ долго сопротивляться и террористическимъ выстрѣламъ, направленнымъ въ ея слабѣе защищенную вершину, но что ей останется, когда мы заложимъ мину вглубь и сдвинемъ самый ея фундаментъ, когда онъ дастъ трещины и сотрясется въ самыхъ доселѣ неподвижныхъ глубинахъ своихъ? Тогда самовластью только одно—сдаться.

* * *

Намъ возразятъ: конечно, присоединеніе крестьянскаго движенія къ прочимъ силамъ революціи лучше всего обезпечило бы побѣду и оно болѣе, чѣмъ желательно; но возможно-ли оно? Разберемъ основные элементы этого главнаго вопроса.

Какіе общественные классы вообще всегда держатся за существующій порядокъ, охраняютъ его и не поддаются революціонизированію? Очевидно, или тѣ, чьи интересы удовлетворены, какъ напр., у современной буржуазіи, или тѣ, интересы коихъ индивидуалистичны, неопредѣленны, какъ классовые, и не формулируются въ реформаторскую или революціонную соціально-политическую программу (какъ напр., у мелко буржуазныхъ слоевъ), или, наконецъ, тѣ, кому безнадежная косность и невѣжество мѣша-

ютъ сознать свои интересы, объединить ихъ и защитить планомѣрнымъ политическимъ движеніемъ. Ни того, ни другого, ни третьяго не находимъ мы въ современномъ русскомъ крестьянствѣ.

Осмѣлится-ли кто-нибудь сказать, что крестьянинъ доволенъ экономическимъ своимъ положеніемъ, что интересы его, какъ непосредственнаго производителя и работника, удовлетворены? Неужели не всѣмъ еще извѣстно, что этотъ полу-собственникъ и полу-пролетарій живетъ со дня на день, съ года на годъ, отъ урожая до урожая, а при неурожаѣ голодаетъ, болѣетъ и вымираетъ? Что надѣльной земли значительному большинству крестьянъ далеко не хватаетъ не только до нормы, которую они могли бы своими собственными силами обработать, но и до того минимума, который безусловно необходимъ только для поддержанія своего жалкаго, бѣдственнаго существованія? Что надъ этимъ малоземельнымъ и почти безкапитальнымъ крестьянствомъ также тяготѣетъ денежный капиталъ? Что поэтому крестьяне принуждены идти въ кабалу къ помѣщику, какъ арендаторы и батраки, къ скупщику, хозяину, подрядчику, какъ кустари, ремесленники, чернорабочіе, что именно они удѣляютъ большую долю изъ рабочей силы своихъ семей крупной неземледѣльческой промышленности и въ этой своей части страдаютъ отъ того-же ярма капитала, что и городскіе пролетаріи? И какъ нищій «собственникъ» и какъ закабаленный работникъ, крестьянинъ одинаково неудовлетворенъ, придавленъ въ самый нижній подвальный этажъ соціальной пирамиды и тяжко страдаетъ отъ этого невыносимаго гнета.

Но сливаются-ли эти струи недовольства въ одинъ общій потокъ и тяготѣетъ ли онъ, въ общемъ, въ сторону прогрессивнаго развитія и переворота? Несомнѣнно такъ. Своеобразныя условія экономическаго развитія Россіи сдѣлали для капиталистической промышленности, особенно въ области земледѣлія, выгоднымъ въ значительной мѣрѣ питаться трудомъ крестьянина, а не пролетарія, поэтому неземледѣльческій заработокъ только въ меньшинствѣ случаевъ отрываетъ крестьянина отъ земли, а обыкновенно еще плотнѣе придавливаетъ его къ землѣ своей кратковременностью и недостаточностью. Совершенно также полу-сытый отъ своего надѣла крестьянинъ является полу-даровымъ работникомъ помѣщика, а потому и земельная аренда, и батрачество опять таки не отрываютъ, а прикрѣпляютъ крестьянина къ надѣлу. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ притиснутый къ землѣ, въ чемъ-же можетъ видѣть крестьянинъ просвѣтъ къ лучшей жизни? Конечно, въ прирѣзкѣ земли. Съ каждымъ десятилѣтіемъ растетъ у нищающаго мужика эта жажда земли, съ каждымъ годомъ обостряется отчаянная борьба за землю. Но эта жажда даетъ массѣ крестьянства только муки Тантала, въ этой борьбѣ только одинъ изъ ста побѣждаетъ. Какъ ни много абсолютно захватилъ мужикъ за послѣдніе 30 лѣтъ земли, но по сравненію съ растущей нуждой, это безконечно мало. И вотъ, неутоляемая этими отдѣльными кру-

пицами, жажда земли, безплодность борьбы за землю разрозненныхъ семей, сплачиваютъ огромное большинство крестьянства въ страстномъ чаяніи общаго перехода всей земли отъ землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ; изъ капиталистической собственности въ распоряженіи и пользованіе всѣхъ лично трудящихся.

Констатируя эти факты, мы, конечно, далеки отъ идеализаціи ихъ. Мы хорошо знаемъ, что жажда земли у крестьянства на многоземельныхъ окраинахъ и у нѣкоторой доли зажиточныхъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ—удовлетворена, что иные изъ нихъ ближе къ мелкимъ помѣщикамъ, чѣмъ къ рядовому трудовому крестьянству. Но мы на нихъ и не разсчитываемъ, какъ не разсчитываетъ и соціалистъ, пропагандирующій на фабрикѣ, на тѣ сливки рабочихъ, которыя поднялись въ привиллегированное положеніе и льнутъ къ капиталу. Какъ пропагандистъ на фабрикѣ обращается только къ основному среднему здоровому большинству, такъ и мы направляемъ свои усилія только на чисто трудовые слои крестьянства. Нужно ли пояснять, что къ этимъ слоямъ относится огромное большинство крестьянства, привлеченія котораго къ революціоннымъ силамъ города вполнѣ достаточно не только для разрушенія самодержавія, но и для побѣдъ соціализма на будущихъ всенародныхъ голосованіяхъ...

Не закрываемъ мы глазъ и на то, что въ крестьянскихъ чаяніяхъ перехода земли отъ нетрудящихся къ трудящимся свѣтлая идея обмірщенія-обобществленія земли покрыта темной ржавчиной надежды на царя и неяснаго представленія о томъ, перейдетъ ли затѣмъ распоряженіе землей въ руки всего народа, или отдѣльныхъ крестьянъ. Мы знаемъ, что не мало намъ предстоитъ упорной работы надъ очисткой чистаго соціалистическаго начала обобществленія земли отъ традицій и индивидуалистическихъ воззрѣній на землю, но, вѣдь, если бы готовая идея соціализаціи земли уже двигала крестьянами, то намъ нечего было бы и дѣлать...

Эта работа трудна, но вѣдь не легка и работа переплавки обыденныхъ интересовъ рабочаго въ соціалистическій идеалъ. Рабочихъ, мечтающихъ лишь о повышеніи заработка, приглашаютъ стать равноправными членами и распорядителями коллективнаго хозяйства! Если и столь новую для нихъ идею намъ удается уложить въ ихъ мозгъ, то неужели невозможно очистить и разработать тотъ идеалъ, который въ зародышевой формѣ уже живетъ въ головѣ крестьянина и подготовительные элементы котораго уже существуютъ въ Россіи? Наша пропаганда въ этомъ случаѣ сводится къ элементарнѣйшимъ дедукціямъ: уже теперь большая доля территоріи принадлежитъ государству;—надо, чтобы вся территорія принадлежала народу, чтобы распоряжалась ею не самодержавная власть, а народное выборное управленіе; уже и теперь въ Россіи мѣстами земля перетекаетъ отъ капитала къ труду—надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ (конечно, не нынѣшнимъ, и на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для трудовой

массы, чѣмъ это было въ 1861 г.); крестьянинъ уже имѣетъ землю и пользуется ею въ большинствѣ случаевъ въ уравнительномъ распредѣленіи— надо, чтобы это трудовое пользованіе было проведено до конца, распространено на всѣхъ, вывело бы трудящихся изъ голоднаго существованія и завершилось бы чрезъ развитіе всякаго рода кооперацій коллективнымъ земледѣльческимъ производствомъ.

Кромѣ того, остерегаясь неосторожныхъ увлеченій, мы предостерегаемъ товарищей и отъ того вялаго и безсильнаго скептицизма, который, обжегшись когда то на горячемъ молокѣ, дуетъ теперь и на холодную воду. Есть много признаковъ того, что индивидуализмъ русскаго крестьянства въ огромной степени преувеличенъ въ воззрѣніяхъ 90 г.г. Во множествѣ случаевъ (и въ переселеніи на новыя земли, и въ перераспредѣленіяхъ общинныхъ земель, и въ покупкѣ и арендѣ земли, и т. п., въ особенности же въ легальной и нелегальной борьбѣ съ помѣщиками, кулаками и мѣстнымъ начальствомъ)—мы видимъ крестьянство дѣйствующимъ не въ одиночку, а организованными, часто тѣсно сплоченными группами. Съ ростомъ культуры, быстро ростетъ и еще быстрѣе будетъ расти и это объединеніе крестьянства. Будетъ пріучать его и въ мысли, и въ дѣлѣ къ началу коллективному, соціальному.

Съ другой стороны не нужно преувеличивать и силы вѣры въ царя. Уже и a priori всякій долженъ согласиться, что этотъ старый лоскутъ традиціи долженъ скоро разорваться подъ соединеннымъ напоромъ ростущаго культурнаго развитія и давящей экономической необходимости, что, прождавъ десятки лѣтъ безплодно отъ царя «земли и воли», крестьянинъ, наконецъ, перестанетъ ждать и надѣяться. Изъ опыта пропаганды въ цѣломъ рядѣ мѣстностей мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ это уже и совершилось, что критика царя теперь уже часто свободна и легка при пропагандѣ среди крестьянъ, что даже часто пропагандистъ находитъ уже совершенно готовымъ полное отсутствіе надежды, полное невѣріе въ царя... Неужели же легенда о «царѣ-батюшкѣ» сама собой исчезнетъ въ народѣ, а мы все будемъ вѣрить въ другую легенду — легенду о мужикѣ, вѣчно надѣющемся на царя-батюшку?

* * *

Итакъ: мы считаемъ несомнѣннымъ, что экономическіе интересы крестьянства рѣзко неудовлетворены, все яснѣе имъ сознаются и складываются въ еще туманномъ, еще неясномъ соціальномъ идеалѣ, до извѣстной степени родственномъ по своей тенденціи нашему собственному. Посмотримъ, насколько крестьянство доступно нашему воздѣйствію со стороны культурной и политической.

Всѣ понимаютъ, что за 40 лѣтъ освобожденный крестьянинъ сдѣлалъ огромный шагъ въ своемъ культурномъ развитіи, но не всѣ дѣлаютъ отсюда необходимые практическіе выводы. «Крѣпкаго черепа» крестьянина теперь боятся почти также, какъ боялись 20 лѣтъ тому назадъ, послѣ неудачнаго «хожденія въ народъ». Между тѣмъ именно эти 20 лѣтъ, за которые вступило въ жизнь поколѣніе, не знавшее крѣпостного права и частью прошедшее земскую школу, широкой пропастью отдѣляютъ насъ отъ того недоброй памяти времени, и отъ возможности такихъ, какъ тогда, неудачъ.

20 лѣтъ назадъ очень часто безполезно было бросать въ народъ книжки, т. к. не было грамотныхъ, чтобы ихъ читать; теперь ужъ и въ самой глухой деревнѣ книжка найдетъ себѣ читателя. Прежде темный мужикъ порой никогда не видѣлъ и уѣзднаго города и, понятно, часто не способенъ былъ понимать самыя простыя слова, дѣлать самые элементарные выводы. Теперь чуть не вся крестьянская Русь стала бродячей: не менѣе 10 милліоновъ взрослыхъ крестьянъ ежегодно странствуютъ вдоль и поперекъ, перемѣняютъ множество положеній, встрѣчаются со множествомъ разнообразнѣйшихъ людей и явленій, поражаются контрастами роскоши и бѣдствія, чудесъ науки и своей темноты, и эта волна нужды, швыряющая по всей Россіи милліоны рабочаго крестьянства отъ одного эксплуататора къ другому, открываетъ имъ со всѣхъ сторонъ давящую ихъ соціальную пирамиду, ударяетъ ихъ о самые острые ея углы, и жизнь тутъ учитъ даже безграмотнаго лучше всякой книги.

И весь этотъ огромный потокъ впечатлѣній, чувствъ, знаній безпрерывно вливается обратно въ деревни, безпрерывно расширяетъ горизонты даже и не уходящаго отъ земли мужика. Очевидно, что этотъ десятокъ милліоновъ крестьянъ въ этой погонѣ за заработкомъ становится энергичнѣе, настойчивѣе, самостоятельнѣе, смѣлѣе, озлобленнѣе, что въ такой жизненной школѣ личность быстро растетъ и критика просыпается. Вспомнимъ, что самый исконный фабричный тоже не является прирожденнымъ соціалистомъ, что и отъ него соціальная жизнь иной разъ немногимъ менѣе закрыта фабричной стѣной и безпросвѣтнымъ трудомъ, чѣмъ для прежняго захолустнаго крестьянина околицей его деревни. Вспомнимъ, наконецъ, что мужикъ уже не за однимъ хлѣбомъ гонится: онъ ищетъ правды въ цѣломъ рядѣ сектантскихъ ученій, растущихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ все шире и идущихъ отъ темныхъ суевѣрій къ свѣтлому раціонализму все быстрѣе и быстрѣе...

Однимъ словомъ, если 20—30 лѣтъ тому назадъ, мы имѣли въ крестьянствѣ ребенка, только что вышедшаго изъ пеленокъ крѣпостного права, еще радующагося этой свободѣ и вѣрящаго во всѣ сказки своихъ строгихъ нянекъ, — то теперь мы имѣемъ дѣло съ юношей, у котораго проснулись чувства, просвѣтлѣла мысль, окрѣпла воля и который тяжко стиснутъ жизнью и стра-

стно ищетъ исхода. Неужели же мы издали пассивно будемъ смотрѣть, какъ эта мощная сила будетъ бродить и волноваться, и расточаться въ безплодныхъ потугахъ, неужели не обязаны мы броситься ей навстрѣчу, открыть ей разумнѣйшій исходъ?

Наконецъ, пора уже, давно пора замѣтить и признать, что, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто политической борьбѣ, какъ именно крестьянство. Въ то время, какъ, напримѣръ, городской пролетарій не входитъ ни въ какую общественно-юридическую организацію, крестьянству формально предоставлена возможность такого самоопредѣленія, которое своими границами и компетенціей далеко шире земскаго и городского самоуправленія. А съ другой стороны въ эту широкую сферу крестьянскаго самоуправленія постоянно вторгается самый дикій и беззастѣнчивый произволъ, самое разнузданное самодурство земскаго начальника и другихъ властей, какъ будто нарочно для того, чтобы не дать крестьянству успокоиться, чтобы вѣчно будоражить ихъ, плодить столкновенія и конфликты съ властью. Къ нетронутому рабочему нужно подходить со стороны его непосредственнаго экономическаго угнетенія, чтобы показывать косвенную его связь съ современнымъ общегражданскимъ строемъ; для крестьянина гнетъ этого строя, быть можетъ, еще непосредственнѣе, чѣмъ экономическая угнетенность и часто даже (подати) является источникомъ экономической угнетенности. Всѣ внутреннія крестьянскія дѣла и отношенія опредѣляются «обычнымъ правомъ», лишь въ общихъ чертахъ и съ нѣкоторыхъ только сторонъ ограниченнымъ закономъ, и вѣдаются особымъ выборнымъ волостнымъ крестьянскимъ судомъ; деревенскимъ мірскимъ сходомъ вершится множество важнѣйшихъ въ жизни крестьянина, какъ земельныхъ, такъ и иныхъ дѣлъ. И вотъ при этой то своеобразной, но широкой самодѣятельности крестьянство лишено элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ, имѣющихся у другихъ сословій, и подвержено особому полурабскому кодексу до тѣлесныхъ наказаній включительно. Такое соединеніе точно нарочно было придумано для того, чтобы съ одной стороны будить и упражнять политическіе инстинкты и навыки общественной борьбы и тѣсно сплачивать крестьянскій «міръ»,—а съ другой стороны дразнить его и нагло издѣваться надъ его членами.

Александръ Ш, со своей стороны, сдѣлалъ безконечно много для того, что всю эту колоссальную организацію мірского крестьянства обратить въ непримиримаго врага власти. Бросившись послѣ побѣды надъ терроромъ въ крайности репрессіи, въ неистовства «дворянской политики», Александръ Ш «подтянулъ» и крестьянство, «приблизивъ къ нему власть» въ лицѣ земскихъ начальниковъ, и давъ имъ право такъ же безконтрольно самовластничать въ каждой крестьянской общинѣ, какъ самъ самовластничалъ надъ Россіей! И вотъ именно за послѣднія 20 лѣтъ быстраго культурнаго роста крестьянства кулакъ земскаго начальника научилъ деревенскій міръ тому, что такое самовластье. Правда,

крестьянинъ уже и безъ того ненавидѣлъ бюрократію, какъ механизмъ, «выбивающій» подати и взамѣнъ ничего не дающій, но тутъ, въ земскомъ начальникѣ, онъ увидѣлъ прямого ставленника царя, какъ бы подлинный снимокъ самовластья, и возненавидѣлъ его всей силой своего проснувшагося человѣческаго достоинства. И если все туже стягиваются эти путы на растущемъ культурно народѣ, врѣзываясь ему въ мясо,—тѣмъ скорѣе лопнетъ его терпѣніе, а съ нимъ и эти путы. И чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ неотложнѣе должны мы спѣшить сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы возможно болѣе объединить, организовать и направить это мощное освободительное усиліе, чтобъ всѣмъ своимъ натискомъ опрокинулось оно на самодержавіе...

Итакъ, все, что извѣстно намъ объ экономическомъ положеніи крестьянства и экономическихъ его интересахъ, о культурно-политическомъ его развитіи за послѣднія 25—30 лѣтъ,—все говоритъ противъ теоретическаго предубѣжденія, рисующаго крестьянство чуть не навѣки темной, безнадежно инертной или реакціонной силой. Напротивъ, мы видимъ, что современныя экономическія, политическія, и культурныя условія мощно толкаютъ его на борьбу за лучшее будущее, на борьбу соціально-политическую, какъ нищаго, закабаленнаго трудового класса—противъ нетрудовыхъ слоевъ, какъ безправнаго и угнетеннаго полу-раба—противъ давящей его власти... Крестьянству нужно «Земли и Воли»,—нашъ долгъ, какъ соціалистовъ и революціонеровъ, снова поднять въ крестьянствѣ это великое знамя.

Но мы отправляемся въ своемъ начинаніи не отъ однихъ этихъ теоретическихъ соображеній, а также отъ цѣлаго ряда фактическихъ опытовъ революціонной работы въ крестьянствѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ, особенно за послѣдніе 2—3 года. Всѣ эти опыты единогласно подтверждаютъ, что работа въ крестьянствѣ вполнѣ возможна и становится все легче и легче, что почти всегда результаты ея далеко превышаютъ надежды и ожиданія тѣхъ, кто за нее брался. Такъ говорятъ прежде всего тѣ немногіе стойкіе интеллигентные одиночки, которые, живя по десятку и болѣе лѣтъ въ деревнѣ, не теряли духовной свѣжести и старались сѣять революціонный соціализмъ въ окружающихъ ихъ крестьянахъ; за полнымъ отсутствіемъ нелегальной литературы для крестьянъ, они должны были ограничиваться легальными книжками и устной бесѣдой, но и въ такомъ узкомъ масштабѣ имъ удавалось понемногу воспитывать вокругъ себя цѣлыя гнѣзда совершенно сознательно и прочно убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ изъ крестьянъ, которые затѣмъ часто сами становились страстными пропагандистами; и эти гнѣзда теперь, при первомъ же наплывѣ агитаціонныхъ брошюръ, сразу становятся прочными очагами, широко вокругъ разносящими революціонную заразу... Крайне интересенъ также опытъ покойнаго Астырева, который съ нѣсколькими товарищами въ голодный 1892 годъ распространилъ довольно много агитаціонныхъ листковъ среди крестьянъ; есть рядъ свидѣ-

тельствъ о полномъ пониманіи и полномъ, порою восторженномъ, сочувствіи многихъ крестьянъ этимъ воззваніямъ; почти всегда, какъ присланный листокъ, такъ и человѣкъ, проѣхавшій и произнесшій рѣчь крестьянамъ, тщательно скрывались отъ полиціи, бывали и сочувственныя имъ предостереженія отъ кого нибудь изъ толпы противъ отдѣльныхъ лицъ... Наконецъ въ послѣдніе годы, когда значительныя группы молодежи въ связи съ нѣкоторыми сохранившимися отъ 70-хъ и 80-хъ г.г. революціонерами, стали выдѣляться въ самостоятельныя организаціи «соціалистовъ-революціонеровъ», то однимъ изъ первыхъ опытовъ этихъ молодыхъ кружковъ была работа среди крестьянъ. И результаты этихъ опытовъ надо признать блистательными. Годъ-два работы нѣсколькихъ человѣкъ давали десятки крестьянъ, сомкнувшихся въ тайные кружки, и сотни читающихъ нелегальную литературу и затронутыхъ устной пропагандой; и при этомъ потери въ людяхъ были сравнительно ничтожны, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ при революціонной работѣ среди городскихъ рабочихъ...

Этимъ мы и закончимъ наше изложеніе мотивовъ, ведущихъ насъ въ крестьянство: мы не теорію только развиваемъ, мы указываемъ факты. Если же кто либо изъ книжниковъ и доктринеровъ все еще не вѣритъ намъ, то просимъ такого Ѳому невѣрующаго попробовать приложить собственныя руки къ тому, въ чемъ онъ сомнѣвается! Мы глубоко увѣрены, что, если будетъ то человѣкъ живой и энергичный, то онъ въ самое короткое время изъ Савла превратится въ Павла, изъ невѣрующаго станетъ вѣрующимъ въ возможность работы среди крестьянства, уже согрѣтаго вѣяніемъ близкой борьбы за «Землю и Волю», за «Народную Волю»!

* * *

Но мы не только убѣждены въ томъ, что вообще въ настоящее время необходимо и возможно ввести крестьянство въ кругъ революціоннаго воздѣйствія: мы полагаемъ, что именно теперь этого нельзя уже откладывать ни на одинъ моментъ и что къ этому надо приложить особенныя, чрезвычайныя усилія. Мы имѣемъ въ виду возможность и вѣроятность двухъ явленій: во первыхъ, неожиданнаго, стихійнаго массового движенія въ крестьянствѣ въ ближайшемъ будущемъ и, во вторыхъ, нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ къ облегченію экономическаго и правового положенія крестьянства, мѣръ, могущихъ при неблагопріятныхъ условіяхъ хотя на нѣкоторое время подновить въ немъ обаяніе самодержавія и оторвать его отъ борьбы за свободу. Первое сулитъ намъ огромный шансъ на близкую побѣду въ борьбѣ за освобожденіе, второе грозитъ самыми серьезными осложненіями и неудачами въ этой борьбѣ.

Что терпѣніе крестьянской массы готово лопнуть, что она мо-

жетъ возстать при первомъ же обостреніи ея хроническихъ, безысходныхъ страданій, — это послѣ движенія крестьянъ въ малороссійскихъ губерніяхъ врядъ ли кому нужно доказывать. Но для людей, знающихъ деревню, это движеніе и не было неожиданностью, и даже не является новостью. Вспышки аграрной борьбы во всевозможнѣйшихъ нелегальныхъ формахъ не только не прекращались за это время, когда революціонная интеллигенція закрыла глаза на деревню, но учащались и разростались съ каждымъ десятилѣтіемъ,—онѣ только не принимали такъ быстро такого массового распространенія, какъ это случилось теперь, а въ самомъ началѣ подавлялись полиціей и войскомъ. И какъ могло быть иначе? Неужели мужикъ уже совсѣмъ не человѣкъ, неужели же въ немъ нѣтъ ничего кромѣ терпѣнія, неужели даже угроза голодной смерти не пробудитъ въ немъ злобы, тѣмъ болѣе страшной, чѣмъ дольше она сдерживалась? Какъ въ іюльскій изсушающій зной Россіи загорается отъ незамѣтныхъ угольковъ тысячами пожаровъ, такъ теперь изсохшая отъ бѣдствій грудь крестьянина готова загорѣться яростью и местью отъ самой слабой и случайной искры. А если такъ, то каждый признаетъ, какое огромное значеніе имѣетъ то, чтобы этотъ пожаръ начался не отъ уголька, подброшеннаго какимъ нибудь темнымъ слухомъ о милости царя скрытой чиновниками, или раздутаго разными узкими и мистическими сектантскими откровеніями и чтобы привелъ онъ не къ безплодному и надолго обезсиливающему пожарищу, вродѣ Пугачевщины,—а чтобы мы сами подожгли этотъ горючій матеріалъ свѣтлымъ факеломъ борьбы за свободу, чтобы это пламя слилось съ тѣмъ, которое разгорается на улицахъ въ городахъ и сверкаетъ молніями террора и чтобы въ немъ сразу до тла сгорѣло гнилое зданіе самодержавія!

Но что будетъ, если самодержавіе лучше насъ пойметъ близость и опасность крестьянскаго пожара и приметъ тѣ или иныя мѣры для его предупрежденія? Какъ ни тѣсно связано наше самодержавіе съ дворянствомъ и буржуазіей, оно все же не безусловно отожествлено съ ними, оно прежде всего борется за свое собственное существованіе и въ моментъ явной и крайней для себя опасности вѣроятно попробуетъ пожертвовать нѣкоторыми интересами дворянства и тѣмъ подновить вѣру въ себя крестьянъ, какъ это уже и было въ 1861 г., какъ уже и теперь оно силится отвратить отъ себя на буржуазію бурю городскихъ рабочихъ волненій. Конечно, движеніе городского пролетаріата уже свободно и легко уходитъ впередъ отъ этихъ запоздалыхъ попытокъ его догнать и задобрить, но тѣмъ больше шансовъ, что испуганное и наученное этимъ опытомъ самодержавіе при первыхъ же вспышкахъ въ крестьянствѣ изо всѣхъ силъ забѣжитъ впередъ и рядомъ подачекъ дѣйствительно еще разъ закроетъ глаза крестьянству и снова склонитъ его на сонное ложе вѣры, надежды и ожиданія.

Мы понимаемъ, что это будетъ не надолго, что скоро разгля-

дить крестьянство, какъ скудна и обглоданна брошенная ему кость, что непреоборимый ростъ культуры, неизбѣжные экономическіе процессы все равно приведутъ Россію если не тѣмъ, то другимъ путемъ, если не въ этомъ, то въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ къ уничтоженію самодержавія, но когда-жъ это будетъ, сколько прибавится ненужной борьбы и напрасныхъ жертвъ? Мы понимаемъ и то, что вообще трудно ожидать отъ современнаго царскаго правительства мало-мальски существенныхъ жертвъ для крестьянства, что скорѣе всего и тутъ оно будетъ со своими успокаивающими и подкупающими уступками безсильно гнаться за хвостомъ все быстрѣе бѣгущаго впередъ революціоннаго движенія. Но мы не имѣемъ права успокаиваться на вѣрѣ въ этотъ лучшій исходъ, мы обязаны предвидѣть maximum, а не minimum умѣнья, дальновидности и быстроты въ движеніяхъ нашего врага; мы должны съумѣть отпарировать самые удачные и ловкіе изъ его пріемовъ, во время разоблачить самыя хитроумныя изъ его западней и ловушекъ, разставленныхъ для уловленія темныхъ людей,—чтобы на лицемѣрныя заигрыванія и подачки царскаго правительства крестьянство отвѣтило въ одинъ голосъ съ революціонерами, съ рабочими, со всей поднимающейся за свободу Россіей: намъ отъ тебя ничего не надо, намъ надо, чтобы тебя не было!...

Итакъ, передъ русской соціально-революціонной партіей сама жизнь поставила теперь завоеваніе крестьянства безусловно необходимой и неотложной задачей. Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ употребитъ всѣ свои силы на разрѣшеніе этой огромной задачи, въ твердой увѣренности, что много живыхъ силъ откликнется на его призывъ. Было бы печально и стыдно намъ подъ вліяніемъ прошлыхъ неудачъ и давно разбитыхъ жизнью догматовъ снова остаться въ сторонѣ отъ жизни, но на этотъ разъ уже не потому, что мы не можемъ ее сдвинуть съ мѣста, а потому что она двинулась раньше, чѣмъ ожидали мы, разочарованные и придавленные реакціей; двинулась не по тѣмъ шаблоннымъ путямъ, которые предусмотрѣны въ нашихъ построеніяхъ. Если даже и тѣ наши товарищи, которые цѣлыхъ десять лѣтъ только и свѣту видѣли, что въ фабричномъ окошкѣ, годъ тому назадъ по собственному «единогласному» признанію оказались «отставшими отъ жизни», остановились въ первый моментъ въ недоумѣніи и бездѣйствіи передъ внезапно развернувшимся, пробившимся наружу потокомъ открытаго политическаго протеста со стороны рабочихъ массъ города, если теперь имъ приходится изо всѣхъ силъ наверстывать потерянное, преодолѣвая возросшія трудности, то настолько же сознательная революціонная работа отстала отъ того, что дѣлалось въ крестьянствѣ, на которое большинство упорно закрывало глаза въ теченіи всего послѣдняго времени, насколько мы тутъ должны догонять движеніе жизни! Пожелаемъ же, чтобы крестьянскія волненія 1902 года такъ же мощно выбили всѣхъ изъ догматическаго сна и толкну-

ли подходящія силы на широкую работу въ крестьянствѣ, какъ уличныя демонстраціи 1901 г. окончательно поставили крестъ надъ узкимъ экономическимъ пропагандизмомъ на фабрикѣ. И мы работой въ крестьянствѣ въ теченіи нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ должны и можемъ наверстать почти полное бездѣйствіе въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

* * *

Какими же средствами мы должны будить и развивать революціонную энергію крестьянъ и куда именно направлять ее? Это должно быть строго логически выведено изъ общихъ нашихъ цѣлей и ближайшихъ задачъ и тщательно сообразовано съ условіями мѣста и времени.

Конечная наша цѣль—осуществленіе соціалистическаго идеала во всей его полнотѣ. Но мы не думаемъ, конечно, чтобы сотканный изъ братства и свободы соціалистическій строй могъ сразу родиться готовымъ изъ нѣдръ современной полурабской Россіи. Мы убѣждены, что различные элементы нашего идеала будутъ осуществляться частично и разновременно, ибо одни изъ нихъ служатъ и логически, и исторически необходимыми переходными ступенями для другихъ. Поэтому задачей нашей работы является не подготовленіе фантастическаго, гигантскаго прыжка сразу къ конечной цѣли, а планомѣрное восхожденіе по той лѣстницѣ измѣненій и переворотовъ, которая намѣчена уже самой исторіей.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общей программой мы принимаемъ предварительную экономическую программу—минимумъ.

Для крестьянства мы на первую очередь ставимъ соціализацію земли, т. е. переходъ ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, а во вторыхъ развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства.

Но на эти предварительныя ступени экономическаго освобожденія трудящихся массъ мы не можемъ взойти иначе, какъ черезъ предшествующую имъ и логически и историчѣски ступень политическаго освобожденія: мы считаемъ очевиднымъ, что подъ гнетомъ самодержавія немыслимо даже и частичное предварительное улучшеніе положенія рабочаго народа. Безъ свободы агитаціи, безъ свободы стачекъ, при полномъ безправіи личности и при безграничномъ произволѣ полицейской администраціи, пролетаріатъ не можетъ успѣшно бороться съ капиталомъ. При этихъ же условіяхъ и еще при цѣлой сѣти законовъ и циркуляровъ, создавшихъ особый полурабскій режимъ—для крестьянства, для него невозможна, ни защита отъ эксплуатаціи землевладѣльцевъ и

капиталистовъ, ни достиженіе какихъ либо культурно-экономическихъ успѣховъ. Поэтому, свободное представительное самоуправленіе—общинное, волостное, земское и общегосударственное—съ тайнымъ, прямымъ, всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ, со всѣми, выработанными въ Европѣ гарантіями демократической свободы (пропорціональное представительство, референдумъ, инициатива), съ одной стороны, само по себѣ составляетъ необходимую и драгоцѣнную часть соціалистическаго идеала, съ другой, является первой и ближайшей нашей цѣлью. Мы твердо убѣждены, что не только полное достиженіе соціалистическаго идеала, но и осуществленіе нашей экономической программы—минимумъ, возможно только черезъ Народную Волю въ обоихъ значеніяхъ этихъ прекрасныхъ словъ: при свободѣ народа и по волѣ народа.

Принимая, такимъ образомъ, борьбу за политическое освобожденіе, за Народную Волю, какъ первую задачу, на которой должны быть сосредоточены усилія,—какъ наилучшій общепартійный девизъ для всѣхъ борцовъ соціальной революціи въ современной Россіи, мы полагаемъ, что «Крестьянскій Союзъ» долженъ въ настоящее время работать для этой же цѣли. Оставляя открытымъ пока вопросъ о томъ, въ какой именно мѣрѣ подготовлено крестьянство къ чисто политической борьбѣ, мы должны во всякомъ случаѣ сдѣлать все, чтобы возможно большую часть его вовлечь въ эту борьбу, чтобы также и въ каждомъ экономическомъ движеніи крестьянъ усилить и расширить политическій элементъ. Поэтому, избирая своимъ девизомъ наиболѣе яркія и блистающія славной традиціей слова «Земля и Воля», «Крестьянскій Союзъ» на первый планъ и на первую очередь выдвигаетъ «Волю».

Такимъ образомъ, основной нашей задачей является не самодовлѣющая экономическая пропаганда въ тѣсныхъ крестьянскихъ кружкахъ, а общая политическая и соціально-революціонная агитація въ широкихъ массахъ крестьянства. Помимо созданія тамъ и сямъ прочныхъ сознательныхъ кадровъ революціоннаго соціализма въ крестьянствѣ, мы должны возможно скорѣе мобилизировать и крупные отряды крестьянъ, связанныхъ съ нами хотя бы общимъ пониманіемъ и сочувствіемъ и способныхъ оказать хотя нѣкоторую помощь идущимъ въ авангардѣ борьбы за свободу интеллигенціи и городскимъ рабочимъ. Поэтому воздѣйствіе наше на крестьянство должно развиваться не только вглубь, а и вширь и болѣе всего вширь. До сихъ поръ наша работа въ крестьянствѣ переживала какъ-бы періодъ тепличнаго взращиванія, теперь же, когда и въ толщахъ крестьянства почва уже во многихъ мѣстахъ оттаяла, пора пересаживать разсаду на вольный воздухъ, пора широко разбрасывать революціонныя сѣмена на вольныя поля... Этимъ опредѣляется и содержаніе, и форма нашего воздѣйствія на крестьянство.

И въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ мы должны особенно подчеркивать политическій эле-

ментъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ какъ двигателемъ, какъ аргументомъ. Излагая нашъ идеалъ, мы должны какъ можно сильнѣе оттѣнять политическія наши требованія, особенно должны разъяснять, что къ коренному экономическому перевороту на пользу рабочаго народа мы не можемъ придти инымъ путемъ, какъ чрезъ политическое освобожденіе. Агитируя въ крестьянствѣ по поводу его конкретныхъ, частныхъ, мѣстныхъ нуждъ, а также по поводу всякаго рода политическихъ событій и особенно различныхъ случаевъ революціонной или вообще нелегальной борьбы, мы должны на почвѣ огромнаго недовольства экономическимъ положеніемъ, будить въ крестьянствѣ правовое самосознаніе, должны неуклонно формулировать мелкіе экономическіе интересы въ широкія политическія требованія, должны доказывать невозможность мало-мальски серьезныхъ улучшеній въ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока свободное всеобщее голосованіе не передастъ ихъ судьбу въ ихъ собственныя руки, должны особенно твердить крестьянину, что когда будетъ во всемъ его воля, то будетъ ему и земля, должны звать мужика Землей къ Волѣ и вести черезъ Волю къ Землѣ.

* * *

Сообразно съ этой новой нашей задачей, не только глубокой соціалистической пропаганды, не только мелкой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ, но болѣе всего широкой политической агитаціи,—должны явиться и новыя формы ея осуществленія. Въ дополненіе къ тысячамъ экземпляровъ брошюръ, развивающихъ болѣе или менѣе полно нашу программу, требующихъ отъ крестьянъ извѣстной подготовки для полнаго ихъ усвоенія, мы должны разсѣять въ крестьянствѣ десятки и сотни тысячъ мелкихъ листковъ, въ которыхъ соціалистическій идеалъ былъ бы очерченъ лишь въ самыхъ общихъ и общепонятныхъ его элементахъ и главнымъ образомъ въ связи съ идеей передачи народу земли, требованія же политической свободы и призывъ къ борьбѣ за нее были бы подчеркнуты въ самой простой, ясной и яркой формѣ, и которые при этомъ были бы прочтены и поняты самыми широкими массами крестьянства. А для этого рядомъ съ личнымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ революціонеровъ устнымъ и печатнымъ словомъ на небольшіе кружки наиболѣе сознательныхъ, надежныхъ и хорошо извѣстныхъ крестьянъ, мы должны организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ тайное, а иногда, какъ, напримѣръ, при демонстраціяхъ, и открытое распространеніе нашихъ листковъ среди всей массы крестьянства, особенно въ мѣстностяхъ, наиболѣе къ тому подготовленныхъ (напр. среди сектантовъ, среди голодающихъ, въ районахъ аграрныхъ волненій и т. д.).

Вся эта новая работа требуетъ и новыхъ работниковъ. Въ то время, какъ кружковой пропагандой могутъ и должны заниматься тѣ наши товарищи изъ интеллигентовъ и изъ крестьянъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и привязаны своимъ занятіемъ и условіями жизни къ одному мѣсту,—въ это время разбрасываніемъ агитаціонныхъ листковъ могутъ и должны заняться люди, располагающіе свободой передвиженія, а въ томъ числѣ городскіе интеллигенты и рабочіе. Всѣ эти новые работники частью уже созданы, частью все быстрѣе и быстрѣе создаются новымъ свѣжимъ духомъ послѣднихъ годовъ.

Десятки энергичной и смѣлой молодежи уже не удовлетворяются прежними осторожными и умѣренными пріемами пропаганды, а жадно хватаются за широкіе, хотя бы и рискованные способы агитаціи. Всѣ эти наши товарищи, глубоко охваченные революціоннымъ пыломъ, рвущіеся на живое, смѣлое, самоотверженное дѣло, найдутъ его не только въ уличныхъ демонстраціяхъ, въ рзбрасываніи прокламацій въ театрахъ и т. п., но и въ сѣяніи агитаціонныхъ листковъ по сельскимъ ярмаркамъ и базарамъ, въ телѣги крестьянскаго обоза, въ котомки рабочихъ, въ окна опустѣвшихъ въ лѣтнюю страду крестьянскихъ избъ и т. п. Повсюду эта работа въ деревняхъ можетъ и должна итти рядомъ съ демонстраціями въ городахъ, а во множествѣ мѣстностей, гдѣ еще не созданъ кадръ городскихъ рабочихъ, достаточный для дружныхъ, многочисленныхъ, внушительныхъ демонстрацій, такое сѣяніе агитаціонныхъ листковъ въ крестьянствѣ является чуть ли не единственнымъ цѣлесообразнымъ приложеніемъ силъ для большинства товарищей, которыхъ проснувшаяся боевая энергія и революціонное дыханіе нашего времени властно толкаетъ изъ узкихъ кружковъ въ ширь, на просторъ, въ самую гущу трудовыхъ массъ, уже пробуждающихся къ политической жизни, къ политической борьбѣ....

Почти излишне пояснять, что вся эта новая работа не повредитъ, а поможетъ всѣмъ остальнымъ отдѣламъ революціоннаго дѣла. Когда въ 1873 г. пошли въ народъ около 1000 пропагандистовъ, то въ нихъ заключалась вся дѣйствующая армія революціоннаго соціализма въ Россіи въ то время. Въ настоящее же время мы свободно можемъ выставить большіе отряды, нисколько не ослабляя себя на другихъ пунктахъ. Надо лишь привлечь тѣхъ людей, которые по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ даннымъ сравнительно менѣе цѣнны, какъ пропагандисты и организаторы среди интеллигентныхъ слоевъ и рабочихъ, но которые особенно пригодны для работы среди крестьянъ. Надо эксплоатировать лѣтнее время многихъ изъ учащейся молодежи, которое теперь у нихъ пропадаетъ даромъ исключительно только потому, что они хотятъ видѣть въ деревнѣ лишь лоно природы и закрываютъ глаза на населяющаго ее мужика. Надо отвлечь тотъ безъ пользы или даже со вредомъ для дѣла переваривающійся въ собственномъ соку избытокъ работниковъ, который постоянно скопляется въ нѣсколькихъ

городахъ, излюбленныхъ административно высланными и другими вышибленными изъ колеи революціонерами: прошли тѣ времена, когда въ темной и холодной Россіи слабыя горсти прогрессивно-революціонной интеллигенціи должны были жаться въ нѣсколькихъ центрахъ въ тѣсныя кучки для взаимнаго отогрѣванія; теперь накопилось уже въ Россіи столько культурнаго свѣта и революціоннаго жара, что не могутъ они безплодно погаснуть въ толщахъ народныхъ массъ, а могутъ лишь просвѣтлить и разогрѣть эти массы. Значитъ, пора намъ перестать скопляться на нашихъ привычныхъ штабъ-квартирахъ для безплоднаго тлѣнія, пора смѣло разсыпаться по всей русской землѣ для дѣятельнаго ея разжиганія....

Такія же новыя силы откроетъ и используетъ великое живое дѣло революціонизированія крестьянства и въ тѣхъ глухихъ городкахъ, гдѣ энергія сотенъ административно-сосланныхъ нашихъ товарищей или вовсе спитъ, или затрачивается на безплодныя междуфракціонныя междоусобія. Въ этихъ глухихъ углахъ часто можетъ не быть годнаго для революціоннаго воздѣйствія слоя интеллигенціи и рабочихъ, но всюду есть крестьянинъ, жадно ждущій и ищущій просвѣтленія, и въ такихъ случаяхъ только революціонное общеніе съ нимъ внесетъ жизнь и радость въ тусклое и тоскливое существованіе этихъ расшвыренныхъ и придавленныхъ рукой самодержавія нашихъ товарищей, только этотъ посѣвъ революціонныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ самовластье ихъ думало заморозить, обратитъ это дѣло его рукъ на его же погибель, превратитъ даже и плѣнныхъ его враговъ изъ побѣжденныхъ въ побѣждающихъ....

Еще большаго прилива силъ мы ожидаемъ отъ расширенія и возведенія въ систему бѣгства и перехода на нелегальное положеніе революціонныхъ работниковъ, попавшихъ въ ссылку, въ тюрьму, подъ слѣдствіе. Такіе случаи бѣгства изъ плѣна въ ряды дѣйствующей революціонной арміи уже и теперь съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ, все учащаются и будутъ учащаться, ибо они психологически неизбѣжны при ускореніи темпа борьбы, при приближеніи побѣды. Несомнѣнно, что многіе изъ этихъ, испытанныхъ и сжегшихъ за собою корабли борцовъ революціи, найдутъ удобныя условія, гарантирующія долговѣчность и продуктивность работы, также и въ деревнѣ на работѣ, которая требуетъ безпрестаннаго передвиженія преимущественно по мелкимъ городамъ и крупнымъ селамъ, гдѣ до сихъ поръ полицейскій надзоръ далеко отсталъ отъ надзора въ крупныхъ городахъ, гдѣ благодаря этому даже небольшая группа энергичныхъ и умѣлыхъ людей можетъ при современномъ напряженномъ настроеніи крестьянства достичь большихъ результатовъ при небольшихъ сравнительно жертвахъ....

Но самый главный доводъ за достаточность нашихъ силъ, для быстраго и широкаго революціонизированія крестьянства, заключается въ той подготовленности для нашего воздѣйствія мысли и

настроенія крестьянъ, которая съ такой необыкновенной яркостью выказалась въ волненіяхъ въ Малороссіи и которая награждаетъ самыми пышными всходами почти каждый даже самый бѣглый и слабый революціонный посѣвъ. Мы, основываясь на рядѣ разнообразныхъ опытовъ, категорически утверждаемъ, что въ настоящее время деревня даетъ революціонеру быть можетъ ничуть не меньшій процентъ на затраченный имъ духовный капиталъ, чѣмъ фабрика. Скупиться на вклады въ такое прибыльное дѣло, когда при затратѣ одного агитатора изъ интеллигентовъ являются десятки агитаторовъ изъ крестьянъ, было бы болѣе чѣмъ неразсчетливо....

Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря, мы какъ бы опускаемъ кристаллъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революціонной кристаллизаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Дружнымъ и быстрымъ натискомъ революціонныхъ идей въ деревню мы добьемся такихъ же блестящихъ побѣдъ, какъ тяжелы были 30 лѣтъ тому назадъ въ той же деревнѣ наши пораженія!

*
* *

Но наша задача заключается не только въ томъ, чтобы въ нѣкоторой степени привить крестьянству наши идеи и чтобы поднять до извѣстнаго уровня его революціонное настроеніе, но также и въ томъ, чтобы по мѣрѣ выработки въ крестьянствѣ революціонной энергіи немедленно и безпрерывно упражнять ее въ дѣйствіи, давать ей наиболѣе цѣлесообразный исходъ. Въ этомъ случаѣ мы опять таки должны постараться, какъ можно большую долю этой энергіи перевести изъ узко-экономическаго русла на главное колесо нашего движенія въ настоящій моментъ,—на борьбу за политическое освобожденіе.

Первое дѣло, на которое сами собой должны направиться усилія затронутыхъ пропагандой и агитаціей крестьянъ, состоитъ, разумѣется, въ тайной ихъ организаціи — въ создзніи тайныхъ крестьянскихъ кружковъ, «братствъ», «комитетовъ крестьянскаго союза партіи» и т. п. Эти крестьянскія организаціи первой своей цѣлью имѣютъ возможно быстрое саморасширеніе, чтобы возможно скорѣе ихъ сѣтью покрылась вся Россія и чтобы ихъ участники и имъ сочувствующіе составили бы замѣтный процентъ крестьянскаго населенія. Но помимо этого, каждая такая тайная революціонная крестьянская организація, какъ только вполнѣ упрочится кадръ ея сознательныхъ главарей и достаточно расширится кругъ ея вліянія на полусознательныя массы крестьянства—должна проявлять себя въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, какъ легальныхъ и полулегальныхъ, такъ и нелегальныхъ.

Прежде всего крестьянскимъ революціоннымъ братствамъ не-

обходимо добиваться вліянія во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, стараться проводить своихъ людей на выборныя общественныя должности, объединять крестьянъ на различныхъ совмѣстныхъ культурно-просвѣтительныхъ и другихъ общеполезныхъ начинаніяхъ, развивать ихъ самостоятельность, сознаніе своихъ правъ и интересовъ и сплачивать крестьянъ въ упорномъ ихъ отстаиваніи отъ всякихъ на нихъ покушеній, а особенно въ смѣлой, рѣшительной борьбѣ противъ самовластья администраціи.

Затѣмъ, хотя мы не думаемъ, чтобы при современныхъ политическихъ условіхъ крестьянство могло добиться мало-мальски серьезнаго и общаго экономическаго подъема, но мы вводимъ въ свою программу, какъ одно изъ главныхъ средствъ повседневной дѣятельности, непосредственную экономическую борьбу трудового крестьянства противъ землевладѣльцевъ и представителей денежнаго капитала. Стачки земледѣльческихъ рабочихъ для повышенія платы и улучшенія условій труда, стачки арендаторовъ для облегченія условій аренды, уменьшенія арендной платы, бойкотъ противъ разныхъ притѣсненій кулака или помѣщика,—все это въ цѣломъ рядѣ случаевъ можетъ дать крестьянамъ извѣстный прямой выигрышъ, а, главное, подниметъ ихъ духъ и энергію, тѣснѣе сплотитъ ихъ, создастъ нѣкоторыя массовыя движенія, которыя легко будетъ направить на политическую революціонную борьбу, если съ самаго начала и во всѣхъ случаяхъ мы ни на минуту не будемъ упускать изъ виду нашей основной задачи: указывать общій источникъ всѣхъ частныхъ бѣдствій и неурядицъ крестьянской жизни въ основахъ существующаго строя.

Наконецъ, кромѣ этихъ хотя нелегальныхъ, но мирныхъ средствъ, мы съ самаго же начала предвидимъ для тайныхъ революціонныхъ крестьянскихъ организацій возможность, а быть можетъ неизбѣжность и насильственной вооруженной борьбы. Прежде всего къ этому можетъ привести самозащита отъ шпіоновъ, предателей, доносчиковъ, въ деревнѣ всегда гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ полиція; впрочемъ, въ этихъ случаяхъ наказаніе смертью представитъ, конечно, лишь рѣдкое исключеніе. Но мы предвидимъ, что и помимо самообороны въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ оказаться неизбѣжнымъ и наказаніе смертью напр. тѣхъ членовъ мѣстной администраціи, противъ которыхъ особенно остра, всеобща и справедлива ненависть крестьянъ.

Послѣ очерченнаго перваго подготовительнаго, такъ сказать, инкубаціоннаго періода, въ теченіе котораго хотя кое-гдѣ создадутся тайныя революціонныя крестьянскія организаціи и подготовится замѣтная сочувственная имъ среда въ крестьянствѣ, могутъ начаться и открытыя массовыя и чисто политическія дѣйствія. Таковыми намъ представляются съ одной стороны извѣстные виды манифестацій, а также массовые коллективные приговоры крестьянскихъ общинныхъ и волостныхъ сходовъ съ различными требованіями въ духѣ нашего девиза «Земля и Воля», какъ напр.:

уравненія крестьянъ во всѣхъ правахъ съ другими сословіями, предоставленія всѣмъ свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова и общественныхъ собраній, созыва Земскаго Собора изъ выборныхъ отъ всего населенія для учрежденія постояннаго народнаго самоуправленія, коренной реформы финансовъ на пользу трудовыхъ слоевъ, широкой земельной реформы для перехода земли въ пользованіе трудящихся и т. п., а съ другой стороны,—отказъ отъ уплаты податей и воинской повинности до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены. Даже вполнѣ допуская, что въ ближайшемъ будущемъ невозможно будетъ поднять на такую борьбу большинство крестьянскаго населенія, мы придаемъ, однако, громадное значеніе тому, чтобы это произошло хотя въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи въ тотъ уже не очень отдаленный моментъ, когда интеллигенція и пролетаріатъ начнутъ рѣшительный общій штурмъ противъ самодержавія. Въ такой рѣшительный моментъ даже и небольшое, но дружное движеніе хотя части крестьянъ при сочувственномъ нейтралитетѣ остальныхъ, будетъ имѣть огромное и моральное, и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска устанутъ служить самовластью противъ народа....

*
* *

Въ заключеніе этого обращенія мы еще разъ настойчиво подтверждаемъ всѣмъ, кто сочувствуетъ дѣлу соціальной революціи въ Россіи, что «Крестьянскій Союзъ» не только не отвлекаетъ и не обособляетъ всѣхъ входящихъ въ него работниковъ отъ общей революціонной борьбы, отъ объединенной революціонно-соціалистической партіи, но именно заполненіемъ крупнаго пробѣла въ общемъ дѣлѣ, какъ бы вставляетъ новое объединяющее звено въ боевую цѣпь революціонной арміи.

Не теоретическаго, не программнаго только признанія необходимости революціоннаго воздѣйствія на деревню добиваемся мы отъ работниковъ революціоннаго соціализма въ Россіи. Мы зовемъ ихъ къ реальному дѣлу, а не къ бумажной отпискѣ; мы зовемъ ихъ къ непосредственному практическому разрѣшенію неотложной задачи, выдвинутой самой жизнью;—мы зовемъ ихъ, какъ соціалисты, почерпающіе силы въ тѣсномъ общеніи съ широкими массами всего трудового и угнетаемаго народа; зовемъ, какъ практики-революціонеры, отдающіе себѣ ясный отчетъ въ шансахъ борьбы и соотношеніи общественныхъ силъ; зовемъ, какъ политическіе дѣятели, понимающіе невозможность уклоняться отъ разрѣшенія выдвигаемыхъ жизнью новыхъ и новыхъ задачъ, замкнувшись въ какую-либо одну излюбленную, узкую сферу дѣятельности; зовемъ, наконецъ, какъ живые люди, до которыхъ долетаютъ стоны

многомилліонной массы крестьянства, которые видятъ попытки этой массы ощупью выбраться изъ окружающей ее политической темноты къ лучшему, свѣтлому будущему.

Мы надѣемся дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ единеніи со всѣми родственными намъ по цѣлямъ и средствамъ уже выступившими группами, въ особенности же съ Аграрно-Соціалистической Лигой, которая заграницей первая возобновила работу для крестьянства и въ короткое время успѣла уже столь много сдѣлать на этомъ пути. Мы увѣрены, что живая, органическая связь между всѣми работающими въ одномъ и томъ же направленіи, на одномъ и томъ же поприщѣ дѣятелями, будетъ крѣпнуть все больше и больше, удесятеряя силы каждаго отдѣльнаго работника.

«Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ» зоветъ въ свои ряды, на живое революціонное дѣло всѣхъ, кто понялъ необходимость, кто чувствуетъ въ себѣ силы и способность работать въ намѣченномъ нами направленіи, чтобы дружными усиліями возможно скорѣе наверстать потерянное время и придать крестьянскому движенію ту сознательность и мощь, которыя лучше всего обезпечатъ успѣхъ великаго дѣла освобожденія, какъ самого многомилліоннаго крестьянства, такъ и всей вообще трудящейся и угнетенной Россіи.

Мы полагаемъ, что въ такое боевое время, какъ наше, всѣмъ, проникнутымъ единымъ духомъ, пора стереть всякія разъединяющія буквы, пора сойтись подъ однимъ знаменемъ, въ рядахъ одной боевой арміи революціоннаго соціализма. Эпоха существованія множества обособленныхъ группъ и организацій, эпоха кустарничества, эпоха кружковщины, эпоха раздробленія силъ принадлежитъ прошлому. Кличъ настоящаго—да здравствуетъ единая, широкая, могучая, идущая навстрѣчу всѣмъ запросамъ и требованіямъ жизни, соціально-революціонная партія!

Іюнь 1902 г. *Крест. Союза П. С. Р.*

Ю. Гальперин
(В. М. Чернов)

Характеръ современнаго крестьянскаго движенія.

Существуетъ двоякій взглядъ на смыслъ крестьянскаго броженія, охватившаго въ послѣднее время нѣсколько губерній. Согласно одному изъ этихъ взглядовъ,—котораго придерживаемся мы,—это—зародышъ того будущаго движенія рабочихъ слоевъ деревни, которое дастъ твердую опорную точку соціалистической партіи въ крестьянствѣ. Согласно другому взгляду,—раздѣляемому, наприм., «Искрой», «Зарей» и «Жизнью», это—отголосокъ прошлаго, послѣдняя вспышка крестьянскихъ мятежей, которые направлялись и направляются всюду противъ феодально-крѣпостническихъ узъ, и роль которыхъ сыграна, какъ только эти узы разрушены и на ихъ мѣсто водворена буржуазная «свобода».

«Зарево пылающихъ крестьянскихъ усадебъ — напоминаетъ «Искра»—всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революціи, наносившей послѣдній ударъ крѣпостнически-самодержавному порядку, и «красный пѣтухъ» крестьянскаго мятежа долженъ былъ сыграть въ послѣдній разъ свою революціонную роль, прежде чѣмъ смогло на просторѣ развернуться красное знамя революціи пролетаріата». Съ точки зрѣнія сторонниковъ этого взгляда, соціалисты-революціонеры «не поняли самого крестьянскаго движенія» послѣдняго времени. Они будто бы не поняли «что одно дѣло—демократическое движеніе противъ остатковъ крѣпостничества, другое дѣло—соціалистическое движеніе противъ буржуазіи».... «Но современное крестьянское движеніе вовсе не является соціалистическимъ, направленнымъ противъ буржуазіи и капитализма движеніемъ. Наоборотъ, оно объединяетъ буржуазные и пролетарскіе элементы крестьянства, которые дѣйствительно едины въ борьбѣ съ остатками крѣпостничества. Современное крестьянское движеніе ведетъ—и приведетъ—къ установленію не соціалистическаго и не полусоціалистическаго, а буржуазнаго сельскаго уклада, очистивъ созрѣвшіе уже буржуазные устои нашей деревни отъ крѣпостническихъ путъ».

Что современное крестьянское движеніе, какъ цѣлое, отнюдь не является соціалистическимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова,—въ томъ нѣтъ для насъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но никакіе соціалисты-революціонеры ничего подобнаго и не заявляли.

Для соціалистовъ-революціонеровъ несомнѣнно лишь то, что въ крестьянскихъ умахъ бродятъ полусоціалистическія идеи, что для умѣлаго пропагандиста въ настоящее время возможно, исходя изъ собственныхъ крестьянскихъ мыслей и логически развивая нѣкоторыя изъ нихъ, придти къ чисто-соціалистическимъ выводамъ. И это возможно потому, что современное крестьянское движеніе знаменуетъ собою вовсе не любовное единеніе пролетарскихъ и буржуазныхъ элементовъ крестьянства, какъ это кажется сторонникамъ «Искры», а наоборотъ, начало остраго конфликта между ними.

Въ самомъ дѣлѣ, пересмотримъ нѣсколько относящихся сюда данныхъ. Въ настоящее время особенно острое возбужденіе господствуетъ въ Озургетскомъ уѣздѣ, гдѣ буря была вызвана проповѣдью какой-то сектантки. По сообщенію нашего корреспондента, движеніе носитъ, положительно, рѣзко выраженный анархическій характеръ: иначе трудно опредѣлить его. «Настроеніе и мысли крестьянъ вращаются вокругъ полнаго отрицанія властей, какой бы то ни было зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ: заявляется право всѣхъ трудящихся на пользованіе землею и полная свобода труда. Проводятся въ жизнь необычайные, своеобразные взгляды путемъ цѣлаго ряда убійствъ и покушеній на помѣщиковъ». Другой корреспондентъ («Изъ революц. практики въ деревнѣ» въ № 11) свидѣтельствуетъ, что въ мѣстности, служившей полемъ его наблюденій, партизанская борьба крестьянъ противъ богачей превратилась въ систему, въ ней сказывается «принципіальное отрицаніе помѣщичьей и вообще частной собственности—это классовая борьба крестьянства съ богатыми землевладѣльцами и кулаками». Въ Екатеринославской губ. приходится слышать разговоры со стороны крестьянъ въ духѣ идеи націонализаціи земли,—идеи, конечно, своеобразно преломившейся сквозь призму мужицкаго пониманія. «Земля вся отойдетъ въ казну, и панская, и крестьянская»—говорятъ эти самобытные соціальполитики—«надо разверстать ее такъ, чтобы всякій имѣлъ столько земли, сколько подъ силу ему съ семьей ее обработать». Любопытно, что и пропаганда губернаторовъ о святости частной собственности различно встрѣчается разными слоями деревенскаго населенія. «Крестьяне, которые барышуютъ, т. е. занимаются скупкой яицъ, куръ и т. п., а также успѣвшіе пріобрѣсти черезъ крестьянскій банкъ въ личную, подворную собственность большіе участки въ 150—200 дес., охотно соглашаются съ тѣмъ, что всякая собственность должна быть священна и неприкосновенна. Наоборотъ, другіе, которые побѣднѣе, относятся къ дѣлу иначе». И неудивительно. Эти зажиточные, чисто-буржуазные элементы деревни первые страдаютъ отъ «безпорядковъ». Въ Полтавской и Харьковской губ. это имъ уже доказалъ горькій опытъ. «Характерно и то»—писалъ нашъ харьковскій корреспондентъ—«что припасы отбирались не только у помѣщиковъ-дворянъ, но и у многихъ богатѣевъ и кулаковъ изъ своихъ же

крестьянъ, казаковъ, купцовъ». Тоже и въ Воронежской губ. Одинъ изъ такихъ кулаковъ пробовалъ усовѣщевать крестьянъ, что земля его пріобрѣтена имъ на свои «кровныя денежки». «Крестьяне ему возражали, что-де купить-то ты ее купилъ, да нѣтъ такихъ правовъ, чтобы ее, мать-кормилицу, покупать и продавать». Къ помѣщикамъ и кулакамъ предъявляли крестьяне требованіе выдачи припасовъ на томъ основаніи, что «ихъ руками взращенъ и убранъ хлѣбъ на помѣщичьихъ поляхъ». Иногда, какъ въ одномъ крестьянскомъ рукописномъ стихотворномъ воззваніи, эта идея облекается въ религіозную форму: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ»—Богъ сказалъ, а не въ потѣ тебѣ подобныхъ людей, какъ ты теперь видишь въ жизни своей. Павелъ, апостолъ христовъ, такъ училъ: кто не работаетъ, тому онъ ѣсть запретилъ».

О чемъ то другомъ, а не о любовномъ объединеніи «пролетарскихъ и буржуазныхъ элементовъ деревни» свидѣтельствуютъ эти данныя. Но намъ могутъ не повѣрить. Показанія корреспондентовъ «Революціонной Россіи» инымъ соціаль-демократамъ могутъ показаться слишкомъ «субъективными». Для убѣжденія такихъ «невѣрующихъ» мы не можемъ найти лучшаго довода, какъ процитировать показанія... корреспондентовъ самой «Искры».

Въ первой же корреспонденціи этой газеты съ мѣстъ волненій (см. № 20) мы читаемъ: «крестьяне объясняютъ, что «царству пановъ наступилъ конецъ».... хлѣбъ «забирается не только у помѣщиковъ-дворянъ, но и у односельчанъ-богачей, особенно у тѣхъ, которыхъ народъ не долюбливаетъ. Такъ у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлѣбъ и кормъ для скота, но и всю домашнюю утварь». Въ слѣдующемъ № мы читаемъ, что крестьяне «разбираютъ панское добро, какъ бы возвращая этимъ себѣ отнятую у нихъ прибавочную стоимость». И дальше приводится перечисленіе «пострадавшихъ», гдѣ, наряду съ дворянскими имѣніями, мы встрѣчаемъ и паровую мельницу Кузьминова, и имущество богатаго мужика Корсуна, и т. д. Въ другой корреспонденціи того же № излагается, какъ нѣкоторые крестьяне объясняютъ причину безпорядковъ: «Въ прокламаціяхъ, говорятъ они, у насъ было сказано: земля должна принадлежать всему трудящемуся населенію, т. е. мужикамъ, которые трудятся. Выводъ отсюда тотъ, что нужно отнять землю у пановъ и подѣлить между трудящимся населеніемъ». Въ слѣдующемъ № (22) говорится объ открытомъ заявленіи крестьянъ, что «платить подати они больше не будутъ». Положеніе крестьянъ бѣдственное: «съ другой стороны, на Руси много богатыхъ людей: помѣщиковъ, купцовъ. Съ нихъ нужно требовать больше податей, чѣмъ съ бѣдняковъ-крестьянъ». Въ слѣдующемъ 23-мъ №, опять извѣстія того же рода: мужики заявляютъ въ одномъ мѣстѣ — что теперь, дескать, въ Россіи всѣ бѣдные крестьяне, не имѣющіе хлѣба для пропитанія, забираютъ по приказанію царя у богачей все, что они имѣютъ и дѣлятъ по-

ровну между собой»; а въ другомъ мѣстѣ такъ крестьяне даже прямо заявили «намъ нужны порядки такіе, о которыхъ пишутъ въ книжкахъ».

Любопытный примѣръ обмана зрѣнія! Въ каждомъ №-рѣ корреспонденты самой «Искры» аккуратно характеризуютъ крестьянское движеніе именно какъ движеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ, трудящихся противъ нетрудящихся, эксплуатируемыхъ противъ выжимающихъ «прибавочную стоимость». А теоретики «Искры», читая это, умозаключаютъ: это движеніе не только не направлено противъ буржуазіи и капитализма, но наоборотъ: оно объединяетъ сельскую буржуазію и сельскій пролетаріатъ противъ остатковъ крѣпостничества!

Такъ всегда происходитъ съ людьми, которые не изъ жизни черпаютъ обобщенія, а изъ дедукцій строятъ особую жизнь, съ дѣйствительной жизнью имѣющую мало общаго.

*
* *

Источникъ этой ошибки понятенъ. Мы уже видѣли, что въ современной русской деревнѣ есть почва для классовой борьбы всего рабочаго, трудящагося класса противъ всего класса эксплуататоровъ. Что же касается шансовъ обособленнаго движенія одного только сельско-хоз. пролетаріата, то даже «Искра» (см. № 3) находитъ, что «общенаціональнаго значенія движеніе сельскихъ рабочихъ не можетъ получить ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ».—Ошибочно считая этотъ фактъ слѣдствіемъ недостаточнаго развитія капитализма въ Россіи; сводя понятіе «рабочаго класса» на болѣе узкое понятіе «пролетаріата» *) и не замѣчая, что въ промышленно-развитыхъ странахъ соціализмъ находитъ въ трудовомъ крестьянствѣ не менѣе благопріятную почву для пропаганды, чѣмъ въ средѣ сельскихъ батраковъ,—нѣкоторая часть русской соціальдемократіи приняла смѣлое и, можно сказать, буквально самоотверженное для соціалистовъ рѣшеніе. Съ завидной откровенностью она формулировала такъ основную идею своей «аграрной программы»: мы, заявляетъ «Заря»,—«требуемъ введенія деревни въ такія условія жизни, какія свойственны буржуазному обществу». Буржуазное общество предполагаетъ, что земля есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, а потому индивидуальная собственность и полная свобода индивидуальнаго распоряженія землею есть священнѣйшее изъ «правъ человѣка и гражданина». И наши «соціалисты» такъ проникаются своей новой священной миссіей—быть проводниками въ деревню «свойственныхъ буржуазному обществу условій», что искренно негодуютъ на соціалистовъ-революціонеровъ за то, что они, видите-ли, «во

*) «Соціальдемократія—непосредственно и всецѣло—представляетъ интересы только одного пролетаріата». «Заря», № 4, стр. 1—6.

имя народническаго предразсудка объ общинномъ началѣ и уравнительномъ принципѣ отказываютъ крестьянству въ такомъ элементарнѣйшемъ гражданскомъ правѣ, какъ право распоряжаться своей землей». А отказываемъ мы крестьянину въ этомъ священномъ правѣ человѣка и гражданина тѣмъ, что не выставляемъ, вслѣдъ за «Искрой» и «Зарей», требованія «отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей». Дѣйствительно, на эту почву мы встать не хотимъ и не можемъ. Мы не признаемъ частной собственности на средства производства, и потому, напротивъ, будемъ предлагать—когда по условіямъ политической жизни получимъ на это право—проекты законовъ, стѣсняющихъ свободу распоряженія землей отдѣльнаго индивида—хотя бы то былъ и крестьянинъ — въ пользу коллективности. И мы будемъ имѣть за себя всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые уже и теперь, читая наши пропагандистскія и агитаціонныя брошюры, говорятъ: «мужики ропщутъ, что у нихъ земли нѣту; они говорятъ, что мы-де этому непричинны, а между тѣмъ, все дѣло, вся сила въ насъ самихъ. Мы сами должны уничтожить собственность на землю и сдѣлать все общимъ владѣніемъ» *).

Новые «проводники въ деревню свойственныхъ буржуазному обществу условій» не даютъ рѣшительнаго отвѣта даже на такой вопросъ,—получитъ ли каждый отдѣльный крестьянинъ (въ силу отмѣны всякихъ стѣсненій свободнаго распоряженія землей) право, вопреки волѣ большинства, выдѣла его земли въ особый участокъ. Они уклончиво отвѣчаютъ, что «это будетъ зависѣть отъ общихъ гражданскихъ законовъ и отъ ихъ (крестьянъ) спеціальныхъ договоровъ между собою». Это не отвѣтъ, а бѣгство отъ отвѣта. Всякій знаетъ, что подобные акты регулируются общими гражданскими законами, но потому то и важно знать, хотятъ ли—и если да, то какими законами, какъ хотятъ нормировать наши «проводники» выдѣлъ отдѣльнымъ крестьяниномъ изъ общинной собственности своего надѣла? «Проводники» хранятъ благоразумное молчаніе. А между тѣмъ это—кардинальный пунктъ, на этомъ еще яснѣе было бы видно, что они стремятся не къ соціализаціи, а къ индивидуализаціи земельной собственности. Соціалисты, взявшіе на себя проведеніе въ деревнѣ началъ буржуазнаго строя, однако, помнятъ, что нужно «расширеніе правъ коллективности по отношенію къ индивидууму», поскольку оно «въ интересахъ техническаго и соціальнаго прогресса». И вотъ, въ качествѣ фиговаго листочка для прикрытія своего буржуазнаго грѣхопаденія, они допускаютъ туманную оговорку въ характерной формѣ условнаго предложенія: «Въ такой формѣ, разумѣется, и мы защищали бы всякій соотвѣтственный (какъ это ясно!) законъ, лишь бы онъ относился не къ однимъ только

*) Изъ письма крестьянскаго кружка по поводу брошюръ Партіи Соц.-Рев. и Агр. Соц. Лиги.

мелкимъ собственникамъ, не къ однимъ только крестьянамъ, а ко всѣмъ землевладѣльцамъ вообще». Къ сожалѣнію, никакого такого «соотвѣтственнаго» закона въ числѣ пунктовъ аграрной программы «Искры» и «Зари» мы не находимъ. А на лицо остается лишь вполнѣ опредѣленное требованіе полной свободы «элементарнѣйшаго гражданскаго права распоряжаться своей землей», да своеобразный прожектъ выдѣленія изъ помѣщичьихъ земель нѣкоторой части—кусочковъ, лоскутовъ и обрѣзковъ—и передачи ихъ въ мелкую, подворную, личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ. При этомъ опять-таки съ завидной откровенностью наши прожектеры сознаются, что это будетъ, «въ сущности, подаркомъ мелкой буржуазіи». Они сознаются, что «вообще говоря, развивать, поддерживать, укрѣплять, и кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе ужъ не задача соціаль-демократіи». А въ частности оказывается обратное, такъ какъ, видите-ли, здѣсь мы имѣемъ не общій, а исключительный случай—поддержки мелкой собственности не противъ капитализма, а противъ остатковъ крѣпостничества.

Всѣмъ этимъ «подаркамъ мелкой буржуазіи» и защитѣ «элементарнѣйшаго гражданскаго права распоряжаться своей землей» мы рѣшительно противопоставляемъ наши требованія—расширенія правъ коллективности на счетъ правъ индивида въ дѣлѣ распоряженія землей и—какъ вершина этого процесса—полной соціализаціи земли.

Вопросу о соціализаціи земли и разбору возраженій противъ этого пункта нашей программы мы и посвятимъ слѣдующую статью.

Ноябрь 1902 г. *Ю. Гарденинъ.*

Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ аграрной программѣ-минимумъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ особенно видное мѣсто занимаютъ 2 пункта: требованіе соціализаціи земли и стремленіе къ развитію сельскохозяйственныхъ трудовыхъ товариществъ или кооперацій. Можно сказать безъ преувеличеній, что эти 2 пункта являются наиболѣе характерными для данной программы: въ связи съ этими именно пунктами пріобрѣтаютъ особенный смыслъ и значеніе всѣ другія частныя требованія аграрной программы; именно 2 эти пункта отличаютъ данную программу, какъ соціалистическую, отъ реформаторскихъ программъ, не выходящихъ, по своему духу и тенденціямъ, изъ рамокъ буржуазнаго міра.

Оба названные пункта суть пункты нашей программы-минимумъ. Наша программа-максимумъ излагаетъ тѣ мѣропріятія, которыя провели бы мы, если бы власть была въ нашихъ рукахъ, для воплощенія въ жизнь нашего идеала — соціалистическаго строя. Въ настоящее время соціалисты всѣхъ странъ, не желая впадать въ утопизмъ, категорически отказываются нарисовать планъ «государства будущаго» въ деталяхъ. Идеалъ соціалистическаго строя въ ихъ программахъ играетъ роль путеводной звѣзды, маяка, опредѣляющаго направленіе пути, а не конкретнаго «прожекта» по образцу и подобію обычныхъ министерскихъ и канцелярскихъ прожектовъ. Болѣе чѣмъ кто-либо, соціалисты понимаютъ, что не только въ самосознаніи народа, а въ техническихъ, матеріальныхъ условіяхъ производства въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ для полнаго осуществленія соціалистическаго идеала — общественнаго регулированія всего производства сообразно общественнымъ потребностямъ — однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія.

Это не означаетъ, однако, чтобы современный соціализмъ не обладалъ въ настоящее время никакой осуществимой программой. У современныхъ соціалистическихъ партій есть всегда достаточно требованій, которыя вполнѣ осуществимы—лишь бы для осуществленія ихъ была на лицо достаточная численная сила, Огосударствленіе (національзація) земли и тѣхъ отраслей производства, которыя подготовлены къ этому процессомъ концентраціи еще въ буржуазномъ строѣ и имѣютъ общенаціональное зна-

ченіе для совокупности жителей общины (городской и сельской); передача, подъ контролемъ соціал. государства, въ руки ассоціацій равноправныхъ производителей, предпріятій, могущихъ быть поставленными въ непосредственную связь съ организованнымъ потребленіемъ достойныхъ общественныхъ группъ,—эти мѣропріятія, въ своей совокупности, подорвали бы самыя основы буржуазнаго общества и заложили бы фундаментъ соціалистическаго строя. Правда, наряду съ реорганизованными на соціалистическихъ началахъ формами при этихъ условіяхъ еще находились бы отдѣльныя частныя предпріятія; въ порахъ нарождающагося соціалистическаго общества еще гнѣздились бы самостоятельныя хозяйственныя единицы, независимые мелкіе производители, которыхъ соціализму, кстати сказать, нѣтъ никакой надобности силкомъ загонять въ соціалистическій рай. Мы убѣждены, что внутренняя притягательная сила коллективистскихъ порядковъ окажется достаточно велика, чтобы постепенно привлечь и ассимилировать эти остатки до-соціалистическаго строя. Такимъ образомъ, осуществленіе нашей программы—максимумъ равносильно переведенію въ жизнь тѣхъ началъ соціалистическаго строя, для которыхъ ко времени перехода общественной власти въ руки рабочаго класса созрѣютъ необходимыя предварительныя условія, техническія и культурныя.

Но одной программы-максимумъ для соціалистической партіи недостаточно. Эта программа, какъ уже сказано выше, предполагаетъ, что у власти стоитъ соціалистическая партія и дѣйствуетъ съ совершенно развязанными руками. Но завоеваніе политической власти предполагаетъ упорную борьбу, предполагаетъ переходный періодъ—долгій или короткій—въ теченіе котораго партія, правда, можетъ въ растущей мѣрѣ вліять на ходъ законодательства,—но вынуждена считаться съ тѣмъ фактомъ, что государственная власть находится въ рукахъ тѣхъ или иныхъ фракцій буржуазіи. Проведеніе въ этотъ періодъ тѣхъ или иныхъ органическихъ мѣръ для осуществленія соціализма невозможно, ибо это означало бы соціализмъ изуродованный, приспособленный къ интересамъ буржуазно-капиталистическаго строя, т. е. пресловутый государственный соціализмъ, или, какъ удачно выразился однажды Либкнехтъ,—вѣрнѣе сказать, государственный капитализмъ..... Съ этимъ жалкимъ ублюдкомъ революціонный соціализмъ ничего общаго не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Но, не проводя и не имѣя возможности проводить подъ флагомъ государственной буржуазіи никакихъ органическихъ мѣръ для непосредственнаго воплощенія соціализма, рабочій классъ, организованный въ политическую партію, долженъ въ этотъ переходный моментъ использовать все свое вліяніе на законодательство въ интересахъ борющихся за свое освобожденіе трудящихся массъ. Для этого вырабатывается система требованій, чуждыхъ всякихъ сдѣлокъ съ основными началами буржуазнаго режима, согласныхъ

съ революціонно-соціалистическими принципами и ускоряющихъ процессъ развитія силъ, разрушающихъ старый порядокъ.

Эти-то требованія и входятъ въ составъ соціалистической программы-минимумъ. Вся сумма этихъ требованій, правда, не создаетъ соціалистическаго порядка и въ этомъ смыслѣ она не выступаетъ изъ рамокъ существующаго строя, не означаетъ окончательнаго подведенія всякихъ счетовъ съ этимъ строемъ. Но общій смыслъ этихъ требованій представляетъ прямое покушеніе подорвать основы этого строя, создать въ его предѣлахъ, на его почвѣ силы, работающія для его разрушенія, создать, наконецъ, и объективныя условія, возможно болѣе благопріятствующія работѣ этихъ силъ. Здѣсь, въ этомъ пунктѣ и лежитъ коренное отличіе минимальныхъ требованій соціалистическихъ партій отъ проектовъ «соціально-реформаторскихъ» партій. Эти послѣднія преслѣдуютъ цѣли возстановленія нарушеннаго соціальнаго мира и равновѣсія, тогда какъ первыя стремятся только усилить, только увеличить боевую способность и шансы на побѣду силъ, несущихъ знамя будущаго. Для первыхъ критерій плодотворности реформы—ея способность успокоить общественное недовольство; для вторыхъ—ея способность укрѣпить позиціи недовольныхъ элементовъ для дальнѣйшей борьбы за ихъ соціально-политическіе идеалы.

Итакъ, требованія, входящія въ программу-минимумъ соціалистической партіи, во первыхъ—должны обладать технической, объективной осуществимостью, а, во вторыхъ, должны приближать насъ къ осуществленію нашей конечной цѣли, облегчая организацію, ростъ самосознанія и боевой готовности рабочаго класса (въ городѣ и деревнѣ) и создавая, въ предѣлахъ возможнаго, политическія, правовыя и матеріальныя условія, благопріятныя для классовой борьбы арміи труда противъ арміи эксплуататоровъ труда.

Въ области политической эти требованія, поэтому, направлены къ полной демократизаціи всего государственнаго и юридическаго строя на началахъ свободы и равноправности. Что касается хозяйственной области, то здѣсь, съ одной стороны, стоятъ требованія законодательной защиты матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ наемныхъ рабочихъ, занятыхъ какъ въ индустріи, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ; съ другой-же стороны—требованія, имѣющія цѣлью привлечь къ соціалистическому движенію самостоятельныхъ тружениковъ-производителей, увеличивая ихъ солидарность и препятствуя насажденію и распространенію въ ихъ средѣ «собственническаго фанатизма». Эта часть экономическихъ требованій соціалистической программы-минимумъ имѣетъ особенное значеніе въ области аграрныхъ отношеній.

*
* *

Въ деревнѣ намъ прежде всего приходится считаться съ

тѣмъ фактомъ, что и самостоятельное трудовое крестьянство, и сельскій пролетаріатъ обнаруживаютъ сильнѣйшее тяготѣніе къ землѣ. Есть фракція соціалистовъ, которая считаетъ это стремленіе по самому существу своему стремленіемъ реакціоннымъ. Для нея кличъ малоземельныхъ крестьянъ и безземельныхъ батраковъ: «земли! земли!» кажется не болѣе, какъ пережиткомъ стараго времени, слѣпой традиціей, съ которой крестьянство, а особенно сельскій пролетаріатъ—должны безповоротно раздѣлаться; и чѣмъ скорѣе они съ ней раздѣлаются, тѣмъ лучше. Увеличеніе числа сельскихъ батраковъ на счетъ числа самостоятельныхъ крестьянъ—вотъ то явленіе, которое, съ этой точки зрѣнія, будучи закономъ развитія сельско-хозяйственнаго производства, раньше или позже положитъ конецъ всѣмъ утопіямъ и иллюзіямъ этого рода и заставитъ не только пролетаріатъ, а и пролетаризирующееся крестьянство выработать въ себѣ чисто пролетарскую психологію, свободную отъ старомужицкой «тяги къ землѣ».

Взглядъ этотъ выработанъ по «аналогическому методу», путемъ механическаго перенесенія на деревню воззрѣній, правильныхъ для совершенно иныхъ условій—условій городского, индустріальнаго развитія. Факты, дѣйствительность во многихъ пунктахъ рѣзко противорѣчатъ этому взгляду. Достаточно указать на то, что въ большинствѣ культурныхъ странъ послѣднія статистическія изслѣдованія обнаружили не ростъ, а наоборотъ, абсолютное уменьшеніе численности сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Сезонный характеръ сельско-хозяйственныхъ работъ заставляетъ безземельнаго батрака существовать цѣлый годъ на продуктъ труда части года; создается огромное количество наемныхъ рабочихъ, не имѣющихъ постояннаго, регулярнаго заработка, то вбираемыхъ процессомъ производства, то выбрасываемыхъ; это—текучій, бродячій элементъ, съ трудомъ поддающійся организаціи, и говоря словами Маркса,—всегда стоящій одной ногой въ болотѣ пауперизма. Съ другой стороны, рабочіе годовые слишкомъ малочисленны, раздроблены, разбросаны и слишкомъ зависимы. Жизнь для нихъ становится ярмомъ. Лучшіе элементы бѣгутъ въ городъ, и сельско-хозяйственный пролетаріатъ благодаря этому лишается какъ разъ тѣхъ энергичныхъ людей, которые при другихъ условіяхъ могли бы быть ферментами революціоннаго броженія въ его средѣ и организаторами его освободительнаго движенія.

«Капиталистическое развитіе—сознается даже такой правовѣрный марксистъ, какъ Каутскій—вліяетъ въ деревнѣ иначе, чѣмъ въ городахъ. Здѣсь оно не соединяетъ людей, а разъединяетъ ихъ. Оно ведетъ не только къ относительному, но на извѣстной ступени развитія и къ абсолютному обезлюденію деревни. Оно уводитъ оттуда какъ разъ самые способные, самые энергичные и самые интеллигентные элементы. Слабѣйшіе и беззащитнѣйшіе—вотъ кто остается. Рука объ руку съ этимъ обезлюденіемъ идетъ и умственное запустѣніе деревна»...

При такихъ условіяхъ понятно, что остающіеся въ деревнѣ всѣми силами стремятся завладѣть клочкомъ земли, представляю-

щимъ, какъ бы то ни было, нѣкоторый минимумъ относительной независимости и обезпеченности. Даже среди городскихъ рабочихъ нѣкоторыхъ типичныхъ капиталистическихъ странъ обнаруживается тенденція къ обзаведенію небольшой земельной собственностью, которая могла бы послужить «тихою пристанью» на склонѣ лѣтъ рабочему, уставшему бороться за существованіе въ водоворотѣ конкурренціи, кризисовъ, безработицы. Нѣкоторые экономисты усматриваютъ въ лихорадочной погонѣ за землей, ведущей къ ненормальному, бѣшенному возвышенію арендныхъ и покупныхъ цѣнъ на землю — все ту же, замаскированную, прикрытую ложной оболочкой форму вопроса о безработицѣ. Въ Россіи, гдѣ связь фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ существуетъ еще въ огромныхъ размѣрахъ, обратное перекочевываньe рабочихъ послѣ извѣстнаго промежутка времени съ фабрики въ деревню совершается и съ большей легкостью, и въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Итакъ, «тяга къ землѣ» со стороны сельско-хозяйственныхъ батраковъ и малоземельныхъ крестьянъ имѣетъ подъ собою гораздо болѣе прочную и реальную основу, чѣмъ простая «слѣпая традиція» или закоренѣлый «собственническій фанатизмъ». Коренясь въ цѣломъ рядѣ особенностей земледѣльческаго производства, эта «тяга къ землѣ» вынудила большинство западноевропейскихъ соціалистовъ обратить на нее болѣе серьезное вниманіе, считаться съ нею и соотвѣтственно усложнить свою деревенскую тактику. На этомъ пути сдѣланы были и кое-какія существенныя ошибки какъ заграничными, такъ и русскими *) соціальдемократами. Но это, конечно, не значитъ, что самый путь былъ невѣренъ.

*
* *

Перемѣна тактики по отношенію къ деревнѣ и крестьянству съ его привязанностью къ землѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ была узаконена даже однимъ изъ отцовъ научнаго соціализма, Фр. Энгельсомъ. Вопреки догмѣ, согласно которой только пролетаризація приведетъ къ соціализму—догмѣ, особенно распространенной въ Россіи—Энгельсъ призналъ, въ статьѣ «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland», возможность для крестьянъ врости въ государство будущаго другимъ путемъ. Мы можемъ, говоритъ Энгельсъ, «предложить крестьянамъ возможность самимъ вводить крупное производство, но не за счетъ капитала, а за ихъ собственный, общественный счетъ». Какъ на примѣръ, онъ указываетъ на практику датскихъ соціалистовъ, пропагандировавшихъ въ де-

*) Характерно, что именно ортодоксальнѣйшіе марксисты (гэдисты во Франціи, «Искра» въ Россіи) допустили здѣсь особенно рѣзкія погрѣшности противъ революціоннаго принципа.

ревнѣ соединеніе частныхъ крестьянскихъ участковъ и хозяйствъ воедино, причемъ имѣется въ виду впослѣдствіи, при общественномъ контролѣ, «постепенно перевести крестьянское товарищество въ высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmälig in eine höhere Form überzuführen)». «Мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ мелкаго крестьянина—говоритъ Энгельсъ — мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы сдѣлать его участь болѣе сносной, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, если онъ на это рѣшится, и даже—если онъ еще не можетъ принять такого рѣшенія—дать ему на его парцеллѣ срокъ поразмыслить объ этомъ». «Чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавляемъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата (denen wir den wirklichen Absturz ins Proletariat ersparen), которыхъ мы выиграемъ для своихъ цѣлей уже какъ крестьянъ—тѣмъ скорѣе и легче совершится соціальное преобразованіе»...

Эти руководящія указанія Энгельса были подхвачены и развиты особенно Э. Вандервельдомъ въ Бельгіи и Джероламо Гатти въ Италіи *). Не враждебно противостать крестьянской «тягѣ къ землѣ», а направить ее на единственно-правильный путь—путь объединенія, соціализированія собственности и производства—таковъ современный лозунгъ соціализма въ деревнѣ. Въ духѣ этого лозунга и выработано большинство «аграрныхъ программъ» западно-европейскихъ соціалистическихъ партій.

Такъ, на Марсельскомъ и Нантскомъ конгрессахъ французская рабочая партія («гедисты»—наиболѣе ортодоксальная марксистская фракція французскаго соціализма) приняла программу, видное мѣсто въ которой занимаютъ слѣд. мѣры (см. особ. §§ 3, 5 и 8): преимущественное право сельскихъ общинъ на аренду государственныхъ земель; увеличеніе сельской общинной собственности и употребленіе на это излишковъ бюджета общинъ; запрещеніе общинамъ отчуждать ихъ общинную землю; посредничество общинъ для передачи государственныхъ земель и непосредственная дѣятельность общинъ по передачѣ общинныхъ земель въ пользованіе трудовыхъ земледѣльческихъ товариществъ, при контролѣ общины за тѣмъ, чтобы эти товарищества были дѣйствительно трудовыми, принимая членовъ на равныхъ правахъ, а не эксплуатируя наемный трудъ; покупка или наемъ общинами (при государ. помощи) машинъ для общаго пользованія труженниковъ-земледѣльцевъ, учрежденіе земледѣльческихъ товариществъ для покупки удобреній, сѣмянъ, для продажи продуктовъ и т. п.**).

*) Vandervelde «Le socialisme en Belgique». Gatti «Agrikultura e socialismo». Сюда же склоняются—но съ излишними уступками индивидуализму—бернштейніанцы Герцъ и Давидъ.

**) Крайности сходятся. Отчасти въ мотивировкѣ, отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ программы эти ортодоксальнѣйшіе французскіе марксисты сдѣлали уступки крестьянскому индивидуализму не хуже бернштейніанцевъ. (См. превосходную критику этихъ уступокъ въ цит. соч. Фр. Энгельса и Дж. Гатти).

Аналогичныя программы приняты и другими фракціями: на Дижонскомъ конгрессѣ—аллеманистами, на Турскомъ—поссибилистами; въ самое послѣднее время на конгрессѣ, происходившемъ тоже въ Турѣ (мартъ 1902 года) «Французская Соціалистическая Партія» (Жоресъ, Бріанъ, Вивіани и ихъ единомышленники) выработала программу, также включающую аналогичныя требованія: субсидированіе сельскихъ общинъ для помощи имъ въ дѣлѣ закупки сельско-хозяйственныхъ орудій, для общаго, коллективнаго пользованія, пріобрѣтенія въ общинную собственность земель, передачи ихъ въ распоряженіе ассоціаціямъ, синдикатамъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, подъ контролемъ общины, и т. п. Такимъ образомъ, вмѣсто прогрессивнаго національнизированія земель—передачи ихъ въ распоряженіе центральной государственной власти, пока еще слишкомъ далекой отъ трудящихся массъ деревни—французскіе соціалисты предпочитаютъ пока другіе пути постепеннаго обращенія земли въ общественную собственность—ея соціализаціи—исходя изъ болѣе мелкихъ единицъ—общины и сельско-хозяйственнаго трудового товарищества.

Въ аграрной программѣ бельгійской соціалистической партіи (выработана рядомъ конгрессовъ—Брюссельскимъ, Гентскимъ, Нивелльскимъ) мы встрѣчаемъ тѣ же требованія относительно земледѣльческихъ кооперацій плюсъ требованіе «націонализаціи лѣсовъ, возстановленія или развитія общинныхъ имуществъ, прогрессивнаго выкупа земли государствомъ или общинами».

То-же требованіе—прогрессивной соціализаціи земли—красною нитью проходитъ черезъ программу голландской соціаль-демократіи (Утрехтскій и Арнгеймскій конгрессы). Кромѣ общихъ предъидущимъ программамъ требованій, здѣсь мы находимъ: предоставленіе общинѣ преимущественнаго права при аукціонной продажѣ земель, расширеніе права общины облагать и экспропріировать земли—особенно лежащія впустѣ, право общины требовать законной оцѣнки земель и выкупать ихъ по этой оцѣнкѣ; «въ будущемъ примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ должно привести къ пріобрѣтенію собственности на всѣ земли общинами». (Fliegen «Agrarprogramm d. nid. Soz.-Dem.»).

Аграрная программа австрійской соціальдемократіи (Градкій партейтагъ) выдвигаетъ «обобществленіе лѣсовъ, луговъ и водныхъ силъ посредствомъ государства, села или общины, расширеніе общественной поземельной собственности при содѣйствіи благопріятствующей народу политики государства, развитіе товариществъ на совершенно демократическихъ началахъ и т. под.», «основаніе кооперацій сельскихъ работниковъ», «меліораціонныя работы, предпринимаемыя государствомъ и сельской общиной», «передача общинамъ лѣсныхъ и рыболовныхъ правъ» и т. д. и т. д.

Аграрная программа румынской соціальдемократіи (Бухарестскій партейтагъ) требуетъ также «постепеннаго выкупа госу-

дарствомъ земель крупныхъ собственниковъ», «учрежденіе общинныхъ выгоновъ» и т. п.; преимущественной сдачи перешедшихъ въ общественную собственность земель «въ аренду для артельнаго пользованія общинамъ».

Итальянская соціалистическая партія хотя еще не выработала подобной аграрной программы, но приняла уже (Римскій партейтагъ) резолюцію, согласно которой членамъ партіи «вмѣняется въ обязанность сообразно мѣстнымъ условіямъ помогать распространенію идеи кооперації», ибо товарищества имѣютъ для крестьянскаго пролетаріата и мелкихъ собственниковъ очень важное значеніе, особенно «благодаря ихъ воспитательному вліянію и подготовленію къ коллективному управленію производствомъ» при условіи руководства ими въ духѣ принциповъ и тактики соціалистической партіи.

Въ той или иной степени аналогичныя требованія входятъ и въ программы венгерской соціальдемократіи, (согласно взгляду которой «община, село представляетъ собою естественную ассоціацію»), датской, баварской, гессенской, баденской, виртембергской. Для германской соціальдемократіи въ цѣломъ вопросъ объ аграрной программѣ остается еще открытымъ. На Бреславльскомъ партейтагѣ одинъ проектъ былъ отвергнутъ и рѣшено предварительное «изученіе» вопроса. На одномъ изъ слѣдующихъ партейтаговъ аграрный вопросъ будетъ, однако, вновь поставленъ на очередь и нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе привить крестьянскому хозяйству, такъ сказать, снизу коллективистскія теденціи найдетъ себѣ яркое выраженіе въ будущей аграрной программѣ нѣмецкой соціальдемократіи. Со временъ Бреславльскаго конгресса многіе догматики продѣлали крупную эволюцію въ своихъ взглядахъ. Знаменіемъ времени является, напр., статья Эрнста Эбгарта «Крестьянинъ и соціальдемократія», помѣщенная въ «Neue Zeit» безъ малѣйшихъ оговорокъ со стороны редактора Каутскаго. Указывая на удивительную, упорную живучесть крестьянства и освѣщая этотъ фактъ въ духѣ извѣстнаго сочиненія Каутскаго объ аграрномъ вопросѣ, авторъ статьи обращаетъ болѣе вниманіе на стремленія крестьянъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей обратиться къ раціональнымъ способамъ хозяйства, прибѣгая къ кооперації. «Несмотря на «антиколлективистскій черепъ крестьянина»— говоритъ онъ—мы наблюдаемъ, что частная собственность въ этихъ хозяйствахъ отступаетъ все болѣе на задній планъ, а на передній планъ все болѣе выдвигается кооперативная, коллективная собственность». По мѣрѣ развитія и расширенія хозяйственныхъ функцій коллективности, кооперації, она стала превращаться въ главный источникъ доходовъ; значеніе и цѣнность обособленныхъ, индивидуализированныхъ функцій хозяйства, напротивъ, стали убывать. Нетрудно видѣть, насколько фактъ этотъ содѣйствуетъ вытѣсненію въ психикѣ крестьянина индивидуалистическихъ тенденцій тяготѣніями къ коллективизму, и чего можно ждать въ этомъ отношеніи дальше. «Тогда не подлежитъ никакому сомнѣ-

нію, отъ какого крестьянина мы можемъ ожидать большаго пониманія нашихъ требованій,—отъ обнищавшаго-ли, который въ концѣ концовъ становится сельскимъ или промышленнымъ пролетаріемъ и ужъ только какъ таковой приходитъ къ намъ,—или отъ крестьянина, который уже имѣлъ возможность познакомиться съ выгодами коллективистическаго хозяйства, и стремленіемъ котораго является усилить коллективныя предпріятія, главный источникъ его дохода, за счетъ своего частнаго хозяйства». Авторъ заканчиваетъ свое перечисленіе мѣропріятій, которыя могутъ быть выставлены соціальдемократіей въ аграрномъ вопросѣ, особенно подчеркивая одинъ пунктъ: «главнымъ же образомъ—поддержка всѣхъ стремленій, которыя направлены къ устройству кооперативныхъ предпріятій, приближая такимъ образомъ хозяйство крестьянъ къ нашимъ цѣлямъ и дѣлая для крестьянъ болѣе понятными наши цѣли».

Этотъ ходъ мыслей заставитъ, конечно, многихъ доктринеровъ марксизма отнестись иначе, чѣмъ прежде, къ бреславльской рѣчи Бебеля, который говорилъ: «общинная собственность—уже не личная собственность; и если доставляемыя ею выгоды часто не велики, то причина этого лежитъ не въ ней самой, какъ формѣ землевладѣнія, но въ дурномъ распоряженіи ею... Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы превращаемъ въ общинную собственность, потому что онъ позднѣе дастъ намъ извѣстную экономію силъ при разрѣшеніи вопроса объ экспропріаціи. Поддержка общинной собственности и расширеніе ея всѣми подходящими средствами лежитъ, такимъ образомъ, въ нашемъ интересѣ».

Вопросъ о мужицкой «тягѣ къ землѣ» имѣетъ, конечно, особенно жгучее значеніе для насъ, русскихъ соціалистовъ. Вопль крестьянства «земли! земли!» въ послѣднее время становится все громче и громче, и, что еще важнѣе, изъ стона жалобы онъ уже превращается мѣстами въ кличъ борьбы. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для судебъ будущей русской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ даже въ обычное, тихое время, въ двухъ губерніяхъ крестьянство попыталось наложить руки на трижды священную земельную собственность помѣщиковъ; если, несмотря на исправное функціонированіе правительственнаго механизма, движеніе, начавшись въ одномъ селѣ, такъ быстро успѣло разлиться въ цѣломъ обширномъ районѣ; если стоустая молва разнесла вѣсть о началѣ въ Харьковской губерніи «поравненія земли» буквально «отъ Перми до Тавриды, отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», всюду взбудораживъ крестьянство и усиливъ въ немъ острое броженіе,—то трудно себѣ представить, чтобы подобныя же событія не разыгрались и въ моментъ приближающагося политическаго кризиса, только въ размѣрахъ еще болѣе грандіозныхъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ моментъ ликвидаціи самодержавнаго строя, въ моментъ броженія и неустройства, общей заворухи и пріостановки правильнаго функціонированія государ-

ственной машины, крестьянскія массы воспользуются благопріятнымъ моментомъ, чтобы осуществить наконецъ свою завѣтную мечту—добыть земли. И разъ возстаніе крестьянъ съ цѣлью захвата въ революціонный періодъ земель представляетъ собою извѣстную вѣроятность, нужно, чтобы соціалистическая парія заранѣе считалась съ этой вѣроятностью, чтобы никакой поворотъ въ ходѣ дѣлъ не засталъ ее въ расплохъ, чтобы она заранѣе была готова къ нему, заранѣе обладала выработанной системой дѣятельности на этотъ случай.

Современную Россію не разъ сравнивали съ дореволюціонной Франціей. И дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ аналогія между двумя странами напрашивается сама собой. Господство придворной олигархіи, управлявшей именемъ неспособнаго и слабохарактернаго короля и успѣвшей довести страну до полнаго экономическаго разстройства, во Франціи, какъ и въ Россіи, дѣлало неизбѣжнымъ одновременно ликвидировать старый политическій строй и произвести рядъ органическихъ мѣропріятій для того, чтобы вывести страну изъ состоянія всеобщаго разстройства, освободить скованныя производительныя силы народа, возстановить тотъ минимумъ соціальнаго равновѣсія, безъ котораго невозможно никакое дальнѣйшее здоровое развитіе. Кромѣ того, и въ тогдашней Франціи, какъ въ теперешней Россіи, потребность въ такомъ переустройствѣ назрѣла и обострилась до послѣдней крайности прежде, чѣмъ было сдѣлано что нибудь серьезное для ея удовлетворенія. Народныя массы не могли даже ждать, пока національному собранію заблагоразсудится поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ помѣщичьихъ правъ на крестьянскій трудъ, о выкупѣ феодальныхъ повинностей и тому под. Едва только до деревень донеслась вѣсть о взятіи Бастиліи, какъ крестьяне стали собираться толпами, вооружаясь чѣмъ попало, чтобы взять приступомъ свои, деревенскія, феодальныя Бастиліи. Вѣсть объ этомъ неожиданномъ возстаніи захватила врасплохъ національное собраніе, которому все еще некогда было подумать о бѣдствіяхъ страдавшихъ подъ игомъ феодализма крестьянъ. «Оно вполнѣ отдалось высокой и благородной работѣ декларацiи правъ, когда до него дошли первыя извѣстія о возстаніи въ деревняхъ. Въ послѣдніе дни іюля и первые дни августа оно узнало со всѣхъ сторонъ, что крестьяне, перегоняя рѣшенія законодательной власти и даже выходя за ихъ предѣлы своимъ стихійнымъ движеніемъ, отказывались платить наиболѣе ненавистные налоги и исполнять также феодальныя повинности. Они являлись вооруженными въ замки и, воздерживаясь отъ всякихъ насилій противъ личностей, захватывали и сжигали старые пергаменты, старые и новые документы феодальной эксплуатаціи. Это было насильственное освобожденіе отъ всей феодальной системы. Это была великая крестьянская революція, совершавшаяся внѣ всякихъ легальныхъ формъ, помимо воли законодательной власти»*).

*) «Histoire Socialiste», I, «Constituante» par Jean Jaures, p. 278.

Національному собранію оставалось «или организовать на всемъ протяженіи деревенской Франціи весьма трудное и опасное подавленіе возстанія, или уступить напору взбунтовавшихся крестьянъ». Первыя, сдѣланныя въ немъ, предложенія были въ духѣ репрессій. «Оно даже думало принять мѣры для подавленія частичныхъ возстаній, которыя, какъ доносили ему, вспыхивали тамъ и сямъ, когда узнало затѣмъ, что эти возстанія оказались всюду побѣдоносными и что феодальный строй былъ низвергнутъ»*). А тогда... о, тогда произошло то знаменитое засѣданіе въ ночь на 4 августа, которое буржуазные историки представляютъ, какъ актъ благороднѣйшаго отреченія со стороны дворянства и духовенства, охваченныхъ революціоннымъ энтузіазмомъ и порывомъ нравственнаго воодушевленія.... Современныя изслѣдованія соціалистическихъ авторовъ—въ особенности цитированный трудъ Жореса—представляютъ все дѣло немного прозаичнѣе... Подавить крестьянское возстаніе значило объявить крестьянамъ «вѣчную войну», вызвать съ ихъ стороны непрерывную партизанскую борьбу противъ помѣщиковъ, значило поставить всѣ дворянскія усадьбы въ осадное положеніе, сдѣлать жизнь въ нихъ для ихъ владѣльцевъ совершенно невозможною. Это значило также вступить въ борьбу со всей страной въ то самое время, когда національному собранію было необходимо имѣть точку опоры въ странѣ для борьбы съ еще сильной королевско-придворной партіей; поставить себя подъ защиту королевскихъ войскъ, т. е. отдать себя въ руки своему врагу, ища въ немъ заступника и покровителя. Это значило рисковать слишкомъ многимъ, когда можно было избрать болѣе легкій и удобный путь: легализировать движеніе, забѣжать впередъ его и объявить законодательнымъ порядкомъ освобожденіе крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей... конечно, не даромъ, а за хорошій выкупъ. Получить кругленькія суммы взамѣнъ того, что, какъ ясно было видно, нельзя удержать въ своихъ рукахъ надолго—тутъ было отъ чего проникнуться неожиданно «революціоннымъ энтузіазмомъ», послѣ того, какъ только что обсуждались мѣры насильственнаго подавленія возстанія! И 4-го августа, опьяненное неистовой любовью «къ мужичку—меньшому брату», собраніе отдалось ночной оргіи самопожертвованія и рѣшило отдать ему свои феодальныя права—«за умѣренную плату»...

Нѣчто аналогичное этому движенію можетъ произойти и въ Россіи, но съ тѣмъ различіемъ, что главнымъ лозунгомъ движенія у насъ можетъ явиться лишь «поравненіе земли», а не уничтоженіе феодальныхъ повинностея, давно уничтоженныхъ и замѣненыхъ различными формами экономическихъ, (а не юридическихъ) кабальныхъ отношеній**). Какую же позицію должна будетъ занять

*) А. Оларъ. «Политическая исторія Франц. революціи, стр. 47.

**) Въ слѣдующій разъ мы вернемся къ другой сторонѣ дѣла. Какъ мы тогда увидимъ, и въ революціонной Франціи въ 1789 г. въ зародышевой формѣ существовало движеніе въ пользу такого поравненія; но оно совершенно заслонялось движеніемъ противъ феодальныхъ повинностей и отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть.

въ этомъ вопросѣ соціалистическая партія? Если въ «Земскомъ Соборѣ» зайдетъ рѣчь о легализаціи крестьянскихъ земельныхъ завоеваній, какую форму этой легализаціи сможетъ она отстаивать, сохраняя вѣрность своимъ принципамъ?

Но для постановки этого вопроса намъ нѣтъ необходимости предполагать непремѣнно крестьянское возстаніе съ захватомъ земель. Для насъ это лишь одна изъ возможностей. Мы можемъ допустить и другую возможность: крестьяне терпѣливо ждутъ рѣшеній Земскаго Собора. Земскому Собору необходимо предпринять что-нибудь для поправленія разстроеннаго въ конецъ крестьянскаго хозяйства. Вѣдь крестьянство—большинство страны; это платежная сила, упадокъ которой чувствительно затрогиваетъ интересы государственнаго казначейства; для русской индустріи это —внутренній рынокъ, сокращеніе котораго чувствительно отзывается на карманахъ капиталистовъ. Новый политическій режимъ, чтобы пріобрѣсти устойчивость, д о л ж е н ъ б у д е т ъ найти раціональныя мѣры для немедленнаго экономическаго оздоровленія деревни. Мѣры для содѣйствія техническому прогрессу, для распространенія сельско-хозяйственнаго образованія здѣсь недостаточны. Не говоря уже о трудности прививки техническаго прогресса къ мелкому, разрозненному хозяйству, подобныя мѣропріятія могутъ давать положительные результаты отнюдь не сразу, а лишь въ отдаленномъ будущемъ. Вопросъ о новомъ надѣленіи крестьянъ землей явится необходимымъ условіемъ немедленной помощи обнищавшей деревнѣ, и для соціалистовъ снова встанетъ вопросъ —какъ отнестись къ этой мѣрѣ? Защищать ее или оспаривать? Въ какихъ размѣрахъ и въ какихъ формахъ ее предлагать?

*
* *

Эта земельная реформа, прежде всего, возможна въ двухъ основныхъ формахъ: 1) надѣленіе крестьянъ землею на началахъ частной собственности, и 2) организація уравнительнаго крестьянскаго землепользованія на основѣ увеличенія общественной поземельной собственности.

Два этихъ основныхъ типа возможной поземельной реформы по своему направленію и общественному значенію прямо противоположны. Въ первомъ случаѣ мы дѣйствуемъ въ духѣ и н д и в и д у а л и з а ц і и поземельной собственности, во второмъ случаѣ— въ духѣ с о ц і а л и з а ц і и ея.

Нѣтъ сомнѣнія, что соціалистическая партія можетъ пойти только вторымъ путемъ. Первый путь для нея совершенно закрытъ. Насаждать въ деревнѣ, въ крестьянствѣ частную собственность —это можетъ кто угодно, только не соціалистъ. Непримиримое отрицаніе частной собственности для него обязательно. Никакіе софизмы оппортунистовъ, рядятся ли они въ модное одѣяніе бернштейніанства или въ старозавѣтную тогу марксистской ортодоксіи,

не могутъ оправдать обходъ этого принципа. Правда, соціалистамъ въ демократически организованныхъ государствахъ приходится не только бороться противъ основныхъ устоевъ буржуазнаго общества, но и защищать интересы трудящихся слоевъ населенія въ предѣлахъ этого самаго буржуазнаго общества. Но сама по себѣ эта необходимость еще не создаетъ оппортунизма. Соціалистическая партія отстаиваетъ въ предѣлахъ буржуазнаго общества лишь тѣ реформы, которыя расшатываютъ устои этого общества, которыя содѣйствуютъ росту солидарности, организованности общественныхъ силъ, работающихъ надъ его пересозданіемъ. Частная собственность на землю—одинъ изъ устоевъ буржуазнаго общества, и поддерживать этотъ устой могутъ лишь буржуазныя партіи. Наиболѣе дальновидные защитники буржуазнаго режима всегда мечтали и мечтаютъ о созданіи широкаго слоя «экономически-крѣпкаго крестьянства», «хозяйственныхъ мужичковъ», насквозь проникнутыхъ традиціями частной собственности на землю и духомъ индивидуализма. Такого рода «крестьянство» ризуется имъ наилучшимъ оплотомъ противъ проникновенія заразы соціализма въ деревню. Для образованія такого зажиточнаго, буржуазнаго крестьянства они были бы не прочь, съ одной стороны, обратить изрядную долю «излишнихъ» крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ—пролетаріевъ, а съ другой стороны—урѣзать немного и крупное старо-помѣщичье землевладѣніе, живущее въ значительной степени «чужакомъ» новобуржуазному міру и сохранившее на себѣ явную печать «добраго стараго времени» феодализма. Для многихъ теоретиковъ буржуазнаго строя, поэтому, уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, тормозящаго отслаиванье «экономически крѣпкаго», буржуазнаго крестьянства за счетъ выбывающихъ изъ строя трудовыхъ, полупролетарскихъ слоевъ не менѣе желательно, чѣмъ уничтоженіе заповѣдныхъ имѣній, майоратовъ и т.п. учрежденій, искусственно удерживающихъ поземельную собственность въ рукахъ неспособныхъ отпрысковъ старо-дворянскихъ родовъ, совершенно непригодныхъ для перестройки сельскаго хозяйства на современный ладъ. Право каждаго человѣка свободно распоряжаться своимъ участкомъ земли, облегченіе процесса мобилизаціи земель, перехода ихъ изъ рукъ въ руки, купли-продажи—таковъ одинъ изъ боевыхъ лозунговъ буржуазнаго лагеря. Увеличеніе правъ коллективности за счетъ правъ отдѣльнаго лица, хотя бы оно совершилось на чисто-демократической основѣ, для буржуазнаго экономиста кажется такимъ же деспотизмомъ, такимъ же нарушеніемъ свободы, какъ и феодальныя узы.

Само собой разумѣется, что спуститься до такой точки зрѣнія соціалистъ никогда не можетъ. Онъ не можетъ при построеніи своей программы—минимумъ просто на просто обокрасть буржуазную программу, и превратить ее въ одинъ изъ предварительныхъ фазисовъ развитія собственныхъ—хотя бы и минимальныхъ программныхъ требованій. Среди различныхъ законодательныхъ и правовыхъ нормъ, ограничивающихъ права отдѣльной

личности надъ землею, соціалистическая партія всегда будетъ дѣлать различеніе, борясь противъ однихъ—увеличивающихъ бюрократическую опеку и феодально-дворянскія позиціи, отстаивая и стремясь развивать другія—служащія основой охраны общихъ интересовъ труда противъ притязаній кулачества. Для соціалиста въ деревнѣ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ именно насажденіе частной собственности, пріученіе мужика, еще считающаго, что земля «ничья», «вольная» (или «божья»,какъ выражаютъ ту же идею въ архаической формулировкѣ старики) къ мысли о правѣ торговать, барышничать землей, какъ объ одномъ изъ само собой разумѣющихся «элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ» человѣка. Именно здѣсь и лежитъ опасность насажденія и укрѣпленія того «собственническаго фанатизма», который потомъ способенъ надѣлать соціалистамъ много хлопотъ.

Въ общемъ видѣ, конечно, никто изъ соціалистовъ не рѣшится опровергать наше положеніе, что соціалистъ не можетъ, не измѣняя себѣ, способствовать поддержанію, насажденію, укрѣпленію частной собственности въ деревнѣ. Это—одно изъ основныхъ положеній соціализма, слишкомъ самоочевидныхъ, чтобы объявить ему прямую войну. Въ такихъ случаяхъ принято выискивать обходный путь, найти лазейку, уловку, и, признать общее правило лишь для того, чтобы тотчасъ же найти для себя исключеніе. Напримѣръ, можно сказать (какъ это дѣлаетъ «Заря»): «вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна, ибо она направляется противъ крупнаго капиталистическаго хозяйства»; но такъ какъ «мы хотимъ поддержать частную собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества», то это «случай исключительный», и поддерживая частную собственность, мы ни мало не измѣняемъ, напротивъ, служимъ принципу классовой борьбы. Но вѣдь дѣло то не въ томъ, противъ чего именно вы «хотите» поддерживать частную собственность. Противъ чего бы вы ни хотѣли ее поддерживать, вы не можете этого дѣлать, не усиливая ея; а усиливая ее, вы даете ей возможность упорнѣе сопротивляться всему, чему она захочетъ сопротивляться, а не только тому, противъ чего въ вашей головѣ была предназначена эта поддержка. Частная крестьянская собственность вообще чрезвычайно живуча, а усиливая ея живучесть, вы, конечно, даете ей лишніе шансы въ борьбѣ не только противъ крѣпостничества и противъ капитализма—это еще не бѣда—а, главное, противъ соціализма. Ибо, насаждая частную собственность среди крестьянства, въ психикѣ котораго еще живутъ общинные навыки и воззрѣнія, живетъ даже представленіе о землѣ, какъ общемъ достояніи всѣхъ людей, вы затрудняете себѣ въ будущемъ (и даже въ настоящемъ!) пропаганду обобществленія земли, какъ и другихъ орудій производства.

Итакъ, соціалистическая партія не можетъ внести буржуазнаго духа даже въ свою программу—минимумъ аграрныхъ требованій. И здѣсь не можетъ она служить принципу индивидуа-

лизаціи земельной собственности—принципу, діаметрально противоположному ея конечной цѣли. И если она признала необходимость пойти навстрѣчу потребности трудовой массы крестьянства въ землѣ, то она можетъ сдѣлать это лишь путемъ увеличенія кресьянскаго землепользованія на основѣ не личной, а соціализированной собственности.

Но этимъ вопросъ еще не рѣшается, или, лучше сказать, онъ рѣшается только въ самомъ общемъ и отвлеченномъ видѣ. Возникаетъ новый вопросъ о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ соціалистическая партія можетъ отстаивать—даже въ предѣлахъ классового буржуазнаго государства—т. е. государства, въ сущности, лишь полусвободнаго, полудемократическаго—соціализацію земли.

Здѣсь прежде всего намъ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ вполнѣ конкретныхъ проектовъ «національзаціи земли». Каждый изъ этихъ проектовъ есть частный случай по отношенію къ общему понятію—превращенія земли изъ личной собственности въ общественную; совершенно такъ же, какъ, напримѣръ, подобнымъ же частнымъ случаемъ соціализаціи тѣхъ или другихъ областей народнаго хозяйства будетъ ихъ переходъ въ руки городовъ, общинъ, находящихся подъ общественнымъ контролемъ кооперацій и т. п. Сущность реформы одна и та же: изъ частной собственности лица изъимается извѣстная совокупность правъ и передается коллективности или распредѣляется между коллективностями. Но коллективности эти могутъ быть различны: государство, самоуправляющаяся область, городской муниципалитетъ, сельская коммуна, демократически организованная кооперація или товарищество. Въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій мѣста и времени соціалисты могутъ различнымъ образомъ комбинировать въ своихъ требованіяхъ соціализаціи земли распредѣленіе между этими коллективностями правъ, отходящихъ къ обществу отъ индивидуума. При одномъ политическомъ устройствѣ, на ихъ взглядъ, интересы трудового, рабочаго класса лучше всего могутъ быть гарантированы сосредоточеніемъ распорядительныхъ и собственническихъ правъ въ рукахъ центральной государственной власти, при другомъ—въ рукахъ коммуны и т. д. Сообразно этому основное требованіе соціализаціи земли можетъ измѣняться и дѣйствительно измѣняется въ аграрныхъ программахъ соціалистическихъ партій различныхъ европейскихъ государствъ. Такъ, напримѣръ, государственный элементъ шире всего представленъ въ аграрныхъ требованіяхъ англійской «Соціаль-демократической Федераціи» (ортодоксально-марксистская фракція англійскихъ соціалистовъ), которая выставляетъ какъ одинъ изъ пунктовъ своей программы—минимумъ національзацію земли. Бельгійцы уравновѣшиваютъ въ своей программѣ оба момента—государственный и коммунальный, требуя съ одной стороны возстановленія и развитія общинныхъ имуществъ, съ другой—прогрессивнаго выкупа земли государствомъ и или общинами. Голландцы ста-

новятся на исключительную коммунальную, общинную точку зрѣнія, и отъ государства требуютъ лишь законодательнаго акта, расширяющаго права общины по обложенію, выкупу и экспропріаціи земли. Таковы два крайнихъ и одинъ средній типъ, по которымъ и распредѣляются наличныя аграрныя программы соціалистическихъ партій, причемъ большинство тяготѣетъ къ среднему типу.

При выборѣ конкретныхъ формъ соціализаціи земли особенно выступаетъ на первый планъ слѣдующій моментъ. Есть нѣкоторыя государства, въ которыхъ организація центральной власти далеко еще недемократична. Такъ, въ Германіи рядомъ съ народнымъ представительствомъ стоитъ императорская власть съ очень широкими прерогативами. Между ними возможна борьба, возможны конфликты. Въ рукахъ народнаго представительства есть очень сильное оружіе для этой борьбы: разрѣшеніе или неразрѣшеніе тѣхъ или иныхъ налоговъ. Представимъ теперь, что при такомъ порядкѣ осуществлена націонализація земли. Націонализирована рента, какъ предлагаетъ это Генри Джорджъ, или же перешло въ руки государства самое завѣдываніе землей и сдача ея въ аренду—на основахъ хотя бы проекта Альфреда Росселя Уоллэса (вдохновитель германскаго «націонализаторскаго» движенія Флюршеймъ соединяетъ, съ нѣкоторыми особенностями, черты того и другого проекта). Что получилось бы отсюда? А то, что даже въ случаѣ конфликта въ рукахъ прусско-германскаго полуабсолютизма оказались бы огромныя денежныя средства въ видѣ дохода отъ земли, превращенной въ «государственныя имущества». Это разъ. Во вторыхъ, сильнѣйшимъ образомъ увеличилось бы число арендаторовъ государственныхъ имуществъ, стоящихъ въ самой непосредственной зависимости отъ той же полу-абсолютистской власти. Это могло бы дать ей возможность оказывать такое громадное вліяніе и давленіе на значительную часть избирателей, что нѣмецкіе соціальдемократы, естественно, считаютъ при данныхъ политическихъ условіяхъ «огосударствленіе (Verstaatlichung) земли слишкомъ опасной мѣрой*). Поэтому же они высказывались противъ проекта Каница, противъ Бисмарковскаго проекта табачной монополіи, противъ превращенія Reichsbank'а въ государственный банкъ, противъ, наконецъ, даже предложенія Бебеля, Либкнехта, Фольмара и друг. на Бреславльскомъ партейтагѣ аграрной программы съ огосударствленіемъ ипотекъ**). И Вандервельдъ, въ своемъ послѣднемъ трудѣ, также признаетъ, что если власть въ государствѣ слишкомъ въ большой мѣрѣ сосредоточивается въ рукахъ «монарха или правящей олигархіи», то въ такомъ классовомъ, полу-абсолютистскомъ, и милитаристскомъ государствѣ соціалисты всегда первые будутъ возставать противъ «огосударствленія» нѣкоторыхъ важнѣйшихъ народнохозяйственныхъ

*) См. Каутскаго «Die Agrarfrage» s. 321 u. f.

**) См. Verhandlungen d. Parteitages zu Breslau.

отраслей, такъ какъ оно «можетъ быть использовано въ исключительныхъ интересахъ суверена или господствующаго класса*).

Неудивительно, поэтому, что и въ современной Россіи проекты націонализаціи земли могутъ подвергаться передѣлкѣ на реакціонный ладъ. Такъ, напр., извѣстный проектъ обращенія всей земли крестьянскихъ общинъ въ государственную собственность, съ тѣмъ, чтобы крестьяне, подобно прежнимъ государственнымъ, уплачивали извѣстную арендную плату, а выкупные платежи были уничтожены—представляетъ огромную опасность усиленія бюрократической опеки надъ крестьянами и уничтоженія послѣдней тѣни самостоятельности крестьянской общины. И если дальнѣйшее политическое развитіе Россіи пойдетъ не путемъ крутыхъ переломовъ, а путемъ медленнаго перерожденія монархической олигархіи въ конституціонную, то, можетъ быть, еще долго русскимъ соціалистамъ придется отстаивать самостоятельность общины отъ регулирующаго вліянія государства, хотя въ принципѣ, конечно, самымъ раціональнымъ представлялся бы контроль высшихъ органовъ народнаго самоуправленія надъ низшими, контроль, цѣль котораго—уравновѣшивать естественныя преимущества и неравенство между отдѣльными мѣстными группами населенія.

Теперь будетъ понятно, почему въ программѣ Крестьянскаго Союза Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ стоитъ не популярное слово «націонализація земли», а болѣе общее «соціализація», не предрѣшающее всѣхъ собственническихъ и распорядительныхъ правъ въ руки именно центральной власти. Возможно, что центральная власть еще долго будетъ слишкомъ далекой отъ народа, чтобы гарантировать интересы трудящихся и борющихся крестьянскихъ массъ лучше, чѣмъ это могутъ сдѣлать мелкіе органы самоуправленія—общины, и территоріальные союзы общинъ, вродѣ преобразованной волости или земства.

Русскіе соціалисты по отношенію къ выработкѣ программы—минимумъ находятся въ своеобразномъ положеніи сравнительно съ западно-европейскими. Тѣ вырабатываютъ и детально опредѣляютъ свои требованія на основѣ вполнѣ опредѣлившихся политическихъ условій. Мы же пока совершенно исключены изъ вліянія на ходъ законодательства; и государственный строй, который смѣнитъ самодержавіе и дастъ намъ возможность вліянія, есть для насъ X, величина совершенно неизвѣстная. Поэтому намъ еще рано болѣе детально выяснять будущій характеръ нашихъ положительныхъ государственныхъ работъ, чтобы не впадать въ совершенно безплодное прожектерство. Такого прожектерства и безъ насъ слишкомъ много; стоитъ посмотрѣть хотя бы проекты минимальныхъ программъ «Искры» и «Жизни». Въ земельномъ вопросѣ наша позиція можетъ быть только одна. Мы стоимъ и всегда будемъ стоять за наибольшее сближеніе земледѣльца съ зем-

---

***) Le Collectivisme et l'Evolution industrielle. 1900, p. 171.

лею, но непремѣнно на основѣ коллективной собственности, не дающей развиться собственническому фанатизму; за переходъ въ наибольшихъ размѣрахъ земли въ руки демократически организованныхъ коллективностей,—товарищескихъ и сосѣдскихъ союзовъ—общинъ, какъ и другихъ наиболѣе близкихъ къ народу органовъ его самоуправленія; за коллективную организацію самаго земледѣльческаго труда, развивающую среди земледѣльцевъ солидарность и пониманіе выгодъ обобществленія труда. Къ требованію огосударствленія земли мы будемъ относиться очень осторожно. Въ нашей программѣ—максимумъ оно у насъ значится, ибо, предполагая власть въ рукахъ рабочаго класса, организованнаго въ политическую партію, огосударствленіе*) или націонализація земли есть огромная революціонная мѣра: переходъ земельной ренты въ руки государства дастъ ему сразу огромныя средства, которыя необходимы для гигантскаго дѣла общаго соціальнаго переустройства. Но, пока власть находится въ рукахъ буржуазныхъ партій, мы долго не сможемъ выступать практически съ этимъ требованіемъ, и отъ центральнаго законодательства будемъ добиваться лишь одного: расширенія правъ мѣстнаго самоуправленія, въ особенности общиннаго и волостного, какъ въ смыслѣ общаго высвобожденія отъ бюрократической опеки, такъ особенно расширенія ихъ правъ по обложенію (съ цѣлью конфискаціи поземельной ренты), и по прямой экспропріаціи земель. Итакъ, изъ трехъ типовъ земельно-соціализаторской политики къ нашимъ условіямъ всего болѣе будетъ подходить голландскій типъ, при которомъ, какъ мы уже видѣли, на первый планъ выдвигается коммунализація земли. Существованіе въ Россіи общиннаго землевладѣнія и широкое распространеніе общинныхъ традицій и воззрѣній среди крестьянства дѣлаютъ еще болѣе практичнымъ для насъ именно этотъ типъ соціалистической аграрной политики.

Что касается развитія сельско-хозяйственныхъ кооперацій, то требованія въ этомъ духѣ составляютъ естественное логическое дополненіе къ земельно-соціализаторскимъ требованіямъ. Исторія аграрныхъ программъ и аграрной тактики соціалистическихъ партій доказываетъ, что въ свободномъ государствѣ кооперативное движеніе, руководимое и вдохновляемое соціалистической партіей, дѣйствительно способно служить интересамъ освободительной борьбы рабочаго класса, вносящаго въ это движеніе свѣжую идейную струю и выступающаго противъ всякихъ попытокъ заразить его буржуазнымъ духомъ индивидуализма и барышничества. Итакъ, соціалисты при этомъ вовсе не исходятъ изъ идеализаціи современнаго кооперативнаго движенія. Напротивъ, тактика эта принята даже въ Италіи, гдѣ среди соціальдемократовъ осо-

*) Германскіе соціальдемократы (см. напр. Conrad Schmidt., Soziale Frage und Bodenverstaatlichung) термину «націонализаціи» предпочитаютъ терминъ—огосударствленіе, ибо здѣсь существененъ, конечно, не національный, а государственный моментъ.

бенно господствовали предубѣжденія противъ кооперацій. «Мы, итальянцы—свидѣтельствуетъ Клавдіо Тревесъ—до послѣдняго времени всегда питали нѣкоторую антипатію къ коопераціямъ. Мы не считали ихъ способными выдержать борьбу противъ капиталистической конкурренціи. Думалось, что посредствомъ кооперацій только происходитъ взращиваніе мелкихъ собственниковъ, которые будутъ держаться вдали отъ великихъ цѣлей экономическаго и политическаго движенія. Но противъ этихъ доктринерскихъ возраженій говорятъ фактическія завоеванія и успѣхи, увѣнчавшіе дѣятельность нашихъ товарищей въ деревнѣ: они приводили мелкихъ крестьянъ къ нашимъ идеаламъ именно посредствомъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Вся область Монферрато и Ланге сдѣлалась нашей и доставила намъ воодушевленнѣйшихъ приверженцевъ, и ораторы изъ этихъ мѣстъ говорили конгрессу: именно благодаря всевозможнымъ товариществамъ для цѣлей страхованія, коллективнаго пользованія машинами, удобреніемъ, зерномъ и т. п. мы завоевали деревню!»*).

Кромѣ объединяющей роли кооперацій, самая борьба, въ предѣлахъ сельской общины, за расширеніе и ея правъ и ея фактической дѣятельности по обложенію и конфискаціи поземельной ренты крупныхъ собственниковъ, по экспропріаціи въ собственность общины земель помѣщиковъ и кулаковъ, способно болѣе чего бы то ни было раздуть и обострить классовую борьбу трудового крестьянства противъ его эксплуататоровъ, сблизить его съ сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ, содѣйствовать его проникновенію идеями соціализма. Вотъ почему требованія и дѣятельность въ духѣ соціализированія земельной собственности и развитія сельскохозяйственныхъ кооперацій занимаетъ такое видное мѣсто въ аграрныхъ программахъ западно-европейскихъ соціалистическихъ партій; вотъ почему, въ полномъ согласіи съ интернаціональнымъ соціализмомъ, то же основное требованіе выставляетъ въ своей аграрной программѣ и Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ. И вотъ почему, послѣ всего сказаннаго, для «всякаго, даже не учившагося въ семинаріи», станетъ во весь свой ростъ колоссальнѣйшая несообразность утвержденій «Искры», будто «поставить рядомъ въ программѣ—минимумъ соціализацію земли и кооперацію» значитъ соединять, «проявляя рѣдкое гражданское мужество»,—Бабефа съ Левитскимъ, «безпомощно подхватывать модныя средствьица вмѣсто участія въ классовой борьбѣ», обманывая и себя, и крестьянина («ибо это обманъ, будто «всевозможныя кооперации» играютъ революціонную роль въ современномъ обществѣ и подготовляютъ коллективизмъ, а не укрѣпленіе сельской буржуазіи»).

Итакъ, Вандервельдъ, состоящій, кстати сказать, президентомъ бельгійскаго союза соціалистическихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ, никто иной, какъ бельгійскій Левитскій!

---

*) Clavdio Treves: «Der neue Kurs in italienischen Sozialdemokratie», Sozialistiche Monatshefte, № 11, 1900.

Энрико Ферри, ѣздившій для изученія этого движенія въ Бельгію и перенесшій его въ Ломбардію, тоже итальянскій Левитскій! Всѣ они, обманывая крестьянъ, занимаются лишь укрѣпленіемъ сельской буржуазіи!.... До этого, кажется, еще никто до сихъ поръ не договаривался. «Искра» забыла, что въ изданіи Лиги Революціонной Соціальдемократіи вышла брошюра о кооперацiяхъ, изъ которой, между прочимъ, она сможетъ познакомиться съ мнѣніемъ по этому вопросу Каутскаго, который принадлежитъ къ числу крайнихъ скептиковъ по отношенію къ кооперацiямъ, и который, при всѣхъ своихъ оговоркахъ, однако признаетъ, что «все же раньше или позже въ каждой странѣ кооперативному движенію суждено съиграть немаловажную роль въ освободительной борьбѣ рабочаго класса рядомъ съ борьбой пролетаріата за власть въ общинѣ и государствѣ и рядомъ съ стремленіемъ общины и государства къ расширенію и увеличенію отраслей промышленности, находящихся въ ихъ рукахъ и подъ ихъ управленіемъ». Послѣ этихъ словъ Каутскаго «Искра» должна и сама почувствовать, что утверждать то, что она утверждала, можно только людямъ, безнадежно отставшимъ отъ современнаго движенія научно-соціалистической мысли, застывшимъ на преувеличеніяхъ и искаженіяхъ вульгаризированнаго марксизма и выдающимъ себѣ самимъ свидѣтельство о полнѣйшей неосвѣдомленности относительно позиціи, занятой современнымъ интернаціональнымъ соціализмомъ въ аграрномъ и кооперативномъ вопросахъ.

Декабрь 1902 г. *Ю. Гардѣнинъ.*

Соціаль-демократы и соціалисты-революціонеры.

Въ № 2 «Краснаго Знамени», новой газеты, издаваемой заграницей «Союзомъ Русскихъ Соціальдемократовъ», появилась статья

«Соціальдемократическая Партія и Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ». Статья эта содержитъ, между прочимъ, рѣшительное объявленіе войны соціалистамъ-революціонерамъ и со стороны этой фракціи русской соціальдемократіи. Правда, въ этой статьѣ мы напрасно стали бы искать чего-нибудь новаго и оригинальнаго. Но такія статьи интересны, какъ довольно вѣрное отраженіе того, что думаетъ и чувствуетъ средній соціальдемократъ, не уяснившій себѣ еще нашей точки зрѣнія. Спеціальныя качества статьи «Краснаго Знамени»—относительная корректность ея тона, стремленіе (въ большинствѣ случаевъ) схватить существо программныхъ и тактическихъ разногласій, не заслоняя его кучей всевозможныхъ перетолкованій, придирокъ, грубыхъ выходокъ, мелкихъ нападокъ и т. п. —дѣлаютъ ее еще болѣе удобнымъ поводомъ для обсужденія вопроса—что отдѣляетъ Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ отъ Соціальдемократической Партіи.

Главный политическій грѣхъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, съ точки зрѣнія «Краснаго Знамени», таковъ.—Мы хотимъ, во первыхъ, «спаять всю массу трудовой интеллигенціи въ одну партію съ пролетаріатомъ»; во вторыхъ, мы хотимъ«спаять въ одну партію все трудовое крестьянство съ пролетаріатомъ»; откуда и слѣдуетъ, что мы хотимъ построить свою партію на фундаментѣ, хотя и болѣе широкомъ, чѣмъ соціальдемократія, но за то и болѣе зыбкомъ: «настолько зыбкомъ, что на немъ никакой прочной партіи, а тѣмъ болѣе соціалистической партіи, построить невозможно». Отсюда у насъ и получается «не соціалистическая программа, а соціалистическій туманъ», который только «затемняетъ классовое самосознаніе пролетаріата».

Въ отличіе отъ насъ, соціальдемократы «призываютъ интеллигенцію на борьбу съ самодержавіемъ», но знаютъ, что «какъ только исчезнетъ политическій гнетъ, объединяющій теперь всю трудовую интеллигенцію,—сейчасъ же обнаружится, что только небольшая часть ея готова связать свою судьбу съ бурной и тревожной жизнью революціоннаго пролетаріата», остальные же «уйдутъ въ станъ ликующихъ на услуженіе буржуазіи» или «погрузятся въ мѣщанское счастье». Но, во первыхъ, никто и теперь не мѣшаетъ извѣстной части интеллигенціи уходить на услуженіе буржуазіи, въ станъ ликующихъ. И тѣ, чья дорога лежитъ въ эту сторону, не испытываютъ никакого «политическаго гнета» —напротивъ, къ ихъ услугамъ всѣ «великія и богатыя милости» этого «стана ликующихъ»: «ордена, кресты и ленты, цѣлый рядъ наградъ», да и «жирныя говяда» въ придачу. Что касается до «жизни революціоннаго пролетаріата», то именно теперь, подъ самодержавнымъ режимомъ, она и является наиболѣе «бурной и тревожной», теперь то она и способна всего болѣе отпугивать людей, рожденныхъ не для бурь. Во всѣхъ почти западно-европейскихъ странахъ теперь замѣчается сильное тяготѣніе къ соціализму слоя такъ называемыхъ intellektuels. И это объясняется весьма просто. Отъ дряхлѣющаго порядка умственныя силы всегда

естественно отходятъ къ нарождающемуся, полному юныхъ, могучихъ силъ, новому міру. Какъ раньше передъ великой французской революціей, ликвидировавшей феодальные порядки, интеллигенція тяготѣла къ буржуазіи, такъ и теперь, по мѣрѣ приближенія ликвидаціи капиталистическаго строя, будетъ усиливаться и тяготѣніе интеллигенціи къ соціализму. Буржуазно-капиталистическій режимъ все болѣе и болѣе изживаетъ свое прогрессивное, положительное содержаніе, и все болѣе отталкиваетъ отъ себя людей, жизнь которыхъ вращается въ сферѣ работы интеллекта. Соціализму по установленіи свободныхъ демократическихъ порядковъ скорѣе можно опасаться чрезмѣрнаго наплыва недостаточно еще опредѣленныхъ въ революціонно-соціалистическомъ смыслѣ, недостаточно «отрѣщившихся отъ стараго міра» элементовъ интеллигенціи, чѣмъ отлива ихъ. Парламентаризмъ, депутатскія мѣста, борьба въ муниципалитетахъ и т. д. гораздо соблазнительнѣе, чѣмъ мѣста въ Шлиссельбургѣ, на Сахалинѣ и т. д. Но предположимъ даже, что довольно значительная часть «трудовой интеллигенціи» удовольствуется буржуазной свободой и уйдетъ отъ революціоннаго соціализма. Но вѣдь также можетъ уйти на время и нѣкоторая часть пролетаріата (какъ, напримѣръ, въ Англіи). И теперь мы наблюдаемъ рабочихъ—«зубатовцевъ», рабочихъ—«независимцевъ», легализаторовъ и шествующихъ за легализаторами. Ихъ лозунгъ—чисто экономическое движеніе. Но при самодержавномъ гнетѣ этому «чисто-экономическому» движенію слишкомъ мало ходу, во всѣхъ крупныхъ случаяхъ правительство слишкомъ явно становится на сторону хозяевъ и толкаетъ на ожесточенную борьбу даже такихъ рабочихъ, которые далеко еще не обнаруживаютъ къ ней внутренняго тяготѣнія. Что удивительнаго, если эти элементы отхлынутъ отъ соціализма, когда при политической свободѣ экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами будетъ узаконена въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и не притворно, не по обманчивой видимости, а дѣйствительно и реально? Даже въ Германіи до сихъ поръ еще соціальдемократіи не удалось «спаять въ одну партію» даже в с е г о нѣмецкаго пролетаріата. Что же изъ того? Мы вѣдь не заявляемъ, что вся трудовая интеллигенція, все трудовое крестьянство, всѣ вообще угнетаемые, трудящіеся и эксплуатируемые слои въ полномъ своемъ составѣ сейчасъ же готовы стать «твердой, а не зыбкой почвой», на которой немедленно можно воздвигнуть огромную соціалистическую партію. Съ англійскимъ и американскимъ пролетаріатомъ соціалистамъ не мало хлопотъ; не мало хлопотъ будетъ, конечно, и русскимъ соціалистамъ съ различными слоями трудового и эксплуатируемаго народа. Но кто же утверждалъ, что работа соціалистовъ такъ легка и проста? Только вульгаризированный, каррикатурный марксизмъ можетъ рисовать задачи соціалистической партіи въ видѣ ловли разинутымъ ртомъ жареныхъ рябчиковъ — пролетаріевъ, вполнѣ «организованныхъ» и подготовленныхъ капитализмомъ къ роли могильщика всего современнаго строя. Капитализмъ

организуетъ, но онъ же и дезорганизуетъ; онъ возбуждаетъ къ борьбѣ, но онъ же заражаетъ духомъ мѣщанской трезвенности; онъ подготовляетъ «человѣческій матеріалъ» и для твердой, настойчивой тактики революціоннаго соціализма, и для бернштейніанской постепеновщины, и для умѣренности и аккуратности тредъ-юніонизма, и для бурныхъ вспышекъ анархизма... На долю соціалистической партіи выпадаетъ гораздо болѣе созидательной, цѣлесообразной, организующей работы, чѣмъ это многіе думаютъ...

Да, мы предлагаемъ, мы хотимъ «спаять», объединить, и мы дѣйствительно объединяемъ въ одну партію всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ, но лишь постольку, поскольку они проникаются соціалистическимъ сознаніемъ; лишь постольку, поскольку они свои близорукіе, непосредственные интересы подчиняютъ своему общему, болѣе глубокому интересу, выражающемуся въ конечной цѣли; лишь постольку, поскольку они за деревьями не теряютъ изъ виду лѣса, за конкретно-различными формами эксплуатаціи не теряютъ способности видѣть единство буржуазной эксплуатаціи въ ея существѣ; лишь постольку, поскольку они становятся на почву своихъ общихъ трудовыхъ интересовъ, а не на почву исключительныхъ, конкретно-различныхъ интересовъ того или иного отдѣльнаго слоя трудящагося народа. Всѣ трудовые интересы, суммируемые и координируемые въ высшемъ соціалистическомъ идеалѣ, для насъ равно дороги. У насъ есть идеалы, но нѣтъ идоловъ. Не идолъ для насъ пролетаріатъ, и въ служеніи ему мы не построимъ жертвенника для закланія интересовъ другихъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ слоевъ. Но точно также не идолъ для насъ и «трудовая интеллигенція». Мы удѣляемъ ей крупное мѣсто, но лишь постольку, поскольку она является иниціаторомъ революціонно-соціалистическаго движенія; поскольку она на первыхъ порахъ — иногда въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій — почти только на однихъ своихъ плечахъ выноситъ всю тяжесть неравной борьбы за соціализмъ; поскольку въ другія, лучшія времена она проводитъ соціалистическое сознаніе въ широкія трудовыя массы и становится въ ряды возросшей соціалистической арміи. И если союза съ соціальдемократами мы не сможемъ купить иначе, чѣмъ цѣною отказа отъ этихъ своихъ задушевнѣйшихъ убѣжденій — тогда намъ не нужно этого союза, тогда пусть будетъ та «борьба», которую столь настойчиво проповѣдуютъ противъ насъ многочисленные органы и организаціи соціальдемократовъ, отъ «Заграничнаго Комитета Бунда» до «Искры» и «Зари», отъ группы «Рабочаго Дѣла» и «Краснаго Знамени» до группы «Свободы»...

Съ той же основной точки зрѣнія устанавливаемъ мы и свое отношеніе къ трудовому крестьянству.

Соціализмъ есть «благая вѣсть» всѣмъ трудящимся, всѣмъ эксплуатируемымъ и угнетеннымъ. Его призваніе—уничтожить всякія классовыя различія, всякое угнетеніе, всякую эксплуатацію. Это положеніе признается одинаково всѣми соціалистами. Поэтому,

для всѣхъ соціалистовъ должно быть одинаково желательнымъ привлечь къ великому дѣлу уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ *всѣхъ* эксплуатируемыхъ, *всѣхъ* угнетенныхъ,— всѣхъ, положеніемъ своимъ заинтересованныхъ въ уничтоженіи царства эксплуатаціи. И если какая-нибудь фракція соціалистовъ ограничиваетъ свой кругъ воздѣйствія только какимъ-нибудь *однимъ* слоемъ эксплуатируемыхъ; если она, такимъ образомъ, дѣло соціализма хочетъ монополизировать въ рукахъ только одного пролетаріата; если она провозглашаетъ, что освобожденіе всего трудящагося и эксплуатируемаго народа должно быть не его дѣломъ, а дѣломъ одного пролетаріата,—то эта фракція должна представить твердыя, непоколебимыя, безспорныя основанія для своей программы дѣйствій. На ней лежитъ onus probandi, обязанность доказывать свою точку зрѣнія, а не тѣхъ, которые говорятъ, что освобожденіе всего трудящагося и эксплуатируемаго народа есть дѣло его самого, а не одной его части. Что же даетъ въ этомъ смыслѣ статья «Краснаго Знамени»? Ровно ничего. Авторъ ея исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ, какъ изъ аксіомы, изъ такого положенія: «Пролетаріатъ — единственный классъ, находящійся въ непримиримой враждѣ со всѣмъ современнымъ соціальнымъ строемъ». Эту аксіому онъ и считаетъ вполнѣ достаточной для обоснованія того положенія русской соціальдемократіи, согласно которому крестьянство способно понять лишь *демократическія*, а не *соціалистическія* наши требованія. Изъ этого положенія логически вытекаетъ, что съ крестьянствомъ у пролетаріата общи только политическіе интересы; поэтому съ нимъ соціалистическая партія можетъ идти вмѣстѣ только до поры до времени, до ближайшаго политическаго переворота.

Хорошо, пусть такъ. Но вотъ что мы читаемъ ниже: «Но широкіе слои крестьянъ хотятъ большаго (чѣмъ земельная реформа)—уравнительнаго раздѣла помѣщичьей земли. Это, несомнѣнно, требованіе *революціонное*» и притомъ «*совершенно неосуществимое въ буржуазномъ обществѣ*». Но, вѣдь отсюда же вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что широкіе слои крестьянъ «находятся въ непримиримой враждѣ» съ этимъ буржуазнымъ обществомъ! Такъ, значитъ, пролетаріатъ-то не единственный классъ, находящійся въ«непримиримой враждѣ»? Почему же, однако, тогда не дѣйствовать ему вмѣстѣ съ «широкими слоями крестьянъ» не только до момента политической революціи, а и дальше—до момента соціальной?

На это авторъ даетъ такой отвѣтъ: «Если сравнить сознательныя стремленія революціоннаго пролетаріата съ наивными мечтами этого наиболѣе революціоннаго слоя крестьянъ, *) то окажется, что они находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи. Разорен-

*) Авторъ имѣлъ въ виду «громадный слой малоземельныхъ крестьянъ, живущихъ въ крайней нуждѣ, но все еще цѣпляющихся за землю».

ное крестьянство мечтаетъ объ уничтоженіи частной собственности на землю путемъ уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли. Сознательный пролетаріатъ хочетъ уничтожить частную собственность путемъ передачи ея въ пользованіе соціалистически организованнаго общества. Разоренное крестьянство питаетъ несбыточную мечту, что частная собственность на землю будетъ уничтожена въ самомъ близкомъ будущемъ. Сознательный пролетаріатъ знаетъ, что она можетъ быть уничтожена еще не скоро, только послѣ общей соціальной революціи», отсюда выводъ, что пролетаріатъ солидаренъ съ крестьянствомъ только въ борьбѣ «противъ хищничества и безправія, противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ».

Что за странная, что за удивительная логика! Мы думали, что если съ одной стороны брать «сознательныя стремленія революціоннаго пролетаріата», то сравнивать ихъ нужно также съ сознательными стремленіями революціоннаго крестьянства. Если же вы хотите непремѣнно взять первоначальныя, наивныя формы крестьянскихъ революціонныхъ стремленій, то опять таки вы должны сравнивать ихъ тоже съ первоначальными, наивными формами выраженія революціоннаго духа пролетаріата. Въ противномъ случаѣ изъ сравненія вы можете заключать не о противоположности пролетаріата крестьянству, а лишь о противоположности сознательности и безсознательности, революціонности и нереволюціонности. Не станетъ же авторъ статьи «Краснаго Знамени» отрицать, что есть и нереволюціонно настроенный пролетаріатъ; не станетъ онъ отрицать и сознательности у чуждыхъ соціализму трэдъ-юніонистовъ; не станетъ утверждать онъ и того, будто при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ пролетаріатъ чуждъ всякихъ «наивныхъ мечтаній» и обладаетъ готовымъ соціалистическимъ сознаніемъ. Посмотримъ, что же выйдетъ, если мы исправимъ элементарную логическую погрѣшность въ постановкѣ вопроса нашимъ критикомъ, и сравнимъ рисуемаго имъ «разореннаго крестьянина» съ еще несознательнымъ рабочимъ или даже съ сознательнымъ пролетаріемъ изъ трэдъ-юніоновъ стараго типа. Правда, этотъ разоренный крестьянинъ, по словамъ «Краснаго Знамени», «питаетъ несбыточную мечту» объ «уничтоженіи частной собственности на землю», да еще (о ужасъ!) «въ самомъ близкомъ будущемъ». Но вѣдь эта мечта свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вѣрно угадываетъ одну изъ дѣйствительно главнѣйшихъ причинъ своихъ страданій. Ну, а несознательный пролетарій? Да, вѣдь, и онъ, разоренный и выведенный изъ терпѣнія, причины своихъ страданій не знаетъ или видитъ ее не тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, и уничтоженіе частной собственности ему знакомо сплошь и рядомъ только въ формѣ разрушеній машинъ и фабричныхъ погромовъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ сознательнымъ трэдъ-юніонистомъ, который знакомъ съ соціализмомъ, давно о немъ слышалъ, но считаетъ его утопіей. И однако авторъ, навѣрно, скажетъ своимъ читателямъ: идите къ этимъ бѣднымъ людямъ, взоръ которыхъ прикованъ вполнѣ къ рабочему станку и не видитъ еще солнца

соціализма. Не бойтесь ихъ темноты, ихъ дикихъ взрывовъ отчаянія. Ихъ страданія и невозможность ихъ исцѣленія въ рамкахъ современнаго общества—дѣлаютъ изъ нихъ благопріятную почву для воспріятія соціализма. Точно также не бойтесь идти къ этимъ самодовольнымъ трэдъ-юніонистамъ, опутаннымъ софизмами буржуазной науки и воображающимъ, что они обладаютъ всѣмъ знаніемъ. Имѣйте терпѣніе, подрывайте своей критикой буржуазные софизмы и вѣрьте въ успѣхъ, ибо жизнь работаетъ въ одномъ направленіи съ вами. — Но почему же тогда такая строгость къ крестьянину, который уже понялъ причину своихъ страданій, знаетъ, что для ихъ прекращенія надо уничтожить частную собственность на землю, и только, по мнѣнію автора, неправильно отвѣчаетъ на вопросы: что есть соціалистическое общество? и когда это будетъ? Почему отъ него вы требуете, чтобы онъ до всего своимъ умомъ доходилъ, чтобы онъ самъ и соціализмъ открылъ, —а разъ встрѣчаете у него «несбыточныя мечты», то этого для васъ довольно, чтобы отмести своимъ вердиктомъ трудовое крестьянство отъ врать соціалистической партіи и признать возможнымъ идти съ нимъ рука объ руку только въ борьбу «противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ»—не дальше...

Но, можетъ быть, авторъ не точно выразился; можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что крестьяне и не въ состояніи представить себѣ уничтоженіе частной собственности на землю иначе, какъ въ формѣ уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли» —сколько имъ не толкуй о соціализмѣ? Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что безграмотные, темные крестьяне уже добрались своимъ умомъ, безъ всякой или почти безъ всякой помощи интеллигенціи, до крайняго предѣла сознательности, до какого они только могутъ дойти, и что пытаться развивать ихъ сознаніе дальше въ томъ же направленіи все равно, что воду въ ступѣ толочь? Если это думалъ авторъ, то не мѣшало бы подтвердить такую по меньшей мѣрѣ мало вѣроятную мысль какими-нибудь теоретическими соображеніями или фактами. Но на это мы не видимъ даже и намека...

Не помогаетъ дѣлу автора статьи и расчлененіе «трудового крестьянства» на три слоя: слой, живущій преимущественно отхожими промыслами и наемнымъ трудомъ, слой малоземельныхъ, но упорно цѣпляющихся за свой участокъ земли крестьянъ и слой «хозяйственныхъ мужичковъ». Во первыхъ, тутъ сдѣлана огромная погрѣшность. Терминъ «хозяйственный мужичекъ», введенный Златовратскимъ и перенесенный изъ беллетристики въ экономическую литературу Петромъ Струве, имѣетъ слишкомъ опредѣленный смыслъ, чтобы можно было брать его, какъ частный случай «трудового крестьянства». «Хозяйственный мужичекъ» —это именно «коммерческій мужичекъ», выдѣляющаяся сельская буржуазія, по своимъ интересамъ противоположная трудовому крестьянству. Такъ же, въ сущности, характеризуетъ его и «Красное Знамя»: онъ «тянется къ капиталу, стремится при-

купить земли, принанять работниковъ, пріобрѣсти торговое заведеніе». Если такіе «хозяйственные мужики» и выходятъ изъ рядовыхъ мужиковъ, то вѣдь они именно выходятъ изъ этихъ рядовъ, покидаютъ ихъ, какъ покидаютъ ряды рабочихъ тѣ рабочіе, которые прислуживаются къ хозяину, занимаютъ мѣста надсмотрщиковъ и мастеровъ, пользуются хозяйскими подачками и скапливаютъ въ сберегательной кассѣ капиталецъ, чтобы на склонѣ лѣтъ зажить мѣщанской жизнью, открыть кабачекъ или лавочку для обдиранія, спаиванья, обвѣшиванья и обсчитыванья своего же брата—рабочаго; или какъ покидаютъ ряды пролетаріата чины фабричной администраціи, формально какъ бы остающіеся пролетаріями,—не владѣющими средствами производства и работающими за плату...

Остаются два первыхъ слоя крестьянства, дѣйствительно составляющихъ «трудовую» его массу. Съ первымъ изъ этихъ слоевъ, по мнѣнію «Краснаго Знамени», «пролетаріатъ вполнѣ солидаренъ, ибо они—тѣ же пролетаріи». Это не совсѣмъ такъ—чистыми пролетаріями они, конечно, не являются, и тѣмъ менѣе принадлежатъ они къ «современному промышленному пролетаріату, объединенному процессомъ производства». Въ жизни, по настроенію, по «несбыточнымъ мечтамъ» эти два трудовыхъ слоя крестьянства совершенно сливаются, какъ бы «Красному Знамени» ни хотѣлось ихъ разъединить. Они также цѣпляются за землю, такъ же чувствуютъ себя «личинкой крестьянина», быть можетъ, еще сильнѣе жаждутъ «поравненія земли»... Слѣдовательно, они—тоже «зыбкая почва»... для тѣхъ соціальдемократовъ, для которыхъ пролетаризація есть что то вродѣ обязательнаго чистилища, чрезъ которое необходимо пройти ко вратамъ соціалистической партіи.

И, насколько это для нихъ «зыбкая почва»—видно изъ того, что вѣчно «зыблется» ихъ аграрная программа. Давно ли «Рабочее Дѣло» упрекало въ непослѣдовательности «Искру», желавшую отдать крестьянамъ въ собственность «отрѣзки»? Давно ли говорило оно устами Мартынова, что разъ ставши на этотъ путь, «Искра» должна бы идти до логическаго конца, требовать «чернаго передѣла» всей земли, слѣдовательно, отказаться отъ соціальдемократизма? А нынѣ, въ брошюрѣ того же Мартынова о «рабочей революціи» и въ № 2 «Краснаго Знамени» эта группа соціальдемократовъ ухитрилась сѣсть и между такими двумя стульями, какъ «отрѣзки Искры» и жупелъ «чернаго передѣла». «Мы говоримъ крестьянамъ—читаемъ мы въ той же статьѣ—мы будемъ требовать, чтобы вамъ были отданы (на какихъ началахъ? Частной или общественной собственности? Ред.) тѣ земли... которыя ставятъ васъ въ полукрѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ и отъ государства». Но какая зависимость при современномъ аграрномъ строѣ не является и какая является полукрѣпостнической? На этотъ вопросъ тщетно мы стали бы ожидать отвѣта. Это обѣщаніе, можетъ быть, очень маленькое, и можетъ быть и отъ «чернаго пере-

дѣла» недалеко. Но объ опредѣленности «Красное Знамя» и не заботится. Въ довершеніе неопредѣленности, оно даже заявляетъ, что хотя будетъ отстаивать это требованіе земельной реформы, но воздерживается отъ включенія его въ свою программу... а изгонитъ его куда то за черту программной осѣдлости!

Переходимъ къ другому важному обвиненію, выставленному авторомъ противъ нашей партіи: «желая стать одновременно на точку зрѣнія разныхъ слоевъ трудового народа со сталкивающимися соціальными интересами, она (Партія Соц.- Рев.) не можетъ указать яснаго пути къ соціализму. Она тщетно пытается примирить и согласовать мелкобуржуазную программу народниковъ 80-хъ годовъ, соотвѣтствующую соціальнымъ стремленіямъ среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи, съ соціальдемократической программой пролетаріата и анархически-бунтарской программой старой партіи «Земля и Воля», соотвѣтствующей стремленіямъ разореннаго крестьянства. Другое дѣло — соціальдемократическая партія: «она указываетъ ясный и опредѣленный путь къ соціализму»,—«истинный путь», какъ его именуетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ этотъ путь: «пролетаріатъ разовьетъ свою классовую борьбу съ буржуазіей, смететъ всѣ препятствія для нея и въ первую голову самодержавіе и другіе пережитки крѣпостныхъ временъ, внесетъ эту классовую борьбу во всѣ области общественной жизни, привлечетъ къ ней всѣхъ, кто можетъ стать на его точку зрѣнія, а затѣмъ, когда онъ будетъ достаточно организованъ, онъ совершитъ соціальную революцію». Мы, конечно, могли бы замѣнить въ этой цитатѣ пролетаріатъ рабочимъ классомъ (въ широкомъ смыслѣ, включая въ него всѣ слои трудового народа) и скромно вернуть ее автору со словами: вотъ ясный, опредѣленный и истинный путь къ соціализму, который мы указываемъ. И если мы не ограничиваемся этимъ, то только потому, что не хотимъ оставить безъ анализа кое-чего «неяснаго и неопредѣленнаго» въ слишкомъ общихъ формулировкахъ нашихъ критиковъ, и не хотимъ упустить нѣкоторыхъ удобныхъ поводовъ выяснить кое-какія особенности той позиціи, которую заняла наша партія.

Авторъ, несмотря на противоположное утвержденіе, видитъ въ современной Россіи два революціонныхъ слоя: пролетаріатъ и малоземельное, разоренное крестьянство. Оба эти слоя революціонны въ с о ц і а л ь н о м ъ смыслѣ этого слова, оба не могутъ добиться удовлетворенія своихъ интересовъ безъ уничтоженія частной собственности. Тѣмъ не менѣе онъ не видитъ въ этихъ слояхъ двухъ братьевъ, не видитъ даже союзниковъ въ одной и той же борьбѣ противъ буржуазнаго общества. Только пролетаріи истинные могильщики этого общества; крестьяне—это самозванцы, осужденные капиталистическимъ развитіемъ на гибель. Между этими двумя слоями, по представленію автора, цѣлая пропасть. И не только пропасть матеріальнаго разоренія, потери клочка земли, прощанья съ призракомъ самостоятельнаго хозяйства, но и пропасть утраты былыхъ своихъ революціонныхъ надеждъ и стремленій, поте-

ри прежнихъ формъ вѣры въ правду и справедливость, надломленности революціонной энергіи. Крестьяне должны свалиться въ эту пропасть матеріальнаго разоренія и нравственной опустошенности, чтобы потомъ начать трудный путь восхожденія въ рангъ истинныхъ могильщиковъ современнаго общества. И только тутъ, на этомъ пути восхожденія соціальдемократы придутъ къ нему на помощь, протянутъ ему руку.

Соціалисты-революціонеры не такъ представляютъ себѣ «ясный и опредѣленный путь» къ соціализму и не такъ понимаютъ обязанности соціалиста. Они не признаютъ этихъ деревянно-неизмѣнныхъ, окостенѣвшихъ, «метафизическихъ» интересовъ слоевъ и классовъ, которые въ такомъ ходу у нѣкоторыхъ русскихъ марксистовъ и на которыхъ авторъ построилъ всѣ свои разсужденія. Они не вѣрятъ въ эти «вещи въ себѣ», въ эти сущности. Они считаютъ эти интересы гораздо болѣе гибкими, развивающимися, если угодно— «діалектическими», хотя и не принадлежатъ къ поклонникамъ діалектическаго матеріализма. Они не вѣрятъ, что пролетаріатъ отъ вѣка и повсемѣстно опредѣленъ быть носителемъ соціалистическихъ интересовъ, а крестьянство—мелкобуржуазныхъ. Живымъ опроверженіемъ этого «деревяннаго» пониманія революціонности пролетаріата служитъ хотя бы Англія, передовая страна капитализма, въ которой степень революціонности и соціалистичности пролетаріата отнюдь не соотвѣтствуетъ степени промышленнаго развитія страны. Они полагаютъ, что пониманіе тѣмъ или другимъ слоемъ своихъ интересовъ опредѣляется всей обстановкой, въ которой живетъ этотъ слой, всей совокупностью историческихъ традицій, въ которыхъ онъ сложился. Допустимъ, что въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ крестьянинъ, за которымъ лежатъ цѣлые вѣка господства частной собственности на землю, который копается и возится на томъ же клочкѣ земли, на которомъ трудились его дѣды и прадѣды; который знаетъ исторію каждаго дерева, каждаго кустика на своемъ участкѣ, каждаго камня, пошедшаго на постройку его дома или его ограды;—до-собственностью, настолько проникается «собственническимъ фанатизмомъ», что только страданія и ужасы полной пауперизаціи, а затѣмъ «капиталистическая выучка» въ состояніи излѣчить его отъ этого фанатизма, сдѣлать его воспріимчивымъ къ соціализму. Но, во первыхъ, въ цѣломъ рядѣ мѣстъ наблюдается обратное: мужики оказываются не менѣе (иногда даже болѣе) воспріимчивы къ соціалистической пропагандѣ, чѣмъ сельско-хозяйственные батраки; они склонны къ коопераціи, къ укрѣпленію между собою общественной связи и солидарности. Было время, когда о земельной собственности крестьянскихъ общинъ въ Западной Европѣ политическимъ дѣятелямъ и вспоминать то не приходилось. Теперь требованіе ея возрожденія и увеличенія стоитъ въ аграрныхъ программахъ почти всѣхъ соціалистическихъ партій. Этотъ путь борьбы съ «собственническимъ фанатизмомъ» особенно важенъ для

насъ. У насъ крестьянинъ въ значительной степени воспитывался въ традиціяхъ общиннаго землевладѣнія и трудового начала, въ немъ еще живы взгляды на землю, какъ на «ничью», «вольную», живо еще убѣжденіе, что ею могутъ пользоваться только люди, работающіе на ней. Въ немъ живо враждебное отношеніе къ помѣщикамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. И это содѣйствуетъ болѣе легкому усвоенію основной идеи соціализма, отрицающей право частной собственности на средства производства.

Для насъ этого достаточно, чтобы теперь же идти въ крестьянство, не ожидая, когда капиталистическое развитіе сброситъ его въ пропасть матеріальнаго разоренія и нравственной опустошенности. Мы теперь же признаемъ его, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ городовъ, законнымъ могильщикомъ буржуазнаго общества, теперь же зовемъ его на борьбу съ этимъ обществомъ. Мы говоримъ ему о борьбѣ городскихъ рабочихъ, объ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Мы пріучаемъ его смотрѣть на себя, какъ на одного изъ борцовъ великой арміи трудящагося народа, идущей на штурмъ цитадели буржуазной эксплуатаціи. Мы не говоримъ ему: брось свои надежды и стремленія! Мы исходимъ изъ нихъ и развиваемъ ихъ. Мы ему говоримъ: твои надежды и стремленія къ уничтоженію частной собственности на землю и установленію царства свободныхъ, равноправныхъ работниковъ только тогда осуществятся, когда ты объединишься съ городскими рабочими для совмѣстной революціонной борьбы противъ капитала, для того, чтобы сдѣлать, въ концѣ концовъ, и землю, и фабрики, и заводы, и всѣ вообще орудія производства общественнымъ достояніемъ. — И если онъ послѣ того даже и вынужденъ будетъ бросить свой клочекъ земли, онъ не потеряетъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ надеждъ и стремленій, ибо они у него выросли, расширились. Онъ будетъ знать, что и въ новомъ положеніи наемнаго работника онъ можетъ бороться за то же дѣло,—дѣло соціализма. Онъ унесетъ съ собой и свою ненависть къ богатымъ и знатнымъ, и свою вѣру въ свѣтлое будущее.

Въ сельскомъ хозяйствѣ капитализмъ по преимуществу развиваетъ свои отрицательныя, разрушительныя тенденціи и весьма плохо выполняетъ свою положительную, организующую работу. Онъ опутываетъ мелкихъ производителей-крестьянъ сѣтями эксплуатаціи, но онъ такъ и предпочитаетъ держать ихъ въ своихъ сѣтяхъ, не переводя ихъ на положеніе наемныхъ рабочихъ, не организуя на развалинахъ ихъ жалкихъ, мелкихъ хозяйствъ производства en grand по послѣднему слову агрономической науки и техники. Поэтому исключительная, чисто-пролетарская программа не можетъ быть универсальной программой соціалистической партіи въ деревнѣ.

Но, вѣдь, крестьянинъ не можетъ представить себѣ уничтоженія частной собственности на землю иначе, какъ въ формѣ уравнительнаго подушнаго передѣла,—скажетъ намъ авторъ разбираемой статьи. Мы не сомнѣваемся, что сознательный кре-

стьянинъ не менѣе сознательнаго пролетарія въ состояніи усвоить понятіе о соціалистическомъ хозяйствѣ. Правда, ему труднѣе, чѣмъ фабричному рабочему, облечь это понятіе въ конкретныя формы своего земледѣльческаго обихода. Но это не легче и сельско-хозяйственному батраку. Трудность эта зависитъ вовсе не отъ мнимой буржуазности мужика, а просто отъ того, что въ сферѣ земледѣлія менѣе подготовлены матеріальныя основы планомѣрнаго общественнаго хозяйства, менѣе соціализированъ трудъ. Западно-европейскіе соціалисты, работая при условіяхъ политической свободы, могутъ пользоваться, по крайней мѣрѣ, сельско-хозяйственной кооперацiей, какъ средствомъ наглядно демонстрировать выгоды объединеннаго труда внѣ его капиталистической формы. Но атмосфера буржуазнаго міра слишкомъ мало благопріятна для возникновенія въ ея нѣдрахъ микроскопическихъ эмбріоновъ соціализма. Вотъ почему, не «обобществляемый» капитализмомъ, крестьянинъ часто не легко поддается и организующему вліянію соціалистической кооперацiи, тѣмъ болѣ, что съ ней конкуррируетъ кооперація, руководимая буржуазными партіями и зараженная мелко-торгашескимъ духомъ. Поэтому мелкое хозяйство въ сферѣ земледѣлія, вѣроятно, еще просуществуетъ нѣкоторое время и послѣ побѣды рабочаго класса. Но мы убѣждены, что ту работу, которую капитализмъ не смогъ выполнить въ земледѣліи въ сотню лѣтъ, сбросившій иго капиталистической эксплуатацiи народъ выполнитъ очень скоро. Въ этомъ мы не расходимся со многими соціальдемократами, писавшими объ этомъ предметѣ. Мы считаемъ и неизбѣжнымъ, и вполнѣ совмѣстимымъ съ соціалистическими принципами увеличеніе землепользованія (не землевладѣнія) и надѣленіе землей въ пользованіе тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ быть заняты въ крупныхъ, общественно-организованныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, за отсутствіемъ матеріальныхъ условій такого хозяйства, и которые предпочтутъ мелкое индивидуальное хозяйство. Наше дѣло—постепенно привлечь ихъ къ соціалистической организацiи внутреннѣй притягательной силой коллективистскихъ порядковъ.

Поэтому мы, выставляя программой соціально-революціоннаго переворота свободное народное правленіе, націонализацію земли, націонализацію всѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, глубоко убѣждены, что эта соціалистическая программа въ состояніи соединить подъ нашимъ боевымъ знаменемъ и рабочихъ, и крестьянъ. Такой переворотъ, при завоеваніи рабочимъ классомъ политической власти, конечно, еще не водворитъ немедленно соціализма, не установитъ сразу полнаго экономическаго равенства. Но онъ подорветъ главныя основы эксплуатацiи, лишитъ ее дальнѣйшаго общественно-историческаго вліянія; онъ вырветъ огромные капиталы, накопленные частными лицами или концентрированные въ ихъ распоряженіи, передастъ ихъ въ завѣдываніе всего общества и дастъ огромный толчекъ организацiи общественнаго

хозяйства. Словомъ, онъ будетъ рѣшительнымъ, безповоротнымъ шагомъ къ соціализму.

Такова наша основная задача, во имя которой мы вербуемъ нашу соціально-революціонную армію. Но мы очень хорошо знаемъ, что исторія опредѣляется не одними нашими желаніями. Предстоящій переворотъ можетъ совершиться не революціоннымъ путемъ, руководство политическими событіями можетъ попасть не въ руки рабочаго класса, а въ руки враждебныхъ ему классовъ или готовыхъ сдѣлать ему лишь частичныя уступки. Тогда наша программа переворота имѣетъ агитаціонное значеніе для организаціи новыхъ силъ, для приближенія соціальной революціи. У классовъ же, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, мы должны будемъ вырвать максимумъ возможныхъ уступокъ не для успокоенія рабочихъ массъ, а для пріобрѣтенія новыхъ опорныхъ пунктовъ въ борьбѣ за соціальную революцію. Пролетаріатъ долженъ вырвать изъ рукъ буржуазіи то, что является основнымъ условіемъ человѣческаго существованія; завоевать 8-ми часовой рабочій день, ставшій лозунгомъ интернаціональнаго соціализма, обезпечить себѣ минимумъ заработной платы, дающій ему возможность освободиться для соціалистической работы отъ гнетущихъ заботъ о кускѣ хлѣба и т. д. Но съ чѣмъ мы пойдемъ къ его брату-крестьянину? Спросите — не у крестьянина, а у любого городского рабочаго, вы, именующіе себя единственными представителями пролетаріата,—и онъ вамъ скажетъ: земля крестьянамъ! Никакимъ запутаннымъ проектомъ о т р ѣ з к о в ъ вы не разрѣшите грознаго для крестьянства вопроса, если желаете не измѣнять дѣлу соціализма, не насаждать частной собственности и неразлучнаго съ ней собственническаго фанатизма въ деревнѣ, не взращивать враговъ рабочаго класса. Соціализація земли—вотъ единственный лозунгъ, съ которымъ могутъ соціалисты явиться въ сермяжный міръ угнетенныхъ и обездоленныхъ крестьянъ.

Но, что бы ни случилось, мы будемъ стремиться, чтобы переворотъ въ Россіи не ограничился областью чисто правовыхъ и политическихъ перемѣнъ, чтобы онъ имѣлъ послѣдствіемъ глубокія преобразованія въ соціальномъ строѣ. Это, конечно, не будетъ соціализмъ—это будетъ лишь первою брешью въ цитадели царства эксплуатаціи. Мы можемъ и должны стремиться, чтобы русская политическая революція всколыхнула Зап. Европу, разбудила въ пролетаріатѣ всего міра его революціонную страсть. Мы хотѣли бы, чтобы русская революція послужила сигналомъ къ общеевропейской рабочей революціи. Но даже если бы этого и не случилось, если бы революція и не вышла за предѣлы Россіи, мы хотѣли бы, чтобы эта революція не остановилась на первыхъ же шагахъ, мы хотѣли бы, чтобы первый шагъ ея—ограниченіе или сверженіе самодержавія—не былъ и послѣднимъ; чтобы она развивалась дальше и дальше, не ограничиваясь небольшими перестановками на верхушкахъ общества; чтобы она всколыхнула и народные низы и кинула ихъ въ борьбу за свои кровные, пра-

вильно понятые интересы: за всю землю, за всю волю, за весь соціализмъ.

Когда теперь городской рабочій, побуждаемый невѣдомымъ инстинктомъ, выходитъ на улицу, подставляетъ свою грудь подъ штыки и пули, развѣ въ немъ говоритъ только жажда копейки или только жажда политической свободы? Когда голодный крестьянинъ поднимается на своего сосѣда помѣщика и отбираетъ у него хлѣбъ и землю,—развѣ онъ хочетъ только быть сытымъ? Нѣтъ, во всѣхъ стихійныхъ народныхъ движеніяхъ сказывается великая жажда правды, справедливости, братства. Подъ вліяніемъ невыносимыхъ страданій душа рабочаго человѣка загорается страшной ненавистью ко всему злу, ко всей неправдѣ и насилію современнаго общества; имъ движетъ страстное желаніе уничтожить всю ложь и несправедливость и на ихъ мѣстѣ водворить ему невѣдомое, но смутно представляемое, страстно желаемое царство правды и истины. Страданія не только измучили его тѣло, они истерзали, изъязвили его душу; въ ней все оскорблено, все поругано. Когда рабочій человѣкъ выходитъ на улицу и кричитъ: да здравствуетъ свобода!—это не крикъ голоднаго желудка, это крикъ истерзавшейся души, ищущей правды, любви и братства, это возстаніе человѣка въ волѣ подъяремномъ.

И вотъ, когда революціонное настроеніе растетъ въ русскомъ рабочемъ народѣ, когда оно захватываетъ все новые и новые слои и поднимаетъ ихъ на борьбу со всѣмъ зломъ и насиліемъ современнаго общества, задача соціалистовъ-революціонеровъ широко развернуть свое красное знамя, а не твердить, что предстоящая революція есть революція буржуазная, буржуазная и буржуазная, что часъ соціальной революціи пробьетъ еще не скоро и потому-де идти дальше требованія какихъ-нибудь «отрѣзковъ» и подобныхъ этому «суррогатовъ земли» ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ... Это систематическое угашеніе революціоннаго духа намъ чуждо. Мы не хотимъ даже и своей программы минимумъ превращать въ ублюдочное, оппортунистско-реформаторское прожектерство. Мы выставляемъ въ ней максимумъ того, чего мы можемъ требовать отъ государства, въ которомъ еще не завоевалъ власти рабочій классъ,—а не то, чего, по какимъ-то выкладкамъ досужаго прорицателя, мы практически сможемъ добиться завтра или послѣзавтра.

Мы, соціалисты-революціонеры, не вѣримъ въ ту новѣйшую соціальную астрологію, которая смѣло пускается въ историческія пророчества, не считаясь съ необычайной сложностью общественныхъ явленій.

Мы должны быть готовы ко всѣмъ возможностямъ, а не приспособлять всей своей тактики къ какой-нибудь одной сомнительной гипотезѣ; мы каждый разъ должны проявлять максимумъ революціонной энергіи. И если за это насъ теперь упрекаютъ, что мы при случаѣ готовы и къ бунтарству, и къ терроризму, и къ якобинству—то не насъ испугаютъ этими совершенно здѣсь не-

умѣстными словесными жупелами, которые пускаются въ ходъ по недостатку иныхъ, болѣе серьезныхъ, аргументовъ, и которые въ этомъ своемъ видѣ скоро перестанутъ оказывать свое запугивающее дѣйствіе даже на малыхъ дѣтей.

Январь, 1903 г. *Н. Максимовъ.*

Аграрная программа русской соціаль-демократіи.

Воззрѣнія русскихъ с.-д. на крестьянскій вопросъ эволюціонируютъ очень быстро. Еще въ 1896 г. значеніе крестьянъ въ соц.-демократическомъ движеніи сводилось къ нулю въ авторитетномъ заявленіи русской с.-д. делегаціи на Лондонскомъ соціал. конгрессѣ. Въ 1898 г. въ «Манифестѣ Рос. С.-Д. Р. П.» о крестьянахъ почти не упоминалось. Но уже въ 1899 г. «Рабочее Дѣло» въ своемъ программномъ заявленіи дѣлаетъ рѣзкій поворотъ въ этомъ отношеніи: ничто же сумняшеся, оно все «100-милліонное крестьянство» зачисляетъ въ ряды возможныхъ ратниковъ великой соц. арміи, такъ какъ-де оно почти сплошь состоитъ изъ безземельныхъ, безнадѣльныхъ, безлаственичныхъ, бездомовыхъ, безлошадныхъ и т. д. Это былъ поворотъ на цѣлые 180%, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ достаточно продуманъ и мотивированъ.

Мы нарочно остановились только на программныхъ заявленіяхъ цѣлыхъ соц.-дем. группъ и организацій, авторитетныхъ и характерныхъ для того или другого времени. Мы не затронули совершенно легальнаго марксизма, явившагося, по разъясненію г. Ленина, своеобразнымъ продуктомъ своеобразно понятой и примѣненной теоріи договорныхъ отношеній съ буржуазными партіями. Какъ явствуетъ изъ словъ г. Ленина, русскіе соціаль-демократы, чтобы вѣрнѣе сокрушить остатки стараго революціоннаго народничества, вступили въ союзъ съ передовыми буржуазными

элементами, но не на почвѣ какихъ-нибудь опредѣленныхъ дѣйствій, какъ это дѣлаютъ и считаютъ возможнымъ дѣлать ихъ западно-европейскіе собратья, а на почвѣ идейной, принципіальной, теоретической.

Не стараясь заботливо отграничиться другъ отъ друга, союзники дружно ударили на общаго врага... Натурально, изъ такого договора буржуазныхъ и соціаль-демократическихъ идей получился только хаосъ идей, котораго лучше въ настоящее время не касаться. Но приведенныя нами свидѣтельства всѣ чисто соціаль-демокр. происхожденія и знаменуютъ собой колебанія чисто с.-демократической, а не какой-то союзной, договорной мысли.

Какъ извѣстно, с.-д. лучше всѣхъ понимаютъ общественныя отношенія, а въ «діалектическомъ матеріализмѣ» обладаютъ безошибочнымъ орудіемъ соціологическаго и историческаго анализа и потому непогрѣшимы. Славу своей непогрѣшимости они оберегаютъ пуще всего и съ этой цѣлью свой «объективный» діалектическій матеріализмъ дѣлаютъ орудіемъ самой пристрастной апологіи. Шедевры такой апологіи мы находимъ въ предисловіи г. Аксельрода къ брошюрѣ «Красное Знамя въ Россіи» и въ книгѣ г. Ленина: «Что дѣлать?» Вмѣсто того, чтобы признать, что русская соціаль-демократія одинъ характеръ носила въ началѣ 80-хъ годовъ, въ моментъ своего перваго рожденія на берегахъ Женевскаго озера, въ разгаръ борьбы «Народной Воли», и совсѣмъ другой характеръ въ моментъ своего расцвѣта на русской почвѣ въ началѣ 90-хъ годовъ, подъ могущественными вліяніями еще не изжитой реакціи,—вмѣсто всего этого г. Л. старается увѣрить, что и въ это время соціаль-демократія была мудра, какъ змій, и чиста, какъ голубица. Правда, въ числѣ вождей движенія, идоловъ марксистской молодежи оказались люди, отъ которыхъ очень скоро, въ болѣе активную революціонную эпоху, пришлось открещиваться. Но это не была ошибка, это былъ сознательный политическій разсчетъ, первый опытъ договорныхъ отношеній. Правда, въ эту же болѣе активную эпоху пришлось бороться съ экономизмомъ; но этотъ экономизмъ не есть плодъ того сумбура, который былъ порожденъ «союзомъ идей», не есть печать реакціонной эпохи, въ которую расцвѣла соціаль-демократія,—вовсе нѣтъ!... Соціаль-демократія съ самаго начала была партіей самой настоящей «политической», что доказываетъ № 1 газеты, никогда не увидѣвшій свѣта. Экономисты явились уже потомъ и просто потому, что жандармы выловили всѣхъ «политиковъ», а «экономистовъ» оставили... Дико, очень дико читать такое объясненіе исторіи серьезнаго общественнаго движенія въ книгѣ «діалектическаго матеріалиста». Удачи жандармовъ, какъ причина смѣны направленій! И не въ тысячу-ли разъ хуже сознательный разсчетъ, договоръ въ сферѣ идейнаго содержанія движенія, чѣмъ допущеніе вліянія реакціонной эпохи, невольной ошибки, весьма естественной въ молодомъ, несложившемся, невыработавшемся еще движеніи? Вѣдь, договоръ въ сферѣ идей вводитъ компромиссъ

въ самое сердце, въ самую душу движенія и представляетъ явленіе неслыханное и недопустимое въ партійной политикѣ.

Эти колебанія, какъ мы увидимъ, не прекратились и съ появленіемъ группы «Искры» и «Зари». Правда, «Искра» уже въ № 3 выступила съ аграрной программой, вошедшей впослѣдствіи цѣликомъ въ Проектъ программы, опубликованный «Искрой» и «Зарей», а теперь и въ оффиціальную программу Р. С. Д. Р. II. Но намъ кажется, что самъ авторъ этой программы, г. Ленинъ*) въ настоящее время значительно уклонился отъ той позиціи въ аграрномъ вопросѣ, какую занялъ въ статьѣ «Рабочая партія и крестьянство» (№ 3 «Искры»). Но объ этомъ позже. А теперь остановимся нѣсколько на только что упомянутой статьѣ. Она заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ въ ней очень ясно обнаруживаются основные мотивы аграрной программы нашихъ с.-д.

Въ концѣ статьи авторъ, г. Ленинъ, развиваетъ ту мысль, что рабочая партія должна вырости въ силу, способную «не только устраивать мимолетныя вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары», а преслѣдовать свои цѣли «упорной, неуклонной и выдержанной борьбой по всей линіи». «А развѣ возможно—побѣдоносно спрашиваетъ Ленинъ—достигнуть этой цѣли, не занося въ многомилліонную массу крестьянства сѣмена классовой борьбы и политическаго сознанія?»

Когда лѣтъ 10 тому назадъ, при появленіи марксизма на русской почвѣ, люди, не очень спѣшившіе въ погонѣ за новымъ словомъ, «отказываться отъ наслѣдства» 70-хъ годовъ, указывали представителямъ пролетарской точки зрѣнія, что тѣ хотятъ строить революціонное движеніе на очень узкомъ фундаментѣ; что, ограничивая свою дѣятельность однимъ пролетаріатомъ, они сами и безъ нужды вынуждаютъ себя на относительную слабость,—марксисты осмѣивали этихъ людей за ихъ якобы «народническіе предразсудки». Теперь, черезъ 10 л. усиленнаго промышленнаго развитія, г. Ленинъ приходитъ къ тому же выводу, что и бывшіе оппоненты его единомышленниковъ, не освобожденные еще тогда отъ «народническихъ предразсудковъ». Да, пролетаріатъ слишкомъ узкій фундаментъ. Онъ еще слишкомъ малочисленъ, чтобы опирающаяся на него политическая партія могла играть опредѣляющую роль въ политикѣ страны. Надо идти къ крестьянамъ, надо ихъ вовлечь въ борьбу.—Мы были очень рады этому признанію г. Ленина. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Это признаніе со стороны вліятельныхъ соціаль-демократовъ было необходимо и неизбѣжно. Пока велись чисто теоретическіе

*) Что онъ авторъ аграрной программы, это явствуетъ изъ его собственныхъ словъ въ статьѣ № 4 «Зари». Въ ней онъ называетъ себя авторомъ статьи № 3 «Искры»—«Рабочая партія и крестьянство», а о выраженныхъ въ ней взглядахъ на аграрную программу говоритъ, что въ то время они были только его личными взглядами.

споры о развитіи капитализма въ Россіи, о пролетаріатѣ, крестьянствѣ; пока призракъ революціи виталъ гдѣ-то далеко-далеко, въ туманномъ будущемъ, а вся практическая работа соціалистовъ сводилась къ организаціи рабочихъ кружковъ и къ чтенію въ нихъ лекцій;—до тѣхъ поръ можно было совершенно спокойно возлагать всѣ надежды на неизбѣжность развитія въ деревнѣ сельско-хозяйственнаго капитализма и пролетаризаціи крестьянскихъ массъ; можно было ожидать рѣшенія всѣхъ проклятыхъ вопросовъ русской жизни отъ этихъ стихійныхъ процессовъ экономической эволюціи, можно было во всѣхъ своихъ разсчетахъ и выкладкахъ считаться не съ реальными, а ожидаемыми, будущими условіями жизни. Когда, молъ, дѣло дойдетъ до серьезной борьбы, тогда будутъ и силы. А пока нечего загадывать: для кружковъ да для стачекъ пролетарія достаточно.—Но вотъ условія рѣзко измѣнились. Въ самыхъ различныхъ слояхъ населенія проявляется броженіе и рѣзкое недовольство самодержавнымъ режимомъ. Революція изъ туманной дали неожиданно придвинулась и стала принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Сверженіе самодержавія стало реальной задачей; условій рѣшенія ея надо искать въ общественныхъ отношеніяхъ сегодняшняго дня, а не ожидаемаго будущаго. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не вспомнить о крестьянствѣ.

Итакъ, надо идти къ крестьянамъ, надо ихъ вовлекать въ борьбу съ самодержавіемъ. Но что такое крестьянство? По мнѣнію г. Ленина, въ современной деревнѣ мы сталкиваемся съ двоякаго рода классовыми антагонизмами: во 1-хъ, съ антагонизмомъ всѣхъ крестьянъ всему классу помѣщиковъ и, во 2-хъ, съ антагонизмомъ нарождающагося класса сельскихъ пролетаріевъ, батраковъ классу сельско-хозяйственныхъ предпринимателей. Первый изъ этихъ антагонизмовъ идетъ на убыль, второй растетъ и развивается. На какой же изъ этихъ классовыхъ противоположностей основать с.-дем. свою дѣятельность въ деревнѣ?

Конечно,—спѣшитъ заявить г. Ленинъ,—соціаль-демократія никогда не забудетъ своего долга организовать сельскій пролетаріатъ для борьбы за соціализмъ. Но на этой классовой противоположности сельскихъ батраковъ и сельской буржуазіи, хотя и развивающейся, еще нельзя, по мнѣнію г. Ленина, основать движенія, имѣющаго серьезное политическое вліяніе. «Общественнаго значенія движеніе сельскихъ рабочихъ никакъ не можетъ получить ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ». Очевидно, и сельскій пролетаріатъ пока еще слишкомъ узкій фундаментъ, чтобы, опираясь кромѣ городского пролетаріата еще на него, можно было съиграть рѣшающую роль въ судьбахъ русской революціи. А соціаль-демократія не безъ честолюбія: она хочетъ «встать во главѣ всего народа» (sic), въ борьбѣ его съ самодержавіемъ. Отсюда выводъ: значитъ, надо основать свою агитацію главнымъ образомъ на первой классовой противоположности всего крестьянства всему классу помѣщиковъ. Для современныхъ русскихъ соціаль-демокра-

товъ именно эта противоположность «имѣетъ наиболѣе существенное и наиболѣе практически важное значеніе». Только опираясь на все крестьянство, вовлекая всѣхъ крестьянъ въ борьбу съ самодержавіемъ, соціаль-демократія можетъ пріобрѣсти національное значеніе, стать не сектой, а серьезной партіей. Только такъ дѣйствуя, она можетъ завязать борьбу по всей линіи. Иначе она осуждена наносить только случайные, разрозненные удары. И къ такому образу дѣйствія соціаль-демократію вынуждаетъ слабое развитіе капитализма въ Россіи, ея отсталость въ этомъ движеніи.

И такъ выборъ рѣшенъ: соціаль-демократія должна стремиться прежде всего и болѣе всего сплотить все крестьянство, безъ различія пролетарскихъ, полупролетарскихъ, средне-зажиточныхъ его слоевъ, для борьбы противъ класса помѣщиковъ и противъ самодержавія. И эту цѣль сплоченія всего крестьянства и должна преслѣдовать аграрная программа. Этимъ предрѣшенъ ея характеръ. Разъ хотятъ объединить одной программой разнообразные слои населенія, то такой общей программой неизбѣжно будетъ программа самаго умѣреннаго слоя привлекаемаго въ коалицію. А разъ въ данномъ случаѣ этотъ самый умѣренный слой въ то же время буржуазный, то и вся программа неизбѣжно приметъ буржуазный характеръ. Такова логика жизни. Да и самое стремленіе программы сплачивать рабочіе и буржуазные слои глубоко буржуазно и противно принципу классовой борьбы.

Прежде чѣмъ вскрыть этотъ неизбѣжно буржуазный характеръ аграрной программы соціаль-демократовъ, мы еще разъ вернемся назадъ. Когда лѣтъ 10 тому назадъ въ нашей публицистикѣ впервые выступили марксисты, ихъ оппоненты говорили имъ: «господа! Ваши взгляды на ходъ общественной эволюціи и, въ частности, на крестьянство неизбѣжно приведутъ васъ къ одному изъ двухъ: или вы, желая сохранить въ чистотѣ свои принципы, замкнетесь въ сравнительно узкія рамки чисто рабочаго движенія, безсильнаго опредѣлять судьбы родной страны, или, если вы пожелаете во что бы то ни стало играть активную роль, то вы принуждены будете служить буржуазіи. Вамъ придется самимъ содѣйствовать скорѣйшему развитію тѣхъ условій, при наличности которыхъ съ вашей точки зрѣнія только и возможна широкая соціаль-демократическая дѣятельность и побѣда соціализма». Въ то время одно предположеніе, что при русскихъ условіяхъ соціаль-демократія вынуждена будетъ дѣлать дѣло буржуазіи, вызывало у соціаль-демократовъ страшное негодованіе противъ такъ называемыхъ «народниковъ», дѣлавшихъ этотъ неизбѣжный логическій выводъ изъ нѣкоторыхъ посылокъ русскаго неомарксизма.—Теперь мы видимъ, что соціаль-демократы поняли, сами указанную дилемму и сознательно выбрали второй изъ представляющихся имъ путей. Вполнѣ понятное желаніе играть опредѣляющую роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, съ одной стороны, и слабое развитіе капиталистическихъ отношеній съ другой—не-

избѣжно привели соціаль-демократію къ построенію буржуазной аграрной программы.

Въ чемъ же проявился буржуазный характеръ аграрной программы русской с.-д-тіи? Да прежде всего въ самой постановкѣ вопроса о классовыхъ противорѣчіяхъ въ деревнѣ. Развѣ для соціалиста можетъ существовать вопросъ, на какомъ изъ этихъ противорѣчій основать свою дѣятельность? Казалось бы этотъ вопросъ рѣшенъ имъ еще тогда, когда онъ вырабатывалъ свои соціалистическія убѣжденія, и рѣшенъ одинаково и для города и для деревни. Для соціалиста вообще это есть противоположность интересовъ труда и капитала, включая и землевладѣніе, для соціаль-демократа-ортодокса—пролетаріата и буржуазіи. Свою программу онъ можетъ строить только на мотивахъ этой борьбы труда съ капиталомъ или частнѣе—пролетаріата съ буржуазіей. Онъ можетъ и долженъ изучать всѣ классовыя противорѣчія, существующія въ современномъ обществѣ; онъ можетъ и долженъ сообразоваться съ ними въ своей практической дѣятельности, пользоваться ими, опираться на нихъ въ тѣхъ или другихъ политическихъ комбинаціяхъ. Но строить свою программу, на одну половину — на мотивахъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей, на другую же половину — на мотивахъ борьбы какихъ-нибудь другихъ классовъ или сословій, — это значитъ создавать не соціалистическую программу, а какое-то д в у е д и н о е существо, какую-то птице-мышь. — «Je suis l'oiseau, voyez mes ailes! — Je suis la souris, vivent les rats!»

Или, можетъ быть, на это надо смотрѣть, какъ на новый примѣръ договорныхъ отношеній между пролетарской партіей и буржуазіей? Если такъ, то нельзя не признать, что и этотъ второй примѣръ въ высокой степени самобытенъ, не менѣе, чѣмъ и первый. Тамъ буржуазные и пролетарскіе идеологи соединились на время, чтобы сокрушить старое революціонное міросозерцаніе; здѣсь «договоръ», обсужденный только одной стороной—соціаль-демократіей, для «крѣпости» внесенъ ею въ свою программу. Не сомнѣвайтесь же, г-да буржуи! Мы практически хлопочемъ прежде всего о томъ, чтобы «ввести деревню въ такія условія жизни, какія свойственны буржуазному обществу» (слова г. Ленина). Вы, конечно, хотите, чтобы можно было совершенно свободно вести коммерцію съ землицей. Но неужели вы думаете, что мы въ ближайшемъ будущемъ станемъ покушаться на права частной поземельной собственности? Ничего подобнаго! Наша программа-минимумъ, напротивъ, устранитъ всякія ограниченія—для крестьянъ, какъ для купцовъ и помѣщиковъ—«въ такомъ элементарнѣйшемъ гражданскомъ правѣ, какъ право р а с п о р я ж а т ь с я с в о е й з е м л е й». (Ibidem). А чтобы вы не сомнѣвались, такъ и въ программѣ запишемъ, такъ и а г и т а ц і ю доведемъ. Мы, вѣдь, не фантазеры, не утописты какіе-нибудь!

И соціаль-демократы ничуть не обманываются относительно значенія своей аграрной программы. Г. Ленинъ, въ статьѣ № 4

«Зари», посвященной этой программѣ, такъ и опредѣляетъ ея цѣль—«ввести деревню въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу». Деревня, молъ, еще завязла въ остаткахъ крѣпостничества, ближайшая революція должна смести эти остатки и дать полный просторъ развитію буржуазныхъ отношеній, т. е. пролетаризаціи крестьянства, и наша программа указываетъ наиболѣе подходящія къ тому мѣры.

Соціаль-демократы ставятъ цѣлью своей аграрной программы «внесеніе классовой борьбы въ деревню». На дѣлѣ, если только они останутся вѣрными ей въ своей дѣятельности въ деревнѣ, эта программа приведетъ къ затушевыванію, къ затемнѣнію уже существующихъ и сознанныхъ классовыхъ противорѣчій. Двѣ классовыя противоположности наблюдаются въ настоящее время въ деревнѣ: одна изъ нихъ развивающаяся—пролетарія и сельскаго буржуа, другая—отживающая свой вѣкъ—крестьянина вообще и помѣщика. И изъ этихъ двухъ противоположностей соціаль-демократы принимаются оживлять послѣднюю. Но, вѣдь, чувства и мысли, связанныя съ этими классовыми противорѣчіями, живутъ въ однихъ и тѣхъ же умахъ и сердцахъ. Въ однихъ и тѣхъ же умахъ и сердцахъ эти мысли и чувства—одни тускнѣютъ и отмираютъ, другія ростутъ и проясняются. Это тѣ же двѣ души, живущія въ груди крестьянина, о которыхъ говоритъ Каутскій; только намѣчены они у г. Ленина совсѣмъ иначе. И если соціаль-демократы, въ согласіи съ г. Ленинымъ и программой, примутся оживлять въ крестьянствѣ умирающія мысли и чувства, —это можетъ удастся только на счетъ силы и ясности новыхъ, зарождающихся мыслей и чувствъ. «Ветхая», дряхлѣющая душа можетъ вновь оживать въ груди крестьянина только на счетъ новой. Ибо, повторяю, и та, и другая живутъ въ одной груди. И этотъ результатъ получится, сколько бы соціаль-демократы ни твердили о томъ, что они не позабудутъ своего долга передъ сельскимъ пролетаріатомъ. Но только останутся ли они вѣрными своей программѣ, когда столкнутся въ жизни съ реальными отношеніями деревни? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Какую же программу построилъ г. Ленинъ на этой отживающей свой вѣкъ противоположности всего крестьянства помѣщичьему классу,—программу, долженствующую объединить все крестьянство противъ пережитковъ крѣпостного права и царизма?—Это всесторонній пересмотръ реформъ 1861 года, исправленіе всѣхъ несправедливостей, совершенныхъ при освобожденіи крестьянъ. Это возвращеніе крестьянамъ всѣхъ отрѣзковъ, отошедшихъ отъ нихъ при выходѣ на волю: взысканіе обратно съ помѣщиковъ всѣхъ выкупныхъ платежей, взысканныхъ съ крестьянъ за 40 лѣтъ, съ 1861 года и обращеніе ихъ на составленіе благотворительныхъ капиталовъ крестьянскихъ обществъ и т. д. Мы не будемъ подробно разбирать этой программы. Мы остановимся только

на тѣхъ ея пунктахъ, которые мы считаемъ несогласными съ принципами соціализма.

Но прежде сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Достигаютъ ли земельныя требованія программы той цѣли, ради которой они редактированы? Объединяютъ ли они все крестьянство? Правда, они способны объединить всѣ слои крестьянства и самостоятельно-трудовые, пролетарскіе, и кулацкіе, но только въ одномъ разрядѣ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ; бывшихъ государственныхъ крестьянъ, составляющихъ добрую половину всѣхъ крестьянъ, они совершенно не въ состояніи заинтересовать. Они должны довольствоваться общими требованіями программы: отмѣной косвенныхъ налоговъ, воинской повинности и т. д. А главныя приманки собственно аграрной программы: возвращеніе отрѣзковъ и выкупныхъ платежей не про нихъ писаны; хотя государственные крестьяне могутъ съ полнымъ правомъ недоумѣвать, почему это помѣщичьи крестьяне должны получить свои земли безъ выкупа, а они, государственные, обязаны свои выкупать. Но ни въ программѣ, ни въ комментаріяхъ отвѣта на свои недоумѣнія не найдутъ.

Если самый фактъ аграрной програмы, имѣющей цѣлью объединить **все** крестьянство является вопіющимъ нарушеніемъ соціалистическихъ принциповъ, то введеніе въ нее пункта о возвращеніи отрѣзковъ стоитъ въ коренномъ противорѣчіи, если не съ соціалистическими, то съ основами ортодоксальной соціалдемократіи. Эта послѣдняя ждетъ торжества соціализма отъ разрушенія мелкаго производства и отъ организаціи на его развалинахъ крупнаго капиталистическаго. Раззореніе мелкихъ производителей, съ ея точки зрѣнія, есть процессъ неизбѣжный и необходимый; чѣмъ быстрѣе онъ совершится, тѣмъ лучше. Всякая попытка **его** задержать, укрѣпить положеніе мелкихъ производителей въ ихъ борьбѣ съ капиталистами только затягиваетъ этотъ болѣзненный процессъ, увеличиваетъ муки переходнаго времени. И это относится не только къ промышленности, но и къ земледѣлію. Поэтому, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія есть мѣра вредная и безсмысленная, которая никакъ не можетъ найти себѣ мѣсто въ соціальдемократической программѣ. И однако она нашла себѣ мѣсто въ программѣ русской соціалдемократіи. Какъ это могло случиться?

Мы уже видѣли, какъ г. Ленинъ въ стремленіи найти базисъ для широкаго **національнаго** революціоннаго движенія, находя этотъ базисъ, на который указывала ему соціалдемократическая теорія, слишкомъ узкимъ, пришелъ къ мысли—объединить **все** крестьянство на программѣ борьбы съ классомъ помѣщиковъ (именно помѣщиковъ, а не сельскихъ предпринимателей), съ остатками крѣпостничества и **попутно** съ царизмомъ. Отсюда пересмотръ реформы 1861 г. Но почему нельзя было обойтись безъ отрѣзковъ, безъ этого расширенія мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое какъ ни назови, никакъ нельзя примирить съ соціалдемократическими принципами? Ясно почему: г. Ленинъ очень

хорошо знаетъ, что главной нуждой крестьянина является земля, что программа, которая не сулитъ ему расширенія его надѣла, не можетъ разсчитывать ни на какой успѣхъ, не можетъ пріобрѣсти ни малѣйшаго сочувствія. Значитъ, приходится поступиться принципомъ и подумать о томъ, какъ бы поблаговиднѣе обставить эту измѣну.

Этой послѣдней цѣли служитъ: во-1-хъ, исполненіе исторической несправедливости: вѣдь мы-де хлопочемъ только о возвращеніи ограбленнымъ крестьянамъ того, что у нихъ было несправедливо отнято, а вовсе не о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія; во 2-хъ, теорія о томъ, что будто бы на отрѣзныхъ земляхъ держится кабала въ сельскомъ хозяйствѣ; что, ратуя за возвращеніе ихъ крестьянамъ, соціальдемократія борется съ остатками крѣпостническихъ отношеній въ деревнѣ и расчищаетъ почву для классовой борьбы въ ней.

Что касается перваго пункта, то слишкомъ ясно, зачѣмъ понадобился щеголяющему своею трезвенностью и практичностью г. Ленину этотъ сантиментальный костюмъ, эти доспѣхи Донъ-Кихота, занятаго исправленіемъ историческихъ несправедливостей. Слишкомъ уже не подходитъ эта роль къ его фигурѣ, да и ко всей его партіи. И почему въ дѣлѣ исправленія историческихъ несправедливостей останавливаться на 61 г. ? Почему ограничиваться 40—50 лѣтней давностью? Вѣдь помѣщики грабили крестьянъ и до 1861 г. Они совсѣмъ обезземеливали нѣкоторыхъ, переводили ихъ во дворъ, на фабрику, переводили съ оброка на барщину и т. д. и т. д. Почему игнорировать эти грабежи, эти насилія и несправедливости? А послѣ освобожденія крестьянъ развѣ не было того же? Развѣ не было вакханаліи расхищенія уфимскихъ земель? Развѣ не было грабежа земель у крымскихъ татаръ? Развѣ спеціальными распоряженіями и узаконеніями не отнимались и не раздавались помѣщикамъ земли въ Сибири? Съ другой стороны, неужели послѣдніе 40 лѣтъ, отдѣляющіе насъ отъ 1861 г., прошли надъ русской деревней безслѣдно? Неужели они не породили новыхъ потребностей, не расширили старыхъ, не вызвали на свѣтъ новыхъ понятій? Неужели можно современную деревню удовлетворить возстановленіемъ надѣловъ, бывшихъ до 1861 г.? Вѣдь если крестьянство всколыхнется, оно придетъ въ движеніе не во имя потребностей 1861 г., а во имя своихъ тедерешнихъ нуждъ и страданій. Оно будетъ искать удовлетворенія современныхъ потребностей, избавленія отъ современныхъ бѣдствій и золъ. Если марксистамъ для перемѣны позиціи можно забавляться историческимъ донъ-кихотствомъ, то крестьянству-то, вырождающемуся отъ постоянныхъ голодовокъ, не до того. Ему наплевать на историческую несправедливость, а дай въ настоящее время какъ-нибудь прожить безъ голодовки. И если онъ приметъ вашу программу съ отрѣзками, если вамъ удастся оживить въ немъ горечь обидъ, перенесенныхъ 40 лѣтъ тому назадъ отъ помѣщика на счетъ его современныхъ обидъ отъ всей сельской буржуазіи—вы обманете его. Вы отвле-

чете его мысль отъ современныхъ потребностей къ давно прошедшимъ обидамъ, отъ серьезнаго простого дѣла къ историческому сутяжничеству, отъ реальнаго къ сантиментальному. Вы заволочете его мысль сантиментальнымъ туманомъ, вмѣсто современныхъ нуждъ подставите историческія фикціи, яйца выѣденнаго не стоющія, вмѣсто хлѣба дадите камень. Программа, построенная на идеѣ пересмотра реформы 1861 г., если кому на руку, то только помѣщикамъ. Когда имъ придется туго, они съ восторгомъ ухватятся за разысканіе надѣловъ 1861 г.,—лишь бы отвлечь народъ отъ настоящаго, современнаго дѣла. Не даромъ одинъ помѣщичій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности уже въ прошломъ году пришелъ къ мысли о возвращеніи крестьянамъ отрѣзныхъ земель!

Курьезно, что «Искра» даже въ этомъ фактѣ увидала поводъ для самодовольной похвальбы: вотъ, дескать, какъ мы практичны! А еще говорятъ, что наша программа не осуществима.—Не подумаетъ «Искра» объ одномъ, что если ужъ дворянскій комитетъ вводитъ въ свою программу отрѣзки, то, должно быть, они не очень подходящи для крестьянъ и не очень умѣстны въ соціалистической программѣ. Простой разсчетъ показываетъ, что въ настоящее время возстановленные надѣлы 1861 г. были бы относительно населенія меньше, чѣмъ полученные въ 1861 г. Въ самомъ дѣлѣ, сокращеніе надѣльной площади, произведенное реформой 1861 г., составляло, какъ показываютъ данныя г. Семенова по 5 губерніямъ, 20-25 проц.; между тѣмъ населеніе съ тѣхъ поръ увеличилось по крайней мѣрѣ на 50 процентовъ. Если по уставнымъ грамотамъ крестьяне получали, скажемъ, по 3 десятины на душу, то теперь возвращеніе отрѣзныхъ земель крестьянамъ довело бы ихъ надѣлы до 2 $^1/_2$ дес. на душу.

Какъ ни назвать возвращеніе отрѣзковъ крестьянамъ: исправленіе-ли исторической несправедливости, возвращеніе ли награбленнаго или какъ иначе, — оно всетаки останется расширеніемъ мелкой крестьянской собственности,—той самой, которая, по теоріи соціаль-демократовъ, должна быть экспропріирована и монополизирована въ немногихъ рукахъ, чтобы сталъ возможнымъ переходъ къ соціалистическому строю. Гдѣ же этотъ процессъ, экспропріаціи крестьянства происходилъ «справедливо», безъ грабежа, обмана и насилія? Если ставить современнымъ программамъ задачу исправленія историческихъ несправедливостей, то всѣ соціалистическія партіи Западной Европы должны были бы ввести въ свои программы требованія возвращенія крестьянству отобранныхъ у него въ прошломъ вѣкѣ, при освобожденіи отъ феодальныхъ повинностей, земель.

Въ объясненіе введенія въ программу пункта объ отрѣзкахъ г. Ленинъ приводитъ еще то соображеніе, что на отрѣзкахъ держится кабала въ деревнѣ и что возвращеніе ихъ крестьянамъ подорветъ эту кабалу, уничтожитъ остатки крѣпостническихъ отношеній и расчиститъ почву для пролетарской классовой борьбы

въ деревнѣ. Но дѣйствительно ли кабала держится на отрѣзкахъ? Несомнѣнно, одной изъ главныхъ причинъ сохраненія въ деревнѣ кабальныхъ отношеній является нужда крестьянъ въ землѣ, малоземелье, но малоземелье вообще, а не только то, которое произведено сокращеніемъ крестьянскаго надѣла въ 1861 г. Г. Ленинъ часто выражается такъ, какъ будто онъ имѣетъ въ виду, хочетъ уничтожить только тѣ случаи кабалы,—правда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ очень распространенные,—которые обязаны своимъ возникновеніемъ особой формѣ надѣла, способу проведенія границъ, тѣми ловушками и западнями, которыми окружили нѣкоторые догадливые помѣщики деревню, съ цѣлью держать ее въ своихъ рукахъ и послѣ выхода на волю, благодаря которымъ крестьянамъ «курицу некуда выпустить». Эти западни и ловушки являются въ такихъ имѣніяхъ главнымъ источникомъ дохода, такъ что о правильномъ сельскомъ хозяйствѣ въ нихъ рѣчи быть не можетъ. Если г. Ленинъ хотѣлъ уничтожить только эти внѣхозяйственные источники доходовъ, эти ловушки, то онъ могъ найти для этого мѣры, и не противныя соціаль-демократической совѣсти, напр., исправленіе границъ, обмѣнъ угодій, не связанные съ расширеніемъ мелкой собственности. Если же онъ имѣлъ въ виду кабалу вообще, то несомнѣнно и возвращенія отрѣзковъ мало для ея искорененія. Кабала—явленіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ западни и ловушки, чѣмъ даже отрѣзныя земли. Она коренится въ крайней нуждѣ крестьянства, въ его полной безпомощности, въ отсутствіи всякихъ культурныхъ видовъ кредита, взаимопомощи и пр. Кабала существуетъ не только въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщику-дворянину, къ которому почему-то особенно неблагосклоненъ г. Ленинъ, но, пожалуй, порой еще болѣе, къ «сельскому предпринимателю» новаго типа, къ которому г. Ленинъ, наоборотъ, черезчуръ благосклоненъ; она существуетъ даже при наймѣ на промысловыя работы: на сахарные заводы, на постройку желѣзной дороги и т. п. Уничтожить всѣ эти виды кабальнаго найма возвращеніемъ отрѣзковъ совершенно немыслимо.

Это съ одной стороны. А съ другой стороны можетъ ли соціаль-демократія рекомендовать расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ средство для уничтоженія или ослабленія кабальныхъ отношеній? Вѣдь если оставить въ сторонѣ тѣ западни и ловушки, о которыхъ рѣчь была выше и уничтожить которыя можно и безъ расширенія крестьянскихъ надѣловъ, то отрѣзныя земли не обладаютъ никакими таинственными, мистическими свойствами порождать кабалу, которыми не обладала бы вообще земля. И если ихъ возвращеніе ослабитъ кабальную зависимость крестьянъ отъ рыцарей капитала, то постольку, поскольку это можетъ произвести всякое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Рекомендуя возвращеніе отрѣзковъ, г. Ленинъ рекомендуетъ ничто иное, какъ расширеніе мелкаго землевладѣнія, т. е. укрѣпленіе положенія, крестьянъ, какъ мелкихъ собственниковъ. А это стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ принципами ортодоксальнаго марксизма.

Въ первой нашей статьѣ мы вкратцѣ разсмотрѣли тѣ требованія аграрной программы русской соціальдемократіи, которыя касаются возврата пресловутыхъ «отрѣзковъ». Не входя въ подробности, мы показали, что уже въ принципѣ требованіе это несовмѣстимо съ догмой соціальдемократіи, такъ какъ стремленіе къ увеличенію мелкой поземельной собственности за счетъ крупной, съ точки зрѣнія догмы, есть стремленіе реакціонное. Авторы программы сами видѣли это противорѣчіе, но пытались отъ него избавиться, ссылаясь на совершенно особенный, исключительный характеръ роли «отрѣзковъ», какъ источниковъ возрожденія кабальныхъ отношеній. Ясно, однако, что возрождать кабалу «отрѣзки» могутъ двоякимъ образомъ: 1) или какъ участки, расположенные чрезполосно, въ мѣстахъ, безъ которыхъ крестьянину немыслимо обойтись («западни» и «ловушки» для крестьянскаго скота); но отсюда для правовѣрнаго соціальдемократа вытекаетъ лишь необходимость требовать исправленія границъ, обмѣна угодій, перемежеванія; требованіе же п р и р а щ е н і я поземельной собственности крестьянъ этимъ еще не обусловливается; 2) или какъ частный случай крестьянскаго малоземелья, недостатка различныхъ угодій для нормальнаго веденія хозяйства при данной системѣ и данныхъ методахъ земледѣлія; но если идти на встрѣчу этому требованію, то странно и нелѣпо останавливаться только на «отрѣзкахъ». Въ обоихъ случаяхъ требованіе это нелогично, и не можетъ выдерживать даже слабаго прикосновенія критики.

Эклектическій характеръ, который, благодаря этому требованію, пріобрѣла вся программа, легко объясняется необходимостью пойти навстрѣчу той могучей «тягѣ къ землѣ», которая замѣчается у современнаго крестьянства. Не идти ей навстрѣчу—значитъ отрѣзать себя совершенно отъ крестьянскаго движенія. Но если нельзя—по догмѣ—вести крестьянъ къ землѣ, то отчего же не ввести по крайней мѣрѣ хоть какой нибудь суррогатъ ея—«отрѣзки»?

Въ программѣ есть и еще аграрное требованіе: именно, требованіе конфискаціи «монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также имѣній удѣльныхъ, кабинетскихъ и принадлежащихъ лицамъ царской фамиліи». Кому же будутъ отданы эти земли? Тщетно стали бы мы искать на это отвѣта въ программѣ. Тамъ глухо сказано лишь про «обращеніе с у м м ъ, д о б ы т ы х ъ э т и м ъ п у т е м ъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ». Итакъ, ясно лишь одно: эти земли не перейдутъ in natura для удовлетворенія земельныхъ нуждъ крестьянства (хотя бы для переселеній, фактическая невозможность которыхъ тоже вѣдь не мало содѣйствуетъ упроченію кабалы въ мѣстахъ чрезмѣрнаго сгущенія земледѣльческаго населенія), а непремѣнно должны быть о б р а щ е н ы в ъ д е н ь г и. Иными словами, по всей вѣроятности, они просто будутъ р а с п р о-

даны съ аукціона. *) Кто же ихъ купитъ? Конечно, тотъ, кто имѣетъ «купилку»...

«Но позвольте—прервутъ насъ—за то вѣдь покупныя деньги пойдутъ на пользу культурно-благотворительныхъ нуждъ населенія!» Положимъ; однако, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, завладѣвъ землями, счастливые капиталисты-пріобрѣтатели въ короткое время сдерутъ съ того же населенія съ избыткомъ всѣ тѣ суммы, которыя поступятъ съ нихъ въ этотъ знаменитый фондъ, судьбы котораго еще на водѣ вилами писаны; ибо нѣтъ ничего труднѣе, какъ обезпечить въ классовомъ буржуазномъ государствѣ такое пользованіе различными денежными «фондами», которое гарантировало бы отъ злоупотребленій и согласовалось со справедливостью и народными пользами.

Какъ же еще можно превращать конфискованныя имущества въ деньги? Можно, разумѣется, обратить ихъ въ государственныя имущества и вести на нихъ «хозяйство» подъ управленіемъ чиновничества или сдавать ихъ въ аренду. Но вѣдь кто же иной, какъ не соціальдемократы всего сильнѣе предостерегаютъ — и таки не безъ основанія—противъ связаннаго съ этимъ усиленія хозяйственной мощи классового и бюрократическаго государства, противъ связаннаго съ этимъ увеличенія зависимости отъ него населенія?

Программа требуетъ, далѣе, «обложенія особымъ налогомъ земель землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой»—для возвращенія крестьянамъ (т. е. обращенія въ «культурно-благотворительный фондъ») суммъ, взятыхъ съ нихъ въ видѣ выкупныхъ или оброчныхъ платежей. Казалось бы, требованіе прекрасное: какъ же не возвратить? Но, кромѣ этой явной цѣли, данное требованіе едва ли не имѣетъ еще и другой, кроющейся за кулисами. Во всякомъ случаѣ, осуществленіе на практикѣ этого требованія должно вести къ одному чрезвычайно важному послѣдствію. Всѣмъ извѣстна огромная задолженность русскаго дворянства, всѣмъ извѣстна и недоимочность его. При такихъ условіяхъ ясно, что обложеніе его новымъ огромнымъ налогомъ (вѣдь надо вернуть съ дворянъ, ни мало, ни много, какъ то, что они получили въ формѣ выкупныхъ свидѣтельствъ!) или останется мертвой буквой (налогъ будетъ числиться цѣликомъ въ недоимкѣ) или приведетъ къ немедленной ликвидаціи немного не всего дворянскаго землевладѣнія. Имѣнія пойдутъ съ молотка, и вообще начнется эра такой усиленной мобилизаціи поземельной собственности, такой спекулятивной горячки, какой, быть можетъ, не видала еще исторія европейскаго биржевого грюндерства. Особенно, если съ этимъ совпадетъ «не исключенная» г. Ленинымъ распродажа иму-

*) Когда этотъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и г. Иксъ предложилъ сформулировать требованіе такъ, чтобы исключить всякіе «аукціоны», г. Ленинъ съ похвальной откровенностью заявилъ, что его критикъ «распродажу, какъ одинъ изъ способовъ, исключаетъ напрасно».

ществъ монастырскихъ, церковныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ etc. etc. И все это—съ соизволенія и даже пособничества «партіи пролетаріата»! Что за иронія судьбы! Да, гг. Колупаемымъ и Разуваемымъ будетъ за что благодарить самоотверженныхъ работниковъ почасти «введенія деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу»!

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ пунктѣ соц.-дем. программы,—о защитѣ «права каждаго крестьянина распоряжаться своей землей». И здѣсь теорія неизбѣжности и единоспасающей роли капиталистическаго фазиса во всѣхъ отрасляхъ производства сыграли съ русской соціаль-демократіей совсѣмъ скверную штуку. Не только глупо и вредно противиться развитію капитализма,—надо ему помогать. Надо уничтожать тѣ препятствія, которыя стоятъ у него на дорогѣ и мѣшаютъ его развитію, ибо капитализмъ есть необходимая стадія развитія. Царства соціализма нельзя иначе достигнуть, какъ испивъ до дна горькую чашу «капиталистической выучки». Долой же всѣ препятствія! Долой не только остатки крѣпостничества, уничтоженія которыхъ можно требовать и съ другихъ точекъ зрѣнія, кромѣ буржуазной, —долой и общину, ибо она стѣсняетъ крестьянина въ правѣ распоряженія землей! И тутъ забывается, что принципъ общиннаго землевладѣнія можно отрицать съ точки зрѣнія буржуазной идеологіи, но съ соціалистической—нельзя его поставить ниже принципа частной собственности на землю. И какіе аргументы приводятся соціаль-демократами въ пользу этого требованія? Уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями! Всѣ могутъ свободно продавать, закладывать, завѣщать свою землю,—только крестьянинъ ограниченъ въ этомъ общиной! Какъ это возмутительно! Долой же всѣ стѣсненія, и да здравствуетъ неограниченное право частной собственности на землю,—это священное право человѣка и гражданина!—Но позвольте, господа! Почему же вы такъ сердились, когда вамъ 10 л. тому назадъ говорили, что ваша историческая теорія приведетъ васъ къ служенію буржуазіи, заставитъ васъ дѣлать дѣло буржуазіи? Отстаивая право частной собственности на землю противъ того, что вы называете остатками первобытнаго комунизма,—что вы дѣлаете, какъ не дѣло буржуазныхъ идеологовъ? Во всѣхъ странахъ Западной Европы раздѣленія общинныхъ земель или ихъ продажи требовали буржуазные политики, и только Россіи выпала на долю сомнительная честь показать примѣръ соціалистовъ, борющихся за то же благородное дѣло!— Конечно, соціаль-демократы—принципіальные противники частной собственности на землю; но пока она существуетъ, они будутъ бороться за то, чтобы всѣ люди были одинаково свободны въ распоряженіи землей, и чтобы никакія архаическія учрежденія не стѣсняли ихъ въ этомъ. Не съ такимъ же ли основаніемъ можно было во времена крѣпостного права его принципіальнымъ противникамъ бороться съ ненавистной привиллегіей дворянства торговать людьми и имѣть ихъ у себя въ рабствѣ требуя, чтобы это

неограниченное право собственности на человѣка перестало быть привиллегіей и стало правомъ всѣхъ россійскихъ гражданъ, безъ различія сословія, званія, религіи! И какую краснорѣчивую страницу могъ бы написать г. Ленинъ на эту тему! Не даромъ аналогичная страница въ защиту «уравненія крестьянъ въ правахъ на землевладѣніе» въ его брошюрѣ одна изъ самыхъ горячихъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по существу вопроса. Крестьянинъ и теперь имѣетъ ничѣмъ неограниченное право пріобрѣтать, продавать, закладывать и завѣщать землю. Ограниченіямъ подлежитъ только надѣльная земля. Одни изъ этихъ ограниченій исходятъ изъ закона другія—изъ существованія общиннаго землевладѣнія. Первыя распространяются на всю Россію, вторыя дѣйствуютъ только тамъ, гдѣ сохранилась община. Первыя исходятъ изъ дореформеннаго взгляда на крестьянство, какъ на податное сословіе, призванное своимъ трудомъ содержать всю государственную надстройку и служилое дворянство—взгляда завѣщаннаго еще московской Русью. По этому взгляду земля дается крестьянину «для обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей». Это «исправное отбываніе повинностей» опредѣляетъ и всѣ ограниченія, лежащія на личности крестьянина. Всѣ эти приписки къ обществу и выписки, паспорта, стѣсненія права передвиженія, бывшая круговая порука и замѣнившія ее новыя прерогативы земскаго начальника—всѣ эти гнусные остатки закрѣпощенія личности государству и помѣщику—всѣ они имѣютъ одну и ту же цѣль, и всѣ они должны быть уничтожены вмѣстѣ съ существующей податной ситемой и съ организаціей сословій. Въ этомъ соціаль-демократы не говорятъ ничего новаго, только имъ свойственнаго. Въ этомъ между ними и нами нѣтъ разногласій, и за уничтоженіе всего этого проклятаго наслѣдія мы будемъ бороться не менѣе энергично, чѣмъ они. Другое дѣло—тѣ ограниченія, которыя вытекаютъ изъ факта существованія общиннаго землевладѣнія. Какъ бы ни были несовершенны современныя формы общиннаго землевладѣнія, мы его принципъ считаемъ неизмѣримо выше принципа частной земельной собственности. Мы полагаемъ, что соціалисты должны работать надъ его развитіемъ и совершенствованіемъ, а не надъ его разрушеніемъ. Конечно, крестьянинъ долженъ имѣть неограниченное право выхода изъ общины, но безъ выдѣла ему въ частную собственность общаго достоянія, земли. Земля должна быть неприкосновеннымъ общимъ благомъ, которое находится въ непосредственномъ распоряженіи всей общины, и способъ пользованія которой опредѣляется общимъ сходомъ всѣхъ общинниковъ. Выходящій изъ общины крестьянинъ долженъ имѣть право лишь на вознагражденіе за тѣ труды, которые онъ несъ, за то участіе, которое онъ принималъ въ увеличеніи общаго имущества.

Русскому крестьянину пока еще въ значительной мѣрѣ чуждъ тотъ собственническій фанатизмъ, который на Западѣ Европы служитъ такимъ страшнымъ препятствіемъ проникновенію

соціализма въ деревню. Въ русскомъ крестьянствѣ, благодаря традиціямъ общиннаго землевладѣнія, еще живетъ убѣжденіе, что земля не должна быть предметомъ частной собственности, что частная собственность на землю несправедлива, и что земля должна находиться только во временномъ пользованіи лицъ, на ней работающихъ. Западные соціалисты пуще всего боятся поддерживать и укрѣплять въ крестьянахъ ихъ фанатизмъ собственника. Наши русскіе соціаль-демократы смѣлѣе. Во имя торжества теоріи, гласящей, что между періодомъ первобытнаго коммунизма и коллективизмомъ долженъ быть періодъ частной собственности, они своей пропагандой и агитаціей разжигаютъ въ крестьянахъ пока еще слабый фанатизмъ къ собственности. Они кричатъ ему: посмотри! и купцы, и дворяне, и мѣщане вертятъ своей землей, какъ хотятъ. А ты весь опутанъ общинными распоряженіями. Долой общину!— И нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти рѣчи найдутъ горячій откликъ въ кулацкихъ и буржуазныхъ элементахъ деревни, которые давно уже и во многихъ губерніяхъ очень успѣшно противятся всякой попыткѣ передѣлить землю, т. е. осуществить принципъ фактическаго общиннаго распоряженія— а не только юридической фикціи владѣнія землей. И если только, при благосклонномъ содѣйствіи соціаль-демократовъ, собственническій фанатизмъ широкимъ потокомъ разольется по странѣ и уничтожитъ всѣ слѣды общиннаго землевладѣнія, всѣ связанные съ нимъ взгляды и традиціи; если такимъ образомъ исчезнетъ то связующее звено, та общая почва, которая въ настоящее время облегчаетъ крестьянамъ пониманіе соціалистическихъ ученій;—тогда соціаль-демократы съ большимъ правомъ, чѣмъ теперь, заведутъ свои рѣчи объ «антиколлективистскомъ черепѣ» крестьянина, фанатизмѣ собственника, который обрекаетъ такъ часто на неуспѣхъ попытки соціалистической пропаганды въ деревнѣ, о реакціонной роли крестьянства и о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» народниковъ. И въ концѣ концовъ самодовольное «мы были правы!»

Подведемъ итоги нашей критикѣ. Соціаль-демократія не справилась съ крестьянскимъ вопросомъ, не устояла на высотѣ соціалистическихъ и соціаль-демократическихъ принциповъ. И это буржуазное грѣхопаденіе русской соціаль-демократіи не есть слѣдствіе личнаго произвола, каприза, непослѣдовательности мысли, любви къ компромиссу, тайной склонности къ буржуазному строю жизни. Нѣтъ, соціаль-демократія приведена къ нему крайне серьезными, высокими мотивами, неумолимой логикой жизни. При русскихъ условіяхъ соціаль-демократія «искровскаго» типа неизбѣжно, фатально должна была впасть въ буржуазность. Ея теоретическія воззрѣнія указали ей въ современномъ обществѣ одинъ только классъ, революціонный въ соціалистическомъ смыслѣ. Это—пролетаріатъ. Но въ Россіи пролетаріатъ пока слишкомъ слабъ числен-

но, чтобы можно было разсчитывать, что онъ въ процессѣ борьбы за свое освобожденіе, можетъ однѣми своими силами свергнуть самодержавіе. Для этого необходимо содѣйствіе другихъ классовъ, съ точки зрѣнія соціаль-демократіи, буржуазныхъ. Будь возможна въ Россіи энергичная буржуазная революціонная партія для соціальдемократіи оставался бы открытымъ путь договорныхъ отношеній. Но у насъ такая партія невозможна и ея нѣтъ. Остается самой соціаль-демократіи взять на себя революціонную агитацію въ буржуазномъ классѣ, способномъ къ революціонному движенію. Такимъ классомъ, по мнѣнію соціаль-демократовъ, является крестьянство, революціонное въ феодальномъ, крѣпостническомъ обществѣ, реакціонное—въ буржуазномъ. Въ Россіи крестьянство революціонно постольку, поскольку въ немъ сохранились пережитки крѣпостническихъ отношеній. Съ точки зрѣнія соціальдемократіи, въ крестьянствѣ революціонное движеніе возможно только во имя полнаго освобожденія личности, уничтоженія сословныхъ привиллегій, освобожденія земельной собственности отъ всякихъ ограниченій, налагаемыхъ государствомъ и общиной, а главное—во имя расширенія личнаго, крестьянскаго и буржуазнаго землевладѣнія на счетъ старо-дворянскаго. Программу такого чисто буржуазнаго движенія должны бы были дать буржуазные идеологи, и буржуазные политики должны бы были взять на себя руководство имъ. За отсутствіемъ ихъ, русская соціальдемократія взяла на себя эту задачу. Отсюда ея аграрная программа, очень враждебная дворянству и черезчуръ благосклонная «сельскимъ предпринимателямъ». Это программа революціоннаго буржуазнаго движенія, направленнаго противъ остатковъ крѣпостничества въ русскомъ государствѣ.

Здѣсь все логично и послѣдовательно. Отдѣльные выводы цѣпляются другъ за друга, какъ зубчатыя колеса въ часовомъ механизмѣ. Но это есть логика... жизни марксистской ортодоксіи на русской почвѣ, а не логика послѣдовательно развивающейся соціалистической мысли. И приводитъ она къ дѣланію дѣла буржуазіи. При видѣ такого результата, каждый серьезный соціальдемократъ долженъ задуматься надъ вопросомъ: все-ли обстоитъ благополучно въ тѣхъ соціаль-демократическихъ посылкахъ, изъ которыхъ получились всѣ эти выводы?

Соціалистическая мысль, вооруженная соціаль-демократической теоріей, въ поискахъ линіи поведенія при русскихъ условіяхъ, привела своихъ адептовъ къ буржуазному грѣхопаденію, подвела ихъ къ дѣлу, носящему явно буржуазный характеръ, и сказала: вотъ—покуда что—ваше дѣло! Вотъ идеи, которыя вы должны распространять, вотъ программа, которую должны проводить.—Но вѣдь эти идеи, эта программа буржуазны!—И однако выводы сдѣланы правильно. Осталось спросить себя: хорошъ-ли тотъ костыль, на который опиралась соціалистическая мысль?...

Дек. 903 г., Янв. 904г. *Н. Максимовъ.*

«Przedswit» объ аграрной программѣ «Искры».

Въ 11-12-мъ № «Przedswita», заграничнаго органа Польской Соціалистической Партіи («P. P. S.») за истекшій годъ помѣщена довольно интересная замѣтка тов. Видмо «По вопросу объ аграрной программѣ россійской соціальдемократіи». Замѣтка эта является дополненіемъ и, до нѣкоторой степени, возраженіемъ на статью другого польскаго автора, тов. А. В., «О соціальдемократахъ и соціалистахъ-революціонерахъ», напечатанную въ 5-мъ № того же изданія и потому, говоря о первой, мы должны коснуться также второй статьи. А такъ какъ замѣтка «О новой программѣ россійской соціальдемократіи», помѣщенная во 2-мъ № «Przedswita», принадлежитъ также перу тов. А. В., то мы и попытаемся свести въ одно цѣлое всѣ разрозненныя критическія замѣчанія, какія мы нашли въ «Przedswit'ѣ» за истекшій годъ по вопросу объ аграрной программѣ «Искры» и отчасти нашей.

Въ своихъ отзывахъ о нашемъ минимальномъ требованіи «соціализаціи земли» оба автора далеко другъ съ другомъ не сходятся. Такъ, первый изъ нихъ, А. В., говоритъ, что «желаніе соціалистовъ-революціонеровъ соціализировать всю крупную земельную собственность посредствомъ передачи ея въ общее пользованіе сельскимъ обществамъ представляется гораздо болѣе согласнымъ съ общимъ направленіемъ соціализма, чѣмъ половинчатая реформа... предлагаемая соціальдемократами». А по мнѣнію тов. Видмо, «А. В. не правъ, утверждая, что соціализація земли является требованіемъ болѣе пригоднымъ въ аграрной программѣ», чѣмъ возвратъ отрѣзковъ, который онъ также отвергаетъ. Отъ соціализаціи земли, конечно, онъ не отказывается безусловно, а только полагаетъ, что соотвѣтствующее требованіе должно стоять не въ программѣ-минимумъ, а въ программѣ-максимумъ. Въ чемъ, однако, оба автора сходятся—такъ это въ томъ, что равно признаютъ аграрную программу «Искры» противорѣчащей соціалистическимъ принципамъ. Неудивительно, поэтому, что А. В. послѣ цитированныхъ нами выше замѣчаній приходитъ къ тому любопытному заключенію, что русскіе соціаль-демократы даже м е н ѣ е ортодоксальны, чѣмъ соціалисты-революціонеры! Такимъ образомъ, авторъ, очевидно, понимаетъ подъ «ортодоксальностью»—вѣрность основнымъ принципамъ соціализма; а изъ этого врядъ ли правильнаго отожде-

ствленія вытекаетъ и незаслуженная обида, которую авторъ наноситъ русскимъ «ортодоксамъ», обвиняя ихъ—horribile dictu—въ неортодоксальности!

По мнѣнію товарища А. В., «разница между двумя направленіями (соціальдемократическимъ и соціально-революціонномъ) и возникающая отсюда полемика не основывается на практическомъ вопросѣ съ какими лозунгами идти къ крестьянству, а сосредоточивается вокругъ соціологической оцѣнки крестьянства». Далѣе, приведя взгляды соціаль-демократовъ на три отдѣльныя категоріи разслоеннаго крестьянства (крестьяне-наемники, крестьяне-мелкіе собственники и крестьяне-буржуа-эксплуататоры), рецензентъ замѣчаетъ: «Громы, какіе мечутъ соціальдемократы противъ соціалистовъ-революціонеровъ, въ сущности, вызваны тѣмъ, что послѣдніе соединяютъ трудящееся крестьянство въ одно цѣлое. И тутъ, какъ это часто мы могли замѣтить и раньше, споръ между русскими товарищами ведется скорѣе изъ-за доктрины, чѣмъ изъ-за практическаго примѣненія ея». Врядъ ли можно согласиться съ этимъ: напротивъ, весь вопросъ и заключается въ томъ, «съ какими лозунгами идти къ крестьянству»—прямого ли переворота въ поземельныхъ отношеніяхъ, который бы облегчилъ трудящемуся крестьянству переходъ къ соціалистическому строю, или же половинчатой реформы, которая способствовала бы только упроченію буржуазнаго строя въ деревнѣ. И, если и можно кого-либо обвинять въ забвеніи «практическаго» вопроса и доктринерствѣ, то ужъ менѣе всего соціалистовъ-революціонеровъ, которые работаютъ въ крестьянствѣ и не считаясь съ тѣмъ, что говорятъ соціальдемократы-доктринеры о деревенской бѣднотѣ. Поскольку же рѣчь идетъ о теоретическомъ обоснованіи вопроса о соціалистической работѣ въ крестьянской средѣ, врядъ ли тов. А. В. станетъ отрицать всю важность руководящихъ положеній въ этой области. Вѣдь и на страницахъ «Przedswit'a» велась и вѣроятно еще будетъ вестись оживленная полемика о томъ, какъ относиться соціалистамъ къ той или иной группѣ крестьянскаго населенія. Что же касается нашего соединенія трудящагося крестьянства въ одно цѣлое, то для русскаго читателя отмѣтимъ, что и Польская соціалистическая партія, какъ видно изъ резолюціи ея VI съѣзда и руководящей статьи № 39 «Robotnika» объ агитаціи въ деревнѣ, не имѣетъ въ виду только чисто-пролетарскихъ элементовъ крестьянства. О дѣятельности Р. Р. S. на деревенской почвѣ мы скажемъ подробнѣе въ особой статьѣ, въ которой кстати разсмотримъ, какой программы придерживается она сама. А теперь перейдемъ къ главному вопросу настоящей замѣтки,—что говоритъ «Przedswit» въ лицѣ товарищей А. В. и Видма объ аграрной программѣ «Искры»?

Говоря о «новой программѣ россійской соціальдемократіи» (тогда еще только проектѣ) А. В. прежде всего отмѣчаетъ ея« неимовѣрную шаблонность» во всѣхъ ея частяхъ. Очень характерно, что ту часть искровской программы, которая трактуетъ объ аграрныхъ

отношеніяхъ, рецензентъ понялъ, какъ «вопросъ объ аграрной реформѣ». Но и этой частью онъ недоволенъ: все, что въ ней говорится, либо шаблонно, либо касается специфически-русскихъ условій. Во второй своей статьѣ. «О соціальдемократахъ и соціалистахъ-революціонерахъ» А. В. снова возвращается къ крестьянскому вопросу. На этотъ разъ онъ останавливается на статьѣ № 3 «Искры»: «Рабочая партія и крестьянство». «Статья, говоритъ А. В., начинается съ утвержденія, что пытаться спасти крестьянство защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности отъ натиска капитализма, значило бы задерживать общественное развитіе, обманывать крестьянство иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія, разъединять трудящіеся классы и т. д.» «Декларація, замѣчаетъ рецензентъ, вполнѣ ясная и недвусмысленная. Но такая программа, построенная на отрицаніи, недостаточна и потому соціаль-демократы, говоритъ онъ, хотятъ «внести классовую борьбу въ деревню». На какіе же элементы должна опереться эта борьба? спрашиваетъ А. В. и находитъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ той же статьѣ «Искры». Смыслъ отвѣта таковъ: сельскихъ рабочихъ-пролетаріевъ въ деревнѣ мало и при томъ они еще слишкомъ слабы. Но за то тамъ много крестьянъ-собственниковъ, которыхъ и слѣдуетъ призвать къ борьбѣ за отмѣну выкупныхъ платежей, возвратъ отрѣзковъ и т. д. И потому А. В. справедливо замѣчаетъ: «Противорѣчіе этой программы съ исходнымъ принципомъ статьи бросается въ глаза. Ибо, кто не хочетъ поддерживать мелкую собственность, тотъ не можетъ одновременно требовать, чтобы та же мелкая собственность увеличивалась индивидуально за счетъ той части земли, которая находилась до того времени въ рукахъ дворянства и купцовъ, не говоря уже о «сотняхъ милліоновъ» простонародья. Тутъ не имѣетъ значенія и то обстоятельство, что авторы программы намѣреваются такимъ образомъ предохранить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая дѣйствительно снова начинаетъ утверждаться въ деревнѣ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ вопросъ разрѣшаютъ не намѣренія, а фактическіе результаты, и если требованіе ихъ осуществится, то мелкая, индивидуальная собственность укрѣпится надолго.» Вотъ почему А. В. высказывается за нашу «соціализацію земли», совершенно правильно разсуждая, что половинчатая реформа, предлагаемая соціаль-демократами, «не утолитъ земельнаго голода крестьянства» и, если даже стать на точку зрѣнія ортодоксовъ, то и тутъ искровская программа окажется несостоятельной, такъ какъ предлагаемая реформа только «задержитъ надолго пролетаризацію крестьянства».

Такова въ существенныхъ чертахъ аргументація А. В. противъ аграрной программы «искры». Болѣе подробную критику представилъ другой рецензентъ, тов. Видмо, въ спеціальной замѣткѣ объ этой программѣ. Повидимому, Видмо тяготѣетъ къ старой марксистской догмѣ больше, чѣмъ А. В. Тѣмъ интереснѣе его возраженія, направленныя главнымъ образомъ противъ статьи марксиста Ленина въ № 4 «Зари».

Начнемъ ab ovo. Прежде всего, сравнивая статью г. Плеханова со статьей г. Ленина по поводу аграрной программы (обѣ напечатаны въ «Зарѣ») Видмо отдаетъ, конечно, преимущество статьѣ г. Ленина. Первая, по его мнѣнію, отличается сухостью и шаблонностью; очень мало чувствуется въ ней живого пониманія потребностей русской жизни. Это скорѣе всего защита программы съ точки зрѣнія общелогическихъ требованій и положеній; къ тому же авторъ охотно удаляется въ сферу вопросовъ, нерѣдко не имѣющихъ непосредственнаго значенія для Россіи. Наоборотъ, во второй статьѣ, принадлежащей перу г. Ленина, рецензентъ находитъ «живое содержаніе». Сразу видно, замѣчаетъ онъ, что автора этой статьи интересуютъ «конкретныя условія быта Россіи». Вдобавокъ къ этимъ общимъ похваламъ, Видмо съ удовольствіемъ отмѣчаетъ и то, что въ статьѣ «мало ругательствъ», что она написана популярно и проникнута энтузіазмомъ.

Расточая эти похвалы статьѣ г. Ленина, Видмо впадаетъ, однако, въ маленькое недоразумѣніе. Въ статьѣ г. Ленина, разумѣется, есть «живое содержаніе», ибо и трактуетъ-то онъ о «живомъ» предметѣ; это, однако, похвала не автору, а темѣ его статьи. Другое дѣло, есть ли въ статьѣ живое реалистическое пониманіе «конкретныхъ условій быта Россіи»? Рецензенту самому приходится отмѣчать какъ разъ обратное этому, напр. въ вопросѣ о пережиткахъ «феодализма» на окраинахъ,—окраинахъ, которыя якобы поэтому и желаютъ оторваться отъ Россійскаго государства, какъ цѣлаго, построеннаго на болѣе прогрессивныхъ началахъ общественныхъ отношеній. Вообще, начавши за здравіе построеній г. Ленина, авторъ кончаетъ за упокой. Возвратъ отрѣзковъ, кардинальный пунктъ ленинской программы, Видмо самъ же признаетъ требованіемъ «утопическимъ и неумѣстнымъ» (даже) въ программѣ русскихъ соціальдемократовъ, въ виду его исторической и реальной несостоятельности. Затѣмъ тов. Видмо считаетъ основной ошибкой г. Ленина то, что свою мелко-реформистскую программу онъ называетъ программой, въ рамкахъ существующаго строя, максимальной и революціонной, тогда какъ она явилась бы таковой только при проблематическомъ, нигдѣ не существующемъ крѣпостномъ строѣ и въ настоящее время отвѣчаетъ лишь фантастическимъ, а не дѣйствительнымъ отношеніямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ пунктѣ заключаются всѣ и сильныя, и слабыя стороны г. Ленина. Онъ чрезвычайно ортодоксально конструируетъ дѣйствительность сообразно своимъ теоретическимъ схемамъ. Правда, благодаря этому, онъ приходитъ къ такимъ доктринерскимъ схемамъ, какъ «ортодоксальное» раздѣленіе крестьянства на «сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію,—крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую»... Ленинское прямолинейное причисленіе трудового крестьянства къ «буржуазіи»—только мелкой или даже мельчайшей,—конечно, unicum въ соціалистической литературѣ. Но за то г. Ленинъ обладаетъ чрезвычайно

драгоцѣннымъ качествомъ—логическимъ безстрастіемъ. Онъ обычно идетъ самъ до конца, и дѣлаетъ излишнимъ всякое «reductio ad absurdum». Онъ—не въ примѣръ своему сотоварищу, г. Плеханову—вѣренъ себѣ, не любитъ «изъ дипломатическихъ соображеній» вилять, «приспособляясь къ требованіямъ политической погоды». Не обладая «гибкостью» г. Плеханова, г. Ленинъ искренненъ и выкладываетъ добросовѣстно все, до чего онъ успѣлъ додуматься напряженіемъ мысли. Самый догматизмъ и упрямая напряженность этой мысли въ опредѣленную сторону—чрезвычайно характерны для всего направленія. Вотъ почему мы вполнѣ согласны съ тов. Видмо въ томъ, что на основаніи статьи ортодокса г. Ленина болѣе, чѣмъ на основаніи какой-нибудь другой, можно понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить результаты развитія русской соціаль-демократической мысли.

Какъ же ее понялъ и оцѣнилъ самъ рецензентъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ его же собственными словами. Прежде всего Видмо отмѣчаетъ «слабую сторону» аграрной программы г. Ленина, на которую уже обратилъ вниманіе А. В.—это требованіе «отрѣзковъ». Онъ всецѣло присоединяется къ мнѣнію А. В., что это только упрочило бы позицію мелкой буржуазіи въ деревнѣ и слѣдовательно ослабило бы шансы классовой борьбы. Но Видмо противъ искровской программы не только по этой причинѣ: онъ находитъ, «необходимымъ подвергнуть критикѣ самыя принципіальныя предпосылки, изъ которыхъ исходили авторы программы, а слѣдовательно и г. Ленинъ при ея составленіи». Съ этой цѣлью онъ и обращается къ статьѣ г. Ленина изъ четвертой книжки «Зари». Послѣдуемъ же за нимъ, отмѣчая курсивомъ наиболѣе существенныя мѣста изъ его критики.

«Въ своей статьѣ Ленинъ говоритъ: «въ обоихъ отдѣлахъ нашей программы (рабочемъ и крестьянскомъ) мы излагаемъ не нашу конечную цѣль, а наши ближайшія требованія. Въ обоихъ мы должны поэтому оставаться на почвѣ современнаго (—буржуазнаго) общества». Это значитъ, что обѣ программы являются программами-минимумъ, такъ какъ только такихъ программъ могутъ придерживаться соціаль-демократы въ предѣлахъ современнаго (буржуазнаго) общества. Къ несчастью, Ленинъ затемняетъ это столь обязательное для соціаль-демократа утвержденіе тѣмъ, что свою аграрную программу онъ называетъ программой-максимумъ, желая этимъ указать на то обстоятельство, что въ то время, какъ первая, т. е. рабочая программа не имѣетъ въ виду соціальнаго переворота —уничтоженія буржуазіи и буржуазнаго строя (это составляетъ программу-максимумъ)—вторая, т. е. крестьянская программа разсчитана на уничтоженіе безъ остатка крѣпостныхъ отношеній, а слѣдовательно на соціальный переворотъ *).

*) У г. Ленина сказано такъ: «въ рабочемъ отдѣлѣ (программы) мы не вправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ же отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными

Въ этомъ заключается принципіальная ошибка. Прежде всего такая программа была бы максимальной не въ современномъ обществѣ и не въ современной деревнѣ, даже русской: максимальной она могла бы быть только въ проблематическомъ, нигдѣ не существующемъ крѣпостномъ строѣ. (Говорю «нигдѣ не существующемъ», такъ какъ согласно Ильину даже въ губерніяхъ съ преобладающей системой отработковъ капитализація быстро осуществляетъ свое дѣло и т. д...). Если держаться такой терминологіи, то въ примѣненіи ея къ мелкому ремеслу, домашнему производству, либо къ удовлетворенію собственныхъ потребностей въ домашнемъ натуральномъ хозяйствѣ, рабочую часть программы слѣдовало бы назвать наиболѣе максимальной, что было бы чистѣйшей безсмыслицей. И потому въ предѣлахъ современнаго (—буржуазнаго) общества программу борьбы съ остатками крѣпостныхъ отношеній нѣтъ никакого основанія называть максимальной. Напротивъ, она является скорѣе всего минимальнѣйшей изъ минимальныхъ подобно тому, какъ борьба съ пережитками рабства и крѣпостничества въ Западной Европѣ вовсе не считается частью программы-максимумъ (у соціалистовъ) и потому входитъ въ составъ даже программы реакціонеровъ. Итакъ, (даже) съ точки зрѣнія соціаль-демократіи оба отдѣла (искровской) программы являются минимальными, при чемъ крестьянскій отдѣлъ представляетъ собою что-то меньшее, чѣмъ программа-минимумъ, такъ какъ, если первый, т. е. рабочій отдѣлъ предъявляетъ буржуазному обществу извѣстныя требованія, то второй ихъ вовсе не ставитъ; если первый въ предѣлахъ буржуазнаго общества является созидающимъ, то второй представляется только разрушающимъ».

«Пусть читатели вдумаются глубже въ постоянныя подчеркиванія Ленинымъ того обстоятельства, что его аграрная программа разсчитана только на борьбу съ крѣпостнымъ строемъ, т. е. съ тѣмъ, что вымираетъ само собою. Это намъ ясно покажетъ, какъ мало творческаго содержанія въ этой программѣ. Впрочемъ, наилучшимъ судьей въ этомъ вопросѣ можетъ быть самъ авторъ (см. его примѣчаніе на стр. 161). Онъ говоритъ: «Наша аграрная программа въ преобладающей части ея требованій будетъ имѣть тѣмъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ дальше идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма, ибо остатки крѣпостнаго права, противъ которыхъ эта программа направлена, вымираютъ и сами собой, и подъ вліяніемъ политики правительства». Остается только удивляться, къ чему понадобилось выставлять такую программу, которая съ теченіемъ времени обречена на постоянно умень-

---

требованіями. Или иначе: въ рабочемъ отдѣлѣ мы безусловно ограничены рамками программы—минимумъ, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны дать программу—максимумъ». (Стр. 159).

шающееся практическое значеніе? Здѣсь нужно также отмѣтить и то, что эта программа теряетъ свое практическое значеніе не только съ теченіемъ времени, но также и съ перемѣною мѣста. Примѣнительно къ 17 губерніямъ, въ которыхъ преобладаетъ помѣщичье хозяйство, опирающееся на «крѣпостническіе» отработки, по мнѣнію автора, его программа имѣетъ значеніе и въ настоящее время, но она потеряетъ его съ теченіемъ времени и здѣсь, вслѣдствіе развитія капитализма. Какое же значеніе имѣетъ она для тѣхъ губерній (я говорю о коренной Россіи), въ которыхъ уже и въ настоящее время преобладаетъ капиталистическое хозяйство въ деревнѣ? Разумѣется, что, согласно мнѣнію самого автора, тамъ нечего съ ней дѣлать, и даже и думать нельзя о томъ, чтобы она могла послужить тамъ исходной точкой для какой-либо дѣятельности. Не говорю уже о цѣлыхъ провинціяхъ, какъ, напр., Прибалтійскій край или наша Польша, для которыхъ подобная программа была бы равносильна бездѣйствію въ деревнѣ, такъ какъ у насъ (т.-е. въ Польшѣ) и въ Прибалтійскомъ краѣ, подобно тому, какъ и на всемъ Западѣ Европы, необходима такая аграрная программа, которая поставила бы себѣ цѣлью привлеченіе полу-крестьянъ полу-рабочихъ на сторону соціаль-демократическаго движенія противъ буржуазіи (см. примѣчаніе на стр. 191). Тамъ необходима программа созидающая, а не только разрушающая». «Итакъ, аграрная программа русской соціаль-демократіи вовсе не годится ни для Прибалтійскаго края, ни для Польши и Литвы, а потому, понятно, не можетъ быть признана нашей программой (т. е. Р. Р. S.). Ибо такая программа обрекла бы насъ на бездѣйствіе и вдобавокъ къ этому была бы реакціонной...»

«Ленинъ не вполнѣ ясно понимаетъ программу-минимумъ. Его программа-минимумъ либо отвѣчаетъ нашему воображенію, либо разсчитана на непосредственно ближайшее будущее, на періодъ до паденія самодержавія, либо съ другой стороны представляетъ собою нѣчто среднее между первымъ и вторымъ пониманіемъ ситуаціи. Это-то и дѣлаетъ всю программу русской соціальдемократіи въ концѣ концовъ непригодной. Вѣдь если бы наши русскіе товарищи (т.-е. соціальдемократы) дѣйствительно имѣли въ виду объединеніе всего пролетаріата на всемъ пространствѣ современной Россіи посредствомъ единой программы, то 1) они, какъ мы видѣли раньше, не смогли бы достигнуть этого посредствомъ аграрнаго отдѣла своей программы, а 2) они должны были бы умѣючи указать пролетаріату всѣхъ частей Россіи положительную, творческую задачу, а не напирать главнымъ образомъ на задачи деструкціонныя. Между тѣмъ, аграрная программа, равно какъ и политическая часть рабочей программы русской соціальдемократіи разсчитаны именно только на разрушеніе безъ опредѣленной цѣли въ будущемъ, безъ руководящей нити въ настоящемъ. Созидать въ деревнѣ согласно этой про-

граммѣ нечего, точно такъ же, какъ нечего творить и на окраинахъ въ политической области».

Такова критика основныхъ положеній ленинской, т.-е. въ настоящее время уже общепартійной крестьянской программы русскихъ соціальдемократовъ. Подведемъ же ей итоги. Г. Ленинъ, согласно аргументаціи рецензента «Przedswita», не логиченъ, поскольку онъ считаетъ свою аграрную программу программой—соціально-революціонной при существующемъ строѣ, а не минимальнѣйшей изъ минимальныхъ, которая подъ стать даже западнымъ реакціонерамъ. Въ ней мало творческаго содержанія. Она не пригодна ни для Прибалтійскаго края, ни для Литвы и Польши, ибо въ противномъ случаѣ осуждала бы мѣстныхъ соціалистовъ на бездѣйствіе и даже была бы реакціонной. Она не приложима и въ коренной Россіи тамъ, гдѣ преобладаетъ капиталистическое сельское хозяйство. Для остальныхъ 17 губерній она имѣетъ значеніе, лишь постепенно понижающееся. Но и тутъ она стремится къ насажденію и укрѣпленію мелкобуржуазной частной собственности. Если бы русскіе соціальдемократы имѣли въ виду объединеніе всего пролетаріата на пространствѣ всей современной Россіи посредствомъ единой программы, то они должны были бы указать ему положительную творческую задачу, а не призывать его къ расчисткѣ почвы для «внесенія въ деревню» своеобразно понятой ими «классовой борьбы», т.-е. лучше сказать, введенія деревни, въ угоду буржуазіи, силами соціализма, въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу; и всего этого, «не говоря уже объ утопичности всего проекта, не говоря уже о предлагаемой ими странной денежной игрѣ, о созданіи какихъ-то странныхъ запасныхъ фондовъ, которые, конечно, немедленно перейдутъ въ карманъ буржуазіи»,—болѣе чѣмъ достаточно для рѣшительнаго отверженія аграрной программы «Искры».

Спрашивается, что же предлагаетъ Видмо отъ себя взамѣнъ этихъ странныхъ измышленій нашихъ ортодоксовъ? Мы уже знаемъ, что отъ «соціализаціи земли» онъ отказывается. Почему? Развѣ такое требованіе не есть какъ разъ то самое требованіе, которое, согласно Видму, могло бы объединить весь «рабочій классъ» всей современной Россіи, въ городѣ и деревнѣ и указать ему положительную, творческую задачу въ области аграрныхъ отношеній? «Нѣтъ, отвѣтитъ намъ Видмо: соціализація земли есть требованіе неизбѣжное, но только въ программѣ—максимумъ...» Къ сожалѣнію, онъ намъ не представилъ своей аргументаціи въ пользу такого мнѣнія, и потому мы пока не будемъ возражать ему*). Точно также оставимъ безъ возраженія его «положительную» программу-минимумъ, какъ онъ предлагаетъ, повидимому, только для Польши. Отмѣтимъ только, что она пока вся выражена—увы! тоже въ одномъ отрицаніи. Онъ предлагаетъ: «уничтоженіе всякихъ преградъ и ограниченій, задерживающихъ

*) Въ слѣдующемъ № мы разсмотримъ этотъ вопросъ въ особой статьѣ.

нормальное развитіе свободнаго (?) поприща для классовой борьбы и прогресса техническаго, обще-культурнаго, гигіеническаго и т. д.» Мы не упускаемъ изъ виду его оговорки, что это только «едва намѣченная «положительная» программа», но спрашивается, чѣмъ же она по своей тенденціи существенно отличается отъ негативной программы критикуемаго имъ г. Ленина? Мы полагаемъ, поэтому, что логичнѣе поступилъ товарищъ Видмо по журналу, А. В., который, отвергнувъ аграрную программу «Искры», нашелъ болѣе соотвѣтствующимъ принципамъ соціализма именно наше требованіе соціализаціи земли. Не думаемъ, чтобы между двумя этими программами, — программой «Искры» и программой партіи соціалистовъ-революціонеровъ—не впадая въ эклектизмъ, можно было придумать какую-нибудь «золотую середину».

Январь 1904 г. *И. Каляевъ.*

Русская крестьянская община и ближайшія задачи революціи.

Мартирологу русской крестьянской общины, повидимому, нѣтъ конца. Удары за ударами сыплются на нее со всѣхъ сторонъ, самые различные факторы русской жизни какъ бы сговорились задушить, раскромсать всѣ уцѣлѣвшіе еще остатки общинно-трудовыхъ началъ русскаго крестьянства и замѣнить ихъ буржуазно-индивидуалистическими. Историческій грабежъ крестьянскихъ общинныхъ земель, совершавшійся безпрепятственно въ дореформенной Руси на основаніи лишь одного голаго права силы, завершился одновременнымъ и генеральнымъ всероссійскимъ грабежемъ тѣхъ же земель по волѣ дворянскаго царя-«Освободителя». За крупицу сомнительной свободы, полученной крестьянами сорокъ лѣтъ тому назадъ, русская крестьянская община принуждена

была отдать свои лучшіе земельные участки, истечь своей лучшей кровью и, обезсиленной, анемичной, пойти на встрѣчу цѣлому ряду новыхъ, все худшихъ испытаній.

Испытанія эти извѣстны всякому, и перечислять ихъ тутъ мы не намѣрены: чуть ли не каждый годъ приносилъ все новыя, не замѣняя старыхъ, а лишь дополняя ихъ и ускоряя тѣмъ самымъ процессъ обезсиленія и разложенія общинныхъ трудовыхъ началъ крестьянской жизни. Финансовый и административный гнетъ, отчуждавшій лучшіе крестьянскіе элементы отъ общинно-деревенскихъ интересовъ, «купонный» строй жизни, разводившій повсюду Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, законодательныя мѣры, потакающія зародившимся повсюду индивидуалистическимъ, анти-общиннымъ инстинктамъ и вожделѣніямъ,—все это подтачивало и расшатывало, неустанно и систематически, тѣ самыя начала и устои нашей народной жизни, важную политическую роль которыхъ для русской соціальной революціи вынуждены были признать даже такіе люди, какъ Ф. Энгельсъ*). Но ошибочно было бы думать, что общинныя традиціи и устои русскаго народа подорваны и расшатаны уже въ такой степени, что русской революціи считаться съ ними уже больше не приходится. Ошибочно было бы полагать, будто за послѣднія четыре десятилѣтія русское крестьянство успѣло уже въ такой степени индивидуализироваться, т.-е. проникнуться собственническими, «купонными» чувствами и идеями, что русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ не остается ничего другого, какъ отказаться отъ своихъ минимальныхъ разсчетовъ и надеждъ на соціализацію земли и пойти вслѣдъ за русскими марксистами, «вводить деревню въ буржуазныя условія существованія». Напротивъ того, цѣлый рядъ самоновѣйшихъ данныхъ, касающихся русской общины, убѣждаютъ насъ, что русскій крестьянинъ, задавленный, безправный и ограбленный—и до сего дня еще грудью борется за то, въ чемъ инстинктивно чуетъ соціальную справедливость, крѣпко держась за излюбленную свою общину. Сбиваемый съ позиціи въ одномъ мѣстѣ, онъ стремится наверстать потерянное въ другомъ, упорно сохраняя въ своей душѣ вѣру въ конечное и даже недалекое уже торжество его взглядовъ

*) Хотя Энгельсъ еще въ 1875 году былъ склоненъ думать, что русская община идетъ къ разложенію, тѣмъ не менѣе онъ очень рѣшительно утверждалъ: «Однако, существуетъ неоспоримая возможность ея перехода въ высшую форму общежитія, если только она сохранится до тѣхъ поръ, когда обстоятельства позволятъ такой переходъ, и если она окажется способной къ развитію въ томъ смыслѣ, что крестьяне станутъ обрабатывать землю не подворно, а всѣмъ міромъ, тогда русскіе крестьяне перейдутъ прямо къ высшей формѣ, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности». (Фр. Энгельсъ о Россіи стр.15-16). И въ 1894 г., незадолго до смерти, онъ писалъ, что не знаетъ, сохранились ли отъ русской общины такіе остатки, чтобы остался въ силѣ его старый прогнозъ, и только подчеркивалъ, что «если остатки русской общины могутъ быть спасены, то лишь подъ условіемъ низверженія царскаго деспотизма—революціи въ Россіи».

на земельную собственность. Онъ ждетъ не дождется «всеобщаго поравненія»; въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ онъ уже пробовалъ однажды провести его; и соціально-революціонная пропаганда идетъ на встрѣчу его стремленіямъ, приближая наступленіе «слушнаго часа», когда повсюду раздастся, наконецъ, могучій боевой революціонный лозунгъ «Земля и Воля», и когда наступитъ пора расплаты съ народными насильниками и грабителями.

Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить заключенія губернскихъ совѣщаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ измѣненіи законодательства о крестьянахъ, а также данныя, находимыя нами въ сводѣ мнѣній сельскохозяйственныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности*). Воронежское губ. совѣщаніе, въ доказательство жизненности общиннаго землевладѣнія, приводитъ тотъ фактъ, что даже нѣмцы колонисты Острогожскаго у. установили въ полевыхъ своихъ надѣлахъ общинное землевладѣніе. Въ Вятской губерніи земельная община «является настолько устойчивой, что жизни ея еще не грозитъ никакой опасности». Въ Самарской губ., констатируетъ губ. совѣщаніе, «общинная форма не разрушается, а, напротивъ, развивается; покупая земли у частныхъ землевладѣльцевъ, какъ отдѣльные крестьяне, такъ и сельскія общества переносятъ на вновь пріобрѣтенныя земли формы и обычаи общиннаго землепользованія». На вопросы, не обнаруживается ли стремленіе и насколько распространенъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному, большинство губ. совѣщаній сообщаетъ, что выдѣлы участковъ изъ состава общинной земли какъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ «весьма незначительны» (напримѣръ, въ Рязанской губ. всего 140). Въ Бессарабской губ. въ селеніяхъ бывшихъ болгаръ, колонистовъ и государственныхъ крестьянъ наблюдался переходъ отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному владѣнію, но часто не могъ состояться по несогласію 2/3. Въ Петербургской и Владимирской губ. отмѣчается, что выдѣлъ производится часто лишь для выкупа и затѣмъ выкупленная земля остается въ общемъ черезполосномъ владѣніи. «Обратный переходъ отъ подворно-наслѣдственнаго къ общему владѣнію также рѣдокъ», но если принять во вниманіе, что для такого перехода нужно уже согласіе не 2/3, а в с ѣ х ъ членовъ даннаго селенія, то и тѣ случаи, какіе отмѣчены въ этомъ отношеніи губ. совѣщаніями, имѣютъ несомнѣнное симптоматическое значеніе. «Въ Самарской губ. переселенцы переходятъ къ общинному владѣнію; выкупленные надѣлы въ 95 % оставлены въ общинномъ владѣніи». Кромѣ того, такое же стремленіе къ переходу отъ индивидуальнаго къ общему владѣнію губ. совѣщанія отмѣчаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерній.

*) См. М. О. Толмачевъ: «Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей». Москва. 1903.

Не менѣе важны и интересны для насъ данныя и заявленія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Макарьевскій у. комитетъ, въ которомъ было много крестьянъ, единогласно высказался за общинное землевладѣніе. Многіе комитеты, въ которыхъ крестьянскій элементъ отсутствовалъ, высказывались противъ общины. Противники общиннаго землевладѣнія въ саратовскомъ губ. комитетѣ были того мнѣнія, что «община у насъ создана и поддерживается искусственно, особыми законоположеніями (?!), съ отмѣной которыхъ она сама собой рушится... Общинные порядки гнетущимъ образомъ вліяютъ какъ на земледѣльческую, такъ и вообще на самодѣятельность крестьянъ». Какъ видите, все это старыя погудки, обычныя въ устахъ аграріевъ еще со временъ Шедо-Феротти и Лиліенталя. Критиковать ихъ намъ не приходится. Въ свое время Марксъ въ своихъ письмахъ къ Кугельману достаточно охарактеризовалъ этихъ господъ и ихъ аргументацію. «Поскольку дѣло касается русскаго общиннаго землевладѣнія—писалъ онъ о первомъ—то этотъ молодецъ обнаруживаетъ столько же невѣжества, сколько жонглерства. Шедо-Феротти—одинъ изъ тѣхъ господчиковъ, которые выставляютъ общинное землевладѣніе причиной бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства (конечно, in the interess of the landlordisme), совершенно также, какъ нѣкогда въ западной Европѣ прокричали, какъ причину пауперизма, отмѣну крѣпостного права—вмѣсто потери бывшими крѣпостными ихъ земли... Бѣдность русскаго крестьянства создана гѣмъ же, чѣмъ и бѣдность французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV—налоговой системой государства и платежами въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, что же касается общиннаго землевладѣнія, то оно не только не создало бѣдствій крестьянства, но наоборотъ—только оно и смягчило ихъ». (Die Neue Zeit, XX, Bd 2, s. 415).

Весьма пессимистическій взглядъ на общинное землевладѣніе высказывался нѣкоторыми членами Псковскаго губ. комитета: «Формы ея омертвѣли,—говорили они,—и въ средѣ ея установился взглядъ на землю, какъ на личную собственность». Нечего и говорить, что эти о т з ы в ы не совсѣмъ гармонируютъ съ тѣми д а н н ы м и, взятыми изъ самой дѣйствительности, которыя мы привели раньше. Въ этомъ отношеніи представляютъ крупный интересъ данныя новоторжскаго комитета, гдѣ приглашены были 20 крестьянъ для рѣшенія вопроса, находятъ ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ. Большинство этихъ крестьянъ заявило, что уничтожить общинное владѣніе было бы «противно совѣсти». Уничтоженіе общины было бы по ихъ мнѣнію, только тогда возможно, если бы за каждымъ крестьяниномъ «было обезпечено въ настоящемъ и будущемъ такое количество земли, которое г а р а н т и р о в а л о бы существованіе его и его семейства, не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти», т. е. другими словами, если бы введена была общественная гарантія индивидуальнаго существованія, т. е. опять таки та же общинная система, только

въ еще болѣе широкой и совершенной формѣ. При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія сами указывали на его темныя стороны, но всѣ эти недостатки зависятъ, по ихъ мнѣнію, не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ административной несамостоятельности общинъ, отъ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній у крестьянъ и низкаго уровня ихъ общаго образованія и т. д. Защитники общины въ саратовскомъ губернскомъ комитетѣ тоже указывали, что отрицательныя стороны общины заключаются не въ самой ея природѣ, а въ современномъ юридическомъ ея строѣ и навязанныхъ ей административныхъ функціяхъ, которыя «гнетущимъ образомъ вліяютъ на индивидуальность и проявленіе иниціативы крестьянина».

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что русская община, несмотря на всѣ тяжкіе удары, получаемые ею вотъ ужъ 40 лѣтъ отъ самодержавно-буржуазныхъ и «купонныхъ» распорядковъ, всетаки жива и продолжаетъ, если и не развиваться, то ревниво оберегать свои основные бастіоны и редуты отъ нагло надвигающагося со всѣхъ сторонъ индивидуализма. Намъ ужъ приходилось говорить недавно (см. № 51 «Р. Р.») о новыхъ бюрократическихъ экспериментахъ, направленныхъ противъ общины, о намѣреніи подчинить всю нашу народно-правовую жизнь основнымъ индивидуалистическимъ началамъ нашего гражданскаго уложенія. Въ дополненіе къ этому, отмѣтимъ здѣсь еще и проектъ все той же редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, имѣющій въ виду содѣйствіе развитію такъ называемаго хуторскаго землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые сельскохозяйственные губ. комитеты (Кіевскій, Каменецъ-Подольскій и друг.) высказались за необходимость и полезность «добровольнаго разселенія крестьянъ по хуторамъ и предоставленія на надѣльныя земли полной личной собственности». Къ этому взгляду всецѣло присоединилась и редакціонная комиссія, исходящая отъ мысли о вредѣ многолюдныхъ селеній и необходимости облегчить разселеніе крестьянъ. Поставивъ передъ собою такую задачу, комиссія естественно задумала новый ударъ русской общинѣ, какъ такому народному установленію, которое «стѣсняетъ свободу разселенія». «Предложенія комиссіи—читаемъ мы по этому поводу въ «Русск. Вѣд.» (№ 243)—построены именно на идеѣ поддержки въ населеніи общинъ того меньшинства, которое обнаруживаетъ стремленіе выйти изъ общиннаго уклада, хотя бы послѣдствіемъ этого выхода и явилось въ концѣ концовъ разрушеніе общины къ явному ущербу большинства ея членовъ». Въ противоположность дѣйствующему законодательству, требующему согласія не менѣе $^2/_3$ домохозяевъ для перехода къ наслѣдственно-подворному владѣнію или для образованія выселковъ части сельскаго общества на край полей, проектъ комиссіи требуетъ для этого послѣдняго случая соотвѣтственнаго постановленія лишь $^1/_5$ всѣхъ домохозяевъ и даже того меньше, т. е. самаго незначительнаго меньшинства. Очевидно, что такой крайній индивидуали-

стическій, даже анархическій принципъ, положенный комиссіей въ основаніе своего проекта, не только направленъ противъ самыхъ основъ общинной жизни и естественнаго представителя ея—демократически самоуправляющагося сельскаго схода, рѣшающаго всѣ дѣла по большинству голосовъ, но и создаетъ крайнюю неустойчивость правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на отдѣльную землю въ виду абсолютнаго права меньшинства во всякую данную минуту требовать новаго передѣла и выдѣла для себя земли. Кромѣ того, если бы проектъ комиссіи осуществился, то «группа домохозяевъ, которая пожелала бы держать въ своихъ рукахъ всю общину, во многихъ случаяхъ легко могла бы достигнуть этой цѣли, предъявляя требованіе о выдѣлѣ каждый разъ, какъ только сельскій сходъ не соглашался бы удовлетворять то или другое ея желаніе» («Р. Вѣд». ibid).

Удастся ли осуществиться данному проекту въ жизни или нѣтъ, гадать мы не беремся; но онъ важенъ для насъ, какъ показатель тѣхъ, все усиливающихся, индивидуалистическихъ теченій, которыя, въ общемъ итогѣ, всѣ направлены въ одну сторону—въ сторону разложенія общинно-трудовыхъ началъ русской народной жизни и пріобщенія русскаго крестьянства къ буржуазно-капиталистическому культу частной собственности.

Какъ извѣстно, ту же «истинно-соціалистическую» задачу поставила себѣ въ послѣднее время и россійская соціальдемократическая партія. И она собирается теперь въ великій индивидуалистическій походъ противъ общинно-трудовыхъ началъ русской крестьянской жизни и въ защиту—разумѣется, лишь «на время»—частной земельной собственности; и она желала бы взять подъ свое революціонное покровительство «свободную личную волю» незначительнаго индивидуалистическаго меньшинства противъ демократическаго верховенства сельскаго схода и общинно-настроеннаго большинства. Она идетъ даже еще дальше буржуазныхъ враговъ общины, она требуетъ для каждаго крестьянина права, не справляясь съ желаніями общины, выдѣлять изъ передѣловъ и закрѣплять въ своей частной собственности находящійся въ его пользованіи участокъ земли—что равносильно уничтоженію правъ общины, какъ коллективной индивидуальности. Русская крестьянская община получила себѣ, такимъ образомъ, въ лицѣ россійской соц.-демократической рабочей партіи новаго врага и ждетъ отъ него новыхъ для себя ударовъ, которые будутъ, конечно, тѣмъ чувствительнѣе, тѣмъ больнѣе, что исходить-то будутъ они на сей разъ уже не отъ явныхъ и заклятыхъ враговъ русскаго народа, а отъ его несомнѣнныхъ друзей, искренно желающихъ ему полнаго освобожденія отъ политическаго и экономическаго рабства. Колупаевы и Разуваевы справа, русская соціальдемократія слѣва—цѣлая перспектива «сотрудничества классовъ» для солидарной работы на конечное разрушеніе уцѣлѣвшихъ еще общинныхъ началъ народной жизни. «Революціонный соціализмъ Маркса и Энгельса—писалъ не такъ давно Г. Плехановъ—не только не ста-

рается задержать развитіе капитализма, но, наоборотъ, является самымъ крайнимъ и рѣшительнымъ врагомъ всего, что задерживаетъ его развитіе» и идетъ «рядомъ съ буржуазіей тамъ, гдѣ дѣло касается старыхъ, докапиталистическихъ отношеній», т.-е., между прочимъ, и русскихъ общинно-артельныхъ формъ народной жизни*). Правда, было время, когда русскіе марксисты, не исключая и самого Плеханова, высказывались на этотъ счетъ нѣсколько иначе. «Мы не держимся—писалъ тогда Г. Плехановъ—того взгляда, скорѣе навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности — взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма». «Мы думаемъ,—писалъ все тотъ же Г. Плехановъ, что, въ общемъ, русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ наз. «націонализацію земли» (курсивъ вездѣ нашъ). При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ, оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ... Поэтому, и только поэтому, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ». («Соціализмъ и политическая борьба», 1883 г. стр. 76). Нѣсколько позже, въ 1885 г., Плехановъ былъ еще того мнѣнія, что Чернышевскій «доказалъ», что общинное землевладѣніе «можетъ при извѣстныхъ условіяхъ прямо перейти въ коммунистическую форму развитія» («Наши разногласія», стр. 11-12), и что община «можетъ менѣе сопротивляться такому движенію (къ коммунизму), чѣмъ мелкое подворное землевладѣніе», даже болѣе, что она способна «облегчать (курсивъ Плеханова) переходъ нашего крестьянства къ коммунизму» (ibid. стр. 11-12 и 311)... Правда, уже и тогда Плехановъ находилъ исторически полезнымъ нѣкоторое частичное разложеніе общины, но лишь потому, что образовавшійся такимъ образомъ русскій пролетаріатъ, организовавшись въ одну рабочую партію, можетъ «послужить главнымъ оплотомъ соціалистической агитаціи въ пользу экономическихъ реформъ, предохраняющихъ общину отъ повсемѣстнаго разложенія». «Тогда народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществятся по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой его части» (ibid. стр. 212-213, 313).

Такъ писалъ, убѣждалъ и доказывалъ Г. Плехановъ, уже будучи русскимъ соціальдемократомъ и марксистомъ. Совершенно противоположное пишетъ и «доказываетъ» онъ теперь. И въ томъ

*) Г. Плехановъ: Новый походъ противъ русской соціальдемократіи. (Женева, 1897, стр. 20).

и въ другомъ случаѣ онъ считалъ и считаетъ соотвѣтственную свою точку зрѣнія единственно-научной и единственно-революціонной. Ему вторятъ хоромъ и всѣ вѣрно слѣдующіе за нимъ «ученики». Въ особенности старается въ этомъ отношеніи нашъ вновь подогрѣтый, такъ наз. «легальный марксизмъ» въ подпавшихъ его вліянію русскихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Прочтите, напр., въ іюльской книжкѣ журнала «Образованіе»*) статью, посвященную злободневной темѣ о «пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ», чтобы убѣдиться, какой глубокой непріязнью къ общинно-трудовымъ традиціямъ русскаго народа и какой любовью къ нашему старому X тому Свода Законовъ и новому гражданскому уложенію прониклись наши доморощенные марксисты. Авторъ статьи обрушивается съ горькими упреками на знакомую уже намъ редакціонную коммиссію при министерствѣ внутр. дѣлъ за ея слишкомъ якобы еще большія симпатіи и пристрастіе къ обычно-правовымъ нормамъ русскаго народа, которыя, съ одной стороны, вовсе-де и не существуютъ въ русской народной жизни, а съ другой—крайне вредны (!); земледѣльческая община полезна-де однимъ только хозяйственнымъ мужикамъ и богатѣямъ, и потому ничего отъ нея, кромѣ вреда, быть не можетъ (хотя, казалось бы, за это-то «содѣйствіе» ея крестьянской буржуазіи—а, стало быть, и «внесеніе въ деревню классовой борьбы»—русская община должна бы встрѣтить симпатіи къ себѣ со стороны марксистовъ,—да ьѣдь имъ не угодишь!)... «Все это народное правосознаніе—пишетъ авторъ—при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью оказалось источникомъ не права, а всякаго рода безправія и насилія». Вѣдь, подумайте только,—аргументируетъ г. марксистъ въ защиту этого своего положенія: «обычно-правовыя воззрѣнія народа, оказалось, недостаточно обезпечиваютъ исполненіе крестьяниномъ принятыхъ на себя обязательствъ по договору личнаго найма съ помѣщиками». Это ли еще не убѣдительный аргументъ въ устахъ «научнаго» марксиста?!... Въ общемъ итогѣ онъ требуетъ отъ редакціонной коммиссіи при всероссійскомъ полицейскомъ министерствѣ поменьше стѣсняться съ народными общинными традиціями и замѣнить крестьянскія обычно-правовыя нормы общегосударственными гражданскими и уголовными законами. Послѣдовательно и логично: того, несомнѣнно, требуетъ программа, поставившая себѣ цѣлью «введеніе деревни въ буржуазно-капиталистическія условія существованія», того требуютъ интересы какъ «нанимающихъ крестьянъ помѣщиковъ», такъ и другихъ кровопійцъ русскаго народа, имѣющихъ расчистить почву для царства, подготовляющаго соціализмъ капитала, г. г. Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Намъ могли бы возразить здѣсь, что указъ 8-го января правительствующему сенату объ учрежденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ требуетъ положить въ основу такого пересмотра «неприкосновенность общиннаго строя» и тѣмъ самымъ какъ бы отказывается отъ противо-общинной политики. Но всякому, кому приходилось ближе познакомиться какъ

*) 1904 года.

съ самымъ этимъ указомъ, такъ и съ общимъ характеромъ работъ редакціонной коммиссіи, должно быть понятно, что это—простая насмѣшка надъ истиннымъ значеніемъ употребляемыхъ словъ: министерство внутреннихъ дѣлъ разумѣетъ подъ этими словами, собственно, сохраненіе сословнаго строя «при условіи—какъ гласитъ указъ—облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины». Проекты коммиссіи, преданные гласности, вполнѣ подтверждаютъ такое наше истолкованіе намѣреній правительства.

Но не того требуютъ истинные интересы русскаго стомилліоннаго народа, не того требуетъ крѣпкая еще русская крестьянская община. Беря на себя трудную революціонную борьбу за интересы всего трудящагося и эксплуатируемаго народа, партія соц.-рев. беретъ также подъ свою защиту и лучшія его традиціи и стремленія, вынесенныя имъ изъ глубинъ исторіи, инстинктивное стремленіе нѣкоторыхъ его элементовъ къ демократическимірскому строю, тѣ его навыки въ области самоуправленія, въ которыхъ покойный Костомаровъ усматривалъ элементы, благопріятные для установленія и развитія въ Россіи земско-федеративной организаціи всего государственнаго строя, тѣ взгляды на землю, какъ естественное общее достояніе всѣхъ трудящихся, и тѣ обычно-правовыя воззрѣнія, которыя путемъ логическаго развитія и обработки можно поднять до широкой идеи соціализаціи земли и регулированія межчеловѣческихъ правовыхъ отношеній соотвѣтственно высшему трудовому началу общежитія.

Мы ничего не хотимъ идеализировать. Мы не скрываемъ отъ себя той горькой истины, что многое изъ всего этого уже въ значительной степени подточено и изглодано «купонными» теченіями жизни и столь же многое таится въ глубинѣ народной души въ качествѣ лишь одной потенціи, возможности, едва сказаннымъ и непродуманнымъ. Индивидуалистическая атмосфера, въ которой всего болѣе приходится дышать русскому крестьянину, несомнѣнно, мутитъ его сознаніе, отравляетъ его совѣсть. Но отсюда слѣдуетъ лишь, что мы всѣ русскіе соціалисты-революціонеры, всѣ сочувствующіе нашимъ стремленіямъ, близко соприкасающіеся съ народомъ, должны взять на себя задачу пробуждать въ немъ лучшіе общинные инстинкты тамъ, гдѣ они заглохли, поддерживать ихъ тамъ, гдѣ они еще борятся съ противоположными теченіями, указывать имъ путь-дорогу къ борьбѣ съ буржуазно-самодержавнымъ строемъ и тѣмъ самымъ подготовлять въ ближайшемъ будущемъ великій анти-индивидуалистическій походъ русскаго крестьянства для завоеванія земли и воли. Редакціоннымъ комиссіямъ разныхъ полицейскихъ и не полицейскихъ вѣдомствъ, составляющихъ заговоръ противъ драгоцѣннѣйшихъ традицій и основъ русской народной жизни, мы должны противопоставить наши революціонные комитеты, подготовляющіе для «слѣдующаго дня» послѣ русской революціи общинно-трудовую организацію правовой и экономической жизни русскаго крестьянства. Мы должны подвергнуть

своему внимательнѣйшему изученію великую и крайне поучительную литературу по обычному праву русскаго народа, мы должны уже теперь составлять для него популярныя брошюры, осмысливающія для него выработанныя имъ же самимъ лучшія нормы правовыхъ отношеній, мы должны стараться, чтобы всевозможными путями въ народъ проникала наша лучшая народническая литература 70 и 80-годовъ какъ беллетристическая, такъ и научная, чтобы соотвѣтственныя сочиненія Златовратскихъ, Карониныхъ, Успенскихъ и т. д. нашли возможно большее распространеніе среди крестьянской молодежи и пробуждали въ ней общинные, мірскіе интересы и стремленія. Активная и разносторонняя соціально-революціонная пропаганда и агитація нашей партіи среди крестьянъ расширитъ эти интересы и стремленія, раскрывъ передъ ними общечеловѣческіе идеалы международнаго соціализма и втянувъ ихъ въ общее великое русло всероссійской революціи. Въ борьбу общины съ разъѣдающими ее вліяніями, во внутреннія распорядки сельскихъ сходовъ, подавляемыхъ всякаго рода кулацкими и административными элементами, вмѣшаются распропагандированные нами рабочіе и крестьяне, во имя истины и широко понятыхъ общинно-трудовыхъ идеаловъ. Тогда «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины пролетарій вернется въ нее соціалистическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою является рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства». Эти слова мы заимствуемъ изъ стараго проекта... русской соціальдемократической программы, который читатель найдетъ въ брошюрѣ «Чего хотятъ соціальдемократы». Теперь ими составляются и пишутся проекты нѣсколько иного рода, теперь люди, полагающіе, что часть распропагандированныхъ въ городѣ рабочихъ должна возвращаться въ деревни съ аграрно-общинными революціонными программами, титулируются соціалистами-реакціонерами; теперь «единственно-научными» соціалистами пишутся аграрныя программы, которыя многими изъ нихъ же самихъ не признаются ни научными, ни революціонными, а просто никуда не годными*).

Что касается приведенныхъ выше словъ стараго проекта со-

*)...«Что изъ себя представляетъ программа Россійской соціаль-демократической партіи?» спрашиваетъ «Вѣстникъ Бунда» (№ 4, стр. 21) и отвѣчаетъ:— «Теоретическая ея часть есть простая перефразировка, мѣстами очень неудачная, эрфуртской программы; практическая часть есть собраніе требованій, понадерганныхъ изъ разныхъ западноевропейскихъ соціальдемократическихъ программъ и ничего специфически-русскаго въ себѣ не заключаетъ; исключеніе составляетъ пунктъ о необходимости низверженія самодержавія и аграрныя требованія, основанныя на «теоріи» отрѣзковъ, которые не подходятъ ни для одной изъ окраинъ Россіи и можетъ быть (курс. въ подл.) подходятъ для нѣкоторой части цен-

ціаль-демократической программы, то мы, съ своей стороны, всецѣло готовы подписать ихъ съ той лишь оговоркой, что мы не видимъ причинъ отвергать самостоятельную способность русской деревни къ революціонно-соціалистической иниціативѣ, т.-е. и помимо помощи—весьма цѣнной самой по себѣ—«выброшеннаго изъ деревни пролетарія».

Таковы, въ общихъ чертахъ, ближайшія задачи русской революціи по отношенію къ общинѣ и, въ частности, къ обычно-трудовымъ началамъ и традиціямъ русскаго народа. Наша партія является, въ этомъ отношеніи, продолжательницей и «душеприказчицей» всѣхъ лучшихъ теченій русской революціи, исполнительницей ея священнѣйшихъ завѣтовъ. И мы не сомнѣваемся, что наша аграрная программа привлечетъ къ себѣ съ теченіемъ времени симпатіи всѣхъ искреннихъ друзей народа, всѣхъ вдумчивыхъ и самостоятельно мыслящихъ революціонеровъ. Тѣмъ болѣе мы надѣемся и вѣримъ, что она найдетъ себѣ воспріимчивую почву среди самого народа.

Сентябрь, 1904 г. *Подолянинъ.*

Реакціонная демагогія и революціонный соціализмъ.

Читатели, внимательно слѣдящіе за столь сильно разросшейся въ послѣднее время нелегальной прессой, легко могутъ поддаться оптическому обману, въ которомъ, однако, пресса эта не всегда повинна. Естественно, что она—особенно въ послѣднее время—сплошь заполнена извѣстіями о быстрыхъ успѣхахъ соціально-революціоннаго дѣла. Во первыхъ, успѣхи эти дѣйствительно на лицо;

тральной Россіи». Впрочемъ, мы убѣждены, что пресловутые «отрѣзки», въ которыхъ критика не оставила живого мѣста, будутъ въ недалекомъ времени выброшены за бортъ самими соціаль-демократами.

во вторыхъ же — на этой спеціальной области приходится этой прессѣ все болѣе концентрироваться. Фактически завоеванная широкимъ общественнымъ движеніемъ послѣ гибели Плеве относительная «свобода печати» дала возможность перенести изъ-за рубежа въ предѣлы Россіи хронику общественной жизни въ духѣ «обличенія» темныхъ сторонъ ея. Легальныя газеты отняли у прессы нелегальной значительную часть того матеріала, который раньше былъ доступенъ только послѣдней. Ей пришлось, поэтому, еще болѣе сосредоточиться на извѣстіяхъ о ходѣ революціонной пропаганды и агитаціи, ростѣ организаціи, внутренней партійной жизни во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Этотъ, поневолѣ односторонній, подборъ фактовъ способенъ иногда ввести близорукаго читателя въ большое заблужденіе. Подавляющая масса фактовъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ движенія вширь и вглубь, такъ сильно импонируетъ, такъ властно встаетъ передъ глазами читателя, даетъ столь яркую, ослѣпляющую своимъ блескомъ, картину, что заслоняетъ порою отъ него многое, слишкомъ многое въ его жизни. Отдѣльныя, безпрерывно притекающія новыя впечатлѣнія рисуютъ постепенный ростъ, образованіе новаго міра—міра будущаго, и быстрокрылой фантазіи кажется, что онъ, этотъ новый міръ, уже созрѣлъ, что онъ передъ нами на лицо въ совершенно готовомъ видѣ; и стоитъ ему лишь выпрямиться, двинуть могучими мускулами, чтобы прорвать, разломать ту проржавѣвшую желѣзную скорлупу гнета и насилія, которая мѣшаетъ ему проявиться во всей своей силѣ и всемъ своемъ блескѣ;—и вотъ-вотъ мы уже увидимъ его во всей его красѣ, когда онъ развернетъ всѣ кроющіяся въ немъ творческія силы и возсіяетъ, какъ осуществленіе самыхъ смѣлыхъ надеждъ и упованій лучшихъ людей нашего вѣка. Но такія событія, какъ новая, только что прокатившаяся по югу волна погромовъ, какъ нельзя болѣе чувствительно напоминаютъ о томъ, что наряду съ растущимъ юнымъ и могучимъ новымъ міромъ все еще живъ, все еще не умеръ старый міръ слѣпой традиціи, глухого эгоизма, животной свирѣпости—и что къ этому міру еще причастны, его зловѣщему обаянію еще доступны нѣкоторые элементы темныхъ массъ... Громятъ не только хулиганы, но и темные рабочіе. Въ Житомиръ съѣзжались, по газетнымъ даннымъ, крестьяне изъ окрестныхъ деревень, приготовляясь нагружать на свои воза и увозить по своимъ деревнямъ раздѣленное еврейское имущество—и это дѣлалось едва ли не съ такимъ же сознаніемъ правоты, съ какимъ въ другихъ мѣстахъ крестьяне дѣлили помѣщичій хлѣбъ.

Слѣпыя силы прошлаго часто подолгу не даютъ о себѣ знать, потому что онѣ стихійны, мало подвижны, инертны. Юныя, вѣчно живыя, ищущія, находящіяся въ броженіи силы новаго міра заслоняютъ ихъ. И вотъ, подобно подземнымъ силамъ, глубоко скрытымъ подъ земною корою, эти инертныя силы прошлаго лишь время отъ времени, спорадическими взрывами напоминаютъ о своемъ существованіи, разсѣевая кругомъ себя смятеніе и тревогу. Жито-

мірскій погромъ является однимъ изъ такихъ подземныхъ ударовъ, сотрясающихъ молодой міръ юной жизни, свѣта, тепла, яркихъ красокъ и звучныхъ тоновъ, выросшій надъ отвердѣвшей корой, которою покрылась сверху заглохшая въ инерціи стихійная жизнедѣятельность подземныхъ силъ. Но вотъ—взломана, разбросана, пробита эта твердая кора, и во всемъ своемъ свирѣпомъ безобразіи встаетъ изъ подъ нея кровавое чудовище, оставляя кругомъ разбросанные обломки и обезображенные трупы,—встаетъ, и трусливо скрывается снова...

Но если въ революціонномъ мірѣ иногда легко забываютъ объ этихъ слѣпыхъ—и, несомнѣнно, идущихъ къ отмиранію—пережиткахъ прошлаго, то въ мірѣ реакціонномъ, въ мірѣ «власть предержащихъ» и послушныхъ ихъ идеологовъ про существованіе этихъ силъ давно знаютъ и на дѣятельность ихъ давно возлагаютъ самыя серьезныя надежды. Въ послѣднее время обнаружилась съ особенной яркостью самая беззастѣнчивая, самая азартная спекуляція нашихъ реакціонеровъ на слѣпую стихійность значительной части низшихъ слоевъ населенія. Азартный характеръ этой рискованной спекуляціи переходитъ мѣстами въ самую крайнюю, разнузданную демагогію. Присмотритесь только къ выступившимъ за послѣднее время «организаціямъ» подъ черносотеннымъ знаменемъ. Вотъ «Исполнительный Комитетъ Харьковскаго Отдѣла Тайной (!) Всероссійской организаціи русскихъ рабочихъ» (со всѣми, какъ видите, аллюрами нелегальной организаціи) взываетъ къ тому, чтобы «бить» лѣнтяевъ, бѣлоручекъ, «ученую сволочь, продавшую душу бѣднаго народа богатому жиду» и предпочитающую на народный счетъ—не учиться, а «безпросыпно пьянствовать и предаваться блудницамъ». Вотъ Воронежскіе—очевидно «полицейскіе агенты»—украсившіе себя, для столь важнаго случая, кличкой «фабрично-заводскихъ рабочихъ, помнящихъ свой святой долгъ передъ отечествомъ etc.» Они въ своей прокламаціи торжественно возглашаютъ, что-де «мы—люди труда, хлѣбъ зарабатываемъ своими трудами и ремесломъ», а «они (студенты)—люди вольнодумства и разгула, имѣютъ даровыя квартиры, общежитія и кормежку даромъ, живутъ на волѣ и являются только тяготой для Россіи и народа»... Вотъ какіе-то «крестьянскіе комитеты», вотъ зажигательныя прокламаціи, призывающія украинскихъ крестьянъ вспомнить времена «Кривоноса и Гонты» и пойти на «поляковъ и жидовъ», потому что де «поляки не могутъ помыриться съ тымъ, що мы перестали робить имъ панщину», а «жидкамъ обіцялы, що зновь буде панщина и Польша, и жидки будутъ арендовать церкви и корчмы....» Вотъ во многихъ губерніяхъ крестьянамъ прямо проповѣдуютъ, что помѣщики-либералы противъ царя потому, что хотятъ вернуть крѣпостное право надъ крестьянами. Подпольной пропагандѣ и агитаціи вторитъ надпольная. «Московскія Вѣдомости», обличая «интеллигенцію», «культурное общество», торжественно заявляютъ, что «эта шайка, не имѣющая корней въ нашемъ простомъ, добромъ и честномъ народѣ» напрасно

кричитъ о какой-то «черной сотнѣ»: «выступила не черная сотня, а сторонники государственнаго порядка», и къ этимъ-то своеобразнымъ «сторонникамъ порядка» газета обращается съ лозунгомъ: «теперь пришло время: поднимайтесь!» Особенныя надежды при этомъ почему то возлагаются на крестьянство, и въ стремленіи настроить его противъ свободомыслящей интеллигенціи не брезгуютъ играть на наслѣдственномъ недовѣріи «лаптя» къ «сюртуку». Наконецъ, «Пензенскія Губернскія Вѣдомости» побиваютъ окончательно рекордъ, со своими призывами къ тому же «простому, доброму и честному народу»—не пора ли «подняться, какъ одинъ человѣкъ, и вырвать съ корнемъ плевелы», «не пора ли встряхнуться, какъ и во время пугачевщины?!...»

Правительственная пугачевщина! Вотъ къ чему сводятся, какъ видите, чаянія и упованія людей реакціи, не понимающихъ, конечно, что съ ихъ стороны это—покушеніе съ негодными средствами... Но въ безнадежномъ положеніи и не то сдѣлаешь. И вотъ, они уже готовы языкомъ людей анархіи говорить о ненужности парламентаризмовъ, о пущемъ крѣпостномъ правѣ, въ которое хотятъ ввергнуть крестьянъ либеральные помѣщики, готовы звать «людей труда» бить «людей вольнодумства и разгула»... Поистинѣ, какой-то своеобразный «героизмъ отчаянія». Если ужъ много шансовъ за то, что народъ поднимается противъ своихъ угнетателей,—пусть онъ, по крайней мѣрѣ, бьетъ всѣхъ сплошь, не разбирая праваго отъ виноватаго; если грозитъ осмысленная революція—пусть лучше будетъ безсмысленная, хотя и еще болѣе безпощадная, смута и поножовщина...

Невольно вспоминаются правительственныя авантюры этого же типа въ далекомъ прошломъ. Тогда, впрочемъ, люди реакціи далеко не были такъ азартны. Игра ихъ была менѣе рискованна. Раньше только въ возстающей Польшѣ они рѣшались подстрекать хлоповъ, да и то преимущественно украинскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ, на возстаніе противъ пановъ, захотѣвшихъ политической свободы и независимости Польши... И тогда въ своемъ «Колоколѣ» впервые Герценъ, со своимъ несравненнымъ талантомъ, охарактеризовалъ эту правительственную демагогію яркими, крылатыми словами, которыя теперь очень, очень не мѣшаетъ вспомнить:

«Вотъ зажигатели-то, вотъ разбойники-то, не признающіе права собственности, коммунисты Его Императорскаго Величества!

«А! такъ вы берете на себя отвѣтственность за каннибальскую войну съ аккомпаниментомъ грабежа, поджоговъ и убійствъ...

«Вотъ какъ Александръ Николаевичъ вздумалъ сдѣлаться земскимъ царемъ—царемъ и Стенькой Разинымъ вмѣстѣ!

«Высочайше утвержденная жакри! полиціей и штабомъ устроенное избіеніе помѣщиковъ и разграбленіе ихъ домовъ!

«Ну, солдатики, вы хорошо отслужили вашу службу въ Польшѣ; не забудьте и дома, какъ вы весело жгли господскія усадьбы, каково попили винца изъ панскихъ погребовъ, каково поразбивали

сундучки съ ихъ добромъ, «при всемъ блескѣ пожара». Не все жъ поляковъ, да поляковъ,—вы уже не оставьте вашей милостью нашихъ-то, русскихъ...»

Что же? или саркастическое предложеніе Герцена приходится принять въ серьезъ современнымъ «коммунистамъ Его Императорскаго Величества?» Или дѣйствительно имъ больше не осталось никакихъ средствъ противъ революціи, кромѣ головоломной демагогіи, имѣющей цѣлью отчаянную попытку—замѣнить революцію самобытной смѣсью изъ элементовъ, характерныхъ для холерныхъ безпорядковъ, еврейскихъ погромовъ, пьянаго разгула и слѣпой ненависти къ «чистымъ господамъ», все равно зовутся они помѣщиками или студентами, мирными обывателями или революціонерами?

* * *

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на какія бы авантюры ни шли наши реакціонеры, игра ихъ все равно безнадежна. На что могутъ они, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать? Правда, они хорошо замѣтили, что въ жизни темныхъ массъ такъ много наболѣвшихъ мѣстъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нимъ можетъ вызвать судорожныя, рефлекторныя конвульсіи. Правда, они хорошо замѣтили, что здѣсь и такъ можно найти массу безсознательнаго, но горючаго матеріала, который легко вспыхиваетъ, и, какъ всякая стихія, жжетъ все то, что ни попадетъ случайно въ сферу ея дѣйствія. Но вѣдь не овладѣть же этой стихіей, не двинуть же ее по пути разсчитанной реакціонной тактики могутъ они надѣяться. Правда, кое-гдѣ поколотили гимназистовъ, студентовъ—но вѣдь избить первыхъ подвернувшихся подъ руку студентовъ не значитъ нанести истинной «крамолѣ» реальное, хотя бы и маленькое пораженіе. Правда, въ двухъ-трехъ деревняхъ подъ предводительствомъ поповъ прогнали земскихъ учителей, уничтожили земскія школы. Но вѣдь и это еще весьма немного. И сколько бы ни писалось въ редакціи реакціонныхъ газетъ писемъ за подписями отдѣльныхъ рабочихъ и крестьянъ съ угрозами разнести, искоренить «интеллигенцію» и вольнодумныхъ «чистыхъ господъ», это очень мало прибавляетъ на вѣсы исторіи.

Еврейскіе погромы, мусульманско-армянская рѣзня—вотъ, въ концѣ концовъ, не только самое главное, но и почти единственное серьезное пріобрѣтеніе. Реакція не можетъ и мечтать о томъ, чтобы овладѣть темной массой и заставить ее прямо и опредѣленно служить себѣ. Какъ же хочетъ она использовать эту массу? Это вполнѣ понятно: она хочетъ возбудить въ широкихъ слояхъ населенія—особенно среди «культурнаго общества» и среди болѣе мирно настроенныхъ «среднихъ людей»—панику передъ пугачевщиной, передъ «русскимъ бунтомъ, безсмысленнымъ и безпощаднымъ»; она хочетъ вызвать этимъ сильное теченіе въ сторону «по-

рядка»; она хочетъ «смутой» оправдать поворотъ къ репрессіи и политикѣ «сильной власти». Недаромъ же «Моск. Вѣд.» одновременно взываютъ и къ черной сотнѣ, и къ диктатурѣ. Но какая нелѣпость! Провоцировать самую безпорядочную смуту, прибѣгать къ самой разнузданной демагогіи—и воображать, что изъ-за тоски по рухнувшему «порядку» обыватель подаритъ свое сердце демагогамъ! Либералы прекрасно понимаютъ дѣйствительную логику этихъ событій, когда начинаютъ вербовать «правовому порядку» сторонниковъ тѣхъ аргументовъ, что только при такомъ «правовомъ порядкѣ» водворится дѣйствительный порядокъ, вмѣсто «смуты», неразлучной съ самодержавіемъ, имъ вызываемой и даже имъ же частью поощряемой.

Такимъ образомъ, значеніе реакціонной тактики можетъ быть лишь чисто-отрицательнымъ. Намутить, спутать, водворить хаосъ —вотъ тѣ практическія цѣли, которыя дѣйствительно могутъ ими ставиться со сколько-нибудь реальными надеждами на успѣхъ. Самодержавія эта тактика не спасетъ,—бюрократическаго всевластія также. Только болѣе стихійности внесетъ она въ надвигающійся переворотъ; только болѣе болѣзненный характеръ можетъ она ему придать; только больше крови—а, слѣдовательно, и невинной крови,—при этомъ прольется. «Если для насъ отъ этого лучше не будетъ, такъ пусть же лучше будетъ хуже для всѣхъ!»—вотъ, по существу, лозунгъ этихъ современныхъ Геростратовъ, по которымъ давно уже плачетъ Бедламъ—или осина...

Да, разрушающее значеніе переворота отъ этого не ослабится. Положительное, творческое значеніе его—можетъ быть. И мы, какъ партія, носящая въ себѣ въ той же мѣрѣ созидательныя, творческія, какъ и разрушающія начала, не можемъ не считаться съ этими геростратовскими усиліями, не можемъ, въ виду ихъ, не выдвигать еще болѣе тѣхъ сторонъ нашей тактики, которыя имѣютъ организующее значеніе. Пока народъ представляетъ собою аморфную массу, «безсвязныя толпы», «людскую пыль»,—среда его легко доступна стаднымъ движеніямъ, инстинктивнымъ взрывамъ, массовой заразѣ—дѣйствіямъ, характернымъ для той примитивной «психологіи толпы», когда ведущимъ ее «героемъ» можетъ оказаться всякій случайный выходецъ, съ случайнымъ настроеніемъ,—когда, поэтому, движеніе можетъ выродиться въ совершенно безсмысленную вспышку, не различающую друзей отъ враговъ. Неудивительно, что уже давно во всей нашей партійной тактикѣ въ деревнѣ—гдѣ особенно много элементовъ, охваченныхъ острымъ недовольствомъ, но не проникнутыхъ еще въ достаточной мѣрѣ революціоннымъ сознаніемъ—мы отдавали предпочтеніе, мы усиленно рекомендовали такія средства борьбы,—какъ массовыя стачки батраковъ и арендаторовъ, бойкотъ крестьянами помѣщиковъ и властей, сговоръ для отказа отъ платежа податей и дачи рекрутовъ. Всѣ эти средства имѣютъ между собою то общее, что по самому существу своему толкаютъ крестьянъ къ организаціи, содержатъ сильный стимулъ къ объединенію, къ стя-

гиванію силъ въ широкіе союзы, и уже на этой почвѣ стягиванія сознательныхъ силъ развиваютъ приспособленную къ массовымъ движеніямъ и неразрывно связанную съ ними боевую тактику. Революціонный соціализмъ ничего общаго не имѣетъ съ мелкотравчатой революціонной демагогіей. Послѣдняя имѣетъ въ виду скорѣйшимъ путемъ двигать къ дѣйствію безсознательные элементы, обостряя лишь настроеніе этихъ элементовъ. Всѣ ея пріобрѣтенія непрочны, какъ бы шумны и по внѣшности велики они ни были. Эти пріобрѣтенія лишь видимы, ибо всякая демагогія просто поддѣлывается подъ существующія стихійныя движенія и стремится прилѣпить къ нимъ поверхностнымъ образомъ свой ярлыкъ. Получается кажущееся сліяніе движенія массъ и руководящей группы—кажущееся, потому что движеніе массъ не поднимается отъ этого на высшую ступень, а лишь руководители спускаются на низшую... Что касается иллюзій, создающихся на почвѣ этой ложной видимости, то жизнь быстро разсѣеваетъ ихъ, ибо всякое демагогически руководимое движеніе легко переходитъ изъ подъ одного руководства къ другому, такъ какъ ни одно изъ такихъ руководствъ не оставляетъ на немъ глубокаго вліянія..

Это отличіе тактики, свойственной революціонному соціализму, отъ упрощенной революціонной демагогіи рѣдко понимается нашими противниками. Часто и въ «культурномъ обществѣ» и среди соціаль-демократовъ можно встрѣтить самое невѣрное о ней представленіе. Но оно совершенно не считается съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы хотѣли лишь демагогически пристроиться къ крестьянству, развѣ была бы намъ нужда сдѣлать существеннѣйшимъ пунктомъ нашей агитаціи соціализацію земли? Для простоты и скорости упрощенный лозунгъ «бери землю», съ умалчиваніемъ о дальнѣйшемъ порядкѣ пользованія ею, былъ бы куда удобнѣе. Или перейдемъ отъ вопросовъ программы къ вопросамъ тактики. Развѣ мало въ крестьянской жизни, въ крестьянской практикѣ, борьбѣ, такихъ, достаточно популярныхъ, освященныхъ традиціей средствъ,—какъ разрозненный, аморфный аграрный терроръ, какъ мелкіе, несвязанные спорадическіе бунты? Развѣ не было бы чрезвычайно легко спуститься до этой примитивной тактики, приспособиться къ ней, и тѣмъ достигнуть видимости сліянія своего движенія съ движеніемъ всѣхъ массъ крестьянства —даже и такихъ, которыя на дѣлѣ даже и не тронуты нашей работой? И, однако, партія не пошла по этому пути. Она предвидѣла всѣ возможныя уклоненія движенія съ его настоящаго, дѣйствительно цѣлесообразнаго пути; она не спустилась до мелкаго, разрозненнаго бунтарства и не размѣняла своей тактики на мелочные фактики систематическаго—партизанскаго экономическаго террора; измельчаніе движенія было не въ ея разсчетахъ и не въ ея интересахъ. Она ясно видѣла, отъ чего до сихъ поро болѣе всего страдало, какимъ недостаткомъ болѣе всего хромало крестьянское движеніе. Это—вспышкообразный и разрозненный его характеръ. Накопится слишкомъ много въ данномъ мѣстѣ недовольства—и разразится

вспышкой, которая такъ же быстро и внезапно угаснетъ, какъ быстро и внезапно разразилась,—и снова инерція, снова сдавленная покорность до новаго случая. Потому-то слишкомъ часто и топталось такъ долго на одномъ мѣстѣ это движеніе, что оно только истощало свои силы въ несвязанныхъ, разобщенныхъ, судорожныхъ дѣйствіяхъ. Наша задача—прежде всего связать новые элементы деревни между собою и съ городомъ, вдвинуть всю ихъ дѣятельность въ цѣлую многосложную систему партійной борьбы, подчиненную опредѣленному конкретному п л а н у, соотвѣтствующему данному соотношенію силъ и условій, разсчитанному на періодъ, лежащій, въ общихъ чертахъ въ сферѣ нашего возможнаго предвидѣнія. Мы, конечно, горячо привѣтствуемъ даже стихійныя проявленія недовольства—но мы привѣтствуемъ ихъ постольку, поскольку въ нихъ проявляется ростъ революціоннаго настроенія и активности массъ; и мы, освѣщая съ нашей точки зрѣнія условія жизни, неизбѣжно вызывающія эти вспышки, указываемъ проявляющейся въ нихъ активности массъ тотъ выходъ, который диктуется планомъ партіи. Этотъ выходъ—подготовка и осуществленіе массоваго возстанія во имя общей цѣли—завоеванія крестьянствомъ з е м л и и в о л и. Вотъ почему на первомъ планѣ въ переживаемый нами моментъ такъ сильно выступило впередъ стремленіе повсюду популяризировать среди крестьянъ о д н у и т у ж е сумму очередныхъ требованій, конкретизирующихъ лозунгъ «земли и воли», раскрывающихъ характеръ всѣхъ основныхъ гарантій в о л и, политической свободы, а также и основныхъ гарантій уравнительности и трудового характера пользованія землей. Вотъ отчего повсюду такъ сильно проявляется у нашихъ товарищей лихорадочное стремленіе собирать съѣзды мужиковъ, мужицкія массовки, даже сходы, вездѣ и всюду проводить о д н и и т ѣ ж е требованія и вмѣстѣ съ тѣмъ, закрѣплять и обезпечивать возможность о д н о в р е м е н н а г о выступленія силъ во имя этихъ о д н о р о д н ы х ъ требованій народной революціи. Вотъ почему такъ энергично стремятся они провести повсюду одинъ и тотъ же п л а н ъ д ѣ й с т в і й. Всѣмъ имѣющимъ спѣшить выяснить размѣры въ деревнѣ тѣхъ силъ, на которыя мы можемъ разсчитывать, чтобы затѣмъ прочнѣе связать эти силы, и привести ихъ въ движеніе, какъ единое цѣлое. Темнымъ щимъ очи, чтобы видѣть, ясно, до какой степени необходимо намъ силамъ реакціи болѣе всего нужно, чтобы въ недовольномъ народѣ была только острая, безпорядочная смута, въ которой бы безсильно затерялись, растворились, потонули зародышевыя ядра и кристаллы народной соціально-революціонной силы. Намъ въ той же мѣрѣ необходимо, наоборотъ, чтобы они, эти ядра, окристаллизовались въ окрѣпшее и стройное цѣлое, и представили бы собою надежную точку опоры, какъ для того, чтобы внести цѣлесообразность въ самый ходъ борьбы и выборъ средствъ, такъ и для того, чтобы должнымъ образомъ использовать самый переворотъ въ интересахъ труда, въ интересахъ народа.

* * *

Итакъ, мелкія деревенскія организаціи, а равно и деревенскіе агитаторы-одиночки должны быть по возможности немедленно объединены въ союзы, охватывающіе возможно большіе по пространству районы; должны быть поставлены въ связь съ городскими организаціями, для обезпеченія одновременности дѣйствій и взаимной поддержки; должны подготовлять крестьянство своей мѣстности къ участію въ общемъ одновременномъ движеніи и къ расширенію, распространенію его въ своей мѣстности, хотя бы даже надобность въ этомъ случилась неожиданно. Необходимо, чтобы къ выработкѣ плана дѣйствій были привлечены сами крестьяне, со стороны которыхъ въ практическомъ отношеніи часто можно ожидать наиболѣе практически-цѣнныхъ указаній. Необходимо повсемѣстное проведеніе цѣлаго ряда однихъ и тѣхъ же конкретныхъ требованій, въ духѣ партійной программы, которыя крестьянство уславливается повсемѣстно предъявить и поддержать цѣлымъ рядомъ опредѣленныхъ боевыхъ дѣйствій. Какъ непосредственный приступъ къ осуществленію общаго «плана кампаніи» цѣлесообразно прямое заявленіе на сходахъ и массовыхъ собраніяхъ, свободно созванныхъ самими крестьянами, условленныхъ заранѣе сообща требованій; за этимъ заявленіемъ должны слѣдовать, послѣдовательно наростая, рядъ дѣйствій, принципъ которыхъ одинъ и тотъ же: крестьяне систематически нарушаютъ на дѣлѣ существующій порядокъ, отрицаемый ими, и дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы ихъ требованія уже осуществлены. Не обращаться къ существующимъ судебнымъ и административнымъ властямъ, а рѣшать дѣла самостоятельно, или обращаясь за ихъ рѣшеніемъ къ своимъ революціоннымъ комитетамъ и организаціямъ; приводить въ осуществленіе приговоры сходовъ, не дожидаясь ихъ утвержденія; бойкотировать не только помѣщиковъ, но и власти, не исполняя ихъ предписаній, отказываясь входить съ ними въ сношенія и переговоры; наконецъ, захватывать и распахивать міромъ поля, пользоваться организованно казенными, удѣльными, помѣщичьими луговыми и лѣсными угодьями; наконецъ, какъ заключительный аккордъ, общимъ переходомъ въ наступленіе, изгнать власти и овладѣть землей,—при чемъ овладѣніе землей должно состоять не въ произвольномъ захватѣ опредѣленныхъ участковъ въ руки опредѣленныхъ лицъ, а въ уничтоженіи границъ и межей частнаго владѣнія, уничтоженіи документовъ на владѣніе ими, въ объявленіи земли общей собственностью, въ требованіи общей, уравнительной и повсемѣстной разверстки ея для пользованія трудящихся. Конечно, нельзя обойтись безъ немедленнаго временнаго распредѣленія захваченнаго, и особые выборные или уполномоченные должны его произвести, но именно какъ временную мѣру, впредь до необходимыхъ общихъ регулятивныхъ мѣръ,—при чемъ крестьянамъ должно быть выяснено,

что урегулированіе новаго порядка общественнаго владѣнія и уравнительнаго пользованія землей должно произойти въ Учредительномъ Собраніи; а потому провести его въ этомъ Собраніи, обезпечить для этого необходимый составъ Собранія, обезпечить необходимое давленіе на Собраніе въ этомъ смыслѣ—все это входитъ въ число революціонныхъ задачъ организующагося и подымающагося на борьбу крестьянства.

Мы выше намѣтили цѣлый рядъ массовыхъ дѣйствій, которыя могутъ, если нужно, развертываться послѣдовательно, постепенно. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ проще, на нихъ легче пойдутъ большія массы крестьянства; а, разъ втянутыя въ борьбу, логикой этой борьбы и руководствомъ болѣе сознательныхъ элементовъ, они будутъ увлечены на дальнѣйшіе и дальнѣйшіе шаги. Своевременность перваго приступа и каждаго изъ дальнѣйшихъ переходовъ можетъ рѣшаться, конечно, лишь на мѣстахъ, въ зависимости отъ степени силъ своихъ и враждебныхъ, а также въ зависимости отъ того темпа, какимъ идутъ событія въ другихъ мѣстахъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, т. е. отъ темпа общероссійскаго движенія въ его цѣломъ. Это требуетъ отъ мѣстныхъ силъ извѣстнаго умѣнья, такта и—несомнѣнно—большой смѣлости и рѣшительности. Не той, конечно, смѣлости, которая восполняетъ практическое безсиліе неимовѣрными размѣрами фантастическихъ плановъ,—а той реальной смѣлости, которая выковывается суровымъ революціоннымъ опытомъ практической борьбы, умѣющей опираться на реальныя данныя.

Не нужно, въ то же время, забывать, что на намѣченномъ нами фонѣ массовыхъ дѣйствій и въ органической связи съ ними должна будетъ развиваться параллельно непосредственная боевая тактика: выступленія прямой силой противъ силы и съ оружіемъ противъ оружія. Въ самомъ дѣлѣ, намѣченная тактика необходимо должна столкнуть борющееся крестьянство лицемъ къ лицу съ организованными силами существующаго политическаго и экономическаго режима, съ силами, предназначеніе которыхъ «охранять порядокъ». Боевая подготовка крестьянства для возстанія и должна состоять въ практикѣ неустанной и прямой борьбы противъ этихъ организованныхъ силъ, носителей репрессіи. Необходимо всегда помнить одно правило: моментъ боевой подготовки и моментъ прямой борьбы неотдѣлимы; только въ процессѣ самой борьбы вырабатываются, закаляются, подбираются боевыя силы; только борьба создаетъ бойцовъ. Надѣяться вполнѣ подготовиться къ бою настолько, чтобы побѣдить, въ то же время систематически уклоняясь отъ борьбы, пока не закончена подготовка,—это такая же фантастическая задача, какъ и задача накопить силы въ мускулахъ, не упражняя ихъ изъ боязни «траты» силъ. Безъ траты силъ нѣтъ накопленія. Наши деревенскія силы, ведя массовую агитацію, начиная осуществлять свой «планъ кампаніи», должны быть готовы встрѣтиться съ натискомъ, нашествіемъ на деревню властей, стражниковъ, шпіоновъ, жандармеріи, полиціи, наконецъ, каза-

ковъ и даже войска. Организовать, поскольку возможно, отпоръ этому нашествію, терроризируя его руководителей—вотъ прямая и необходимая задача нашихъ деревенскихъ организацій. Практика этого отпора и будетъ первой школой *боевого* воспитанія деревни для общаго возстанія, *боевой* подготовки крестьянства къ возстанію. Эта тактика должна развиваться, терроръ единичный переходить въ терроръ массовый. Но въ то же время развитіе боевой тактики должно идти, разумѣется, въ соотвѣтствіи съ другими сторонами нашей работы въ деревнѣ, не отставая отъ нихъ и не обгоняя ихъ. Только тогда будетъ имѣть мѣсто то гармоническое проведеніе въ жизнь нашей программы во всей ея широтѣ и глубинѣ, которое одно гарантируетъ истинно-революціонное рѣшеніе выдвинутыхъ жизнью насущныхъ вопросовъ.

Террористическая дѣятельность не новость въ нашей деревнѣ. Но, пока она развивалась стихійно, она практиковалась въ совершенно особыхъ формахъ. Она шла по линіи наименьшаго сопротивленія,—не по линіи наибольшаго дѣйствія. Самые популярные, самые распространенные формы и виды террора суть въ то же время наиболѣе примитивные. Пустить тайкомъ краснаго пѣтуха на помѣщичьи стоги и скирды, изломать или тайкомъ испортить дорогой плугъ, сѣялку и т. п., нанести поврежденіе помѣщичьему скоту, стравить поле, сдѣлать ночную порубку въ лѣсу, поколотить, застигнувъ врасплохъ, нелюбимаго надсмотрщика, лѣсника, управляющаго, иной разъ самого помѣщика, въ крайнемъ случаѣ подстрѣлить его или поджечь экономію—вотъ каковы эти формы. Это то, что называется аграрнымъ терроромъ. Средства эти, какъ видите, отличаются большой несложностью и доступностью. Они не требуютъ никакой особой боевой подготовки—да и практика ихъ не создаетъ такой подготовки. Они не требуютъ никакой особенной организаціи—да и практика ихъ не даетъ стимула къ организаціи. Этотъ способъ реакціи крестьянъ на угнетенія можетъ поэтому тянуться, и фактически тянется, десятилѣтіями, мирясь съ тѣмъ же примитивнымъ уровнемъ крестьянской психологіи, который соотвѣтствуетъ стихійному характеру движенія. Въ фактахъ такого стихійнаго аграрнаго террора (съ которымъ не слѣдуетъ смѣшивать ни *политическаго террора въ деревнѣ*, ни метода массовыхъ открытыхъ нарушеній существующихъ отношеній собственности, каково распахиванье помѣщичьихъ земель, захватъ экономій и т. д.) проявляются самые разнообразные, большей частью также элементарные, мотивы: острое недовольство своимъ положеніемъ, стремленіе выжить того или другого эксплуататора изъ своей мѣстности, желаніе добиться отъ помѣщиковъ тѣхъ или иныхъ частичныхъ уступокъ, потребность мести и сведенія счетовъ съ данной личностью и т. д. Всѣ эти средства, практика которыхъ обладаетъ достаточной заразительностью, являются чрезвычайно осязательными, простыми и доступными мелкимъ партизанскимъ группамъ и даже одиночкамъ,—а потому они и вполнѣ соотвѣтствуютъ этой примитивной стадіи движенія—когда оно мо-

жетъ быть острымъ и широкимъ, но не глубокимъ по своему соціальному содержанію и упрощеннымъ по методу дѣйствій. И потому такого рода факты встрѣчаются массами даже и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совершенно или почти отсутствуетъ революціонная организація и пропаганда, гдѣ крестьяне еще въ массѣ покорны властямъ, гдѣ они еще не смѣютъ иначе, какъ въ состояніи крайняго раздраженія, поднять руки на человѣка съ «царскимъ плевкомъ» (кокардой) на лбу, гдѣ за вспышкой бунта слѣдуетъ встрѣча властей на колѣнахъ.

Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что эти элементарныя формы борьбы въ общей экономіи крестьянскаго движенія, въ исторіи его, играли ничтожную или даже отрицательную роль. На извѣстной ступени развитія, напротивъ, это были для него единственно доступныя средства, и отказаться отъ нихъ значило бы для крестьянства отказаться отъ всякой борьбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянство и теперь еще находится въ такомъ положеніи. И только соціально-революціонная пропаганда и организація распропагандированныхъ силъ знаменуютъ собою поднятіе движенія на высшую ступень.

Самобытный крестьянскій аграрный терроръ идетъ своимъ порядкомъ, и въ его развитіе соціально-революціонныя силы не внесли бы много новаго, если бы даже и хотѣли. Вообще говоря, совершенно естественно и понятно, что затрата на такого же рода факты партійныхъ силъ, а тѣмъ болѣе возведеніе этого въ систему, въ настоящее время отрицается большинствомъ партійныхъ работниковъ. Не размѣнивать партійную тактику, примѣняясь къ наиболѣе примитивнымъ способамъ стихійной, разрозненной самозащиты еще неорганизованнаго крестьянства, а сосредоточивать вниманіе деревни на болѣе широкихъ, крупныхъ и дѣйствительныхъ средствахъ борьбы; избѣгать измельчанія движенія; подымать крестьянъ до болѣе крупныхъ и организованныхъ конфликтовъ съ организованными силами всего существующаго экономическаго и политическаго порядка—таковъ общій лозунгъ. Да, конечно, подготовить хорошую «встрѣчу» или «проводы» властямъ, начальникамъ полицейскихъ или казацкихъ командъ, терроризировать болѣе «крупныя шишки» мѣстной администраціи—есть дѣло болѣе трудное, чѣмъ сорвать сердце на заурядномъ, живущемъ безъ особенной защиты помѣщикѣ, а тѣмъ болѣе—на его скирдахъ или его скотинѣ. Но только такой постановкой болѣе трудныхъ задачъ и оказываетъ революціонный соціализмъ огромное и плодотворное вліяніе на народъ, поднимая его до себя, а не спускаясь до самыхъ стихійныхъ и примитивныхъ изъ способовъ самозащиты, выработанныхъ его повседневной жизнью. Въ противоположность всякой демагогіи, революціонный соціализмъ имѣетъ достаточно смѣлости не поддѣлываться подъ уровень даннаго развитія народа, и имѣетъ достаточно предусмотрительности —не упрощать до него своихъ программныхъ и тактическихъ положеній. Да если бы онъ поступалъ иначе, онъ не вносилъ бы въ

деревню ничего новаго, онъ былъ бы излишенъ и ненуженъ, ибо только подливалъ бы ковшичкомъ воды въ море... Нѣтъ, вся сила, все значеніе революціоннаго соціализма именно въ свойственныхъ ему болѣе сложныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкихъ средствахъ, методахъ, планахъ борьбы, соотвѣтственно большей сложности и широтѣ ставимыхъ имъ задачъ. Онъ учитъ и научаетъ крестьянъ понимать, что ихъ борьба не есть борьба съ отдѣльными эксплуататорами,*) а съ цѣлымъ классомъ, даже нѣсколькими классами; что самодержавіе есть ничто иное, какъ опредѣленная форма владычества этихъ наиболѣе паразитическихъ классовъ и слоевъ, именно самодовлѣюще-диктаторская форма ихъ владычества; что полицейскія, административныя, военныя и иныя силы, которыя самодержавіе пускаетъ въ ходъ для поддержанія «порядка» въ странѣ, есть ихъ «боевой защитный механизмъ»; бороться съ ними—значитъ противопоставить этому боевому защитному механизму свой, значитъ вступить съ нимъ въ систематическую борьбу, наносить ему ущербъ, парализовать его дѣйствія, дезорганизовать его и, наконецъ, сломить, чтобы получить тѣмъ самымъ возможность проявить широко и свободно свою, народную волю.

Итакъ, ставя своей цѣлью вооруженное возстаніе, давая крестьянству боевую подготовку въ процессѣ прямой борьбы съ организованными силами существующаго порядка, выводя крестьянъ на широкую арену такой борьбы, болѣе всего избѣгая упрощенія своихъ лозунговъ, измельчанія тактики, мы пойдемъ самымъ вѣрнымъ путемъ къ нашей цѣли. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы всего успѣшнѣе будемъ противостоять правительственной демагогіи, которая вся спекулируетъ на стихійность, разрозненность, примитивность народнаго движенія, на возможность его вырожденія въ такую острую, но неглубокую «смуту», которая бы сама себя истощила въ разобщенныхъ вспышкахъ, гдѣ легче всего проявляется стадное увлеченіе, и гдѣ легче всего возможна эксплуатація движенія чуждыми и даже враждебными элементами. Итакъ—смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость! Смѣло поставимъ передъ крестьянствомъ задачи народной революціи во всей ихъ широтѣ; смѣло возьмемся за организацію крестьянъ для массового дѣйствія по одному широкому «плану кампаніи»; смѣло будемъ вырабатывать въ деревнѣ боевыя силы, готовыя къ возстанію, закаляя ихъ путемъ фактическаго участія въ разрѣшеніи повседневныхъ задачъ боевой политической тактики; подобно тому, какъ центральный политическій терроръ мы дополнили мѣстнымъ политическимъ терроромъ въ городахъ, дополнимъ этотъ терроръ такимъ же политическимъ терроромъ въ деревняхъ; смѣло окунемся въ народное море, высоко держа въ рукахъ факелъ истины и идеала,—и тогда «все прочее приложится намъ»...

Май, 1905 г. *Ю. Гарденинъ.*

*) Это не значитъ, конечно, чтобы помѣщикамъ ео ipso выдавалась отъ партіи охранная грамота, чтобы они ни дѣлали.

Въ отвѣтъ нѣкоторымъ молодымъ товарищамъ.

Уже скоро два года, какъ въ «Рев. Рос.»появилось первое указаніе на необходимость организаціи въ средѣ крестьянскихъ и рабочихъ союзовъ «боевыхъ дружинъ». Затѣмъ, въ литературѣ нашей много разъ говорилось о необходимости распространенія террористической дѣятельности на массовыя движенія, о переходѣ террора «единичнаго» въ массовый, о живомъ сліяніи всѣхъ видовъ террора съ напоромъ народныхъ массъ. Указывалось на крайнюю необходимость того, чтобы крестьянскія и рабочія дружины состояли изъ самихъ же крестьянъ и рабочихъ, были плодомъ ихъ самодѣятельности, и что со стороны руководителей интеллигентовъ требуется, главнымъ образомъ, иниціатива и организація «боевыхъ дружинъ», пока крестьяне и рабочіе не научатся организоваться самостоятельно въ группы, вооруженныя какъ для нападенія, такъ и для самозащиты.

Но, несмотря на все сказанное въ руководящихъ печатныхъ органахъ нашей партіи, и несмотря на частыя устныя бесѣды и толкованія о значеніи массоваго террора, о причинахъ, по которымъ въ программѣ нашей выдвигается, какъ средство политической борьбы, а не самодовлѣюще-экономической, и, что всего важнѣе, несмотря на то, что общественная жизнь Россіи ежедневно, ежечасно наталкиваетъ насъ на вопіющія безобразія, требующія немедленнаго отвѣта силой со стороны не только революціонныхъ организацій, но, казалось бы, даже со стороны вообще людей, уважающихъ въ себѣ и другихъ человѣческое достоинство,—мы видимъ, что съ одной стороны самыя вопіющія безобразія и преступленія многихъ представителей царизма часто остаются безъ наказанія, съ другой—мы видимъ, что люди, сочувствующіе массовому террору и образованію боевыхъ дружинъ въ народѣ,—стоятъ въ раздумьѣ и вопрошаютъ: какой терроръ нуженъ, политическій или можетъ быть экономическій, аграрный, фабричный, какой вводить въ программу и съ какого начинать? При этомъ, можетъ быть, вопросъ этотъ невольно ставится и потому, что выполненіе аграрнаго террора гораздо легче выполненія террора политическаго.

Но, товарищи! мы, какъ партія, задавшаяся цѣлью выработ-

тать въ средѣ крестьянъ и рабочихъ сознательныхъ соціалистовъ-революціонеровъ, способныхъ принять и программу нашей партіи и ея тактику, можемъ и должны учить народъ тому, что указываетъ принятая нами программа, которая ясно и опредѣленно говоритъ, что мы должны завоевывать какъ политическую, такъ и экономическую свободу путемъ непосредственной войны съ активными организованными силами, стоящими на пути къ этой свободѣ. Такъ какъ правительственный механизмъ россійскаго государства, со всѣми его развѣтвленіями, есть наибольшій тормазъ, главнѣйшая сила, препятствующая замѣнѣ стараго строя новымъ —то первымъ дѣломъ мы должны уничтожить эту силу, наказуя, дезорганизуя ее и уничтожая ея представителей при всякомъ преступленіи предъ народомъ. И такъ какъ преступленія ея повторяются повсемѣстно и ежечасно, уже въ силу принциповъ, на которые эта злая сила опирается, то наказуемость ея должна быть повсемѣстная и ежечасная.

Мы же видимъ совершенно противное: правительство русское, въ лицѣ своихъ крупныхъ и мелкихъ представителей, еще до сихъ поръ сплошь и рядомъ тиранитъ и гнететъ народъ совершенно безнаказанно, и тѣ варвары, которые выказываютъ особенную угодливость самодержавію и калѣчатъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей исключительно ради личной выгоды своей, не только спокойно продолжаютъ свое дѣло, но доживаютъ до наградъ и повышеній, чтобы съ еще большей легкостью тиранить народъ и получать за это дальнѣйшія награды. Такое попустительство со стороны революціонеровъ только развязываетъ руки царскимъ опричникамъ и понижаетъ духъ народа, не видящаго способа защитить себя. Долгъ соціалистовъ-революціонеровъ и состоитъ въ томъ, чтобы пріучить народъ прибѣгать къ немедленной расправѣ съ людьми, позволяющими себѣ тиранить народъ или насиловать его; только тогда онъ устранитъ враговъ своихъ и ослабитъ ихъ.

Что же касается аграрнаго или фабричнаго террора, то мы не включили его въ свою программу, и совершается онъ стихійно, во первыхъ потому, что осуществленіе его вещь простая, сравнительно легкая, болѣе или менѣе привычная народной практикѣ даже со временъ малосознательности движенія и никакой технической или организаціонной подготовки не требующая и не создающая; во вторыхъ, и главнымъ образомъ потому, что партіи нашей было бы неразумно, и убыточно для дѣла всенароднаго освобожденія, направить болѣе передовыя и сознательныя народныя силы на такіе элементы, уничтоженіе которыхъ, нисколько не ослабивъ главную крѣпость—правительство,—въ то же время вызвало бы безконечный рядъ осложненій, не на пользу, а во вредъ возстанію.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о террорѣ, обязательнымъ для Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ по духу и смыслу всей ея программы является насажденіе среди крестьянства политическаго террора, какъ воспитывающаго не только необходимый духъ борьбы

и умѣнье защищать себя отъ сильнаго и непримиримаго врага, но и сознаніе причинной связи явленій, знаніе политической стороны государственнаго строя. Что же касается аграрнаго террора, то мы прежде всего видимъ, что крайне бѣдственное и крайне несправедливо подавленное существованіе крестьянства давно уже вынудило его прибѣгать къ аграрному террору и осуществлять его; на первыхъ порахъ это едва-ли не единственная возможность для крестьянъ проявить духъ протеста, пробужденіе человѣческаго достоинства; только соціально-революціонная пропаганда открываетъ крестьянамъ новые пути и замѣняетъ разрозненную мѣстную борьбу согласными дѣйствіями для подготовки и проведенія общаго возстанія. Слишкомъ широкая разбросанность аграрнаго террора, разнообразіе его проявленій и часто историческое, давнишнее, а часто узкое и мѣстное происхожденіе причинъ, вызывающихъ конкретные факты, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, также не даютъ возможности партіи взять его въ свои руки, слѣдить за возникновеніемъ и выполненіемъ каждаго отдѣльнаго факта, что даже при желаніи лишало бы ее возможности брать на себя отвѣтственность за проявленія аграрнаго террора.

Въ то же время, основываясь на всей прошлой исторіи русскаго крестьянства, въ теченіе которой оно всегда проявляло и здравый смыслъ свой, и свое великодушіе не только къ людямъ одного съ нимъ положенія, но и къ врагамъ своимъ (какъ это было въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ, вчерашнимъ рабовладѣльцамъ, или какъ это было въ полтавско-харьковскомъ движеніи),— Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ согласуетъ свою тактику съ этими лучшими сторонами народной психологіи. Она ведетъ народъ разбить организованныя вражескія силы, она особенно безпощадна къ вождямъ и руководителямъ этихъ силъ, но не зоветъ къ отмщенію каждому отдѣльному человѣку изъ имущихъ классовъ. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ чести и разуму крестьянства русскаго, Партія Соціалист.-Рев., поставившая цѣлью своею служить освобожденію народа своего и отъ политическаго, и отъ экономическаго ига и бороться съ врагами народа до тѣхъ поръ, пока благосостояніе его не будетъ вполнѣ обезпечено,—признаетъ долгомъ своимъ приходить на помощь крестьянству и рабочимъ, каждый разъ, когда дѣло этого потребуетъ, и содѣйствовать ихъ личнымъ усиліямъ въ борьбѣ, сколько это будетъ въ силахъ партіи.

Партія Соц.-Рев. привѣтствуетъ всякое начинаніе борьбы крестьянами и рабочими въ цѣляхъ соціализма и заявляетъ, что существуетъ она исключительно въ цѣляхъ разростанія этой борьбы и направленія ея въ сторону наибольшей выгоды для рабочаго народа и полнаго освобожденія всей страны отъ ига экономическаго и политическаго.

*
* *

Положите себѣ за правило, товарищи, что всякая личность, организующая насиліе надъ правами народа, стоящая въ центрѣ подавленія его дѣйствій, клонящихся къ возстановленію его правъ,—достойна наказанія; положите себѣ за правило, что наказаніе это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ крупнѣе роль личности въ подавленіи способности крестьянъ къ борьбѣ, и тогда, быть можетъ, мы не будемъ свидѣтелями такихъ обидныхъ явленій, какъ безнаказанность различнаго рода и вида палачей, спокойно разгуливающихъ послѣ совершенныхъ ими злодѣяній, посѣявшихъ въ народной средѣ упадокъ и подавленность духа.

Конечно, вовсе не всегда эта личность будетъ носить кокарду полицейскаго или чиновника. Возьмемъ фактическіе примѣры: въ Черниговской губерніи, Нѣжинскаго уѣзда, въ имѣніи князя Голицына произошла тяжба, изъ-за земли, между помѣщикомъ и крестьянами. Но «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись». Крестьяне, не находя нигдѣ правосудія, рѣшаются взять спорную землю своею властью. Князю Голицыну этого только и нужно, чтобы окончательно раздавить своихъ враговъ. Онъ богатъ связями, вліяніемъ на администрацію. Онъ только формально частный человѣкъ, ф а к т и ч е с к и онъ можетъ заставить плясать губернатора подъ свою дудку. Онъ требуетъ—и деревню наводняютъ полиціей и войсками. Являются земскіе начальники, исправники, самъ губернаторъ, и всѣ распоряжаются экзекуціей, т.-е. приказываютъ сѣчь, бить, истязать возмутившееся населеніе и разорять крестьянское хозяйство солдатскимъ постоемъ. Идутъ надругательства надъ ними, имѣющія цѣлью растоптать, истребить всякій духъ смѣлой борьбы за свои права. Теперь спрашивается: можно ли допустить, чтобы это осталось безъ отпора? а если нельзя, то на кого возложить отвѣтственность за преступленіе, содѣянное надъ нѣсколькими деревнями трудолюбиваго, спокойнаго, лишь правды ищущаго населенія?—Отвѣтъ ясенъ: настоящимъ вершителемъ истязаній въ данномъ частномъ случаѣ болѣе всего и прежде всего является кн. Голицынъ (въ другомъ частномъ случаѣ ту же роль могъ сыграть губернаторъ). Но если кару заслужилъ Голицынъ, то она падетъ на него, не какъ на члена имущаго класса,—такихъ десятки, сотни тысячъ, милліоны, которые поплатятся лишь уничтоженіемъ всѣхъ своихъ имущественныхъ и другихъ привиллегій—а на него какъ на лицо, ставшее въ центрѣ организованныхъ правительственныхъ силъ и двинувшее ихъ топить народное сознаніе своихъ правъ въ морѣ издѣвательствъ, угнетеній и надругательствъ.

Въ массѣ другихъ случаевъ въ центрѣ стоитъ все то начальство, которое руководило экзекуціей или же предписывало ее, т.-е. и земскіе начальники, и полицейскія власти, и губернаторъ, и военные офицеры, командовавшіе солдатами, отдававшіе распо-

ряженіе бить, грабить и насиловать. Бываютъ случаи, какъ во время послѣднихъ крестьянскихъ волненій, что помѣщики даже ходатайствуютъ, чтобы не посылали на усмиреніе солдатъ. Ясно, чѣмъ мы должны руководиться при отпорѣ: слѣдуетъ мѣтить въ того, кто играетъ главную роль въ руководительствѣ организованныхъ полицейскихъ и иныхъ бандъ усмирителей, и плохо, если годами выдающіеся народные палачи-грабители, принимавшіе участіе въ избіеніи безоружныхъ крестьянъ, гуляютъ, наслаждаясь жизнью и чинами и наградными, которыми царь ихъ жалуетъ за «усмиреніе бунтовщиковъ».

Что же касается мелкаго аграрнаго чисто экономическаго террора: уничтоженіе посѣвовъ, рубка лѣса, потравы, порча помѣщичьяго скота, машинъ, поджоги и т. д., то всѣ эти виды крестьянской войны противъ помѣщиковъ издавна практикуются крестьянами по собственному усмотрѣнію и почину. Не удивительно, что съ этого начинается пробужденіе крестьянства, но плохо, когда на немъ оно застреваетъ. Вмѣшиваться въ подобныя дѣла партійнымъ организаціямъ уже и потому не слѣдуетъ, что они не двигаютъ впередъ организаціи крестьянства и подготовленности ихъ къ возстанію; это видно хотя бы изъ того, что неорганизованные и не спропагандированные крестьяне никогда не затрудняются рѣшать съ ними самостоятельно и не прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ ни за совѣтами, ни за помощью къ интеллигентамъ. Это старое, привычное имъ дѣло, и съ нимъ они справляются лучше, нежели мы могли бы это сдѣлать или указать, если бы даже мы этого хотѣли; въ немъ революціонеръ, при всѣхъ своихъ знаніяхъ и организаціонномъ умѣньи, ничего не прибавитъ крестьянамъ.

Другое дѣло такіе огромные вопросы, какъ отобраніе земли въ общее пользованіе и организованная борьба съ защищающимъ помѣщиковъ правительственнымъ режимомъ. Эти громадной важности и не меньшей трудности вопросы являются весьма сложной задачей для всѣхъ соціально-революціонныхъ партій и не мудрено, что привыкшій къ опекѣ народъ не сразу можетъ стать въ должную позицію по отношенію къ этой новой и сопряженной съ огромными немедленными жертвами и техническими трудностями задачей. Вотъ почему касательно этихъ двухъ вопросовъ (отобраніе земли и избавленіе отъ царскаго чиновничества) крестьяне обращаются и за совѣтами и за помощью къ интеллигентамъ и громко зовутъ къ себѣ «соціалистовъ», «студентовъ», какъ людей, отъ которыхъ они услышали впервые о возможности измѣнить существующій порядокъ вещей кореннымъ образомъ: уничтоживъ существующее правительство и принципъ собственности на землю.

Обращеніе крестьянъ къ интеллигенціи за указаніями, помощью этимъ громаднымъ и сложнымъ вопросамъ; стремленіе ихъ разрѣшать эти вопросы обдуманно, по правдѣ и безъ лишняго кровопролитія—служитъ еще разъ доказательствомъ того, что рус-

скій мужикъ, несмотря на всю свою «необразованность», обладаетъ свѣтлымъ умомъ съ одной стороны и глубокимъ чувствомъ справедливости съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшало бы восьмидесяти-милліонной массѣ, уже не разъ попробовавшей свою силу, за послѣдніе годы, никого не вопрошая и ничего не принимая въ разсчетъ, во время любого изъ своихъ послѣднихъ массовыхъ движеній затушить потоками крови то пекло обидъ, горечи, неправды, что вѣками раскалялось въ измученной груди крестьянства? Что мѣшало бы каждой деревнѣ, каждому селу, во время этихъ движеній, пока не пришли войска, учинить кровавую расправу надъ своими сосѣдями кулаками и пауками дворянскаго и недворянскаго происхожденія, не имѣющими ни мундира, ни кокарды, чтобы сковать ихъ волю и нагнать страхъ.

Что мѣшало бы крестьянамъ, идущимъ тысячами въ экономіи, чтобы дѣлить зерно,—чинить насилія надъ безоружными гнѣздами богачей, вскормленныхъ потомъ и кровью этихъ тысячъ труженниковъ? Даже теперь, когда русскій крестьянинъ знаетъ и читаетъ о томъ, сколько партій существуетъ въ Россіи, готовыхъ оправдать его притязанія на землю, понимающихъ всю законность народнаго гнѣва противъ своихъ мучителей, даже теперь,—именно теперь, въ предчувствіи великихъ событій,—русскій мужикъ призываетъ всю силу ума своего, вопрошаетъ совѣсть свою и, обращаясь къ своимъ просвѣщеннымъ собратьямъ, говоритъ: идите сюда, чтобы какъ можно прочнѣе и безболѣзненнѣе совершилось великое дѣло водворенія справедливости въ странѣ нашей.

Думается мнѣ, что при такомъ положеніи дѣла, интеллигентнымъ вожакамъ или товарищамъ крестьянскаго движенія нѣтъ большой трудности въ томъ, чтобы уяснить себѣ свое значеніе и назначеніе, какъ участника этого движенія. Имъ тѣмъ легче выполнить назначеніе ихъ старшаго по развитію товарища въ народной средѣ, что они находятъ въ этой средѣ если не всегда ясно выраженныя, то всегда сильно чувствуемыя стремленія и требованія, согласныя, хотя бы частично, со стремленіями и требованіями принятой ими программы.—Крестьяне все настойчивѣе и яснѣе сознаютъ, что не на кого имъ больше надѣяться для полученія необходимой имъ земли, и готовы подняться на завоеваніе своей кормилицы. Соц.-революціонеры, сознавая безусловную справедливость ихъ требованія на землю и признавая неизбѣжность народнаго возстанія для захвата земли,—обязаны дѣлать всѣ усилія для того, чтобы помочь крестьянамъ организоваться въ возможно болѣе обширные союзы, для единовременнаго и планомѣрнаго дѣйствія съ цѣлью возстанія.

Соц.-революціонеры, сознавая въ то же время, что весь ходъ возстанія, отъ первыхъ его проявленій и до послѣдней, побѣдной его фазы, будетъ сопровождаться жестокими и все усиливающимися нападеніями со стороны правительства, въ лицѣ всевозможныхъ его служителей,—должны на ряду съ организаціей союзовъ крестьянскихъ организовывать въ ихъ средѣ боевыя дру-

жины, имѣющія цѣлью какъ защиту возставшихъ отъ внутренняго врага ихъ (отъ всей полицейской правительственной организаціи), такъ и нападеніе на этого врага при всякомъ удобномъ случаѣ.

Если партія соц.-рев. сколько-нибудь успѣшно выполнитъ, по отношенію къ крестьянскому движенію, эти двѣ задачи первостепенной важности, то это будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы она заручилась довѣріемъ крестьянства и могла бы принимать вполнѣ опредѣленное и серьезное участіе въ дѣлѣ устройства народной жизни послѣреволюціоннаго періода; что особенно важно для этой партіи, какъ носительницы идеаловъ народной революціи, а не буржуазной; какъ партіи, которая не остановится ни на какомъ частичномъ успѣхѣ, но до конца и безпрерывно будетъ бороться за свѣтлые идеалы соціализма.

Останавливаясь здѣсь, главнымъ образомъ, на участіи партіи соц.-рев. въ крестьянскомъ движеніи, я имѣю въ виду, во-первыхъ, запросы нѣкоторыхъ молодыхъ товарищей по этому дѣлу, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что съ переходомъ земли въ руки трудящагося народа, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто прилагаетъ свой трудъ къ обработкѣ земли,—положеніе всѣхъ заводскихъ, фабричныхъ и городскихъ рабочихъ кореннымъ образомъ измѣняется въ пользу этихъ послѣднихъ. Ихъ борьба облегчится. Изъ лагеря враговъ народныхъ исчезнетъ одна изъ вѣковѣчныхъ опоръ общественной несправедливости—помѣщичій классъ, подкошенный подъ свой жизненный корень, то есть владѣніе землею. Не будетъ на рабочихъ такъ тяготѣть соперничество полуголодныхъ крестьянъ, отъ безземелья бѣгущихъ въ городъ и сбивающихъ заработки рабочихъ; откроется возможность повышать заработную плату тѣхъ изъ нихъ, которые останутся работать у хозяевъ. Ибо не надо забывать, что фактъ перехода земли въ руки трудящагося народа, на общинныхъ началахъ, повлечетъ за собою и коренное измѣненіе всѣхъ общественныхъ отношеній и передастъ въ руки народа власть законодательную, которая, безъ всякаго сомнѣнія, выразится въ преобразованіи всей финансовой государственной системы и въ болѣе справедливомъ распредѣленіи государственныхъ и общественныхъ расходовъ и доходовъ, которые будутъ употреблены не только на народное образованіе, но и на улучшеніе какъ земледѣльческаго, такъ и промышленнаго хозяйства страны. Дѣло самихъ рабочихъ воспользоваться этими улучшеніями въ своемъ положеніи и продолжить дѣло борьбы съ частной собственностью, начатое завоеваніемъ земли. Если они сумѣютъ это сдѣлать, то крестьяне и рабочіе станутъ не только полноправными гражданами страны своей, но и вершителями своей судьбы, полными хозяевами своей личности и своего труда; распорядителями тѣхъ богатствъ, которыя даетъ имъ свободный трудъ на свободной землѣ.

Іюнь 1905 г. *Е. Брешковская*

Ортодоксальные марксисты и крестьянскій вопросъ.

Было время, когда россійскіе соціальдемократы игнорировали самымъ основательнымъ образомъ крестьянскій вопросъ. Чтобы стать закономѣрнымъ объектомъ ихъ заботливости, крестьянинъ долженъ былъ предварительно «освободиться» отъ земли, «вывариться въ фабричномъ котлѣ» и т. д. До тѣхъ же поръ, пока исторія—при благосклонномъ въ сторону капитализма нейтралитетѣ соціальдемократіи—не продѣлала надъ ними этихъ операцій, крестьянинъ не могъ быть достойнымъ вмѣстилищемъ «пролетарскаго самосознанія», и роль его ограничивалась тѣмъ, что въ соціальдемократической классификаціи общественныхъ силъ, онъ фигурировалъ, какъ одинъ изъ многочисленныхъ реакціонно-буржуазныхъ элементовъ.

Нельзя отрицать, что такое отношеніе россійской соціальдемократіи къ крестьянскому вопросу являлось вполнѣ правильнымъ и очень заманчивымъ по своей кажущейся простотѣ выводомъ изъ основныхъ положеній ортодоксальнаго марксизма. Все для пролетарія и при посредствѣ пролетарія! Русская дѣйствительность какъ бы взяла на себя задачу втеченіе долгихъ годовъ наглядно иллюстрировать правильность этой доктрины. Время возникновенія и расцвѣта соціальдемократическихъ идей въ Россіи —восьмидесятые и девяностые годы—является однимъ изъ мрачныхъ періодовъ русской общественной жизни. Безнадежная повидимому тишь да гладь царили тогда на поверхности ея, и фабричный рабочій, «пролетарій», казался единственнымъ элементомъ, на который можно было возлагать сколько-нибудь серьезныя надежды въ смыслѣ революціоннаго воздѣйствія на существующій порядокъ вещей. Интеллигентъ-буржуа ушелъ въ толстовство, ничшеанство или пристегнулся къ марксизму, поскольку послѣдній «научно» обосновывалъ, узаконялъ его сознательныя или безсознательныя вожделѣнія (отсюда порода «марксистообразныхъ»). Что же касается мужика, то онъ, какъ подъяремный волъ, вообще страдалъ молча, а когда надумывался протестовать, то протестъ выливался въ уродливую форму какихъ-нибудь «лежачихъ бунтовъ» или избіенія санитарнаго персонала. Спрашивается, что оставалось дѣлать соціальдемократіи, какъ не сугубо увѣровать въ

непогрѣшимость ортодоксальной доктрины примѣнительно къ Россіи и, поскольку дѣло шло о мужикѣ, безстрастно присутствовать при «логическомъ развитіи внутреннихъ противорѣчій» россійскаго строя?

Тѣмъ временемъ въ глубинѣ народныхъ массъ шла внутренняя работа, дѣйствіе которой стало мало по малу проявляться наружу. На гладкой поверхности русской общественной жизни появилась зыбь. Мертвая и мертвящая тишина все чаще и чаще стала прерываться человѣческими голосами, среди которыхъ всякій сознательный соціалистъ съ радостью впервые привѣтствовалъ молодой голосъ русскаго рабочаго. А мужикъ все продолжалъ молчать. Но вотъ нежданно-негаданно для многихъ и онъ заговорилъ, да заговорилъ такъ, что и глухіе услышали. Соціальдемократы всполошились: это не входило въ программу! Что дѣлать? Оставаясь вѣрными своей доктринѣ, они должны были бы всѣми силами воспрепятствовать требованіямъ крестьянства, такъ какъ осуществленіе этихъ требованій неминуемо повело бы къ упроченію нынѣ въ конецъ раззореннаго мелкаго крестьянскаго хозяйства, и тѣмъ надолго задержало бы процессъ пролетаризаціи мужика. Съ другой стороны, соціально-революціонное значеніе крестьянскихъ требованій было слишкомъ велико, чтобы претендующая на жизненность партія могла ихъ игнорировать. И вотъ у соціальдемократовъ начинаетъ возникать компромиссъ между непогрѣшимостью ихъ доктрины и напоромъ дѣйствительности. Первые шаги россійской соціальдемократіи на пути этого компромисса носятъ поистинѣ трогательный, хотя и комическій, характеръ. Подобно легендарному ученику, который, не зная, нужно ли поставить въ диктовкѣ запятую или нѣтъ, поставилъ маленькую запятую,—смущенные духомъ соціальдемократы рѣшились сдѣлать маленькую брешь въ доктринѣ и предложили крестьянамъ знаменитые «отрѣзки».

Какъ ни неожиданно было такое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, оно являлось знаменательнымъ и утѣшительнымъ фактомъ: оно показывало, что въ нѣдрахъ россійской соціальдемократіи существовало здоровое революціонное ядро, которое болѣе или менѣе реагировало на требованія жизни и не совсѣмъ укладывалось въ узкія рамки, начертанныя непогрѣшимой доктриной. Дальнѣйшій ходъ событій только яснѣе очертилъ и усилилъ эту дифференціацію внутри самой соціальдемократіи. Для всякаго безпристрастнаго и вдумчиваго наблюдателя вполнѣ очевидно, что распаденіе россійской соціальдемократіи на «большинство» и «меньшинство» вызвано не только соперничествомъ вожаковъ за «дирижерскую палочку», а и болѣе глубокими причинами. Въ то время, какъ «большинство» замѣтно обнаруживаетъ извѣстный революціонный темпераментъ и старается идти на встрѣчу жизни, прикрывая, какъ можетъ, бреши, сдѣланныя въ доктринѣ, «меньшинство» безъ компаса блуждаетъ въ дебряхъ этой самой доктрины и нерѣдко натыкается на ту тропу, которая нѣкогда благополучно привела

г. Струве изъ стана ортодоксальныхъ марксистовъ въ лагерь умѣренно-либеральной буржуазіи.

Извѣстная всѣмъ резолюція III съѣзда знаменуетъ собою рѣшительный поворотъ болѣе революціонной части соціальдемократіи въ сторону идей, которыя легли въ основу нашей партійной программы. Въ самомъ дѣлѣ, не является ли революціонная конфискація помѣщичьихъ и другихъ земель возставшимъ крестьянствомъ ближайшимъ преддверіемъ той соціализаціи земли, которая, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ осуществиться уже втеченіе переживаемой нами фазы русской соціальной жизни?

Хотя «уроки жизни» такимъ образомъ не пропадаютъ даромъ для революціонныхъ соціальдемократовъ и даже начинаютъ выводить ихъ изъ узкихъ рамокъ ортодоксальнаго марксизма, но наивно было бы ожидать отъ нихъ, чтобы они сразу дали теоретическую санкцію совершающемуся неизбѣжному факту и признали недочеты ортодоксальной доктрины. Кто же не знаетъ, что людямъ труднѣе всего справиться съ собственными предразсудками? И мы видимъ, дѣйствительно, что руководитель революціоннаго соціальдемократическаго большинства, г. Ленинъ, всѣми силами старается доказать, что онъ остается вѣренъ ортодоксальному марксизму, предлагая и помогая крестьянству захватить безъ выкупа всю землю! Получается такая картина: «меньшинство» его укоряетъ—совершенно основательно по нашему мнѣнію—въ отступничествѣ отъ правовѣрія; г. Ленинъ утверждаетъ, что онъ и есть самый настоящій ортодоксальный марксистъ, и что «меньшинство» эволюируетъ (по слѣдамъ г. Струве?) «въ сторону либерально-буржуазнаго монархизма» (sic), а между «большинствомъ» и «меньшинствомъ» сидитъ г. Плехановъ и провозглашаетъ: «ортодоксальный марксизмъ—это я».

До чего доходитъ органъ «большинства» въ своемъ стремленіи удержать на себѣ покровъ ортодоксальнаго марксизма, который немилосердно стягиваютъ съ него и «Искра» и г. Плехановъ, показываетъ статья: «Отношеніе соціальдемократіи къ крестьянскому движенію» въ № 16 «Пролетарія», написанная по поводу «Открытаго письма» одного обуреваемаго сомнѣніями «окружнаго организатора». Оно является какъ бы отвѣтомъ г. Ленина на нападки г. Плеханова. Остановимся нѣсколько на ней.

Извѣстно, что г. Плехановъ сидитъ, по излюбленному выраженію г. Ленина, «въ болотѣ». Не менѣе извѣстно, что г. Плехановъ въ высокой степени обладаетъ даромъ распознавать, откуда и куда дуетъ вѣтеръ. Какъ, несмотря на этотъ драгоцѣнный даръ природы, онъ все таки угодилъ въ болото, объ этомъ въ свое время разскажетъ нашимъ потомкамъ исторія. Но фактъ тотъ, что «въ болотѣ» онъ сидитъ и, сидя тамъ, наблюдаетъ. И видитъ онъ, что г. Ленинъ, самъ того не замѣчая, эмансипируется въ своихъ дѣйствіяхъ отъ путь ортодоксальной доктрины и крупными шагами идетъ по новому для него пути. Если г. Ленинъ и могъ бы, какъ нѣкогда Буланже, сказать: «Je ne sais pas ou je vais, mais

j'y vais résolument» (я не знаю, куда иду, но иду я туда рѣшительно), то старый воробей, г. Плехановъ, сразу видитъ и вѣрно оцѣниваетъ всякое положеніе и отлично умѣетъ, когда это ему выгодно, называть вещи ихъ настоящими именами. Онъ предрекаетъ не безъ злорадства г. Ленину, что скоро, очень скоро для него и друзей его «сдѣлается неизбѣжнымъ шагъ, многимъ изъ васъ кажущійся теперь ненужнымъ и невозможнымъ. Вы должны будете идти вмѣстѣ съ «соціалистами-революціонерами», съ тѣмъ отрядомъ россійской революціонной арміи, который уже теперь маршируетъ подъ знаменемъ, хозяйско-пролетарской диктатуры. Не только согласиться съ «соціалистами-революціонерами» относительно тѣхъ или иныхъ революціонныхъ дѣйствій—подобное соглашеніе вполнѣ допустимо и даже необходимо «по нонѣшнему времени»,—а именно пойти вмѣстѣ, въ тѣсномъ союзѣ, нога въ ногу и плечо съ плечомъ. И тогда «соціалисты-революціонеры» съ торжествомъ воскликнутъ: соціаль-демократія перестала существовать!»*)

Несмотря на всю его «твердость», г. Ленинъ далеко не равнодушенъ къ маленькимъ паѳянскимъ стрѣламъ, которыя пускаетъ въ него время отъ времени его загнанный въ болото другъ-врагъ. И вотъ онъ подъ видомъ наставленія «окружному организатору» старается увѣрить публику, что его аграрная программа является прямымъ и логическимъ выводомъ изъ основныхъ положеній ортодоксальнаго марксизма.

«Окружнаго организатора» обуяло прежде всего сомнѣніе теоретическаго характера. Въ резолюціи III съѣзда рекомендуется поддерживать революціонныя мѣропріятія крестьянства «вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель». «Окружный организаторъ» спрашиваетъ: «Можетъ ли соціаль-демократія поддерживать экспропріацію тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя подвергаются обработкѣ самымъ интенсивнымъ образомъ съ примѣненіемъ машинъ, высшихъ культуръ и т. д.?» Переходъ этихъ земель въ руки мелко-буржуазныхъ собственниковъ (сирѣчь крестьянъ) является шагомъ назадъ въ смыслѣ капиталистическаго развитія даннаго хозяйства». А потому «окружный организаторъ» предлагаетъ къ пункту объ экспропріаціи прибавить оговорку: «если экспропріаціи этихъ земель въ крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будетъ высшей формой развитія даннаго хозяйства на данной землѣ.»

Бѣдный «окружной организаторъ» не видитъ, что, снявши голову, онъ плачетъ по волосамъ. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь оградить престижъ непогрѣшимой доктрины, онъ хотѣлъ бы спасти отъ рукъ крестьянъ образцовыя помѣщичьи хозяйства. Ну, а среднія помѣщичьи хозяйства или даже большая часть низшихъ, развѣ они не являются высшей формой капиталистической эксплуата-

*) «Дневникъ соціаль-демократа» Г. В. Плеханова, № 2, стр. 36.

ціи въ сравненіи съ безнадежно-нищенскимъ хозяйствомъ крестьянина? Вѣдь если критеріемъ «высшей формы» считать исключительно состояніе производительности участка, какъ это дѣлаютъ марксисты, то нельзя же забывать того извѣстнаго, статистикой установленнаго факта, что средняя урожайность помѣщичьихъ земель всюду выше средней урожайности земель крестьянскихъ!

Что касается «оговорки», которую «окружной организаторъ» предлагаетъ внести въ резолюцію, то мы слишкомъ цѣнимъ его искреннее отношеніе къ дѣлу, чтобы имѣть жестокость настаивать на ней.

При всей ихъ трогательной наивности, сомнѣнія, высказанныя «окружнымъ организаторомъ», вполнѣ опредѣленно ставятъ передъ соціальдемократіей роковой вопросъ: можетъ ли она, оставаясь вѣрною ортодоксальному марксизму, проповѣдывать и поддерживать захватъ земли крестьянствомъ? Г. Плехановъ можетъ очень недвусмысленно отвѣтить на этотъ вопросъ, отбросивъ г. Ленина чуть ли не въ ряды соціалистовъ-революціонеровъ. Что отвѣчаетъ на него г. Ленинъ? Онъ не отвѣчаетъ, а уклоняется отъ отвѣта. «Окружной организаторъ» говоритъ: какъ быть съ интенсивными хозяйствами? Если позволить крестьянамъ захватить ихъ, то это будетъ шагомъ назадъ въ смыслѣ ортодоксальной схемы. Г. Ленинъ отвѣчаетъ: «Вы произвольно суживаете резолюцію III-го съѣзда. Въ ней ни слова не говорится, «кому отдать отнятое». Затѣмъ онъ объясняетъ, что вопросъ этотъ оставленъ умышленно открытымъ, такъ какъ «при демократической республикѣ соціальдемократія не можетъ зарекаться и связывать себѣ руки по отношенію къ націонализаціи земли».

Съ сожалѣніемъ констатируемъ, что г. Ленинъ уподобился въ этомъ случаѣ страусу, который, видя опасность, прячетъ голову подъ крыло и думаетъ, что это его спасетъ. Спрятавшись за демократическую республику, г. Ленинъ думаетъ, что побѣдоносно разрѣшилъ затруднительный вопросъ. А между тѣмъ онъ не только не разрѣшилъ его, но даже обострилъ. Въ резолюціи не сказано, «кому отдать отнятое». Раньше, чѣмъ рѣшить, кому будетъ отдано отнятое, надо опредѣлить, кто будетъ отнимать. На счетъ послѣдняго пункта, кажется, разногласія не можетъ быть: отнимать землю будетъ только возставшее крестьянство, потому что оно есть и будетъ главнѣйшимъ факторомъ грядущей аграрной революціи. А, разъ захвативши землю, крестьянство несомнѣнно удержитъ ее въ своихъ рукахъ, потому что при демократической республикѣ, которая будетъ прямымъ порожденіемъ всенароднаго возстанія, не будетъ въ наличности такой организованной общественной группы, которая въ состояніи была бы вырвать землю у крестьянъ. Такимъ образомъ совершенно независимо отъ того, будетъ ли соціальдемократія «зарекаться и связывать себѣ руки», или нѣтъ, при демократической республикѣ земля будетъ въ рукахъ крестьянъ, а такъ какъ $^{9}/_{10}$ трудового крестьянства въ классификаціи г. Ленина фигурируютъ въ каче-

ствѣ мелко-буржуазнаго элемента, то оказывается, что, помогая крестьянству экспропріировать помѣщиковъ, г. Ленинъ безсознательно содѣйствуетъ водворенію мелко-буржуазнаго хозяйства на развалинахъ болѣе или менѣе развитыхъ уже формъ капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства. Это ли не «шагъ назадъ» съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма?

Г. Ленинъ старается дальше замаскировать слабость своей позиціи ссылкой на отличіе соціальдемократовъ отъ «мелко-буржуазныхъ соціалистовъ-революціонеровъ» (для первыхъ «центръ тяжести т е п е р ь—революціонно-демократическая сторона крестьянскихъ возстаній», вторые «напираютъ на соціализацію и т. п.») или на провозглашаемую въ резолюціи необходимость «очищенія революціонно-демократическаго содержанія крестьянскаго движенія отъ всякихъ реакціонныхъ примѣсей» (читай: отъ требованія соціализаціи земли).

Но все это—«слова, слова, слова», которыя ничего не измѣняютъ въ томъ очевидномъ для всѣхъ фактѣ, что люди, считающіе себя ортодоксальными марксистами, подъ напоромъ жизни и нашей партійной работы, вынуждены требовать теперь же перехода всей земли въ руки всего крестьянства. Также мало помогаетъ дѣлу и «марксистская точка зрѣнія», которую развиваетъ дальше г. Ленинъ, и которая состоитъ въ томъ, что «мы сначала поддерживаемъ, до конца, всѣми мѣрами, до конфискаціи,—крестьянина вообще противъ помѣщика, а потомъ (и даже не потомъ, а въ то же время) мы поддерживаемъ пролетаріатъ противъ «крестьянина вообще». Зачѣмъ понадобилось поддерживать сначала «крестьянина вообще» противъ помѣщика, а потомъ (т.-е. въ то же время) поддерживать пролетаріатъ противъ «крестьянина вообще» вмѣсто того, чтобо сразу поддерживать пролетаріатъ противъ помѣщика, и при чемъ тутъ марксизмъ, одинъ аллахъ вѣдаетъ.

Мораль всего вышесказаннаго такова:

Подъ напоромъ дѣйствительности рамки ортодоксальнаго марксизма, въ которыя повидимому съ успѣхомъ укладывалась до сихъ поръ русская жизнь, разрываются въ ихъ наиболѣе слабыхъ пунктахъ. Крестьянскій вопросъ, который втеченіе долгаго времени повидимому закономѣрно игнорировался соціальдемократіей, выдвинулся на первый планъ русской общественной жизни, и историческая необходимость заставляетъ соціальдемократію занять по отношенію къ нему опредѣленную позицію. Та же историческая необходимость вынуждаетъ болѣе революціонную часть соціальдемократіи занять единственно возможную теперь позицію, а именно: т р е б о в а т ь п е р е х о д а з е м л и в ъ р у к и к р е с т ь я н ъ. Всѣ попытки, направленныя къ тому, чтобы примирить новый курсъ, котораго держится соціальдемократическое «большинство», съ требованіями ортодоксальной доктрины, фатальнымъ образомъ должны оказаться тщетными, ибо нельзя втиснуть въ доктрину тѣ явленія, на которыя она не разсчитана. Марксизмъ не предвидѣлъ, что многомилліонное русское крестьянство со всѣми

его «пережитками» стараго станетъ во имя земли и воли дѣлать революцію наряду съ организованнымъ уже до извѣстной степени пролетаріатомъ и съ не привыкшей революціонно отстаивать свои классовые интересы буржуазіей. Это приводитъ насъ къ заключенію, что схема ортодоксальнаго марксизма не есть непреложный законъ, которому неизмѣнно слѣдуетъ развитіе всѣхъ обществъ, ставшихъ на путь капиталистическаго производства, а гипотеза, которая, мы глубоко убѣждены въ этомъ, вѣрно опредѣляетъ только общее направленіе этого развитія. Мы вѣримъ, что капиталистическія общества твердыми шагами идутъ къ осуществленію соціалистическаго строя, но мы не смѣшиваемъ гипотезы съ закономъ и не беремся утверждать, что стадіи, черезъ которыя пройдетъ въ своемъ развитіи Россія, необходимо должны быть тождественны съ тѣми, черезъ которыя прочли наиболѣе «классическія» страны капитализма Западной Европы. Для такого утвержденія у насъ нѣтъ достаточно научныхъ данныхъ: факторы соціальной жизни такъ многочисленны и такъ многообразны, что учесть ихъ всѣ съ математической точностью не представляется пока человѣчески возможнымъ. Это значитъ, что, оставаясь обѣими ногами на почвѣ научнаго соціализма, можно и должно искать новыхъ путей, когда старые оказываются неудовлетворяющими требованіямъ дѣйствительности.

Г. Ленинъ упоминаетъ какъ то о своей «научной совѣсти», которой онъ не измѣняетъ. Будемъ надѣяться, что она поможетъ ему примирить теорію съ практикой и выйти изъ того заколдованнаго круга, въ который ложенаучныя толкованія ортодоксовъ стремятся заключить подлежащее дальнѣйшему развитію великое ученіе Маркса.

Сентябрь 1905 г. *А. Бахъ.*

Студенчество и революція.

«Легче воспринимать новыя идеи—есть привилегія юности». Уже давно сказаны эти глубоко-вѣрныя слова, отмѣчающія фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ идейнымъ и политическимъ новаторамъ. Юность, съ ея гибкимъ, еще не закостенѣвшимъ умомъ, съ ея жаждой правды, еще не примирившейся съ возможностью полуудовлетворенія, съ ея смѣлымъ стремленіемъ ничего не принимать на вѣру, не полагаться ни на какіе авторитеты, а все провѣрить собственнымъ критическимъ умомъ,—эта юность менѣе всего способна остаться глухой къ новой идеѣ, пробивающейся сквозь тѣснины предразсудковъ и традиціонныхъ взглядовъ. И, само собою понятно, эти лучшія черты юности съ особенной силой должны сказываться въ учащейся молодежи вообще и въ студенчествѣ —въ частности. Время, когда главное содержаніе жизни составляетъ ознакомленіе съ высшими продуктами міровой мысли, когда практическія, житейскія заботы еще не успѣли захватить человѣка и втянуть его въ тину мелочныхъ разсчетовъ и хлопотъ объ устройствѣ своей карьеры—это время, конечно, болѣе всего благопріятно пробужденію въ человѣкѣ безкорыстныхъ и чистыхъ стремленій, идеальныхъ мотивовъ и интересовъ. И даже люди, природные задатки и воспитаніе которыхъ впослѣдствіи влекутъ ихъ на стезю самаго грязнаго и неразборчиваго карьеризма, бываютъ часто не въ силахъ противостоять этой всезахватывающей волнѣ юношескаго энтузіазма, и «смолоду бываютъ молоды». Дряблыя и гнилыя натуры не перестаютъ, конечно, быть самими собой, но онѣ покрываются сверху тонкою корою новыхъ чувствъ и привычекъ, легкимъ внѣшнимъ идейнымъ налетомъ. Въ послѣдующей жизни онъ быстро слетитъ, сотрется, какъ стирается яркая и красивая позолота съ потертаго, подержаннаго мѣднаго сосуда.... Въ нашей литературѣ люди этого рода были мѣтко уподоблены мягкому желѣзу, отъ соприкосновенія съ магнитомъ быстро пріобрѣтающему всѣ магнитныя свойства, но такъ же быстро теряющему ихъ, какъ скоро оно лишается на долгое время этого соприкосновенія. Фактъ существованія такихъ «размагниченныхъ интеллигентовъ» заставлялъ многихъ переходить къ самому скептическому взгляду на значеніе академической молодежи и ея идейныхъ порывовъ. Но справедливо-ли это? Не логичнѣе-ли взглянуть на обратную сторону медали? Не свидѣтельствуетъ-ли этотъ фактъ

о силѣ идеалистическихъ стремленій молодежи,—разъ имъ, хотя бы временно, покоряются такія натуры, которыя впослѣдствіи оказываются способными на все, кромѣ безкорыстнаго увлеченія?

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ студенчество сдѣлалось замѣтнымъ факторомъ нашей общественной жизни. Кромѣ отзывчивости и воспріимчивости, было еще одно свойство, которое вліяло въ этомъ смыслѣ: это—организованность передового студенчества.

Студенческія организаціи существуютъ, какъ кажется, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуютъ наши университеты; существуютъ, несмотря на всѣ запрещенія. Власти, въ концѣ концовъ, вынуждены были считаться съ существованіемъ этихъ организацій, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. И студенческія организаціи росли, развивались, кристаллизуясь въ стройныя, разнообразныя и сложныя формы.

Элементарнѣйшія земляческія организаціи, захватывающія огромную массу студенчества; между-земляческіе союзы, со своими союзными совѣтами и судебными коммиссіями, на основѣ демократическаго выборнаго начала; кружки саморазвитія; кружки съ болѣе спеціальнымъ подборомъ членовъ и болѣе практическими задачами; союзы этихъ кружковъ; организаціонные комитеты, иниціативныя группы, боевые кружки обструкціонистовъ и т. п. —всѣ эти многообразные типы, вмѣстѣ взятые, разомъ удовлетворяли двумъ требованіямъ: широкому обхвату средней студенческой массы и обособленной организаціи сознательнаго, иниціативнаго, революціоннаго меньшинства студенчества.

Объединяясь въ спеціальныхъ организаціяхъ, передовое студенчество получало возможность столковаться, спѣться и выступать въ качествѣ группы, сильной своимъ единствомъ, своей убѣжденностью и рѣшительностью. Входя въ обще-студенческую организацію, оно обезпечивало себѣ связь съ студенческой массой, постоянное вліяніе на нее. Тѣмъ и другимъ вмѣстѣ оно обезпечивало себѣ руководящую роль въ движеніяхъ всего студенчества.

Враждебно сталкиваясь съ полицейскимъ режимомъ университетовъ, съ неумной и злобной цензурой, сковывавшей университетскую науку и свободу рѣчи профессора, это передовое меньшинство прекрасно видѣло связь, которая существуетъ между общимъ режимомъ, сдавливавшимъ въ своихъ желѣзныхъ, мертвящихъ тискахъ всю Россію, и его частичнымъ проявленіемъ въ спеціальной области высшаго образованія. Усматривая въ болѣзняхъ университетской жизни лишь симптомъ, лишь отголосокъ общихъ недуговъ, которыми болѣла страна, передовое студенчество поставило себѣ задачу связать свою, студенческую борьбу, съ общей освободительной борьбой. И такъ какъ въ Россіи только соціально-революціонная партія и вела активную борьбу за дѣло освобожденія трудовой Россіи отъ сложныхъ формъ самодержавно-дворянско-плутократическаго режима, то это значило—войти въ ряды борцовъ, идущихъ подъ знаменемъ революціоннаго соціализма.

Втягиваясь въ борьбу между Россіей командующихъ классовъ, т.-е. Россіей оффиціальной и «подпольной Россіей», передовое студенчество стремилось въ интересахъ этой борьбы использовать и всю общестуденческую организацію, и все общестуденческое движеніе. Но здѣсь-то, въ этомъ вопросѣ, и предстояло ему пройти между своего рода Сциллой и Харибдой. Къ счастью, теперь мы уже можемъ сказать, что современное студенческое движеніе благополучно миновало ихъ,—но пока это случилось, на долю какъ той, такъ и другой досталось не мало жертвъ.

* * *

«Наше движеніе—говорили одни—общестуденческое, университетское. Для того, чтобы оно, дѣйствительно, было такимъ, основа, почва его должна быть достаточно широка. Только тогда оно охватитъ массу студенчества, а не одни его передовые кружки. Не навязывайте же этому движенію постороннихъ политическихъ и соціальныхъ лозунговъ. Не идите дальше дѣйствительно-реальныхъ, непосредственныхъ интересовъ, присущихъ студенту, какъ студенту, и легко имъ сознаваемыхъ. Студенческое движеніе, оставаясь на этой спеціальной почвѣ, само по себѣ будетъ имѣть извѣстное политическое значеніе. Или, по крайней мѣрѣ, не торопитесь дѣлать политическихъ выводовъ изъ академическихъ предпосылокъ—предоставьте самому движенію логически ихъ развить».

«Общестуденческое движеніе—миѳъ»—говорили другіе. «Общестуденческихъ интересовъ не существуетъ. Что общаго между студентомъ-буржуа и студентомъ-пролетаріемъ? Узко-корпоративные интересы? Но они слишкомъ мелки, узки, безсодержательны, если ставить ихъ какъ что-то самодовлѣющее. Исходя изъ нихъ, нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ соціально-политическимъ выводамъ. Студенты, которые не хотятъ замкнуться въ узкой сферѣ корпоративныхъ интересовъ, должны распредѣлиться по опредѣленнымъ классамъ, къ которымъ они принадлежатъ. Дѣло «объединенія студенчества»—безцѣльное, заранѣе обреченное на неуспѣхъ дѣло. Студенчеству нужно не объединеніе, а разъединеніе, т.-е. расхожденіе на основѣ классовыхъ различій. Эти классовыя различія должны быть положены въ основу работы среди студентовъ и сдѣланы исходнымъ пунктомъ пропаганды. Студенческое движеніе, какъ нѣчто самостоятельное, никакого значенія въ освободительной борьбѣ сыграть не можетъ, и затраченныя на это силы —погибшія даромъ силы».

Два эти воззрѣнія, на первый взглядъ столь противоположныя, сходились въ одномъ—въ отрицаніи намѣченной студенческими организаціями и выше достаточно охарактеризованной тактики. Передовое меньшинство именно стремилось и надѣялось создать такое крѣпкое и сплоченное организованное ядро, которое бы задавало тонъ студенческому движенію въ его цѣломъ, окрашивало

бы его своими стремленіями, руководило бы организованнымъ студенчествомъ. Оно именно надѣялось, что при такихъ условіяхъ студенческое движеніе сможетъ сыграть крупную роль въ общемъ освободительномъ движеніи, дѣйствуя не только въ опредѣленно-прогрессивномъ или либеральномъ смыслѣ, но въ духѣ интересовъ трудящихся массъ; что, словомъ, еще рано хоронить въ Россіи студенческое движеніе. Пусть въ большинствѣ европейскихъ странъ студенчество успѣло обуржуазиться, остыть, увязнуть въ узкихъ рамкахъ корпорацій самодовольныхъ «буршей». На это были и есть свои спеціальныя условія. Да развѣ не знало и западное студенчество своей революціонной весны? И развѣ въ самое послѣднее время въ западномъ студенчествѣ не пробивается опять все сильнѣе и сильнѣе идейная струя?

Повторяю, на практикѣ оба теченія, охарактеризованныя выше, подрывались подъ постановку задачъ организованнаго студенчества. И когда въ студенческомъ движеніи кончился подготовительный періодъ, періодъ накопленія силъ и организаціи ихъ; когда начались первыя попытки организованнаго студенчества выступить въ общественной борьбѣ—эти попытки наткнулись на сопротивленіе съ двухъ сторонъ. Когда активное революціонное студенчество въ Москвѣ попыталось впервые устроить уличную демонстрацію въ память ходынскихъ жертвъ, а въ Кіевѣ—вмѣстѣ съ мѣстной группой соціалистовъ-революціонеровъ—въ память трагической гибели Маріи Вѣтровой,—то на одномъ флангѣ оно встрѣтило оппозицію сторонниковъ «академизма», а на другомъ—сторонниковъ ультра-классовой точки зрѣнія. Именно тогда московская и кіевская соціальдемократическія организаціи обратились съ призывомъ къ рабочимъ—не приставать къ «чужому» для нихъ студенческому движенію, и держаться строго на почвѣ экономической борьбы труда съ капиталомъ. Онѣ обратились и съ призывомъ къ студентамъ—стремиться къ «разъединенію вмѣсто объединенія».

Въ письмѣ къ «Кіевскимъ сознательнымъ рабочимъ» мѣстная соціальдемократическая группа, между прочимъ, говорила: «Товарищи! Сегодня, въ воскресенье 23-го марта, можетъ произойти повтореніе тѣхъ студенческихъ волненій, которыя были 18-го и 19-го. Въ виду того, что нѣкоторые рабочіе думаютъ участвовать въ этихъ волненіяхъ и привлечь къ волненію своихъ товарищей, мы считаемъ нужнымъ высказаться на этотъ счетъ.... Приблизимся-ли мы хоть сколько-нибудь къ побѣдѣ надъ деспотизмомъ тѣмъ, что примемъ участіе въ предполагаемой демонстраціи? Мы убѣждены, что не только не приблизимся, но, напротивъ, отдалимся... Во имя успѣховъ русскаго рабочаго движенія, во имя скорѣйшаго сверженія ига самодержавія, мы убѣждаемъ васъ, сознательные товарищи, предотвратить участіе рабочихъ въ предстоящихъ волненіяхъ».

Еще рѣшительнѣе и рѣзче высказалась по поводу «ходынской» студенческой демонстраціи соціальдемократическая группа, назы-

вавшая себя «Центральнымъ комитетомъ Московскаго Рабочаго Союза». Въ тотъ самый моментъ, когда московское студенчество расширяло свое движеніе, переходя на почву общеполитическаго протеста, оно услышало не сердечный привѣтъ борцовъ революціи, увидѣло не протянутую руку помощи, а—по какому-то странному недоразумѣнію—запоздалый и несправедливый выговоръ. «Студенческія исторіи никогда ни къ чему не приводили»—говорилось, между прочимъ, въ прокламаціи «Центральнаго Комитета»—«онѣ лишь вырывали лучшихъ представителей изъ вашей среды».... «Что дѣлало студенчество за послѣдніе годы? Оно совершенно оторвалось отъ общественной жизни, замкнулось въ узкій кругъ своихъ университетскихъ интересовъ и главной своей задачей поставило безцѣльное объединеніе студенчества. Безцѣльное, повторяемъ, потому что не объединеніе студенчества возможно и необходимо въ настоящее время, а его разъединеніе. Что общаго между студентомъ-соціалистомъ и студентомъ-буржуа? Что общаго между умственнымъ пролетаріатомъ и умственной буржуазіей?»

Говорятъ, крайности сходятся. Но между студенческимъ «академизмомъ» и тогдашнимъ соціальдемократизмомъ было не только случайное совпаденіе крайностей. Между ними было и нѣкоторое духовное родство. Въ самомъ дѣлѣ, соціальдемократія вступила тогда въ періодъ «стачкизма», или «экономизма», а между нимъ и «академизмомъ» существовали очень и очень крупныя аналогіи. И нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе перваго сильно сказалось и на второмъ. Что характерно для «экономизма»? Прежде всего—суженіе задачъ движенія культомъ ближайшихъ, непосредственныхъ интересовъ, узко-корпоративной, профессіональной постановкой борьбы, культомъ стихійности, культомъ массъ, требованіемъ приспособленія къ данному уровню ихъ сознанія, отрицаніемъ роли сознательнаго, иниціативнаго революціоннаго меньшинства. И всѣ эти черты, — mutatis mutandis — воспроизводилъ академизмъ. Даже средства борьбы были одинаковы: забастовка въ стѣнахъ самаго университета. Словомъ, академизмъ былъ дѣтищемъ своего времени, отражая въ себѣ то идейное теченіе, которое преобладало и въ революціонной средѣ. Узкая, «чисто-академическая» постановка студенческой борьбы и такая же узкая, чисто-экономическая постановка борьбы пролетаріата создавала пропасть между движеніемъ въ университетахъ и движеніемъ въ рабочихъ кварталахъ. Первые же студенческіе кружки того времени стремились не разъединять, а объединять ихъ.

* * *

Но какъ же быть съ той несомнѣнной истиной, что студенчество не представляетъ собою единаго класса, а есть междуклассовая категорія? Возможна-ли, мыслима-ли прочная борющаяся группа, если скрѣпляющимъ ее цементомъ не является единый классовой интересъ?

Вотъ вопросъ, который долго мучилъ нашу молодежь, который продолжаетъ и теперь мучить многихъ—и не только у насъ, но и на Западѣ. Интересный обмѣнъ мнѣній произошелъ по этому поводу на третьемъ международномъ конгрессѣ студентовъ и бывшихъ студентовъ-соціалистовъ, происходившемъ въ 1900 г. въ Парижѣ.

«Безполезно и пытаться привлечь къ соціализму студентовъ изъ чисто-буржуазнаго класса»,—утверждали одни. «Соціалистическое студенчество возможно лишь тамъ, гдѣ народился интеллигентный пролетаріатъ, и какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ существуетъ въ странѣ. Такимъ образомъ, экономическій интересъ интеллигентнаго пролетаріата—вотъ на что должна исключительно или почти исключительно опираться пропаганда въ студенческой средѣ».

Мы видимъ здѣсь ту-же ультра-классовую теорію, которую противополагали студенческимъ союзамъ наши отечественные ультра-марксисты. Но до какой же степени мало нашлось у нея защитниковъ на конгрессѣ, въ числѣ участниковъ котораго были такіе видные дѣятели соціализма, какъ Гатти и Ферри, Вандервельдъ и Винкъ, Лагарделль и Жоресъ! Громадное большинство, главнымъ образомъ устами Энрико Ферри и Лагарделля, отвѣчало слѣдующее. «На самомъ дѣлѣ нетрудно убѣдиться, что почти всѣ студенты-соціалисты пришли къ соціализму во имя моральныхъ, этическихъ мотивовъ. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о необходимости въ пропагандѣ прежде всего исходить изъ предпосылокъ нравственнаго характера. Затѣмъ эти спонтанейно-возникшія чувства должны быть подкрѣплены аргументаціей другого рода—научно-теоретической. Непрочность юношескаго энтузіазма, способность быстро остывать послѣ вступленія изъ стѣнъ аудиторіи въ практическую жизнь, конечно, существуетъ,—но она въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что соціализмъ одновременно не входитъ въ умы молодежи, какъ органическая часть науки, какъ необходимый логическій выводъ изъ біологическихъ и соціологическихъ наукъ. Обращаясь къ нравственной и идейной сторонѣ студента, мы сдѣлаемъ больше всего. Конечно, вопроса объ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата вовсе не нужно игнорировать; но сдѣлать этотъ вопросъ основой пропаганды было бы наименѣе дѣйствительной и наиболѣе опасной тактикой. Студенты —еще не пролетаріи и не буржуа; они—будущіе пролетаріи, будущіе чиновники, будущіе буржуа. Не слѣдуетъ, однако, взывать къ эгоистическому матеріальному интересу, упреждая даже моментъ его нарожденія. Сосредоточивать вниманіе студенчества на экономическихъ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата, какъ особой категоріи, не значитъ-ли до извѣстной степени заигрывать съ инстинктами карьеризма? Не надо забывать, что самый классовой интересъ, какъ таковой, если его глубже понимать, есть существенно-альтруистическій элементъ, расширяющійся, такъ сказать, во времени и пространствѣ».

Отъ лица большинства Лагарделль предложилъ резолюцію, которая гласила: «конгресъ находитъ, что, обращаясь къ классовому интересу будущихъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, соціалистическая пропаганда въ университетскихъ кругахъ должна въ особенности взывать къ научному духу, моральнымъ чувствамъ и демократическимъ симпатіямъ студенчества». Въ голосованіи, происходившемъ по національностямъ, всѣ, кромѣ Болгаріи и Голландіи, высказались за эту резолюцію. Такимъ образомъ, за ультраклассовую точку зрѣнія оказалось самое меньшинство.

Крайности и увлеченія «экономическаго матеріализма» тѣмъ и соблазнительны, что они,—какъ кажется на первый взглядъ—сводятъ всѣ вопросы съ небесъ отвлеченностей на землю, давая глубоко реалистическое объясненіе всѣмъ вопросамъ, на которые не можетъ дать научнаго отвѣта никакая сентиментальная «идеологія». Но тутъ-то и кроется существенное недоразумѣніе. Какъ? Почему идеологическіе мотивы нереальны? Развѣ происхожденіе и развитіе ихъ не связано неразрывными узами съ общимъ психологическимъ развитіемъ человѣчества? Развѣ этотъ психологическій прогрессъ человѣческой природы не связанъ функціонально съ явленіемъ глубоко «матеріальной» природы—развитіемъ высшихъ нервныхъ центровъ, этихъ средоточій накопленной психической энергіи? Человѣческая природа не неизмѣнна: она развивается въ связи съ общимъ развитіемъ культуры; отъ темныхъ, унаслѣдованныхъ инстинктовъ, отъ безсознательныхъ, традиціонныхъ навыковъ черезъ развитіе аффектовъ она идетъ къ сдерживающему вліянію разсчета, возвышающагося надъ элементарными аффектами и эмоціями, въ качествѣ надстройки надъ ними; но и на этомъ не останавливается психологическій прогрессъ, и надъ отдѣльными разсчетами, въ качествѣ новаго, высшаго объединяющаго начала выростаетъ и формулируется понятіе о «высшемъ благѣ», идеалѣ, въ которомъ учитываются всѣ разсчеты, гармонически объединяются всѣ желанія, всѣ импульсы чувства и воли индивида,—и естественно, что этотъ идеалъ становится высшимъ, руководящимъ принципомъ всей дѣятельности человѣка. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, восходящую лѣстницу психологическаго развитія; отдѣльныя лица и цѣлыя этнологическія группы съ большимъ трудомъ, покупая каждый шагъ тяжелой борьбой, внутренней и внѣшней, медленно поднимаются по этой лѣстницѣ, и въ каждый данный моментъ, по условіямъ своей жизни, могутъ доразвиться до неодинаковой высоты. Мы имѣемъ цѣлыя племенныя группы съ такой элементарной, грубой психологической структурой, при которой они рѣдко въ своемъ поведеніи выходятъ изъ сферы унаслѣдованныхъ навыковъ, инстинктовъ и дикихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, порывовъ аффекта; имѣемъ и культурныя націи, выработавшія тонкую и сложную нервную организацію, служащую основой высшихъ явленій идеологическаго порядка. Наконецъ, въ предѣлахъ каждой данной націи реальныя условія жизни ставятъ различныя натуры въ болѣе или

менѣе счастливыя условія для выработки въ себѣ моральной личности, руководящейся въ своемъ поведеніи научно-обоснованнымъ идеаломъ.

Повторяю, обрисованный выше самыми общими штрихами психологическій прогрессъ, развитіе духовной личности человѣчества, нельзя, конечно, представлять себѣ какимъ-то самодовлѣющимъ, саморазвивающимся процессомъ. Нѣтъ, онъ связанъ тысячью функціональныхъ взаимозависимостей со всѣми другими сторонами культурной и соціальной жизни. Но каковы бы ни были условія его возникновенія и его поступательнаго хода, онъ самъ есть реальный фактъ, съ вліяніемъ котораго нельзя не считаться. Интеллигенція, какъ совокупность лицъ, доразвившихся до способности подчинять высшему критерію идеала все свое поведеніе, объединяя и гармонизируя такимъ образомъ всѣ свои мысли, чувства и дѣйствія,—есть несомнѣнная и растущая сила, и, при томъ, сила внѣклассовая, или, правильнѣе, междуклассовая. Игнорировать ее—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность. Считаться съ ней все равно всякому приходится. Вопросъ лишь въ томъ, считаться-ли съ нею безсознательно, инстинктивно, противъ воли и потому неполно, или считаться прямо и сознательно, не пытаясь себя обманывать. Менѣе всего приходится объ этомъ забывать организованному студенчеству, ибо оно само есть категорія междуклассовая. И оно постольку является самостоятельной силой въ исторіи, поскольку въ его нѣдрахъ развивается и растетъ зародышъ, эмбріонъ этой самой революціонной интеллигенціи.

* * *

«Интеллигенція»! Но развѣ интеллигенція есть единая сила? Развѣ мы не имѣемъ столько же интеллигенцій, сколько классовъ? Развѣ каждый классъ не обладаетъ своей собственной, классовой интеллигенціей?

О да, это, конечно, такъ, или почти такъ. Но не замѣчается-ли, что интеллигентнѣйшіе—въ томъ высшемъ смыслѣ этого слова, о которомъ мы говоримъ—элементы различныхъ классовъ вовсе не прикованы къ нимъ своимъ классовымъ происхожденіемъ, и перекочевываютъ отъ одного класса къ другому? Не наблюдается-ли, что въ различныя времена различные классы обнаруживаютъ неодинаковую притягательную (или, наоборотъ, отталкивающую) силу по отношенію къ нимъ? Не ясно-ли, что тяготѣніе лучшихъ, идеологическихъ силъ страны къ дѣлу различныхъ классовъ есть явленіе не случайное, а вполнѣ закономѣрное?

Соціальное развитіе человѣчества, съ одной стороны, воплощаетъ все большую и большую власть человѣчества надъ природой, а, съ другой стороны, на этой основѣ подготовляетъ возможность всесторонняго, гармоническаго развитія человѣческой личности. Но это развитіе есть сложный и мучительный процессъ.

Въ его поступательномъ ходѣ каждый шагъ покупается борьбой. Различные классы населенія, борясь за свои ближайшіе интересы, опредѣляемые ихъ положеніемъ въ системѣ общественнаго производства и распредѣленія, въ различной степени работаютъ въ направленіи этого процесса или вопреки ему. Чѣмъ яснѣе, при каждомъ данномъ состояніи общественныхъ знаній, солидарность интересовъ даннаго класса съ интересами соціальнаго развитія, —тѣмъ сильнѣе притягательная сила этого класса по отношенію къ лучшимъ интеллектуальнымъ силамъ вѣка. Вотъ почему въ эпоху расцвѣта буржуазнаго строя, въ эпоху его зарожденія и борьбы съ феодальнымъ порядкомъ, весь умственный и моральный цвѣтъ европейскаго общества тяготѣлъ къ буржуазіи, державшей въ своихъ рукахъ бразды колесницы соціальнаго прогресса. Только немногіе прозорливцы предчувствовали вырожденіе верхнихъ слоевъ «третьяго сословія» въ новую аристократію, которая пожелаетъ монополизировать въ своихъ рукахъ плоды культурнаго прогресса и въ извѣстный моментъ остановить колесницу исторіи. Но прошли времена.... Неясныя раньше противорѣчія капиталистическаго строя все развертывались и развертывались, онъ становился все въ большей и большей степени узами для развитія производительныхъ силъ, для культурнаго и соціальнаго прогресса.... Буржуазный порядокъ все болѣе изживаетъ свое творческое, положительное содержаніе, его отрицательныя, темныя стороны все болѣе и болѣе заслоняютъ собою свѣтлыя и созидательныя... Удивительно-ли, что и взоры лучшихъ людей страны естественно обращаются къ новой силѣ, неумолимо враждебной царству капитала — къ представителямъ эксплуатируемаго труда?

Рабочій классъ въ широкомъ смыслѣ этого слова все болѣе и болѣе становится не только самой крупной соціально-политической силой въ новѣйшей исторіи, но—еще раньше—самой крупной интеллектуальной и моральной силой. Вокругъ него группируется все лучшее, все честное, смѣлое, отзывчивое—словомъ, все наиболѣе интеллигентное изъ среды различныхъ классовъ, положеній, состояній. И вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій классъ дѣлается опорой всего высокаго, всего истинно-гуманнаго и благороднаго въ общественной жизни. Движенія, болѣе широкаго, болѣе общечеловѣческаго еще не видала исторія...

То, изъ чего интеллигенція исходитъ, опредѣляя свое поведеніе, не есть классовой интересъ. Нѣтъ, напротивъ: непосредственные интересы различныхъ классовъ она призываетъ, какъ тяжущіяся стороны, на судъ нѣкоторой высшей инстанціи. И эта высшая инстанція—понятіе соціальнаго развитія, состоящаго въ приближеніи къ идеалу свободнаго и разумнаго общежитія, гарантирующаго общее благосостояніе, свободу и гармоническое развитіе личности. Свобода же въ области матеріальной культуры «можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ, чтобы объединенные производители регу-

лировали свой обмѣнъ веществъ съ природой разумно, подчинили бы его своему общему контролю, вмѣсто того, слѣпой силѣ; чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ». Но, поскольку мы здѣсь все еще вращаемся въ сферѣ борьбы за самыя элементарныя условія существованія, и «труда, вынужденнаго нуждой и внѣшней цѣлесообразностью»,—мы еще не выходимъ окончательно изъ царства необходимости, лишь болѣе разумно устроеннаго. «За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое однако можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости»*).

И вотъ почему, становясь на эту глубоко-реальную и въ то же время существенно-идеалистическую точку зрѣнія, даже такой ортодоксальный марксистъ, какъ Карлъ Каутскій, пишетъ: «соціальное развитіе стоитъ для насъ выше, чѣмъ интересы пролетаріата, и соціальдемократія не можетъ защищать такіе пролетарскіе интересы, которые стоятъ поперекъ дороги соціальному развитію. Но въ общемъ, конечно, этого не бываетъ. Теоретическій базисъ соціальдемократіи именно и составляетъ знаніе того факта, что интересы соціальнаго развитія и пролетаріата—совпадаютъ»**).

Нравственная и соціологическая цѣнность классового интереса зависитъ именно отъ такого совпаденія или несовпаденія. Вспомните только крылатыя слова Ф. Лассаля: «Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды, вѣчно жить какъ во враждебной странѣ—и кто же этотъ врагъ?—нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность—вотъ роковая судьба высшихъ классовъ!... Прибавьте къ этому необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и собственнаго разума, или заглушить въ себѣ этотъ голосъ мерзкой практикой, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать,—какъ религію корысти!

«Такая жизнь, господа, необходимо ведетъ къ совершенному презрѣнію и къ пренебреженію всякими идеальными стремленіями. Она дѣлаетъ способнымъ сострадательно усмѣхаться при великомъ имени идеи; она вноситъ глубокую нечувствительность, даже от-

*) К. Марксъ, «Капиталъ», т. III, стр. 678 СПБ. 1896 г.

**) «Die Agrarfrage», стр. 318.

вращеніе ко всему прекрасному и великому; она губитъ всѣ нравственныя начала подъ одной всепоглощающей жаждой своекорыстной выгоды и животнаго наслажденія.

«У низшихъ классовъ этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью, нѣтъ.»

И, обращаясь къ представителямъ этихъ низшихъ классовъ, Лассаль восклицаетъ:

«Вы счастливы, господа, потому что вмѣсто того, чтобы быть мертвыми къ идеѣ, вы предназначены самымъ личнымъ интересомъ вашимъ къ величайшей воспріимчивости къ ней. Вы—счастливцы, потому что вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ бьющимъ пульсомъ исторіи, съ погоняющимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете поэтому съ личною страстью предаваться историческому развитію въ увѣренности, что чѣмъ жарче и жаднѣе будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе».

Вы видите, что идеалистическій, общечеловѣческій моментъ и моментъ «классовой» не только не несовмѣстимы, не только другъ друга не исключаютъ—а, наоборотъ, тѣсно связаны другъ съ другомъ. И эта связь фактически выражается въ союзѣ междуклассовой идеалистической силы революціоной интеллигенціи съ классвой силой огромной массы рабочаго народа. И эта связь, и этотъ союзъ—необходимы. «Сведенный къ пролетаріату наемнаго труда, соціализмъ неспособенъ побѣдить,—говоритъ въ своей посмертной статьѣ В. Либкнехтъ,—но его побѣда обезпечена, если онъ понятъ совокупностью трудящагося народа и цвѣтомъ націи—умственнымъ и моральнымъ ея цвѣтомъ».

По мѣрѣ того, какъ убываетъ положительная, творческая роль капитализма и буржуазіи, по мѣрѣ того, какъ соотвѣтственно возрастаетъ ихъ отрицательная, задерживающая роль—по мѣрѣ этого буржуазія оскудѣваетъ, а ея антиподъ—пролетаріатъ, или, общѣе, рабочій классъ, обогащается умственными и нравственными силами.

Это—процессъ, ареной котораго является весь цивилизованный міръ. Но есть страны, которыя успѣли пережить лучшія времена мятежной юности современнаго порядка, и есть страны, въ которыя онъ проникъ и развился уже тогда, когда «увлеченія юности» были далеко за его плечами, и когда отъ зрѣлаго возраста онъ сталъ уже склоняться къ одряхленію. Есть страны, въ которыхъ совокупность естественныхъ и историческихъ условій способствовала относительно благопріятному соотношенію между положительными и отрицательными, творческими и разрушительными сторонами капитализма; и есть страны, въ которыхъ условія сложились въ прямо противоположномъ смыслѣ.

Въ странахъ первой категоріи, естественно, буржуазіи было легче ослѣпить умственный взоръ значительной части интеллигенціи, легче было найти убѣжденныхъ поклонниковъ, защитниковъ «не токмо за страхъ, но и за совѣсть». Иное въ странахъ

второй категоріи. Здѣсь интеллигенція и буржуазія или въ очень слабой степени, или даже вовсе не думали, не чувствовали и не дѣйствовали въ унисонъ. И удивительно ли? Съ одной стороны, передъ глазами интеллигенціи былъ уже поучительный опытъ передовыхъ странъ, испытавшихъ тяжелое и хмурое похмѣлье послѣ шумныхъ оргій буржуазнаго пиршества. Съ другой, отечественный капитализмъ слишкомъ явно отличался всѣми пороками капитализма другихъ странъ, не обладая въ то же время его преимуществами. Да и сама буржуазія такихъ странъ уже не могла беззавѣтно отдаться тому именинному настроенію, которое испытывалось въ передовыхъ промышленныхъ странахъ вождями «третьяго сословія, искренно и воодушевленно отождествлявшими освобожденіе этого сословія съ освобожденіемъ всего человѣчества. Начавши развиваться уже тогда, когда въ передовыхъ странахъ пролетаріатъ поднялъ знамя возстанія противъ буржуазной культуры, эта буржуазія чувствовала въ отечественномъ пролетаріатѣ своего врага уже въ то время, когда онъ объ этомъ и не задумывался. Наученная опытомъ другихъ странъ, она не торопилась бороться съ монархизмомъ и феодализмомъ, чувствуя, что изъ этого колодца, можетъ быть, еще придется воды напиться. Болѣе расхищая и разрушая, чѣмъ созидая, она чувствовала, что возстановляетъ противъ себя слишкомъ многихъ. Ея хищническіе инстинкты, ея политическая трусость, безпринципность отталкивала отъ нея лучшіе умы. Ей приходилось довольствоваться апологетами второго сорта, не безкорыстно и беззавѣтно убѣжденными людьми, а наемными адвокатами, у которыхъ, въ числѣ главныхъ добродѣтелей, можно было отмѣтить длинныя и цѣпкія руки, гибкій становой хребетъ, глиняную совѣсть, языкъ безъ костей, «а на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга»...

Мудрено ли, что въ такихъ странахъ,—какъ примѣръ, въ особенности могутъ служить Италія и Россія—интеллигенціи съ самаго начала не къ чему было прилѣпиться умомъ и чувствомъ, кромѣ законнаго Прометея—рабочаго народа? Мудрено-ли, что самая исторія революціонно-соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ на первыхъ порахъ была исторіей подвиговъ революціонной интеллигенціи, которая одна, не находя поддержки въ рабочихъ массахъ, долго и страстно пыталась взволновать спокойное народное море то горячей, убѣжденной проповѣдью новаго евангелія соціализма, то громомъ героическихъ подвиговъ, отчаяннаго единоборства съ могучимъ противникомъ? Мудрено-ли, что, вопреки всѣмъ догмамъ о непрочности между-классовыхъ группъ, она дѣсятилѣтіями выносила на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, геній, преслѣдованій? Мудрено-ли, что она сумѣла создать такія глубокія идейныя традиціи, которыми питались и на которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія? Мудрено-ли, наконецъ, что про одну изъ этихъ странъ поэтъ могъ написать эти прочувствованныя строки:

«Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ смѣло отдала
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть-ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистыхъ подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой;
И первую слезу изъ юныхъ глазъ исторгъ
Не взоръ красавицы суровой.
Печальной родинѣ скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья,
Надъ трупомъ дорогимъ товарища-борца
Звучали первыя рыданья...
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмельной струи изъ чаши круговой.
Мы испытаній пили чашу...

*
* *

Да, русскому студенчеству есть на что оглянуться въ своемъ историческомъ прошломъ... Это прошлое—сильное и красивое—завѣщало ему цѣлый рядъ славныхъ традицій, на основѣ которыхъ, мы надѣемся, его движеніе будетъ развиваться дальше, неся съ собою не менѣе сильное и красивое будущее.

Русскіе университеты сдѣлались разсадниками крамолы еще въ тѣ времена, когда Александръ Благословенный благословлялъ Рунича на борьбу съ наукой, когда Николай «Незабвенный» иллюстрировалъ присвоенныя ему исторіографами рыцарскія чувства, готовя шпицрутены для непокорныхъ студентовъ и сдавая ихъ въ солдаты. Превращеніе казармъ въ университеты и университетовъ въ казармы есть тоже одна изъ «славныхъ традицій» русскаго самодержавія. Вся исторія русскихъ университетовъ есть исторія попытокъ русскаго самодержавія такъ «приспособить» къ своимъ интересамъ науку, чтобы университеты играли въ государствѣ ту же роль, что и какія нибудь экзаменаціонныя коммиссіи для жандармовъ при департаментѣ полиціи или для околоточныхъ при участкѣ. Безъ науки обойтись нельзя. Правительству необходимы интеллигентныя силы—хотя бы для того, чтобы защищать по всѣмъ правиламъ науки на судѣ Шафровыхъ, воздвигать тюрьмы и публичные дома, производить антропометрическія измѣренія въ жандармскихъ управленіяхъ. Но наука не укладывается на прокустовомъ ложѣ начальственныхъ предписаній, и—увы! даже многіе будущіе «столпы порядка» временно поддаются той непреодолимой, почти мистической силѣ, которая превращаетъ для

нихъ университетскій стажъ въ четырехлѣтнюю воинскую повинность революціи. Жить умственной жизнью — опасная вещь—и вотъ почему русскіе университеты, которые, по замыслу, должны были служить «экспедиціей заготовленія государственныхъ людей» русскаго самодержавія, превращались такъ часто въ нервные центры общественнаго организма, до болѣзненности чуткіе къ его страданіямъ и язвамъ...

Какъ самый чуткій барометръ, студенчество отражало въ себѣ настроеніе общества и народа, по мѣрѣ его пробужденія къ сознательной жизни. И не только отражало. Часто, формулируя рѣзко и опредѣленно еще не высказанныя требованія, еще неопредѣлившіяся стремленія, оно возвращало ихъ обратно странѣ и само становилось впереди движенія.

Еще въ семидесятыхъ годахъ, поднявши знамя свободной, не продажной и не прислушивающейся ни къ кому науки противъ оффиціальной пародіи на нее, передовое студенчество уже изнемогало въ неравномъ бою, бою-единоборствѣ съ мрачными силами реакціи. И во имя этой науки, этой животворящей идеальной силы, освѣщавшей передъ ними прошлое, настоящее и будущее человѣчества, студенты бросали кастрированные оффиціальной и добровольной цензурой учебники и вырывались изъ тѣсныхъ стѣнъ аудиторіи, чтобы окунуться въ сермяжное море трудовой Руси. Новому евангелію великаго соціальнаго идеала они искали прозелитовъ у фабричнаго станка, у деревенскаго плуга и сохи... По правительственнымъ статистическимъ даннымъ, учащаяся молодежь дала болѣе 50 % участниковъ этого движенія. И вотъ, въ 1878 г. правительство съ тревогой констатировало явное и яркое проявленіе народившейся связи между студенчествомъ и городскимъ пролетаріатомъ. Во время университетскихъ безпорядковъ, на сходкахъ петербургскихъ университетовъ было замѣчено присутствіе—о ужасъ!—толпы рабочихъ съ фабрики Торнтона!

Нечего и говорить, что городской рабочій пролетаріатъ былъ въ то время еще въ эмбріональной фазѣ своего развитія. Но первые піонеры союза «науки и работниковъ» имѣли своихъ самоотверженныхъ преемниковъ, и черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ улицы Петербурга, Москвы, Харькова и Кіева были наполнены уже толпами рабочихъ, шедшихъ на помощь волнующемуся студенчеству...

И въ 1891-2 г., когда страшныя апокалипсическія фигуры голода, смерти, заразы пронеслись надъ русской деревней, сѣя ужасъ, уныніе, панику,—русская молодежь снова отозвалась на страданія народа. Снова опостылѣлъ ей университетъ съ его наукой-полурабыней, снова порывъ беззавѣтнаго самоотверженія бросилъ ее въ сермяжное море обезумѣвшаго отъ горя и страданій народа. И молодежь сдѣлала великое дѣло, историческое значеніе котораго до сихъ поръ еще не достаточно оцѣнено и взвѣшено. Она наглядно доказала крестьянину, что кромѣ обычной, хорошо знакомой ему фигуры барина-бѣлоручки, барина-тунеядца, насиль-

ника и развратника, есть среди людей, носящихъ «барскія» платья, люди совсѣмъ другого калибра—искренніе, вѣрные, честные друзья рабочаго класса, готовые идти съ нимъ рука съ рукой, плечо съ плечомъ, чтобы розыскать его пропавшую, спрятанную за семьюдесятью замками таланъ-долю... Но доказать это значило—нанести смертельный ударъ старой деревнѣ, деревнѣ прошлаго, недовѣрчиво замкнувшейся въ себѣ, не знавшей и не желавшей знать, кромѣ своего деревенскаго «міра», никакого другого—великаго, огромнаго міра, живущаго общей, всечеловѣческой, всемірно-историческою жизнью; это значило открыть новую эру, эру новой деревни, чутко прислушивающейся къ борьбѣ въ городахъ, жадно ловящей всякое слово правды, жадно поглощающей десятки тысячъ листковъ, брошюръ, прокламацій. Но старая деревня не сдавалась. Она боролась за жизнь, и въ предсмертной агоніи защищалась судорожными, рефлекторными движеніями. Холерные безпорядки, во время которыхъ городовые и доктора, участки и больницы, наскоро навербованная санитарная полиція и самоотверженная студенческая молодежь одинаково почувствовали на себѣ мстящую руку ослѣпленной толпы, были въ сущности именно такими эпилептическими корчами старой, отживающей деревни—деревни прошлаго... Созданное правительствомъ и нашими предками привилегированныхъ сословій вѣковое отчужденіе интеллигенціи и народа встало между ними свирѣпымъ призракомъ, и этому призраку были принесены человѣческія жертвы. Но эти жертвы не остались безплодными. И когда во второй половинѣ 90-хъ годовъ началась тогда еще изолированная, разрозненная мѣстная работа въ деревняхъ, она нашла тамъ огромный умственный кризисъ, броженіе, пробужденіе мысли. И если теперь, въ началѣ новаго столѣтія, мы, соціалисты-революціонеры, дѣлаемъ въ деревнѣ такія быстрыя завоеванія, то прежде всего намъ приходится вспомнить добрымъ словомъ честную, самоотверженную молодежь, въ мрачную пору голодовокъ и эпидемій проложившихъ въ деревню широкую дорогу передовой революціонной интеллигенціи.

Но студенчество дало намъ не только піонеровъ дѣла сближенія съ пролетаріатомъ городовъ и трудовымъ крестьянствомъ деревень—съ двумя этими трудовыми и эксплуатируемыми слоями, которыхъ мы, соціалисты-революціонеры, объединяемъ въ одномъ высшемъ понятіи «рабочаго класса». Оно было піонеромъ и въ дѣлѣ прямой борьбы, прямого напора на правительство.

Уже въ 1896-7 г. въ Москвѣ и Кіевѣ студенческія организаціи смѣло выступили на путь политическихъ демонстрацій. Они, такимъ образомъ, зашли далеко впереди движенія. Господствующимъ направленіемъ былъ тогда соціальдемократизмъ въ его наиболѣе рѣзко выраженной «стачкистской» или экономической формѣ. Требовался большой запасъ революціоннаго энтузіазма и вѣры въ себя, чтобы, вопреки господствующему теченію, вопреки даже прямой его оппозиціи, все таки пойти своимъ путемъ. Въ

самомъ дѣлѣ, въ Кіевѣ только группа соціалистовъ-революціонеровъ—тогда еще относительно весьма слабая—пошла рука объ руку со студентами; соціальдемократическія же группы, гораздо болѣе сильныя, и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ отнеслись къ этимъ попыткамъ отрицательно. Сравнительно слабая удача первыхъ демонстрацій, однако, не заставила студенчество отчаяться, и въ 1901-2 гг. студенчество снова выступаетъ застрѣльщикомъ демонстраціоннаго движенія. На этотъ разъ смѣлая инціатива нашла горячій откликъ—и не потому, чтобы господствующее въ революціонныхъ кругахъ направленіе перемѣнилось, а потому, что въ фабричномъ пролетаріатѣ и, вообще, въ городскомъ «простонародьи» накопилось слишкомъ много недовольства и горечи противъ существующихъ порядковъ, противъ «власть имущихъ». И вотъ, помимо своихъ руководящихъ соціальдемократическихъ организацій, иногда даже вопреки имъ, рабочія массы городовъ выходили на улицы и присоединялись къ волнующимся, протестующимъ толпамъ студентовъ. Впервые торжественно, на дѣлѣ былъ заявленъ союзъ революціонной интеллигенціи и революціоннаго народа; впервые изъ области золотой мечты онъ перешелъ въ дѣйствительность. И дѣло было сдѣлано. Демонстраціямъ было завоевано право гражданства. И даже тѣ революціонныя организаціи, которыя раньше не признавали демонстрацій, вынуждены были заднимъ числомъ дать имъ свою полную санкцію. Иныя даже подпали подъ власть общаго психологическаго закона, по которому нѣтъ болѣе ярыхъ друзей извѣстной идеи, чѣмъ ея былые раскаявшіеся враги. Для нихъ демонстрація, и притомъ въ ея первоначальной «мирной» формѣ, сдѣлалась альфой и омегой революціонной тактики...

Студенчеству нѣтъ надобности поддаваться такому одностороннему увлеченію. Но мы и не думаемъ, чтобы была на лицо серьезная опасность такого увлеченія. Напротивъ того, идея перехода къ демонстраціямъ в о о р у ж е н н ы м ъ, какъ кажется, пустила уже достаточно глубокіе корни въ умахъ передового студенчества. Оно даже уже выступило однажды съ попыткой такого рода—мы говоримъ о извѣстномъ московскомъ «университетскомъ сидѣніи», къ которому—совершенно несправедливо—у многихъ существуетъ неумѣстное жестко-ироническое отношеніе. Конечно, попытка была неудачна, но намъ не къ лицу играть роль такихъ «жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха». Всѣ опережающія свое время попытки не удаются, но принципіальное значеніе ихъ громадно. Ихъ неуспѣхи подготовляютъ будущее торжество. И мы вправѣ надѣяться, что передовое студенчество еще сыграетъ видную роль въ подготовленіи вооруженныхъ демонстрацій будущаго.

Передовые студенты и раньше послѣдними покидали арену непосредственной, вооруженной борьбы и первыми возвращались на нее. Во время всеобщаго упадка духа, молчаливой покорности и покорнаго лицемѣрія, въ то время, когда одинъ за другимъ схо-

дили со сцены послѣдніе «красные богатыри» революціи эпохи народничества, передовое студенчество выдвинуло людей, имѣвшихъ достаточно мужества поднять старое, почернѣвшее отъ порохового дыма и залитое кровью знамя—Осипановъ, Генераловъ, Ульяновъ и Андреюшкинъ заплатили жизнью за свою отвагу.

И потянулись блѣдные, пасмурные сумерки переходнаго времени... Но въ то печальное, богомъ и людьми проклятое десятилѣтіе, когда Россія спала кошмарнымъ сномъ политическаго безсилія, въ глубинахъ народной жизни происходилъ переворотъ громадной важности и первостепеннаго значенія. На землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, путемъ висѣлицъ и розогъ достигнутые царемъ-миротворцемъ, были не болѣе, какъ прекраснымъ миражемъ, недолго радовавшимъ сердце «августѣйшаго монарха». Народъ бѣднѣлъ и ожесточался въ деревняхъ и уже учился думать и бороться въ городахъ. Громадная сила рабочаго класса,—сила, которой принадлежитъ будущее и передъ которой трепещетъ настоящее,—еще робко прислушивалась къ самой себѣ, еще не довѣряла достаточно ни своимъ вождямъ, ни своей собственной силѣ, еще не смѣла открыто требовать и также открыто грозить. Эпоху нерѣшительности переживало студенчество, начавшее чисто академической борьбой и пришедшее къ исправительной сдачѣ въ солдаты. Выстрѣлъ Карповича былъ молніей, пронизавшей полутьму. Это былъ сигналъ къ непримиримой, безпощадной, неукротимой борьбѣ, борьбѣ со всѣмъ режимомъ. Послѣ него возможны были только два пути: или убояться логическаго развитія движенія и отшатнуться отъ него съ трусливой покорностью, либо смѣло выступить на тернистый путь борьбы революціонной. Всякая «умѣренная и аккуратная середина» сдѣлалась невозможной. Академизмъ былъ убитъ. Движеніе, начинавшее замирать, въ парализующей силы нерѣшительности, сразу получило могучій толчекъ впередъ. Таково дѣйствіе всякаго удачно разсчитаннаго террористическаго акта. Выстрѣлъ Карповича и его результаты, его поддержка массовымъ движеніемъ, растерянность правительства, призваніе «попечительнаго» Ванновскаго и попытки уступокъ—выдвинули на первый планъ вопросъ объ организованномъ террорѣ. И студенчество дало и этой организованной террористической борьбѣ ея передового воина—юнаго героя Степана Валерьяновича Балмашева.

Исторія передового студенчества иллюстрируетъ необычайно ярко и значеніе идеологическаго элемента, этого растущаго фактора исторіи, и значеніе инициативнаго, организованнаго революціоннаго меньшинства, которое своей энергіей толкаетъ движеніе массъ, и представляетъ динамическій, ускоряющій моментъ политическаго развитія. И мы, какъ убѣжденные соціалисты-революціонеры, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія перелистываемъ самыя славныя страницы исторіи русскаго студенческаго движенія, констатируя, до какой степени широко и свободно укла-

дываются въ рамки нашей боевой партійной программы наполняющія эти страницы дѣянія...

*
* *

Каковы же задачи организованнаго студенческаго движенія? Изъ предыдущаго отвѣтъ достаточно ясенъ: это движеніе должно развиваться дальше на основѣ тѣхъ же лучшихъ традицій прошлаго. Передовое студенчество должно осмыслить прошлый опытъ своей борьбы. Та широкая синтетическая программа борьбы, которой студенчество придерживалось раньше стихійно, должна сдѣлаться сознаннымъ руководящимъ принципомъ его дѣятельности. Одинаково понимающіе эту программу элементы должны объединиться между собой, чтобы путемъ этого объединенія увеличить свое вліяніе на движеніе. А для этого прежде всего нужно представлять собою дѣйствительно единую, дѣйствительно сплоченную, дѣйствительно компактную массу—массу, имѣющую «едино тѣло и единъ духъ».

Но здѣсь и начинается опредѣленная и очень серьезная трудность. Не все передовое студенчество одинаковымъ образомъ осмысливаетъ прошлый историческій опытъ своего движенія, не все оно дѣлаетъ изъ этого опыта одинаковые практическіе выводы. Возникающія здѣсь разногласія въ главномъ соотвѣтствуютъ тѣмъ фракціоннымъ разногласіямъ, которыя существуютъ въ общемъ соціалистическомъ лагерѣ. Само собою понятно, что разъ эти разногласія существуютъ, разъ они дѣйствительно серьезныя, дѣйствительныя, а не мнимыя разногласія—попытки затушевать ихъ были бы только вредны, создавая запутанное, неопредѣленное, невыясненное положеніе. Разногласія, напротивъ, должны быть исчерпаны до дна. Честная идейная борьба, самые оживленные споры по существу всѣхъ «открытыхъ вопросовъ» теоріи и практики могутъ быть только полезны. Лишь разностороннее обсужденіе вопроса со всѣхъ точекъ зрѣнія, лишь обсужденіе всѣхъ pro и contra можетъ дать въ результатѣ не только архитектурно-стройную догму, но и критически-продуманное, провѣренное на фактахъ міросозерцаніе.

Итакъ, студенты соціалисты-революціонеры съ одной стороны, студенты—соціальдемократы—съ другой, должны организоваться въ свои спеціальные группы и союзы. Но существованіе этихъ группъ и союзовъ съ опредѣленной партійной окраской нисколько не дѣлаетъ излишнимъ параллельное существованіе общестуденческой, партійно-нейтральной организаціи. Напротивъ, только при существованіи такой организаціи, а, слѣдовательно, и совмѣстной работы, студенты различныхъ фракціонныхъ оттѣнковъ научатся лучше понимать и уважать другъ друга, держаться въ спорахъ на принципіальной почвѣ, не заходя въ область раздражительной, личной, мелочной «полемики», ничего не разъ-

ясняющей и все запутывающей. Наконецъ, только при параллельномъ существованіи широкой общестуленческой организаціи будетъ обезпечена широкая связь и столь же широкое вліяніе передового сознательнаго студенчества на остальную еще неопредѣленную его массу.

Не надо, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что въ большинствѣ своемъ студенчество переживаетъ переходный періодъ, періодъ броженія, напряженной умственной работы, выработки общественно-политическихъ убѣжденій. А если дѣло этой выработки убѣжденій не низведено до скороспѣлаго и легкомысленно-торопливаго наклеиванія фракціонныхъ ярлычковъ, то оно само по себѣ требуетъ и силъ, и времени, и организаціи. Общестуленческія организаціи поступали вполнѣ правильно, когда одной изъ самыхъ главныхъ своихъ задачъ ставили именно выработку изъ своихъ членовъ сознательныхъ общественныхъ дѣятелей, убѣжденныхъ политическихъ борцовъ.

Но у общестуленческихъ организацій есть и еще одна важная цѣль—борьба за свободу университета, за свободу науки, научной мысли и проповѣди. Это, можно сказать, профессіональный интересъ студента, ибо его профессія, какъ студента, въ томъ и заключается, что онъ посвящаетъ себя ученію, наукѣ, мышленію. Но профессіональная организація всегда можетъ и должна быть шире партійно-политической. Она стремится захватить всѣ элементы, способные къ борьбѣ за профессіональные интересы. При этомъ передовые изъ этихъ способныхъ къ борьбѣ элементовъ на дѣлѣ революціонизируютъ остальную массу, связывая интересы профессіональной борьбы съ болѣе общими великими политическими и соціальными проблемами времени. И если бы передовое студенчество забыло объ этой своей задачѣ, интересы общаго революціоннаго движенія также только пострадали бы.

Быть можетъ, значеніе общестуленческихъ организацій недостаточно оцѣнено до сихъ поръ и еще въ одномъ отношеніи. На студенческихъ дѣлахъ вырабатывались силы, — и сплошь и рядомъ лучшія силы революціи. Участіе въ студенческихъ организаціяхъ и борьбѣ являлось для нихъ первымъ поприщемъ организаціоннаго навыка, первыхъ опытовъ конспиративной работы, первою пробой своего практическаго умѣнья, твердости, стойкости и рѣшительности въ опасныя минуты, и т. д., и т. д. Развѣ можетъ это являться нежелательнымъ для какой бы то ни было революціонной организаціи? Развѣ революціоннымъ организаціямъ нужны элементы, еще недостаточно сложившіеся политически, еще совершенно неопытные въ организаціонномъ и конспиративномъ отношеніи? А если нѣтъ, то чѣмъ же могутъ мѣшать общестуленческія организаціи революціоннымъ организаціямъ? Напротивъ, для революціонныхъ организацій это—только лишній поводъ привѣтствовать развитіе объединеннаго студенческаго движенія.

Не понимаютъ этого только узкіе фанатики, для которыхъ

весь міръ заслоняется какой нибудь одной отраслью революціонной работы, и которые съ ревнивой подозрительностью смотрятъ на всякій другой видъ работы. По странному недоразумѣнію, имъ кажется, что всякая работа въ другой области не поддерживаетъ, не подкрѣпляетъ ихъ работы, а только «отвлекаетъ силы» отъ послѣдней.

«Пусть тѣ, которые тратятъ всѣ силы на безплодную борьбу за студенческіе интересы, отдадутъ хоть часть ихъ на рабочее дѣло»—взывала въ 1896 г. московская соціальдемократическая организація. Но развѣ существованіе студенческой организаціи когда нибудь мѣшало «отдавать свои силы на рабочее дѣло» тѣмъ, кто опредѣлился въ революціонномъ отношеніи и почувствовалъ себя достаточно зрѣлымъ для такой работы? Напротивъ, студенческія организаціи способствовали выработкѣ и сближенію такихъ элементовъ. Что же это за близорукая тактика, когда революціонная организація непремѣнно желаетъ увидѣть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организаціи—конкурента, который долженъ быть уничтоженъ, въ среду котораго должно быть непремѣнно внесено раздѣленіе, разъединеніе, дезорганизація?

До послѣдняго времени соціалистически-мыслящая часть студенчества, какъ общее правило, стремилась не обособляться отъ остального студенчества, не порывать съ нимъ, а, наоборотъ, своимъ участіемъ въ студенческихъ организаціяхъ обезпечить себѣ прочное и благотворное вліяніе на менѣе сложившуюся часть студенчества. Студентамъ-соціалистамъ, студентамъ-революціонерамъ почти всегда приходилось задавать тонъ всему университету, играть руководящую роль во всѣхъ крупныхъ событіяхъ его жизни. И это несмотря на то, что численно они представляли собою крайне слабое меньшинство. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что соціалистическая часть студенчества фатально стягивала къ себѣ, поглощала, ассимилировала всѣ лучшіе, живые, отзывчивые и энергичные элементы. Но она могла это дѣлать, только оставаясь въ тѣсной организаціонной связи съ остальнымъ студенчествомъ на почвѣ общестуденческаго дѣла.

Вотъ почему мы находимъ совершенно нелѣпыми и вредными всѣ старые и новые совѣты студенчеству идти къ «разъединенію вмѣсто объединенія». Съ этими совѣтами за послѣднее время вновь выступила «Искра». Когда участники послѣдняго общестуденческаго съѣзда, благодаря случайному подбору личнаго состава, постановили примкнуть къ русской соціальдемократической партіи—рѣшили не за себя лично, а за тѣ организаціи, которыя они должны были представлять на съѣздѣ—то это рѣшеніе грозило привести къ расколу. «Искра» старалась доказать, однако, что это рѣшеніе должно быть сохранено во что бы то ни стало. «Искра» доказывала, что постыдно студенчеству оставаться «въ приготовительномъ классѣ школы революціоннаго развитія», что оно должно отдать предпочтеніе опредѣленной революціонной

фракціи, что это только логическое проявленіе тяготѣнія студенчества въ сторону соціализма. «Мы можемъ лишь привѣтствовать это теченіе, и если оно связано съ расколомъ—мы привѣтствуемъ расколъ!»

Конечно, произвести разрушеніе общественныхъ организацій и замѣнить ихъ организаціями соціаль-демократической молодежи «Искрѣ» не удалось. «Искра» сама не могла аргументировать въ защиту своего тезиса съ тою послѣдовательностью, съ какой это дѣлали, напр., соціальдемократы второй половины 90-хъ годовъ. Тѣ просто не вѣрили въ какую бы то ни было пользу студенческихъ организацій и «студенческихъ исторій», хотя бы онѣ и принимали такую, напр., конкретную форму, какъ вѣтровская или ходынская демонстраціи. «Студенческія исторіи никогда и ни къ чему не приводили: онѣ лишь вырывали лучшихъ представителей изъ вашей среды»,—писалъ, какъ мы видѣли, московскій соц.-дем. «комитетъ». Но, вѣдь, теперь эта точка зрѣнія давно покинута. Посмотрите, напр., о чемъ свидѣтельствуетъ соц.-дем. отчетъ о «Рабочемъ движеніи въ Харьковѣ» (изд. «Рабочаго Дѣла», 1900 г.). «Мы не можемъ умолчать—говорится тамъ—о томъ вліяніи, какое оказали на рабочихъ происходившіе въ этомъ (1898-1899) году студенческіе безпорядки.... Демонстраціи студентовъ, взбудоражившія весь городъ и вызвавшія общее сочувствіе харьковскаго населенія, нашли особенно живой откликъ въ рабочей средѣ. Аресты сотенъ демонстрантовъ, проводы высылаемыхъ студентовъ, дышащія бодростью и призывомъ къ борьбѣ рѣчи, произносимыя студентами на вокзалѣ,—захватывали рабочихъ.... У одного изъ забранныхъ въ маѣ рабочихъ былъ даже найденъ дневникъ, полный восторговъ и восхищенія передъ студенческимъ движеніемъ; другой излилъ свои чувства въ стихахъ.... Впечатлѣніе, оставшееся отъ студенческаго движенія, и майская агитація вызвали усиленный интересъ въ рабочей массѣ къ нелегальной литературѣ...» и т. д., и т. д.

Нечего и говорить, что революціонизирующее вліяніе этихъ движеній на самую молодежь, принимавшую въ нихъ участіе, было еще больше. Объ этомъ, впрочемъ, откровеннѣе всего свидѣтельствуетъ само правительство въ своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ и докладахъ, недавно увидѣвшихъ свѣтъ божій. Такъ, напр., по мнѣнію такого компетентнаго въ этомъ вопросѣ лица, какъ нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве, студенческіе безпорядки «играли всегда для революціонеровъ чрезвычайно важную роль 1) какъ легчайшій и удобнѣйшій способъ вербовать своихъ агентовъ и 2) какъ средство до извѣстной степени дискредитировать правительственную власть». Участники безпорядковъ, а тѣмъ болѣе пострадавшіе отъ правительственныхъ репрессій—по отзыву того же Плеве еще въ концѣ 1882 г.—«являютъ собою главный контингентъ, изъ которыхъ крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя

исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи» (см. цитир. выше трудъ Георгіевскаго, стр. 1). Быть можетъ, еще характернѣе въ томъ же отношеніи секретный докладъ (попросту донось) ректора Владиславлева, который, какъ и Плеве, утверждалъ, ссылаясь на «судебно-полицейскую статистику», что земляческія организаціи служатъ для «испорченныхъ» студентовъ мѣстомъ «уловленія неопытныхъ юношей-провинціаловъ», въ переводѣ съ полицейскаго языка на человѣческій это значитъ, что атмосфера свободнаго товарищескаго единенія и обмѣна мыслей, атмосфера схожденія на общестуденческомъ дѣлѣ фатально ведетъ лучшіе элементы подъ великое знамя революціоннаго соціализма, съ которымъ ничто не можетъ конкуррировать въ отзывчивыхъ, идеалистически настроенныхъ сердцахъ молодежи.

Мы убѣждены, что иниціативное, организованное революціонное меньшинство студентовъ-соціалистовъ можетъ смѣло войти въ широкую общестуденческую организацію, твердо вѣря, что въ ней только оно одно можетъ занять руководящую роль. Конечно, и на студенчествѣ уже начинаетъ сказываться, въ извѣстныхъ предѣлахъ, будущая классовая дифференцировка; пестрая масса студентовъ-«бѣлоподкладочниковъ»—яркое свидѣтельство этому. Но всѣ такіе активно-консервативные элементы въ студенческомъ движеніи играютъ самую жалкую и ничтожную роль. Всѣ эти «кружки антиобструкціонистовъ», «группы антисемитовъ» и т. п., возникали только затѣмъ, чтобы доказать свое безсиліе и свою эфемерность. Задавало тонъ всему движенію, окрашивало его своими тенденціями неизмѣнно передовое меньшинство. Но оно знаетъ, какъ много при этомъ значитъ сплоченность и отсутствіе въ собственной средѣ междоусобій передъ лицомъ общаго врага.

Вотъ почему мы, соціалисты-революціонеры, хотѣли бы вѣрить, что среди передового студенчества не будетъ имѣть успѣха печальная проповѣдь сектанства, нетерпимости, разъединеній и расколовъ, что, напротивъ, оно съумѣетъ доказать—какъ доказывало и раньше—возможность совмѣстной, союзной работы людей съ различными фракціонными оттѣнками воззрѣній. Это будетъ его новый вкладъ въ дѣло поступательнаго развитія нашего движенія.

Рѣшивъ эти внутренніе, организаціонные вопросы, передовое студенчество бросится и смѣлѣе, и увѣреннѣе въ потокъ освободительной борьбы, увлекая за собою недостаточно иниціативную студенческую массу. Оно впишетъ въ исторію русскаго революціоннаго движенія—будемъ вѣрить въ это—еще не мало славныхъ именъ и не менѣе славныхъ дѣяній.

Его мѣсто—въ передовыхъ рядахъ поднимающагося на борьбу трудового крестьянства. Его мѣсто—въ передовыхъ рядахъ революціонной интеллигенціи.

Его мѣсто—въ передовыхъ рядахъ арміи, которая донесетъ до конца знамя революціоннаго соціализма.

Ю. Гарденинъ.

Къ учащейся молодежи.

Не въ первый разъ революціонныя организаціи обращаются къ учащейся молодежи. За послѣдніе годы вы уже привыкли къ подобнымъ воззваніямъ, они потеряли для васъ интересъ новизны и обаяніе исключительности. Во многихъ изъ васъ эта статья, озаглавленная: «къ учащейся молодежи» вызоветъ, можетъ быть, даже досадливое чувство: хотѣлось бы отдохнуть, хотѣлось бы учиться, а тутъ опять прокламаціи, опять сложные и мучительные вопросы, опять волненія и безпорядки...

Да, опять!... Безпорядки будутъ—въ этомъ убѣждено ваше начальство, въ этомъ убѣждены всѣ окружающіе васъ, въ этомъ убѣждены вы сами. Не прокламаціи вызовутъ безпорядки, не онѣ заставятъ васъ явиться на сходки и выйти на улицу. Къ этому принудитъ васъ внѣшняя сила вещей, этого потребуетъ живущее въ васъ чувство чести и совѣсти. Не претендуйте же на эту статью и ея скромную задачу—она должна лишь облегчить предстоящую работу вашего ума и сердца. Не откладывайте затронутыхъ въ ней вопросовъ, потому что вы неизбѣжно встрѣтитесь съ ними въ ближайшемъ будущемъ. Рѣшите ихъ заблаговременно, чтобы движеніе, которое захватитъ васъ, не было стихійнымъ и конвульсивнымъ, чтобы ваше участіе въ немъ было сознательнымъ и планомѣрнымъ.

Періодически повторяющіяся волненія учащейся молодежи за послѣдніе годы сдѣлались непрерывными. Чтобы предотвратить и подавить ихъ, правительство испробовало всѣ доступныя ему средства: оно било молодежь нагайками и отдавало ее въ солдаты, оно тысячами выгоняло ее изъ учебныхъ заведеній, сотнями сажало въ тюрьмы, отправляло въ ссылку. Не разъ перемѣняло оно тактику: отъ репрессій переходило къ амнистіямъ, «сердечное попеченіе» вѣнчало жестокостью. Движеніе не прекращалось: оно измѣняло только форму и лозунги. Забастовки и обструкціи смѣнялись уличными демонстраціями. Протестъ противъ нагаекъ расширился до требованія политической свободы. Подъ ударами—движеніе росло и крѣпло.

Сейчасъ производится новая, но уже вялая и безцвѣтная попытка успокоить молодежь. Новыя «временныя правила» (третьи по счету) оно старается ввести какъ то крадучись, такъ какъ никто не хочетъ даруемыхъ имъ правъ, никто не прельщается авто-

номіей въ полицейскихъ цѣляхъ. Первая же попытка предъявить новыя правила учащейся молодежи,—для чего, не безъ умысла, было выбрано женское учебное заведеніе,—вызвала открытый протестъ. Первый же актъ созданнаго этими правилами академическаго суда отлился въ форму нелѣпаго фарса. Недостойныя комедіи, громкія фразы, массовыя репрессіи—таковы средства, которыя пускаются въ ходъ, чтобы заставить молодежь учиться. И все безъ успѣха. Между тѣмъ молодежь хочетъ учиться. Ежегодно двери высшихъ учебныхъ заведеній ломятся подъ напоромъ желающихъ попасть въ нихъ. Молодежь преодолѣваетъ всѣ преграды, какими загроможденъ путь къ высшему образованію: она добивается аттестатовъ, выдерживаетъ конкурсы, обходитъ скалы и мели кондуитовъ и характеристикъ. Встрѣчая на дорогѣ глухую стѣну въ видѣ штатовъ, процентныхъ нормъ и полицейскихъ вето, она бѣжитъ учиться заграницу. Ради науки молодежь нерѣдко обрекаетъ себя на непосильный трудъ и полуголодное существованіе. Свой лѣтній отдыхъ она отдаетъ скудному заработку. Каждую осень, не теряя вѣры и надежды, она съ увлеченіемъ заполняетъ аудиторіи. Но это увлеченіе продолжается лишь 2—3 мѣсяца. Оказывается, что молодежь, такъ страшно рвущуюся къ знанію, нельзя заставить учиться. Говорятъ,—она не хочетъ...

Неправда!! Молодежь хочетъ учиться, но учиться не тому, что нужно царскому правительству, но всему тому, что нужно знать человѣку и гражданину. Она не признаетъ руководителей, промѣнявшихъ научную свободу на серебренники государственнаго казначейства, и для которыхъ постулаты истины и справедливости звучатъ меньше, чѣмъ циркуляры начальства; она не будетъ читать книги, написанной рукой, дрожавшею отъ рабскаго страха. Чтобы увлечь юность, нужны люди независимой мысли и убѣжденнаго слова, а не тупоумные холопы и косноязычные трусы. Молодежи приходится жить и работать въ атмосферѣ сыска, въ путахъ безсмысленныхъ формальностей. Чтобы учиться спокойно, ей необходимо поступиться сознаніемъ своего человѣческаго достоинства и подавить въ себѣ всѣ соціальныя чувства. Чтобы преуспѣть въ русской оффиціальной наукѣ, нужно не только долгіе годы дышать воздухомъ, отравленнымъ лицемѣріемъ и холопствомъ, но и самому сдѣлаться подлецомъ и трусомъ. Молодежь не отдастъ за такую науку свою душу.

Въ тревожные годы жажда свѣта и знанія даже больше, чѣмъ въ спокойную эпоху жизни. Давно среди молодежи не было такого обилія кружковъ саморазвитія, такого спроса на литературу, такого страстнаго желанія научно обосновать свое міросозерцаніе.

Но, если она и учится, то тайкомъ, учится безъ руководителей и пособій, учится безъ книгъ, лучшія изъ которыхъ до нея могутъ дойти, да и то не всегда, только контрабаднымъ путемъ. Она учится подъ непрестаннымъ страхомъ, что ее выслѣдятъ,

и за свое стремленіе къ истинѣ она лишится свободы и жизни. Въ каждомъ прохожемъ она должна бояться сыщика.

У васъ нѣтъ свободнаго права учиться. Не думайте, что вы получите его изъ милости. Даже тѣ жалкія слова, которыми правительство хотѣло бы обморочить васъ, у него вырваны силой. Дать дѣйствительную свободу мысли, хотя бы только научной, и слову, хотя бы только съ кафедры, для царскаго самодержавія значитъ то же, что подписать свой смертный приговоръ.

Послѣдніе годы научили насъ многому и, можетъ быть, намъ не къ чему уже повторять, что только въ борьбѣ обрѣтете вы право свое, въ борьбѣ съ самодержавіемъ, въ борьбѣ не только за свое право, но и за право народное.

Да, и за право народное...

Два года тому назадъ московскіе профессора въ своей антиреволюціонной прокламаціи назвали университетъ «злосчастной отдушиной, черезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство, будетъ ли то недовольство политическое, экономическое или соціальное». Оставимъ въ сторонѣ форму этой реплики—она понятна въ устахъ людей, которымъ соціальное недовольство представляется пустяками, нестоющими вниманія ученыхъ мужей. Но высшая школа не можетъ оставаться равнодушной къ недовольству униженныхъ и эксплуатируемыхъ. Такимъ въ современномъ обществѣ является одинъ рангъ людей,—трудящіеся, т.-е. тѣ обширные слои крестьянъ и рабочихъ, за счетъ которыхъ уже безъ особаго недовольства живутъ всѣ иные ранги и сословія.

По происхожденію вы принадлежите въ большинствѣ къ довольнымъ классамъ; въ ихъ среду уйдете вы, когда оставите школу. Отозваться сердцемъ на страданія обездоленныхъ массъ и возстать на ихъ защиту изъ вашей среды могутъ, какъ недавно утверждали многіе изъ нашихъ революціонныхъ товарищей, только единицы, столь же рѣдкія, какъ бѣлые вороны среди черныхъ. Принадлежность къ средѣ дѣлаетъ, но не обязываетъ людей быть съ нею солидарными. Изъ средневѣковыхъ монастырей и феодальныхъ замковъ вышли первые борцы съ оплотомъ невѣжества и безправія; изъ крестьянъ и рабочихъ набирается войско, которое усмиряетъ затѣмъ своихъ же братьевъ залпами...

На войскѣ стоитъ остановиться: это яркій и характерный образчикъ внѣклассовой силы, какую можно создать и эксплуатировать при классовой структурѣ общества. Дисциплина, внѣдряемая систематическимъ внушеніемъ, не менѣе властно двигаетъ массы, чѣмъ собственные ихъ интересы и даже голодъ. Изъ года въ годъ все въ большемъ и большемъ количествѣ правящіе классы собираютъ эту грубую силу, подчиняя ее своей власти; вооружаютъ всѣми изобрѣтеніями техники, дѣлая ее непобѣдимой. Перспектива наростанія такой силы представляется ужасной, господство произвола и неправды можетъ сдѣлаться, казалось бы, безконечнымъ... Къ счастью, наростаетъ и иная сила

—сила критической мысли. Проникая въ массы, она сплачиваетъ ихъ единствомъ сознанныхъ интересовъ; овладѣвая отдѣльными лицами, она освобождаетъ ихъ изъ подъ власти рутины и своекорыстныхъ разсчетовъ. Она формируетъ великую армію труда и кадры интеллигенціи.

Интеллигенція такая же внѣклассовая сила, какъ и войско. Ея члены вербуются изъ всѣхъ сословій. Одни изъ нихъ отдаютъ лишь случайную и кратковременную «дань увлеченію» высокими идеалами, другіе живутъ во имя ихъ всю жизнь. Одни самоотверженно идутъ впереди до конца, другіе бѣгутъ съ полдороги. Но на мѣсто погибшихъ героевъ являются новые борцы. Интеллигенція растетъ, и несомнѣненъ уже тотъ день, когда въ союзѣ съ арміей труда она разрушитъ оплоты еще недано всесильной неправды...

Вы составляете видную часть интеллигенціи. Вы находитесь у источника критической мысли. Вы живете подъ непосредственнымъ вліяніемъ неотразимыхъ доводовъ научнаго знанія и яркихъ образовъ художественнаго творчества. Идеалы еще не потеряли надъ вами своей обаятельной власти. Пока вы свободны отъ всяческихъ путъ, которыми васъ свяжетъ потомъ жизнь; пока вы изъяты изъ подъ вліянія сытой среды, которая можетъ потомъ развратить васъ; пока вы живете въ сферѣ умственныхъ интересовъ, которые могутъ отойти потомъ на задній планъ;—вы не можете быть равнодушны къ тому, что происходитъ внѣ вашей личной, семейной жизни. Вы не можете быть глухи къ политическому, экономическому и соціальному недовольству,—и не потому, что кто то «пропуститъ» его черезъ васъ. Нѣтъ! Вы сами воспримете его чуткой душой. Не вѣрьте, когда вамъ говорятъ, что ваше дѣло учиться, а зрѣлыхъ людей дѣйствовать. Это говорятъ люди, которые выдали вамъ «аттестаты зрѣлости». Ваше дѣло учиться, но не только ремеслу, но и правдѣ,—быть гражданами. Не закрывайте глазъ на то, что происходитъ въ странѣ, не мѣшайте сердцу биться въ унисонъ съ мыслью, запечатлѣйте свое чувство актомъ. Не уклоняйтесь отъ выполненія долга, который лежитъ на васъ передъ родиной. Для народа, который задыхается въ нищетѣ, рабствѣ, невѣжествѣ, будьте... отдушиной.—Народъ голодаетъ. Это самый крупный фактъ, который требуетъ вашей отзывчивости. Хроническое недоѣданіе милліоновъ изъ году въ годъ—вотъ уже десять лѣтъ—смѣняется острыми голодовками, поражающими цѣлыя области.

Нужно ли говорить, отчего это происходитъ? Да и можно ли сказать объ этомъ въ статейкѣ,—на 10 минутъ чтенія? обратитесь къ литературѣ—лучшему и незамѣнимому для васъ учителю-другу. Образами она обнажитъ передъ вами царящую неправду. Она подыметъ завѣсу со свѣтлаго будущаго.—При извѣстіи о первой изъ голодовокъ молодежь хлынула въ пораженныя неурожаемъ мѣстности, чтобы кормить и лѣчить голодающихъ. Это было почти рефлективное движеніе. Но оно оказалось безцѣльнымъ,—

нельзя накормить милліоны крошками изъ подъ стола богатыхъ. Больше того: въ дальнѣйшіе годы оно оказалось и невозможнымъ. Правительство приняло всѣ мѣры, чтобы вопль нужды народной не смущалъ общественнаго спокойствія. Изъ страха, что вмѣстѣ съ милостыней интеллигенція принесетъ съ собою искры мысли и знанія, оно закрыло доступъ въ деревню почти всѣмъ благотворителямъ. Отдушина, черезъ которую могло, по мнѣнію правительства, прорваться экономическое и политическое недовольство, была тщательно имъ закупорена. Милосердіе было отдано подъ надзоръ полиціи; ради охраны самодержавія голодающій народъ былъ лишенъ даже той жалкой помощи, какую могла оказать ему частная благотворительность.—Въ поискахъ хлѣба доведенные до голодовокъ крестьяне бросились въ города и промышленные центры. Но у промышленности, цвѣтущимъ состояніемъ которой еще такъ недавно гордилось правительство, и на поддержку которой имъ были высосаны изъ деревни послѣдніе соки, не нашлось работы для голодающихъ. Захваченные кризисомъ фабриканты еще сильнѣе придавили рабочихъ, выбрасывая ихъ на улицу. Противъ нужды у правительства нашлось только одно средство: оно массами стало высылать рабочихъ на родину. Пусть тамъ дохнутъ съ голоду...—Не легко, однако, умирать съ голоду. Передъ лицомъ смерти неизбѣжны конвульсіи. Возможность ихъ предвидѣло правительство. Въ первый же голодный годъ поспѣшило оно пополнить уголовный кодексъ статьями, предусматривающими всякаго рода «публичныя скопища», въ томъ числѣ и на почвѣ «экономическихъ отношеній». Но новые и старые законы оказались безсильными предотвратить и подавить волненія массы. Въ городахъ начались и не прекращаются демонстраціи; участившіяся столкновенія въ деревнѣ начали принимать какой-то стихійный характеръ. Правительство осталось вѣрнымъ себѣ: противъ народа, не желающаго умирать безъ протеста, оно пустило въ ходъ насилія, розги и пули. Городскія улицы и деревенскія дороги окрашены кровью; царское самодержавіе добиваетъ свои жертвы и заглушаетъ ихъ предсмертные стоны.

Такова картина общаго состоянія страны. Она схематична, но мы не останавливаемся на деталяхъ лицемѣрія, которымъ правительство желало бы смягчить ея рѣзкія краски. Напомнимъ только, что русскій народъ насильно держатъ во тьмѣ и невѣжествѣ; самодержавіе стоитъ поперекъ дороги не только къ хлѣбу, но даже къ свѣту знанія и гражданственности.

Гдѣ же интеллигенція? гдѣ была она, когда разгоряли народъ? Гдѣ она теперь, въ самую трудную минуту его жизни? Не спѣшите съ упреками! Припомните культурную работу, которую она выполнила,—открытую борьбу, какую она выдержала. Пересчитайте лицъ, побывавшихъ въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, погибшихъ на висѣлицахъ... Ея преданность народному дѣлу доказана цѣлымъ рядомъ испорченныхъ жизней; ея готовность на жертвы запечатлѣна кровью. Это прошлое даетъ увѣренность,

что интеллигенція и въ настоящій критическій моментъ достойно и умѣло выполнить роль, какая суждена ей исторіей. Стихійное движеніе массы она оформитъ мыслью, а беззавѣтная преданность идеаламъ дастъ ей вождей и героевъ. «Отцы» робко и неувѣренно начали уже заявлять нужды, которыхъ такъ много накопилось въ странѣ. «Дѣти» смѣло вмѣшались въ жизнь, стараясь съорганизовать рабочій народъ и оформить его требованія. Интеллигенція первой, въ лицѣ молодежи, вышла на улицу; въ лицѣ Балмашева и Карповича она первая дала отпоръ насильникамъ. Вы живете въ періодъ великой народной борьбы, отъ исхода которой зависитъ направленіе дальнѣйшей исторіи.

Да, эта борьба народная, и у каждаго въ ней свое мѣсто. Это борьба историческая, и передъ необходимостью принять въ ней участіе должны отойти на задній планъ будничные интересы и житейскія соображенія.—Ваше мѣсто уже опредѣлилось, оставить его вы не можете. Этого не позволитъ вамъ ни чувство вашей чести, ни чувство вашей совѣсти.

Не только чувство, но и сознательный разсчетъ должны внести вы въ движеніе. И вотъ съ точки зрѣнія разсчета представляется вопросъ: не слѣдуетъ ли отдохнуть вамъ и собраться съ силами, предоставить на время борьбу другимъ общественнымъ группамъ съ тѣмъ, чтобы потомъ съ новой энергіей принять въ ней участіе? Безъ сомнѣнія, безъ колебаній мы утверждаемъ, что такой образъ дѣйствій былъ бы тактической ошибкой. Не думайте, что вы когда-нибудь будете въ состояніи помѣряться одинъ на одинъ съ правительствомъ. Залогъ общаго успѣха—во взаимной поддержкѣ, ваша сила—въ непреклонности и упорствѣ. Не оставляйте безъ удара врага; не позволяйте правительству думать, что оно васъ успокоило, не упускайте возможности нанести ему, если не физическій еще ударъ, то нравственный. Тамъ, наверху уже началось шатаніе, и, можетъ быть, уже немного нужно такихъ ударовъ, чтобы окончательно поколебать почву подъ правительствомъ и вызвать въ средѣ его панику.—Воздержаться отъ участія въ движеніи вы не только не должны, но и не можете. Нѣкоторая часть молодежи, можетъ быть, находится сейчасъ подъ обаяніемъ амнистіи и вниманія, какимъ ее стали удостаивать въ департаментскихъ пріемныхъ. Но эта струя благодушія, пущенная, чтобы ослабить настроеніе, не можетъ быть глубокой въ вашей средѣ. При нервномъ состояніи страны молодежь не можетъ оставаться спокойной.—Но, можетъ быть, вамъ слѣдуетъ воздержаться отъ массовыхъ безпорядковъ въ другихъ цѣляхъ, а именно, чтобы сохранить и посвятить всѣ активныя силы, какія имѣются у васъ, болѣе глубокому революціонному дѣлу—пропагандѣ, агитаціи и организаціи рабочихъ?—Не мы, конечно, станемъ отговаривать и устранять васъ отъ этого дѣла. Оно сейчасъ нужнѣе, чѣмъ когда-либо, и мы страстно зовемъ васъ, чтобы вы приняли въ немъ самое активное участіе. Но мы далеки отъ намѣренія въ свою или вашу тактику вносить тотъ мѣщанскій разсчетъ

и филистерскую ариѳметику, къ которымъ русская интеллигенція привыкла за долгіе годы безвременья. Мы не говоримъ, что ради террора нужно оставить демонстраціи. Мы не скажемъ даже, что ради революціонной борьбы надо бросить культурную работу. Силы тѣхъ, кто вѣритъ и дѣйствуетъ, растутъ вмѣстѣ съ дѣломъ. И въ наши дни,—въ дни окрѣпшей вѣры и ожившихъ надеждъ, —мы смѣло выступаемъ съ программой широкаго синтеза, съ программой, которая, какъ вы знаете, «даетъ мѣсто всѣмъ видамъ революціонной энергіи, всѣмъ силамъ, склонностямъ и способностямъ..., всѣмъ формамъ и методамъ борьбы, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ» (см. выше «Рабочее движеніе и наши тактическія задачи»).

И мы вамъ не скажемъ: бросьте учиться, чтобы участвовать въ сходкахъ и демонстраціяхъ. Нѣтъ! Учитесь со всѣмъ жаромъ молодости, учитесь, но спѣшите мысль, которая овладѣла вами, претворить въ дѣло. Мы не скажемъ вамъ: бросьте товарищей, потому что вы нужны рабочимъ. Идите туда, но не бросайте своего дѣла и здѣсь. Вы—учащаяся молодежь—занимаете слишкомъ важную позицію, чтобы, хоть на время, ее можно было оставить незанятой. Изо всей интеллигенціи только вы можете учинить «публичное скопище» и силой демонстрировать святость ея идеаловъ. Массовымъ сочувствіемъ поддержите героическіе акты отдѣльныхъ лицъ, которыя выступятъ впередъ изъ интеллигенціи или народа. Сочувствіемъ интеллигенціи освѣтите истинныя причины массовыхъ волненій, которыя безъ этого могутъ быть извращены или не поняты.

Готовясь возобновить участіе въ общенародной борьбѣ за хлѣбъ, свѣтъ и свободу, вы должны предвидѣть, что вамъ уже нельзя остаться въ академическихъ стѣнахъ и замкнуться въ узкомъ кругѣ близкихъ вамъ интересовъ. Ваше мѣсто, какъ отдѣльныхъ единицъ, не только въ товарищескихъ кружкахъ, но и на рабочихъ окраинахъ; ваше мѣсто, какъ массы, не только на сходкахъ, но и на центральныхъ улицахъ.

Вы должны предвидѣть и формы, въ которыхъ должно выразиться ваше участіе въ движеніи. Эти формы эволюціонируютъ вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдняго. Вы начали забастовкою, остановились на демонстраціяхъ.

Демонстраціи эти были мирныя. Это значитъ: демонстрантовъ били, а они бѣжали. Не думайте, однако, что оглядываясь на прошлое, мы видимъ тамъ только позоръ и униженіе. Даже въ своей мирной формѣ демонстраціи имѣютъ громадное значеніе и прежде всего, какъ могучее агитаціонное средство. Обыватели, благодаря имъ, начинаютъ думать и говорить о вещахъ, о которыхъ они до того времени не думали и не говорили. Въ исторіи переживаемаго нами движенія демонстраціи, съ этой точки зрѣнія, сыграли уже громадную роль. Онѣ возбудили политическую мысль въ массахъ и внесли активность въ угнетенную до того среду. Припомните 3-дневную московскую манифестацію, впервые

объединившую «улицу» со студентами; припомните петербургскіе протесты—эти первыя публичныя заявленія общественнаго недовольства.

Этимъ не исчерпывается, однако, значеніе демонстрацій. Онѣ имѣютъ не только агитаціонное, но и боевое значеніе. Есть минимумъ, который у нихъ не можетъ быть отнятъ, чѣмъ бы сами демонстраціи не закончились. Этотъ минимумъ въ одномъ случаѣ—сочувствіе массы, въ другомъ—ея протестъ. Разогнавъ демонстрантовъ и упрятавъ ихъ въ тюрмы, правительство, казалось бы, можетъ торжествовать: врагъ бѣжалъ, онъ уничтоженъ. Но это не побѣда, а только призракъ ея. Впечатлѣніе, произведенное демонстраціей, оно уничтожить уже не въ силахъ. Больше того, это не побѣда, а пораженіе, если демонстрація повторится. Владѣя милліоннымъ войскомъ, не хитро разогнать толпу въ нѣсколько тысячъ. Но, вѣдь, не затѣмъ же въ самомъ дѣлѣ пускаются въ ходъ кулаки и нагайки, чтобы очистить улицу и дать возможность пройти по ней обывателю? Для этого было бы достаточно вѣжливо сказать: посторонитесь. Провиденціальное назначеніе нагайки и розги совсѣмъ иное: онѣ должны вселить страхъ въ обывателя и отучить его отъ неудобной для самодержавія привычки протестовать и сочувствовать. И если, несмотря на всѣ усилія подавить демонстраціи, онѣ повторяются, то это значитъ, что сознаніе гражданскаго долга уже одержало побѣду надъ страхомъ, а это первый шагъ къ побѣдѣ и надъ правящей посредствомъ этого страха силой.

Еще большее значеніе демонстраціи имѣютъ для самихъ участниковъ движенія. Когда молодежь шла на демонстраціи 1901 г., у нея не было и мысли о возможности отпора. Она шла подъ нагайки, какъ агнецъ—на закланіе. Сейчасъ вопросъ о возможности и необходимости вооруженной демонстраціи, можно сказать, виситъ въ воздухѣ. Мирныя демонстраціи уяснили, съ одной стороны, неизбѣжность открытой борьбы съ насильниками, а съ другой—подняли боевое настроеніе массы.

Правда, это боевое чувство, можетъ быть, еще недостаточно сильно, но оно крѣпнетъ, и мы вправѣ надѣяться, что предстоящія демонстраціи будутъ проходить иначе, чѣмъ предыдущія, что теперь найдутся люди, которые сумѣютъ отвѣтить на ударъ кулака и нагайки.

И если въ вашей груди тлѣетъ хоть искра этого чувства, не мѣшайте разгорѣться ему въ пламя. Помните, что у революціи есть неизмѣнная заповѣдь: ни въ себѣ, ни въ другихъ не угашайте духа.

Февраль, 1903 г. *П. Новобранцевъ.*

Національное порабощеніе и революціонный соціализмъ.

Сороковая годовщина польскаго возстанія застаетъ насъ въ самомъ разгарѣ «обрусительной» политики русскаго императорскаго правительства.

Украинская литература находится издавна подъ запретомъ. Невинные переводы изъ Метаморфозъ Овидія разсматриваются какъ «особенно опасныя» проявленія украинскихъ сепаратистскихъ тенденцій. Малороссійское населеніе, обучаемое въ скверныхъ школахъ скверно читать и писать по русски, нерѣдко оказывается черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы малограмотно и по украински, и по русски. Что нужды! Тѣмъ лучше для царизма! На Кавказѣ императорское правительство принимается вплотную за армянъ. Ихъ школы находятся въ опасности; русскіе законы и русское чиновничество вводятся у нихъ безъ всякаго соображенія съ мѣстнымъ обычнымъ нравомъ и производятъ грубую ломку всей народной жизни; армянскія библіотеки, просвѣтительныя общества, словомъ, всѣ проявленія духовной культуры испытываютъ на себѣ тяжелую руку произвола. Народъ, когда-то привѣтствовавшій Россію, какъ освободительницу отъ ига турокъ, видитъ, какъ все армянское начинаетъ преслѣдоваться и угнетаться. Видитъ и справедливо негодуетъ...Всюду руссификація, всюду гоненія. Нечего ужъ и упоминать о евреяхъ; еврейскіе рабочіе вообще—паріи среди пролетаріевъ. Но у насъ, въ Россіи, они—паріи изъ паріевъ.

Неуклоннымъ и вѣрнымъ шагомъ движется впередъ и порабощеніе Финляндіи. Страна, большинство населенія которой нѣкогда гордилось своей «лойальностью» и съ крайней недовѣрчивостью и пренебреженіемъ относилось къ русскому революціонному движенію, поставлена лицомъ къ лицу съ дилеммой: или выступить на революціонный путь, или отдаться въ руки безшабашной шайки щедринскихъ «ташкентцевъ-реформаторовъ». Страна думала, что засѣвши въ окопахъ лойальности, она гарантирована отъ насилій—ибо всякій разумный консерваторъ помнитъ правило «quieta non movere», не слѣдуетъ затрагивать того, что находится въ спокойствіи и мирѣ... Но этого правила не существуетъ для русскаго правительства, не имѣющаго ничего общаго съ кон-

сервативзмомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. У русскаго правительства одна забота: на его рукахъ множество безмѣстныхъ кандидатовъ на занятіе внутренней политикой, множество оскудѣвшихъ дворянъ, множество купцовъ и промышленниковъ, не знающихъ, гдѣ обезпечить сбытъ своимъ товарамъ, которыхъ не можетъ покупать все болѣе разоряющаяся деревня. Необходима завоевательная политика, ибо нужно же куда-нибудь вывозить перепроизведенные гнилые ситцы и перепроизведенныхъ кандидатовъ въ земскіе начальники! И вотъ, на востокѣ совершается «цивилизаторскій походъ на Манджурію, а на западѣ—«цивилизаторскій» походъ на Финляндію. Законъ 20 сентября 1902 г., открывшій широкій доступъ на финляндскую службу русскимъ ташкентцамъ, представлялъ для нихъ внутреннее завоеваніе, не хуже иного внѣшняго. Съ 1-го октября нынѣшняго 1903 г., предстоитъ (еще въ силу манифеста 7-го іюня 1900 г.) новое расширеніе введенія русскаго государственнаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. А сколько потребуется русскихъ учителей для обученія государственному языку финновъ! А впереди еще руссификація всего школьнаго преподаванія... Какія богатыя перспективы открываются для Митрофановъ отечественной внутренней политики!

А сколько ждетъ своей очереди этихъ пламенѣющихъ, вѣрноподданныхъ до самозабвенія Митрофановъ! Вспомните только нестарѣющую щедринскую характеристику...

«Митрофанъ на все способенъ, потому что на все готовъ. Онъ спеціалистъ по части гражданскаго судопроизводства,—потому что занималъ деньги и не отдавалъ оныхъ; онъ спеціалистъ по части уголовнаго судопроизводства,—потому что давалъ затрещины и получалъ оныя; онъ спеціалистъ по части администраціи,—потому что знаетъ такія ругательства, которыя могутъ въ одно мгновеніе опалить человѣка; онъ спеціалистъ по части финансовъ,—потому что всѣ трактиры были свидѣтелями его финансовыхъ операцій; онъ медикъ,—потому что страдалъ секретными болѣзнями; онъ акушеръ,—потому что видалъ нагихъ женщинъ...»

И вотъ на нашихъ глазахъ шайка такихъ Митрофановъ-ташкентцевъ подъ атаманствомъ Бобрикова & К⁰ вороньей стаей налетѣла на маленькую культурную страну, приводя ее въ смятеніе и недоумѣніе своей безшабашной готовностью обуздывать, скрутить въ бараній рогъ, сжимать въ ежевыхъ рукавицахъ... Ихъ ряды пополнены кое-какъ изъ отбросовъ, подонковъ финляндскаго общества, проворовавшихся чиновниковъ, въ родѣ Карлстедта, спившихся пасторовъ и т. п. И когда въ нелегальной финляндской печати мы читаемъ о «чужестранцахъ, думающихъ лишь о своихъ личныхъ выгодахъ», вносящихъ только «безпорядокъ и путаницу» во всѣ дѣла, «безъ любви къ странѣ, безъ способности понимать и уважать простой народъ»,—то приходится только удивляться сдержанности выраженій людей, передъ которыми происходитъ грубая ломка всѣхъ вѣками выработанныхъ формъ жизни

и учрежденій, и разыгрывается вакханалія произвола невѣжественныхъ руссификаторовъ.

Остановимся хотя бы на недавнемъ рескриптѣ Николая II Клятвопреступника,—какъ всегда будетъ звать финскій народъ «благочестивѣйшаго» императора, присягавшаго на вѣрность финской конституціи и потомъ съ легкимъ сердцемъ растоптавшаго свою присягу. Отечественныя рептиліи не замедлили назвать этотъ рескриптъ «актомъ величайшей государственной мудрости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отеческой снисходительности Благостнаго монарха». Рескриптъ имѣетъ въ виду всѣхъ, неявившихся къ призыву финляндцевъ. Казалось бы, естественнымъ послѣдствіемъ неявки должно было быть привлеченіе неявившихся къ судебной отвѣтственности. Но русское правительство прекрасно знаетъ, что никакой независимый судъ не можетъ найти состава преступленія въ отказѣ повиноваться незаконнымъ, неконституціоннымъ дѣйствіямъ властей. Если законная кара здѣсь немыслима, то остается совершить новое беззаконіе. «Высочайшимъ повелѣніемъ» сенату предписывается «сыскать и представить» неявившихся; чтобы «пресѣчь» возможность уклоняться отъ сыска, въ теченіе 5 лѣтъ пріостановлена выдача имъ заграничныхъ паспортовъ; немедленно уволены тѣ изъ нихъ, кто состоялъ на службѣ; дальнѣйшій пріемъ, какъ на государственную, такъ и на общинную службу обусловленъ представленіемъ свидѣтельства объ отбываніи воинской повинности. Но этого мало. Все это—мѣры, которыя могъ бы легко измыслить и будочникъ Мымрецовъ, затвердившій одно правило: «держать и не пущать». Но не даромъ во главѣ руссификаторовъ стоитъ такой православный іезуитъ, какъ В. К. фонъ-Плеве. И вотъ придумываются мѣры, имѣющія цѣлью внести какъ можно больше розни между финнами. Это—мѣры прямого и косвеннаго подкупа. Во-первыхъ, всѣмъ тѣмъ, кто явится на призывъ, объявлена высочайшая милость. Они не будутъ зачислены въ ополченіе, а будутъ, выражаясь слогомъ воинскихъ присутствій, «обращены въ первобытное состояніе»... но лишь по мѣрѣ того, какъ штабъ батальоновъ будетъ насильно заполняться неявившимися. Иначе сказать: чтобы послушныя овцы скорѣе освободились отъ военщины, имъ достаточно поспособствовать изловленію непослушныхъ козлищъ. Попытка заразить секретной шпіонской болѣзнью культурныхъ финляндцевъ—вотъ главное цивилизаторское стремленіе нашихъ руссификаторовъ. Аналогична этому и другая попытка. При разрѣшеніи отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ ссудъ и пособій отъ казны, повелѣно принимать въ соображеніе степень ихъ участія въ противодѣйствіи призыву. Иными словами, вводится своеобразная круговая порука общинъ за своихъ сочленовъ. Разсчитывать к у ш и т ь покорность общинъ, и, кстати, насадить въ нихъ вражду къ протестующимъ элементамъ. Такъ какъ часть Финляндіи постигнута въ этомъ году недородомъ, то разсчитываютъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, эти іезуитскія

мѣры посодѣйствуютъ внесенію разврата въ финскую среду и ослабятъ мужественное сопротивленіе беззаконіямъ властей.

Нетрудно понять, какія чувства къ русскимъ и ко всему русскому могутъ прививаться въ лучшей части финляндскаго общества, благодаря такой откровенно-гнусной и развращающей политикѣ. И послѣ этого столпы русской реакціи еще имѣютъ безстыдство кричать о финляндскомъ сепаратизмѣ, о финляндско-шведской интригѣ, мѣтящей на расчлененіе единаго и нераздѣльнаго Россійскаго государства, и прочая, и прочая, и прочая! Они имѣютъ наглость самое насильничество свое надъ Финляндіей оправдывать существованіемъ въ ней національныхъ анти-русскихъ происковъ! Но что же такое сепаратизмъ? И что его порождаетъ, какъ не стремленіе правящихъ элементовъ одной національности наложить на всѣ другія двойной гнетъ, уродуя и коверкая естественное, здоровое, самостоятельное развитіе этихъ національныхъ организмовъ? Почему въ Швейцаріи живутъ бокъ о бокъ итальянцы, нѣмцы и французы, не проявляя никакого сепаратизма, а, напротивъ, одинаково являясь горячими швейцарскими патріотами? Потому, что федеративный строй и національное равноправіе одинаково обезпечиваютъ свободное развитіе всѣхъ національностей, независимо отъ того, въ большинствѣ или меньшинствѣ считаются онѣ на данной территоріи. Но если бы завтра бернчане вздумали насильно онѣмечивать женевцевъ или наоборотъ—женевцы офранцуживать бернчанъ, болѣе того, если бы одна изъ этихъ частей стала требовать себѣ какихъ-то особыхъ преимуществъ передъ другими, то въ Швейцаріи тотчасъ же развилась бы центробѣжная сила, стремящаяся расколоть ее на отдѣльныя составляющія ее національности. Всякая національность имѣетъ неоспоримое право на самостоятельное развитіе, всякая національность страдаетъ, когда это развитіе уродуется насильственнымъ перекраиваніемъ національной культуры. Обезпечьте это свободное, автономное культурное развитіе въ государственномъ строѣ, охватывающемъ нѣсколько національностей—и они будутъ привыкать къ мирнымъ, братскимъ отношеніямъ между собою. Лишите какую-нибудь національность такой культурной автономіи въ данномъ государствѣ—и вы толкнете ее на другой путь—стремленія выдѣлиться въ особое государство. Стремленіе къ самостоятельному государственному существованію, къ государственной особности всегда будетъ прорываться и усиливаться, когда государство, состоящее изъ конгломерата народностей, устанавливаетъ между ними неравныя отношенія, лишаетъ одну изъ нихъ самоопредѣленія.

Вспомните хотя бы Польшу! Польскій народъ соединенъ съ русскимъ цѣпями, смоченными дымящейся кровью и горючими слезами побѣжденныхъ. Между народами — грозныя, мрачныя историческія тѣни.... Сколько убитыхъ борцовъ, сколько казненныхъ героевъ, сколько зловѣщихъ пожарищъ, висѣлицъ и безвременныхъ могилъ окаймляютъ тотъ долгій и мучительный исто-

рическій путь, который привелъ Польшу на ея историческую Голгоѳу. И вотъ, въ довершеніе старой братоубійственной вражды между народами, зіяющія раны Польши не могутъ зажить, не могутъ закрыться до сихъ поръ. Не могутъ, потому что покоренная страна обречена на судьбу скованнаго Прометея, грудь котораго открыта острымъ когтямъ хищнаго императорскаго двуглаваго орла! И каждое новое притѣсненіе, каждый новый подвигъ баши-бузуковъ—обрусителей бередитъ незажившія раны, пробуждаетъ въ полякахъ роковыя воспоминанія.... воспоминанія о томъ, какъ «по клоку отрывала императорская Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей и, какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу....»*) Съ точки зрѣнія Россіи императорской, Россіи чиновничьей, Россіи хищныхъ ташкентцевъ, мы пріобрѣтали Польшу, мы завоевывали ее тѣмъ, что усмиряли возстаніе, отнимали льготы и вольности, вводили русскій языкъ и русскіе законы. На самомъ дѣлѣ именно этимъ мы и теряли Польшу—т.-е. ж и в у ю Польшу: зарѣзанная, полумертвая, истекающая кровью она могла быть трофеемъ побѣдъ Муравьева-вѣшателя, тѣхъ побѣдъ русскаго оружія, отъ которыхъ краска бросалась въ лицо лучшихъ русскихъ людей. Именно этими побѣдами, именно этими внутренними завоеваніями и было достигнуто то, что между двумя сосѣдними, соплеменными славянскими народами легла мрачная тѣнь взаимной отчужденности, что поляки готовы ненавидѣть русскій языкъ, русское имя.... И вотъ лучшее доказательство этому. Кого, какъ не соціалистовъ, обвиняютъ буржуазные писатели въ недостаткѣ патріотизма, любви къ отечеству? Кого они отмѣтили кличками «vaterlandlose», «sans patrie»?—И между тѣмъ, именно польская соціалистическая партія (P. P. S.) пишетъ въ своей программѣ требованіе независимости Польши, возстановленія польскаго государства...

Когда-то великій русскій публицистъ Герценъ писалъ: «Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ неотъемлемое полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ-ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ, и можно-ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменная федерація даетъ государственную среду, несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу; она должна загладить то, что мы сдѣлали ея руками; и если Польша не хочетъ этого союза,

*) А. Герценъ, «Россія и Польша» въ «Избранныхъ статьяхъ изъ Колокола», стр. 94.

мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ ней, —но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ...»

И завѣтною мечтою Герцена было братское единеніе сплеменныхъ народовъ, польскаго и русскаго, единеніе, наилучшую форму котораго онъ видѣлъ въ федеративномъ союзѣ. И онъ стремился къ тому, чтобы возрождающаяся, передовая Польша узнала и полюбила возрождающуюся и молодую Россію, которую отъ нея заслоняла Россія чиновничья, Россія императорская. И одно время казалось, что мечта его близится къ осуществленію.... Но вотъ разгулъ необузданной реакціи въ Россіи вновь вызвалъ страшный призракъ вѣковой вражды. Грубый солдатскій сапогъ началъ вновь растаптывать права и свободу покореннаго народа; пожаръ польскаго возстанія былъ залитъ кровью, и на пирамидѣ изъ человѣческихъ костей воздвигся живой монументъ человѣка съ каменнымъ сердцемъ, деревянными нервами и безсмысленно-звѣрскимъ взглядомъ оловянныхъ глазъ—Муравьева-вѣшателя. А изъ великаго сердца великаго русскаго публициста вырвался крикъ жгучей боли: «Что же вы сдѣлали, что сдѣлали вы, изъ всѣхъ усилій нашихъ? Все, что мы лѣпили по песчинкѣ—смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ 15 лѣтъ я снова, идя по улицѣ, боюсь, чтобы не узнали, что я русскій»...

И вотъ, теперь, усиліями Бобриковыхъ и Плеве, подготовляется изъ Финляндіи вторая Польша. Каждый ударъ, который наносится правамъ и свободѣ этой страны, и который встрѣчаютъ рукоплесканіями органы нашей реакціонной прессы, есть еще въ большей степени ударъ, наносимый самой Россіи. Маленькую страну, съ твердымъ достоинствомъ протестующую противъ грубой силы, основывающейся на кулачномъ правѣ, только еще выше поднимаютъ всѣ эти удары въ глазахъ всѣхъ культурныхъ націй. Но Россія, но русское имя съ каждымъ ударомъ дѣлается все болѣе презрѣннымъ и ненавистнымъ повсюду. Подобно тому, какъ въ мрачныя времена Николая I, Николая Палкина, Россія прославилась, какъ злѣйшій врагъ свободы во всей Европѣ—такъ и теперь, во времена Николая II, Николая Послѣдняго, мы стремимся возстановить старую, еще не заглохшую репутацію. Но какая громадная разница! Во времена Николая I реакціонное неистовство «двухголоваго, двуязычнаго и двуличнаго» императорскаго орла шло смѣло и слѣпо на проломъ, не страшась борьбы съ половиной Европы. При Николаѣ Послѣднемъ оно избрало благую часть, трусливо нападая лишь на слабаго, лишь на беззащитнаго.... Ограбить Манджурію, перетопить безоружныхъ китайцевъ въ водахъ Амура, обрушиться всѣми силами огромной имперіи на маленькій, мирный и лойальный народъ—вотъ гдѣ достойное поприще нашей доблести, вотъ гдѣ хотимъ мы пожать неувядаемые лавры побѣдителей! И вотъ, на позоръ всей Европѣ, неприкрытое никакими фиговыми листками, гадкое, оголенно-циничное встаетъ во весь свой безобразный и уродливый ростъ наше самодержавное

самодурство—умѣя возбудить омерзѣніе даже въ усталой, одряхлѣвшей, растерявшей всѣ свои лучшія традиціи буржуазіи Запада.... И удивительно-ли, если Финляндія, столько времени связанная съ Россіей узами мирнаго сожитія, отпрянетъ съ отвращеніемъ и ужасомъ и поднимется, подобно Польшѣ, знамя полной государственной независимости? Это будетъ ея законное право, мы первые должны будемъ такъ-же искренне и безповоротно признать это право за ней, какъ и за Польшей—и не только признать самимъ, но и заставить признать другихъ.... И то же самое вѣрно по отношенію ко всѣмъ угнетаемымъ царской Россіей національностямъ...

Только молодая, растущая революціонная Россія, Россія рабочаго класса—и только она одна— способна заставить померкнуть эту зловѣщую грязно-сѣрую тѣнь, отбрасываемую самодержавіемъ на всю страну. Но эта Россія растетъ, выше и выше поднимаетъ свое знамя—знамя свободы, братства между народами, знамя интернаціональнаго соціализма. Только она одна сможетъ навѣки похоронить мрачные призраки прошедшихъ историческихъ столкновеній между братьями-народами. Только ея торжество можетъ предупредить новыя кровавыя драмы, новые пожары возстанія угнетаемыхъ народностей. И если это торжество замедлится; если вакханаліи ташкентцевъ-обрусителей приведутъ къ тому, что мирныя демонстраціи протеста перейдутъ къ болѣе бурнымъ взрывамъ и земли обагрятся кровью; если русское оружіе будетъ одерживать надъ финнами, армянами и т. под. побѣды, которыя покроютъ его позоромъ,—то отвѣтственность за это ляжетъ на всѣхъ, кто не борется съ этимъ гнуснымъ организованнымъ насильничествомъ самодержавія, кто былъ попустителемъ и укрывателемъ его преступленій. Напрасно будутъ они умывать руки, отходить въ сторону и лицемѣрно говорить: «я не повиненъ въ крови этого праведника». Нѣтъ, если когда-нибудь польется вновь польская, финская или еще чья-нибудь кровь—эта кровь будетъ тяжелымъ кошмаромъ тяготѣть на совѣсти всѣхъ «вареныхъ душъ», всѣхъ «людей-слизняковъ», которые живутъ въ «хатѣ съ краю»...

Если они думаютъ, будто можно куда-то уйти отъ всякаго вліянія на ходъ исторіи; если они думаютъ, что можно жить, никого не трогая, и только мирно коптить небо—то пусть они вспомнятъ, что этотъ ихъ дымъ и копоть сгущаются въ сѣрыя, свинцовыя тучи, способныя заслонить самое солнце...

* * *

Мы, какъ соціалисты, противъ всего, что препятствуетъ сближенію національностей. Поэтому мы—противники всякаго націонализма, самобытничества и тому подобныхъ теченій, ставящихъ себѣ существенно консервативныя задачи—ревниво охранять исторически унаслѣдованныя національныя особенности. Наше стре-

мленіе сдѣлать общечеловѣческимъ и, слѣдовательно, общенаціональнымъ достояніемъ всѣ лучшія черты всѣхъ національностей. Человѣка мы стремимся освободить отъ всѣхъ узкихъ, исторически сложившихся ограниченій. Мы стремимся все человѣческое сдѣлать доступнымъ всѣмъ людямъ, стереть всѣ перегородки, мѣшающія взаимному пониманію и взаимному вліянію людей другъ на друга. Но мы не слѣпы. Мы знаемъ, что къ этому есть только одинъ путь: работа на почвѣ данныхъ, исторически сложившихся національныхъ организмовъ, пользуясь могучимъ орудіемъ культурнаго развитія—роднымъ языкомъ, приспособляясь къ данному положенію и уровню развитія національности, опираясь на ея лучшія стороны и черты, концентрируя свою борьбу противъ худшихъ чертъ. Національное возрожденіе, національный подъемъ, поэтому, вовсе не враждебное — напротивъ того, крайне благопріятное для насъ явленіе. Этотъ національный подъемъ для насъ, однако, измѣряется степенью проведенія въ данную національную среду, въ формѣ, соотвѣтствующей всѣмъ ея особенностямъ, великихъ международныхъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Національное для насъ есть форма усвоенія и воплощенія всемірнаго, все-человѣческаго прогресса. Мы—интернаціоналисты, но нашъ интернаціонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пошлымъ, поверхностнымъ буржуазнымъ космополитизмомъ, который просто игнорируетъ всѣ особенности національнаго развитія и всѣ вытекающія изъ нихъ задачи. Этому космополитизму нѣтъ до нихъ никакого дѣла, потому что онъ не связанъ органически съ глубокой подпочвой трудовыхъ народныхъ массъ, потому что онъ—аристократическое, оранжерейное растеніе, живущее не въ естественной средѣ, не подъ открытымъ небомъ, не въ родномъ грунтѣ, а въ 4-хъ стѣнахъ теплицы, одинаковой подъ всѣми градусами широты и долготы и во всѣхъ поясахъ земного шара.

Именно потому, что мы противъ всего, что разъединяетъ національности, что затрудняетъ ихъ взаимное сближеніе и взаимное пониманіе—именно потому мы—непримиримые противники государственно-ассимиляторской политики, стремящейся всѣми мѣрами остановить, затормозить самостоятельное развитіе подчиненныхъ, угнетенныхъ національностей, навязать имъ кафтанъ съ чужого плеча, языкъ и культуру господствующей національности. Мы непримиримые противники этой ассимиляторской политики, во первыхъ, потому, что она тормозитъ поступательное развитіе народа. Высшіе его классы, его образованные слои, его интеллигенція, правда, легко поддается ассимиляціи, легко забываетъ свой родной языкъ, нравы, культуру и воспринимаетъ чужіе. Но обдѣленные, низшіе классы, подавленные трудомъ, часто бредущіе «по житейской дорогѣ въ безпросвѣтной, глубокой ночи» и безъ того съ величайшимъ трудомъ должны выстрадать и добыть съ бою каждую крупицу знанія и самосознанія. Подавить національную культуру этихъ массъ не такъ трудно; но въ десять разъ труднѣе сообщить имъ чужую культуру, въ мало понятной фор-

мѣ... Ограбленный не только матеріально, ограбленный, что въ тысячу разъ хуже, духовно, лишенный всякаго историческаго духовнаго наслѣдства, лишенный своей интеллигенціи, ассимилированной другой національностью, нищій умственными силами, нищій образованіемъ, народъ только легче поддался бы экономической эксплуатаціи, будучи не въ состояніи поднять своего стихійнаго гнѣва противъ нея на степень осмысленной борьбы, руководимой свѣтомъ научной истины и научнаго соціалистическаго идеала...

Во вторыхъ, мы—непримиримые противники этой государственно-ассимиляторской политики еще и потому, что она самымъ фактомъ національнаго угнетенія способна пробуждать въ угнетаемыхъ національностяхъ фанатическую привязанность ко всѣмъ ихъ національнымъ особенностямъ, именно потому, что онѣ національны, именно потому, что за нихъ гонятъ и преслѣдуютъ. Когда Петръ сталъ силкомъ стричь бороды своимъ боярамъ, борода сдѣлалась для бояръ символомъ всего, самаго для нихъ дорогого, какъ бы знаменемъ допетровской культуры. Двухперстное сложеніе никогда не пріобрѣло бы такихъ фанатическихъ сторонниковъ, если бы съ нимъ не связалось неразрывными нитями право людей свободно вѣрить и поклоняться своему богу такъ, какъ велитъ совѣсть, а не московскій митрополитъ. Гоненія на евреевъ побуждали ихъ только цѣпляться всѣми силами за весь свой древній ритуалъ, за всѣ традиціи стараго времени, которыя безъ этихъ преслѣдованій съ гораздо большей легкостью были бы переработаны критической мыслью передовыхъ евреевъ. Національнымъ наступательный, націонализмъ представителей господствующей національности съ его знаменемъ захватовъ, завоеваній и насилій—глубоко противенъ и анти-культуренъ. Но онъ анти-культуренъ не только самъ по себѣ, но еще и тѣмъ, что заражаетъ анти-культурнымъ началомъ и другой націонализмъ—націонализмъ оборонительный. Этотъ послѣдній, въ пылу борьбы, тоже вынуждается на эксцессы, на преувеличенія, выходитъ изъ рамокъ законной защиты свободы національнаго развитія, придавая національному началу не только значеніе формы проведенія общечеловѣческаго содержанія, но и стремясь, по закону реакціи, къ узко-національной обособленности, культурному отдаленію отъ другихъ народовъ, хватаясь за старину только потому, что она «національна», чураясь новаго, поскольку его приходится заимствовать. Наконецъ, національный гнетъ въ высшей степени способенъ пробуждать взаимное тяготѣніе въ различныхъ въ сословномъ и классовомъ отношеніи элементахъ. Это взаимное тяготѣніе законно, но лишь постольку, поскольку оно ограничивается общей почвой защиты правъ на свободное развитіе, необходимыхъ всѣмъ членамъ, составляющимъ національность; поскольку оно не заслоняетъ непримиримой розни классовыхъ интересовъ внутри данной національности; и поскольку оно не заставляетъ забыть о международной солидарности рабочаго класса всѣхъ національностей. Но въ томъ-

то и дѣло, что національный гнетъ болѣе всего способенъ разжигать слѣпую, огульную вражду нѣмца—ко всему французскому, француза—ко всему нѣмецкому и т. дал.; что національный гнетъ болѣе всего способенъ облегчать господствующимъ классамъ проповѣдь реакціонной идеи гармоніи интересовъ, усыплять революціонность рабочаго класса, создавая ей отводный каналъ въ сторону борьбы исключительно противъ господствующей національности и помогая буржуазнымъ партіямъ тащить за собой въ хвостѣ рабочее движеніе, лишенное его независимаго, самостоятельнаго характера.

Вотъ почему мы пишемъ на своемъ знамени—полное и безусловное право національностей на самоопредѣленіе. Вотъ почему мы стоимъ за федеративный строй, за широчайшее развитіе мѣстнаго самоуправленія, за культурную автономію народностей. Лишь свободный общественный строй, въ которомъ ограждены и права меньшинства, способенъ обезпечить мирное сожитіе подъ одной государственной кровлей различныхъ націй. Лишь такой строй можетъ лишить прежней остроты національные споры. Пока же такого строя нѣтъ, до тѣхъ поръ различныя народности будутъ вѣчно тяготѣть къ сепаратизму, къ государственной особности и независимости. До тѣхъ поръ вѣчно будетъ вставать между ними и грозный призракъ спора изъ-за границъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, теперь въ цѣлыхъ областяхъ перемѣшивается, переплетается другъ съ другомъ разноплеменное населеніе. Никакимъ перекраиваніемъ границъ нельзя избѣгнуть того, чтобы на одной и той же территоріи не жило, въ видѣ большинства и меньшинства, различныхъ національностей. Есть мѣстности, въ которыхъ, въ различномъ процентномъ отношеніи, перемѣшаны 3-4 отдѣльныхъ національности, изъ которыхъ каждая—въ меньшинствѣ. Есть цѣлая національность—еврейская,—которая не имѣетъ своей сплошной территоріи и разселена повсюду рядомъ съ другими исторически осѣдлыми національностями. Это, конечно, не лишаетъ еврейскую національность такого же права на самоопредѣленіе, на автономное культурное развитіе, какое мы признаемъ за всякой другой національностью. Для насъ, какъ соціалистовъ, право на самоопредѣленіе дается не исторической традиціей, не «семью боярами въ числѣ предковъ», не государственной независимостью въ прошломъ, не тѣмъ или другимъ территоріальнымъ разселеніемъ, а самымъ фактомъ того глубокаго культурнаго различія, который раздѣляетъ человѣчество на отдѣльныя національности. Ни одна изъ такихъ національностей не имѣетъ передъ другой никакихъ монопольныхъ правъ, всѣмъ должно быть дано равное мѣсто другъ подлѣ друга, равная доля въ благахъ міра, равная возможность самоуправляться и развиваться естественно, свободно, утилизируя весь свой національно-историческій духовный и культурный капиталъ и дѣлая его исходной точкой для развитія къ великому, общечеловѣческому идеалу соціализма. Самомалѣйшая національная привилегія въ нашихъ глазахъ столь же реакціон-

на и антисоціалистична, какъ привилегія классовая или сословная. Въ будущемъ обществѣ мы должны и съумѣемъ выработать формы, обезпечивающія мирное, братское сожитіе всѣхъ народовъ, которое одно способно создать истинно общечеловѣческую культуру и свести къ минимуму національныя перегородки. Но и въ современномъ обществѣ мы, какъ соціалисты, должны и будемъ вести ожесточенную, непримиримую борьбу противъ всякаго угнетенія и всякой несправедливости, направляется-ли она противъ расы, религіи, націи, племени, класса, пола или партіи.

Мы горячо привѣтствуемъ историческое возрожденіе порабощенныхъ императорской Россіей народовъ: финскаго, польскаго, литовскаго, латышскаго, еврейскаго, украинскаго, армянскаго и всѣхъ другихъ, которые, пріобщаясь къ международному соціалистическому движенію, доказываютъ тѣмъ самымъ свою національную жизнеспособность. Да здравствуетъ же ихъ союзъ съ растущей революціонной Россіей! Этотъ союзъ скрѣпленъ общностью страданій и общностью борьбы противъ злѣйшаго врага всѣхъ этихъ народовъ, начиная съ русскаго—противъ хищнаго дворянско-плутократическаго самодержавія!

Февраль, 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

Національный вопросъ и революція.

Русская Арменія сдѣлалась ареной крупныхъ событій. Только взвѣсивъ все положеніе армянскаго народа въ связи съ недавнимъ его прошлымъ, можно оцѣнить, что знаменуетъ собою для армянъ послѣдніе акты русской внутренней политики, сколько несутъ они съ собою разочарованій, разбитыхъ надеждъ, горечи и гнѣва.

Арменія—это Польша Азіи. Какъ Польша, Арменія разсѣ-

чена на три части, раздѣлена между тремя сосѣдними государствами: Россіей, Турціей и Персіей. Но азіатскій характеръ этихъ трехъ правительствъ во много разъ увеличиваетъ тягостныя послѣдствія этой исторической вивисекціи. Трудно описать всѣ тѣ ужасы, которые могутъ совершаться, особенно въ Турціи, надъ беззащитнымъ населеніемъ, лишеннымъ права свободнаго передвиженія, лишеннымъ права ношенія оружія, предоставленнаго въ жертву неистовствамъ и фанатизму дикаго окрестнаго населенія, подстрекаемаго и руководимаго организованной разбойничьей шайкой, носящей имя турецкой администраціи. Достаточно сказать, что когда Георгъ Брандесъ въ Берлинѣ въ своей рѣчи объ «Арменіи и Европѣ» попробовалъ нарисовать нѣкоторыя картины этихъ ужасовъ, залъ огласился рыданіями публики и многіе должны были уйти—ихъ нервы не могли выдержать разсказа о страшной правдѣ. Страшно подумать, что цѣлый народъ въ теченіи десятилѣтій долженъ терпѣть ужасы, десятиминутнаго разсказа о которыхъ не могутъ выдержать нервы цивилизованнаго европейца...

Неудивительно поэтому, что присоединеніе части Арменіи къ Россіи на первыхъ порахъ вызвало искренній и глубокій вздохъ облегченія со стороны населенія. Немудрено, что русскихъ привѣтствовали, какъ освободителей отъ гнета мусульманскаго фанатизма и турецкой администраціи. Энтузіазмъ былъ всеобщій. Турецкіе армяне съ завистью смотрѣли на участь своихъ кавказскихъ соотечественниковъ. Взоры ихъ начали уже обращаться къ Россіи съ надеждой...

Казалось, остается только пользоваться всѣмъ этимъ... Но расцвѣтъ армянской культуры и образованности, развитіе армянской литературы, школъ, газетъ и пр. вскорѣ возбудилъ недовѣрчивую подозрительность царскаго правительства. Скоро оказалось, что бюрократическое самодержавіе и свободное развитіе подвластныхъ ему иныхъ національностей несовмѣстимы уже по самому существу своему. Финляндцы нѣкогда гордились своей лэйальностью. Казалось бы царскому правительству оставалось только слѣдовать правилу—quieta non movere. Именно теперь, когда революціонное движеніе въ странѣ такъ сильно растетъ, царю и не слѣдовало бы плодить себѣ подъ бокомъ новыхъ враговъ. И однако, г. фонъ-Плеве, какъ самый образцовый союзникъ революціи, ухитрился взволновать спокойную прежде Финляндію. Такимъ же образомъ царское правительство не смогло, органически не смогло потерпѣть національнаго возрожденія Арменіи. Въ 1885 г. впервые вышелъ приказъ о закрытіи всѣхъ армянскихъ свѣтскихъ школъ, и около 20 тыс. учащихся обоего пола было выброшено на улицу... Потомъ ихъ снова разрѣшили было открыть—и снова закрыли. Конечно, параллельно съ этимъ шелъ разбойничій захватъ имуществъ, принадлежащихъ школамъ. Затѣмъ правительственный молотъ прихлопнулъ цѣлый рядъ армянскихъ благотворительныхъ обществъ; общество изданія армянскихъ книгъ; популярно-научный журналъ «Ардзаганкъ»; цѣ-

лый рядъ городскихъ и сельскихъ библіотекъ. На ряду съ этимъ шло вытѣсненіе армянскаго элемента изъ городскихъ думъ и съ государственной службы; шло и обращеніе, путемъ обманныхъ обѣщаній, армянскихъ крестьянъ въ лоно православной церкви. Наконецъ, чаша терпѣнія была переполнена, когда фонъ-Плеве наложилъ свою руку и на церковныя школы и на церковно-школьные капиталы. Въ объясненіе того, почему эта мѣра такъ чувствительно задѣла массу, нужно принять во вниманіе, что у армянъ сохранился старинный обычай выбора мірянами священниковъ и завѣдующихъ церковными капиталами; такимъ образомъ, армянскія церковныя школы не есть достояніе обособленной духовной касты, а школы, находящіяся въ органической близости къ народу. Наконецъ, слѣдуя правилу «раздѣляй и властвуй», правительство сильно запутало аграрныя отношенія на Кавказѣ, отрѣзавши массу земель у туземцевъ и раздавъ ихъ пришельцамъ—крестьянамъ и крупнымъ владѣльцамъ. Нетрудно понять, сколько взаимной вражды, сколько недоразумѣній и столкновеній благодаря земельной тѣснотѣ и спорности границъ возникло между пестрымъ, разноплеменнымъ населеніемъ Кавказа...

Протестующее, оппозиціонное и революціонное настроеніе распространилось широко. Но первыя же внѣшнія его проявленія доказали армянамъ, что казацкія нагайки, шашки городовыхъ, пули и штыки солдатъ—вотъ единственный отвѣтъ на ихъ законныя притязанія, на который способно царское правительство. Былыя иллюзіи разсѣялись. Дальнѣйшія же дѣйствія царскаго правительства ясно показали, что отнынѣ турецкія власти имѣютъ въ немъ своего вѣрнаго союзника. Глубокое разочарованіе смѣнило былыя надежды на то, что Россія принесетъ избавленіе турецкимъ армянамъ. Мы уже приводили рядъ секретныхъ документовъ русскаго правительства, ярко рисующихъ «братскую помощь русскаго султана турецкому царю». Армянъ, работающихъ на русской территоріи ради освобожденія своихъ турецкихъ собратій отъ ужаснаго гнета, царскія ищейки травятъ и выслѣживаютъ не меньше, чѣмъ русскихъ революціонеровъ. Борьба съ русскимъ правительствомъ становится неизбѣжной обязанностью всѣхъ армянскихъ революціонныхъ силъ...

На Кавказѣ мы имѣемъ въ настоящее время крайнюю разноплеменность, крайнюю пестроту расъ и религій. Армяне и грузины, персы и турки, черкесы и татары, русскіе и осетины, абхазцы и лезгины—всѣ эти народности здѣсь переплетены и перемѣшаны. Здѣсь возникаетъ новый вопросъ, больной и жгучій: вопросъ о томъ, чтобы въ борьбѣ противъ общаго врага и притѣснителя революціонныя силы разныхъ національностей не сталкивались враждебно между собою, не парализовали взаимнымъ треніемъ успѣховъ общаго дѣла; чтобы, сбросивъ общій гнетъ, они не уничтожили плодовъ побѣды внезапнымъ междоусобіемъ. И естественно, что идея федеративнаго строя, какъ наиболѣе обезпечивающаго мирное политическое сожитіе разноплеменныхъ элементовъ,

уже пользуется широкой популярностью среди революціонеровъ Кавказа. Здоровый политическій инстинктъ ихъ не обманываетъ. Не нужно однако забывать, что вопросъ о политическихъ формахъ не исчерпываетъ всего вопроса о треніи между различными національностями. Не менѣе важной стороной того же вопроса являются аграрныя неурядицы. Русскіе крестьяне-переселенцы и другія народности, тѣснившія другъ друга; крестьяне-земледѣльцы всѣхъ національностей вмѣстѣ, тѣснимые крупнымъ земледѣліемъ, —все это представляетъ широкую почву для аграрныхъ столкновеній, часто осложняемыхъ разноплеменностью сталкивающихся элементовъ и разогрѣвающихъ племенную вражду. И это—новое основаніе для того, чтобы революціонеры Кавказа выдвинули въ своей ближайшей практической программѣ смѣлыя и широкія аграрныя требованія, дѣйствительно способныя устранить существующую нынѣ вредную запутанность аграрныхъ отношеній. Было бы дико и нелѣпо, если бы изъ боязни повредить проблематическому будущему аграрнаго капитализма, кавказскіе революціонеры въ своей ближайшей, практической программѣ стали бережно относиться къ интересамъ крупнаго землевладѣнія. Его экспропріація и соціализація въ той или иной, соотвѣтствующей мѣстнымъ условіямъ формѣ—однѣ только способны дать въ руки революціонеровъ достаточный земельный фондъ, чтобы распутать ту путаницу сталкивающихся интересовъ, которую такъ давно и, быть можетъ, не безъ задней мысли создавало и усугубляло царское правительство.

Одно вѣрно. Ни отъ своихъ, ни отъ чужеземныхъ правительствъ, ни отъ хитросплетенныхъ фокусовъ дипломатіи, ни отъ мудрости разсчитывающихъ на нее политикановъ угнетенныя нынѣ народности не могутъ ожидать своего освобожденія. Современныя монархическія и буржуазныя правительства недоступны идеалистическимъ побужденіямъ. Только голосъ матеріальной выгоды, обнаженнаго разсчета, безсердечнаго чистогана обладаетъ магической силой, способной заставить ихъ дѣйствовать, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Когда Лорандо и Тубини рисковали не получить должнаго возмѣщенія своихъ проторей и убытковъ, современная свободная и республиканская Франція послала въ турецкія воды тотчасъ же военныя суда. Когда Венецуэла отказалась было заплатить предъявившимъ ей свои счеты европейскимъ капиталистамъ, ея гавани подверглись блокадѣ и бомбардировкѣ военныхъ судовъ нѣсколькихъ государствъ. Но всѣ страданія армянъ или македонцевъ, пока они терпѣли и только взывали о помощи, были безсильны вызвать что-либо подобное. Только революціонныя попытки самихъ угнетенныхъ народностей заставляютъ правительства отрѣшиться отъ своего равнодушія и считаться съ ихъ стремленіями и требованіями. Только повсемѣстные успѣхи революціоннаго соціализма приближаютъ для угнетенныхъ народностей часъ, когда пробьетъ конецъ ихъ страданіямъ, когда будутъ залѣчены ихъ раны...

Да здравствуетъ же боевая федерація соціально-революціонныхъ силъ всѣхъ народовъ, прикованныхъ другъ къ другу общимъ гнетомъ бюрократическаго централизма и насилія! Мы вѣримъ, что эта федерація будетъ лучшимъ предтечею будущей свободной федераціи народовъ, сбросившихъ иго абсолютистскаго и капиталистическаго рабства!

* * *

Не всѣ, однако, относятся такимъ образомъ къ вопросу о федеративномъ принципѣ въ государственномъ строѣ. Среди русскихъ революціонеровъ есть сторонники государственнаго централизма, относящіеся весьма недружелюбно къ идеѣ федераціи. Органомъ этого централистическаго теченія является «Искра».

Когда возникъ «Союзъ армянскихъ соціальдемократовъ» со своимъ органомъ «Пролетаріатъ», то онъ высказался рѣшительно за принципъ федерализма, какъ наиболѣе цѣлесообразный для Россіи, съ ея разноплеменнымъ населеніемъ, живущимъ въ самыхъ различныхъ мѣстныхъ условіяхъ, на разныхъ ступеняхъ культуры. Въ противовѣсъ ему «Искра» выдвинула положеніе, что «не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію, не дѣло пролетаріата выставлять подобныя требованія, неминуемо сводящіяся къ требованію создать автономное классовое государство». Аргументъ этотъ основанъ на какомъ-то странномъ недоразумѣніи, если не на сознательной путаницѣ. Требуя перестройки современнаго классоваго государства на началахъ федерализма и автономіи, пролетаріатъ—или, общѣе, рабочій классъ—работаетъ не надъ созданіемъ классоваго государства, а надъ его реформированіемъ: именно, онъ ослабляетъ, подрываетъ тотъ централистическій принципъ, который такъ любезенъ наиболѣе реакціоннымъ фракціямъ буржуазіи и унаслѣдованной отъ временъ абсолютизма бюрократіи. Государственный централизмъ, неразлучно связанный съ бюрократизмомъ, есть одна изъ самыхъ худшихъ формъ классоваго господства, и борьба съ этимъ мертвящимъ централизмомъ и бюрократизмомъ есть дѣло болѣе чѣмъ естественное и болѣе чѣмъ цѣлесообразное. Федерализмъ, національная автономія, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія, раздробляетъ внѣшне-принудительную силу современнаго классового государства, приближаетъ государственныя функціи къ самому народу, къ естественно сложившимся индивидуализированнымъ культурнымъ единицамъ этого народа. И чѣмъ больше даетъ государственная форма простора ихъ свободному, самостоятельному, органическому развитію, тѣмъ меньше тренія между этими культурно-національными единицами, тѣмъ меньше они мѣшаютъ другъ другу и враждуютъ другъ съ другомъ, тѣмъ легче (разумѣется, при прочихъ равныхъ условіяхъ) проникновеніе въ ихъ среду вели-

кихъ международныхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ нашего времени.

«Мы—говоритъ «Искра»—должны всегда и безусловно стремиться къ самому тѣсному соединенію пролетаріата всѣхъ національностей». Да, конечно, задача наша—соединять, а не раздѣлять; но поэтому намъ и важно найти такія формы соединенія, которыя не были бы «самыми тѣсными» въ другомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова. Иначе тотчасъ же разовьются центробѣжныя теченія, которыя могутъ разорвать всякую связь между нѣсколькими различными національными фракціями пролетаріата, и даже поселить между ними взаимное недовѣріе и вражду. И развѣ тѣсная братская связь пролетаріата различныхъ національностей находится въ зависимости отъ того, живутъ ли они подъ единой государственной кровлей или нѣтъ? Между соціалистическими партіями еврейскаго, польскаго и русскаго пролетаріата существуетъ весьма замѣтное треніе; между тѣмъ польскій и французскій пролетаріатъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ гораздо болѣе чистомъ видѣ слѣдовали принципамъ интернаціонализма. «Искра» смѣшиваетъ—и очень грубо смѣшиваетъ—внѣшнее, насильственно-государственное «соединеніе» съ гораздо болѣе широкимъ, свободнымъ международнымъ рабочимъ братствомъ; она аргументируетъ въ пользу «государственнаго единства» современныхъ «державъ» данными, говорящими совсѣмъ за другое: за международное единство рабочаго класса. По мнѣнію «Искры», только въ исключительныхъ случаяхъ партія пролетаріата можетъ поддерживать требованія, направленныя «къ замѣнѣ полнаго политическаго единства государства болѣе слабымъ федеративнымъ единствомъ». Интересно было бы знать, почему это? Ради чего, въ качествѣ общаго правила, должны мы стоять за сохраненіе «полнаго политическаго единства» исторически сложившихся государствъ? Почему это «единство» есть для насъ какой-то фетишъ, уклоненіе отъ вѣрности которому дозволяется только при особо-исключительныхъ обстоятельствахъ? Мы рѣшительно этого не понимаемъ. Почему стремленіе ирландцевъ къ гомрулю плохо? Чѣмъ современный австро-венгерскій дуализмъ хуже единой австрійской имперіи? Чѣмъ австрійскій федерализмъ былъ бы хуже современнаго австро-венгерскаго дуализма? Чѣмъ такъ хорошо полное государственное единство турецкой имперіи и чѣмъ плохо совершившееся отдѣленіе балканскихъ славянскихъ государствъ? Чѣмъ худо отдѣленіе сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ? Чѣмъ была бы лучше «единая и нераздѣльная» швейцарская республика сравнительно съ современной, раздѣленной на кантоны? Мы могли бы еще удлинить этотъ рядъ вопросовъ. Или все это—какъ разъ «исключительные» случаи? Но тогда не больше ли у насъ будетъ «исключеній», чѣмъ случаевъ, подходящихъ подъ общее правило?

Современныя государства, какъ они исторически сложились, сплошь и рядомъ представляютъ такія уродливыя, искусственныя

соединенія, что мы рѣшительно не понимаемъ, почему фактъ ихъ централистическаго «единства» мы должны возводить въ норму. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы мы возводили въ безусловный принципъ самостоятельное, обособленное государственное существованіе каждой отдѣльной національности. Мѣстами будетъ болѣе всего соотвѣтствовать интересамъ соціальнаго прогресса, конечно, такое государственное обособленіе, мѣстами лучше всего окажется федеративная связь, мѣстами, можетъ быть, будетъ совершенно достаточно для ближайшихъ практическихъ цѣлей широкаго мѣстнаго самоуправленія; а для народностей, не имѣющихъ сплошной территоріи, быть можетъ, возникнутъ своеобразныя формы корпоративнаго самоуправленія въ области важнѣйшихъ проявленій національной культуры. Мы не раздѣляемъ предвзятаго апріорнаго тяготѣнія «Искры» къ «полному государственному единству», т.-е. къ государственно-централистическому принципу. Мы считаемъ сферу цѣлесообразнаго примѣненія этого принципа наиболѣе узкой и ограниченной. Мы не имѣемъ абстрактнаго и единообразнаго рѣшенія національнаго вопроса для всѣхъ случаевъ; онъ будетъ рѣшаться каждый разъ сообразно мѣстнымъ условіямъ; и рѣшающимъ для судьбы каждой данной національности будетъ именно ея голосъ. Въ этомъ и состоитъ принимаемый нами принципъ права національнаго самоопредѣленія, которое признается нами безусловно и безотговорочно.

Приведя наши слова о «полномъ и безусловномъ признаніи права на національное самоопредѣленіе»*), «Искра» неожиданно объявляетъ, что это не болѣе, какъ «буржуазно-демократическая фраза», какъ «шумиха» «такъ называемой партіи, такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ». И, какъ водится, подкрѣпляетъ это свое мнѣніе цитатой изъ Каутскаго, который утверждаетъ, что «національная независимость не такъ неразрывно связана съ классовыми интересами борющагося пролетаріата, чтобы должно было стремиться къ ней безусловно, при всѣхъ обстоятельствахъ». И не безъ наивности «Искра» полагаетъ, что этимъ она подтвердила свою вылазку противъ насъ. На самомъ же дѣлѣ, она подтвердила этимъ только то, что совершенно не разобралась въ національномъ вопросѣ и немилосердно путаетъ довольно-таки элементарныя понятія. Одно дѣло—«національная независимость», о которой говоритъ здѣсь Каутскій (статья его посвящена вопросу о независимости Польши), другое дѣло—національное самоопредѣленіе. Національное самоопредѣленіе означаетъ предоставленіе самой національности права рѣшить—желаетъ ли она жить подъ единой государственной кровлей съ другой національностью, или подъ совершенно особой кровлей, или же, наконецъ, подъ двуединой кровлей федеральнаго союза. Національная же независи-

*) Цитата изъ статьи «Національное порабощеніе и революціонный соціализмъ». См. «Р. Р.» № 18 или сборникъ «По вопросамъ программы и тактики» вып. I, стр. 182—193.

мость есть только одинъ изъ возможныхъ способовъ самоопредѣленія. Что же утверждаетъ Каутскій? Только то, что для рабочаго класса данной національности не всегда самымъ выгоднымъ исходомъ будетъ ея государственное обособленіе. Выборъ данной самоопредѣляющейся національностью конкретной формы государственной жизни Каутскій ставитъ для соціалистовъ въ зависимость отъ высшаго критерія—интересовъ классовой борьбы пролетаріата. А «Искра», смѣшавъ понятіе самоопредѣленія съ понятіемъ о государственной независимости, порѣшила, что Каутскій принимаетъ неполно и условно самый принципъ національнаго самоопредѣленія. И гордо обозвала насъ буржуазными демократами.

Кому же рѣшать—спросимъ мы «Искру»—какая конкретная форма государственной жизни данной національности наиболѣе благопріятна освободительной борьбѣ ея рабочаго класса за великій общечеловѣческій идеалъ соціализма? Да кому же, кромѣ самого этого рабочаго класса? Всякая другая соціалистическая партія, объединяющая рабочія массы въ предѣлахъ сосѣдней національности, конечно, вовсе не обязуется принимать его рѣшенія за безусловно вѣрное. Но ея голосъ можетъ здѣсь имѣть только совѣщательное значеніе. Право рѣшающаго голоса мы признаемъ здѣсь только за самой той національностью, о судьбѣ которой идетъ рѣчь. Это и значитъ, что мы вполнѣ и безусловно признаемъ за ней право національнаго самоопредѣленія.

Не признавать рѣшающаго голоса за ней самой—значитъ требовать о п е к и надъ нею. Но благонамѣренное насиліе, насиліе съ цѣлью облагодѣтельствованія сверху—есть все таки насиліе, и, притомъ такое, которое глубоко противно принципамъ соціализма.

Но не признаетъ ли и сама «Искра», что «партія пролетаріата должна быть в с е г д а и б е з у с л о в н о (курсивъ нашъ) противъ всякой попытки и з в н ѣ вліять на народное самоопредѣленіе»? *) Да, признаетъ. И, поскольку она это признаетъ, постольку она высказывается за «безусловное и полное право на національное самоопредѣленіе», которое она приравняла въ другомъ мѣстѣ къ «буржуазной фразѣ». Она поступаетъ подобно тому чиновнику, который не зналъ, что самъ говоритъ прозой. Почему же она думаетъ, будто она не признаетъ этого принципа безусловно? А потому, что ей кажется, будто безусловно признавъ этотъ принципъ, она непремѣнно и всегда должна будетъ стремиться къ государственной независимости или по крайней мѣрѣ автономіи рѣшительно всѣхъ народовъ. Но это ей кажется совершенно напрасно. Мы должны стремиться только къ одному: чтобы рабочій классъ данной національности проникся соціалистическимъ сознаніемъ и по-

*) «Искра», № 33, стр. 8.

вліялъ на національное самоопредѣленіе въ сторону, благопріятную для торжества соціализма. *)

Противница федераціи въ государственномъ строѣ, «Искра является противницей федеративнаго начала и въ отношеніяхъ между революціонными партіями. «Искра» настаиваетъ на «невозможности общаго натиска на самодержавіе безъ полнаго единства», на «обязательности централистической организаціи борьбы при нашихъ политическихъ порядкахъ». Значеніе единства и даже извѣстной централизаціи борьбы, однако, признавала и «Партія Народной Воли». Но она помнила, что эта централизація не должна идти въ разрѣзъ съ интересами живого революціоннаго дѣла, не допускающаго бюрократическаго нивелированія. И вотъ почему съ польской партіей «Пролетаріатъ» она вступила въ федеративный договоръ. И эта форма договора мотивировалась именно тѣмъ, что партія Н. В., «уважая самостоятельность и свободное развитіе каждаго народа», констатировала наличность «различій соціальныхъ условій русскаго и польскаго народовъ», которая «не допускаетъ полнаго тождества въ пріемахъ подготовительной работы русскихъ и польскихъ соціалистовъ». И потому полное организаціонное сліяніе и централизація, съ точки зрѣнія партіи Нар. Воли, «могло бы скорѣе тормозить» ходъ работы. Болѣе того: Исполнительный Комитетъ заявлялъ, что «даже не рѣшился бы принять на себя отвѣтственность за руководство дѣлами въ краѣ, столь отличномъ отъ Россіи». Дѣятелей «Искры» это соображеніе не останавливаетъ. Они убѣждены «въ необходимости централизма» и это «для успѣха борьбы всякой народности, задавленной самодержавіемъ». И хотя теперь, съ національнымъ пробужденіемъ и развитіемъ соціалистическаго движенія и среди народностей Кавказа, и среди евреевъ, и среди латышей, и среди литовцевъ, и среди украинцевъ, задачи всесторонняго руководства движеніемъ безконечно усложнились,—«Искрѣ» представляется возможнымъ полное, не фиктивное, а реальное организаціонное сліяніе, на основѣ строгаго централизма! Вотъ какъ далеко ушли мы впередъ со временъ скромнаго заявленія Народной Воли, что она «не рѣшилась бы» централистически руководить соціально-революціоннымъ движеніемъ двухъ народовъ... Вотъ до какой степени превосходимъ мы своими организаціонными способностями дѣятелей «Исполнительнаго Комитета»...

«Искра» говоритъ, что мы унаслѣдовали огромное историческое зло—отчужденность рабочихъ классовъ различныхъ народностей, угнетаемыхъ самодержавіемъ,—«и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразія никакими принципами партійной особности или партійной федераціи». Мы думаемъ, на-

*) Повидимому, это (mutatis mutandis) и хотѣла выразить «Искра» въ туманной и путанной фразѣ: «Исполняя всегда этотъ отрицательный долгъ (борьбы и протеста противъ насилія), мы сами со своей стороны заботимся о самоопредѣленіи не народовъ и націй, а пролетаріата въ каждой національности».

противъ, что союзъ партіи Народной Воли съ «Пролетаріатомъ» былъ не «освященіемъ зла» и не «узаконеніемъ безобразія», а наоборотъ: образцомъ нормальнаго отношенія между соціалистическими партіями двухъ различныхъ народовъ. Онъ обезпечивалъ единство дѣйствій, участіе въ непосредственной борьбѣ лишь по полному соглашенію польскаго Центральнаго Комитета съ русскимъ Исполнительнымъ Комитетомъ, начало возстанія въ Польшѣ въ тотъ моментъ, когда И. К. найдетъ возможнымъ начать его въ Россіи и т. д. Но онъ обезпечивалъ также необходимую свободу дѣйствій въ предѣлахъ своей народности и той, и другой организаціи, какъ равноправнымъ единицамъ. Именно потому договоръ этотъ устранялъ всякую національную отчужденность и устанавливалъ взаимное довѣріе. Да, «Искра» права, когда говоритъ, что «такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помѣха въ борьбѣ съ самодержавіемъ». Но мы боимся, что ничто не можетъ такъ способствовать этой отчужденности, какъ то сбивчивое, неясное, «неполное и условное» признаніе національнаго самоопредѣленія, да еще тѣ централистическія тенденціи, которыя мы встрѣтили въ «Искрѣ».

И вотъ почему, обобщая то, что говорилось въ федеративномъ договорѣ Партіи Нар. Воли съ Пролетаріатомъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, мы скажемъ, словами этого договора, что между соціалистическими партіями различныхъ націй въ Россіи «тѣсный союзъ, въ интересахъ революціи, представляется столь же необходимымъ, какъ и полная ихъ самостоятельность».

Ноябрь 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

Еще о національномъ вопросѣ.

Соціально-революціонное движеніе растетъ въ Россіи. Мы это слышимъ уже не первый разъ, мы знаемъ это, мы видимъ это. Оно растетъ не среди русскихъ только, не только среди поляковъ и евреевъ, среди украинцевъ и среди когда-то лойальныхъ финляндцевъ—оно охватываетъ Кавказъ, Остзейскія губерніи, оно проникаетъ въ среду татаръ, даже въ среду рабочихъ персовъ, тамъ, гдѣ они соприкасаются съ рабочими болѣе культурныхъ народностей и подвергаются воздѣйствію группъ, ведущихъ пропаганду, организующихъ стачки, демонстраціи и протесты.

Особенно чутко и страстно прислушиваются къ гулу событій, ко всѣмъ проявленіямъ освободительнаго движенія въ земляхъ, покоренныхъ «господствующей національности», подвластныхъ; и мы видимъ тамъ,—какъ, напримѣръ, на Кавказѣ,— что не только кружки, не только группы, не только болѣе или менѣе значительныя группы населенія, но и цѣлыя народности готовы принять участіе въ движеніи при первомъ же удобномъ случаѣ. Но мы видимъ также, что во всѣхъ завоеванныхъ Россіей земляхъ, —гдѣ народъ знаетъ свою исторію и помнитъ еще время своей независимости,—вслѣдъ за началомъ соціально-революціонной пропаганды, съ особенной силой и остротой возрождается вопросъ національный и такъ быстро и глубоко завладѣваетъ умами, что грозитъ затмить собою не только ученіе о соціализмѣ, но даже и самую насущную потребность всѣхъ, живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства—необходимость дружной, совмѣстной, единой и цѣлостной борьбы для сверженія самодержавія.

Мы видимъ такую живучесть національныхъ особенностей и такую обостренность въ постановкѣ національнаго вопроса не только въ тѣхъ слояхъ, которые еще не прониклись ученіемъ соціализма или по самому существу своему невоспріимчивы къ соціалистическимъ идеямъ. Нѣтъ, мы видимъ его возрожденіе и въ той средѣ, которая, несомнѣнно, отзывчива къ великому ученію соціализма, все болѣе и болѣе проникается имъ, давно и настойчиво работаетъ надъ организаціей въ соціально-революціонныя группы и партіи. Мы видимъ, что въ средѣ тѣхъ покоренныхъ народностей, гдѣ подъ вліяніемъ идей ортодоксальнаго марксизма господствующія партіи относились къ вопросу о національныхъ правахъ и интересахъ недостаточно вдумчиво, тактично и спра-

ведливо—произошло только обостреніе національныхъ чувствъ, произошелъ рядъ печальныхъ недоразумѣній между представителями революціоннаго движенія разныхъ національностей, произошелъ рядъ ссоръ и расколовъ и посѣяны сѣмена взаимной недовѣрчивости, подозрительности и недоброжелательства, сѣмена, которыя еще дадутъ свой отравленный плодъ.

Какъ только въ Россіи настаетъ неспокойное время—всѣ покоренныя ею народности настораживаются и замираютъ въ ожиданіи удобнаго момента вспыхнуть, подняться, завоевать утраченныя права, иногда даже—оторваться отъ злой мачехи, причинившей столько бѣдъ и горя каждому изъ своихъ пасынковъ. Да и могла ли старая, царско-чиновничья Россія поступать иначе съ иноземцами, когда своихъ родныхъ дѣтей, свой собственный народъ она не щадила и довела до полнаго разоренія. Фактъ тотъ, что среди едва ли не всѣхъ покоренныхъ народовъ проявляется ненависть не только къ правительству русскому, но и къ русскимъ вообще. И не удивительно. Вѣдь этимъ покореннымъ народамъ приходилось о насъ судить по намѣстникамъ, по чиновникамъ, по худшимъ элементамъ офицерства, по всѣмъ тѣмъ руссификаторамъ, которые налетали саранчей на каждую завоеванную страну и терзали ее и издѣвались надъ ней, какъ только умѣютъ это дѣлать вѣрные слуги «Бѣлаго царя». А цари наши, какъ истые наслѣдники ханской власти надъ Русью, еще отъ батыевыхъ татаръ переняли искусство выжимать соки изъ покоренныхъ народовъ. Лучшей части русскаго общества наши окраины почти не знали, и потому не имѣетъ смысла пенять на поляковъ, евреевъ, армянъ и другихъ за то, что не они первые протягиваютъ намъ руку. Съ именемъ «русскаго» у каждаго изъ нихъ встаетъ представленіе о такой массѣ зла и униженій, что неудивительно, если это зло, вынесенное на плечахъ многихъ поколѣній, заслоняетъ тѣ добрыя «сосѣдскія»чувства, которыя обыкновенно связываютъ людей, даже безразлично другъ къ другу относящихся. И мы не негодуемъ, если даже встрѣчаемся тамъ съ прямымъ руссофобствомъ: оно слишкомъ понятно. Мы всѣ отвѣчаемъ по своеобразной круговой порукѣ за грѣхи тѣхъ отбросовъ русскаго общества, тѣхъ «ташкентцевъ-цивилизаторовъ», которые переполняютъ окраины и являются тамъ оффиціальными представителями «Россіи».

Но психологически понять не значитъ логически оправдать. Круговая порука въ политикѣ столь же неумѣстна, какъ и въ экономикѣ. И вотъ почему мы въ правѣ ожидать отъ товарищей-соціалистовъ другихъ національностей, что они будутъ противодѣйствовать всякому ложному направленію справедливо возмущенному чувству національнаго достоинства.

Мы требуемъ только одного, чтобы наши товарищи по ученію и по идеалу, къ какой бы націи они не принадлежали, повѣрили намъ, русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, что мы страдаемъ искренне и глубоко за все то зло, которое правительство русское и его безсмысленно-свирѣпые приспѣшники причиняли и причи-

няютъ всѣмъ тѣмъ, надъ кѣмъ они имѣютъ власть. Еще мы просимъ товарищей нашихъ не забывать и того, что вѣдь и весь русскій рабочій народъ находится въ едва ли значительно меньшемъ угнетеніи, чѣмъ рабочій народъ покоренныхъ земель. Для правительства онъ почти такой же пасынокъ, какъ и покоренные «инородцы». Мы просимъ товарищей нашихъ не забывать и о томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали раздаваться голоса въ защиту правъ человѣка—эти голоса никогда не проходили молчаніемъ вопроса о необходимости полной свободы для всѣхъ порабощенныхъ странъ. Вспомнимъ Герцена, вспомнимъ Бакунина, вспомнимъ русскихъ офицеровъ, отказывавшихся усмирять возставшую Польшу. Вспомнимъ Народную Волю, категорически заявившую, что она за всѣми народностями признаетъ право, по своему желанію, отдѣлиться или остаться въ общемъ союзѣ съ русскимъ народомъ. Мы вѣрны этимъ славнымъ традиціямъ. Русскіе соціалисты и революціонеры заслужили довѣріе угнетенныхъ національностей. И мы просимъ и требуемъ такого довѣрія, потому что безъ него невозможны никакіе переговоры, никакія соглашенія. Безъ довѣрія нѣтъ дружбы, безъ дружбы не можетъ быть общей работы, не можетъ быть и единой борьбы съ врагомъ на жизнь и на смерть.

А намъ всѣмъ предстоитъ именно такая работа, именно такая борьба. Намъ всѣмъ: и покореннымъ императорской Россіей народамъ, и кореннымъ, чисто русскимъ гражданамъ прежде всего предстоитъ свергнуть одного и того же врага—правительство русское съ его самодержавіемъ. Намъ всѣмъ предстоитъ отвоевать себѣ ту свободу, при которой мы можемъ стать сами себѣ господами. Намъ предстоитъ обезпечить всѣмъ живущимъ подъ когтями хищнаго двуглаваго орла народамъ возможность того самостоятельнаго распоряженія своими судьбами, на которое они имѣютъ неотъемлемое право. Русская національность,—если подъ нею разумѣть не кучку плутократовъ, карьеристовъ, дворянъ и сановниковъ, ютящихся вокругъ трона, а много-милліонную массу рабочаго люда,—русская національность, говоримъ мы, сама вовсе не является господствующей, а такою же порабощенной, столь же лишенной права самоопредѣленія, какъ и всякая другая. Она скована общими цѣпями съ покоренными не-русскими національностями, какъ сковываютъ общею цѣпью каторжниковъ.

И вотъ мы видимъ, какъ мы уже сказали выше, что передъ рѣшеніемъ даже перваго вопроса, вопроса о сверженіи общаго врага,—выростаетъ новый вопросъ, вопросъ національный. Намъ говорятъ: стоитъ ли проливать кровь нашу за сверженіе самодержавія, когда мы не увѣрены въ томъ, что и въ конституціонномъ режимѣ, и даже при республикѣ мы не останемся въ томъ же національномъ порабощеніи, въ томъ полномъ безправіи, въ какомъ мы находимся теперь. Намъ говорятъ: въ Германіи съ 48 года нѣтъ самодержавія, но нигдѣ, быть можетъ, не подавляютъ такъ успѣшно умственную и нравственную независимость поко-

ренныхъ племенъ, какъ въ этой конституціонной странѣ. Въ Австріи, на ряду съ автономной Венгріей, поляки, чехи, евреи, руссины и др. до сихъ поръ должны вести отчаянную борьбу за элементарнѣйшія изъ національныхъ правъ. Намъ говорятъ: республиканская Франція третируетъ свой Алжиръ, какъ рабскую страну, и не выводитъ своихъ войскъ оттуда, боясь всегдашней возможности возстанія.—Нѣтъ,—восклицаютъ защитники правъ покоренныхъ народовъ, обращаясь къ намъ, русскимъ соціалистамъ, —никто изъ насъ не можетъ связать своей судьбы съ вашими планами и дѣлами, пока каждый изъ насъ отдѣльно не услышитъ отъ васъ прямого, яснаго отвѣта на вопросъ: что мы получимъ вслѣдъ за всеобщей революціей, которая намъ всѣмъ: полякамъ, армянамъ, грузинамъ, евреямъ, финляндцамъ, латышамъ и всѣмъ, всѣмъ народамъ, принявшимъ въ ней непосредственное активное участіе—обойдется не только такъ же дорого, какъ русскимъ, но и несравненно дороже. Русскому правительству будетъ гораздо удобнѣе, легче и безнаказаннѣе именно на насъ, покоренныхъ народахъ вымѣщать свою злобу, пока будетъ у него власть на это. Мы отлично знаемъ, что, въ случаѣ неудачи возстанія, въ случаѣ отсрочки побѣды надъ правительствомъ,—насъ, покоренныхъ народностей, ждетъ участь еще худшая, чѣмъ та, которую пережила Польша вслѣдъ за 1863 годомъ. Правительство Александра II вырвало у Польши 200 тысячъ лучшихъ людей ея, развѣяло ихъ по всѣмъ рудникамъ и тюрьмамъ Сибири; ограбило страну и сдѣлало ее бездыханной, наваливъ на нее всю тяжесть московскаго бюрократизма... Правительство же Николая II, въ предсмертной агоніи своей, теряетъ послѣдній разумъ и уже не воюетъ съ противниками своими, а прямо истребляетъ ихъ, сметаетъ съ лица земли. Война съ китайцами, гдѣ мирныхъ жителей топили десятками тысячъ; усмиреніе туземцевъ Средней Азіи, гдѣ велѣно было вырѣзать десятки ауловъ, за появленіе въ странѣ вооруженнаго фанатика; расправа съ собственными россіянами, которыхъ при малѣйшемъ выраженіи недовольства отдаютъ цѣлыми волостями и заводами въ распоряженіе солдатъ и казаковъ—всѣмъ показали, чего можетъ ожидать страна, навлекшая на себя ярость выродившагося русскаго самодержавія.—Но ничто такъ ярко не обозначило царской политики по отношенію къ народамъ, покореннымъ царской Россіей, какъ та круговая месть, которой царскій министръ подвергъ все еврейское населеніе въ Россіи за участіе евреевъ въ соціалистическомъ движеніи. У кого хватитъ словъ описать это злодѣяніе, кто найдетъ у себя силы, чтобы подробно изслѣдовать это неслыханное преступленіе! А Кишиневъ и Гомель—это еще цвѣточки, въ сравненіи съ тѣми ягодками, которыя могутъ вырости на почвѣ, удобренной Малютою фонъ-Плеве и его товарищами по злодѣяніямъ.

И всѣ наши невольные соотечественники знаютъ это. Внуки Шамилей знаютъ по разсказамъ отцовъ своихъ, что пережилъ Кавказъ за четверть вѣка его завоеванія русскимъ царемъ. Они

и по сей часъ переживаютъ его ласки и милости, расточаемыя Голицынымъ отъ имени Плеве. По всей Польшѣ сочатся еще раны, нанесенныя ей рукой «Освободителя» Александра II. На вѣрноподданную Финляндію щедрою рукою сыпятся награды за ея лойальность престолу русскихъ императоровъ. Смиренные татары и башкиры давно ограблены и превращены въ бездомныхъ нищихъ, питающихся крохами отъ скуднаго стола русскаго населенія.

Да что и говорить! Мы, русскіе, задумываемся надъ тѣмъ, имѣемъ ли мы право призывать народъ нашъ къ возстанію, въ виду тѣхъ ужасовъ, которые вызоветъ это возстаніе со стороны гнуснаго самодержавія, и только взвѣсивъ всѣ историческія условія и видя неизбѣжность вырожденія, физической и духовной деградаціи своего народа,—при допущеніи дальнѣйшаго существованія дѣйствующаго режима—рѣшаемся сказать ему: возстань, борись, отвѣчай ударами на удары, возьми свою землю, возьми права свои, если не хочешь погибнуть подъ кнутомъ своихъ «палачей». Мы, русскіе, говоримъ это съ трепетнымъ сердцемъ, и огромная нравственная отвѣтственность, которую мы этимъ беремъ на себя, облегчается лишь нашей готовностью биться самимъ до послѣдней капли крови въ передовыхъ рядахъ возстающаго народа.

Какъ же должны себя чувствовать идейные руководители національнаго движенія покоренныхъ народовъ, зная, что на головы призываемыхъ ими къ борьбѣ обрушатся во сто кратъ сильнѣйшія жестокости, конца и степени которыхъ никто даже предвидѣть не можетъ. И потому законно и понятно ихъ желаніе знать, какія гарантіи они могутъ представить своему народу. Они хотятъ и должны принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить ему лучшее будущее, въ случаѣ удачнаго хода борьбы, и показать ему, что они ведутъ его не изъ огня да въ полымя, что при первой возможности народъ стряхнетъ съ себя оковы и вступитъ въ жизнь свободнымъ гражданиномъ и хозяиномъ своей судьбы. И плохи были бы тѣ вожди, которые не позаботились бы обезпечить эту возможность всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Но гдѣ взять такія гарантіи, съ кого ихъ требовать, къ кому обращаться за ними?

Конечно, не къ представителямъ буржуазно-демократическаго режима, не къ либераламъ-дипломатамъ, узкимъ государственникамъ, готовымъ изъ за принципа централизаціи подавить право на свободную жизнь не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ странъ и народовъ. Конечно, не къ царямъ и къ ихъ министрамъ, не къ намѣстникамъ, не къ генераламъ. Революціонеры, которые едино суть съ просыпающимся къ борьбѣ рабочимъ народомъ, могутъ имѣть дѣло только съ другими такими же революціонерами и только отъ нихъ, доказавшихъ свою преданность народному дѣлу, они могутъ ожидать слово правды и разумѣнія истинныхъ

нуждъ всякаго народа. И мы, стоящіе въ рядахъ борцовъ за освобожденіе русскаго народа, должны отвѣтить имъ и по совѣсти и по разумѣнію нашему, какъ мы смотримъ на то мѣсто, которое можетъ занять въ ближайшемъ будущемъ каждая народность, намѣревающаяся принять активное участіе въ дѣлѣ своего и общаго освобожденія.

Правда, въ «Рев. Россіи» уже не разъ говорилось о нашемъ общемъ отношеніи къ вопросу о національной независимости, о необходимости представленія каждой народности самаго широкаго права, вѣрнѣе сказать, полной свободы на самоопредѣленіе и на самостоятельную выработку всѣхъ сторонъ своей жизни. И, однако, возрастающій интересъ къ этому вопросу, особенно среди народностей, или уже втянутыхъ въ потокъ соціально-революціоннаго движенія, или такихъ, которыя не сегодня-завтра должны принять въ немъ непосредственное участіе,—заставляетъ насъ еще разъ вернуться къ этому наболѣвшему, жгучему и глубоко серьезному вопросу. Тѣмъ болѣе, что горячій интересъ къ его немедленному и открытому рѣшенію есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ симптомовъ того, что близится возможность рѣшать его уже не только теоретически, но и практически. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе два-три года—время всеобщаго пробужденія рабочихъ массъ всей разноплеменной Россіи къ участію въ сознательной политической жизни—всѣ хоть сколько нибудь жизнеспособныя національности почуяли вѣроятность такихъ событій, при которыхъ вопросъ о «самоопредѣленіи» перестанетъ быть бумажнымъ вопросомъ; такихъ событій, результатомъ которыхъ получится возможность, вздохнувши свободно, почувствовать себя хозяиномъ у себя дома, отдѣлавшись отъ той грязной и грубой руки иноземца-бюрократа, которая гдѣ десятки, а гдѣ сотни лѣтъ, сжимаетъ за горло всѣхъ подвластныхъ русскому штыку. А если такъ, то ужъ не намъ, русскимъ соціалистамъ, поставленнымъ, сравнительно, въ лучшія условія, отказываться помочь нашимъ сосѣдямъ разобраться въ вопросахъ и дѣлахъ, имѣющихъ всеобщій интересъ, касающихся судьбы всякаго народа; въ вопросахъ, обойти которые, уклониться отъ разрѣшенія которыхъ нѣтъ ни возможности, ни надобности, ни пользы.

Мы не стоимъ за правило, которое гласитъ: одно дѣло теорія, другое практика. Наоборотъ, мы полагаемъ, что только та теорія и хороша, которая, хотя бы частично, не сразу, но уже съ появленія своего могла бы вліять на жизнь, въ томъ или иномъ размѣрѣ, тѣми или иными сторонами своими. И потому, написавши на своемъ знамени безсмертныя слова: свобода, равенство и братство, мы не думаемъ, что осуществленіе выражаемыхъ этими словами принциповъ, будетъ сходить съ облачныхъ высотъ теоріи на грѣшную землю лишь въ тѣ неопредѣленно-далекія времена, о которыхъ разно гадаютъ звѣздочеты теоретическаго неба. Мы полагаемъ, что принципы эти должны руководить нашей дѣятельностью и теперь; мы полагаемъ, что разъ принявъ

право національностей на самоопредѣленіе, мы не должны ссылать фактическое осуществленіе этого права въ мѣста столь, сравнительно, отдаленныя, какъ эпоха полнаго торжества соціализма. Нѣтъ, теперь же должно быть сдѣлано все возможное для осуществленія въ жизни этого права. Всякое откладываніе здѣсь только противорѣчитъ интересамъ общечеловѣческой культуры.

И мы утверждаемъ, что принужденіе и всякаго рода насиліе надъ какой бы то ни было народностью, какъ и надъ отдѣльною личностью, есть лучшее средство для уничтоженія въ ней желанія сблизиться, побрататься съ другой народностью. Мы глубоко увѣрены въ томъ, что націи, покоренныя русскими, смогутъ простить Россіи несчастья, вынесенныя отъ нея, лишь тогда, когда почувствуютъ себя свободными отъ всякой деспотической опеки, отъ всякихъ путъ, и возвратятъ себѣ право располагать судьбой своей, какъ сами сочтутъ за лучшее. И это одна изъ причинъ, по которымъ на нашъ взглядъ, какъ самое широкое мѣстное самоуправленіе, такъ и федеративныя отношенія между народностями, обезпечивая каждой національности свободное развитіе своей духовной культуры—не только не становятся поперекъ дороги соціалистическому идеалу, но, наоборотъ, приближаютъ насъ къ нему, создавая такія условія, при которыхъ, съ одной стороны, уничтожается враждебное, вѣчно раздражающее обѣ стороны соприкосновеніе; съ другой—предоставляется каждой національности полная возможность, по своимъ средствамъ и желаніямъ развивать свои духовныя и матеріальныя силы.

Если соціалистическое ученіе стремится къ тому, чтобы возможно больше обезпечить каждой отдѣльной личности свободный путь роста всѣхъ ея силъ, то нѣтъ ни справедливости, ни смысла стѣснять этотъ ростъ для цѣлыхъ націй. Въ каждой изъ нихъ есть свои особенности, развитіе которыхъ можетъ служить плюсомъ для всего человѣчества, можетъ быть ея вкладомъ въ сокровищницу общечеловѣческой культуры.

Но кромѣ всѣхъ этихъ теоретическихъ признаній, мы должны признать и то фактическое, неопровержимое явленіе, что всѣ жизнеспособныя національности ясно и опредѣленно высказываются за независимость, за автономность; что въ ожиданіи окончательной побѣды и водворенія всемірнаго соціалистическаго строя, они не хотятъ обходиться безъ непосредственныхъ улучшеній въ условіяхъ, нынѣ стѣсняющихъ развитіе ихъ національнаго генія, и препятствующихъ скорѣйшему пріобщенію ихъ къ борьбѣ за великій соціалистическій идеалъ; они не хотятъ пассивно выносить отсутствіе той свободы дѣйствій, которая одна воспитываетъ энергію, самодѣятельность, творчество,—всѣ тѣ свойства, однимъ словомъ, которыя составляютъ силу и значеніе народа.—И, конечно, не намъ, борющимся съ деспотизмомъ, не намъ, ратующимъ за освобожденіе народныхъ массъ отъ всяческаго гнета, предписывать покореннымъ сосѣдямъ сохраненіе за собой тѣхъ

обязательствъ, которыя имъ навязало русское правительство. Мы этого не дѣлали и никогда дѣлать не станемъ.

Но если мы такъ рѣшительно высказываемся за право на самоопредѣленіе всякой національности—то значитъ ли это, что мы требуемъ обязательнаго сепаратизма и отрицаемъ возможность мирнаго, дружескаго сотрудничества различныхъ націй въ дѣлѣ государственнаго устройства, въ вопросахъ, обнимающихъ интересы многихъ странъ заразъ, касающихся благосостоянія цѣлаго ряда земель, областей, народностей?

Ничего подобнаго. И на эту сторону вопроса мы уже не разъ указывали въ «Револ. Россіи», говоря, что «сепаратизмъ», стремленіе къ культурной и соціальной разрозненности національностей, есть прямое порожденіе національнаго угнетенія и можетъ быть устранено лишь устраненіемъ порождающей его причины. Центробѣжная сила, отчуждающая, разрывающая между-національныя связи, замѣнится центростремительной, объединяющей ихъ, тогда, тамъ и постольку, поскольку сближенію національностей будетъ открытъ путь на началахъ полнаго равноправія договаривающихся сторонъ. Чѣмъ тѣснѣе кооперація отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, тѣмъ лучше, но эта кооперація должна быть свободной, а не подневольной. Мы боремся противъ подневольной кооперації, ибо это, и только это, расчищаетъ путь къ вольному, братскому союзу.

Тѣ изъ національностей, которыя, пріобрѣтя независимость, пожелаютъ въ то же время установить союзныя, федеративныя или еще болѣе тѣсныя отношенія съ русской народностью—будутъ встрѣчены этой послѣдней, какъ братья-полноправные хозяева въ своихъ дѣлахъ и полноправные сотрудники въ постановкѣ и совмѣстномъ разрѣшеніи тѣхъ культурныхъ задачъ, которыя являются общими, одинаково важными для всѣхъ земель и народовъ, примкнувшихъ къ общему союзу. Надо полагать—и мы имѣемъ основаніе думать, что такъ оно будетъ,—что многіе, вѣрнѣе, большинство земель и народностей, включенныхъ теперь силою въ границы «Русской имперіи», заявятъ желаніе при демократическомъ общественномъ строѣ оставаться съ русской національностью въ такихъ отношеніяхъ, которыя, обезпечивая каждой изъ нихъ внутреннюю самостоятельность, обезпечивали бы ей, въ то же время, внѣшнюю неприкосновенность и широкую культурную взаимопомощь. А такъ какъ подобныя отношенія могутъ установиться и выработаться только съ согласія обѣихъ сторонъ, то они служили бы лишь для скрѣпленія общаго довольства и безопасности.

Федеративная форма сожительства различныхъ національностей имѣетъ то громадное преимущество, съ одной стороны—передъ полной національной разрозненностью, съ другой же—передъ строемъ централизованнаго государства, что, обезпечивая безопасность и неприкосновенность каждаго отдѣльнаго народа, даетъ возможность даже самымъ маленькимъ общественнымъ единицамъ безпрепятственно проводить въ жизнь всѣ новшества, всѣ тѣ преобразо-

ванія, до которыхъ уже додумались эти единицы, осуществленіе которыхъ стало для нихъ потребностью. Если ужъ можно замѣтить, что среди одного и того же народа, даже среди одного и того же класса, степень подготовки къ воспріятію идей весьма различна, умственные и нравственные вкусы еще далеко не одинаковы, то эта разница еще рѣзче выступаетъ среди національныхъ группъ, проходившихъ свою исторію при совсѣмъ не одинаковыхъ условіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ теперешнемъ россійскомъ государствѣ есть общественныя единицы, болѣе другихъ подготовленныя къ тому, чтобы сдѣлать первые рѣшительные шаги къ политическому и даже соціальному освобожденію и, что только полная зависимость отъ общаго строя государственной жизни мѣшаетъ передовой части населенія показать примѣръ того народнаго творчества, которое ждетъ только удобной минуты, чтобы дать полетъ своему генію.

Мы были бы счастливы дожить до того времени, когда всѣ національности, имѣющія по своему собственному желанію примкнуть къ общероссійскому федеративному строю, начнутъ самостоятельное переустройство внутренней жизни своей, согласно тѣмъ соціалистическимъ идеаламъ, которыми уже проникнуты передовые ряды, всецѣло преданные дѣлу привлеченія народа своего къ воспріятію тѣхъ идей, которыя единственно способны вывести человѣчество на путь довольства и свободной духовной жизни.

Мы не отказываемся отъ обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ и нуждъ каждой изъ отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ составъ нашей огромной страны, видя въ живомъ интересѣ, какой они возбуждаютъ, признакъ того, что всѣ признаютъ себя наканунѣ большихъ перемѣнъ и всѣ озабочены ближайшимъ будущимъ, могущимъ представить возможность осуществить завѣтныя мечты освобожденія не только для болѣе сильныхъ, но и для слабѣйшихъ, для наименьшихъ по своей численности. Никто не долженъ быть забытъ, никто не долженъ быть обойденъ, ибо всѣ несутъ одинаковыя жертвы, всѣ подвергаются безграничнымъ опасностямъ. И о чемъ намъ предстоитъ особенно заботиться, такъ это о томъ, чтобы въ рѣшительную минуту не стоять врозь и не дать общему врагу нашему сводить свои счеты по одиночкѣ съ каждымъ изъ насъ. Это было бы неимовѣрнымъ несчастіемъ для всѣхъ и оно означало бы наше историческое банкротство, нашу политическую несостоятельность.

Мы ничего не хотимъ предрѣшать и ничего не хотимъ навязывать. Мы указываемъ лишь на необходимость подробно и основательно остановиться на вопросѣ, который уже всплываетъ наружу и который неизбѣжно будетъ все рѣзче и рѣзче выступать съ каждымъ новымъ шагомъ нашей общей борьбы противъ самодержавія. Чѣмъ вдумчивѣе, искреннѣе и откровеннѣе мы, представители различныхъ національныхъ соціалистическихъ партій, будемъ сговариваться и совмѣстно обсуждать этотъ у всѣхъ достаточно наболѣвшій вопросъ, тѣмъ меньше останется сомнѣній,

тѣмъ скорѣе взаимное довѣріе можетъ смѣнить тотъ холодъ, ту подозрительность и тѣ предубѣжденія, которыя, къ несчастью, съ нашего правительства переносятся и на насъ, его заклятыхъ враговъ. А, главное, тѣмъ скорѣе сплотятся наши силы и тѣмъ грознѣе, непоправимѣе и неизлѣчимѣе будутъ удары, наносимые нами гибельному для всѣхъ насъ самодержавію.

Долой его, и да здравствуетъ братство народовъ, да здравствуетъ международный, общечеловѣческій храмъ соціализма.

Мартъ 1904 г. *Е. Брешковская.*

Правительство провокаторовъ и его ослѣпленные союзники.

Время, протекшее послѣ кишеневскаго погрома, окончательно вскрыло карты правительственной игры. Игра была грубая, но... она была довольно вѣрно разсчитана на политическое невѣжество однихъ, трусость и холопство другихъ, нерѣшительность третьихъ.

«Послѣднія извѣстія» заграничнаго комитета Бунда даютъ намъ цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, характеризующихъ настроеніе различныхъ слоевъ еврейства послѣ погрома. Взятыя всѣ вмѣстѣ, свѣдѣнія эти заставляютъ глубоко задуматься... Изъ нихъ яснѣе, чѣмъ когда-либо, видно, какія героическія усилія придется сдѣлать соціалистамъ, чтобы очистить ту зараженную атмосферу, которая усиліями правительства создана вокругъ революціоннаго движенія въ Западномъ краѣ.

«Погромъ—диверсія противъ Бунда; хотятъ такими мѣрами отучить еврейскій пролетаріатъ отъ демонстрацій»—сообщалось въ «послѣднихъ извѣстіяхъ» изъ Петербурга (№ 125). Казалось бы, что у всякаго,—и прежде всего у всякаго еврея,—понявшаго этотъ затаенный смыслъ погромовъ, должно было огнемъ вспыхнуть негодованіе противъ правительства провокаторовъ, ради своихъ цѣ-

лей готоваго отдать нанятымъ громиламъ на позоръ и мучительство сотни ни въ чемъ неповинныхъ жизней.... Но трусливая психологія раба въ цѣломъ рядѣ случаевъ дала совершенно противоположный результатъ. Развѣ смѣетъ рабъ—рабъ тѣломъ и душой—возненавидѣть своего жестокаго господина? Нѣтъ, онъ не смѣетъ этого—онъ смѣетъ лишь трепетать. И если разсерженный господинъ срываетъ на немъ, безотвѣтномъ рабѣ, свою злость—то рабъ можетъ рѣшиться возненавидѣть только того, кто смѣлъ такъ разгнѣвать его господина. Онъ вызвалъ въ «господинѣ» дурное настроеніе—онъ, значитъ, и есть истинный виновникъ того, что рабъ нынче побитъ. Вотъ эта жалкая психологія людей-слизняковъ, людей-пресмыкающихся; они готовы, какъ забитая собака, лизать бьющую ихъ палку; они готовы порой на всѣ подвиги Каина, чтобы только умилостивить господина. «Что за люди! и жаль, и, кажется, убилъ-бы!»—вспоминаются невольно негодующія слова Гл. Успенскаго...

Въ самомъ дѣлѣ, выслушайте только эту скорбную лѣтопись человѣческой трусости и раболѣпства. Въ Кишиневѣ послѣ погрома многіе евреи «хотя понимаютъ чьихъ рукъ это дѣло, но все же нападаютъ на соціалистовъ за то, что они вызвали у правительства раздраженіе противъ евреевъ, результатомъ чего и являются антиеврейскіе безпорядки. На каждомъ шагу приходится слышать, что многіе благонамѣренные еврейскіе обыватели готовы выдать каждаго соціалиста и что чуть ли не для этой цѣли организуется группа добровольныхъ помощниковъ сыскного отдѣленія. Конечно, это только слухи, но ярко характеризующіе настроеніе еврейской буржуазіи» (№ 128). Не вездѣ, однако, «это только слухи». Въ Кременчугѣ по случаю демонстраціи были аресты, что «приписывается доносу раболѣпствующей передъ жандармами еврейской буржуазіи» (№ 125). Въ Одессѣ раввины проповѣдывали въ синагогахъ священную обязанность выдавать соціалистовъ,—сѣмя падало кое-гдѣ на благодарную почву, и былъ даже случай выдачи однимъ башмачникомъ.... своей собственной дочери! (№ 129). Тутъ «произошло трогательное единеніе между раввинами и «передовыми» элементами еврейскаго общества—съ одной стороны и.... полиціей и жандармеріей—съ другой» (тамъ же). Полиція, конечно, спѣшила ловить рыбу въ мутной водѣ. Изъ Витебска писали: «Полиція съ большимъ рвеніемъ распускаетъ слухи о погромѣ.... средняя еврейская публика враждебно настроена противъ еврейскихъ революціонеровъ, которыхъ винятъ въ томъ, что они вызываютъ гнѣвъ правительства противъ евреевъ. Съ этой стороны правительство успѣло своимъ погромомъ» (№ 126). Изъ Житоміра: «Полиція усиленно распространяетъ слухи о томъ, что если будетъ демонстрація, то произойдутъ погромы, и наши толстосумы уже дрожатъ за свою шкуру и добро. Вездѣ проклинаютъ соціалистовъ, обвиняя ихъ въ томъ, что главнымъ образомъ они вызываютъ погромы; съ каждымъ днемъ растетъ безпокойство, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и ненависть къ соціалистамъ. Многіе изъ буржуазіи прямо

заявляютъ, что они, не задумываясь ни минуты, донесутъ полиціи на всякаго, кого заподозрятъ въ принадлежности къ соціалистамъ. Наши богачи устроили складчину и предложили полиціймейстеру взятку, которая, конечно, была имъ благосклонно принята, и онъ обѣщалъ, что полиція будетъ, по мѣрѣ возможности, подавлять погромы,—«если не будетъ демонстраціи». Равиннъ Скоморовскій, Готтесманъ и др. отправились къ губернатору съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ просьбой принять мѣры противъ погромовъ, и получили въ отвѣтъ циничное заявленіе, что погромовъ не будетъ, если молодежь и рабочіе будутъ спокойны (№ 126). Изъ Кіева: «Испуганные богатые евреи, конечно, прежде всего побѣжали къ начальству.... Новицкій, Цихоцкій (полицм.), Штакельбергъ (вице-губ.) даже не старались ихъ успокоить. Всѣ ставили условіемъ защиты евреевъ отъ погрома—неучастіе ихъ въ демонстраціи и т. п., но ни одинъ не отрицалъ возможности погрома.... Полиція не только не успокаиваетъ населенія, но и сама еще больше растревоживаетъ его, говоря, что она «ни за что не ручается» (№ 123). Результатъ—поднесеніе еврейской буржуазіей нѣсколькихъ тысячъ руб. (отъ 6 до 10) полиціймейстеру «на усиленіе штата полиціи». Въ Бердичевѣ послѣ удачной демонстраціи «сейчасъ же стали говорить о погромѣ. Слухи эти пустила и поддерживаетъ полиція съ полиціймейстеромъ во главѣ. Послѣдній телефонировалъ во всѣ концы, что готовится погромъ, и совѣтовалъ запрятать деньги и проч. Въ отвѣтъ на это наши купчики сдѣлали складчину, собрали 3.000 р. и хлопочутъ о присылкѣ сюда казаковъ» (№ 124). Власти, конечно, могутъ только потирать руки да посмѣиваться — при видѣ такого успѣха своей тактики...

Сіонисты, естественно, усилили свою пропаганду среди рабочихъ, доказывая, что для евреевъ единственный выходъ—бѣгство въ Палестину. Усилили свою пропаганду и «независимые», спѣша извлечь поживу изъ событій и для себя, доказывая, что легализація движенія—единственное спасеніе отъ бѣдъ, навлеченныхъ на еврейскій народъ революціонерами. Словомъ, состоялся союзъ между всѣми темными, невѣжественными и реакціонными элементами еврейства противъ соціалистическаго рабочаго движенія...

Атмосфера недавней паники, растерянности, отчаянія и разочарованія была крайне благопріятной для того, чтобы уловлять умы и сердца «слабыхъ духомъ», совращать съ тернистаго пути соціализма и революціи «малыхъ сихъ», имъ же имя легіонъ. Зубатовскія приманки, мечтательныя фантазіи сіонизма, мораль мѣщанской «умѣренности и аккуратности», грозныя рѣчи раввиновъ, объяснявшихъ все божеской карой за грѣхи свободомыслія—все дѣйствовало въ этой атмосферѣ вдвое сильнѣе, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. И изъ устъ евреевъ-революціонеровъ вырывались тревожныя рѣчи о томъ, что своимъ вліяніемъ на умы такое событіе, какъ кишиневскій погромъ, «грозитъ уничтожить всѣ плоды

ихъ многолѣтнихъ трудовъ и нечеловѣческихъ усилій надъ революціонизированіемъ еврейской массы»... № 124).

* * *

Вопросъ о томъ — какъ расчистить, какъ освѣжить атмосферу, наполненную ядовитыми міазмами — поднимался самъ собою...

Что представлялось особенно опаснымъ для революціоннаго настроенія еврейскаго пролетаріата—такъ это вспыхнувшее съ новой силой, воспитанное вѣками чувство отчужденности, обособленности... Еврей-рабочій, начавшій привыкать къ тому, что онъ— равноправный членъ международной арміи труда, что онъ— одинъ изъ передовыхъ борцовъ за дѣло революціоннаго соціализма, возбуждающій чувство уваженія со стороны товарищей по борьбѣ— русскихъ, польскихъ, литовскихъ и др. рабочихъ—почувствовалъ себя вновь паріемъ, отверженцемъ, одинокимъ, окруженнымъ врагами. Это стали усиленнѣе прежняго твердить ему и раввины, призывавшіе его вернуться къ завѣтамъ патріархальной еврейской старины, къ традиціямъ народа, замкнувшагося въ своемъ «гетто» отъ всего окружающаго міра. Это стали ему усиленнѣе прежняго твердить и сіонисты, звавшіе и зовущіе его создать себѣ новое отечество въ далекой Палестинѣ, былой исторической родинѣ, съ которой у него связано столько религіозныхъ и традиціонно-историческихъ воспоминаній...

Передъ еврейскимъ населеніемъ едва ли не всей черты осѣдлости всталъ грозный призракъ предполагаемыхъ погромовъ. Паническій страхъ въ глазахъ массы удесятерялъ опасность...

Разогнать созданные болѣзненно разстроеннымъ воображеніемъ призраки—вотъ что нужно было прежде всего.

Совмѣстное выступленіе русскаго, польскаго и еврейскаго пролетаріата въ рядѣ уличныхъ демонстрацій—вотъ что было бы лучшимъ отвѣтомъ правительству на Кишиневскій погромъ.

Русскія организаціи должны были, обязаны были, не отступая передъ организаціей вооруженнаго отпора усмиренію демонстрацій, приложить всѣ свои силы, чтобы именно въ этотъ моментъ наглядно, торжественнымъ актомъ засвидѣтельствовать солидарность русскаго пролетаріата съ еврейскимъ.

Открытое совмѣстное выступленіе показало бы правительству, что его разсчеты натравить другъ на друга народности встрѣтятъ массовой, организованный протестъ среди русскаго пролетаріата.

Открытое, совмѣстное выступленіе засвидѣтельствовало бы передъ всѣмъ простонародьемъ, передъ всей «улицей»—культурной и некультурной—что русскіе рабочіе и еврейскіе рабочіе— братья, товарищи по страданіямъ и борьбѣ.

Открытое, совмѣстное выступленіе ободрило бы «слабыхъ духомъ» изъ среды евреевъ, показало бы имъ воочію, что они не одни,

что они не какіе то всѣмъ чужіе пришельцы и отверженцы, которымъ остается лишь искать мѣста на земномъ шарѣ для поголовнаго бѣгства туда; оно показало бы даже самымъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, что наемныхъ громилъ или темныхъ дикарей нельзя смѣшивать со всѣмъ русскимъ народомъ, со всѣмъ русскимъ рабочимъ классомъ; оно показало бы, что точки опоры противъ погромовъ можно искать только въ товарищеской поддержкѣ живыхъ силъ революціи, а не въ презрительной снисходительности умилостивленнаго взятками и раболѣпіемъ правительства.

Могучая волна демонстрацій была бы свѣтлымъ лучомъ, который прорѣзалъ и разогналъ бы сумерки, свинцовымъ туманомъ нависшія надъ умами и сердцами еврейской массы. Передъ этимъ свѣтомъ отступили бы болѣзненные призраки ночи, созданія разстроенной страхомъ фантазіи, разсѣялись бы всѣ преувеличенія трусливой еврейской буржуазіи и тѣхъ, кто поддался ея внушеніямъ. Оно сразу поставило бы въ границы шумныя попытки сіонистовъ—въ однихъ мѣстахъ, независимыхъ—въ другихъ, использовать въ своихъ видахъ положеніе.

Но этого-то и не хотѣли прежде всего ни еврейскіе раввины, ни еврейская буржуазія, ни еврейскіе независимцы, ни еврейскіе сіонисты.

Гомельскій комитетъ Бунда хорошо понималъ ихъ психологію и предвидѣлъ ихъ поведеніе, когда писалъ:

«Всѣ трусливые элементы общества—а еврейское общество богато такими элементами—всѣ тѣ, которыхъ и раньше стѣсняли слишкомъ демократическія, по ихъ мнѣнію, формы этого движенія, всѣ, кто не смѣли выступить открыто противъ наступательнаго его шествія,—всѣ они теперь подымутъ голову, почуявъ на своей улицѣ праздникъ.

«Всю эту мудрость смиреннаго пискаря, которою въ обыкновенное время шопотомъ дѣлятся другъ съ другомъ эти представители нашего «общества», они будутъ теперь безстыдно провозглашать на площадяхъ въ радостномъ сознаніи, что наступилъ, наконецъ, ихъ часъ»...

И дѣйствительно, политическая мораль щедринскаго «премудраго пискаря», весь вѣкъ прятавшагося въ своей норѣ и все-таки съѣденнаго щукой, съ гордо поднятой вверхъ головой выступила изъ темныхъ, извилистыхъ норъ и закоулковъ на свѣтъ божій!..

Прежде всего выступилъ въ Одессѣ «Еврейскій Національный комитетъ самообороны» съ призывомъ «ко всѣмъ евреямъ—членамъ организацій партій С.-Р., С.-Д. и Бунда» воздержаться отъ участія въ какой либо демонстраціи, «дабы вы, *считающіе себя*(!) защитниками трудящихся массъ своихъ соплеменниковъ, не накликали на ихъ голову великихъ бѣдствій».

Въ Житомирѣ подобнаго же содержанія прокламація къ «братьямъ-евреямъ» вышла печатная, съ клеймомъ «печат. раз. И. д. житом. полицм. Ф. Насвѣтовъ». «Ради Бога»—взывала эта

«прокламація съ разрѣшенія начальства»—«не гуляйте по бульварамъ и улицамъ и избѣгайте мѣстъ скопленія толпы, чтобы обвиненіе не пало на евреевъ».

Въ Могилевѣ представители культурнаго общества, кромѣ обычнаго заискиванія передъ властями, также пробовали и другой пріемъ: «нѣкоторые «либералы» или «радикалы» искали связей съ организаціей, чтобы посовѣтовать ей пріостановить на нѣкоторое время движеніе» (№ 127).

Наконецъ, въ Кіевѣ образовался «временный комитетъ обороны и самозащиты», который «объединяетъ еврейскую молодежь всѣхъ направленій», и... также имѣлъ слабость выпустить открытое письмо къ мѣстнымъ революціоннымъ комитетамъ съ предложеніемъ отложить демонстрацію до болѣе удобнаго момента». (124)

Кстати—интересная подробность: по даннымъ «Искры», въ Одессѣ «комитетъ національной самообороны» воспользовался для своихъ цѣлей помѣщеніями, отведенными полиціей для «независимыхъ»... Это означаетъ, что общая національная опасность уже произвела то, что она обыкновенно производитъ: затемнила, затушевала глубокую принципіальную рознь между классами и, соотвѣтственно этому, между революціонными и антиреволюціонными направленіями. Подъ знаменемъ «національной обороны» стала смѣшиваться «еврейская молодежь всѣхъ направленій» и это своеобразное объединеніе дошло до пользованія квартирами «независимыхъ-зубатовцевъ». Политика премудрыхъ пискарей и полицейской угодливости стала задавать тонъ національному объединенію. Да, самооборона отъ звѣрствъ вродѣ Кишиневскихъ—дѣло необходимое; организація для этой самообороны тоже нужна; но плохую службу сослужитъ эта «организація»,если она будетъ примирять непримиримое, соединять элементы, по самой своей природѣ несоединимые—иначе, какъ подъ условіемъ измѣны себѣ со стороны кого либо изъ союзниковъ. И ни на комъ не можетъ отозваться такъ вредно сосѣдство недоброкачественныхъ союзниковъ, какъ именно на соціалистахъ, вся сила которыхъ—въ непоколебимости принциповъ, въ смѣлой, неумолимо-послѣдовательной революціонной тактикѣ.

* * *

Незнакомый со всѣмъ ходомъ событій человѣкъ, слушая всѣ эти вопли противъ демонстрацій и призывы «сидѣть по домамъ», «не толпиться», «не гулять въ мѣстахъ скопленія народа»—несомнѣнно подумалъ бы, что въ Кишиневѣ превратилась въ погромъ какая-то революціонная демонстрація. И онъ чрезвычайно поразился бы, узнавъ, что кишиневскій погромъ произошелъ именно тогда, когда возможные «демонстранты» сидѣли разрозненно и смирно «по домамъ».

Свѣжій человѣкъ, сохранившій способность спокойно и логи-

чески разсуждать, задалъ бы себѣ прежде всего такой вопросъ: если думаютъ, что именно демонстрація можетъ побудить правительство къ подстрекательству на погромъ, а пожертвовавъ демонстраціей, удастся добиться, что оно, какъ щедринскій волкъ, «можетъ быть—ха-ха-ха! и помилуетъ»—то не слѣдуетъ ли быть послѣдовательнѣе? Погромы—это выболтано одной субсидированной правительствомъ газетой en toutes lettres—есть «отвѣтъ» реакціонной клики не просто на демонстраціи, а «на все еврейское революціонное движеніе». Не слѣдуетъ ли пріостановить и его? А если слѣдуетъ, то когда же «возобновить», если дамокловъ мечъ погромовъ рукой мундирныхъ провокаторовъ будетъ «на страхъ врагамъ» повѣшенъ надъ головами евреевъ?

Есть порода жуковъ, которые спасаются отъ своихъ преслѣдователей, притворившись мертвыми. Въ такихъ-то «жуковъ» хотѣли превратить передовыхъ еврейскихъ рабочихъ ихъ новые защитники!

Но въ цѣломъ рядѣ мѣстъ еврейскій пролетаріатъ съ презрѣніемъ отбросилъ навязываемую ему жалкую роль. Что же произошло въ этихъ мѣстахъ? Ужасы? Избіенія, превзошедшія въ нѣсколько разъ кишиневскія? Ничего подобнаго.

Типичнѣе всего—демонстрація, происшедшая въ Бердичевѣ, городѣ, въ глазахъ русской «культурной черни» являющемся символомъ еврейства. Здѣсь рабочіе должны были впервые испытать свои силы въ демонстраціи. Кромѣ обычныхъ страховъ погрома среди буржуазіи и мелкаго мѣщанства, успѣху демонстраціи долженъ былъ помѣшать жандармско-полицейскій терроръ, цѣлое наводненіе обысковъ и арестовъ. Несмотря на все это, организованные рабочіе—въ числѣ ихъ и русскіе, представлявшіе здѣсь, конечно, слабое меньшинство—смѣло вышли на улицу, сопротивлялись полицейскимъ, прошлись съ краснымъ знаменемъ и революціонными пѣснями къ площади. И—характерный контрастъ! «Крики «ура», «долой самодержавіе» заглушались дикими криками бердичевской публики, которая при видѣ знамени обратилась въ дикое бѣгство... Бѣднота спѣшила закрыть ставни и запереться въ квартирѣ. Буржуазія съ скрежетомъ зубовнымъ смотрѣла съ высоты своихъ балконовъ на демонстрантовъ; она была увѣрена, что теперь погромъ въ Бердичевѣ неминуемъ. А демонстранты продолжали свое шествіе» (№128). Въ результатѣ—удачная демонстрація, ободреніе, превосходное настроеніе среди рабочихъ, безсильная злоба жандармеріи. Прочитавъ прокламаціи на русскомъ языкѣ, «еврейское общество немного успокоилось; оно увидѣло изъ этого факта, что, кромѣ еврейскаго Бунда, есть еще и русскія организаціи...» (ib.)

Избѣгая повтореній, не станемъ приводить описанія другихъ демонстрацій, состоявшихся несмотря на двойное давленіе русскихъ властей и реакціонныхъ элементовъ еврейства. Ихъ было мало, происходили они въ очень некрупныхъ центрахъ. Но они достаточно показываютъ, насколько преувеличены были страхи

слабонервной еврейской буржуазіи. Трусость—общая черта современной буржуазіи всѣхъ націй; изъ этого Назарета никогда нельзя ждать ничего иного. Въ Пинскѣ, гдѣ также циркулировали слухи о погромахъ на Пасху, наканунѣ самой кишиневской трагедіи еврейскіе рабочіе совершили смѣлый революціонный актъ: вооруженной рукой, въ количествѣ 200 человѣкъ, разгромили участокъ и освободили арестованныхъ товарищей. Праздники прошли спокойно. На русскихъ рабочихъ все это имѣло «благотворное дѣйствіе». «Вотъ какіе молодцы еврейскіе рабочіе»—говорили они—«есть намъ у нихъ чему поучиться». (№ 121) Послѣ этого были всѣ обычные теперь пріемы воздѣйствія—антисемитскія прокламаціи «тайнаго (?) общества монархистовъ», многозначительно-суровое поведеніе губернатора, паника среди буржуазіи и мѣщанства, но никакого погрома. Была демонстрація въ Кресславкѣ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, съ участіемъ меньшинства христіанскихъ рабочихъ; результаты—растерянность полиціи и властей, огромное впечатлѣніе на рабочихъ, амикошонство съ жандармами представителей еврейской буржуазіи, крайне недовольныхъ такимъ оборотомъ дѣла и прибѣгавшихъ къ доносамъ. Была, несмотря на всѣ препятствія, демонстрація въ Житомірѣ; участники подверглись дикому нападенію наемныхъ босяковъ, полицейскихъ, жандармовъ, но «смѣло и дружно отбивались», «избили помощника пристава и шпіоновъ», такъ что «полиціи удалось арестовать одного только рабочаго». И, разумѣется, при первомъ возгласѣ на бульварѣ «долой самодержавіе» произошло повальное бѣгство публики: «съ перекошенными отъ страха лицами, блѣдные, въ ужасѣ, прыгали обыватели черезъ заборы, спѣша поскорѣе улизнуть съ опаснаго мѣста», а потомъ недѣлями продолжали «трепетать». Они не видѣли, что если кто создаетъ «искушеніе» для погрома, такъ это именно они своей паникой... Такъ, бѣгущій человѣкъ всегда соблазняетъ собаку погнаться и схватить его за ногу,—а у самодержавія не мало такихъ цѣпныхъ псовъ, на всегда остающихся на привязи. Именно имѣя въ виду опасность погромовъ, организованные рабочіе противодѣйствовали паникѣ всѣми силами, подавая примѣръ революціоннаго мужества и твердости.

Но настоящій, достаточно внушительный отвѣтъ самодержавію на его тактику могъ быть данъ, конечно, не въ Бердичевахъ и даже не въ Житомірахъ, а въ такихъ крупныхъ центрахъ, гдѣ солидарность рабочихъ-евреевъ и рабочихъ-русскихъ, поляковъ etc. могла быть демонстрирована въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, приковывая къ себѣ вниманіе цѣлой страны. Такими центрами могли быть Варшава, Кіевъ, Одесса.

Съ отраднымъ чувствомъ можемъ мы отмѣтить, что революціонныя организаціи въ Варшавѣ исполнили свой долгъ и нанесли жестокое пораженіе правительственной тактикѣ. Многолюдная демонстрація, мужественный отпоръ, данный полиціи, запруженныя народомъ улицы, братскій союзъ еврейскихъ и польскихъ

рабочихъ... «Трудно передать то бодрое настроеніе, въ которомъ находилась масса на другой день послѣ демонстраціи. Опять тянуло на улицу, на борьбу»...(№122) Здѣсь создалась атмосфера, въ которой, конечно, не поживятся ни реакціонеры-раввины съ ихъ мрачными проповѣдями, ни сіонисты, проповѣдующіе повальное бѣгство отъ врага въ неизвѣстность, ни подкупленные легализаторы-независимцы. Здѣсь революція только расширила и укрѣпила, а не потеряла, потому что не утратила мужества и рѣшительности, не впала, въ угоду холопствующей части еврейства, въ состояніе революціоннаго безсилія.

* * *

Отъ картинъ отрадныхъ перейдемъ къ печальнымъ... Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ слабодушнымъ элементамъ удалось «закричать» всякія революціонныя попытки. Демонстраціи были отмѣнены. Психологическія послѣдствія подобнаго шага довольно ярко могутъ быть вскрыты на любомъ примѣрѣ. Такъ, въ Гомелѣ «демонстрацію ждали съ большимъ нетерпѣніемъ—и не только организованные рабочіе. Но организація рѣшила ея не устраивать, и пошли по этому поводу догадки праздная обывателя. «Демократы»-де потому не устраиваютъ демонстраціи, что боятся погрома. Еврейскіе мясники и кузнецы-де выступятъ противъ «нихъ» заодно съ полиціей, вотъ «они» и боятся». Итакъ, прежде всего пострадалъ престижъ организаціи. «Погромныя настроенія были, конечно, не чужды и Гомелю, какъ большинству городовъ «черты». Тутъ-то и проявилась та рабская покорность, то холопство, которыми такъ проникнуто еврейское буржуазное общество. Вмѣсто того, чтобы готовиться къ какому-нибудь отпору, оно отправило депутацію къ полиціймейстеру, спрашивая, какъ бороться съ «демократами», единственными, по ихъ мнѣнію, виновниками погромовъ. Полиціймейстеръ снисходительно успокаивалъ депутатовъ: «у меня въ городѣ погрома не будетъ; я этого не допущу». (№127). Погрома не было, и, конечно, въ широкихъ кругахъ убѣждены, что не было его только потому, что не было демонстраціи. Въ самомъ дѣлѣ, своимъ рѣшеніемъ организація какъ бы подтвердила, какъ бы санкціонировала ходячее мнѣніе о томъ, что демонстрація есть явленіе, благопріятствующее погрому. Отмѣненная демонстрація не уменьшила ненависти къ «демократамъ». Она лишь облегчила для полиціймейстера его комедію съ переодѣваніемъ, его выступленіе въ маскѣ великодушнаго покровителя и спасителя евреевъ одновременно отъ погромщиковъ и отъ накликающихъ погромы «демократовъ». А благодаря этому создается положеніе, при которомъ, по справедливому замѣчанію автора «письма изъ Россіи» (№ 127 «Посл. Изв.» Бунда) «масса, не понимающая закулисной роли правительства въ этихъ движеніяхъ, начинаетъ смотрѣть на правительство, какъ на единственнаго сво-

его защитника отъ взрывовъ народной ярости», и, естественно, настраивается противъ враговъ правительства, которые могутъ «лишить ихъ послѣдней опоры въ тяжелую годину еврейскихъ погромовъ»...

Говоритъ ли о печальномъ эпилогѣ такъ блестяще начатой агитаціи за демонстрацію съ вооруженнымъ сопротивленіемъ въ Кіевѣ? Въ № 23 «Рев. Россіи» была передана фактическая сторона дѣла. Въ этомъ № читатели найдутъ сообщеніе о дальнѣйшемъ ходѣ событій. Въ «Посл. Изв.» Бунда есть также нѣкоторыя интересныя сообщенія по этому поводу. Разсказывая о томъ, какъ «трусу праздновала» буржуазія*), какъ ходатайствовали передъ соц.-дем. комитетомъ объ отмѣнѣ демонстраціи, корреспондентъ прибавлялъ, что «комитетъ, насколько мнѣ извѣстно, не отмѣнилъ ея и не думаетъ отмѣнить... Среди еврейскихъ рабочихъ, какъ говорятъ, настроеніе бодрое, и они готовятся къ демонстраціи и ждутъ ея съ нетерпѣніемъ» (№123). Горѣли желаніемъ помѣряться съ врагомъ и организованные рабочіе Комитета П. Соц.-Рев. —въ большинствѣ—русской національности. Что не было нужды разстраивать демонстрацію, лучше всего доказалъ самъ соц.-дем. комитетъ, вскорѣ же опять назначивъ демонстрацію, только на этотъ разъ однѣми собственными силами, даже не увѣдомивъ комитета нашей Партіи. Естественный результатъ этой тактики далъ себя знать. Революціонное настроеніе рабочихъ было охлаждено, внесенный въ ихъ среду разладъ ослабилъ силы, долгое промедленіе дало возможность жандармеріи нанести еще нѣсколько чувствительныхъ ударовъ революціоннымъ организаціямъ. Въ результатѣ—попытка, для подавленія которой оказалось достаточнымъ кучки городовыхъ.

Въ Одессѣ крики о необходимости быть «тише воды, ниже травы» также оказали свое дѣйствіе. Благодаря этому, жатва независимыхъ и сіонистовъ была особенно обильна. Политическій развратъ достигъ крайнихъ предѣловъ. По сообщенію «Бунда», «сіонистская молодежь вмѣстѣ съ «независимыми» организовала кружки самообороны» для противодѣйствія толпѣ погромщиковъ. «Независимые» воспользовались случаемъ войти въ соглашеніе съ сіонистами для выполненія мерзкаго плана: 1-го мая утромъ Шаевичъ (представитель независимыхъ) призвалъ сіонистовъ и доказывалъ имъ, что «они должны сегодня быть на готовѣ и сейчасъ же явиться на зовъ полиціи для подавленія ожидающихся рабочихъ демонстрацій». Доказательства сводились къ тому, что демонстраціи превратятся въ погромъ (№ 129). Лицемѣрный характеръ этихъ доводовъ выясняется вполнѣ, если вспомнить постоянную ожесточенную проповѣдь «независимцевъ» противъ демон-

*) И это несмотря на то, что, по сообщ. «Посл. Изв.» организованой вооружено въ одномъ только «об-вѣ самообороны» было нѣсколько (отъ человѣкъ»—по слухамъ, конечно, сильно преувеличивавшимъ его численность, около девятисотъ! (ib.).

страцій и озлобленность ихъ противъ соціалистовъ вообще, и противъ соціалистовъ-революціонеровъ въ особенности. Нашимъ одесскимъ товарищамъ суждено было своимъ горькимъ примѣромъ по крайней мѣрѣ доказать, какъ безпочвенны и искуственны были эти не всегда искреннія опасенія погрома. 1-го мая,—иронія судьбы! не русская чернь въ союзѣ съ полиціей производила погромъ евреевъ, а евреи приняли участіе въ полицейскомъ погромѣ соціалистовъ-революціонеровъ (среди которыхъ было много—русской національности). Въ этомъ № нашъ корреспондентъ сообщаетъ, какъ съ помощью ослѣпленныхъ вліяніемъ проповѣдниковъ политическаго разврата евреевъ, полиція устраивала засады, излавливала собиравшихся небольшими группами на массовое собраніе рабочихъ соціалистовъ-революціонеровъ и избивала ихъ. Приводимъ параллельное сообщеніе Бунда: «На Пересыпи должно было быть собраніе, созванное соц.-рев. и разсчитанное на 300 чел. Какъ только рабочіе начали сходиться, полиція замѣтила ихъ и сейчасъ же дала знать, куда слѣдуетъ. До прибытія казаковъ и полиціи городовые заходили въ находившіеся по близости трактиры и подстрекали бывшихъ тамъ евреевъ хорошенько поколотить сходившихся рабочихъ, такъ какъ, молъ, они соціалисты и собираются для того, чтобы произвести «безпорядокъ». Евреи, еще до прибытія казаковъ, напали на собравшихся и началась свалка. Вскорѣ прибыли изъ города казаки и полицейскіе, собравшихся окружили со всѣхъ сторонъ и безпощадно били нагайками, шашками и кулаками. Сбѣжавшіеся изъ трактировъ евреи принимали дѣятельное участіе въ избіеніи соціалистовъ-революціонеровъ» (№ 129). Полагаемъ, что на сей разъ даже Крушеванъ останется довольнымъ этими «евреями», хотя они нападали и на многихъ «русскихъ»... Такова иронія судьбы...

Эти позорныя страницы современной лѣтописи доставятъ множество удовольствій г. фонъ-Плеве, личность котораго какой то особенной, таинственной связью соединена съ еврейскими погромами. Эпоха его дѣятельности въ началѣ 80-хъ годовъ была ознаменована эпидеміей еврейскихъ погромовъ. Его возвратъ на авансцену русской «внутренней политики» сопровождается возвратомъ погромовъ. Бываютъ такія странныя, случайныя совпаденія! Одна изъ корреспонденцій Бунда сообщаетъ, что «чиновныя сферы въ Петербургѣ теперь похваляются своимъ успѣхомъ: одинъ лишь погромъ—говорятъ тамъ—и демонстраціи какъ рукой сняло».... (№ 126).

Здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься... И несомнѣнный урокъ, извлекаемый нами изъ этихъ событій, заключается въ слѣдующемъ. Подобной тактикѣ правительства нужно противупоставлять не уступки буржуазіи, не нерѣшительность, не страсть къ разъединенію, фатально приводящія къ безсилію, а сплоченность, рѣшительность, смѣлость, и ту твердость, ту вѣрность себѣ, которая одна не допуститъ революціонера спасовать передъ трусли-

выми возгласами буржуазіи и коварными маневрами правительства провокаторовъ.

Іюнь 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

Войско и революція.

Послѣдніе обыски и аресты среди военныхъ, вмѣстѣ съ появленіемъ прокламацій новыхъ революціонныхъ группъ, снова напоминаютъ намъ о вопросѣ первостепенной важности, вопросѣ о пропагандѣ среди военныхъ. Этотъ вопросъ былъ почти совершенно забытъ послѣ гибели «Партіи Народной Воли», въ теченіе почти всей эпохи господства у насъ идей русской соціальдемократіи «перваго призыва». И только въ послѣднее время совершается въ этомъ отношеніи крупный поворотъ въ настроеніи и дѣятельности русскихъ революціонеровъ. Сама жизнь заставляетъ ихъ все чаще и чаще обращать свои взоры на войско, ставить на очередь вопросъ о формахъ пропаганды, агитаціи и организаціи среди военныхъ.

Значеніе войска во время революціи трудно преувеличить. Его сила не только въ превосходномъ вооруженіи,—его сила еще болѣе въ превосходной организованности. А въ исторической жизни, въ острые и критическіе моменты борьбы общественныхъ силъ, политическій факторъ—организованность—имѣетъ часто рѣшающее значеніе. Организованность удесятеряетъ силы. Безъ организованности общественный классъ, сословіе или партія находятся въ состояніи политическаго ничтожества, исторической импотенціи, какъ бы ни была велика ихъ численность или сознательность.

«Служители монархіи — практики, а не краснобаи, но такихъ практическихъ служителей надо пожелать и вамъ», говорилъ Лассаль, обращаясь къ нѣмецкимъ работникамъ. Своимъ практическимъ чутьемъ служители монархіи поняли, какая сила заклю-

чается въ организованности. И въ критическіе, переходные моменты они превращаютъ весь государственный строй, всѣ его органы и учрежденія въ одинъ стройный, прекрасно организованный боевой механизмъ, направленный противъ всякаго рода революціонныхъ попытокъ. Численность арміи и полиціи, пушки, скорострѣльныя ружья, винтовки, изъ которыхъ на огромномъ разстояніи нетрудно пронзить пулею на вылетъ подрядъ нѣсколько «вѣрноподданическихъ» сердецъ, и прочія усовершенствованія военной техники,—все это потенціальныя силы, которыя могутъ быть реализованы только въ томъ случаѣ, когда крѣпкая организація дѣлаетъ ихъ послушными орудіями въ рукахъ правительства. Величина этой потенціальной силы, способная поражать воображеніе, подавлять вѣру и наполнять унынiемъ сердца многихъ противниковъ правительства, ставитъ передъ революціонерами одну изъ важныхъ задачъ—дезорганизаціи этихъ средствъ правительственной самозащиты. Возможность такой дезорганизаціи—вотъ фактъ, который слишкомъ часто забывается; а эта забывчивость и приводитъ нерѣдко людей къ пессимистическимъ выводамъ, которые далеко не всегда оправдываются дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и соотношеніемъ физическихъ силъ. Достаточно вспомнить, сколько пессимистическихъ выводовъ дѣлалось хотя бы изъ соображеній Фр. Энгельса о техникѣ революціонной борьбы*)

«Перестанемъ увлекаться иллюзіями—говорилъ онъ, напр., въ извѣстномъ предисловіи къ марксовской брошюрѣ «Die Klassenkämpfe in Frankreich»; —дѣйствительная побѣда повстанцевъ надъ войсками въ уличной борьбѣ представляется величайшей рѣдкостью». «Самое большее, что можетъ удасться возстанію»—говорилъ онъ, имѣя въ виду условія 1848 г., о которомъ идетъ рѣчь у Маркса—«это—технически правильное устройство и защита одной единственной баррикады». Но ко всему этому надо прибавить, что, «со времени 48 г. многое измѣнилось, и все въ пользу войска... До 1848 г. еще можно было самому сдѣлать себѣ аммуницію изъ пороха и свинца. Теперь патроны различны для каждаго ружья и только въ одномъ отношеніи равны другъ другу: въ томъ, что всѣ они—произведенія искусства крупной промышленности и, слѣдовательно, не могутъ быть изготовлены ex tempore... Наконецъ, новые кварталы, выстроенные въ большихъ городахъ послѣ 1848 г., съ ихъ длинными, прямыми и широкими улицами, какъ будто нарочно созданы для дѣятельности новыхъ пушекъ и ружей. Революціонеръ долженъ сперва окончательно свихнуться, чѣмъ

*) Энгельсъ, какъ извѣстно, спеціально занимался вопросами военнаго дѣла и боевой техники, и интересовался ими въ особенности съ точки зрѣнія практическихъ выводовъ для партіи, готовой поддержать свою политическую программу не только мирными, легальными средствами, но и мѣрами прямого революціоннаго давленія, выходящаго изъ рамокъ полицейскаго «устава о благочиніи».

выбрать новые рабочіе кварталы Берлина мѣстомъ для баррикадной борьбы»*).

Первое правило для истиннаго революціонера, это, конечно, не обольщаться иллюзіями, не глядѣть на все сквозь розовые очки, не преувеличивать своихъ собственныхъ силъ и не преуменьшать силъ своихъ противниковъ. Поэтому шансы на успѣхъ уличнаго возстанія и баррикадной борьбы должны быть взвѣшены трезво, спокойно и хладнокровно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой борьбѣ правительство обладаетъ цѣлымъ рядомъ чрезвычайно крупныхъ преимуществъ. Въ рукахъ правительства—пути сообщенія, почта, телеграфы, телефоны; въ каждый данный моментъ по единому знаку любая часть правительственныхъ силъ можетъ быть мобилизована въ любомъ объемѣ и направлена туда, куда нужно, неожиданно для противника, чтобы подавить движеніе въ самомъ зародышѣ.

Поэтому, работа въ войскѣ съ цѣлью расшатать, дезорганизовать, парализовать значеніе арміи, какъ средства порабощенія населенія, является не только полезной и цѣлесообразной, но прямо-таки необходимой**). И въ то же время нельзя не отмѣтить, что она дѣлается все болѣе и болѣе возможной.

Давно уже прошло то время, когда нашъ солдатъ проводилъ въ казармѣ десятки лѣтъ и когда, благодаря этому, армія была совершенно оторвана отъ населенія, превращена въ особую касту. При томъ сокращеніи срока службы, которое сдѣлалось необходимымъ для содержанія милліонной арміи съ резервами, запасами и ополченіемъ, увеличивающими ее въ случаѣ необходимости втрое,— произошло неминуемое сближеніе арміи съ народомъ. Всеобщая воинская повинность не могла не демократизировать арміи и, съ другой стороны, не могла не ввести въ ея ряды разнообразныхъ элементовъ и не сблизить между собою солдатъ изъ простонародья съ солдатами изъ интеллигентныхъ слоевъ и изъ «разночинцевъ». При кратковременныхъ срокахъ гораздо труднѣе такъ вымуштровать солдата, чтобы онъ совершенно утратилъ свой первоначальный обликъ и свою обычную психологію средняка-крестьянина или фабричнаго. Съ ростомъ рабочаго движенія все чаще и чаще въ ряды арміи входятъ люди, затронутые соціалистической пропагандой и незамѣтно распространяющіе вокругъ себя общую атмосферу недовольства и броженія. Тотъ фактъ, что главнымъ поставщикомъ арміи служитъ деревня, крестьянство— конечно, служилъ раньше крупнымъ препятствіемъ для революціо-

*) «Klassenkämpfe» etc. ss. 13—15.

**) Поэтому еще въ 1 № «Вѣстника Русской Революціи», въ статьѣ о программѣ журнала, редакція подчеркивала, что она «въ числѣ прочихъ пріемовъ подготовленія революціи, стоитъ за почти совершенно забытую теперь пропаганду и агитацію въ арміи, даже лучшіе элементы которой, какъ мы могли убѣдиться въ послѣднее время, оставлены въ сторонѣ современными пропагандистами» (№ 1, іюль 1901 г., стр. 11).

низированія казармы, создавая въ ней атмосферу традиціонной мужицкой вѣры въ «царя-батюшку». Но теперь, когда наше революціонное движеніе сдѣлало такой крупный шагъ впередъ; когда оно изъ городовъ перекинулось и въ деревни; когда крестьянство, какъ общее правило, все чаще и чаще грудь съ грудью сталкивается съ войскомъ, вызываемымъ усмирять безпорядки; когда по селамъ усиленно начинаетъ циркулировать нелегальная литература,—кадры мужиковъ-новобранцевъ съ каждымъ годомъ будутъ представлять все болѣе и болѣе благодарную почву для посѣва революціонныхъ сѣмянъ. Недаромъ одинъ изъ военныхъ во время полтавскихъ и харьковскихъ событій говорилъ, что-де пока еще все благополучно: войска еще достаточно надежны и, въ общемъ, исполняютъ свое дѣло. «Но вотъ, что мы будемъ дѣлать, когда намъ придется набирать въ войска тѣхъ, кто росъ подъ впечатлѣніемъ этихъ массовыхъ безпорядковъ и усмиреній—это вопросъ глубоко серьезный, и тутъ есть надъ чѣмъ задуматься».... Да, здѣсь, конечно, есть надъ чѣмъ задуматься столпамъ современнаго правительства, и невеселыя для нихъ это думы!

Работая среди крестьянъ, мы подготовляемъ тѣмъ самымъ и болѣе благопріятныя условія для работы въ войскѣ. Не легко заронить въ удушливую казарму, опутанную сѣтями строжайшаго надзора и дисциплины, революціонныя мысли, если къ ихъ воспріятію не подготовлены заранѣе поступающіе въ казарму элементы. Но разъ это послѣднее условіе есть на лицо, задача сильно облегчается. Тяжелая обстановка солдатской жизни, возмутительно-жестокое обращеніе съ солдатами начальства, произволъ, лишенія и скверное питаніе, воровство и вѣчное урываньe изъ пищенскаго «солдатскаго пайка» со стороны завѣдующихъ провіантской частью, истощеніе на маневрахъ и т. под. «играхъ въ солдатики»—словомъ, весь поистинѣ ужасный режимъ, отъ котораго терпитъ солдатъ, естественно накопляетъ въ казармѣ массу скрытаго озлобленія и недовольства. И этимъ недовольствомъ умѣлому агитатору не такъ ужъ трудно воспользоваться. Условія жизни «униженнаго и оскорбленнаго» солдата даютъ возможность демонстрировать ему на его собственномъ опытѣ сходство его положенія съ положеніемъ другихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» слоевъ города и деревни и вытекающую отсюда солидарность ихъ интересовъ.

Намъ могутъ возразить, что однообразная, монотонная жизнь въ четырехъ стѣнахъ и мертвящее вліяніе дисциплины, тѣмъ не менѣе, могутъ создавать хотя бы временный, но все-таки достаточный гипнозъ, а порою и прямо-таки «выѣдать душу» и опустошать сердце солдата; намъ могутъ, далѣе, указать, что въ странахъ Западной Европы, гдѣ демократизація арміи проведена въ еще болѣе широкой степени, солдаты все-таки очень и очень исправно стрѣляютъ въ стачечниковъ.... Въ обоихъ этихъ указаніяхъ есть большая доля правды. Но не слѣдуетъ забывать въ этомъ отношеніи и крупнаго различія между Россіей и Западной

Европой. Тамъ усмиренія войсками забастовщиковъ—не болѣе, какъ отдѣльные печальные для солдатъ эпизоды изъ жизни, въ то время какъ у насъ болѣзненные процессы общественнаго распада слишкомъ обострили и участили необходимость вмѣшательства военной силы; это уже не эпизоды и случайности, это—нѣчто постоянное, затяжное, хроническое... Недаромъ военное начальство вынуждено было принять за правило, чтобы въ одномъ и томъ же году одинъ и тотъ же отрядъ не употреблялся для усмиренія безпорядковъ болѣе одного раза. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ этого приказа приходилось призывать для экзекуцій солдатъ изъ сосѣднихъ губерній, такъ какъ мѣстныя войска всѣ уже перебывали на усмиреніяхъ. Что же касается гипноза, въ который повергаетъ солдатъ безобразная муштровка, то онъ можетъ быть легко поддержанъ втеченіе всего процесса усмиренія лишь въ томъ случаѣ, если управляющій солдатами механизмъ—офицерство—безусловно преданъ правительству. Но достаточно колебанія и разстройства въ этомъ механизмѣ, чтобы временный гипнозъ и дѣйствіе дисциплины было разомъ подорвано и чтобы истый крестьянинъ-земледѣлецъ или фабричный рабочій высвободился изъ сковывающей его казенной мундирной оболочки.

Это послѣднее обстоятельство естественно приводитъ насъ къ второй половинѣ затронутаго нами вопроса,—къ задачамъ революціонной пропаганды среди офицерства. Современное офицерство также не могло не подвергнуться тому же самому процессу демократизаціи. Нѣкогда весьма малочисленное и вербовавшееся почти исключительно изъ «столбового» дворянства, оно теперь крайне разрослось—вѣдь въ русской арміи, гвардіи и флотѣ въ настоящее время насчитывается около 80.000 офицеровъ*)—и ряды его теперь, естественно, открыты для разночинныхъ слоевъ. Но именно поэтому распространеніе оппозиціоннаго настроенія въ широкихъ кругахъ общества не можетъ не отразиться и на офицерствѣ. Примѣръ Народной Воли показываетъ, какой сильный отголосокъ можетъ найти революціонное движеніе въ этой средѣ. Кому не памятны образы такихъ военныхъ, отдавшихся дѣлу соціализма и революціи, какъ Рогачевъ, Сухановъ, подполковникъ баронъ Ашенбреннеръ, украшенный орденами за рядъ отличій на полѣ сраженій; какъ одинъ изъ героевъ плевненскихъ битвъ и перехода черезъ Балканы, украшенный еще большимъ количествомъ всевозможныхъ знаковъ отличія Н. Д. Похитоновъ; лейтенантъ флота баронъ Штромбергъ и еще многіе, многіе другіе.... По даннымъ современника и участника офицерскаго движенія той эпохи, Э. Серебрякова, въ 1883 году, послѣ открытія, благодаря дегаевскому предательству, военной организаціи Народной Воли, правительственное преслѣдованіе обрушилось на голову двухъ съ половиною сотенъ офицеровъ, при чемъ аресты, обыски и ис-

*) Ср. Э. Серебряковъ, «Гдѣ будетъ армія», въ «Наканунѣ», № 30 (іюнь 1901 г.).

ключенія изъ службы этимъ не ограничились, а тянулись весь слѣдующій 1884 г.

А между тѣмъ врядъ-ли можно считать условія, при которыхъ работала въ войскѣ «Народная Воля», особенно, исключительно благопріятными. Скорѣе напротивъ. Общее революціонное движеніе, несомнѣнно, было тогда ограничено неизмѣримо болѣе узкими предѣлами, чѣмъ нынѣ; ранѣе соціалистами—предшественниками народовольцевъ вопросъ о спеціальной работѣ среди военныхъ совершенно не ставился; такимъ образомъ, народовольцамъ приходилось быть въ этой области новаторами,—ощупью отыскивать и прокладывать дорогу, не имѣя точки опоры ни въ какомъ предъидущемъ опытѣ—если, конечно, не считать отдаленной попытки декабристовъ, происходившей въ совершенно иное время, при иныхъ условіяхъ и на иныхъ началахъ. Не было и спеціальной литературы для военныхъ, да, по условіямъ времени, некогда было даже и думать о ея созданіи. Такимъ ускореннымъ темпомъ развивались тогда событія, такъ мало было силъ и такъ огромны были сравнительно съ этими силами задачи.... Приходилось не столько сѣять, сколько пожинать то, что успѣло самостоятельно вырости.

Правда, съ тѣхъ поръ правительство обращаетъ особенное вниманіе на офицерство, всячески стремится обласкать его, осыпать льготами, доказать свою отеческую заботливость о его нуждахъ. Но вѣдь закупить можно лишь тѣхъ, кто раньше былъ продаженъ.... А не на такіе же элементы приходится разсчитывать революціонерамъ. Надежными сторонниками революціи въ офицерствѣ могутъ быть лишь натуры, доступныя лучшимъ, идеальнымъ побужденіямъ, откликающіяся всѣмъ сердцемъ на проповѣдь новаго великаго евангелія соціализма. Именно они могутъ въ рѣшительный моментъ увлечь за собой или нейтрализовать менѣе опредѣленныхъ, колеблющихся, слегка недовольныхъ или робко «сочувствующихъ».

Не надо забывать, что общая, основная задача соціалистовъ-революціонеровъ по отношенію къ арміи заключается въ стремленіи дезорганизовать, ослабить или парализовать ея значеніе, какъ средства подавленія возставшаго народа. А для этого, конечно, требуется гораздо меньше, чѣмъ для выполненія какихъ-нибудь болѣе широкихъ и сложныхъ плановъ военно-революціоннаго заговора.

Народовольцы пытались создать среди арміи свою широкую, крѣпкую конспиративную «организацію въ организаціи», имѣя въ виду изъ арсенала правительственныхъ силъ взять себѣ оружіе и употребить его—именно въ качествѣ самостоятельнаго революціоннаго оружія—непосредственно противъ правительства. Эта задача оказалась обставленной гораздо большими трудностями, чѣмъ это можно было думать. Военная среда имѣетъ свои особенности, затрудняющія существованіе организаціи. Вся жизнь офицера протекаетъ на виду какъ у начальства, такъ и у товарищей. Во вся-

кой военной части всѣмъ довольно хорошо извѣстенъ въ общихъ чертахъ образъ мыслей каждаго офицера. Офицеръ—служака, карьеристъ, просто «добрый малый» или забулдыга, реакціонеръ, либералъ или «красный»—всегда имѣетъ въ полку вполнѣ опредѣленную репутацію. Въ обычное время, поскольку, наприм., образъ мыслей «краснаго» проявляется въ чтеніи опредѣленныхъ журналовъ, въ свободныхъ рѣчахъ, въ гуманномъ отношеніи къ солдатамъ—это ничему не мѣшаетъ и даже не вредитъ по службѣ. Но за то, чуть только явилось подозрѣніе въ существованіи организованной «крамолы»—все дѣло разомъ мѣняется. «Подозрительные» моментально попадаютъ подъ строжайшій надзоръ не только начальства или товарищей изъ «служакъ» и «карьеристовъ», но еще и массы добровольцевъ, отъ фельдфебеля до вѣстового.... При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего легче, какъ провалиться самому и провалить другихъ. Приходится все время жить, какъ подъ Дамокловымъ мечемъ; нервная система крайне напрягается, тѣмъ болѣе, что наступаетъ періодъ вынужденнаго бездѣлья, вѣчной маскировки своихъ мыслей и чувствъ, пассивнаго сидѣнія въ траншеяхъ подъ огнемъ непріятеля... Рѣдкій долго выдерживаетъ такое напряженно-бездѣятельное состояніе, и во времена народовольческой военной организаціи дѣло нерѣдко кончалось однимъ изъ 2-хъ выходовъ: или, дойдя до полнаго переутомленія, офицеръ спасался бѣгствомъ, самъ выпрашивая перевода въ глушь, въ какой-нибудь отдаленнѣйшій полкъ, или же его нервное напряженіе разрѣшалось какимъ-нибудь ультра-неосторожнымъ поступкомъ, приводившимъ къ катастрофѣ. Опытъ Народной Воли не долженъ пройти для насъ безслѣдно. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что если работа среди военныхъ возможна и необходима, если организація обще-революціонныхъ силъ для такой работы нужна, то къ вопросу объ организаціи самихъ военныхъ нужно относиться очень осторожно. Заблаговременно создать такую организацію съ разсчетомъ, что она просуществуетъ неопредѣленно долгое время, едва-ли будетъ цѣлесообразно. Напротивъ, такая организація можетъ и должна быть создаваема лишь для точно опредѣленной практической задачи, для прямыхъ дѣйствій и въ теченіе возможно короткаго времени. Когда такая практическая надобность явится, тѣ же самыя исключительныя условія офицерской жизни, которыя представляютъ столько препятствій преждевременной организаціи, сослужатъ свою службу и облегчатъ дѣло объединенія военно-революціонныхъ силъ. Пока же не пришла пора для такихъ дѣйствій—революціонно-настроенному офицерству лучше группироваться въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ, безъ широкой организаціи, ведя исподволь дѣло расшатыванія среди сослуживцевъ вѣрноподданническаго духа. Для этой цѣли вѣдь и нѣтъ особенной надобности въ широкой спеціально-военной организаціи. Достаточно того, чтобы мѣстные комитеты партіи имѣли связи среди революціонно-настроеннаго офицерства и снабжали его необходимой литературой. Что же ка-

сается до работы среди солдатъ, то заниматься ей офицерамъ, по условіямъ армейской жизни, совершенно немыслимо: это гораздо легче дѣлать со стороны, съ воли, черезъ посредство хотя бы рабочихъ организацій—что достаточно доказано и прежней, и современной практикой*). Но важно, чтобы революціонеры, кромѣ распространенія въ войскѣ общей литературы, создали подходящую литературу по тѣмъ спеціальнымъ вопросамъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни офицера и солдата. Это—задача гораздо болѣе необходимая и насущная.

Мы, конечно, вовсе не хотимъ исключить всякую возможность такой благопріятной комбинаціи обстоятельствъ, когда въ войскѣ можетъ образоваться «организація въ организаціи», представляющая такую самостоятельную революціонную силу, которая непосредственно способна на аттаку правительственныхъ укрѣпленій, параллельно съ аттакой, исходящей отъ рабочихъ массъ. Если бы такая возможность представилась—тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ лучше для успѣха революціи. Этой возможностью, если-бы она превратилась въ дѣйствительность, осталось бы только воспользоваться. Мы только не можемъ строить на ней всѣ свои разсчеты и приспособлять къ ней свою дѣятельность въ данной средѣ. По своему общему и основному характеру она остается просто однимъ изъ средствъ дезорганизаціи правительственныхъ силъ.

Работа среди войска, по условіямъ среды, представляетъ, конечно, свои спеціальныя трудности. Но революціонерамъ давно пора перестать гоняться за «легкостью» задачъ. Нигдѣ, ни въ чемъ истинныхъ революціонеровъ не останавливали препятствія. Преодолѣніемъ этихъ трудностей, когда связанное съ ними дѣло представлялось глубоко важнымъ и серьезнымъ, а не устремленіемъ всѣхъ силъ «по линіи наименьшаго сопротивленія» создавались всѣ данныя для успѣшной революціи. И мы вправѣ надѣяться, что дѣло пропаганды въ арміи найдетъ достаточно умѣлыхъ, терпѣливыхъ и энергичныхъ работниковъ. И, съ полною вѣрою въ преданность и самоотверженіе нашихъ товарищей, мы зовемъ «дѣлателей» на ожидающую ихъ жатву.

Апрѣль, 1903 г. *Ю. Гарденинъ.*

---

*) Въ программѣ военной революціонной организаціи партіи Нар. Воли прямо указывалось на это. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ указывалось, что для достиженія желательной цѣли со стороны самихъ офицеровъ достаточно одно: они должны своимъ отношеніемъ къ солдатамъ пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе, пріобрѣсти среди нихъ достаточную популярность, которая позволитъ офицерамъ-революціонерамъ нейтрализовать или даже увлечь за собою подчиненныя имъ части.

Организаціонный вопросъ.

Вполнѣ понятно и естественно, что чѣмъ стремительнѣе развертываются событія, чѣмъ болѣе назрѣваютъ и близятся роковыя столкновенія по всему фронту съ силами врага, чѣмъ болѣе гражданская война становится изъ предвидѣнія фактомъ, изъ идеи —дѣйствительностью,—тѣмъ острѣе чувствуется необходимость скорѣйшаго разрѣшенія организаціоннаго вопроса.

Когда страна готова къ возстанію, задача революціонной партіи заключается въ томъ, чтобы встать во главѣ возставшихъ, опредѣлить точно ближайшія цѣли и придать движенію опредѣленныя формы,—когда въ странѣ сильное политическое броженіе, задача революціонеровъ—поддерживать его, бросать идею возстанія во все болѣе и болѣе широкія массы и стараться, чтобы накопленная революціонная энергія перешла въ революціонное дѣйствіе. Для этого необходима, разумѣется, сильная и охватывающая всю страну организація.

Мы многое пережили и многому научились; но вѣдь очень многому научились и наши враги. Тѣ революціонныя возстанія, которыя пережила на своемъ вѣку Западная Европа, послужили богатымъ опытомъ для русскаго самодержавія. Русскіе самодержцы съ ужасомъ взирали на мятежный Западъ и старательно черпали изъ чужой культуры все, что могло обезпечить и охранить ихъ положеніе. И нѣтъ сомнѣнія, что теперь самодержавная русская власть представляетъ изъ себя такую грозную силу, какой Западъ не видѣлъ за всю свою дореволюціонную исторію. Поэтому революціонная борьба въ Россіи происходитъ въ совершенно своеобразной обстановкѣ и требуетъ отъ каждаго участника ея гораздо большаго, чѣмъ требовала революціонная борьба отъ революціонера на Западѣ.

Въ плоть и кровь каждаго соціалиста-революціонера давно вошло убѣжденіе, что намъ, поэтому, въ высшей степени необходима концентрированная, сильная организація. Какъ идеалъ, эта организація должна быть невидима и вездѣсуща. Она должна проникнуть во всѣ уголки страны, тысячами нитей разбѣжаться по всѣмъ направленіямъ и тысячами нитей соединиться въ одномъ центральномъ узлѣ. Какъ всѣ раздраженія въ нервной системѣ отзываются въ одномъ центральномъ узлѣ—сознаніи, такъ и всѣ политическія событія—отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ

—должны отзываться одинаково по всѣмъ нитямъ организаціи и достигать центра ея. Организація—это скелетъ, и какъ безъ скелета не можетъ держаться тѣло, такъ и безъ организаціи не можетъ быть планомѣрной и плодотворной работы. Кости обростаютъ тѣломъ, революціонныя массы сосредоточиваются по организаціоннымъ нитямъ.

Когда нѣтъ прочной организаціи, пробѣлы въ работѣ, прямые недостатки ея неисчислимы и хорошо извѣстны всякому товарищу. Каждый, не единичный, провалъ ведетъ за собой пріостановку въ работѣ. Работа не прекращается, нѣтъ—она подхватывается другими, но провалъ отражается первое и довольно продолжительное время на качествѣ работы. Когда нѣтъ преемственности въ работѣ, накопленный опытъ пропадаетъ. Кругомъ каждой активной организаціи, каждаго энергичнаго кружка мы должны создавать извѣстную атмосферу, мы должны подыскивать себѣ замѣстителей и извѣстнымъ образомъ вліять на нихъ, давая имъ политическое и конспиративное воспитаніе. Каждую минуту мы должны быть готовы сойти со сцены, но уйти съ сознаніемъ, что дорогое дѣло и работу мы передали изъ рукъ въ руки такимъ же опытнымъ, какъ и мы, товарищамъ. Сколько преданности, сколько беззавѣтной готовности отдать свою жизнь за дорогую идею встрѣчаешь на каждомъ шагу въ революціонной работѣ, и какъ часто эта беззавѣтная преданность граничитъ съ безразсудствомъ, какъ часто истинное геройство остается безполезнымъ. И причина этого въ томъ, что у молодыхъ революціонеровъ часто нѣтъ достаточнаго политическаго и конспиративнаго воспитанія, въ томъ, что революціонный опытъ прежнихъ поколѣній, который стоилъ имъ много страданій и жизней, проходитъ для насъ даромъ. Вспомните завѣщаніе Александра Михайлова,— какъ немногіе знаютъ его! Какъ мало знакомы мы съ повседневной обстановкой революціонной работы народниковъ и народовольцевъ и какъ много могло бы дать для нашего политическаго воспитанія знаніе ея. Вѣдь не слѣдуетъ недооцѣнивать весь тотъ арсеналъ техническихъ средствъ, который имѣется въ распоряженіи у нашихъ враговъ, не нужно забывать о тѣхъ полчищахъ шпіоновъ, сыщиковъ и провокаторовъ, которыми располагаютъ наши жандармскія власти и охранныя отдѣленія.

Если мы хотимъ быть революціонерами и хотимъ оставить на русской жизни слѣды своей работы, то мы должны вырабатывать себѣ характеръ и много, много работать надъ собой. Мы должны взглянуть на всякую мелочь повседневной жизни съ точки зрѣнія революціонера, который хочетъ даже всякую мелочь использовать для конечнаго торжества свой идеи, съ точки зрѣнія революціонера, за которымъ постоянно слѣдитъ глазъ шпіона. И свой революціонный опытъ, свои знанія мы должны дѣлить съ тѣми, кто знаетъ меньше насъ и кто меньше насъ жилъ революціонной жизнью. Вспомните хотя бы революціонную молодую Италію, вспомните ея тайныя общества, дѣятельность Мадзини

—и тогда вамъ ясно будетъ, что значитъ быть невидимымъ для врага и въ то же время быть вездѣсущимъ. Такими должны мы быть, только такой матеріалъ годенъ для организаціоннаго скелета, на которомъ будетъ держаться партійное тѣло.

* * *

Каждый опредѣленный историческій моментъ диктуетъ свои требованія, и политическая мудрость общественнаго дѣятеля подсказываетъ ему опредѣленныя рѣшенія и задачи. Вглядимся въ ту политическую атмосферу, въ которой теперь протекаетъ революціонное движеніе. Необходимость самой интенсивной массовой агитаціи, необходимость въ связи съ этимъ рѣзкихъ ударовъ, направленныхъ противъ правительственной власти—говоритъ сама за себя и говоритъ тѣмъ громче, чѣмъ тревожнѣе переживаемое время,—но еще громче, еще настоятельнѣе, еще необходимѣе звучитъ требованіе: намъ нужна сильная, всеобъемлющая организація, организація массоваго, и въ то же время непосредственно боевого характера, не организація для организаціи, не организація храненія догмы, а организація для проведенія въ жизнь, осуществленія революціоннаго боевого плана.

Организація эта должна быть живою, самодѣятельною во всѣхъ своихъ частяхъ, и въ то же время обладать высшей степенью единства и концентрированности. Она должна быть способна дружно и стойко, одинаково во всѣхъ своихъ составныхъ элементахъ, осуществлять общій тактическій планъ партіи, на стражѣ котораго долженъ стоять всегда Центральный Комитетъ. Она должна быть способна также проводить этотъ планъ не механически, не по внѣшне-усвоенному шаблону, а органически приспособляя его къ особенности мѣстныхъ условій и проявляя въ этой работѣ самостоятельныя творческія силы.

Какой же типъ организаціи будетъ болѣе всего отвѣчать этой цѣли? На первый взглядъ много соблазнительнаго въ старомъ организаціонномъ шаблонѣ. Онъ простъ, если хотите, даже упрощенъ. Множество подобныхъ другъ другу атомизированныхъ единицъ—мѣстныхъ комитетовъ; между ними нѣтъ другой связи, кромѣ центра. Однако, теперь рѣшительно слѣдуетъ признать, что этотъ шаблонъ не оправданъ жизнью, по крайней мѣрѣ современной жизнью. Комитеты одной и той же, по культурно-экономическому характеру, мѣстности при немъ являются слишкомъ разобщенными между собою, столь же разобщенными, какъ и комитеты совершенно различныхъ полосъ Россіи. Съ другой стороны, комитеты слишкомъ далеко отстоятъ отъ связующаго ихъ центра. Отсутствіе всякой промежуточной стадіи сказывается крайне сильно, и должно сказываться все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ разростанія партіи, увеличенія числа входящихъ въ составъ ея организацій. Одному Центральному Комитету становится, въ

связи съ этимъ, все менѣе и менѣе возможно знать въ каждый моментъ количество и качество силъ каждой изъ отдѣльныхъ организацій, и регулировать равномѣрное ихъ распредѣленіе. А между тѣмъ возложеніе этой функціи исключительно на Центральный Комитетъ можетъ привести, и часто фактически приводитъ, къ тому, что сосѣдніе комитеты, даже въ случаѣ краховъ, часто не оказываютъ другъ другу должной помощи, при полной, однако, ея возможности; мало того—нерѣдко члены одного комитета сносятся съ членами другого лишь благодаря личному знакомству... Если прибавить къ этому крайнюю громадность русскихъ разстояній, разнообразіе условій, перерывъ, вслѣдствіе арестовъ, связей съ Центральнымъ Комитетомъ, то необходимость имѣть между мѣстными комитетами и центральнымъ какую-нибудь промежуточную инстанцію выяснится съ особенной яркостью. Вотъ почему въ нашей партіи постепенно, органически возникла потребность и шла работа въ смыслѣ образованія районныхъ организацій, со своими отдѣльными районными центрами, разумѣется, строго соподчиненными въ своей дѣятельности, причемъ верховнымъ хранителемъ этого соподчиненія—является Центральный Комитетъ, а рупоромъ послѣдняго—центральный органъ партіи. Характерно, что и въ соціаль-демократич. партіи, несмотря на сильное теченіе, принципіально и апріорно относящееся недоброжелательнымъ образомъ къ районнымъ организаціямъ, въ которыхъ усматривается часто призракъ «сепаратизма», потребности жизни взяли верхъ надъ предубѣжденіями. Итакъ порайонный типъ организаціи завоевываетъ себѣ твердую почву.

Частности строеній отдѣльныхъ районныхъ организацій могутъ быть различны. Наша Сѣверо-Западная Областная Организація достигла, наприм., большей концентрированности и централизованности, чѣмъ Поволжскій или Кавказскій Союзы. Уральскій и Сибирскій Союзы занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. Центральный, Южный и Сѣверный районы еще не выработали достаточно опредѣленныхъ формъ. Понятно, нѣтъ никакой надобности спѣшить съ установленіемъ для всѣхъ районныхъ организацій единаго шаблона въ строеніи и распредѣленіи функцій между районнымъ центромъ и комитетами. По мѣстнымъ условіямъ здѣсь можетъ оказаться цѣлесообразнымъ нѣкоторое разнообразіе. Это нисколько не мѣшаетъ единству и стройности организаціи, которая, будучи сформирована по такому типу, имѣетъ по своему строенію подобіе съ пирамидой. Наличность посредствующихъ инстанцій можетъ сильнѣйшимъ образомъ сближать Центральный Комитетъ съ мѣстными работниками, облегчать его задачи, внутренно скрѣплять сосѣднія организаціи, работающія въ одинаковыхъ условіяхъ культурныхъ, экономическихъ, этнографическихъ и т. д.; болѣе правильное разрѣшеніе находятъ себѣ, при такой схемѣ организаціи, и такіе вопросы, какъ общность движенія, распредѣленіе рабочихъ силъ, распредѣленіе литературы и связанная съ нимъ задача постановки ти-

нографій, обслуживающихъ и болѣе слабые комитеты, распредѣленіе денежныхъ средствъ и проч.

Этотъ типъ организаціи выработался у насъ самой жизнью, самой практикой работы. Онъ не былъ искусственнымъ измышленіемъ какихъ-нибудь досужихъ прожектеровъ, и потому его развитіе протекало естественнымъ, нормальнымъ путемъ, не сосредоточивая вокругъ себя ни шумихи внутрипартійной полемики, ни распрей, ни расколовъ.

* * *

Итакъ, для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, организаціонный вопросъ не есть спорный вопросъ принципа или теоріи, не есть и вопросъ о преобладаніи той или другой котеріи. Въ соціальдемократическомъ смыслѣ у насъ не возникало особаго, принципіальнаго «организаціоннаго вопроса». Нашъ организаціонный вопросъ былъ куда проще: онъ сводился болѣе всего къ практическому, численному недостатку силъ для всесторонняго объединенія и обслуживанія общихъ нуждъ мѣстныхъ организацій, группъ и работниковъ, прилагающихъ свои силы въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ дѣятельности. И въ этомъ отношеніи наши организаціонные пробѣлы и недостатки хорошо извѣстны всѣмъ товарищамъ. Нельзя не замѣтить, что практически организаціонный вопросъ для насъ обставленъ такими трудностями, какими онъ не былъ обставленъ ни въ какой другой партіи. Наша программа требуетъ самаго разносторонняго охвата жизни, и, сообразно этому, крайней многочисленности, разнообразія, дифференціаціи спеціальностей. Но тѣмъ сложнѣе становится проблема поддержанія единства при естественно обособляющей тенденціи, которая присуща всякой спеціализаціи.

Возьмемъ любой районъ нашей дѣятельности. Съ самаго начала работы въ немъ мѣстнымъ силамъ приходится вести работу: 1) въ рабочей средѣ, 2)въ обществѣ, городской интеллигенціи, учащейся молодежи, 3) въ крестьянствѣ, 4) въ сельской интеллигенціи; отсюда издавна возникшія въ предѣлахъ партіи спеціальныя организаціи: рабочіе союзы, крестьянскіе союзы, организаціи учащихся и интеллигенціи, одно время выдѣлившійся особо «союзъ народныхъ учителей» и т. п. Кромѣ того, въ нашей партіи число спеціальныхъ техническихъ группъ, естественно, больше, чѣмъ въ другихъ; кромѣ печатныхъ и транспортныхъ организацій, неизбѣжной принадлежностью с.-р-овской организаціи каждой мѣстности являются боевыя дружины.

Но наша программа не только разносторонняя, она еще и цѣлостна. Она сливаетъ воедино крестьянское и рабочее движеніе, терроръ и массовую борьбу. Соотвѣтственно этому организація наша не только дифференцирована, но и проникнута принципомъ строгаго единства. Носителями этого единства на мѣстахъ являют-

ся, прежде всего, мѣстные комитеты. Комитетскому центру данной мѣстности (обычно совпадающей, по своимъ границамъ, съ губерніей) обязательно подчинены всѣ, дѣйствующія въ тѣхъ же территоріальныхъ предѣлахъ, группы. Не можетъ и не должно быть партійныхъ группъ, самостоятельныхъ и обособленныхъ отъ комитетовъ. Существованіе такихъ автономныхъ, независимыхъ отъ комитетскаго контроля группъ нарушало бы не только внѣшнюю стройность, но и внутреннее единство и согласованность работы. Отъ комитетскаго контроля могутъ быть независимы лишь группы, непосредственно подчиненныя районному и общероссійскому центру, и лишь географически находящіяся въ сферѣ дѣйствія отдѣльнаго комитета, работающія же для болѣе обширной сферы, обслуживающія одну изъ общихъ, а не изъ мѣстныхъ потребностей. Всѣ же собственно мѣстныя силы должны быть объединены въ одно цѣлое. Координирующимъ органомъ является комитетъ данной мѣстности—этимъ самымъ уже сказано, что подъ его направляющимъ руководствомъ должны дѣйствовать въ мѣстныхъ дѣлахъ всѣ мѣстныя силы.*)

Этому нисколько не противорѣчило существованіе особыхъ центральныхъ группъ Крестьянскаго Союза, Союза Народныхъ Учителей и т. п. Существующая и сильно чувствуемая необходимость болѣе близкаго и тѣснаго общенія между не только работниками данной мѣстности, но и работниками данной спеціальности, но различныхъ мѣстностей,—эта потребность вызвала къ жизни всѣ эти «союзы». Ихъ существованіе лишало бы партійную организацію нѣкоторой доли ея стройности и единства лишь въ томъ случаѣ, если бы мѣстныя ихъ группы были изъяты изъ подъ комитетскаго контроля—чего не можетъ и не должно быть—и если бы центральныя группы этихъ «союзовъ» существовали бы обособленно отъ Центральнаго Комитета, а не были группами при Центральномъ Комитетѣ. Это уже достаточно доказано опытомъ. Конференціи, съѣзды, совѣщанія, постоянное общеніе работниковъ данной спеціальной отрасли дѣла желательны и необходимы. Они не должны лишь вести къ разрыву всей организаціи по спеціальностямъ. Имъ всегда останется достаточно мѣста и въ единой, стройной, строго-концентрированной организаціи, охватывающей, какъ въ своихъ мѣстныхъ, такъ и объединяющихъ органахъ, всю совокупность партійной работы. Въ такой организаціи они сдѣлаются залогомъ живого обмѣна революціоннымъ опытомъ, взаимопомощи, самодѣятельности,—и въ то же время цѣльности и согласованности работы.

---

*) Если бы въ районѣ дѣятельности того или другого мѣстнаго или районнаго комитета оказались группы, именующія себя с.-р.-овскими, но принципіально утверждающія свою независимость отъ контроля соотвѣтствующихъ партійныхъ органовъ,—къ нимъ партійные люди должны относиться такъ же, какъ къ организаціямъ другихъ, существующихъ параллельно съ П. С.-Р. фракцій или партій.

Наконецъ, строго выдержать единство и цѣльность, какъ необходимые организаціонные принципы, не менѣе важно и въ объединяющихъ верхахъ партійной организаціи. Насколько это важно, лучше всего покажетъ сравненіе съ поучительнымъ примѣромъ организаціи этой стороны дѣла въ Р. С. Д. Р. партіи.

Возьмемъ крайніе объединяющіе центры соціальдемократіи. Прежде всего, ихъ было 2 : 1) «практическій центръ» или Центральный Комитетъ, дѣйствующій въ Россіи; и 2) «идейно-теоретическій центръ» или редакція Центральнаго Органа, находящаяся заграницей. И это чрезвычайно характерно. Два эти пространственно обособленные центры сопоставлены другъ съ другомъ, какъ двѣ особыхъ, равныхъ самостоятельныхъ величины. Центральный Органъ не является просто органомъ русскаго центра; нѣтъ, онъ самъ —особый, второй, самостоятельный центръ. Конечно, идея о томъ, чтобы разорвать идейное руководство и практическое руководство, чтобы поручить ихъ двумъ разнымъ и равноправнымъ іерархически организаціямъ могла получить популярность лишь въ такой партіи, возникновеніе и развитіе которой было слишкомъ запечатлѣно вліяніемъ заграничной группы теоретиковъ, которая пріобрѣла благодаря этому самодовлѣющее значеніе и привыкла гораздо больше давать директивы русской работѣ, чѣмъ прислушиваться къ указаніямъ опыта этой работы и ея работниковъ. Въ связи съ этимъ, соціальдемократическая программа и тактика съ самаго начала, при возникновеніи своемъ, слишкомъ мало считалась съ фактическими условіями русской дѣйствительности. Она сводилась къ механическому перенесенію формулъ и методовъ германской соціальдемократіи на русскую почву, безъ всякой органической переработки, которая бы могла сдѣлать эту тактику и эти методы живымъ порожденіемъ русской жизни. Напоръ событій въ 90-хъ годахъ обнаружилъ до ослѣпительности ярко особенныя условія борьбы въ русскихъ соціальнополитическихъ условіяхъ; особенно вопросы о террористической борьбѣ и о роли трудовыхъ крестьянскихъ массъ, вставши во весь свой ростъ и во всей своей сложности, разбили стройную симметрію выработаннаго 80-ми и 90-ми годами русскаго соціальдемократическаго шаблона. «Искра» была героической попыткой спасенія догмы. Соціальдемократическое отечество было объявлено въ опасности; была установлена его диктатура и съ помощью этого возстановлено въ Россіи древлее благочестіе во всей его чистотѣ; создался режимъ всесторонней свѣтской власти ортодоксальной марксистской церкви, настоящая теократія или, употребляя удачный терминъ Огюста Конта—*педантократія*, къ тому же *заграничная* педантократія. Послѣдняя быстро справилась съ непокорной жизнью... Такое положеніе было воспринято, какъ историческое наслѣдство, возсоединенной соціальдемократіей. Второй съѣздъ освятилъ, санкціонировалъ наслѣдственную традицію, предоставивъ заграничному «идейному центру» самостоятельную, особую, равноправную съ русскимъ

«практическимъ центромъ» роль. Теорія и практика «руководства» движеніемъ были, такимъ образомъ, разорваны и розданы отдѣльнымъ организаціямъ. Разорвавъ естественную связь между ними, приходилось, однако, создать на ея мѣсто искусственную. Но тутъ то и оказалось, что не всегда и не всякое искусство выше природы. Искусственная надстройка въ видѣ «Совѣта Партіи», на началахъ постояннаго третейскаго примирительнаго учрежденія, не устранила, а только усложнила зло—отсутствіе организаціоннаго единства, нестройность и внутреннюю противорѣчивость въ структурѣ организаціи. Только что закончившійся III съѣздъ привелъ внутреннюю двойственность къ внѣшнему, формальному расколу: оказалось двѣ соціальдемократическія партіи: одна вокругъ Центральнаго Комитета, другая—вокругъ Центральнаго Органа. И что же мы видимъ? Первая изъ этихъ расколовшихся частей уже пересмотрѣла свой партійный уставъ и руками Ленина, создателя диктатуры Центральнаго Органа, перестроила всю организацію на началахъ его подчиненія русскому Центральному Комитету...

У Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ съ самаго начала не было причинъ раздваивать свою организацію, разъединять неразрывно-связанное—такъ называемое практическое и идейное «руководство», т. е. практическое и идейное обслуживаніе общихъ нуждъ всего движенія, взятаго въ цѣломъ. Ея программа и тактика находилась въ слишкомъ неразрывной связи съ практическимъ опытомъ борьбы, съ указаніями самой жизни, съ реальными нуждами движенія. Ея теорія являлась и должна была являться вѣрнымъ зеркаломъ жизни и цѣлесообразнымъ отвѣтомъ на жизнь,—а не какой-то парящей надъ жизнью всевластной богиней. Ни на минуту въ рядахъ партіи не могло зародиться даже и мысли обособить Центральный Органъ, какъ самостоятельную силу, стоящую гдѣ-то «надъ партіей». Центральный Комитетъ суммировалъ въ каждый данный моментъ програмные и тактическіе итоги всей работы партійныхъ силъ; этимъ суммированіемъ устанавливался общій фондъ идей, стремленій и методовъ, составлявшій почву общепартійнаго соглашенія. Центральный Органъ былъ, или по крайней мѣрѣ стремился и долженъ былъ быть, вѣрнымъ выразителемъ этой общепартійной платформы. Онъ былъ Центральнымъ Органомъ Партіи—это значило, что онъ былъ органомъ Центральнаго Комитета Партіи.

Вслѣдствіе такой постановки не могло возникать нужды ни въ иныхъ центрахъ, кромѣ единаго общепартійнаго Центра, ни въ надстройкахъ надъ этими центрами, ни въ надстройкахъ надъ надстройками. Не могло возникать и дуализма, разрыва, разъединенія между коллегіей заграничныхъ и коллегіей русскихъ работниковъ. Связь между ними установилась самая непосредственная. И потому, если есть доля правды въ томъ, что «заграницей» легко оторваться отъ жизни, отъ практики, жить выдуманными

интересами, потерять чутье дѣйствительности и создавать фантастическія, не имѣющія почвы въ жизни программы и схемы, —то основной потокъ общепартійной заграничной работы отъ такого вліянія «заграничной» атмосферы былъ гарантированъ самой организаціонной постановкой этой работы. Директивы, идущіе изъ Россіи, созданные опытомъ живой борьбы, были компасомъ, не позволявшимъ затеряться въ безпочвенныхъ фантазіяхъ или догматическихъ дедукціяхъ. Отрицательное вліяніе «заграничной» атмосферы могло сказываться, поэтому, лишь на отдѣльныхъ, узкихъ кружкахъ, стоящихъ внѣ основнаго потока организованной общепартійной работы. Но, чтобы не происходило въ такихъ обособленныхъ кружкахъ, это можетъ сдѣлаться трагическимъ для ихъ судебъ, а не для судебъ партіи.

Центральный Органъ есть органъ Центральнаго Комитета; заграничная организація не есть что то самодовлѣющее, а есть лишь организація помощи дѣйствующимъ въ Россіи организованнымъ силамъ; центръ тяжести дѣла, рѣшающій голосъ всегда и во всемъ принадлежитъ совокупности россійскихъ, непосредственно находящихся на аренѣ борьбы партійныхъ работниковъ—таковы органически выработанные устои нашей внутренней партійной жизни. Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть лишь частныя проявленія одного и того же принципа—принципа строгаго единства или монистическаго типа организаціи.

Развитіе и укрѣпленіе организаціи по строго выработанному плану, а также политическое и конспиративное воспитаніе революціонера—это два пункта, на которыхъ приходится сосредоточить особенное вниманіе именно теперь, когда близятся рѣшительныя событія, когда исторія властно напоминаетъ каждому человѣку, сознавшему себя соціалистомъ-революціонеромъ, его партійный долгъ, его высшую обязанность. Для характеристики этого долга мы врядъ ли нашли бы болѣе удачныя выраженія, чѣмъ слова нашего покойнаго великаго учителя, П. Л. Лаврова:

«Сила организованной партіи революціонеровъ есть единственное надежное орудіе для разрушенія политическаго препятствія. Это—единственная армія для возможной войны. Обязанность каждаго члена партіи, каждаго солдата ея— положить свои силы на ея усиленіе, свою дѣятельность на осуществленіе ея дѣла. Партизанство и сепаратизмъ становятся тѣмъ болѣе измѣною общему дѣлу, чѣмъ опаснѣе препятствія, чѣмъ труднѣе и отвѣтственнѣе положеніе партіи... Политическая борьба для разрушенія препятствій соціалистическому прогрессу возможна лишь для сильной партіи, и потому всякій, сознательно вносящій въ нее раздоръ и разложеніе, есть измѣнникъ общему дѣлу, измѣнникъ собственному политическому убѣжденію».

Только люди, въ плоть и кровь которыхъ вошли эти золотыя слова, суть настоящіе партійные люди въ лучшемъ смыслѣ слова. Ими живутъ партіи, ими онѣ крѣпнутъ, ими побѣждаютъ.

Ю. Гарденинъ.

Іюнь 1905 г.

Второй съѣздъ Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи состоялся. Передъ нами двѣ брошюры о съѣздѣ: одна—извѣщеніе новоизбраннаго Центральнаго Комитета партіи, съ приложеніемъ программы, организаціоннаго устава, резолюцій и т. п.; другая—отчетъ о съѣздѣ, опубликованный делегаціей Бунда. Кое въ чемъ обѣ брошюры разногласятъ между собою, и, не имѣя возможности провѣрить правильность разногласящихъ сообщеній, мы ограничимся ихъ документальнымъ сопоставленіемъ.

Маленькіе недостатки большого промежутка.

По «Извѣщенію», съѣздъ состоялся при условіяхъ «обезпечивающихъ правильное и полное представительство всѣхъ дѣйствующихъ организацій» партіи. По заявленію делегаціи «Бунда» «съѣздъ былъ составленъ по весьма своеобразной бухгалтеріи». По «извѣщенію», съѣздъ «по полнотѣ представительства является невиданнымъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія». По сообщенію делегаціи Бунда, это вѣрно главнымъ образомъ по отношенію къ нѣкоторымъ счастливымъ организаціямъ. Такъ, «заграничная организація «Искры» была представлена 3 раза: въ видѣ «Группы Освобожденія Труда», «Лиги», и редакціи «Искры» и «Зари», и это въ то время, когда «Группа Освобожденія Труда» фактически перестала существовать еще задолго до съѣзда, а если и существовала, то какъ часть редакціи «Искры» и «Зари». Кромѣ того, три кавказскихъ комитета получили каждый отдѣльное представительство—итого 6 делегатовъ—хотя, составляя одинъ «Кавказскій Союзъ», они должны были по уставу съѣзда имѣть всего двухъ представителей. Такимъ образомъ—заявляетъ Бундъ—эти три комитета имѣли больше представителей, чѣмъ весь «Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ», въ составѣ котораго насчитывается 14

комитетовъ, не считая профессіональныхъ союзовъ и еще не превращенныхъ въ комитеты группъ. Такой результатъ получился потому, что «на съѣздѣ «Кавказскій Союзъ» вдругъ былъ объявленъ не существующимъ и составляющіе его комитеты получили право на отдѣльное представительство» и такимъ образомъ «число делегатовъ съ Кавказа было утроено». — Несмотря на заявленное «несуществованіе» Кавказскаго Союза «во время съѣзда появлялись прокламаціи за подписью этой организаціи... на съѣздѣ имѣлась также, въ видѣ печатной брошюры, программа этого «несуществующаго» союза».

Бундъ, видимо, забылъ, что это только для метафизика вещь или существуетъ, или не существуетъ; для діалектика же вполнѣ понятно, что вещь можетъ и существовать и не существовать въ одно и то же время. Такъ и Кавказскій Союзъ. Онъ—синтезисъ двухъ противорѣчій. Существуя—для одной цѣли, онъ не существуетъ—для другой...*)

Мы узнаемъ изъ отчетовъ, что на съѣздъ былъ недопущенъ Воронежскій Комитетъ, рѣшившійся не признать Организаціоннаго Комитета и не согласившійся съ выработаннымъ имъ уставомъ съѣзда. Не допущена была и группа «Борьба», рѣшившаяся заподозрить ортодоксальность программы «Искры». Не будучи «допущена», эта группа была, однако, рѣшеніемъ съѣзда «распущена». Не нашло поддержки предложеніе делегаціи Бунда пригласить на съѣздъ латышскую и литовскую соціалистическую организацію. Была приглашена—даже «съ удовольствіемъ» и «настойчиво»—т. н. «Соціальдемократія Польши и Литвы»—но ея делегаты со съѣзда удалились вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій. Удалились затѣмъ представители «Бунда», заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о выходѣ «Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза» изъ «Россійской соц.-дем. партіи». Затѣмъ удалились делегаты «Союза русскихъ соц.-дем.»—который, кстати сказать, также былъ объявленъ, по рѣшенію съѣзда, распущеннымъ. Послѣ этого, конечно, больше ничего не оставалось, какъ устроить торжество объединенія, и заявить, какъ это сдѣлано въ «Извѣщеніи» новообразованнаго Центральнаго Комитета: «Конецъ разброду и шатаніямъ среди соціальдемократовъ! Подготовительная работа закончена».

* * *

Многіе читатели, вѣроятно, еще помнятъ книжку Н. Ленина «Что дѣлать». Эта книжка вспомнилась намъ при чтеніи статьи

*) Кстати, о существующихъ и несуществующихъ организаціяхъ. Памятуя незабвеннаго Фамусова («чужихъ имѣній мнѣ не знать!?») «Искра» всячески старалась увѣрять направо и налѣво, что многія изъ нашихъ организацій ведутъ чисто-фиктивное существованіе. Каково же было наше изумленіе, когда мы прочли въ «извѣщеніи» о съѣздѣ, что с.-д. «имѣетъ, наконецъ, фактически возста-

«Искры», носящей не менѣе категорическое заглавіе: «Чего не дѣлать».

Вся книжка Н. Ленина—какъ и рядъ передовыхъ статей «Искры» прежняго времени—представляетъ собою страстный гимнъ принципу централизма. Статья «Чего не дѣлать» оканчивается многозначительными словами: «Послѣдовательные марксисты не могутъ быть и, конечно, не будутъ утопистами централизма».

Книжка «Что дѣлать»—какъ и большинство передовыхъ статей «Искры»—требовала неустанной, неумолимой, безпощадной войны противъ всѣхъ, прегрѣшающихъ противъ «ортодоксіи» въ сторону «ревизіонизма». Статья «Чего не дѣлать» указываетъ, что война съ этими элементами «ведется не ради войны, а имѣетъ цѣлью ослабленіе ревизіонизма, и если она не достигаетъ этой цѣли; если, по той или другой причинѣ, она не только не ослабляетъ названнаго вліянія, а усиливаетъ его, то она становится вредной, и тогда лучше всего прекратить ее, какъ можно скорѣе».

Книжка «Что дѣлать» и большинство передовыхъ статей «Искры» настаивали на водвореніи въ рядахъ организованной партіи строгаго соблюденія партійной дисциплины. Статья «Чего не дѣлать» и здѣсь ставитъ свой діалектическій синтезисъ: данѣтъ и нѣтъ-да. Именно «нашъ центръ обязанъ очень строго относиться къ нарушенію дисциплины въ нашихъ собственныхъ рядахъ. И тѣмъ не менѣе было бы очень жаль, если бы онъ временами не умѣлъ воздержаться отъ исполненія этой своей важной обязанности».

Въ этихъ «діалектическихъ» поправкахъ передъ нами вырисовывается во весь свой ростъ истинная физіономія нашей доморощенной «ортодоксіи». Съ одной стороны нельзя не признаться—съ другой стороны нельзя не сознаться; хороша дисциплина, еще лучше своевременное отъ оной воздержаніе; воевать противъ ревизіонизма прекрасно, но коли этой войной его усиливаешь,—нечего дѣлать: надо проникнуться «мягкостью и уступчивостью». Оппортунизмъ, возведенный въ принципъ; двойственность, положенная въ основу «единства» программы и тактики: вотъ что это за физіономія. И эта «практическая философія» современнаго орто-

---

новленную и единую организованную партію!» Оказывается, такимъ образомъ, что «Искра», становясь въ позу нашей суровой обличительницы, въ то же время систематически, ежедвухнедѣльно выставляла на своемъ первомъ листѣ заголовокъ «фактически невозстановленной» партіи... А изъ статьи № 53 мы узнаемъ, что названіе «Р. С. Д. Р. Партіи» было только «символомъ принципіальнаго единства» пробуждающагося русскаго пролетаріата, и послѣ возникновенія сначала «оставалась только такимъ символомъ»; а послѣ перваго же провала дѣло пошло еще хуже: «партійная организація не могла возродиться...» Думается намъ, что при такомъ «символизмѣ» не мѣшало бы г.г. символистамъ быть хоть немножко поскромнѣе въ попыткахъ валить съ больной головы на здоровую...

доксальнаго оппортунизма подкрѣпляется ссылкой, что руководители партіи «должны быть поистинѣ мудры, какъ зміи». Кажется, правильнѣе было бы сказать: гибки, увертливы и скользки, какъ угри.

«Политика требуетъ отъ людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знаетъ неизмѣнныхъ, разъ навсегда данныхъ правилъ»,—восклицаютъ авторы «Чего не дѣлать». И собираются дѣйствовать безъ правилъ, но съ гибкостью. Имъ, напримѣръ, «ясно», что «въ интересахъ поддержанія и укрѣпленія дисциплины иногда бываетъ полезно закрывать глаза на ея нарушеніе». И они откровенничаютъ на этотъ счетъ со страницъ «Искры», съ истинно «зміиной» мудростью. Самъ Макіавели позавидовалъ бы такой глубинѣ дипломатическаго генія. Жаль только, что они сами такъ восхищены этими своими качествами, что ужъ вовсе не дипломатично пробалтываются о томъ, какъ будутъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. А вдругъ кто нибудь соблазнится дать новообразованному Центральному Комитету практическій случай по упражнять свои способности по части «закрыванія глазъ на несоблюденіе дисциплины» и «воздержанія» отъ ея «поддержанія»? Не окажется ли тогда, что своей «зміиной» хитростью премудрая «Искра» сама себя перехитрила?

Да, странное, въ высшей степени странное впечатлѣніе производитъ «Искра» своими статьями въ №№, появившихся непосредственно наканунѣ и тотчасъ же вслѣдъ за опубликованіемъ «Извѣщенія» о съѣздѣ. Чтобы объяснить всѣ эти причудливые дипломатическіе зигзаги, надо на минуту отвлечься отъ оффиціальнаго ликованія, щедро расточаемаго въ извѣщеніи о «невиданномъ въ исторіи революціоннаго движенія» съѣздѣ и хоть немного вдуматься въ слѣдующее, не совсѣмъ съ нимъ гармонирующее, мѣсто изъ статьи «Чего не дѣлать»: прямолинейность—гласитъ это мѣсто—«неудобна для насъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, потому что теперь она можетъ привести нашу партію буквально на край гибели» (курсивъ подлинника).

* * *

«На краю гибели», разумѣется, прямолинейно не погуляешь. Здѣсь скорѣе годится другой методъ, тотъ самый, который оффиціальные представители партіи недавно пробовали примѣнить въ аграрномъ вопросѣ. Методъ этотъ очень картинно описанъ былъ г. Н. Ленинымъ: «Не робѣйте по поводу «необычнаго» вида этой дороги: не смущайтесь тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете по краю обрыва проползти, и черезъ чащу пробираться, и черезъ ямы перескочить». Бѣда лишь въ томъ, что прыгая черезъ ямы, нетрудно въ какую нибудь изъ нихъ попасть, а «ползая» по краю обрыва, мудрено не запачкать себѣ руки. И потому революціонныя партіи

обычно предпочитаютъ другіе способы передвиженія, а не «ползанье» на четверинкахъ. Но у «Искры» особое мнѣніе по этому вопросу и свой собственный методъ. И нѣкоторыя пробы этого метода уже передъ нами. Давно ли «Искра» намекала на возможность для вождей «экономизма» работать въ органахъ «зубатовцевъ»? И вотъ теперь мы слышимъ сладкіе звуки ортодоксальной сирены: «Прежде у насъ были сторонники Зари и Искры и были сторонники Рабочаго Дѣла и Краснаго знамени; теперь у насъ должны были бы быть только сторонники революціонной соціальдемократіи». И, замѣтьте, это вовсе не значитъ, чтобы вторые должны были перейти на сторону первыхъ. Нѣтъ; въ статьѣ «Нѣчто объ экономизмѣ» г. Плехановъ говоритъ о «взаимномъ товарищескомъ вліяніи между политиками и экономистами». Мало того, онъ предлагаетъ этимъ послѣднимъ и нѣкоторый задатокъ въ счетъ будущей дружбы. «Намъ сдается также—заявляетъ онъ—что нѣкоторая «экономическая» односторонность могла бы быть не безполезной теперь въ качествѣ противовѣса противъ крайностей нашего увлеченія «чисто-политической» борьбой...»

Какая, въ самомъ дѣлѣ жалость, что авторы статьи «Чего не дѣлать» такъ неосторожно раскрыли карты своей игры! Не проговорись они о возможности временно «прекратить войну» противъ своихъ противниковъ, и прибѣгнуть къ «зміино-мудрой» мягкости и уступчивости—не упуская изъ виду той же цѣли ослабленія противника—«экономисты» могли бы чистосердечно возликовать. Ихъ призываютъ, даже «односторонность ихъ признается «небезполезной» для уврачеванія крайнихъ политическихъ увлеченій, которыя проявлены современной соціальдемократіей. А вотъ теперь, припомнивши «Чего не дѣлать», они, пожалуй, подумаютъ о коварныхъ данайцахъ, несущихъ дары, въ которыхъ скрытъ эмбріонъ новаго исправленнаго и дополненнаго изданія «Vademecum'a»...

Въ самомъ дѣлѣ, ключъ къ пониманію всѣхъ этихъ неожиданныхъ заигрываній съ «крайностями экономизма» неосмотрительно даетъ сама «Искра». Она—вопреки ликующему тону «извѣщенія» о съѣздѣ—сознается, что положеніе ея теперь крайне затруднительное. «Теперь надо всѣми силами охранять единство. Наша партія должна сохранить его подъ страхомъ полной потери политическаго кредита (!) Если у насъ возникнутъ новые расколы, то рабочіе,—которыхъ, какъ это всякій знаетъ, не мало смущали и прежнія наши распри—совершенно перестанутъ понимать (sic) насъ, и мы явимъ міру печальное и смѣшное зрѣлище штаба, покинутаго арміей и деморализованнаго внутренней борьбой...»

* * *

«Деморализованнаго... печальное и смѣшное зрѣлище...» Эти зловѣщія прорицанія ортодоксальной Кассандры невольно вспом-

нились намъ, когда мы ознакомились съ первымъ дебютомъ «Искры» въ качествѣ «Центральнаго органа Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи»,—т.-е. съ № 53 этой газеты.

«Извѣщеніе» о признаніи ея «центральнымъ органомъ» свидѣтельствуетъ о томъ, что на съѣздѣ было предложено утвердить старую редакціонную коллегію, но что предложеніе это было съѣздомъ отклонено; что въ послѣдующихъ выборахъ редакціи оказалось принять участіе 16 делегатовъ съ 20 голосами; что максимумъ голосовъ, поданныхъ за то или иное лицо, достигалъ 23 голосовъ. Избраны были Плехановъ, Мартовъ и Ленинъ. Мартовъ отказался. Его мѣсто долженъ былъ занять—въ качествѣ перваго «кандидата» Д. Кольцовъ, получившій 3 голоса. Но и онъ отказался. Съѣздъ постановилъ ограничиться выборомъ Плеханова и Ленина. Но уже послѣ съѣзда отказался отъ мѣста въ редакціи Ленинъ. Плехановъ воспользовался предоставленнымъ «редакціонной коллегіи» правомъ самопополненія и «самопополнился» Мартовымъ, (который, раньше отказавшись, на сей разъ согласился войти въ редакцію), П. Аксельродомъ, Старовѣромъ и В. Засуличъ. Довольно откровенно заявлено, что, такимъ образомъ, если не считать выбывшаго Н. Ленина, то теперь «Искра выходитъ подъ редакціей той же коллегіи, которая ею руководила въ теченіе трехъ лѣтъ». Если же кто нибудь вспомнитъ, что «предложеніе объ утвержденіи ея старой редакціи было отклонено съѣздомъ», то тѣхъ можетъ успокоить та часть извѣщенія о перемѣнахъ въ редакціи «Искры», гдѣ говорится, что все это совершилось съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей и относящихся сюда узаконеній, «на основаніи параграфа двѣнадцатаго устава партіи», и что перерѣшенія однимъ человѣкомъ рѣшенія цѣлаго съѣзда здѣсь вовсе не было.

Въ томъ же № помѣщено письмо въ редакцію Н. Ленина, гдѣ онъ требуетъ «свѣта, побольше свѣта»; требуетъ «не скрывать отъ партіи возникающихъ и наростающихъ поводовъ къ расколу, не скрывать ничего изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя являются такими поводами». «Пусть судятъ всѣ и каждый о нашихъ спорахъ и вздорахъ (sic!)»—говоритъ онъ—пролетаріатъ долженъ—во имя своихъ классовыхъ интересовъ (у Н. Ленина вѣдь всегда на первомъ планѣ классовые интересы пролетаріата) «оцѣнивать происшествія» даже «заграничнаго Пошехонья», ибо иначе «слабыя и сильныя» стороны его отдѣльныхъ вождей, ихъ «побѣды и пораженія» будутъ извѣстны лишь «въ затхлой атмосферѣ кружковъ и группокъ», и пролетаріатъ лишится необходимыхъ данныхъ «узнать своихъ вождей и положить каждаго изъ нихъ на надлежащую полочку». А это очень важно, ибо—говоритъ Н. Ленинъ—«намъ нуженъ громадный концертъ» и въ немъ правильное распредѣленіе ролей: «одному дать сентиментальную скрипку, другому свирѣпый контрабасъ, третьему вручить дирижерскую палочку».

На это «интересное письмо» «уважаемаго товарища Ленина»

редакція отвѣчаетъ, что ничего не имѣетъ «противъ скрипки и контрабаса»; «но что касается дирижерской палочки, то мы состоимъ на ея счетъ при особомъ мнѣніи». Редакція, во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата (такъ какъ для нея они не менѣе чѣмъ для Н. Ленина стоятъ на самомъ первомъ планѣ) находитъ лишь, что о нѣкоторыхъ пораженіяхъ нѣкоторыхъ вождей она должна предоставить «квакать лягушкамъ того или другого пошехонья», и что хотя и хорошъ девизъ «свѣта, побольше свѣта», но «тов. Ленинъ забылъ..., что политическій свѣтъ тоже имѣетъ свои законы интерференціи, благодаря которымъ неумѣлое осуществленіе девиза «больше свѣта» ведетъ иногда къ затменію».

Нѣтъ никакой возможности въ этихъ загадочныхъ спорахъ о «дирижерской палочкѣ» и «мѣстѣ на полочкѣ» понять всѣ многочисленныя и «умѣло осуществленныя» «киванья на Петра» и «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто». Авторы статьи «Чего не дѣлать» напоминаютъ Ленину, что онъ однажды въ спорѣ объ аграрномъ вопросѣ «остроумно назвалъ Мартынова «прямолинейной» и «неумной птицей» и утверждаютъ, что эту его остроту нужно вспоминать «не только въ аграрномъ вопросѣ». Они утверждаютъ также, пускаясь въ область вопросовъ индивидуальной психологіи, что прямолинейность въ политикѣ «тѣмъ болѣе опасна..., что легко можетъ быть принята за твердость характера, съ которой она на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ровно ничего общаго, гораздо легче уживаясь съ обыкновеннымъ упрямствомъ»; «неумѣстная же рѣзкость достойна скорѣе Собакевича, чѣмъ «ортодоксальнаго соціальдемократа». Н. Ленинъ, со своей стороны, думаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о какихъ-то только «представляющихся уму» авторовъ статьи, а вовсе не реальныхъ «прямолинейныхъ, упрямыхъ, глупыхъ Собакевичахъ». Въ отвѣтъ ему редакція «Искры» напоминаетъ о чьихъ то «слышанныхъ» ею заявленіяхъ, что «не раньше можно будетъ заняться положительной работой въ партіи, чѣмъ изъ ея среды будутъ выброшены всѣ «бундофилы», «рабочедѣленцы» и «южнорабоченцы» (отъ группы*) «Южный рабочій»). Поэтому редакція рада, что Н. Ленинъ тоже отрицательно относится къ «революціоннымъ Собакевичамъ» и жалѣетъ лишь о томъ, что «тов. Ленинъ» ихъ «напрасно характеризуетъ, какъ глупыхъ: среди нихъ встрѣчаются очень умные люди». Наконецъ, Ленинъ говоритъ, что должны быть устранены въ партійной работѣ «онобокія, кадпризныя уклоненія», а редакція рипостируетъ, доказывая необходимость, чтобы споръ о дирижерской палочкѣ «не дѣлалъ насъ упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми». Какъ видите, здѣсь все время устанавливаются лишь общія теоретическія истины, и кромѣ какъ объ интересахъ пролетаріата, ни о чемъ нѣтъ и рѣчи.

Но довольно объ этомъ. Какъ ни любезно приглашаетъ Н. Ленинъ «всѣхъ и каждаго» судить о соціальдемократическихъ

*) Тоже распущена съѣздомъ.

«спорахъ и вздорахъ», но намъ достаточно указать на нѣкоторые изъ этихъ «вздоровъ», чтобы ихъ «вздорность» бросилась въ глаза «всѣмъ и каждому». Во всякомъ случаѣ для перваго дебюта «центральнаго органа» это достаточно «печальное и смѣшное зрѣлище», не свидѣтельствующее, дѣйствительно, ни о чемъ, кромѣ «деморализованности». На встрѣчу ей «Искра» шла всѣмъ характеромъ своей якобы «принципіальной» полемики противъ посторонних ей элементовъ; и если таковые неизмѣнно оказывались Тартюфами, Удушьевыми и т. п., то почему бы, во время внутренней распри, въ когда то дружной редакціонной семьѣ «Искры» не оказаться Собакевичамъ?

* * *

Что же, кромѣ этихъ новыхъ расколовъ и новыхъ «вздоровъ», далъ намъ второй съѣздъ «россійской» соціальдемократіи?

Онъ далъ, во первыхъ, этой, отнынѣ «фактически возстановленной» партіи—«организацію». По словамъ одного изъ авторовъ проекта организаціоннаго устава, Н. Ленина, уставъ вышелъ изъ работъ съѣзда «хромымъ», а съ точки зрѣнія «гибкаго ума» Г. Плеханова, онъ «не лишенъ крупныхъ недостатковъ». Послѣ столь единодушнаго приговора самихъ авторовъ устава, критиковать его—значило бы ломиться въ открытую дверь, и мы отмѣтимъ лишь главную странную тенденцію—руководить русскими дѣлами изъ за границы. Она ярко сказывается въ уставѣ и фактически ставитъ не заграничную редакцію органа въ зависимость отъ дѣйствующаго въ Россіи центральнаго комитета, а едва ли не наоборотъ. Это, конечно, не мало поспособствуетъ тому, чтобы апріорныя догмы возобладали въ соціальдемократіи надъ живыми интересами реальной, практической борьбы.

Съѣздъ принялъ нѣсколько принципіальныхъ резолюцій. Любопытно, что изъ всѣхъ нихъ (числомъ 19-ти) ни одна не касается аграрнаго вопроса и крестьянскаго движенія. Съ тѣхъ поръ, какъ первый манифестъ Р. Соц.-Дем. Р. П. упомянулъ о крестьянствѣ лишь однимъ словомъ, въ придаточномъ предложеніи «обстоятельства образа дѣйствія» русскаго правительства («раззоряя крестьянъ, оно...» и т. д., и т. д.); съ тѣхъ поръ, какъ бывшій наканунѣ полтавско-харьковскихъ волненій съѣздъ южныхъ соц.-дем. комитетовъ и организацій также не удосужился заняться этимъ вопросомъ—такое поведеніе, конечно, есть только признакъ послѣдовательности. Характерно, что аграрная программа Искры была принята при воздержаніи 20 голосовъ, т. е. почти половины съѣзда (общая наличность голосовъ на съѣздѣ равнялась 51-му). Въ общей суммѣ, мѣра «воздержанія отъ аграрнаго вопроса» является довольно значительной. Въ общемъ содержаніе статей «Искры» довольно послушно и добросовѣстно перелагалась

въ стилѣ резолюцій: одни усмотрятъ въ этомъ свидѣтельство хорошаго поведенія «Искры», другіе—хорошаго поведенія съѣзда. Было рѣшено участвовать и въ выборѣ «фабричныхъ дворниковъ», —какъ когда-то «Искра» не безъ остроумія назвала фабричныхъ старостъ. Затѣмъ было рѣшено, что вести въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ кружковую работу съ рабочими слишкомъ затруднительно, и что лучше перенести центръ тяжести въ воспитаніе отдѣльныхъ, но за то ужъ вполнѣ твердыхъ въ символѣ вѣры «Искры» рабочихъ-пропагандистовъ. По отношенію къ тактикѣ во время антиеврейскихъ погромовъ по прежнему не дается никакихъ болѣе опредѣленныхъ указаній, кромѣ болѣе чѣмъ неопредѣленнаго «употребленія всѣхъ зависящихъ средствъ для борьбы съ такими движеніями» и «выясненія ихъ реакціонной подкладки». При всей безспорности, совѣты эти совершенно обходятъ вопросъ о вооруженной борьбѣ во время такихъ погромовъ и о томъ, противъ кого должна она въ особенности-направляться. По отношенію къ либераламъ съѣздъ за то оказался необычайно щедрымъ: въ двухъ резолюціяхъ онъ повторилъ очень много положеній о классовой борьбѣ пролетаріата, чтобы практически— съ одной стороны подтвердить необходимость борьбы противъ Струве, а съ другой—«привѣтствовать пробужденіе политическаго сознанія русской буржуазіи» (какъ же защитникамъ пролетаріата не порадоваться тому, что врагъ ихъ становится умнѣе!) и найти, «что соціальдемократія должна поддерживать буржуазію, поскольку она является революціонной или только оппозиціонной въ своей борьбѣ съ царизмомъ». Фраза эта заимствована въ главномъ изъ «коммунистическаго манифеста» съ той разницей, что въ ней есть мѣсто—отмѣченное нами курсивомъ— которымъ Плехановъ «дополнилъ» Маркса. Дополненіе же это понадобилось ему потому, что нереволюціонность русской буржуазіи, при желаніи «Искры» дѣлать вмѣстѣ съ ней въ деревнѣ «революцію третьяго сословія» необходимо вынуждала къ такой поправкѣ. Не только noblesse, но и ortodoxie oblige... поправлять Маркса въ болѣе благопріятномъ для буржуазіи духѣ.

Привѣтствуемъ рѣшеніе съѣзда рекомендовать всѣмъ соціаль-демократамъ отказъ отъ показаній на жандармскомъ дознаніи и положеніе, что «должны быть примѣняемы мѣры для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, демонстранты могли давать активный и, по возможности, вооруженный отпоръ полицейскимъ ордамъ». Мы думаемъ лишь, что послѣднее положеніе останется по меньшей мѣрѣ «хромымъ», если не дополнить его положеніемъ о необходимости для этой цѣли имѣть заранѣе организованныя боевыя рабочія дружины, обладающія средствами внести устрашеніе и дезорганизацію въ правительственный механизмъ, который иначе будетъ слишкомъ силенъ для подавленія подобныхъ попытокъ.

* * *

Второй съѣздъ занимался также и вопросомъ объ отношеніи къ нашей партіи. И соотвѣтственная резолюція представляетъ собою одинъ изъ шедевровъ всего съѣзда.

На Соборѣ на Констанцкомъ
Богословы засѣдали.
Осудивъ Ивана Гуса,
Приговоръ изобрѣтали...

И приговоръ, дѣйствительно, вышелъ на славу. Мы считаемъ нужнымъ ознакомить съ нимъ нашихъ читателей во всей его натуральной красотѣ и цѣльности.

Принимая во вниманіе: во-первыхъ, что интересы россійскаго пролетаріата вообще и его освободительнаго движенія въ особенности требуютъ, чтобы онъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ выступалъ, какъ вполнѣ самостоятельная политическая сила; во-вторыхъ, что только дѣятельность, направленная на объединеніе пролетаріата въ такую силу, вноситъ соціалистически-революціонное содержаніе въ борьбу съ абсолютизмомъ: принимая далѣе во вниманіе, въ-третьихъ, что «соціалисты-революціонеры» теоритически и практически противодѣйствуютъ соціальдемократамъ сплотить рабочихъ въ самостоятельную политическую партію, стараясь, наоборотъ, удержать ихъ въ состояніи политически-безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи:— съѣздъ констатируетъ, что «соціалисты-революціонеры» являются не болѣе, какъ буржуазно-демократической фракціей, принципіальное отношеніе къ которой со стороны соціальдемократіи не можетъ быть иное, чѣмъ къ либеральнымъ представителямъ буржуазіи вообще.

Принимая затѣмъ во вниманіе, что свои буржуазныя тенденціи «соціалисты-революціонеры» преслѣдуютъ подъ флагомъ соціализма и что, кромѣ того или именно потому, какъ буржуазно-революціонная фракція, оказываются совершенно несостоятельными,—съѣздъ считаетъ ихъ дѣятельность вредной не только для политическаго развитія пролетаріата, но и для обще-демократической борьбы противъ абсолютизма.

Исходя изъ всего этого съѣздъ безусловно осуждаетъ всякія попытки затушевать принципіальное и политическое значеніе разногласій между «соціалистами-революціонерами» и соціальдемократами. Наоборотъ, онъ признаетъ необходимымъ, какъ въ интересахъ развитія политической самостоятельности россійскаго пролетаріата, такъ и въ спеціальныхъ интересахъ освободительнаго движенія противъ абсолютизма, чтобы соціальдемократы выясняли и подчеркивали буржуазныя тенденціи «соціалистовъ-революціонеровъ» и ихъ практическую несостоятельность съ точки зрѣнія обще-демократической.

Въ виду вышеуказанныхъ соображеній съѣздъ рѣшительно осуждаетъ всякія попытки объединенія соціальдемократовъ съ «соціалистами-революціонерами», признавая возможнымъ лишь частныя соглашенія съ ними въ отдѣльныхъ случаяхъ борьбы съ царизмомъ, причемъ условія такихъ соглашеній подлежатъ контролю Центральнаго Комитета.

Таковъ текстъ этой новой папской буллы объ отлученіи насъ, грѣшныхъ еретиковъ. Но тексты буллы всегда находятъ себѣ

комментаріи и разъясненія для читателей-«простецовъ» въ епископскихъ посланіяхъ по епархіи. И мы уже имѣемъ одно изъ такихъ посланій.

Росс. Соц. Дем. Раб. Партія.

«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь».

Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ города Александровска.

Въ городѣ Александровскѣ объявилось нѣсколько лицъ, которые подъ маской Соц. Дем. стараются внести смуту въ рабочую массу и въ тоже время они никакой революціонной тактики не придерживаются, и обнаруживаютъ полное шатаніе и безпринципность программныхъ вопросовъ. Подобная обивчивость и скудомысліе, полное противорѣчіе въ тактическихъ и программныхъ вопросахъ свойственно вообще Соц. Рев., которые никоимъ образомъ не считаются демократической партіей. Въ виду, того, что Соц. Революціонеры не стоятъ на пролетарской точкѣ зрѣнія; въ виду того, что Соц. Революціонеры стремятся къ низверженію самодержавнаго строя не посредствомъ развитія классового самосознанія, а выставивъ его, пролетаріатъ, безсознательнымъ орудіемъ буржуазіи, лишь какъ пушечное мясо; въ виду того, что Соц. Рев., легкомысленно отожествляютъ интересы пролетаріата съ интересами буржуазіи, считая возможнымъ идти рука объ руку, съ ней въ революціонной борьбѣ за освобожденіе пролетаріата; въ виду того, что ихъ террористическій образъ дѣйствій затемняетъ классовое самосознаніе пролетаріата, и что никоимъ образомъ не согласно съ программой Соц. Дем. Партіи и даже прямо вредитъ ей,—въ виду всего этого и въ силу рѣшенія съѣзда Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи, который не признаетъ Соц. Рев. демократами, Александровскій Соц. Дем. комитетъ предупреждаетъ своихъ товарищей—рабочихъ не входить ни въ какія сношенія въ револ. дѣлѣ съ лицами, именующимися Соціалистами Революціонерами.

(печать и подпись комитета).

Правда, особенной грамотностью это посланіе не блещетъ. Но неловкости вродѣ словъ о «безпринципности программныхъ вопросовъ» у соц.-рев. съ излишкомъ искупаются общимъ содержаніемъ прокламаціи.

Тѣмъ то и любопытны подобные образчики человѣческаго генія, какъ прокламаціи этого «комитета», что онаставитъ всѣ точки надъ і. То, что съѣздъ высказываетъ «прикровенно», въ прокламаціи комитета высказывается откровенно. Гдѣ съѣздъ прикрывается фиговымъ листочкомъ не особенно ясной фразы, тамъ комитетъ выступаетъ во всей своей невинной наготѣ. Прокламація эта прекрасно показываетъ, какъ именно будетъ переизлагаться и комментироваться для средняго рабочаго резолюція второго съѣзда. Напомнимъ, что комментарій принадлежитъ не какому нибудь первому попавшемуся кружечку, а признанному органу, оффиціальному мѣстному представителю отнынѣ «единой организованной партіи». Александровскій комитетъ обнародовалъ свою прокламацію даже значительно раньше, чѣмъ Центральный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. опубликовалъ свое оффиціальное извѣщеніе о съѣздѣ. «Лучшіе будутъ впереди!» восклицалъ

нѣкогда Лассаль, обращаясь къ своимъ приверженцамъ.

Соц.-рев. не болѣе, какъ либеральные представители буржуазіи, идущіе къ пролетаріату и тѣмъ мѣшающіе ему организоваться въ особую партію—говоритъ съѣздъ. «Соц.-рев. легкомысленно отождествляютъ интересы пролетаріата и интересы буржуазіи»—разъясняетъ рабочимъ прокламація Ал. Ком. «Свои буржуазныя тенденціи соц.-рев. преслѣдуютъ подъ флагомъ соціализма»—говоритъ съѣздъ. Они «именуютъ себя соціалистами-революціонерами» и проникаютъ къ рабочимъ «подъ маской соціальдемократовъ»—доясняютъ, немножко не разобравъ и немножко прервавъ, авторы прокламаціи. Соц.-рев. «несостоятельны съ точки зрѣнія обще-демократической»—говоритъ съѣздъ. Рѣшено «не признавать соц.-рев. демократами»!—«они ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться демократической партіей!»—радостно восклицаютъ авторы прокламаціи, и вотъ—горе намъ, грѣшникамъ! мы, соц.-рев., изгоняемся, очевидно, въ ряды аристократическихъ партій... Соц.-рев. рабочихъ стараются «удержать въ состояніи политически-безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи»—инсинуируетъ съѣздъ. «Соц.-рев. выставляютъ пролетаріатъ безсознательнымъ орудіемъ буржуазіи, лишь какъ пушечное мясо!» громко трубятъ въ клеветническій рогъ авторы прокламаціи...

До сихъ поръ только жандармерія, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ и развращать наивныхъ рабочихъ, убѣждала ихъ, что революціонеры смотрятъ на нихъ, какъ на пушечное мясо. И вотъ эта грязнѣйшая и гнуснѣйшая изъ клеветъ, когда либо выдуманная изворотливымъ умомъ жандармскихъ ищеекъ противъ революціонеровъ, пускается въ ходъ неразборчивыми руками ради цѣлей междуфракціонной вражды и раздора! Это ли не моральная деградація, это ли не нравственное паденіе?

Quos deus perdere vult, dementat. Подобными выходками русскіе соціальдемократы повредятъ не намъ, а себѣ—повредятъ въ глазахъ всѣхъ, кто не страдаетъ притупленностью нравственнаго чутья и здраваго разсудка. Такіе люди поймутъ, что правое дѣло не нуждается въ подобныхъ средствахъ и не прибѣгаетъ къ нимъ, и что только «находясь на краю гибели» можно защищаться столь отчаянными, геростратовскими способами. Кого же даже такія событія не протрезвятъ и не заставятъ опомниться—тѣ намъ не интересны. Такіе сторонники намъ не нужны, и мы будемъ рады, если въ видѣ «Искры», Александровскаго комитета и т. п. будетъ существовать магнитъ, притягивающій ихъ къ себѣ и отвлекающій ихъ отъ насъ. Это лишитъ насъ необходимости очищать отъ нездоровыхъ элементовъ свои собственные ряды. И вотъ почему мы глубоко благодарны «Искрѣ» и «Александровскому комитету» за ихъ второй крестовый походъ противъ нашей партіи.

Мы совершили большую экскурсію въ область владѣній «Ис-

кры». И если эта экскурсія была не изъ пріятныхъ, если мѣста, въ которыхъ намъ пришлось побывать, не всегда ласкали наши взоры, нашъ слухъ и наше обоняніе, то во всякомъ случаѣ экскурсія была не лишена поучительности. Обозрѣвъ работы съѣзда и послѣдовавшія затѣмъ «работы» новообразованной «редакціонной коллегіи», а также первые отклики съѣзда, долетѣвшіе изъ Россіи, мы должны сказать, что, за малыми изъятіями, трудно придумать лучшую иллюстрацію къ заглавію статьи № 52 «Искры»: Чего не дѣлать.

Ю. Гарденинъ.

Изъ дневника читателя.

Сотрудникъ «Освобожденія» г. Независимый пришелъ въ крайне восторженное настроеніе по поводу передовой статьи «Искры» «Чего не дѣлать». «Это не статья, а крупное исключительное событіе, общественное значеніе котораго должно быть сознано представителями всѣхъ группъ нашей оппозиціи». Подробно излагая далѣе содержаніе передовой статьи «Искры», нѣсколько уже извѣстной нашимъ читателямъ по фельетону Рев. Рос. «Маленькіе недостатки большого съѣзда», г. Независимый особенно привѣтствуетъ двѣ ея основныя мысли: во первыхъ проповѣдь «осмотрительности», политическаго разсчета», умѣнья «сообразоваться съ требованіями политической погоды», убѣжденіе, что въ политикѣ все, кромѣ цѣли, «имѣетъ лишь относительную цѣнность»; во вторыхъ—проповѣдь уступчивости по отношенію къ возможнымъ товарищамъ, какъ симптомъ «медленнаго, но неизбѣжнаго сближенія и объединенія оппозиціонныхъ силъ русскаго общества». По первому пункту г. Независимый заявляетъ, что все это издавна проповѣдуется «Освобожденіемъ»; по второму замѣчаетъ, что «Искра» въ настоящее время борется съ утопизмомъ соціальдемократовъ, какъ и большинства революціонеровъ вообще, отрицающихъ необходимость объединеннаго освободительнаго движенія».

Намъ кажется, что и восторги, и надежды, и заявленія г. Независимаго нуждаются въ большихъ поправкахъ.

Что въ передовицѣ «Искры» рѣзко проявляется оппортунизмъ, заключающійся въ слишкомъ большомъ приспособленіи къ требованіямъ политической погоды», въ необходимости дѣлать авансы въ сторону практическихъ задачъ «ревизіонизма» или экономизма, это не подлежитъ сомнѣнію. Называть это «знаменательнымъ поворотомъ», какъ дѣлаетъ г. Независимый, конечно, можно, но считать это неожиданнымъ историческимъ событіемъ можетъ только тотъ, кто крайне невнимательно относился къ литературной дѣятельности «Искры» и поддавался гипнозу ея революціонной фразеологіи (къ сожалѣнію, такихъ лицъ еще слишкомъ много). До тѣхъ поръ, пока «Искрѣ» приходилось завоевывать себѣ положеніе въ соціальдемократической партіи, въ значительной долѣ проникнутой оппортунистическими идеями, партіи, явившейся въ революціонномъ мірѣ на смѣну героической партіи Народной Воли, эта газета являлась несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ развитіи соціальдемократическаго движенія. Какъ ни безобразны были формы борьбы «Искры» съ экономизмомъ, какъ много ни ввела «Искра» въ революціонную литературу пріемовъ, вредившихъ тому самому дѣлу, которое она защищала, все же побѣда должна была остаться на сторонѣ тѣхъ, кто въ минуту обостренія политической борьбы въ Россіи стоялъ за болѣе рѣшительную революціонную тактику. Но вотъ экономисты и тѣ, чья тактика такъ или иначе была приспособлена къ періоду экономизма, смолкли. Болѣе интенсивная политическая борьба вызвала къ жизни соціалистическую партію, вокругъ знамени которой сгруппировались всѣ тѣ, кто проникнутъ былъ идеями старой Народной Воли, всѣ тѣ, кого оттолкнуло отъ себя узкое теоретическое обоснованіе и съуженныя практическія задачи русской соціальдемократіи, всѣ тѣ, кто выросъ уже не подъ мертвящими впечатлѣніями безудержной реакціи 80-хъ годовъ, а подъ живительными бодрящими лучами вновь загорѣвшейся революціонной борьбы, наложившей свою печать на новый періодъ русской исторіи. Власть надъ умами и завѣтными думами рабочаго народа и революціонной молодежи теперь оспаривали двѣ партіи: соціалисты-революціонеры призывали расширить основы революціоннаго и соціалистическаго движенія, перебросить идеи возмущенія изъ сравнительно немногочисленнаго населенія городовъ въ многомилліонную массу трудового крестьянства; они призывали къ тому, чтобы девизъ великаго учителя—освобожденіе трудящихся должно быть дѣломъ самихъ трудящихся,—превратился изъ фразы въ реальное дѣло. Соціальдемократы пугливо сторонились этой великой задачи русскаго соціалистическаго движенія, настойчиво удерживали проповѣдниковъ соціализма въ сравнительно узкой сферѣ городскаго пролетаріата, и глядя на все крестьянство, какъ на мелкую и мельчайшую буржуазію, снисходительно соглашались допустить его роль въ буржуазной революціи. Соціалисты революціонеры призывали къ болѣе интенсивнымъ формамъ революціонной борьбы: массы они подготов-

ляли къ необходимости вооруженной борьбы съ правительствомъ: борьбу революціонныхъ массъ они связывали съ борьбой застрѣльщиковъ, передниxъ аванпостовъ, тѣхъ, кто бралъ на себя великую задачу отвѣчать правительству тотчасъ же насиліемъ на насиліе, местью за нечеловѣческія злодѣйства ободряющими души угнетенныхъ ударами тогда, когда нѣмая тишина встрѣчала правительственныя звѣрства. Соціальдемократы нерѣшительно ходили вокругъ да около вопроса о вооруженной борьбѣ, дѣлали двусмысленныя заявленія о томъ, что соціальдемократія противъ «бунтовъ» и вели энергичную борьбу съ терроромъ и съ террористами, борьбу, всю пользу которой для правительства и весь вредъ для революціоннаго движенія современники еще не въ состояніи оцѣнить. Вотъ позиція обѣихъ партій въ вопросахъ революціонной практики. Какъ же было тутъ не наступить «знаменательному повороту?» Какъ было не возобладать въ соціальдемократическомъ лагерѣ практическому оппортунизму? Конечно, «поворачивать» было не легко, но на что же и существуетъ революціонная фразеологія? Чѣмъ уже были задачи, чѣмъ болѣе вялы пріемы революціонной борьбы, тѣмъ пышнѣе расцвѣтала фразеологія о «революціонной соціальдемократіи», о революціонныхъ задачахъ пролетаріата, авангардомъ котораго является соціальдемократія, о буржуазности болѣе революціонно настроенныхъ соціалистовъ и т. д. Въ сущности же говоря, «знаменательный поворотъ» логически вытекалъ изъ того положенія, въ которое стала соціальдемократія, борясь уже не съ отсталыми идеями экономизма, а съ болѣе революціоннымъ крыломъ обще соціалистической арміи. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше придется «поворачивать» соціальдемократамъ, не признавшимъ необходимости ни расширить массовую основу соціально-революціонной партіи, ни сдѣлать болѣе интенсивной борьбу съ правительствомъ.

Если «Освобожденіе» имѣетъ своей цѣлью ослабить темпъ революціонной борьбы, то, конечно, оно право, привѣтствуя «знаменательный поворотъ» русской соціальдемократіи. Но намъ кажется, что оно ставило себѣ или должно ставить совсѣмъ другія цѣли. Вся прошлая исторія русскаго самодержавія показала, какую энергію проявляетъ этотъ пережитокъ крѣпостнаго строя, какъ онъ умѣетъ находить все болѣе и болѣе разнообразныя формы борьбы съ прогрессивными силами страны. Чтобы сломить его (а вѣдь въ этомъ заключается raison d'être программы «Освобожденія») нужно подвергнуть его нападенію съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, нужно осыпать его градомъ рѣшительныхъ ударовъ, направленныхъ въ правительственный центръ, нужно поднять противъ него могучее крестьянское движеніе, нужно организовать вооруженную борьбу городского пролетаріата, нужно донимать мирными демонстраціями и всеобщими стачками, нужно организовать общественное противоправительственное мнѣніе, нужно толкать впередъ земскую оппозицію и т. д. и т. д. Въ этой грандіозной работѣ есть мѣсто всѣмъ революціоннымъ элементамъ, и со-

ціалистамъ-революціонерамъ и соціальдемократамъ и сторонникамъ «Освобожденія». И чѣмъ больше страсти и силы внесетъ каждый изъ этихъ элементовъ, тѣмъ ближе побѣда. Но чтобы внести въ свою работу страсти и силы, нужно не сокращать себя, не приспособляться всѣмъ къ «политической погодѣ», но, напротивъ, идти въ бой съ широко развернутымъ знаменемъ съ полнымъ исповѣданіемъ своей вѣры, соединять «радикализмъ требованій» съ «радикализмомъ пріемовъ ихъ осуществленія». Въ этомъ мы видимъ не «доктринерскій утопизмъ», какъ думаетъ г. Независимый, а именно побѣду нашего «реалистическаго пониманія». Мы, соціалисты-революціонеры, можемъ внести въ общее революціонное движеніе всю необходимую силу только тогда, когда передъ нами будетъ стоять не только задача сверженія самодержавія, но также и задача обезпечить трудящимся массамъ возможность послѣ переворота занять подобающее ей мѣсто въ политической группировкѣ страны, организовать ихъ въ классовую партію, съ ясно сознанными классовыми интересами, въ партію всего трудового и угнетеннаго люда противъ всѣхъ угнетателей и всѣхъ тунеядцевъ. Соціальдемократы находятся въ такомъ же положеніи по отношенію къ классу пролетаріата, хотя бы они, по нашему мнѣнію, и плохо представляли его интересы. Сторонники «Освобожденія» въ виду своего общественнаго положенія могутъ, пожалуй, осуществлять свою задачу съ наименьшимъ радикализмомъ пріемовъ ихъ осуществленія, когда находятъ это выгоднымъ для дѣла. Можетъ быть, это и наиболѣе раціонально для нихъ; но призывать къ этому революціонныхъ соціалистовъ—противорѣчитъ принципу реалистической политики. Если соціальдемократы приближаются къ нимъ пріемами своей дѣятельности, то это легко объясняется средней позиціей, занимаемой соціальдемократами между, съ одной стороны, представителями лѣваго крыла революціонной арміи (соціалистами-революціонерами) и, съ другой стороны,—сторонниками «Освобожденія» (вродѣ г. Независимаго), часто вышедшими изъ рядовъ той же соціальдемократіи. Это срединное положеніе соціальдемократовъ отражается не только на ихъ тактикѣ *), но и на такой важной въ Россіи части программы, какъ аграрной. Характерно въ этомъ смыслѣ заявленіе г. Ленина въ № 54 «Искры» по поводу аграрной программы либераловъ, напечатанной въ № 33 «Освобожденія»**). Послѣ цѣлаго ряда шаблонныхъ нападеній на буржуазныхъ либераловъ, бернштейніанцевъ, народниковъ и проч. и проч., нападеній, пересыпанныхъ дѣтскими выходками противъ «Рев. Россіи» (все это для того, чтобы сразить аграрную программу русскихъ либераловъ), г. Ленинъ заявляетъ: «параллель между нею (аграрной программой

*) Въ смыслѣ сочувствія «освобожденцевъ» тактикѣ соц.-дем. характерны то и дѣло встрѣчающіеся въ «Освоб.» комплименты по адресу с. д. Такъ въ № 37 корр. изъ Кіева сообщаетъ объ «основательной и теоретически обоснованной критикѣ (террора) изъ лагеря соціальдемократовъ».

**) Къ этой программѣ мы еще вернемся въ «Рев. Россіи» и выскажемъ отношеніе къ ней соціалистовъ-революціонеровъ.

либераловъ) и соціальдемократической аграрной программой напрашивается сама собою. Сходство проявляется въ одинаковости ближайшей тенденціи и въ однородности большинства требованій». (курсивъ вездѣ нашъ). Далѣе г. Фенинъ указываетъ на различія, а именно, соціальдемократы хотятъ устранить остатки крѣпостничества «революціоннымъ путемъ и съ революціонной же рѣшительностью», и во вторыхъ «с.-д. подчеркиваютъ, что очищаемый отъ остатковъ крѣпостничества строй есть буржуазный строй» и т. д. (не заканчиваемъ выписки, потому что вмѣсто какихъ либо серьезныхъ различій, идетъ «классовая» фразеологія). Трудно было бы болѣе ярко подчеркнуть, какъ близко подходитъ соціальдемократія со своей аграрной программой къ либеральной демократіи. (Мы даже думаемъ, что среди этой послѣдней найдется немало сторонниковъ гораздо болѣе радикальной аграрной программы, чѣмъ аграрная программа соціальдемократіи *).

Итакъ, съ точки зрѣнія правильнаго пониманія «общенаціональной и даже общечеловѣческой задачи, которую исторія возложила въ настоящее время на русскихъ гражданъ» (слова г. Независимаго) лучше всего всякой партіи быть вполнѣ на своемъ мѣстѣ, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній приходить въ восторгъ отъ надежды на то, что оппортунистическія идеи, развитыя въ статьѣ «Чего не дѣлать», найдутъ «широкое и всестороннее признаніе въ рядахъ нашихъ революціонеровъ». Совсѣмъ въ другой поправкѣ нуждаются восторги г. Независимаго по поводу открытой имъ въ статьѣ «Искры» въ зародышѣ идеи о необходимости «объединеннаго освободительнаго движенія», въ чемъ, по его мнѣнію, сомнѣваются «не только соціальдемократы, но большинство революціонеровъ вообще». Въ этомъ отношеніи прежде всего приходится пожалѣть, что г. Независимый слишкомъ торопился со своей статьей. Черезъ недѣлю онъ бы могъ познакомиться съ двумя резолюціями (embarras de richesses!), принятыми II съѣз-

*) Мы, конечно, говоримъ о положеніи, установленномъ II-мъ съѣздомъ; мы не отрицаемъ, что соціальдемократія можетъ прогрессировать (и даже надѣемся на это). Намъ очень пріятно было узнать отъ творца проекта «отрѣзковъ», что «и отъ экспропріаціи всей помѣщичьей земли соціальдемократы, какъ извѣстно, не отказываются; считая лишь непозволительнымъ и авантюристскимъ включать это, не при всѣхъ условіяхъ умѣстное, требованіе въ программу». Это, конечно, очень пріятная перспектива, тѣмъ болѣе, что можетъ быть впослѣдствіи соціальдемократы «не откажутся» и отъ всей буржуазной земли! Но это все музыка будущаго, а пока что г. Ленинъ продолжаетъ свои ползанія по дебрямъ и оврагамъ аграрной программы уже отмѣченныя нами въ двухъ брошюрахъ товарища Рудина. Полюбуйтесь новымъ его перломъ въ этомъ же родѣ: «соціальдемократы съ самаго начала зовутъ пролетаріатъ къ первому революціонному шагу вмѣстѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же идти дальше или съ крестьянской буржуазіей противъ помѣщичьяго класса, или противъ крестьянской буржуазіи, соединившейся съ помѣщичьимъ классомъ». Чего только не выноситъ печатная бумага и растерявшіеся соціальдемократы!...

домъ С. Д. по поводу либераловъ. Надѣемся, что онѣ могли его вполнѣ убѣдить въ томъ, что въ этомъ отношеніи никакого «знаменательнаго поворота» въ «Искрѣ» нѣтъ. А изъ отчета делегаціи Бунда онъ бы могъ узнать еще о своеобразномъ способѣ «поддерживать оппозиціонное движеніе», предложенномъ г. Плехановымъ и разъясненномъ г. Мартовымъ: «критикой» сказалъ Плехановъ, «тумакомъ» пояснилъ г. Мартовъ... Но если г. Независимый ошибся въ этомъ отношеніи, то не болѣе основательно его мнѣніе о взглядахъ по этому вопросу «большинства революціонеровъ». По скольку, по крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ въ виду нашу партію, она уже полтора года тому назадъ высказала свой взглядъ на роль либераловъ въ революціонной борьбѣ. «Если наши либералы могутъ пойти рука объ руку съ представителями революціоннаго соціализма для непримиримой борьбы противъ самодержавія и противъ всякой олигархіи, за настоящее народоправленіе... то до поры до времени намъ по дорогѣ; взаимная помощь и поддержка возможна, умѣстна и желательна. Потомъ, конечно, наши дороги разойдутся». («Рев. Рос.» № 9 или «По вопросамъ программы и тактики», стр. 157). Но мы тогда же предвидѣли и другую возможность, когда либералы могутъ «вступить въ перемиріе съ напуганнымъ врагомъ и попользоваться отъ него въ силу полюбовнаго соглашенія частицею его прерогативы для совмѣстнаго властвованія надъ трудовой массой и борьбы съ ея представителями—революціонными соціалистами». Тогда писали мы «наши ближайшія задачи совершенно различны, и мы не обезпечены отъ самыхъ рѣзкихъ конфликтовъ въ непосредственномъ будущемъ». (ib.).

Въ этихъ нашихъ опредѣленныхъ заявленіяхъ, а также въ томъ, что мы писали выше о положеніи трехъ борющихся съ правительствомъ элементовъ и заключается отвѣтъ на совершенно неправильное заявленіе г. Независимаго. Пусть каждый будетъ на своемъ мѣстѣ, пусть каждый борется съ открытымъ забраломъ и съ развернутымъ знаменемъ! По скольку каждая партія борется съ правительствомъ, по скольку эта борьба идетъ на пользу тѣхъ слоевъ, интересы которыхъ защищаются партіей, по столько возможна ихъ взаимная поддержка. Съ этой точки зрѣнія мы всегда относились и будемъ относиться къ нашимъ сосѣдямъ по революціонной борьбѣ. И хотя мы продолжаемъ держаться «стараго бунтарскаго представленія о революціи, какъ о насильственномъ переворотѣ» (слова г. Независимаго), мы нисколько не открещиваемся отъ общенія со слоями, которые не примутъ участія въ насильственной революціи. Мы только будемъ ждать отъ нихъ серьезной помощи въ борьбѣ съ правительствомъ и лишь слѣдить за тѣмъ, чтобы плодами насильственной революціи воспользовались произведшія ее трудящіяся массы, а не тѣ, которые не принимали въ ней участія. Это по отношенію къ либераламъ. Мы будемъ бороться съ узкимъ, не выдерживающимъ научной критики, теоретическимъ обоснованіемъ соціализма (ортодоксальный марксизмъ), мы будемъ бороться противъ замѣны всей тру-

дящейся массы одной лишь незначительной, хотя бы и авангардной, частью ея въ великой освободительной борьбѣ рабочаго класса, мы будемъ бороться противъ стремленія оппортунистическими пріемами заглушить революціонный духъ этого класса, но мы будемъ привѣтствовать и поддерживать всякій шагъ впередъ по пути революціонной организаціи городского пролетаріата. Это по отношенію къ соціальдемократіи.

Таково наше пониманіе «объединеннаго освободительнаго движенія», и оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ «реалистично» и далеко отъ «доктринерскаго утопизма».

Декабрь 1903 г. *М. Гоцъ.*

По поводу «вольнаго дискуссіоннаго листка».

Группа соціалистовъ-революціонеровъ, выпустившая 3 №№ «Вольнаго Дискуссіоннаго Листка», состоитъ (кромѣ совершенно особо стоящаго сотрудника «В. Д. Л». тов. А. К.) изъ одинаково мыслящихъ людей, издавшихъ за подписью группы отдѣльное воззваніе: «Что теперь дѣлать?» Разбирая ихъ взгляды, мы будемъ по возможности ссылаться на нѣсколькихъ сотрудниковъ «В. Д. Л.», такъ какъ въ мелочахъ они немного расходятся между собою.

«Въ то время, говоритъ тов. Ш., какъ существующій проектъ программы-минимумъ (соц.-рев.) содержитъ въ себѣ только одно соціалистическое требованіе—требованіе перехода земли въ руки всего народа, та программа, которую мы должны создать сейчасъ и которая только и можетъ стать программой русской рабочей революціи, должна включать въ себѣ соціалистическія требованія и для города и для деревни». (№ 1 стр. 5). «У насъ въ Россіи, говоритъ тов. Л., теперь дѣйствительно идетъ дѣло о соціалистической революціи... ибо, говоритъ онъ далѣе, «одно изъ двухъ: или мы вѣримъ въ соціалистическія, полусоціалистическія, общинно-трудовыя традиціи, воззрѣнія и стремленія нашихъ народныхъ массъ и тогда мы должны признать ихъ готовность къ соціалистической революціи, или не вѣримъ, и тогда... тогда мы не вѣримъ въ самихъ себя, въ самыя отправныя идеи своего міровоззрѣнія» (1, 4). Тов. Л. вѣритъ, и потому предсказываетъ: «У насъ

возставшій сознательный крестьянинъ развернетъ знамя соціалистической революціи, а несознательный не окажетъ ей никакого сопротивленія. Вся возставшая аграрная Русь покроется безконечною сѣтью революціонно-соціалистическихъ коммунъ, совершающихъ еще болѣе смѣло, чѣмъ это дѣлала Парижская Коммуна, великое дѣло экономической и политической эмансипаціи, по своему, по дурацки, по мужицки, не дожидаясь чужой указки изъ Москвы или Питера». (I, 4).

Разумѣется, соціалистическая революція не можетъ ограничиться деревней. «А городъ? говоритъ тов. Л., неужели городской рабочій окажется позади крестьянства? Неужели ему чужды тѣ же экономическіе общинно-трудовые инстинкты и традиціи, неужели онъ уже и теперь не пропитанъ идеями соціально-революціонной агитаціи и пропаганды?» (I, 4). «Подобно тому, говоритъ тов. Ш., какъ требованіе соціализаціи земли означаетъ требованіе сельской рабочей общины или коммуны, точно такъ же рабочій народъ города, преодолѣвая сопротивленіе своихъ эксплуататоровъ, долженъ провозгласить требованіе городской рабочей коммуны»... (I, 6,) т.-е. «коммунализаціи (или муниципализаціи) городской земли, домовъ и всѣхъ фабрикъ и заводовъ» (изъ статьи тов. Устинова, Ш, 3). Итакъ, по мнѣнію сотрудниковъ «В. Д. Л.», грядущая русская революція не только завоюетъ народу землю и волю (какъ обычно думаютъ соц.-рев.), но она будетъ соціалистической революціей, въ городѣ и въ деревнѣ. Разберемся подробнѣе въ этомъ вопросѣ, и хотя «В. Д. Л.» почему то большую часть своего вниманія удѣляетъ городу, мы начнемъ съ болѣе важнаго и основного вопроса, о революціи въ деревнѣ.

Въ проектѣ программы партія соц.-рев. стоитъ «за соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т.-е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія». Партія стоитъ за соціализацію земли, и даже болѣе—непосредственно призываетъ во имя ея къ захвату земли, потому что 1) это требованіе понятно и дорого русскому трудовому крестьянству, которое постоянно борется за передачу всей земли народу, 2) потому, что, не считая капитализмъ во всѣхъ отрасляхъ производства единственнымъ путемъ къ осуществленію соціалистическаго строя, партія намѣчаетъ иной путь, и соціализація земли есть необходимое условіе развитія по этому пути, 3) потому, что соціализація земли облегчитъ положеніе всего трудящагося народа; избавитъ рабочаго отъ конкурренціи безземельныхъ крестьянъ, нанесетъ ударъ самому реакціонному классу—помѣщикамъ, передастъ ренту въ общественную собственность и т. д. (объ этомъ подробнѣе въ статьѣ «Соціализація» № 42 Рев. Рос.) Такъ что требованіе общественнаго владѣнія всей землей стоитъ въ полномъ согласіи съ стремленіями народа, съ теоретическими взглядами партіи и съ наиболѣе цѣлесообразнымъ и экономнымъ методомъ разрѣшенія ея практическихъ

задачъ. Но партія заявила самымъ рѣшительнымъ образомъ, что она имѣетъ въ виду только соціализацію земли и совершенно не выставляетъ, какъ практическій лозунгъ настоящаго момента, немедленный приступъ къ осуществленію соціалистическаго строя, т.-е. общественной организаціи производства и обмѣна. Партія считаетъ въ переживаемый моментъ такую задачу совершенной утопіей, такъ какъ не знаетъ никакихъ народныхъ силъ, которыя стояли бы и взялись бы за общественную организацію производства и обмѣна съ достаточными данными для его разрѣшенія. Партія предвидитъ впереди, послѣ соціализаціи земли, долгій органическій путь подготовленія массъ къ соціалистическому строю въ могучихъ и широкихъ боевыхъ синдикатахъ, въ процессѣ политической борьбы въ кооперацiяхъ, потребительныхъ обществахъ, общинахъ и т. д. Разумѣется, и при такой постановкѣ дѣла возникаетъ цѣлый рядъ серьезныхъ вопросовъ: какъ организовать уравнительное распредѣленіе земли, какъ обратить ренту въ общественную собственность, какъ быть съ существующими общинами и..пр., и пр., но уже давно выяснено, что соціализація не есть еще соціализмъ, а только одна изъ ступеней по направленію къ нему.

Напротивъ, «В. Д. Л.», какъ мы видѣли, вѣритъ, что у насъ, въ Россіи, дѣло идетъ теперь о соціалистической революціи, но совершенно непонятно, на чемъ основана такая вѣра, такъ какъ рѣшительно никакихъ серьезныхъ доводовъ для подкрѣпленія ея не приводится, да и врядъ ли они могутъ быть приведены. Тов. Устиновъ ссылается только на корреспондента «Освобожденія», который знакомъ съ «крестьянскимъ союзомъ», охватывающимъ 30 селъ и деревень и требующимъ общиннаго владѣнія на землю, продукты земли и сельско-хозяйственныя орудія. Въ «Воззваніи» крестьянамъ предлагается захватить и обратить въ общественную собственность всю землю, а также захваченныя у помѣщиковъ сельско-хозяйственныя орудія. Далѣе говорится: «еще лучше было бы, если бы взятую у помѣщиковъ въ общинное владѣніе землю не раздѣляли, а весь міръ пользовался бы ею безъ всякаго раздѣла и обрабатывалъ бы ее вмѣстѣ, артельно, сообща. Тогда можно было бы раздѣлить всю крестьянскую общину на тягла, въ каждомъ тяглѣ по одному или по два работника. По наряду выборнаго старосты всѣ выѣзжали бы одновременно на работу, вмѣстѣ, артельно производили бы вспашку, посѣвъ, свозили бы въ общее гумно или въ амбары и затѣмъ производили бы потягольный раздѣлъ: хлѣба зерномъ, сѣна—копнами, соотвѣтственно числу работниковъ».

Такимъ образомъ, крестьянамъ только рекомендуется устроить—и то не соціалистическій, а мѣстно-артельный, строй, организовавши производство и распредѣленіе внутри данной общины на новыхъ началахъ; но, разумѣется, не словесная пропаганда достаточна, чтобы заставить крестьянъ перейти къ общественному веденію хозяйства. Только убѣдившись долгимъ опытомъ, на массѣ примѣровъ, въ преимуществахъ общественнаго хозяйства, или

вынужденные экономической необходимостью, крестьяне могутъ перейти къ общественному хозяйству, но такого опыта они до сихъ поръ не имѣли и такой необходимости предъ ними не стоитъ. Разумѣется, мы не видимъ передъ собою той дилеммы, которую поставилъ тов. Л. «или мы вѣримъ въ соціалистическія, полусоціалистическія общинно-трудовыя традиціи, воззрѣнія и стремленія нашихъ народныхъ массъ, и тогда мы должны признать ихъ готовность къ соціалистической революціи, или не вѣримъ, и тогда мы не вѣримъ въ самыя отправныя идеи своего міровоззрѣнія». Въ дѣйствительности партія намѣрена использовать (какъ сказано въ проектѣ программы) «какъ общинныя, такъ и вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства и въ особенности взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся». Т.-е. партія имѣетъ въ виду общинно-трудовыя традиціи и воззрѣнія русскаго крестьянства, но не знаетъ у массъ соціалистическихъ и полусоціалистическихъ традицій и воззрѣній. Слѣдовательно, и послѣ революціи, передающей всю землю народу, сельско-хозяйственное производство и обмѣнъ будутъ, и можетъ быть, еще долго будутъ имѣть частный, а не общественный характеръ; сохранятся деньги, какъ орудіе обмѣна, и рынокъ, какъ неопредѣленное количество покупателей, и другая обстановка капиталистическаго строя; но онъ будетъ въ корнѣ подорванъ соціализаціей земли. Тов. Устиновъ называетъ революціонную коммуну (т.-е. общину) новымъ методомъ соціальной революціи,—которая имѣетъ быть во время грядущей русской революціи. «Каждая сельская община, говоритъ онъ, станетъ сама, на свой страхъ и рискъ, осуществлять свое политическое и экономическое освобожденіе». Это экономическое освобожденіе сведется, какъ мы видѣли, къ захвату частновладѣльческой земли и къ распредѣленію ея между общинами и общинниками. Въ этомъ, и только въ этомъ заключается для деревни грядущій экономическій переворотъ.

Перейдемъ теперь къ городу, гдѣ «В. Д. Л.» также ожидаетъ соціалистической революціи по новому методу — революціонной коммуны. Тов. Ш., какъ и другіе сотрудники «В. Д. Л.», считаетъ возможной въ городѣ такую коммуну, какая была въ Парижѣ въ 1871 г. Для нихъ это даже не только возможно, но и неизбѣжно, ибо вопросъ о коммунѣ для нихъ равносиленъ вопросу: «Можетъ ли рабочій народъ нашихъ русскихъ городовъ оказаться хозяиномъ положенія въ ближайшую революцію?»—Конечно, можетъ. Если будетъ революція, въ особенности успѣшная, то рабочій народъ непремѣнно окажется хозяиномъ положенія. Что онъ долженъ тогда дѣлать? На это отвѣчаютъ подробно тов. Ш. и «Воззваніе». Послѣ побѣды народа, ему надо хорошо вооружиться на случай новой борьбы; затѣмъ народъ выбираетъ довѣренныхъ въ городскую думу, организуетъ продовольственное дѣло; городскія земли объявляются общественною собственностью. «Фабрики и заводы переходятъ въ собственность города; городское общество (коммуна) будетъ ихъ хозяиномъ и станетъ отдавать ихъ въ распоря-

женіе рабочимъ артелямъ, которыя станутъ работать подъ ближайшимъ руководствомъ своихъ избранныхъ старостъ... Всѣ пустующіе дома и квартиры будутъ отданы бѣднотѣ; нездоровыя жилища будутъ снесены и застроены городомъ. Теперь городъ одинъ будетъ строить дома и отдавать ихъ безвозмездно своему населенію... Городъ же станетъ устраивать свои мастерскія—сапожныя, портняжныя и другія,—гдѣ будутъ работать артели сапожниковъ, портныхъ и др. рабочихъ». Кромѣ этихъ мѣръ, изложенныхъ въ «Воззваніи», тов. Ш. предлагаетъ еще конфискацію крупныхъ денежныхъ капиталовъ, уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, конфискацію всѣхъ магазиновъ и всѣхъ средствъ перевозки и обращенія товаровъ, запрещеніе наемнаго труда, организацію производства и обмѣна въ соотвѣтствіи съ вычисленными потребностями, организацію занятій для безработныхъ и т. д.

По поводу этого плана дѣйствій прежде всего замѣтимъ, что надо различать 2 періода времени: 1) военный, когда возставшій въ данномъ городѣ народъ будетъ на осадномъ положеніи и 2) мирный, когда самодержавіе уже побѣждено, и народъ-побѣдитель займется устройствомъ новой жизни. Разумѣется, пока идетъ война, народъ долженъ конфисковать всѣ средства продовольствія, правильно распредѣлить ихъ и организовать работы для удовлетворенія первыхъ потребностей, но въ это время народъ главнымъ образомъ пользуется богатствами, накопленными въ дореволюціонный періодъ; онъ потребляетъ ихъ, но самъ производитъ мало. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ возставшій городъ можетъ производить хлѣбъ, мясо, молоко, чай, сахаръ, керосинъ, табакъ и др. продукты первой необходимости, которые обыкновенно доставлялись ему изъ деревни и изъ другихъ мѣстностей. Ни въ военное, ни въ слѣдующее затѣмъ мирное время г о р о д ъ н е м о ж е т ъ б ы т ь с а м о д о в л ѣ ю щ е й х о з я й с т в е н н о й е д и н и ц е й, такъ какъ, повторяю, онъ не производитъ предметовъ первой необходимости, а получаетъ ихъ извнѣ, въ обмѣнъ на продукты своего производства, поэтому разъ городской коммунѣ предстоитъ захватить фабрики и заводы, стоящіе на ея территоріи, то ей столь же немедленно предстоитъ организовать производство не только для внутренняго потребленія въ коммунѣ, но и для того неопредѣленнаго рынка, гдѣ продукты города должны обмѣниваться на продукты деревни и др. мѣстностей. Кажется, «В. Д. Л.» не имѣлъ въ виду послѣдняго обстоятельства. А вѣдь какъ разъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ возстаніе имѣетъ больше всего шансовъ на успѣхъ, т. е. въ промышленныхъ городахъ съ массой пролетаріата, производство сосредоточено главнымъ образомъ на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ. Масса производящихся тамъ товаровъ назначается не только для даннаго города, но и для всей страны и даже для мірового рынка. Городская коммуна должна продолжать это производство, если не хочетъ создать безработицу для большинства рабочихъ.

Представимъ себѣ наиболѣе благопріятный для городской коммуны случай, когда всѣ капиталы и средства производства

даннаго города перейдутъ въ руки рабочихъ; допустимъ, что всѣ зданія и машины уцѣлѣли, и только вмѣсто прежнихъ хозяевъ и прежнихъ порядковъ явились новые выбранные народомъ завѣдующіе и артели рабочихъ. Для продолженія производства необходимы, во первыхъ, средства производства, т. е. сырые матерьялы, уголь, или другое топливо, машины и пр. Если отсутствуетъ хоть одинъ изъ этихъ факторовъ, производство не идетъ. У капиталистовъ устроена доставка этихъ предметовъ, капиталисты имѣютъ кредитъ (и нерѣдко вылетаютъ въ трубу при временномъ закрытіи кредита); матерьялы часто доставляются съ другого конца Россіи, иногда изъ-за границы. Разумѣется, рабочая коммуна не получитъ кредита у капиталистовъ, и трудно понять, откуда она получитъ эти средства производства. Но если бы она и получила ихъ (изъ другой коммуны или еще какъ-нибудь), то сейчасъ же встаетъ новое, второе затрудненіе—техническая организація производства. Для этого у капитализма имѣется цѣлый штатъ спеціалистовъ, инженеровъ, химиковъ и др., хорошо оплачиваемыхъ и большей частью буржуазно настроенныхъ, которыхъ коммуна врядъ ли завербуетъ на свою службу. Но допустимъ, что производство какимъ нибудь образомъ налажено, и съ технической стороны идетъ не хуже, чѣмъ шло у капиталистовъ. Главная задача и главное затрудненіе состоятъ въ опредѣленіи размѣровъ производства и въ организаціи обращенія товаровъ. Такъ какъ производство имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностей, то все количество продуктовъ должно соотвѣтствовать потребности въ нихъ, и это количество должно быть распредѣлено между существующими промышленными заведеніями. При капиталистическомъ строѣ это приспособленіе производства къ потребленію крайне несовершенно и обременительно для общества; общаго плана производства нѣтъ, каждый капиталистъ производитъ такой товаръ, какой считаетъ нужнымъ; цѣны товаровъ то поднимаются, то падаютъ, производство даннаго предмета то сокращается, то расширяется, постоянно налетаютъ потрясенія, кризисы и заминки, и въ результатѣ производство кое-какъ приспособляется къ потребленію.

Эту анархію производства и обмѣна соціалистическій строй долженъ замѣнить планомѣрнымъ ихъ регулированіемъ, т.-е., во первыхъ, опредѣлить потребныя количества каждаго продукта, во вторыхъ, распредѣлить ихъ производство между существующими въ странѣ промышленными заведеніями и затѣмъ доставить ихъ потребителямъ. Существуютъ только два эти способа достигнуть соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ: свободная конкурренція и планомѣрная организація. Если бы городская коммуна могла быть самодовлѣющей хозяйственной единицей, то нужно было бы разсмотрѣть вопросъ, какъ ей справиться съ этой планомѣрной организаціей. Но хозяйство городской коммуны непремѣнно должно быть связано съ остальной страной, такъ что для коммуны есть только два выхода. Первый таковъ: производство будетъ планомѣрно регулировано для всей

страны, и данной коммунѣ будетъ опредѣлено положеніе въ этомъ производствѣ. Пусть, напр., въ коммунѣ имѣются суконныя, хлопчатобумажныя и др. фабрики, заводы сельско-хозяйственныхъ машинъ и др.; такіе же фабрики и заводы находятся и въ другихъ городахъ; во избѣжаніе анархіи производства, данная коммуна должна знать, сколько именно должны производить ея фабрики и заводы. Это положеніе предполагаетъ уже готовую соціалистическую диктатуру для всей страны, и, слѣдовательно, совсѣмъ не то дѣло экономическаго освобожденія на свой рискъ и страхъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ коммунъ силами этихъ коммунъ, какъ это предлагаетъ «В. Д. Л.» Второй выходъ: городская коммуна ведетъ производство, не считаясь съ другими производителями и даже вступая въ конкурренцію съ ними—т. е. она выступаетъ на рынкѣ, какъ самая обыкновенная кооперація при капиталистическомъ строѣ, подверженная убыткамъ, заминкамъ въ производствѣ и кризисамъ. Такой исходъ наиболѣе вѣроятенъ, но кооперціямъ коммуны придется выдержать страшную борьбу противъ конкурренціи не только другихъ кооперацій, но и капиталистовъ, а между тѣмъ, ей предстоятъ не только технико-экономическія затрудненія въ производствѣ, но и непривычка и неумѣніе вести крупное промышленное дѣло.

Въ то же время передъ коммуной будетъ постоянно стоять страшный вопросъ о безработицѣ. Уже и теперь безработныхъ масса, во время революціи ихъ будетъ въ нѣсколько разъ болѣе, и городская коммуна можетъ помочь имъ въ самой слабой степени. Другое дѣло — соціализація земли: разумѣется, она сильно ослабитъ нынѣшній притокъ безработныхъ изъ деревни: и вотъ почему соціализація земли имѣетъ большое значеніе не только для деревни, но и для города; вотъ почему предварительное разрѣшеніе этой реальной задачи придвинетъ и облегчитъ разрѣшеніе другихъ. Тов. Ш. для занятій безработныхъ проектируетъ цѣлый рядъ новыхъ хозяйственныхъ предпріятій: работы по водоснабженію, электрическому освѣщенію, канализаціи и т. д. и т. д. Такихъ работъ можно изобрѣсти сколько угодно, но у коммуны должны быть средства для содержанія этихъ рабочихъ. А средства она получитъ, только обмѣнивая продукты своихъ кооперативныхъ фабрикъ и заводовъ; однако, извѣстно по опыту, что эти кооперціи, безъ гарантіи сбыта, еле-еле способны оплатить своихъ собственныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, безработные хлынутъ въ коммуну не только изъ ближайшихъ мѣстъ, но и изъ самыхъ далекихъ (какъ бываетъ и теперь), и коммунѣ придется устранять безработицу во всей странѣ — задача, которая по силамъ только соціалистическому государству. По тѣмъ же основаніямъ, она не можетъ рѣшить и жилищный вопросъ постройкой домовъ и безплатной отдачей ихъ населенію. Что же касается до частичной организаціи производства внутри коммуны, —сапожныхъ, портняжныхъ и др. мастерскихъ, то если бы и удалось соединить въ артели сапожниковъ и портныхъ (къ чему они врядъ ли имѣютъ большую склонность), то все-таки такой

опытъ не имѣлъ бы сколько нибудь серьезнаго значенія для соціальной революціи.

Мы видимъ, что революціонная коммуна, какъ себѣ представляетъ «В. Д. Л.», не даетъ никакого новаго метода соціальной революціи. Не будучи самодовлѣющей хозяйственной единицей, она не можетъ организовать общественное производство и обмѣнъ въ своихъ предѣлахъ, а тѣмъ болѣе, для всей страны; она способна только замѣнить капиталистическое хозяйство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ—кооперативнымъ, да и то ея кооперації, испытывая массу затрудненій по технической организаціи производства, съ большимъ трудомъ могутъ держаться на рынкѣ, по неопытности въ веденіи крупныхъ предпріятій. Кромѣ того, городская коммуна совершенно безсильна противъ безработицы массы. Методъ соціальной революціи остается все тотъ же: побѣда во всей странѣ и затѣмъ организація государствомъ, областью, коммуной etc. сообща производства и обмѣна,—когда будутъ готовы достаточныя матеріальныя и духовныя данныя (политическія, технико-экономическія и психологическія условія) для осуществленія такой организаціи.

У сотрудниковъ «В. Д. Л.» часто проглядываетъ мысль, что для соціальной революціи нужно только, чтобы сила была на сторонѣ рабочаго народа. Такъ, тов. Л. пишетъ: «Въ тотъ самый моментъ, когда боевой механизмъ современнаго русскаго государства подъ напоромъ революціи разсыплется въ пухъ и прахъ, когда и въ городѣ и въ деревнѣ рабочій народъ въ союзѣ съ революціонно-соціалистической интеллигенціей окажется полнымъ хозяиномъ положенія, лицомъ къ лицу съ дряблой и трусливой буржуазіей,—что можетъ помѣшать ему, народу, провозгласить всеобщую революціонную коммуну и приступить къ кореннымъ (хотя бы и постепеннымъ) соціалистическимъ преобразованіямъ?» (I, 4.) Тов. Ш. говоритъ: «Какая, въ самомъ дѣлѣ, сила у тѣхъ, кто держитъ народъ въ экономическомъ рабствѣ? Эта сила только въ томъ, что у нихъ въ рукахъ земля, фабрики, заводы, мастерскія, на которыхъ трудятся милліоны рабчаго народа. Но, если эти милліоны отнимутъ все это у нихъ, куда дѣнется ихъ сила? Смогутъ ли они помѣшать намъ? (—въ осуществленіи элементарныхъ соціалистическихъ требованій—II.) Конечно, нѣтъ, такъ какъ ихъ главный пособникъ, самодержавіе, также будетъ уничтожено, а самъ народъ будетъ вооруженъ» (I, 6). Въ отвѣтъ на это я долженъ напомнить элементарную истину, что для осуществленія соціализма необходимы: 1) переходъ власти къ соціалистически-мыслящимъ массамъ, 2) достаточная концентрація (обобществленіе) производства, такъ какъ немыслимо планомѣрно организовать производство милліоновъ мелкихъ хозяйствъ (конечно, концентрація не должна быть непремѣнно капиталистической), 3) то, что Каутскій назвалъ психологическими условіями соціальной революціи,—интеллигентность, дисциплина и организаторскіе таланты у рабочихъ,—качества, которымъ нельзя обучить въ короткое время. Рабочіе могутъ страстно ненавидѣть буржуазію,

могутъ ясно понимать общіе принципы соціализма и жаждать новыхъ порядковъ; они, можетъ быть, въ силахъ побѣдить буржуазію и овладѣть средствами производства, но и всего этого еще недостаточно для успѣшнаго и прочнаго соціалистическаго переворота. Если же рабочіе не въ состояніи организовать производство, а тѣмъ болѣе, если при ихъ неподготовленности, еще и технико-экономическія условія слишкомъ неразвиты и потому слишкомъ затрудняютъ дѣло такой организаціи, то съ легкой душой браться за это дѣло—значитъ уподобиться легкомысленной синицѣ, которая собралась зажечь море.

Но если грядущая революція еще не будетъ соціалистической, это не значитъ, что она будетъ чисто политической; наша борьба и борьба народа направлена прежде всего къ тому, чтобъ къ народу перешла вся земля; это—громадный переворотъ и тяжкій ударъ капиталистическому строю, хотя производство и обмѣнъ останутся, какъ прежде, частнымъ дѣломъ. Такъ какъ въ обрабатывающей промышленности мы еще менѣе можемъ въ ближайшую революцію организовать производство на соціалистическихъ началахъ, и оно будетъ, по общему правилу, вестись буржуазіей, то партія соц.-рев. можетъ сохранить указанныя въ проектѣ программы свои ближайшія цѣли: въ вопросахъ рабочаго законодательства «охрану духовныхъ и физическихъ силъ рабочаго класса и увеличеніе его способности къ дальнѣйшей борьбѣ» и т. д. (см. проектъ программы); въ вопросахъ муниципальнаго хозяйства веденіе городомъ городского хозяйства, широкія права по отчужденію и обложенію недвижимыхъ имуществъ и политика, благопріятная развитію кооперації.

Резюмируя сказанное, приходится прежде всего констатировать, что надежды «В. Д. Л.» на близость соціальной революціи въ Россіи основаны на незнакомствѣ съ громадностью и сложностью задачи, со средствами для ея осуществленія и съ отношеніемъ русскаго народа къ соціализму. Если же есть что-либо цѣнное въ разсужденіяхъ «В. Д. Л.» на эту тему, то это слѣдующее: 1) Въ военное время революціи народу придется организовать въ городѣ продовольственное и др. дѣла; нужно подумать, какъ справиться съ этими задачами, и изученіе Парижской Коммуны можетъ быть для этого цѣннымъ пособіемъ; 2) Захваченный крестьянами помѣщичій инвентарь можетъ послужить для начала кооперативнаго хозяйства въ деревнѣ,—точно такъ же, какъ въ городѣ нѣкоторые оставшіеся въ рукахъ народа фабрики и заводы. (Парижская Коммуна, какъ это не разъ подчеркиваетъ и тов. Ш., передала въ руки рабочихъ артелей тѣ фабрики и заводы, хозяева которыхъ бѣжали за версальскимъ правительствомъ). Такъ какъ съ этими случаями придется встрѣтиться на практикѣ въ ближайшемъ будущемъ, то Партіи Соц.-Рев. настоятельно необходимо разработать вопросъ о кооперацiяхъ, условіяхъ ихъ жизнеспособности и ихъ значеніи для соціализма.

Октябрь, 1905 г. *Антоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Выпускъ 1-й.

I. Международный соціализмъ. *Стр.*

1. Карлъ Марксъ. *Ю. Гарденинъ* 1
2. Къ вопросу объ эволюціи германской соціаль-демократіи. *Ред.* . . 10
3. Къ вопросу о силѣ и насиліи въ революціонной борьбѣ. *Подолянинъ.* 19
4. Марксизмъ и всеобщая стачка. *Ред.* 31
5. Насущные вопросы современной революціонной стратегіи. *Подолянинъ.* 44
6. Международный соціалистическій конгрессъ въ Амстердамѣ. *Ред.* . 61

II. Рабочій вопросъ.

1. Первое Мая. *Ю. Гарденинъ* 77
2. Прежде и теперь. *Ю. Гарденинъ* 81
3. Рабочее движеніе и наши тактическія задачи. *Ю. Гарденинъ* . . 90
4. Рабочее движеніе и жандармская политика. *Г. Гершуни* 102
5. Осложненія въ зубатовской политикѣ. *Тарасовъ* 107
6. Макіавелли охраннаго отдѣленія. *Б. Савинковъ* 115
7. Всеобщая стачка. *Ю. Гарденинъ* 123
8. Полицейскій законъ *Ю. Гарденинъ* 132

III. Крестьянскій вопросъ.

1. Ко всѣмъ работникамъ революц. соціализма. *Крест. Союза П. С. Р.* 143
2. Характеръ современнаго крестьянскаго движенія. *Ю. Гарденинъ.* 166
3. Соціализація земли и кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ. *Ю. Гарденинъ* 172
4. Соціаль-демократы и соціалисты революціонеры. *Н. Максимовъ* . 191
5. Аграрная программа русской соціаль-демократіи. *Н. Максимовъ* . 205
6. «Przedswit» объ аграрной программѣ «Искры». *И. Каляевъ* . . . 222
7. Русская крестьянская община и ближайшія задачи революціи. *Подолянинъ.* 230
8. Реакціонная демагогія и революціонный соціализмъ. *Ю. Гарденинъ.* 240
9. Въ отвѣтъ молодымъ товарищамъ. *Е. Брешковская.* 253
10. Ортодоксальные марксисты и крестьянскій вопросъ. *А. Бахъ* . . 260

VI. Разные вопросы.

1. Студенчество и революція. *Ю Гарденинъ* 267
2. Къ учащейся молодежи. *П. Новобранцевъ.* 289

II

3. Національное порабощеніе и революціонный соціализмъ. *Ю. Гарденинъ* 297
4. Національный вопросъ и революція. *Ю. Гарденинъ*. 307
5. Еще о національномъ вопросѣ. *Е. Брешковская* 317
6. Правительство провокаторовъ и его ослѣпленные союзники. *Ю. Гарденинъ* 236
7. Войско и революція. *Ю. Гарденинъ* 337
8. Организаціонный вопросъ. *Ю. Гарденинъ* 345
9. Маленькіе недостатки большого съѣзда. *Ю. Гарденинъ*. 354
10. Изъ дневника читателя. *М. Гоцъ* 366
11. По новоду «Вольнаго Дискуссіоннаго Листка». *Антоновъ* 372